Эван Мосли, Стивен Уайт

История сталинизма

Советская элита от Ленина до Горбачева

Центральный Комитет и его члены 1917–1991 гг.

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Государственный архив
Российской Федерации

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

EVAN MAWDSLEY
STEPHEN WHITE

THE SOVIET ELITE FROM LENIN TO GORBACHEV

THE CENTRAL COMMITTEE AND ITS MEMBERS, 1917–1991

OXFORD
UNIVERSITY PRESS
2000

ЭВАН МОДСЛИ
СТИВЕН УАЙТ

Советская элита от Ленина до Горбачева

Центральный Комитет и его члены 1917–1991 гг.

РОССПЭН

Москва
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-28
М74

Редакционный совет серии:
Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Модсли Э., Уайт С.

М74 Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. / Э. Модсли, С. Уайт ; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 431 с. : ил. – (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1604-9

Книга Э. Модсли и С. Уайта – единственное в своем роде исследование, охватывающее целую эпоху. Это коллективная биография советской политической элиты за 75 лет существования Советского Союза. Без подобных исследований невозможно понять, что такое советский режим и почему решающую роль в государственных делах играла руководящая элита. В советский период вся власть находилась в руках КПСС. А внутри партии всегда существовала группа людей, обладавших почти безграничными возможностями, хотя подразумевалось, что после революции граждане сами будут управлять государством. Используя в своих целях бюрократический аппарат, элита влияла на всех членов партии и – в более широком смысле – на все сферы жизни общества.

Книга снабжена иллюстрациями и графиками. Она предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей власти.

"The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev – The Central Committee and It's Members 1917–1991" was Originally published in English in 2000.
This Translation is published by arrangement with Oxford University Press
Оригинал под названием «The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev – The Central Committee and It's Members 1917–1991» опубликован на английском языке в 2000 г. Перевод на русский язык издается по соглашению с издательством Oxford University Press

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6-28

ISBN 978-5-8243-1604-9

© Evan Mawdsley and Stephen White, 2000
© Раскин А. Л., перевод на русский язык, 2011
© Российская политическая энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1953 г. умер Сталин. Это событие служит своеобразным водоразделом в истории Советской системы, начавшейся в 1917 г. и завершившейся ее гибелью в 1991 г. В 1954 г. началась оттепель. Представители советской элиты стали появляться на приемах в иностранных посольствах. Как вспоминал Уильям Хейтер, посол Великобритании в Москве, перемены последовали незамедлительно[1]:

> При Сталине их узнавали сразу. Это были плотные, крепко сбитые, пожалуй, немного грузные люди. Они носили глухие черные плащи и на торжественных парадах стояли на трибуне ленинского мавзолея. Во время застолий они держались еще более скованно, шептались между собой и послушно пили всякий раз, когда вождь предлагал тост. Их трудно было отличить друг от друга; разве что кто-то носил усы, а кто-то другой – очки; это люди примерно одинаковой комплекции: невысокие, коренастые, мускулистые, но описать каждого из них невозможно.

Времена менялись, но даже после оттепели партийная элита казалась обезличенной. Причина крылась в советской секретности и напряженных отношениях с Западом. Спустя 25 лет после визита Хейтера в Москву один из виднейших советологов, изучавших элиту, отмечал: «...лишь когда мы начали понимать, что система – это живые люди с их надеждами, приоритетам и интересами, и что все это время они менялись, мы смогли отойти от наших прежних абстрактных схем»[2]. В настоящее время Советский Союз стал историей. И, изучая систему, меньше всего нам бы хотелось видеть перед собой ряд «безликих людей, которых невозможно описать». В изложении истории СССР мы не станем ограничивать себя какой-то одной точкой зрения. Мы привлечем материалы архивов, мемуары и, насколько это возможно, другие свидетельства, в том числе интервью с представителями советской элиты.

Наше исследование – единственное в своем роде хотя бы потому, что мы располагаем уникальными источниками. И потом, наша книга

---

[1] Hayter W. A Double Life. – London, 1974. P. 103.

[2] Hough F. J. The Soviet Leadership in Transition. – Washington, 1980. P. 15.

охватывает целую эпоху, это коллективная биография – жизнеописание советской политической элиты за 75 лет существования Советского Союза. Без подобных исследований невозможно понять, что такое советский режим и почему решающую роль в государственных делах играла руководящая элита. В советский период вся власть находилась в руках КПСС. А внутри партии всегда существовала группа людей, обладавших почти безграничными возможностями. Используя в своих целях бюрократический аппарат, они влияли на всех членов партии и – в более широком смысле – на все сферы жизни общества. В СССР по крайней мере до конца 1980-х гг. не было всеобщих выборов, на которых правящая партия могла бы потерять власть. Отсутствовала свободная пресса, имевшая возможность критиковать ее действия. В стране не имелось независимых судов, которые могли бы призвать высокопоставленных чиновников к ответу. Следовательно, вся государственная власть в Советском Союзе – пока существовала эта крупнейшая в мире держава – принадлежала небольшой группе людей. Троцкий называл этих избранных бюрократией, Милован Джилас – новым классом. Позднее советологи ввели определение «номенклатура»[3]. Другие определяют их как элиту. В конце 1980-х гг. сами советские авторы называли их правящей элитой[4]. Однако под всеми этими названиями подразумевается одно и то же явление: группа людей, использующих государственную власть в своих интересах, хотя считалось, что после революции граждане сами будут управлять государством.

Элита существовала во многих государствах. Но только в СССР она представляла правящий слой со строго определенными характеристиками. В западных обществах существуют различные пути продвижения на вершину социальной пирамиды: богатство, политическая власть, профессиональный статус и духовный авторитет. Однако в советском обществе дело обстояло особым образом. Важнейшую роль играл сам режим: ведь *номенклатура* – это люди, которые занимали высшие посты в правительстве, участвовали в управлении экономикой и общественной жизнью. Их статус был высок еще и потому, что все они являлись членами правящей партии. Советская элита сформировалась внутри партийного аппарата. Допустим, что общество представляет собой пирамиду (здесь Советский Союз не исключение). Тогда возникает вопрос: где провести воображаемую линию, отделяющую элиту от остальной части этой пирамиды? Мы можем отнести к элите лишь представителей высших эшело-

---

[3] Троцкий Л. Преданная революция. – М., 1991; Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. – London, 1957; Voslensky M. Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class. – London, 1984.

[4] «[Ельцин] уже входил [в 1986 г.] в правящую партийную элиту, будучи членом ЦК» – писал Георгий Шахназаров (Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. – М., 1993. С. 155).

нов власти – членов Политбюро и Секретариата. В то же время ничто не мешает нам считать элитой всех членов коммунистической партии[5]. Есть и третий вариант: найти критерии, конечно, не претендующие на истину и не бесспорные, позволяющие установить ранг чиновников, которых можно отнести к элите. Сам Сталин в 1937 г. говорил о «генералитете партии», подразумевая 3–4 тысячи представителей ее руководства[6]. Мы предпочитаем называть элитой членов ЦК КПСС. Это решение подсказывает сам политический режим. Таким образом легко определить принадлежность того или иного человека к элите. Нужно лишь установить, является ли он членом ЦК. В период с 1917 по 1991 г. членами ЦК (или кандидатами в члены ЦК) были 1932 человека. У нас есть относительно подробные биографии этих людей. К тому же, высших чиновников не так уж много – значит, все данные можно обработать на компьютере.

Все члены Политбюро и Секретариата обязательно являлись членами ЦК. На первом этапе они составляли немалую его часть. Со времен Хрущева среди членов ЦК появляется небольшая, но быстро растущая группа «простых людей с партийным билетом», охватывавшая представителей всех эшелонов власти и партийных рангов, включая доярок и крановщиков. Партия была руководящим аппаратом, поэтому в нее принимали людей из тех социальных групп, интересы которых, по заявлению самого правительства, находились под защитой государства. Так, число женщин – членов ЦК и совсем молодых партийцев неуклонно росло. Но оставим в стороне таких «людей с партийным билетом». И что же мы видим? Члены ЦК – это не индивидуумы, не личности в полном смысле этого слова; они исполняли определенную роль, отвечавшую интересам режима. Каждый член ЦК имел политический вес соответственно занимаемому посту. Кто же был представлен в Центральном Комитете? Министры, первые секретари обкомов, послы, генералы, представители правоохранительных органов, главные редакторы ведущих партийных изданий, руководители профсоюзов и директора крупных предприятий, комсомольские лидеры, президент Академии наук и просто писатель.

---

[5] Широкую известность получили исследования, использующие одни из этих подходов: Löwenhardt J. The Rise and Fall of the Soviet Politburo. – London, 1992; Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR 1917–1967. – Princeton, 1968.

[6] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 14. В царской армии под генералитетом понималось высшее командование, генералы. Сталин, в свою очередь, по отношению к высшему руководству использовал термин «руководящий слой». Ниже генералитета располагались *средние руководители* (30–40 тыс. человек) – «офицерство» партии. Далее находилось «младшие командиры» – «унтерофицерство» партии (100–150 тыс. человек).

Состав элиты со временем менялся, мы еще отметим эту особенность. В общем, элита – это *номенклатура*, а точнее *номенклатурная верхушка*[7]. Номенклатуру представлял ЦК. Истории этой организации и посвящена наша книга.

Мы не случайно взялись за это исследование, хотя работа потребовала массу усилий и времени. ЦК как государственный институт существовал очень долго (по крайней мере по советским меркам), и этот факт уже сам по себе примечателен. Центральный Комитет являлся органом власти более 70 лет. Членов ЦК обычно назначали на съездах коммунистической партии, и все назначения оставались действительными до следующего съезда. С 1917 по 1990 гг. было избрано всего 22 состава ЦК. Каждый из них – нечто вроде моментального снимка, и мы можем видеть, как менялась советская элита на протяжении своего существования. В последние десятилетия состав ЦК расширялся. В 1986 г. в него входили 307 полномочных членов и 170 кандидатов (показатели 1986 г. – максимальные). Для сравнения напомним, что в 1917 г. состав ЦК был в 15 раз меньше: 21 член и 19 кандидатов в члены ЦК. Очевидно, что «штат» партии увеличивался по мере развития советской системы. Вплоть до середины 1920-х гг. состав ЦК обновлялся ежегодно, так как съезды партии проводились каждый год. Позднее это правило не соблюдалось, и между съездами зачастую проходило немало времени (например в период с 1939 по 1952 г.).

ЦК является объектом научных изысканий. Советологи пытаются решить вопрос о том, насколько значительна его роль в советской системе. ЦК не просто перечень «советской знати», а государственный институт. Его членов выбирали на съездах партии, и они занимали свои посты до следующего съезда. По убеждению большевистских лидеров в 1917 г., ЦК обладает почти неограниченной властью: «представляет партию в сношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью,.. распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии». В 1919 г. в устав партии были внесены дополнения, согласно которым ЦК «направляет работу центральных советских и общественных организаций через партийные группы в них». Члены ЦК разными способами осуществляли этот контроль в течение 70 лет, пока не распался СССР. В одном из своих выступлений в 1930-е гг. Сталин отмечал, что в ЦК, «который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями. <...> В этом ареопаге (холм, где заседал афинский аристократический совет. – *Э. М., С. У.*) сосредоточена мудрость нашей партии». Полвека спустя Горбачев назвал ЦК

[7] Об определении «номенклатурная верхушка» см.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. С. 230.

мозгом партии. Для его советника Георгия Шахназарова ЦК оставался «мозгом и мотором всей системы власти и управления». Для одного из членов ЦК даже в 1989 г. само понятие ЦК было священным[8].

Первые шесть глав этой книги построены по хронологическому принципу. Речь в них идет о советской элите эпохи революции и первых лет советской власти. Затем мы проанализируем ее состав в 1920–1930-е гг. – время расцвета сталинизма – и далее перейдем к периодам правления Хрущева, Брежнева и Горбачева. Мы опишем характерные черты партийной элиты разных лет, что, безусловно, найдет отражение в главах нашей книги. Прежде всего мы изучим элиту – привилегированную группу людей – как явление. Многочисленна ли она? Как часто менялся ее состав? Каковы отличительные черты элиты разных лет? Каков возрастной ценз в ее рядах? Сколько женщин входило в ее состав? Сколько русских, евреев и людей с высшим образованием принадлежали к советской элите? Как менялся ее облик с 1917 по 1991 г.?

Даже собрав все доступные данные, едва ли мы ответим на вопрос, что такое советская элита. Предположим, мы изложим все, что нам известно. Тогда эта книга в лучшем случае будет отстраненной и умозрительной. В худшем – читатель столкнется с отвлеченными выводами и эмпирическими умозаключениями. Элита интересна прежде всего как совокупность живых людей. Во второй части каждой главы мы представим анализ партийной карьеры некоторых ее избранных представителей (при составлении их биографий использованы мемуары, архивы, фотографии и интервью). Таким образом, перед читателем предстанет не безликая масса, а конкретные лица. В каждой главе мы познакомим его с историями двух-трех человек: всего предлагается 15 биографий, начиная с большевика Николая Крестинского и завершая главой профсоюзов СССР Виктором Мишиным, родившимся на 60 лет позже Крестинского. Мы пришли к выводу, что не стоит излагать биографии самых известных политических деятелей СССР. Заранее просим нас извинить за подобную непоследовательность, за то, что знакомим читателя с рядовыми представителями советской элиты. Для каждого периода выбраны наиболее интересные личности, о которых существует обширная биографическая и автобиографическая литература. Те 15 персонажей, которых мы выбрали, представляют некий социальный слой или социальное явление. В данном случае имеет

---

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. – М., 1983–1989. Т. 1. С. 589–591, Т. 2. С. 201–209; Сталин И. В. Сочинения. – М., 1951. С. 107; Воротников И. В. А было это так... Из дневника члена политбюро ЦК КПСС. – М., 1995. С. 337 (здесь он цитирует Горбачева); Шахназаров Г. Цена свободы... С. 501; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 85 (здесь приводятся слова Александра Чаковского, которые он произнес на пленуме ЦК в декабре 1989 г.).

значение и исторический фон, и их профессиональная или политическая деятельность. Среди них – старый большевик и подпольщик, украинский активист, несколько крупных министров и первых секретарей обкомов, генерал, молодой партийный активист и т. д.

В третьем разделе каждой главы мы подводим итоги и рассказываем, как члены ЦК пользовались своим влиянием (поскольку ЦК – одновременно мозг партии и политическая арена для представителей элиты). Пленарные заседания (пленумы) ЦК были своеобразной проверкой для элиты: способны ли высшие партийные чины принимать важные решения? Иногда даже Сталин не мог себе позволить пренебрежительное отношение к пленумам. Мы не станем детально описывать политику СССР. Однако в каждой главе проанализируем изменения в постановлениях и резолюциях ЦК (поскольку именно его членов мы относим к элите). Отметим все сбои в работе этого органа – своеобразные приливы и отливы в его собраниях и резолюциях[9]. Сталину ЦК нужен был для укрепления собственной власти. Хрущев с его помощью боролся со своими соперниками в партийном руководстве (например в 1957 г.). При Горбачеве члены ЦК вдруг осознали свою значимость и попытались обернуть ее в свою пользу. Они критиковали официальную политику и стремились оказывать значительное влияние на ее формирование. Роль ЦК в партии так и не была до конца институализирована, что свидетельствовало о трудностях, с которыми сталкивалась партийная элита в своих отношениях с высшим руководством (или самим диктатором). Эта ситуация была частью более серьезной, так и не разрешенной проблемы: как выстроить отношения между руководством и рядовыми членами партии, между политическим режимом в целом и обычными гражданами, чтобы каждый из них считал их приемлемыми. В конце шестой главы мы попытаемся ответить на следующие вопросы: мог ли ЦК в конце 1980-х гг. воспользоваться удачным моментом и стать частью процесса демократизации, средством, с помощью которого его члены могли бы усилить влияние на политику партии?

В седьмой и восьмой главах мы затронем вопросы, заинтересовавшие нас в ходе исследования партийной элиты. В частности, в седьмой главе выясним, в какой степени члены ЦК представляли советское общество, рядовых партийцев и высшее руководство. Мы рассматри-

---

[9] Как вели записи пленумов ЦК? По-разному. Иногда все, что говорилось, записывали стенографисты, бывало, что тексты всех выступлений печатали и копировали. – См.: Артизов А. Н., Наумов О. В. Некоторые проблемы публикации документов пленумов ЦК ВКП(б)–КПСС // Новая и новейшая история. № 4. 1998. С. 66–76; Arch G. J. Samokritika Rituals and the Stalinist Central Committee, 1937–1938 // Russian Review. 1999. Vol. 58. № 1. P. 49–70 (здесь речь идет об особой стилистике языка в один из самых интересных периодов истории ЦК).

ваем членов ЦК как привилегированный слой. А что думали о себе они сами? Показательны слова сына Андрея Громыко: «подавляющая часть партийцев работала честно и с полной отдачей сил». По его мнению, благодаря их усилиям СССР одержал победу над фашистской Германией, а в послевоенные годы они внесли неоценимый вклад в восстановление страны[10]. Впрочем, и в первые годы советской власти некоторые из них имели материальные преимущества, и этим они отличались от рядовых членов партии (не говоря уже о простых советских гражданах). Члены ЦК уподобились правящему капиталистическому классу. В восьмой главе рассмотрим несколько поколений советской элиты и выясним, какую роль они сыграли в истории СССР. Последний вопрос, который мы затронем, звучит так: насколько долго члены ЦК сохраняли влияние после распада Советского Союза?

В исследовании мы придаем особое значение нескольким ключевым концепциям. Одна из них – это соотношение тенденций обновления и преемственности в формировании ЦК. Иными словами, как изменялся его состав в результате партийных съездов и между съездами[11]. Обычно, если в дело не вмешивались чрезвычайные обстоятельства, на очередном съезде партии кандидат в члены ЦК становился его членом. До тех пор пока он сохранял за собой партийный или государственный пост, благодаря которому занял место в Центральном Комитете, он мог не беспокоиться, что его не переизберут на следующем съезде. Впрочем, вариантов расстановки сил всегда было несколько: перемены происходили всякий раз, когда новая элита стремилась упрочить свои позиции. Как и почему это делалось? Трудно ответить на этот вопрос. Мы не знаем, существовали ли общие тенденции изменений состава ЦК (если у них в разные периоды есть хоть что-либо общее). Особую трудность для исследователя представляют последние десятилетия советского строя.

Обновление и преемственность имеют прямое отношение к другой ключевой концепции нашего исследования – системе должностных вакансий. Последняя отображает процесс, посредством которого ЦК все больше принимал вид предсказуемого набора людей, занимавших клю-

---

[10] Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. – М., 1997. С. 207.

[11] Строго говоря, до 1990 г. членов ЦК выбирали только на съездах КПСС. Но для того чтобы кандидат в члены ЦК стал полномочным членом, не нужно было созывать съезд. Кроме того, встречались исключения из правил: на XVIII съезде партии в 1941 г. полномочными членами ЦК стали не только кандидаты, но и рядовые члены партии. Этой теме посвящена обширная статья. См.: Cassteveńs W. T., Ozinga R. J. The Soviet Central Committee Since Stalin: A Longitudinal View // American Journal of Political Science. 1974. Vol. 18. № 3. P. 559–568.

чевые государственные и партийные посты, чем органа, состоявшего из индивидуальностей, добившихся политического влияния благодаря своим личным качествам. Первым обратил на это внимание Роберт Даниелс. Его выводы основаны на предположении, которое разделяют авторы этой книги: «установилась органическая и естественная в таких обстоятельствах связь между определенным набором должностей в государственным и партийном аппарате и статусом члена ЦК для человека, который ее занимал». Даниелс рассматривает ЦК как «четко структурированный набор "должностных вакансий", который, в общем и целом, остается неизменным. Членство в ЦК влекло за собой статус принадлежности к элите, который сохранялся до тех пор, пока его человек занимал определенную должность»[12]. Это правило распространялось на всех кандидатов и членов ЦК или ЦРК[13]. Должностные вакансии и членство в ЦК были органически связаны, поэтому число его членов неуклонно увеличивалось, по мере того как росли и усложнялись административная и экономическая системы. Появлялось все больше должностей, считавшихся достаточно важными, чтобы занимавшие их руководители были представлены в ЦК. Если чиновник терял свою должность, а вместе с ней и статус принадлежности к элитарной группе, это чаще всего не влекло немедленного исключения из ЦК. Как правило, он оставался в составе высшего партийного органа до очередного съезда. Впрочем, бывали и исключения. Они могли носить важный и даже драматический характер, как, например, период Большого террора или весна 1989 г., когда около сотни подобных «мертвых душ» были вынуждены уйти в отставку.

Особое внимание мы уделяем смене поколений государственных чиновников. Важно ли то, к какому поколению принадлежат политические деятели и избиратели? Исследования политических систем западных государств показали, что это имеет большое значение. К примеру, есть разница между поколением «нового курса» Ф. Д. Рузвельта в США[14] и «поколением 1968 года», представители которых через

---

[12] Daniels V. R. Office Holding and Elite Status: The Central Committee of the CPSU // The Dynamics of Soviet Politics / ed. P. Cocks et. al. – Cambridge, 1976. P. 78.

[13] Книга и без того имеет большой объем и насыщена событиями, поэтому мы не будем касаться ЦРК (Центральной Ревизионной Комиссии). В отличие от ЦК она работала не весь советский период. Формально эта организация осуществляла контроль над деятельностью партии и дисциплиной. На практике в поздний советский период ЦРК – это «привилегированная категория чиновников, их статус считался чуть ниже кандидата в члены ЦК» (цит. по: Daniels V. R. Office Holding... P. 85).

[14] Исследователи выделяют три поколения избирателей: сформировавшихся до «нового курса», в период «нового курса» и после него. См., например: Miller E. W., Shanks J. M. The New American Voter. – Cambridge, 1996. P. 23.

20–30 лет пытались примирить свой юношеский максимализм с необходимостью платить по кредитам и кормить растущие семьи. Советская система также воспитала несколько поколений своих граждан[15]. У каждого из них был свой характер и особенности: кто-то участвовал в подпольном революционном движении, в революции и гражданской войне, другие жили в годы Великого перелома и сталинских репрессий, значительному числу советских граждан довелось пережить Вторую мировую войну. Российские исследователи пишут о поколении 1960-х и называют молодежь тех лет шестидесятниками или детьми XX съезда, так как именно на нем Н. С. Хрущев объявил о развенчании культа личности Сталина и инициировал процесс десталинизации. Представители этого поколения вошли в состав советской элиты в 1980-х гг. В своей новаторской работе советский демограф Борис Урланис проследил историю поколения 1906 г. вплоть до конца 1960-х. В другом исследовании, появившемся несколько позже, прослеживаются судьбы поколения 1924 года – года, когда умер Ленин[16].

В этой книге исследуются четыре поколения советских граждан. Условно мы делим историю СССР на двадцатилетия. Первое поколение, согласно нашей концепции, – люди, родившиеся не позднее 1900 г. (в основном, после 1880 г.). Их, достигших совершеннолетия к 1917 г., можно отнести к поколению старых большевиков. Они вершили государственные дела СССР, но после репрессий 1937–1938 гг. немногие из них уцелели. Эти люди застали не только Октябрьскую революцию 1917 г., но и социальную революцию 1920–1930-х гг. Второе поколение – люди, родившиеся в период с 1901 по 1920 г. Их называют брежневским поколением или поколением 38 года. Все они получили образование в эпоху первых пятилеток, а первые назначения – после чисток 1937–1938 гг. Представители поколения 38 года занимали руководящие посты до 1970-х гг. Они не только инициировали развенчание культа личности, но способствовали постепенному возврату к централизации власти, что ко времени смерти Брежнева привело к полной стагнации. Третье поколение – люди, которые родились между 1921 и 1940 гг. К нему принадлежали М. С. Горбачев и другие политики, испытавшие воздействие

---

[15] См., например: Nagle D. J. A New Look at the Soviet Elite: A Generation Model of the Soviet System // Journal of Political and Military Sociology. 1975. Vol. 3. № 1. P. 1–13; Nagle D. J. System and Succession: The Social Bases of Political Elite Recruitment. – Austin, 1977.

[16] Урланис Б. Ц. История одного поколения (социально-демографический очерк). – М., 1968. С. 86. О «поколении 1924 года» см.: Квок Д. Это было давно... – М., 1994. Позднее российские и французские исследователи интервьюировали представителей 68 семей, чтобы проследить изменения, происходившие из поколения в поколение. См.: Судьбы людей. Россия XX век. Биографии семей как объекты социологического исследования / под ред. В. Семенова и Е. Фатеева. – М., 1996. С. 9.

XX съезда партии. В 1970-х гг. Горбачев и его соратники уже занимали ответственные посты. Однако высшие эшелоны власти при Брежневе были для них недосягаемы из-за застоя кадров. Только после 1985 г. они выдвинулись на лидирующие позиции, но, как выяснилось, ненадолго. Когда Горбачев взял курс на перестройку, почти все высокопоставленные лица времен застоя оказались не у дел. В новую политическую элиту вошли совсем другие персоны. Многие властные органы приняли иную конфигурацию. И, наконец, четвертое поколение – родившиеся после 1940 г. Их роль в политическом развитии достаточно ограничена. Но именно представители этого «несостоявшегося» поколения советских лидеров, избранные в состав ЦК на последнем партийном съезде в 1990 г., обеспечили переход к посткоммунистическому периоду[17].

Десять лет назад мы задумали это исследование под рабочим названием «Проект по изучению советской элиты». Но после распада СССР судьба книги могла оказаться еще трагичнее, чем участь Советской державы. Мы оказались в тупике: неожиданно у нас появились новые возможности для исследований. Начнем с того, что все партийные архивы стали доступны, точно так же как публичные архивы в любом другом развитом государстве. Один из авторов этой книги (Стивен Уайт) помнит свой первый визит в Москву в 1992 г. Он отправился в архив Института марксизма-ленинизма, переименованный в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)[18].

– Что вам принести? – спокойно спросили его сотрудники архива. – Бумаги Сталина или протоколы Политбюро?

– Коньяк! – ответил ошеломленный Уайт. Такого поворота событий он никак не ожидал.

Работа с документами российских государственных архивов (фонды бывшего Институт марксизма-ленинизма также находятся в них на хранении) до сих пор представляет немало трудностей для исследователя. Например, есть вероятность, что вы не сможете попасть в архив, так как в здании отключили электричество за неуплату. В материалах архива трудно ориентироваться, а к некоторым до-

---

[17] Джерри Хью для хронологически более узкого периода также выделяет четыре поколения: брежневское, представители которого появились на свет в период между 1900 и 1909 гг.; поколение 1910–1918 гг., слишком молодое, чтобы в конце 1930-х достигнуть политических высот; поколение военных лет, «повзрослевших незадолго до начала или во время второй мировой войны», и поколение послевоенных лет (родившихся после 1925 г.). См.: Soviet Leadership in Transition... Ch. 3.

[18] В настоящее время фонды бывшего Института марксизма-ленинизма находятся на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), образованном в марте 1999 г. в результате объединения РЦХИДНИ с Центром хранения документов молодежных организаций (бывший Центральный архив ВЛКСМ). – *Прим. ред.*

кументам нельзя получить доступ без особого разрешения. Впрочем, при советском режиме все важные бумаги и документы обычно хранили и не уничтожали, архивы, несмотря на ограниченность доступа, были укомплектованы штатом сотрудников вплоть до 1990-х гг. С момента открытия архивов для исследователей их влияние прослеживается во всем, что написано о советской системе. Новые сведения легли и в основу этой книги. Партийные документы за период до 1952 г. содержатся в РЦХИДНИ. Материалы о последующих периодах были почерпнуты в фондах Центра хранения современной документации (ЦХСД)[19], созданного на основе текущего архива Общего отдела ЦК.

В архивах представлены, конечно, не только партийные документы и рукописные собрания. Работая над этой книгой, мы изучили документы из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также использовали фотографии из Российского государственного архива кино- и фотодокументов (РГАКФД) в подмосковном Красногорске, (большинство иллюстраций в этой книге взяты из его фондов). Доступны также аудиозаписи тех лет. Правда, немногие из них имеют прямое отношение к деятельности ЦК, так что они не были достаточно полезными для нас. (Всего три пленума – в декабре 1959 г., ноябре 1962 г. и июле 1963 г. – записывались на пленку, чтобы сохранить их для будущих поколений[20].)

Доступ в архивы – не единственная отличительная черта начала 1990-х гг. В Лондоне мы ознакомились с расшифровками записей интервью, подготовленных BBC для серии передач о «второй российской революции»[21]. «Устная история» советского периода делала в то время лишь первые шаги, но нам удалось воспользоваться опубликованными расшифровками записей бесед с видными политическими деятелями хрущевской эпохи, подготовленными для Центрального партийного архива[22]. Еще важнее то, что нам удалось проинтервьюировать некоторых представителей советской партийной элиты, хотя (что вполне естественно) они и принадлежали к ее последним поколениям[23]. Мы стремились

---

[19] С 1999 г. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – *Прим. ред.*

[20] Центральный государственный архив звукозаписи СССР: очерк-путеводитель. – М., 1991. С. 19.

[21] Эти материалы были опубликованы. См.: Roxburgh A. The Second Russian Revolution. – London, 1991.

[22] См.: Хрущевские времена. Запись Н. А. Барсукова // Неизвестная Россия: XX век / под. ред. В. А. Козлова и др. М., 1992. С. 270–304. Общий обзор см. в: Khubkova D. After Glasnost: Oral History in the Soviet Union // Memory and Totalitarianism / ed. L. Passineri. – Oxford, 1992. P. 89–101.

[23] White S., Kryshtanovskaia O., Kukolev I., Maundsley E, Saldin P. Interviewing the Soviet Elite // Russian Review. 1996. Vol. 55. № 2 (Apr.). P. 309–316.

встретиться со всеми здравствующими членами ЦК, избранными и переизбранными в период с 1966 по 1986 г. Удалось побеседовать примерно с сотней людей. Многие собеседники говорили охотно и долго. Десять раз мы разговаривали на разные темы с Яковом Рябовым, первым секретарем свердловского горкома, а затем членом Секретариата ЦК. В общей сложности наши беседы с ним продолжались 27 часов, хотя обычно интервью занимало 3–5 часов. Систематизировать все нам помогли сотрудники Института социологии РАН. В 1992 и 1993 гг. в этой кропотливой работе принимали участие и мы. Так как все интервью записывались на пленку, они были транскрибированы для дальнейшего анализа. Мы разделили интервьюируемых на две группы: «министры» – те, кто всю жизнь проработал в одной отрасли и (партийные) «секретари» – ответственные работники, часто перемещавшиеся по стране и занимавшие разнообразные должности. Кроме того, мы встречались с комсомольскими лидерами, военными (генералами и адмиралами), председателем КГБ, несколькими послами, ректором МГУ, журналистами партийных изданий и передовиком производства[24].

В дополнение к этому мы использовали опубликованные источники, стремясь извлечь из них всю возможную информацию: протоколы партийных съездов, биографические и статистические справочники, очерки по истории деятельности партии на местах и в национальных республиках и, конечно, некрологи и мемуары. Период 1930-х, 1940-х и, пожалуй, начала 1950-х гг., когда у власти стояли, как отмечал Хейтер, «плотные, крепко сбитые» люди, особенно скуден на свидетельства современников и биографические сведения. Изучение советской элиты 1950–1980-х гг. продвигалось быстрее и успешнее: этот период широко освещен в исторических источниках. Тогда регулярно выходила брошюра «Депутаты Верховного совета». В ней собраны сведения о депутатах Верховного совета, бывших по совместительству членами ЦК[25]. Наряду с ней суще-

---

[24] О методологии интервьюирования представителей элиты см.: Research Methods for Elite Studies / ed. G. Moyser, M. Wagstaffe. – London, 1987; Studying Elites Using Qualitative Methods / ed. R. Hertz, J. B. Imber. – London, 1995. Из российских исследований по этой теме см.: Беляновский С. А. Методика и техника фокусированного интервью. – М., 1993. В своей работе мы брали за образец исследование Терезы Торанской, изучавшей польскую правящую элиту послевоенных лет. См.: Toranska T. Oni: Stalin's Polish Puppets. – London, 1987. Другие историки рассматривают эту проблему в контексте интервьюирования «обычных, заурядных людей». – См.: Fest C. J. The Face of the Third Reich. – London, 1970. Однако одно из в недавних исследований базируется на интервью с чиновниками, ответственными за принятие ключевых решений в экономике в позднесоветский период. См.: Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History. – Armonk, 1998.

[25] Брошюра «Депутаты Верховного совета» выходила в издательстве «Известия» раз в 4–5 лет (после очередных выборов в депутаты Верхов-

ствуют великолепные западные справочные издания[26]. Также важным источником информации являлась пресса тех лет. В связи с этим полезным оказался Советский биографический архив, включающий более миллиона вырезок из газет, содержащих сведения о 50 000 видных государственных деятелях СССР послевоенных лет[27].

С 1988 г. началась перестройка и эпоха гласности. Появилась дополнительная справочно-биографическая литература, стали выходить публикации о представителях политической элиты[28]. Много информации о членах ЦК, избранных и переизбранных в 1986–1990 гг. В подражание американскому стилю появились сведения о женах, детях и внуках высших руководителей государства[29]. Однако сведения о первом поколении советской элиты обрывочны. До того как была опущена завеса сталинской секретности, появилось несколько достоверных

ного совета СССР). Открытая публикация перечня состава ЦК в СССР не была принята, однако в 1980-х гг. появился почти полный список его членов. См.: Состав центральных органов КПСС, избранных XXVI съездом партии: Справочник. – М., 1982. Для понимания недостатков советских биографических справочников можно обратиться к предисловию Владимира Ивкина к ст.: Руководители Советского правительства (1923–1991): Историко-биографическая справка // Историк. 1996. № 4. С. 152–154.

[26] The Composition of the Leading Organs of the CPSU (1952–1982): CPSU CC Politburo and Secretariat Members; CPSU CC Full and Candidate Members: CPSU Central Auditing Commission Members / ed. H. Kraus. – Munich, 1982; Kraus H. Состав руководящих органов КПСС. – Munich, 1977; Levytsky B. The Soviet Political Elite. – Stanford, 1970; Schulz H. E. et al. Who Was Who in the USSR. – Metuchen, 1972.

[27] Данный архив был выполнен на микрофишах компанией Chadwyck-Healey в сотрудничестве с Радио «Свобода» и Институтом Гувера (Стэнфорд, США).

[28] Особую ценность представляет следующее издание: Состав руководящих органов Центрального Комитета КПСС – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1991 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 69–136. Отредактированная версия вышла под названием: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: Справочник. – М., 1990. См. также: Чернев А. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах. – М., 1996. О руководящих государственных работниках см.: Ивкин В. И. Руководители // Источник. 1996. № 4. С. 152–192; № 5. С. 135–160; приложение к книге: Коржихин Т. П. Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М., 1994.

[29] За 1986 г. см.: Руководящие органы Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 9–31; Состав Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 45–53; № 6. С. 21–70. За 1990 г. см.: Политбюро и секретари Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 6–62; Состав Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 28–51; № 11. С. 31–62; № 12. С. 27–56.

источников информации: например, энциклопедия «Гранат» и первые тома «Большой советской энциклопедии»[30]. Повороты судьбы, как известно, причудливы: десталинизация времен Хрущева и даже более умеренные откровения брежневских десятилетий поместили в центр внимания старых большевиков – «мучеников» первых двадцати лет советской власти. В то же время сподвижники Сталина остались в тени[31]. С точки зрения получения систематической информации об этом периоде особую ценность представляет третье издание «Большой советской энциклопедии» (опубликовано в 1969–1978 гг.). При Горбачеве в период гласности в центре внимания находились биографии членов ЦК 1934 г.[32] Наиболее проблемные этапы в истории советской элиты – это конец 1920-х гг. и период с конца 1930-х по 1952 гг. Существующие лакуны мы постарались заполнить с помощью целого ряда источников: как советскими публикациями периода гласности, так и западными изданиями[33]. Документы и протоколы, недавно обнаруженные в архивах, помогли расширить наши представления о советской элите. Нам повезло: у нас в руках оказались анкеты, заполненные участниками одного из съездов партии (действующими и будущими членами ЦК), и списки депутатов Верховного совета (до 1958 г.)[34].

В 1990-е гг. написание мемуаров превратилось в издательскую индустрию. Высокопоставленные партийные чиновники в отставке приложили все силы, чтобы предложить свои версии истории того периода, когда они вершили государственные дела. Опубликованные в то время воспоминания советских руководителей большей частью посвящены последним десятилетиям советского строя. Однако некоторые из них повествуют и о более ранних годах. Особый интерес

---

[30] Наиболее доступная версия энциклопедии «Гранат»: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. – М., 1989. Впервые энциклопедия «Гранат» вышла в свет в 1929 г. Первое издание многотомной «Большой советской энциклопедии» осуществлялось с 1927 по 1947 г.

[31] Откровения о хрущевской эре см.: The Stalinist Terror of the Thirties: Documentation from the Soviet Press / ed. B. Levytsky. – Stanford, 1974.

[32] См.: О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82–113. Эта публикация представляет особую ценность.

[33] См.: Soviet Government Officials, 1922–1941: A Handlist / ed. R. W. Davies et al. – Birmingham, 1989. Эта книга – подробное описание должностных лиц и руководителей конца 1920-х – начала 1930-х гг. К сожалению, в ней представлены только члены центрального правительственного аппарата.

[34] Архивы оказались полезны для получения определенной информации, отсутствовавшей, несмотря на наличие ряда других деталей биографий, в официальных советских публикациях. В частности, они не предоставляют информацию о национальной принадлежности.

представляют воспоминания Хрущева, Молотова и Каганович[35]. Советские мемуары, как и в любой другой стране, различаются не только в своих оценках, но и в описании фактов. В то же время некоторые из воспоминаний носят документальный характер, что придает им непреходящую ценность, несмотря на зачастую субъективный характер. Некоторые из них были написаны еще до крушения советской системы, и их публикация стала возможной только с концом коммунистического правления. В последнем случае мемуаристы не пытаются оправдать свои действия, взирая на прошлое из другого времени и иной системы[36].

Только благодаря компьютерным технологиям мы смогли собрать и проанализировать всю эту информацию. В базе данных «Проекта по изучению советской элиты» более 30 000 записей. В ней хранятся биографии членов ЦК за весь советский период. Но сама по себе имеющаяся информация не позволяет прояснить картину до конца. Учитывая наш замысел создать обобщенный образ советской элиты и наш исторический подход, нам кажется, что один лишь статистический анализ сделал бы исследование излишне механистическим[37]. Хотя, конечно, без электронной базы мы вряд ли сумели бы собрать данные о 2000 представителей советской элиты в XX в.

Следует сказать еще несколько слов об особенностях этой книги. Описывая события до марта 1918 г., мы датируем их по старому стилю (который отстает от западноевропейского календаря на 13 дней). Там, где возможно, мы старались избегать аббревиатур и акронимов, привычных для советских государственных учреждений. Для более точного определения статуса заинтересовавшего нас чиновника мы называем его полномочным членом ЦК или кандидатом в члены ЦК (если это действительно имеет значение). В остальных случаях членами ЦК называются и кандидаты, и полномочные члены.

В заключение выражаем признательность нашим коллегам, а также институтам и учреждениям, благодаря усилиям которых эта книга уви-

---

[35] Khrushchev N. S. Khrushchev Remembers. – Boston, 1970; Khrushchev N. S. The Last Testament: Khrushchev Remembers. – Boston: Little, Brown, 1974; Khrushchev N. S. Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes. – Boston, 1990. Есть издание на русском языке: Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: В 4-х т. – М., 1999. См. также: Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991; Каганович Л. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, партийного и советско-государственного работника. – М., 1996.

[36] См., например: Патоличев Н. С. Совестью своей не поступись. – М., 1995.

[37] О способах получения информации и некоторых трудностях, возникающих при исследовании мемуаров см.: van Meter M. K. et al. Multimethod Analysis: Official Biographies of Members of the Central Committee of the Soviet Union Communist Party // Bulletin de Méthodologie Sociologique. – 1991. Vol. 33 (Dec.). P. 20–37. Эта статья посвящена только 1980-м гг.

дела свет и стали возможны дальнейшие исследования советской элиты. Прежде всего зто Британский совет экономических и научных исследований, которому мы благодарны за три щедрых гранта (№№ R231491, R232557 и R232900). При его поддержке мы создали базу данных ЦК за 1917–1990 гг., базу данных ЦК, избранного в 1990 г., а также собрали и систематизировали биографии и интервью с государственными деятелями эпохи застоя. Руководители компании Nuffield Foundation частично покрыли расходы на пленку и транскрибирование записей интервью с бывшими членами ЦК. Также мы выражаем признательность и особую благодарность нашим коллегам Дэвиду Лейну и Т. Ригби. В самом начале работы над зтой книгой нас поддержали сотрудники Банка данных советской истории (Soviet Data Bank) Университета Калифорнии (Риверсайд), в частности Арч Гетти, Уильям Чейз и Чарльз Ватерхолл. Мы признательны сотрудникам Бирмингемского университета, которые под руководством Р. В. Дейва составили перечень советских руководителей, занимавших ответственные посты в 1922–1941 гг.[38] Мы благодарим сотрудников советских архивов: российского Центра хранения и изучения документом новейшей истории, Центра хранения современной документации, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива кино- и фотодокументов. Во время наших визитов в Москву они оказали неоценимую помощь. Мы выражаем благодарность руководству Университета Глазго за понимание и помощь в работе над этой книгой. Отдельно хотелось бы поблагодарить сотрудников библиотеки Университета Глазго, знатоков литературы и истории России, Таню Конн и Аду Бодди, а также Стивена Уайтлоу и Бена Малору из сервисной службы. Мы очень признательны сотрудникам московского Института социологии, в частности Ольге Крыштановской, Игорю Куколеву и Павлу Салдину за обработку интервью – проделанную ими работу трудно переоценить. Все материалы «Проекта изучения советской элиты» отбирал Стивен Ревелл, а сортировали Фиона Харрисон, Питер Лентини, Уильям Макреди, Стефан Мейн и Ян Тетчер. Сара Отс любезно согласилась помочь в оформлении графического материала. Ответственность за все ошибки и неточности несут только авторы этой книги.

Эван Модсли
Стивен Уайт
Глазго, май 1999 г.

[38] Soviet Government Officials...

1. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ У ВЛАСТИ, 1917–1923 гг.

> Демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять. Но как? Это зависит от того, сколько есть годных людей, от того, сколько там хороших администраторов.
>
> Демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет ЦК, смещает его и назначает новый.
>
> *(В. И. Ленин. IX съезд партии, март 1920 г.)*

Первые пять лет после революции называют героическим периодом советской истории. В это время В. И. Ленин и революционеры-подпольщики сумели создать коммунистическую партию и советское государство. После прихода к власти большевиков в государственном управлении, экономике и внешней политике наступил хаос, продолжавшийся несколько лет. Новая власть окрепла не сразу, контроль над теперь уже Советской Россией устанавливался постепенно, шаг за шагом. На 1919–1920 гг. пришелся пик гражданской войны. Однако ко времени ее окончания Красная армия, изгнав белых и подавив внутреннее недовольство, смогла занять бóльшую часть бывшей Российской империи. Возрождение государства и консолидация власти начались в 1921 г. в условиях новой экономической политики (нэп). За несколько лет героического периода большевистская партия превратилась из небольшой полулегальной революционной организации в становой хребет крупнейшего государства в мире. Во главе страны встали бывшие революционеры – молодые люди, еще недавно соблюдавшие строгую конспирацию. Ленин называл их старой партийной гвардией, а Бухарин – железной когортой революции[1]. С июля–августа 1917 г. по март–апрель 1922 г. состоялись шесть съездов партии. Они стали вехами на пути ее развития. После каждого съезда обновлялся состав ЦК – и изменения неизбежно затрагивали всю партийную элиту тех лет. В период с 1917 по 1923 г. ЦК насчитывал

[1] Ленин В. И. ПСС. – М., 1964. Т. XLV. С. 20; Бухарин Н. И. Избранные произведения. – М., 1988. С. 34–36.

всего 78 человек (кандидатов и полномочных членов). Именно эти люди, по нашему мнению, и составляли революционную элиту.

XI съезд ВКП(б) (апрель–май 1922 г.) и XII съезд ВКП(б) (апрель 1923 г.) – переломные моменты в истории партийной элиты и ЦК. ЦК, избранный на XI съезде, был последним из череды тех, что сохраняли относительно небольшой состав. В 1923 г. (отчасти по просьбе самого Ленина) численность ЦК увеличилась почти в два раза (если в 1922 г. в него входило 27 полномочных членов, то в 1923 г. уже 40). В апреле 1922 г. И. В. Сталин стал генеральным секретарем ЦК. Был выработан новый *устав коммунистической партии.* В декабре того же года приняли решение о создании Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Все способствовало институциональным изменениям в партии. С зимы 1922–1923 гг. Ленин уже не оказывал определяющее влияние на руководство страной. Это стало следствием череды инсультов, и он фактически устранился от дел. Между несколькими группами представителей элиты, входивших в состав в Политбюро, тотчас начались трения. Конфликт Троцкого и тройки, состоявшей из Сталина, Зиновьева и Каменева, быстро принял открытый и напряженный характер. Ситуация накалялась и становилась критической. Ко времени, когда в апреле 1923 г. открылся XII съезд только что переименованной Всесоюзной коммунистической партии, в ее истории началась новая эра.

Революционная элита

Официально коммунистическая партия была образована в 1898 г. Ее роспуск совпал с распадом СССР (1991 г.). Все это время партийным исполнительным органом был Центральный Комитет (ЦК). Он ни разу не менял своего названия, для истории партии это исключительный случай. Обычно ЦК переизбирали на каждом съезде партии, всего за время существования партии было 28 подобных съездов. ЦК начал свое существование за 20 лет до Октябрьской революции. К 1917 г. он уже имел богатую историю. Когда-то он представлял собой небольшую группу людей и находился под влиянием фракционных сражений в высших эшелонах российского марксизма[2]. На деятельности ЦК сказывалось и то обстоятельство, что он был вынужден действовать как внутри, так и за пределами Российской империи в качестве нелегальной или полулегальной организации, находящейся в конфликте с самодержавием и его политической полицией. Первый ЦК, состоявший целиком из большевиков, был избран в 1912 г. на так называемой VI (пражской) конференции Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), когда

[2] Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. – London, 1970.

фракция Ленина стала самостоятельной организацией, представлявшей одно из направлений российского марксизма. Состав ЦК, избранный на этой конференции, не менялся в течение пяти лет, то есть вплоть до VII партийной конференции в революционном Петрограде в конце апреля 1917 г.

Каким был состав ЦК в 1917–1923 гг.? Он существенно отличался от элиты последующих лет, даже той, что сформировалась в середине 1920-х гг. В целом ситуация в указанные годы была следующей (табл. 1.1). В 1917–1923 гг. ЦК переизбирался каждый год (на ежегодных партийных съездах). Позднее съезды стали созывать раз в пять лет, а то и реже. Число членов ЦК оставалось небольшим даже в сравнении с серединой 1920-х гг. В течение нескольких лет после революции количество членов ЦК было строго ограничено. В таком составе они работали успешно и продуктивно. Тем не менее штат руководителей рос хоть и медленно, но неуклонно: были образованы Оргбюро и Политбюро, чья роль в жизни партии с каждым днем увеличивалась[3].

Таблица 1.1

Изменения состава ЦК, 1917–1922 гг.

	Съезд и дата его проведения					
	VI, июль–август 1917 г.	VII, март 1918 г.	VIII, март 1919 г.	IX, март–апрель 1920 г.	X, март 1921 г.	XI, март–апрель 1922 г.
Полномочные члены ЦК	21	15	19	19	25	27
Кандидаты в члены ЦК	8	8	8	12	15	19
Всего	29	23	27	31	40	46
Входили в состав предыдущего ЦК	9	17	13	20	21	32
Не входили в состав предыдущего ЦК	20	6	14	11	19	14

[3] В августе 1917 г. после съезда РКП(б) состав ЦК расширился до 21 человека. Впоследствии партия сочла, что для административного аппарата это «совершенно неприемлемо», по крайней мере таков был вердикт Я. М. Свердлова, главного организатора мартовского съезда 1918 г. Он напоминал, что на заседаниях ЦК никогда не присутствовали более 17–19 человек, а обычно 15–16; в октябре 1917 г. и того меньше – 9–12. См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б), март 1918: Стенографический отчет. – М., 1962. С. 164. Партийным уставом 1919 г. численный состав ЦК ограничивался 19 полномочными членами и 12 кандидатами. В 1922 г. вопрос о том, сколько человек следует избрать в ЦК, был оставлен на усмотрение ежегодных съездов. Иными словами, численный состав ЦК в последующие годы не регулировался какими-то специальными правилами.

Окончание табл. 1.1

	Съезд и дата его проведения					
	VI, июль–август 1917 г.	VII, март 1918 г.	VIII, март 1919 г.	IX, март–апрель 1920 г.	X, март 1921 г.	XI, март–апрель 1922 г.
Переизбранные на следующем съезде	17	13	20	21	32	34
Не переизбранные на следующем съезде	12	10	7	10	8	12
Изменение состава ЦК (%)	31	41	43	26	32	20
Состав Политбюро	–	–	8	8	8	10

Примечание. Обновление состава ЦК для данного съезда рассчитывалось как доля от общего числа полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, который составили лица, не переизбранные в его состав на новом съезде. Для данных за 1917 г. (за июль–август) предыдущим съездом является VII апрельская конференция (в том же 1917 г.). Количественный состав Политбюро представлен для сравнения (и для наглядности). Цифры в таблице – общее количество кандидатов и полномочных членов Политбюро (после очередного съезда).

В 1919 г. ЦК численно превосходил Политбюро примерно в три раза. В 1922 г. соотношение изменилось: теперь членов ЦК было в четыре раза больше, чем членов Политбюро. В 1930-е гг. члены Политбюро составляли десятую часть от разросшегося ЦК. Даже в период с 1917 по 1923 г. количество членов ЦК увеличилось на треть. Впрочем, по меркам середины 1920-х и 1930-х гг. – то есть недалекого будущего – эти цифры ничтожны: в 1925 г. ЦК насчитывал 106 членов, в 1927 их число увеличилось до 121. В 1930, 1934, 1939 и 1941 гг. в ЦК входили 71 полномочный член и от 66 до 68 кандидатов в члены ЦК. Статус кандидата в члены ЦК был пережитком времен подпольной деятельности. В самом деле, из-за сложностей с продвижением кадров и частых арестов наличие заместителя (или кандидата), бесспорно, представляло ценность. Институт заместительства сохранялся даже после того, как большевики пришли к власти, но первая серьезная ротация в соответствии с этим принципом произошла только в 1921 г.[4] Мы точно не знаем, что определяло выдвижение того или иного кандидата в полномочные члены ЦК. Это станет характерной

[4] Места выбывших членов ЦК обычно занимали кандидаты в члены ЦК. Процедура избрания происходила на очередном съезде. Впервые кандидат стал полномочным членом ЦК в 1921 г. – тогда Б. Я. Чубарь занял место Ф. А. Сергеева (Артема), погибшего в авиакатастрофе. Для назначения Чубаря не понадобилось созывать съезд. В 1922 г. кандидат в члены ЦК обладал

чертой некоторых более поздних составов ЦК, но в 1917–1922 гг. отдельные члены партии также часто впервые входили в состав ЦК уже в качестве полномочных членов, как и кандидатами.

В 1917–1922 гг. штат ЦК – а значит и состав элиты – был очень подвижен, особенно в сравнении с поздним периодом. Обновление кадров ЦК составляло как минимум 20 %, причем съезды ВКП(б) проводились ежегодно. В 1918 и 1919 гг. изменения состава ЦК достигли рекордной отметки: 41 и 43 % соответственно. Даже в 1921 г. эти показатели оставались высокими (32 %). Впрочем, это не было случайностью: в 1921 г. члены партии вели горячие споры о роле профсоюзов. Уже в 1922 г. эти дебаты утихли. Меньше всего состав ЦК изменился в 1922 г., тогда из сорока членов не переизбрали только восьмерых (20 %). Два года спустя этот показатель снизился до 11 %. В 1924 г. из ЦК выбыли только шесть человек (из 47).

В любой организации в члены избираемых комитетов редко попадают случайные люди, «выросшие как из-под земли». Чем больше человек участвует в выборах, тем изощреннее закулисные интриги. Коммунистическая партия не является исключением. Даже на первых партийных съездах из года в год количество избирателей неуклонно росло. В 1918 г. в выборах приняли участие 47 человек, а в 1921 их было уже 717. Обычно члены партии голосовали перед окончанием съезда (голосование происходило на закрытой встрече). Порядок голосования постоянно менялся, хотя первое время процедуру выборов в значительной степени контролировали В. И. Ленин и его ближайшие соратники. Они, например, всегда имели под рукой *проект состава* или *список* кандидатов[5]. Известным является факт, что в 1919 г. список кандидатов был не только подготовлен, но и утвержден еще до «голосования» на съезде РКП(б). Этот список составили Крестинский и Сталин. Они заранее договорились с делегатами от Петрограда и Москвы, а также от Урала и Поволжья. Список был согласован на встрече ЦК (в составе, который был действителен до съезда) за три дня до «официальных выборов»[6].

некоторыми привилегиями: он, например, участвовал в пленарных заседаниях ЦК и имел совещательный голос.

[5] По мнению Роберта Даниелса, предварительный список кандидатов играл на выборах решающую роль только после 1921 г. См.: Daniels R. Evolution of Leadership Selection in the Central Committee, 1917–1927 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to Twentieth Century / ed. W. M. Pinter, D. K. Rowney. – Chapel Hill, 1980. P. 335–368. Мы полагаем, что и до 1921 г. голосование было формальностью и свобода выбора строго ограничивалась.

[6] В решении таких важных вопросов принимали участие делегаты КПСС. Борис Бажанов, личный секретарь Сталина, вспоминал, что список

Иногда на обсуждение выносили сразу несколько списков кандидатов. В этом случае участники съезда по обыкновению голосовали за прежний состав ЦК[7].

На съезде 1921 г. Ленин и его единомышленники (известные как десятка) сформировали ЦК по собственному желанию. Несколько мест они предоставили своим политическим противникам. Что они предложили? Выступая «от имени бывших членов Центрального Комитета, которые приняли политическую платформу "десяти" ... и ... делегатов партийного Съезда, принявших платформу партии» они представили список, где значились имена 23 полномочных членов ЦК и 13 кандидатов. К списку прилагалось два бланка – голосующие должны были заполнить пустую графу, что они и сделали. Затем состоялся подсчет голосов и был объявлен новый состав ЦК. Стоит ли говорить, что все претенденты, принявшие «политическую платформу десяти», были одобрены? Только два кандидата в полномочные члены ЦК получили меньше 75 % голосов избирателей[8]. Это означает, что в 1921 г. участники съездов не всегда принимали единогласные решения. Ленин предложил в ЦК кандидатуры 68 человек. 76 человек были выдвинуты как кандидаты в члены ЦК. Менее трети кандидатов из ленинского списка набрали более 95 % голосов. На практике однако оказалось чрезвычайно сложно противостоять руководству партии. Некоторые из наименее популярных одобренных кандидатов могли получить неприлично низкое число голосов, но они все равно имели бóльшую поддержку, чем те, чьи кандидатуры внесли в списки голосования делегаты съезда, в связи с чем они не могли рассчитывать на избрание.

состава ЦК Сталин вырабатывал вместе с представителями сеньоренконвента. В него входили члены уходящего состава ЦК и представители крупнейших партийных делегаций (Москвы, Петрограда или, например, Украины). См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. [Б. м.], 1980. С. 128. Бажанов лично присутствовал на XI съезде партии в 1922 г. Описанный им порядок проведения выборов явно установился до указанного года.

[7] Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 174; Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: Протоколы. – М., 1959. С. 341, 362.

[8] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 29. Л. 14; Десятый съезд РКП(б), март 1921 г.: Стенографический отчет. – М., 1963. Р. 714. В 1921 г. еще два человека, представители рабочей оппозиции И. И. Кутузов и А. Г. Шляпников, стали полномочными членами ЦК. Ленин не вносил их в списки, он поставил на голосование их кандидатуры непосредственно во время выборов, и одного его слова хватило, чтобы их избрали в ЦК. См.: Десятый съезд РКП(б)... С. 887. (№ 108). О закулисной жизни партии см.: Микоян А. И. Мысли и воспоминания о Ленине. – М., 1970. С. 135–141.

Таким образом высшее руководство могло в целом определять состав ЦК. Это способствовало совмещению членства в ЦК и ключевых постов в руководстве. Так создавалась национальная элита. Одно из центральных положений, вокруг которого строится данная книга – это система должностных вакансий (job-slot system), которую подробно описал Роберт Даниелс. В соответствии с ней занятие различных государственных и партийных постов *ex officio* предоставляло членство в ЦК. Руководитель высшего ранга *ex officio* должен иметь членство в ЦК[9]. Скажем, некто (товарищ X) выбран в ЦК. Это не значит, что он яркая, выдающаяся личность или представляет интересы какой-то политической группы. Скорее всего, он занимает высокую должность – и эта должность обязывает товарища X быть членом ЦК. Впрочем, и само назначение на высокий пост свидетельствует о благосклонности высшего руководства. По мнению Даниелса, «система должностных вакансий» достигла своей зрелости к концу 1920-х гг.[10] Однако, как нам кажется, эта тенденция обнаружилась еще раньше. В 1917–1921 гг. ЦК обновлялся очень часто (ежегодно). Деятельность партийных и государственных учреждений отличалась нестабильностью. Кадры перебрасывали с одной должности на другую. В то время чиновники занимали сразу несколько постов, что считалось обычным делом. Кроме того, интересы экономики и обороны государства требовали от руководства страны замещения экстраординарных постов. Изменения на фронтах гражданской войны – потеря и возврат таких обширных территорий, как Прибалтика, Украина, Сибирь и Центральная Азия – также влияли на этот процесс.

Однако в 1922 г., когда состоялся XI съезд партии, сферы деятельности членов ЦК были уже строго поделены (табл. 1.2). Очевидно, такое разделение труда имело место и раньше. Членов ЦК, занимавшие руководящие должности в центральных партийных органах, было немного (всего 9 %). В 1922 г. в их число входили: генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин и двое подчинявшихся ему секретарей – В. В. Куйбышев и В. М. Молотов (все они были избраны на эти посты съездом партии). Кроме этой тройки в ЦК входил еще всего один руководитель партийного аппарата, возглавлявший Агитпроп (Отдел агитации и пропаганды). После 1919 г. многие члены ЦК состояли в Политбюро и Оргбюро. И все же в эти годы лишь немногие из них занимались текущими делами партии. В 1922 г. руководство страны все еще находилось в руках центрального государственного аппарата. Из числа революционной элиты во всех составах ЦК, включая избран-

[9] Daniels V. R. Office, Holding and Elite Status: The Central Committee of CPSU // The Dynamics of Soviet Politics / ed. P. Cocks et al. – Cambridge, 1976. P. 77–95.

[10] Daniels V. R. Evolution... C. 355–368.

ный на XI съезде, были представлены председатель Совета народных комиссаров (СНК) и Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Наркомы не обладали автоматическим правом членства в ЦК, как это было в последующие десятилетия. В апреле 1922 г. в РСФСР насчитывалось 16 наркоматов. Из их руководителей лишь пять входили в ЦК[11]. Лидеры советских профсоюзов находились в положении государственных чиновников (впрочем, это не является бесспорной точкой зрения). Четверо из них являлись членами ЦК: руководители ВЦСПС (Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов) и лидеры двух отраслевых профсоюзов. В 1922 г. в составе ЦК не было представителей милиции. Армию в ЦК представляли Троцкий – председатель Реввоенсовета и три других революционных деятеля. Профессиональные военные не входили в состав ЦК, так как в начале 1920-х гг. высшее командование по преимуществу состояло из бывших офицеров царской армии. Их терпели, но не более того. Применительно к началу 1920-х гг. выделение категории дипломатов является не совсем верным. Среди членов ЦК были официальные лица, связанные с международными отношениями, но это относилось преимущественно к представителям Коммунистического интернационала. Комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин (в прошлом меньшевик) стал членом ЦК только после 1925 г.

В отличие от представителей центрального аппарата, региональных руководителей в ЦК было относительно мало. Немногочисленность представительства партийных и государственных органов национальных республик отражала незавершенность конституционного устройства страны. СССР не был сформирован вплоть до 1922 г., но даже и после этого помимо РСФСР в него входили всего три республики. На XI съезде достойно выглядели партийные органы и госструктуры только одной республики – Украины. В 1922 г. среди членов ЦК состояло достаточно представителей ее партийного и государственного аппарата. В ЦК входили председатели Совета народных комиссаров Украины и Центрального исполнительного комитета Украины, а также первый и второй секретари КП(б)У. В ЦК также вошли первый секретарь и еще два партийных функционера из недавно образованной Закавказской Федерации. Белоруссия – четвертая республика, присоединившаяся к Советскому Союзу, – вообще не была представлена в ЦК. Региональные партийные и государственные органы имели весьма слабое представительство. В Советском государстве действовали так называемые областные бюро ЦК. Они

[11] В действительности четверо. Ф. Э. Дзержинский имел два министерских портфеля. В то время аналогичные министерствам институты назывались народными комиссариатами. Верховный совет народного хозяйства (ВСНХ) можно отнести к этой категории.

контролировали территории в несколько раз превышавшие области (административная единица, появившаяся в 1930-е гг.). В ЦК входили первый секретарь компартии Уральского бюро и глава Юго-Восточного (территория Северного Кавказа и Донской области) бюро партии. Другой член ЦК отвечал за партийные организации Сибири. Перечисленные выше чиновники с мест внесены в графу «региональные партийные организации» и «региональные государственные органы» (табл. 1.2). Подобное распределение мест в ЦК являлось следствием развития ситуации во время гражданской войны. Сибирь и Урал, как, впрочем, и Украина, Закавказье и Центральная Азия, – все эти регионы непременно имели представительство в ЦК (хотя бы в составе 2–3-х человек).

Таблица 1.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1922 г.

	Количество	Доля (%)
Центральные партийные органы	4	9
Центральные государственные органы	14	30
Республиканские партийные органы	5	11
Республиканские государственные органы	4	9
Региональные партийные органы	6	13
Региональные государственные органы	6	13
Вооруженные силы	4	9
Дипломатические службы	2	4
СМИ	1	2
Всего	46	100

Примечание. Категории в таблице размещены в порядке убывания их значения в правительственной иерархии. «Центральные государственные органы» не включают наркомов военных и морских дел, но в эту категорию входят лидеры профсоюзов. «Региональные государственные органы» включают уровень губерний и областных бюро, а также Москву и Ленинград. Графа «дипломатические службы» включает деятелей Коминтерна.

В 1922 г., как и в предшествующие и последующие годы, руководство партийных и государственных органов Петрограда и Москвы было избыточно представлено в ЦК. Это говорит о некоторой замкнутости советской власти начала 1920-х гг. Ключевую роль в двух столичных городах играли Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, возглавлявшие Московский и Петроградский советы – скорее государственные, чем партийные органы. Здесь мы при желании найдем немало общего с центральной системой управления – с ленинским СНК. Наибольшее значение имели государственные, а не партийные долж-

ности. Членами ЦК также были еще трое чиновников из Петрограда. Москва в большей степени отражала тенденции будущего: ее представляли два секретаря и председатель городской парторганизации. За пределами столиц не было ничего похожего на более позднюю систему секретарей обкомов. В 1922 г. в РСФСР насчитывалось 45 губерний в Европейской части, 8 на Украине, но только одна из них была представлена в ЦК – Ивановская. Грэм Гилл предположил, что в это время происходило структурное разделение в ЦК между представителями центрального руководства и регионов и что в 1922 г. последние получили преимущество. По его мнению, этот предполагаемый раскол ограничил возможности для развития институционального единства ЦК, что способствовало последующему подъему сталинизма. Действительно, тогда действовало много факторов, ослаблявших институциональное единство ЦК, в частности нерегулярность его заседаний. Видимо, члены ЦК действительно делились на представителей центральной и региональной элит, однако не стоит переоценивать значение этого факта (во всяком случае, в первые годы после революции). В любом случае, в относительно стабильном 1922 г., как показывают наши расчеты (табл. 1.2), москвичи составляли 61 % от всех членов ЦК[12]. Со временем число представителей регионов в ЦК увеличилось, и, возможно, это сыграло свою роль в уменьшении единства внутри ЦК, но об этом рано говорить, имея в виду 1922 г.

Что представляла собой революционная элита? Попытки охарактеризовать большевиков-революционеров, исходя из противопоставления старой партийной гвардии пришедшим позже соратниками Сталина предпринимались не раз. Основываясь на утверждении о конфликте между старой гвардией партии – авангардом пролетариа-

---

[12] Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. – Cambridge, 1990. P. 61f., 344f. Гилл делит всех членов ЦК на четыре группы в соответствии с их «бюрократической принадлежностью»: 1 – центральный партийный аппарат; 2 – региональный партийные аппарат; 3 – госчиновники и 4 – «остальные». На наш взгляд, это деление носит умозрительный характер, так как состав ЦК в тот период еще не отличался многочисленностью. В реальной жизни члены ЦК совмещали несколько постов, к тому же они часто переходили с должности на должность. В любом случае, между данными Гилла и табл. 1.2 нет полного соответствия, и скорее всего из-за способа выделения четвертой группы – «остальных». Кажется, Гилл исходил из «кардинально иного» подхода к анализу состава ЦК в 1922 г. По его подсчетам, в 1922 г. 37 % (17 человек) представляли центральную власть; 46 % (21 человек) регионы, 17 % (8 человек) составляли четвертую группу – «остальные». Согласно данным нашей таблицы (табл. 1.2), центральные органы власти в ЦК представляли 25 человек. Однако Москва также была представлена в ЦК тремя руководителями городских партийных и хозяйственных организаций. Таким образом, в 1922 г. среди членов ЦК был 61 % москвичей (28 из 46 человек).

та – и новым поколением бюрократов, Троцкий писал о «предательстве» революции[13]. Георг Шуллер, одним из первых попытавшийся составить коллективную биографию советской элиты, охарактеризовал господствующий тип «человека из Политбюро» в 1917–1924 гг. (и в меньшей степени в 1924–1938 гг.) как «вышедшего из среднего класса теоретика, образованного, многократно выезжавшего за границу космополита». Он противопоставлял его следующему поколению партийных работников – «организаторам и администраторам»[14]. В своем исследовании Шуллер имел в виду только Политбюро, а не всех членов ЦК, но это противопоставление часто используется для характеристики руководства партии в целом. Ричард Пайпс предложил иную трактовку событий, исходящую из его представлений о революции и не имевшую ничего общего с толкованием Шуллера. По мнению Пайпса, виной всему являлось чрезмерное честолюбие «интеллектуалов, захвативших власть в октябре 1917 года». Эдвард Кинан в своих суждениях пошел еще дальше. По его мнению, революционная элита сыграла дестабилизирующую роль, так как мировоззрение ее представителей было глубоко чуждо русскому крестьянству[15]. В постсоветский период российские историки Коржихина и Фигатнер попытались дать анализ номенклатурной системы в целом. Взяв за основу анализа расстановку сил внутри ЦК, они противопоставили друг другу разные поколения высшего руководства России. Ленинская гвардия, с точки зрения Коржихиной и Фигатнера, выгодно отличалась от последующих поколений советской элиты: в нее входили «профессиональные революционеры, выходцы по преимуществу из

---

[13] См. книгу Л. Троцкого «Новый курс» (1923). Стоит обратить особое внимание на его статью «Вопрос о партийных поколениях» (Правда. 1923. 29 декабря. С. 4.). Не менее интересны его критические заметки (впервые опубликованы в 1936 г.). См.: Троцкий Л. Преданная революция... С. 81–97. Троцкий примкнул к большевикам после 1917 г. Поэтому, приводя свои доводы, он испытывал определенные трудности. Ни в одной из других работ Троцкий не пытался давать анализ поколению большевиков 1902–1916 гг. или сравнивать роль рабочего класса и интеллигенции в партии.

[14] Schuller G. The Politburo. – Palo Alto, 1951. С 3. Наряду с работой Шулера в Стэнфордском университете многое было сделано для изучения на теоретическом уровне профессиональных агитаторов. революционеров-интеллектуалов. См.: Lasswell H. D. et al. The Comparative Study of Elites. – Palo Alto, 1952 (Hoover Institute Studies. Series B. Elites. № 1).

[15] Pipes R. The Russian Revolution, 1899–1919. – London, 1990. P. XXII, 364–366; Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime, 1919–1924. – N. Y., 1994. P. 495, 497, 500. Пайпс высказал эту мысль, имея в виду лишь одного интеллектуала – В. И. Ленина. Но утверждение, что большевистские фанатики были для него воплощением интеллектуалов, не является преувеличением. Keenan E. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. № 2. P. 169.

семей квалифицированных, потомственных рабочих и разночинной интеллигенции». Они вступили «в гонимую партию по глубокому убеждению в необходимости социальных преобразований, вдобавок к полученному в детстве воспитанию и образованию осваивали в тюрьмах, ссылках, эмиграции новые профессии»; их отличала «независимость мышления, ненависть к бюрократии и романтизм фанатиков индустриализации»[16].

Общей чертой советской элиты 1917–1923 и 1923–1937 гг. можно считать то, что многие ее представители входили в состав большевистской партии – в качестве лидеров или рядовых членов – до 1917 г. Поэтому предреволюционная история партии имеет большое значение. Дэвид Лейн в поисках социальных корней раскола между большевиками и меньшевиками исследовал период становления партии (1898–1907). Он не нашел значительных различий между элитами обеих фракций: преимущественно они были представлены людьми из высших слоев общества (за исключением нескольких рабочих и выходцев из среднего класса). Правда, Лэйн обнаружил, что среди большевиков было много выходцев из деревни, и, кроме того, они пользовались значительной популярностью среди молодежи. Существенное различие между ними только одно: рядовой состав большевистской фракции, в отличие от меньшевистской, был намного однороднее и состоял «преимущественно из великороссов»[17]. Эту мысль Лейна развил в своем исследовании подпольной деятельности большевиков в 1907–1912 гг. Картер Элвуд. По его мнению, до 1905 г. социал-демократическая партия была «в сущности, детищем русской интеллигенции». Однако после 1905–1906 гг. многие ее представители вышли из партии, что придало последней пролетарский характер. Большое значение Элвуд придавал фактору молодости нового пополнения партии: «мальчишки, которым захотелось поиграть в революцию», как вполне точно охарактеризовал их один из партийных ветеранов. Элвуд указывал, что после 1907 г. в рядах большевиков, прежде всего в среднем партийном звене, произошли серьезные изменения: основную массу составили люди, примкнувшие к ним по-

---

[16] Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38. Авторы исследовали состав ЦК 1924 г., но из заключения следуют более широкие выводы о противопоставлении ленинской гвардии сталинистам. Об этом – в главах 2 и 3.

[17] Lane D. The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898–1907. – London, 1975. P. 50f. Лейн ознакомился с судьбой 986 социал-демократов начала XX в. (все данные к тому времени уже были опубликованы). В этом вопросе Пайпс согласен с Лейном. См.: Pipes R. Russian Revolution... P. 365.

сле 1905 г. «Это новое поколение в сравнении с руководящим ядром предшествующих 1907 г. лет – писал Элвуд, – представляло иной социальный класс, было моложе и обладало меньшим [партийным] опытом». Хотя подобные изменения происходили во всей РСДРП, наиболее заметными они были во фракции большевиков[18].

Сходные взгляды высказывались Леопольдом Хеймсоном, автором серьезной статьи на эту тему: «Куда [в 1914 г.] делась интеллигенция, которая, по общему мнению, в то время все еще "стояла на плечах пролетариата"? Эти люди попросту исчезли». «Городская молодежь, которая повзрослела после революции 1905 г., теперь осуществляла посредничество между руководителями большевистской партии и рабочими массами»[19]. Джерри Хау, со своей стороны, особое значение придает различию между эмигрантскими кругами и представителями партийных комитетов (комитетчиками), ведшими революционную подпольную деятельность в России. По его мнению, именно последние решительным образом повлияли на формирование советской системы в будущем. По словам Хау, они «были ленинцами даже в большей степени, чем сам Ленин»[20]. То же самое в своем исследовании, посвященном истории «оппозиции» в Коммунистической партии, отмечает Роберт Даниелс[21]:

> Оппозиционеры как среди меньшевиков, так и среди большевиков были, по большей части, представлены вестернизированными политическими эмигрантами. Они восприняли западные представления о социализме как о демократической системе, обусловленной развитием индустриализации. Сталинисты представляли собой ориентированных на русские реалии подпольщиков, которые принимали как данность последствия русской революции.

С этими теоретическими положениями также связан важный вопрос – происходила ли смена революционной элиты под воздействием революции и гражданской войны? Осуществлялось ли под воздействием реалий борьбы за сохранение власти замещение в элите одной

---

[18] Elwood R. C. Russian Social Democracy in the Underground: A Study of the RSDRP in the Ukraine, 1907–1914. – Assen, 1974. P. 60–64, 69.

[19] Haimson L. The problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917: Part 1 // Slavic Review. 1964. Vol. 23. № 4 (Dec.). P. 633, 638f.

[20] Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. – Cambridge, 1979. P. 37. Подобный социологический подход противоречит выводам М. Фэйнсода, который подчеркивал особое значение ленинской доктрины и вообще личности вождя пролетариата. См.: Fainsod M. How Russia is Ruled. – Cambridge, 1965.

[21] Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960. P. 408.

группы старых большевиков другой? Досконально изучив историю ЦК в этот период, Вернер Мосс пришел к заключению, что подобная перестановка действительно имела место. Согласно его определению, среди «творцов Советского Союза» выделяются три группы. Первая группа – «ядро центрального руководства». Ее представители входили практически во все составы ЦК этих лет. Вторая – старые большевики, избиравшиеся в ЦК в 1917–1920 г., но позже не участвовавшие в его работе. Третья группа – новые большевики, ставшие членами ЦК в 1920–1922 гг. По мнению Мосса, новые большевики начали вытеснять старых еще при жизни Ленина. Старых большевиков, по его убеждению, отличало «происхождение из среднего класса, высокий уровень образования и относительно большая доля представителей нерусской национальности». Новые большевики происходили из низшего класса, имели начальное образование и в своем большинстве были русскими[22]. Т. Г. Ригби исследовал более широкие слои революционной элиты (делегатов партийных съездов, представителей региональных партийных комитетов). На основе проделанного анализа он пришел к выводу, что отношения между старыми и новыми большевиками были натянутыми уже в первые послереволюционные годы. Старые большевики доминировали в начале революции, а представители нового поколения утвердились у власти в 1919–1921 гг.[23]

Как охарактеризовать в целом партийную верхушку первых лет советской власти? Можно ли разбить элиту тех лет на какие-то особые группы? Мы не будем в точности следовать схеме Мосса, хотя его выводы, полученные на основе исследования группы «творцов Советского Союза», могут быть полезны (особенно противопоставление старых и новых большевиков)[24]. Попробуем представить структуру революционной элиты согласно методике Мосса. Результаты ана-

---

[22] Mosse W. E. Makers of the Soviet Union // Slavonic end East European Review. 1968. Vol. 47. P. 144, 151. Мосс изучил биографии 35 членов ЦК. Из них 8 человек он отнес к первой группе (к центральному руководству), 10 человек к старым большевикам, а 17 к новым. Используемая им терминология вносит некоторую путаницу, так как обычно старыми большевиками называют тех, кто вступил в партию до 1917 г. В этом смысле часть новых большевиков также принадлежала к категории старых. Терминологию Мосса использует и Т. Г. Ригби. См.: Rigby T. H. The Soviet Political Elite Under Lenin // Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. – Aldershot, 1990.

[23] Rigby T. H. The Soviet Political Elite... P. 39.

[24] Мосс не конкретизирует, кого именно он подразумевает под творцами. Не объясняет он и то, кто были те 18 человек, кого он исключил из своего анализа, назвав их эфемерными, так как они находились у вершины власти слишком короткий срок. (Подсчеты основаны на том факте, что в этот время было всего 53 полномочных члена ЦК, 35 из них входят в указанные три группы Мосса, а остальные 18 относятся к эфемерным).

лиза распределения 78 ее представителей по группам представлены в табл. 1.3. Итак, всего 19 членов ЦК (кандидатов и полномочных членов) были избраны или в очередной раз переизбраны на IX съезде ВКП(б) в 1920 г. Все эти люди выбыли из ЦК в 1921–1922 гг. (на X или на XI съездах). Именно их мы называем старой революционной элитой (так как термин Мосса «старые большевики» кажется нам слишком неопределенным). Впрочем, и здесь есть некоторая доля сомнений: 19 человек действительно вышли из состава в ЦК в 1921 или 1922 г., зато после 1922 г. четверо из них снова стали его членами. Значит, по крайней мере, эти четверо не были «людьми прошлого»[25]. Вторая подгруппа – это 23 человека, ставшие членами ЦК только в 1920, 1921 или 1922 г. Мы будем называть их новой революционной элитой. Однако треть (9 человек) ее представителей едва ли принадлежат к поколению будущего, так как не были переизбраны на следующих двух съездах[26]. Мосс определял 1920 г. как переломный момент, когда произошел разрыв с прошлым. Однако против его стройной схемы противопоставления старых и новых большевиков существует один очень веский аргумент: была и еще одна группа, которую мы будем называть ядром революционной элиты. Эти люди находилась у власти и до, и после 1920 г. Они составляли примерно треть от общего числа членов ЦК (23 из 78 человек). (Еще четыре человека, которых можно отнести к ядру элиты, умерли до 1920 г., поэтому мы не принимаем их в расчет.) Однако допустим на один момент, что старая и новая элиты действительно резко различались между собой (проигнорируем «переходящую элиту» и четырех человек, умерших до 1920 г.). Поможет ли это в понимании особенностей состава ЦК в 1917–1923 гг.?

Первое, на что следует обратить внимание, изучая революционную элиту в целом, включая все подгруппы, – это политический опыт. Почти все ее представители были ветеранами – старыми большевиками в наиболее популярном смысле этого выражения (вступившими в партию до 1917 г.). Итак, под ветеранами мы подразумеваем всех, кто вступил в партию до октября 1917 г. (старых большевиков в широком смысле этого понятия). Это легко проверить, так как год вступления в партию (партийный стаж, партстаж) – наиболее доступная информация о членах ЦК даже в самые темные периоды со-

---

[25] Г. Е. Евдокимов, М. М. Лашевич, Г. И. Ломов и Н. А. Скрыпник снова были избраны в ЦК после 1922 г.

[26] С. И. Гусев, И. И. Коротков, Т. С. Кривов, И. И. Кутузов, А. Р. Рахимбаев, Г. И. Сафаров, Т. В. Сапронов, И. Я. Тунтул и П. А. Залуцкий выбыли из состава ЦК до или после XIV съезда партии в 1925 г. И. А. Пятницкий в период с 1917 по 1923 г. был избран в ЦК лишь однажды (в 1920 г.), и его можно отнести к любой из последних двух групп. Поскольку он работал в ЦК преимущественно после 1922 г., мы включили его в подгруппу «новая элита».

Таблица 1.3

Члены ЦК, 1917–1922 гг.

1. Ядро революционной элиты. Избирались до и после IX съезда партии (1920 г.)			
Бубнов А. С.*	Киселев А. С.*	Рыков А. И.*	Сокольников Г. Я.*
Бухарин Н. И.*	Ленин В. И. +	Сергеев Ф. А.+	Сталин И. В.
Дзержинский Ф. Э.+	Милютин В. П.*	Шляпников А. Г.*	Томский М. П.
Ярославский Е. М.	Петровский Г. И.	Шмидт В. В.*	Троцкий Л. Д.*
Калинин М. И.	Радек К. Б.*	Смилга И. Т.*	Зиновьев Г. Е.*
Каменев Л. Б.	Раковский Х. Г.*	Смирнов И. Н.*	
2. Старая революционная элита. На IX съезде партии не переизбраны в ЦК			
Белобородов А. Г.*	Иоффе А. А.+	Ломов П. И.*	Скрыпник Н. А.*
Берзин Я. А.*	Капсукас В. С.+	Муранов М. К.	Стасова Е. Д.
Данишевский К. Х.*	Коллонтай А. М.	Ногин В. П.+	Стучка П. И.+
Евдокимов Г. Е.*	Крестинский Н. Н.*	Преображенский Е. А.*	Владимирский М. Ф.
Яковлева В. Н.*	Лашевич М. М.*	Серебряков Л. П.*	
3. Новая революционная элита. Впервые избраны в ЦК на IX съезде партии			
Андреев А. А.	Кривов Т. С.	Микоян А. И.	Сафаров Г. И.*
Бадаев А. Е.	Куйбышев В. В.+	Молотов В. М.	Сапронов Т. В.*
Чубарь В. Я.*	Кутузов И. И.*	Орджоникидзе Г. К.	Сулимов Д. Е.*
Фрунзе М. В.+	Лебедь Д. З.*	Осинский В. В.*	Тунтул И. Я.*
Гусев С. И.+	Лепсе И. И.+	Пятаков Г. Л.*	Угланов Н. А.*
Киров С. М.+	Лобов С. С.*	Пятницкий И. А.*	Ворошилов К. Е.
Комаров Н. П.*	Мануильский Д. З.	Рахимбаев А. Р.*	Залуцкий П. А.*
Коротков И. И.	Михайлов В. М.*	Рудзутак Я. Э.*	Зеленский И. А.*

Примечание. В таблицу не включены члены ЦК, умершие до 1920 г.: П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумян, Я. М. Свердлов и М. С. Урицкий. Знаком (+) отмечены фамилии членов ЦК, которые умерли до 1936 г. Знаком (*) – расстрелянные или умершие в тюрьмах и лагерях, а также погибшие в результате покушений после 1935 г.

ветской истории. В открытых источниках содержатся данные о вступлении в партию всех членов ЦК в 1917–1991 гг., за исключением одного[27]. Правда, возможны и затруднения, особенно что касается раннего периода истории партии: часто для одного и того же лица советские источники указывают разные даты вступления. Эти источники представляют 1904 г. как усредненный показатель вступления в партию для всех 78 представителей революционной элиты. Однако сама большевистская фракция была образована только в 1903 г. А окончательный ее разрыв с меньшевистским крылом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) произошел лишь 1912 г. Сколько людей в то время позиционировали себя как большевики? Нам неясно положение дел даже в 1912 г. Вот еще один показательный пример: Троцкий примкнул к большевикам только в 1917 г., хотя он, старый марксист, участвовал в революционном движении с 1879 г. В большевистский лагерь Троцкий перешел летом 1917 г. Его примеру последовали Иоффе, Мануильский и Урицкий. До этого они состояли в межрайонной группе социал-демократов (межрайонка). Коллонтай также была активным членом РСДРП до того, как в 1915 г. примкнула к фракции Ленина. Дзержинский, Капсукас, Радек и Стучка состояли в разных марксистских группах на территории Польши и Балтии.

Обратимся к табл. 1.4. Она показывает, что партийный опыт старой и новой революционной элиты различался. Средней датой вступления в партию представителей старой элиты был 1903 г., а для новой – 1906 г. Таким образом, революция 1905 г. выступает здесь как своеобразный водораздел. И разница весьма существенна. Примечательно, что Молотов, вступивший в РСДРП в 1906 г. (в 16 лет), никогда не считал себя старым большевиком. По его мнению, это звание могли носить лишь революционеры 1905 г.[28] Представители старой и новой элиты вступили в партию в разное время. Этому есть простое объяснение – возраст. Старая гвардия в среднем на четыре года старше новой элиты. И все же необходимо подчеркнуть: даже представители последней, которые стали членами ЦК в 1920 г. или несколькими годами позднее, уже являлись ветеранами партии, так как каждый из них состоял в ней около 13 лет.

---

[27] Надежным источником сведений о времени вступления в партию всех членов ЦК до 1976 г. являются статьи «Коммунистическая партия Советского Союза» и «Центральный Комитет [КПСС]» в Советской исторической энциклопедии. См.: Советская историческая энциклопедия: В 16 т. – М., 1961–1976. Т. 7. С. 703–711; Т. 15. С. 742–743. В этой энциклопедии пропущена только одна дата: год избрания в ЦК В. Н. Павлова – личного переводчика И. В. Сталина (был избран кандидатом в члены ЦК в 1952 г.).

[28] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991.

Таблица 1.4

Революционная элита. Время вступления в партию

	Все члены ЦК	Все члены ЦК (любая партия)	Старая элита	Новая элита	Делегаты съезда партии в 1922 г.
1904 г.	41	48	15	10	68
1905–1907 гг.	11	12	2	11	68
1908–1916 гг.	17	16	1	9	116
1917 г.	8	1	1	1	136
1918–1919 гг.	1	1	0	1	112
1920–1921 гг.	0	0	0	0	22
Всего	78	78	19	32	522

Примечание. «Революционная элита» – это люди, избранные в ЦК в 1917–1922 гг. (включительно). Информация, содержащаяся в столбцах, озаглавленных «все члены ЦК», «старая элита» и «новая элита», взята из Советской исторической энциклопедии. Столбец под заглавием «все члены ЦК (любая партия)» отражает факт состояния в любой революционной партии до 1917 г. В столбце «делегаты съезда партии в 1922 г.» представлены данные о времени вступлении в партию всех делегатов, которые присутствовали на XI съезде (XI съезд Российской коммунистической партии (большевиков), 27 марта – 2 апреля 1922 г. Стенографический отчет. М., 1922. С. 714.).

Солдаты и рабочие, участвовавшие в революционном движении 1917 г., не вошли в партийную элиту. Исследователи, которые в свое время настаивали на пересмотре истории Октябрьской революции и гражданской войны, подчеркивают решающую роль народных масс и утверждают, что вступить в партию мог любой солдат или рабочий[29]. Но элита как была, так и осталась тесным кругом избранных. Ведущая роль в нем принадлежала мужчинам (NB) – марксистам-подпольщикам, – стоявшим у руля партии до Февраля 1917 г. 62 % всех представителей революционной элиты (48 из 78 человек) еще до событий 1905 г. занимались революционной деятельностью. Возможно, лишь один представитель революционной элиты оказался вовлечен в радикальную политическую деятельность после Февраля 1917 г. – узбекский партийный лидер А. Рахимбаев. Он стал коммунистом в 1919 г., когда ему исполнилось 23 года. И. И. Кутузов, глава Московского объединения текстильной и легкой промышленности, также, по всей видимости, стал членом партии после 1917 г. Но возможно, еще в 1917 г. или даже раньше он был членом другой революционной организации[30].

[29] Напр.: Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power. – London, 1979. P. 310–314.

[30] Кутузов официально вступил в большевистскую партию в 1917 г. В 1921–1922 гг. он являлся членом ЦК. Согласно его биографии конца 1920-х гг., содер-

* Изучая элиту на протяжении 74 лет советской истории, учитывая возрастные особенности и жизненный опыт, мы следуем в этой книге несколько упрощенной схеме ее деления на четыре поколения. Первое – родившиеся до 1900 г. Второе – советские руководители, которые родились в 1901–1920 гг., третье – рожденные в 1921–1940 гг., четвертое – те, кто родился после 1941 г. Революционная элита 1917–1923 гг. целиком представляет первое поколение. Его составляли преимущественно молодые люди, усредненный год рождения ее представителей – 1884 г. В 1905 г. средний возраст члена ЦК составлял 21 год, а в 1917 г. – 33 года. Если сравнить усредненный год рождения для двух подгрупп революционной элиты, то для старой революционной элиты это будет 1883 г., а для новой – 1887. Такую разницу в возрасте нельзя считать незначительной. Представители старой революционной элиты в 1905 г. по большей части являлись уже взрослыми людьми (их средний возраст – 21 год). Для вторых же пора отрочества еще не закончилась (в 1905 г. им исполнилось 18 лет). В то же время, представители обеих групп были захвачены революцией. Те, кто помладше, состояли в революционных группах учащихся старших классов гимназий и училищ, тем самым зачастую прерывая свое дальнейшее обучение[31]. В 1920 г. средний возраст представителя старой революционной элиты достигал 37 лет, в тоже время для новой элиты этот показатель составлял 33 года. В общем, не такая уж большая разница.

Известно место рождения 77 из 78 представителей революционной элиты. Все они уроженцы разных мест Российской империи (табл. 1.5). Только восемь человек – москвичи или петербуржцы, к тому же в основном не из рабочих семей. Примечательно, что в их число входят три женщины: В. Н. Яковлева, А. М. Коллонтай и Е. Д. Стасова – единственные представительницы слабого пола в революционной элите. Более половины членов ЦК (40 из 77) родились за пределами Европейской части Российской империи[32]. Революци-

---

жащейся в энциклопедии «Гранат», «его [Кутузова] подпольная революционная деятельность началась в 1906 г.». См.: Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». – М., 1989. С. 474. Основанием для предположения, что в 1917 г. Кутузов еще не был большевиком, является отсутствие его имени в книге «Герои Октября: Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве» (М., 1967).

[31] Еще Мосс обратил внимание, что разница в возрасте между старой и новой революционной элитой была незначительной. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 144.

[32] Мосс полагал, что, в отличие от старых, новые большевики происходили с окраин империи (то есть они были их уроженцами). См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 144–145. По всей видимости, это положение ошибочно. В выделенных нами подгруппах революционной элиты, старой и новой, мы не заметили подобной закономерности. К тому же, наши подгруп-

онная элита была этнически смешанной, что вполне согласуется с фактором происхождения[33]. Только половина из ее представителей (38 из 78) являлись великороссами. Вторую по численности группу – 13 человек (17 % от общего числа) – составляли евреи. Восемь человек были украинцами; национальные меньшинства Прибалтики и Закавказья представляли восемь и пять человек соответственно. Еще шесть человек, входивших в состав революционной элиты, принадлежали к другим национальностям. Такое положение дел, казалось бы, подтверждает теорию тех, кто считает большевиков организацией инородцев в России, но также и противоречит идее о нерушимом единстве партии. Впрочем, этнических русских среди рядовых членов партии было гораздо больше: в 1922 г. они составляли 72 % от их общего числа, евреи – 5 %, а украинцы – 6 %[34]. В этом смысле старая революционная элита мало или совсем не отличалась от новой. В обоих случаях великороссы составляли примерно половину – 9 из 19 и 18 из 32 соответственно. В каждой подгруппе евреи составляли приблизительно десятую часть: двое в старой элите (Иоффе и Лашевич, последний ненадолго вернулся в состав ЦК после 1922 г.), трое в новой (Гусев, Пятницкий и Зеленский). Однако, что интересно, в подгруппе, которую мы назвали ядром революционной элиты, евреи составляли 35 % (8 из 23)[35]. Итак, революционная элита была многонациональной и объединяла уроженцев разных областей и регионов России. Это не позволяет переносить на послереволюционный период выводы Дэвида Лейна о национальном составе большевиков до 1907 г., которые, по его мнению, в противоположность меньшевикам «в подавляющем большинстве случаев были великороссами»[36].

пы больше, чем те, которые анализировал Мосс. О чем говорят факты? Из представителей новой элиты 47 % родились в Европейской части России (15 из 32), что лишь не намного превышает показатель старой – 42 % (8 из 19). Обе подгруппы отражают ситуацию с революционной элитой в целом.

[33] Иногда определить национальность члена ЦК – задача не их легких. Рассмотрим биографию Александры Коллонтай (в девичестве Домонтович). Ее отец был генералом русской армии, украинцем по происхождению, а ее мать – финка. Фамилию Коллонтай она получила от первого мужа, поляка.

[34] Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR 1917–1967. – Princeton, 1968. P. 366.

[35] Мосс определял евреев как приходящую в упадок группу. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 145. Но это, по всей видимости, неверно. Ричард Пайпс полагает, что не стоит считать представительство евреев среди высшего руководства непропорционально большим, поскольку они не позиционировали себя как евреи. См.: Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime... P. 102–104.

[36] Lane D. The Roots of Russian Communism. P. 32. Согласно Лейну, наиболее серьезным различием между высшим руководством меньшевиков и большевиков являлось то, что последние были «в подавляющем числе велико-

Таблица 1.5

Распределение революционной элиты по месту рождения

	Все	Старая элита	Новая элита
Европейская часть России	37	8	15
Окраины Российской империи			
Прибалтика	9	4	4
Белоруссия	3	1	1
Украина	14	4	5
Закавказье	5	0	2
Урал	2	1	1
Сибирь	2	0	1
Центральная Азия	3	1	2
За пределами Российской империи	2	0	0
Не известно	1	0	1
Всего	78	19	32

Примечание. Революционная элита – члены партии, избранные в ЦК в 1917–1922 гг. (включительно). Старая элита – это те, кто не был переизбран после 1920 г. Новая – те, кто впервые вошел в состав ЦК после 1920 г. Европейская часть России – территории бывшей РСФСР в 1991 г. западнее Урала.

Социальное происхождение, образование и род занятий – связанные между собой категории. Исходя из этого положения, наиболее

россам» (P. 32). По его мнению, «все самые явные, бросающиеся в глаза различия между фракциями имеют в основе национальную подоплеку. Партия большевиков была более однородной... евреев в ней было немного, в подавляющем большинстве большевики – великороссы» (P. 51). Что натолкнуло Лейна на эту мысль? Он изучил биографии 105 делегатов, в 1907 г. присутствовавших на V съезде РСДРП. Все делегаты – партийцы среднего звена (P. 44–46). 78 % из них были русскими. Евреев оказалось всего 11 % (в процентном отношении среди представителей революционной элиты евреев было больше – 16 %). Впрочем, самые ощутимые изменения коснулись вовсе не евреев, а представителей других национальностей: в 1907 г. всего 1 % делегатов V съезда составляли украинцы (против 10 % в составе революционной элиты), 3 % – уроженцы Прибалтики (против 9 %) и 5 % (против 7 %) – родом из Закавказья. В противоположность выводам Лейна, Мосс и Ригби нашли, что в первые послереволюционные годы число нерусских представителей коммунистической элиты было значительно. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 151; Rigby T. H. The Soviet Political Elite... P. 24, 38. Мосс подчеркивал, что в 1921–1922 гг. их было особенно много среди правящей верхушки и новых большевиков (P. 145). Ригби усматривал противоположную тенденцию – стремление к русификации партии в 1921–1922 гг. (Его выводы основывались на анализе биографий 522 делегатов, присутствовавших на XI съезде). См.: Rigby T. H. The Soviet Political Elite... P. 25; Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1922 г.: Стенографический отчет. – М., 1961. С. 716.

очевидным для западных исследователей было деление членов партии на рабочих и интеллигенцию, а для советских – на рабочих, крестьян и служащих (такого же принципа придерживались и в партийных документах). Как уже было показано выше на примере работ Лейна, Элвуда и Хеймсона, наиболее заметной тенденцией развития партии до 1917 г. оказалось сокращение доли интеллектуалов и переход доминирования к рабочим. Принимая это во внимание, кажется неожиданным утверждение Мосса, что типичный представитель высшего руководства или старых большевиков – это человек, принадлежащий к среднему классу, с высшим или законченным средним образованием. Ригби пришел к сходным выводам. «Ведущая роль интеллигенции в руководстве [партии], – по его словам, – видна даже в количестве ее представителей (не говоря уж о ее идеологическом влиянии. – *Э. М., С. У.*), и это положение сохраняется и после Революции»[37].

Наши собственные исследования показали: обращаться с социальным статусом членов партии в научной работе следует с большой осторожностью. Порой нелегко определить, род занятий партийных руководителей до революции. Информация об этом скудна, и многие в начале XX в. занимались только партийной работой. Они регулярно меняли род занятий, их трудовая деятельность перемежалась с тюремным заключением, ссылками или вынужденной эмиграцией. Начало Первой мировой войны помешало карьере многих революционеров, причем не только из числа молодых людей, призванных в армию. Учитывать показатели происхождения и степени образования также следует с осторожностью, но все же эта проблема поддается более простому решению. Чтобы установить, к какому социальному слою принадлежит тот или иной член партии, нужно выяснить профессию его отца. В данном случае вновь становится уместным деление революционной элиты на несколько подгрупп (по происхождению). Итак, 42 % (8 из 19) представителей старой революционной элиты происходили из низших слоев: семей рабочих или крестьян. Эти же пропорции верны и для ядра нашей элиты (10 человек из 23). Зато в рядах новой элиты выходцы из низших слоев составляли 66 % (21 из 32). В любом случае, значительная часть представителей революционной элиты имели плебейское происхождение. 52 % всех членов ЦК (40 из 77) – дети рабочих или крестьян: из них 16 человек (21 %) – выходцы из рабочих; 24 (31 %) – из крестьян. Причем последних в рядах новой революционной элиты было больше, чем среди представителей старой[38].

---

[37] Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P.145; Rigby T. H. The Soviet Political Elite... P. 27.

[38] Согласно подсчетам Мосса, лишь пятая часть старых большевиков – бывшие крестьяне. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 145. По нашим данным, их присутствие в революционной элите было выше: к крестьянам от-

Уровень образования у представителей революционной элиты различался, впрочем, как и происхождение (табл. 1.6): 40 % (31 из 78) посещали высшее учебное заведение, 33 % (26 из 78) по меньшей мере обучались в средних образовательных учреждениях, остальные 27 % (12 из 78) имели только начальное образование или вообще нигде не учились[39]. Таким образом, старая революционная элита была образованнее новой: 47 % людей с высшим (9 из 19) и 37 % со средним образованием против 25 % с высшим и 31 % со средним образованием (8 из 32). Возможно, уровень образования – ключевое различие между двумя указанными подгруппами. Даже несмотря на тот факт, что после завершения революции 1905 г. студенты и учащиеся, участвовавшие в революционной деятельности, реже исключались из учебных заведений, это разделение сохранялось[40].

Таблица 1.6

Образовательный уровень революционной элиты

	Все	Старая элита	Новая элита
Высшее образование	31	9	8
Среднее образование	26	7	10
Начальное образование (или не посещали учебные заведения)	21	3	14
Всего	78	19	32

Примечание. Революционная элита – это члены партии, избиравшиеся в ЦК в период с 1917 по 1922 гг. (включительно). Старая элита – это те, кто не был переизбран после 1920 г. Новая элита – члены партии, которые вошли в ЦК только после 1920 г. В графу «высшее образование» включены и те, кто хотя бы лишь приступил к обучению в институте или университете.

Описывая советскую элиту, исследователи часто забывают об особенностях отношений большевиков и царского правительства. Члены

носилась почти треть представителей старой элиты (6 человек из 19 или 32 %). Среди новой элиты крестьян было еще больше (14 из 32 или 44 %).

[39] Что значит это высшее образование? Некоторые члены ЦК в юности слушали лекции в университете или в политехническом институте либо другом подобном учебном заведении. Некоторые из них так и не завершили курс обучения. К революционерам со средним образованием мы относим не только тех, кто прослушал полный гимназический курс или закончил реальное училище, но и тех, кто лишь обучался в них, не завершив своего образования. Подпольная деятельность и образование, принимая во внимание политику репрессий в царской России, часто были вещами несовместимыми.

[40] В данном случае наши выводы отличаются от выводов Мосса. По его подсчетам, только 20 % старых большевиков получили высшее образование и 50 % имели среднее, из новых большевиков «чуть более трети» имели высшее образование, и в тоже время «едва ли более четверти» учились в средних учебных заведениях. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union. P. 145.

РСДРП был убеждены в необходимости свержения самодержавия. Со своей стороны государство оставляло крайне мало пространства для общепринятой политической деятельности. Проявлением открытого конфликта этих двух сторон стала революция 1905 г., напряженные отношения между властями и членами РСДРП переросли в открытое столкновение. Отказ депутатов фракции РСДРП в Государственной думе голосовать за военные кредиты в 1914 г. привел к новому этапу закручивания гаек со стороны правительства[41]. Мы не располагаем абсолютно достоверными сведениями о политических преследованиях членов партии. Ссылки в их биографиях на факт – «подвергался репрессиям» – скрывают разный жизненный опыт. Представители советской элиты 1917–1923 гг. почти все тем или иным образом подвергались репрессиям. Не один год они провели в ссылках (в отдаленных уголках России), некоторые были вынуждены покинуть страну или побывали в тюрьмах и на каторге. Например, Дзержинский (он тогда еще не был большевиком), впервые сосланный в 1897 г., чья последующая жизнь превратилась в череду ссылок, тюремных сроков, побегов, эмиграции (с 1912 по 1917 гг. он постоянно находился в тюрьмах и на каторге), – скорее исключение. Однако судя по биографическим данным, в той или иной форме репрессиям подвергалось большинство. В этом смысле старая революционная элита была затронута ими в большей степени, чем новая, но все же это был их общий опыт. Подвергаясь преследованиям со стороны самодержавия, многие скрывались за границей. Впрочем, разница между зарубежным опытом старой и новой элиты невелика. Поэтому было бы грубой ошибкой одних причислять к космополитам, а других нет[42].

Трудно переоценить значение гражданской войны 1917–1921 гг. в процессе формирования революционной элиты. Многие исследователи, и среди них Мосс, полагают, что война явилась главной причиной из-

---

[41] Документы Охранного отделения см. в репринтном издании: Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. – М., 1990.

[42] Согласно Пайпсу, даже марксисты, много лет прожившие за границей, как, например, Ленин, Троцкий и Зиновьев, не были знакомы с «зарубежными политическими культурами». «Хотя они находились в гуще событий, они не стремились к близкому общению с носителями западных ценностей. Они жили в эмигрантской среде и были изолированным от остального сообщества, их привлекали лишь активисты радикального крыла европейского социалистического движения». См.: Pipes R. Russia Under the Bolshevik Regime... P. 236f. Несомненно, у этой точки зрения есть свои основания. Но в то же время, по словам самого Пайпса, Ленин «почти половину сознательной жизни провел за границей ... и просто не имел возможности хорошо изучить свою родину» (Там же. С. 352). Создается впечатление, что Ленин не только был равнодушен к Западу, но и не понимал Россию.

менения состава революционной элиты в 1920 г. В 1917 г. большевики достигли власти – и почти сразу же разгорелся военно-политический конфликт, достигший невиданного размаха. Это была жестокая, беспощадная схватка – не на жизнь, а на смерть. С точки зрения дарвинистского подхода, гражданскую войну можно рассматривать как форму естественного отбора, в результате которого среди старых большевиков выделилась новая группа. Шейла Фицпатрик уверена: радикальные меры, к которым прибегали в годы гражданской войны, определили предрасположенность ветеранов партии к идее «революция превыше всего». Впрочем, предлагаемое ею противопоставление среди большевиков групп штатских и военных, то есть тех, кто сражался в рядах Красной армии и кто не участвовал в боях гражданской войны, по крайне мере в отношении революционной элиты выглядит не очень убедительно[43]. Моше Левин, автор вышедшей в 1968 г. книги «Последняя схватка Ленина», обращал внимание на тот факт, что среди представителей революционной элиты все меньше становилось тех, кто представлял альтернативные варианты дальнейшего политического развития. По его мнению, элита прошла строгий отбор. «[Гражданская] война и ее последствия, – пишет он, – сказались и на персональном составе партийного руководства. Уже вскоре стало ясно, что в нем появляются люди определенного типа, претендующие на лидерство в партийной иерархии». Левин выделил в партийном руководстве два группы: первая – «мыслители и идеалисты» и вторая – «практики, люди дела, активные революционеры». Представители нового поколения «принадлежали к особой "расе" реалистов и практиков». Интересно, что, сделав этот вывод, Левин не развил его в вышедшей 20 лет спустя обобщающей работе, посвященной этому периоду. Вместо нее он предложил другую эволюционную метафору. По его мнению, партия в целом после 1917 г. представляла «как бы другой род, состоящий из тех же, если не из совершенно иных, биологических видов»[44]. В наиболее полном виде аргументы Левина развил Марк ван Хаген. Он считал политику «военного социализма» следствием «общего опыта военной службы»[45]. Однако если рассматривать революционную элиту с нашей точки зрения – на уровне членства в ЦК, – эти выводы не

---

[43] Fitzpatrick S. The Legacy of Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / ed. D. Koenker et al. – Bloomington, 1898. P. 385–398, 399–423.

[44] Lewin M. Lenin's Last Struggle. – N. Y., 1968. P. 32, 59; Lewin M. The Civil War: Dynamics and Legacy // Party, State, and Society in the Russian Civil War... P. 399–423. См. также: Lewin M. The Making of the Soviet System. – London, 1985. P. 21–26, 202, 308.

[45] von Hagen M. Solders of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet State, 1917–1930. – Ithaca, 1990. P. 6. См. также: von Hagen M. The Rise and Fall of the Proletarian Sparta: Army, Society, and Reformism in Soviet

столь очевидны. Как мы уже отмечали, состав революционной элиты в 1917–1923 гг. не претерпел значительных изменений. К тому же, в биографиях представителей новой революционной элиты не прослеживается подобная тенденция на примере службы в Красной армии, участия в действиях продотрядов и т. д. Хотя это может быть верным по отношению к следующему после членов ЦК уровню руководителей. Они действительно сделали карьеру как раз в ходе гражданской войны. В то же время вполне уместно предположить, что гражданская война наложила определенный психологический отпечаток на представителей всех уровней власти. Вооруженная борьба ожесточила как ветеранов партии, так и ее новобранцев, представителей элиты и рядовых членов.

В течение многих лет внимание исследователей привлекает одна исключительная особенность, роковым образом отразившаяся на судьбах представителей революционной элиты 1917–1923 гг. Почти все они стали жертвами политической системы, ими же созданной. Из 62 еще живых в 1936 г. представителей революционной элиты 44 человека (71 %) стали жертвами политических репрессий в 1937–1938 гг.[46] Их судьба отражена в табл. 1.3. Новая элита понесла почти такие же чувствительные потери, как и другие выделенные нами подгруппы. К высшей мере наказания были приговорены 67 % представителей новой элиты (18 из 27), 73 % – старой (11 из 15) и 75 % из состава ее ядра (15 из 20). На скамье подсудимых в 1935–1938 гг. в ходе показательных процессов оказалось 15 представителей революционной элиты. Из них четверо были из новых и только трое относились к старой гвардии[47]. Видимо, «людям дела», о которых писал Левин и которые после 1920 г. взяли в свои руки бразды партийного правления, не удалось построить новый мир и стать его полноправными хозяевами. Этот вопрос мы подробнее обсудим в главах 2 и 3.

History // Reexamining the Soviet Experience: Essays in Honour of Alexander Dallin / ed. David Holloway. – Boulder, 1996. P. 53–56.

[46] Из 78 представителей революционной элиты 16 человек умерли до 1936 г. В их число входят и те, кто был убит (Л. Д. Троцкий) или умер в тюрьме (К. Б. Радек и Г. Я. Сокольников). Хотя А. А. Иоффе, С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе и М. П. Томского не считают жертвами сталинизма, некоторые из них с большой долей вероятности также могут быть отнесены к этой категории. Томский был бы расстрелян, если бы не покончил с собой. То же самое можно сказать об Орджоникидзе. Иоффе застрелился еще в 1920-е гг. – мог ли он, соратник Троцкого, уцелеть во время чисток? Многие исследователи убеждены: в смерти Кирова Сталин сыграл не последнюю роль, и даже смерть Куйбышева не была случайной.

[47] В это число входят Г. И. Сафаров и П. А. Залуцкий, которые якобы входили в Ленинградскую контрреволюционную зиновьевскую группу (суд над ними состоялся в январе 1935 г.). В 1936–1938 гг. еще 13 человек оказались на скамье подсудимых на трех так называемых больших московских процессах.

Джорж Хопт и Жан-Жак Мари, досконально изучив судьбу высших партийных чиновников (по материалам из энциклопедии «Гранат»), выступили с критикой, по их словам, «расплывчатого и слишком упрощенного понятия "большевистская старая гвардия"». Они полагали, что среди большевиков не было людей, которых можно отнести к какому-то одному определенному типу[48]. Это утверждение, во всех отношениях верное, крайне важно для нас. Можно согласиться с Моссом и другими исследователями, выделяющими в рядах революционной элиты группы новых и старых большевиков, и 1920 г. является разграничительной линией. В то же время нам известно, что кадровый состав ядра революционной элиты, в которое входили 23 человека, не изменился даже после 1920 г., так что, по-видимому, различия между старой и новой элитами не являлись непреодолимой пропастью. Более того, мы не можем убедительно классифицировать их по месту рождения или национальности, по уровню образования либо по принадлежности к тому или иному социальному слою. В обеих подгруппах были и рабочие, и интеллигенция, и русские, и нерусские. Революционная элита всегда была неоднородна, и предполагая, что члены ЦК «из простонародья» постепенно вытеснили своих образованных предшественников, мы чрезмерно упрощаем ситуацию.

Кроме того, представители старой и новой элиты обладали особыми характеристиками, отличавшими их как от низших партийных чинов, так и от остальных членов советского общества. Все они были в прошлом подпольщиками – это, пожалуй, их главная особенность. Их нельзя сравнивать и с представителями следующего уровня в партийной иерархии – делегатами партийных съездов. Например, около 94 % представителей новой элиты – это старые большевики. Для сравнения, из 552 делегатов, присутствовавших на съезде РКП(б) в 1922 г. к этой категории могут быть отнесены лишь 48 % (более 200 человек; см. табл. 1.4). По-видимому, именно это подразумевал Ленин, когда писал Молотову накануне XI съезда РКП(б): «...в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»[49]. Ветераны этой старой партийной гвардии – иными словами, революционная элита 1917–1923 гг. – имеют много общего с членами ЦК, впервые избранными в его состав в 1923–1934 гг. (мы будем рассматривать их как молодых новобранцев

---

[48] Makers of the Russian Revolution / ed. G. Haupt and J.-J. Marie. – London, 1974. P. 22. Хопт и Мари изучали биографии партийных деятелей, представленных в энциклопедии «Гранат». Мы полагаем, что объект их интереса имеет много общего с предметом наших исследований – революционной элитой (членами ЦК).

[49] Ленин В. И. ПСС. Т. XLV. С. 20.

ранней сталинской элиты во второй главе настоящей работы). Хотя старых большевиков в последней группе было несравнимо меньше. Так как же можно охарактеризовать революционную элиту и молодых новобранцев? В большинстве своем это коммунисты приблизительно одного возраста и сходного опыта. Они родились до 1901 г. и выросли в царской России. Эти люди – революционеры, активные участники событий 1917–1920 гг. Где между ними проходила трещина, станет ясно лишь с началом сталинских репрессий.

Старые большевики

Среди членов ЦК нельзя выделить кого-то в качестве типичного представителя революционной элиты. Однако Николай Николаевич Крестинский и Андрей Андреевич Андреев в какой-то степени могут служить примерами ее признанных типов. Крестинский – образованный человек, представитель интеллигенции, Андреев – сын крестьянина. На пике своей карьеры и Крестинский, и Андреев были членами Политбюро: Крестинский в 1919–1921 гг., а Андреев с 1926 г. Однако в период с 1917 по 1923 г. они не входили в число политических фигур первого ряда.

В 1918–1922 гг. Николай Крестинский служил наркомом финансов. В 1921–1930 гг. – полпредом в Веймарской Германии. С 1930 г. он – заместитель наркома иностранных дел СССР. На этом посту Николай Николаевич оставался до 1937 г.[50] С 1919 г. по март 1921 г. он также был секретарем ЦК РКП(б) и входил в состав Политбюро и Оргбюро. Крестинский избирался в ЦК в 1917, 1918, 1919 и в 1920 г., но не переизбирался в его состав ни в марте 1921 г., ни в апреле 1922 г., ни на последующих съездах партии. Крестинского расстреляли в 1938 г. в возрасте 55 лет. Его дочь, Наталья Крестинская, позднее писала об отце как об «интеллигенте старой школы», однако его нельзя считать типичным представителем эмигрантской среды. После революции Крестинский занимался главным образом внешней политикой. А ведь он не знал иностранных языков и до 1917 г. не принимал участия ни в одном из заграничных съездов партии. Нельзя его отнести и к партийным теоретикам – он не оставил после себя значительных работ.

---

[50] Недавние публикации, посвященные Н. Н. Крестинскому: Соколов В. В. Н. Н. Крестинский – революционер, дипломат (1883–1939) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 120–142, Попов Н. «Был и остаюсь большевиком» // Возвращенные имена: Кн. 1. М., 1989. С. 299–314. Хотя и тенденциозные, но представляющие интерес показания Крестинского на суде 1938 г. см.: The Great Purge Trial / ed. R. C. Tucker and S. F. Cohen. – N. Y., 1965. Краткую биографию Крестинского см.: Энциклопедический словарь «Гранат»... С. 462; Состав руководящих органов Центрального Комитета КПСС – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 104.

1.1. Николай Крестинский, 1927 г. (РГАКФД, г. Красногорск)

Будущий большевик Крестинский родился в 1883 г. в провинциальном городе Могилеве. Его родители – украинцы по национальности, но Могилев – это территория будущей Белоруссии. Они являлись, по-видимому, типичными представителями обрусевшей интеллигенции, которую в то время можно было встретить во всех уголках Российской империи. И хотя в партийных документах Крестинский значился как украинец, его карьера никак не связана с Украиной. В молодости его отец увлекался нигилизмом, но остепенившись и став главой семейства, преподавал и занимался административной работой в могилевской классической гимназии. Николай Крестинский в 1901 г. окончил Виленскую гимназию (в современном Вильнюсе). В последних классах он, юноша 16 или 17 лет, увлекся радикальными политическими идеями под влиянием одного из своих учителей, сторонника марксизма. В отличие от большинства своих современников, большевиков-интеллигентов, Крестинский получил высшее образование: в 1907 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Политикой юноша начал заниматься с конца 1901 г. Отсчет его партийного стажа ведется с 1903 г., когда он вступил во вновь организованное Виленское отделение РСДПР. В то время Крестинскому было 20 лет. По его собственному утверждению, он стал причислять себя к большевикам только во время революции 1905 г. До того, как переехать в Петербург на постоянное место жительства, он состоял в нескольких городских партийных

комитетах в западном регионе России. Помимо партийной деятельности Крестинский совершенствовал профессиональные навыки: он был присяжным поверенным. В отличие от большинства представителей русской интеллигенции Крестинский не оставил политику даже после поражения революции 1905 г. В течение 1907–1914 гг. он защищал интересы профсоюзов, публиковался в периодических изданиях, выполнял работу в интересах фракции социал-демократов в Государственной думе. В 1912 г. он баллотировался на выборах, правда, безуспешно. Молодого радикально мыслящего юриста лишь в незначительной степени затронули репрессии со стороны властей. В возрасте 22 лет во время кризиса 1905 г. он по вполне понятным причинам был захвачен борьбой с самодержавием. С осени 1904 г. Крестинский лишь несколько раз подвергался арестам и заключениям на непродолжительное время. Первый серьезный инцидент произошел в 1914 г., уже после начала Первой мировой войны. Крестинскому тогда был 31 год. Его выслали из Петербурга, но не в сибирскую глушь, а на Урал, где он жил в крупных городах.

В марте 1917 г., после свержения самодержавия, Крестинский участвовал в работе проходившего в Петрограде Всероссийского совещания Советов, был делегатом Всероссийского демократического совещания, собравшегося осенью того же года. Но главная его деятельность проходила по месту ссылки. В апреле 1917 г. Крестинского избрали председателем Уральского областного комитета большевистской партии, кроме того, он был заместителем председателя Екатеринбургского городского комитета партии. В августе 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) его заочно избрали в ЦК. Таким образом, он стал одним из немногих представителей глубинки в ЦК. Очевидно, в то время партия всецело полагалась на Крестинского. В значительной степени благодаря его заслугам большевикам удалось установить контроль над местными советами Урала, в ходе Октябрьской революции он был председателем Екатеринбургского военно-революционного комитета. Определяющую роль в его судьбе сыграл перевод в центральные органы власти. Видимо, Ленин следил за работой Крестинского на Урале и оценил его усилия и энергию. Как бы то ни было, в декабре 1917 г. Крестинский вернулся в Петроград в качестве делегата от Пермской губернии для участия в работе несостоявшегося Учредительного собрания. Образованный и энергичный, обличенный к тому же доверием партии, Крестинский вскоре стал комиссаром Народного банка и членом Коллегии наркомата финансов РСФСР. Хотя он не поддержал подписание Брест-Литовского мирного договора, это не помешало его переизбранию в ЦК на VII съезде партии. Когда в марте 1918 г. столица официально была перенесена в Москву, Крестинский остался в Петрограде в качестве заместителя комиссара Народного банка. Так как он имел юридическое образование, то какое-то время был «комиссаром юстиции» эфемерного Союза коммун Северной области.

В августе 1918 г. в возрасте 34 лет Крестинский возглавил Народный комиссариат финансов (Наркомфин). Он получил это назначение, скорее всего, благодаря опыту работы в Народном банке. Формально он занимал этот пост до октября 1922 г., хотя уже в 1921 г. отправился в Германию в качестве полпреда СССР. Наряду с должностью наркома финансов с ноября 1919 по март 1921 г. Крестинский был секретарем ЦК. Однако он не занимал сколько-нибудь значительных постов в действующей армии, поэтому не участвовал в проведение продразверстки и не был военным комиссаром. В марте 1921 г. Крестинского не переизбрали в ЦК. По-видимому, Ленин больше не доверял ему, несмотря на то или, наоборот, из-за того, что в конце 1920 г. Крестинский близко контактировал с ним. В 1920–1921 гг. Крестинский принял сторону Троцкого в острой полемике с Лениным по поводу роли профсоюзов. За два года до этого он также разошелся с лидером партии во мнении относительно заключения Брест-Литовского мирного договора[51].

В 1920–1930-е гг. Крестинский занимал важные посты в наркомате иностранных дел. После 1921 г. он в качестве делегата участвовал в работе всех съездов РКП(б) (кроме XV съезда в 1927 г.) и с февраля 1924 г. был членом Всесоюзного Центрального Исполнительного комитета (ЦИКа). Однако его больше не избирали в ЦК. В 1927 г. Крестинский поддерживал Зиновьева, Троцкого и других сторонников оппозиции в противостоянии сталинско-бухаринскому большинству в ЦК и Политбюро. Однако в 1928 г. он публично порвал с оппозиционерами. В мае 1937 г. Крестинский был арестован и исключен из партии. В марте 1938 г. он предстал перед судом как один из главных обвиняемых на показательном процессе по делу Антисоветского правотроцкистского блока. Судебный процесс был показательным. Бухарин, Рыков другие 15 обвиняемых признали себя виновными, несмотря на всю абсурдность обвинений, в государственной измене, терроризме, шпионаже и участии в антиправительственном заговоре. Только Крестинский отказался признать свою вину. Это был один из самых драматичных моментов процесса: на первом же заседании бывший адвокат отказался от ранее подписанных им показаний и заявил о своей невиновности. На следующий день Крестинский пересмотрел свои показания и признал свою вину, но это уже не могло его спасти.

---

[51] Н. Попов в своей статье «Был и остаюсь Большевиком» (С. 307 и далее) пишет, что в девятом томе «Биографической хроники» Ленина Крестинский упоминается чаще, чем прочие деятели. Исключением является лишь нарком иностранных дел Чичерин. Жена Крестинского, врач по профессии, ухаживала за Лениным. Заслуживает внимания еще один факт: в 1938 г. Крестинский свидетельствовал, что в 1921 г. он противился своей отправке в Германию, так как не знал страну и считал новое назначение политической ссылкой. См.: The Great Purge Trial... P. 220, 620f.

Его признали виновным, и через два дня после вынесения приговора он был расстрелян, как и большинство других обвиняемых[52].

Андрей Андреев представляет собой другой пример большевистского лидера, но несколько иного типа[53]. Он был на 12 лет моложе Крестинского и происходил из социальных низов. Андреев занимал высокое положение среди соратников Сталина: в 1926–1952 гг. был бессменным членом Политбюро, в 1945–1953 гг. – заместитель председателя Совета министров СССР. Как и Крестинский, являлся уроженцем одного из западных регионов России – Смоленской губернии. Родился в 1895 г. в бедной крестьянской семье. Его мать батрачила в течение 13 лет, ее отец был крепостным. Андрей оказался сообразительным ребенком, но он лишь два года провел в деревенской школе – с восьми до девяти лет. Его дядя жил в Москве, где работал дворником. В 1905 г. отец Андрея последовал примеру своего брата и переехал в Москву со всей семьей. Несколько лет мать, отец и трое детей ютились в темной, крохотной клетушке в промозглом и сыром подвале. Вскоре они вернулись в деревню. Андрей остался в Москве, там он какое-то время служил в трактирах, где выполнял грязную работу. В 15 лет он кочевал по Южной России и Кавказу, перебираясь из города в город в поисках заработка. Первая мировая война изменила его жизнь к лучшему: он приехал в Петербург (уже переименованный в Петроград) и нашел работу, сначала в патронно-гильзовых мастерских, затем мелким служащим в страховой кассе Путиловского завода.

Андреев увлекся марксизмом, когда был еще подростком. Он посещал собрания просветительного рабочего клуба, который располагался в одном из промышленных пригородов Москвы. В 1914 г., в возрасте 18–19 лет, он вступил в партию[54]. Андреев проявлял активность в делах организации и вскоре познакомился с партийными товарищами

---

[52] Там же. С. 36, 49–60, 154–158, 220–245, 619–625. См. также: О партийности лиц, проходивших по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–85.

[53] Мемуары Андреева были опубликованы прижизненно: Андреев А. А. О незабываемом: Очерки революционера-большевика. – М., 1972. Второе – самое лучшее – издание этой книги подготовила его дочь Наталья Андреева. Помимо текста, который остался без изменений, во второе издание включены личные письма и воспоминания друзей и членов семьи. См.: Андреев А. А. Воспоминания, письма. - М., 1985. См. также: Андреев А. А. О Владимире Ильиче Ленине. – М., 1965. 1-е изд.; Энциклопедический словарь «Гранат»... С. 349; Герои Октября... Т. I. С. 75–77; Состав руководящих органов ЦК... С. 83.

[54] В перечне делегатов XVII ссъезда указано, что Андреев вступил в партию в 1912 г. См.: XVII съезд Всероссийской Коммунистической Партии (б): Стенографический отчет. - М., 1934. С. 683. В октябре 1912 г. Андрееву исполнилось 17 лет. С марксистской литературой он познакомился в 16 лет (Андреев А. А. Воспоминания... С. 284). Впрочем, большинство источников

1.2. Андрей Андреев, 1920 г. (РГАКФД, г. Красногорск)

из Северной столицы. Конечно, в то время Андреев был слишком молод, чтобы принимать участие в партийных съездах за границей. Зимой 1915–1916 гг. Андреева кооптировали от Нарвы в подпольный Петроградский комитет большевиков. Это был первый шаг в его политической карьере. Нарва – это небольшой фабричный городок, здесь располагался Путиловский завод и другие крупные предприятия. Карьерный рост Андреева, вне всякого сомнения, оказался возможен только благодаря массовым арестам его старших товарищей. Приблизительно в это время Андреев познакомился со своей будущей женой Дорой Хазан, которая была старше его на год. Ее семья не относилась к числу зажиточных. Детство и юность Доры прошли среди евреев Риги. Она являлась членом партии с 1912 г. В 1916 г. работала в страховой кассе Путиловского завода и распространяла подпольные издания, за что в том же году была сослана в Сибирь. Дора Хазан вплоть до своей смерти в 1961 г. оказывала сильное влияние на мужа. После забастовки на Путиловском заводе в феврале 1916 г. Андреев вынужден был перейти на нелегальное положение. С этим событием связана его единственная в дореволюционный период поездка за пределы территории России – он нашел прибежище в Финляндии. В конце 1916 г. он вернулся в столицу и устроился на работу в страховую кассу другого завода. Андреев был среди тех, кто вышел на улицы во время Февральской революции 1917 г.

После свержения царя Андреев в свои 22 года организовал Петроградский союз металлистов. По-видимому, молодой партийный активист не сыграл заметной роли в Октябрьском вооруженном вос-

---

(в том числе перечень делегатов XV съезда) сообщают другую дату вступления в партию – 1914 г.

стании[55]. Однако подхваченный водоворотом гражданской войны, он не раз подвергался смертельной опасности. Зимой 1917–1918 гг. его отправили на Урал, затем перебросили на Украину. Повсюду мужа сопровождала Дора Хазан. В 1919 г. в Харькове у них родился первенец, сын Владимир. В конце 1919 г. Андреев вернулся на Урал, откуда тотчас был направлен в Сибирь для организации работ на местном производстве. Уже тогда он являлся членом Президиума Совета профсоюзов (ВЦСПС). В марте–апреле 1920 г. проходил IX съезд партии. Впервые в подобном мероприятии в качестве делегата принимал участие и Андреев. Что еще удивительнее, тогда он был избран полномочным членом ЦК, хотя ему было всего 24 года. По всей видимости, такой взлет в его карьере обусловлен тем, что уже существовало решение о его переезде в Москву, где он должен был занять ответственный пост секретаря Совета профсоюзов. Мы не можем говорить об этом с уверенностью, но известно, что сразу после избрания в ЦК Калинин представил Андреева Ленину, и тот сообщил ему о новом назначении. Андреев оставался на этом посту до 1922 г. На X съезде он не был переизбран в состав ЦК. Видимо, неудача постигла его по той же причине, что и Крестинского: во время дискуссии о профсоюзах он поддержал не ту сторону. Однако в 1922 г. его членство в ЦК было восстановлено. В этом же году Андреев, которому исполнилось 28 лет, получил назначение на стратегически важный пост председателя Союза железнодорожников. На этой должности он оставался вплоть до 1927 г. Занимая все эти ответственные посты, с июня 1924 по декабрь 1925 г. Андреев выполнял обязанности секретаря ЦК РКП(б), что позволяло ему регулярно переизбираться в его состав. За этими назначениями последовали другие, не менее ответственные.

В первой части этой главы мы рассмотрели революционную элиту как обособленную группу. Крестинский и Андреев – индивидуальности. В тоже время революционный и жизненный опыт этих людей не уникален. Схожий путь прошли многие представители советской элиты 1917–1923 гг. или представители ранней сталинской элиты 1923–1937 гг. – все они принадлежали к первому поколению революционеров. При этом ошибочно утверждать, что Крестинский и Андреев – *типичные* представители элиты. Никто из них, находясь на службе революции, не принадлежал к ядру элиты. Крестинский входил в состав ЦК только в 1917, 1918, 1919 и 1920 г. и не переизбирался в последующие годы. Андреев стал членом ЦК лишь в 1920 г., когда победа коммунистов в гражданской войне была уже несомненной. Крестинский был старше, вступил в партию на 10 лет раньше Андреева. Крестинский прошел революционное крещение еще в 1905–1907 гг., когда Андреев

[55] Согласно нашим источникам: энциклопедии «Гранат» и справочнику «Герои Октября».

был ребенком. Родители Крестинского принадлежали к интеллигенции, а у Андреева – к крестьянству. Образование Крестинского, получившего диплом Санкт-Петербургского университета, разумеется, невозможно сравнить с двумя начальными классами деревенской школы. Адвокат обладает несравнимо высшим социальным статусом, чем разнорабочий (или низкооплачиваемый служащий). В годы гражданской войны Крестинский находился в Петрограде и Москве, а Андреев, находясь в непосредственной близости от линии фронта, вел борьбу, чтобы закрепить за большевиками освобожденные территории. После 1920 г. Крестинский находился на вторых ролях. Он умер ужасной смертью признавшего свою вину троцкиста. Андреев четверть века был членом Политбюро и помогал Сталину вести наступление на оппозицию.

В то же время похожесть биографий Крестинского и Андреева наводит на мысль, что нельзя отбрасывать факт наличия различий внутри революционной элиты. Но их не стоит рассматривать в качестве заданной парадигмы: Крестинский – обреченный на смерть интеллектуал, а Андреев – выходец из народа, человек будущего[56]. Крестинский и Андреев не имеют прямого отношения к потомственному городскому пролетариату, к тому же оба они приехали в столицу из глубинки. Нельзя сказать, что Крестинский или Андреев пострадали от царских репрессий. Во время Первой мировой войны никто из них не был мобилизован, хотя отца Андреева и призвали в армию. Они не были активными участниками внутрипартийных противостояний, не присутствовали на партийных съездах и не принимали большого участия в работе партийных комитетов. И Крестинский, и Андреев вели партийную работу на территории России, а не в эмиграции. В этом смысле Крестинский был таким же *комитетчиком*, как и Андреев. Никто из них не принимал активного участия в Октябрьской революции в Петрограде. Не отличались они и бездумной преданностью: в ходе дискуссии о профсоюзах приняли сторону Троцкого, за что и поплатились – на следующий год не были переизбраны в ЦК. Но у Крестинского и Андреева больше общего, чем может показаться на первый взгляд: они, как и другие представители революционной элиты, принадлежали к старым большевикам – подпольщикам. Оба были еще молоды, когда после победы большевистской революции заняли ответственные посты.

---

[56] Взгляд на интеллигентское или плебейское происхождение как главный фактор разделения революционной элиты на старую и новую является слишком упрощенным. Если бы в качестве примеров мы взяли Л. П. Серебрякова (члена ЦК в 1919 и 1920 г.) и С. И. Гусева (члена ЦК в 1921 и 1922 г.), а не Крестинского и Андреева, то ситуация выглядела бы иным образом. Серебряков – неполучивший образование рабочий-металлист, а сын учителя Гусев окончил реальное училище и поступил в престижный Петербургский технологический институт.

Центральный Комитет у власти

В этой книге мы отождествляем революционную элиту с членами ЦК коммунистической партии. В теории входившая в ЦК элита должна была подчиняться уставу партии. В годы революции и гражданской войны приняли три его редакции: на VI съезде в августе 1917 г., VIII партийной конференции в декабре 1919 г. и на XII съезде в августе 1922 г. Еще в дореволюционный период, когда большевики только начинали свою деятельность, признавалось, что ЦК не будет постоянно действующим органом. Это положение сохранялось, хотя и по другим причинам, и тогда, когда ЦК стал собираться более регулярно: сначала при Временном правительстве в качестве российской легальной политической организации, и затем как фактическая часть советского правительства. В августе 1917 г. в партийный устав было внесено правило, что для текущей работы из ЦК необходим подкомитет, в который должно входить ограниченное количество членов (*узкий состав*). В декабре 1919 г. устав закрепил решения VIII съезда, принятые за девять месяцев до этого: текущей работой должны были заниматься Политическое бюро (Политбюро), Организационное бюро (Оргбюро) и Секретариат. В 1922 г. их полномочия прописали с большей четкостью. Одновременно сам ЦК получил чрезвычайно широкие полномочия, которые были закреплены в разных редакциях партийного устава. В 1917 г. роль ЦК определялась следующим образом:

> Центральный комитет представляет партию в отношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию ЦО (центральный «орган», т. е. партийная газета. – *Э. М., С. У.*), работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии[57].

Устав 1919 г. в целом сохранил те же самые слова, но в него была внесена одна важная поправка: «Центральный комитет направляет работу центральных советских и общественных организаций через партийные группы в них». Эти полномочия ЦК подтвердил партийный устав 1922 г.[58]

---

[57] ЦК определял нормы представительства на партийных съездах, но даже это право в 1919 и 1922 гг. передавалось партийным конференциям, собиравшимся накануне съездов. ЦК также представлял на ежегодных съездах отчет о своей работе.

[58] Устав 1917 г. см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 15 т. – М., 1983–1989. Т. I. С. 589–591; редакции устава 1919 и 1922 г.: Там же. Т. II. С. 201–209, 573–583.

Первые годы существования ЦК – непосредственно перед Октябрьской революцией и несколько лет после – без преувеличения являлись его золотым веком. Заседания ЦК происходили регулярно и часто. На повестку дня выносились и горячо обсуждались жизненно важные для государства вопросы. Так, на знаменитых совещаниях 10 и 16 октября 1917 г. было принято решение о захвате власти. После победы восстания в ЦК велись горячие споры о принципах организации новой власти. На чередовавших друг друга заседаниях в январе–феврале 1918 г. остро обсуждался вопрос войны и мира с державами Центральной Европы. 4 ноября 1917 г., через неделю после прихода к власти большевиков, Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин заявили о своем выходе из состава ЦК из-за несогласия с предлагаемым составом нового правительства. С их уходом состав высшего органа партии сразу сократился на целую четверть, правда, Зиновьев уже 7 ноября пересмотрел свое решение[59]. Впоследствии никто из членов ЦК не совершал подобных поступков. Поскольку этот эпизод не раз становился предметом научных дискуссий и в действительности был связан с политической ситуацией в высшем руководстве большевистской партии, мы не будем на нем останавливаться. Нас больше интересует становление ЦК как государственного института.

После тревожной зимы 1917–1918 гг. заседания ЦК стали собираться реже. Согласно уставу партии от 1917 г., *пленарные заседания* ЦК должны были проходить каждые два месяца. В марте 1918 г. было принято решение о проведение еженедельных заседаний узким составом, которые также именовались «бюро». Раз в три недели созывался пленум ЦК. На первом пленуме после VIII съезда РКП(б) в 1919 г. члены ЦК приняли решение собираться в первое и третье воскресенья каждого месяца[60]. В декабре 1919 г., когда в партийный устав 1917 г. внесли значительные изменения, число заседаний ЦК было увеличено в четыре раза – с одного заседания раз в два месяца до двух каждый

---

[59] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918 гг. – М., 1958. С. 135–136, 143–145. Каменев вновь стал членом ЦК только в марте 1919 г., в марте 1920 г. было восстановлено членство в ЦК Рыкова, Милютина и Ногина (последние двое в качестве кандидатов в члены ЦК). О дискуссиях в ЦК зимой 1917–1918 г. см.: Debo K. R. Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1917–18. – Liverpool, 1979; Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power; Service R. Lenin: A Political Life: Vol. 2. Worlds in Collision. – Basingstoke, 1991. См. также интересное современное исследование, посвященное роли ЦК в первые годы советской власти: Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. P. 60–65.

[60] Деятельность Центрального Комитета партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 107; № 12. С. 133.

месяц. Впрочем, в 1922 г. снова вернулись к норме 1917 г. Между VIII (1919) и IX (1920) съездами официально состоялось восемь пленумов (по три каждые два месяца). Между IX и X съездами прошло всего 29 пленумов (по два в месяц)[61]. Эти данные создают не совсем верное представление об уровне активности ЦК – порой несколько пленумов собирались в течение нескольких дней, и в тоже время бывали месяцы, когда заседания вообще не проводились (табл. 1.7). Ясно, что при таком положении дел ЦК не мог представлять собой настоящий государственный институт[62]. Тем не менее значительная часть полномочных членов ЦК имели возможность как минимум воздействовать на политику государства и партии в других руководящих органах (табл. 1.8). К последним относились Политбюро, Оргбюро и Секретариат в партии и Совнаркоме со стороны органов государственной власти[63].

Таблица 1.7

Деятельность ЦК с октября 1917 г. по июнь 1923 г. (число заседаний)

	1 января – 31 марта	1 апреля – 30 июня	1 июля – 30 сентября	1 октября – 31 декабря
1917	–	–	–	16
1918	12	10	3	7
1919	8	7	3	2
1920	2	2	3	7
1921	5	1	2	3
1922	1	2	2	2
1923	2	3	–	–

Примечание. Таблица дает представление о количестве заседаний. Собрания ЦК (официально их называли заседаниями или пленумами), проходившие в один или в течение нескольких дней, рассматриваются как *одно заседание.*

В системе формирующихся властных отношений к полномочиям ЦК относилось избрание Политбюро, Оргбюро, Секретариата и изменение их состава в промежутках между съездами. Эти прерогативы приобрели особое значение во время фракционных споров второй половины 1920-х гг., но 1919–1923 гг. они редко использовались. В то время Ленин еще сохранял контроль над ситуацией, да и частота со-

[61] Центральный комитет РКП(б) // Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983.

[62] В этом заключается важное заключение Грэма Гилла. См.: Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. P. 63.

[63] Rigby T. H. Lenin's Government: Sovnarkom, 1917–1922. Cambridge, 1979; Service R. The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organizational Change, 1917–1923. – London, 1979.

зывов съездов не давала достаточных поводов для осуществления полномочий ЦК в полной мере. Лишь однажды ЦК пошел на изменение состава Политбюро: в 1919 г. в него была кооптирована Елены Стасова. Следующий случай, когда состав Политбюро изменился по решению ЦК в обход партийного съезда, имел место не раньше лета 1926 г. Изменения в Составе Оргбюро по решению ЦК происходили чаще. С марта 1919 г. по апрель 1920 г. по решению ЦК в его состав вошли пять новых членов. На пленуме в августе 1921 г. был утвержден состав Оргбюро из десяти человек. Некоторые кадровые изменения производились и в отношении Секретариата: например, на ноябрьском пленуме 1919 г. в его состав были введены Крестинский и Стасова[64].

Целью этой работы не является подробная характеристика роли ЦК в формировании государственной политики – это может увести нас в сторону описания политической истории Советской России. Однако полезно иметь общее представление о том, как функционировал ЦК. Один из его пленумов (№ 2), проходивший 16 мая 1922 г., описывает Микоян. Тогда ЦК был еще достаточно компактным, его члены могли помещаться за одним длинным столом в зале заседаний Совнаркома, располагавшимся на последнем этаже здания Сената в Кремле. Председательствовал Ленин. Он не сводил глаз с карманных часов, строго следил за соблюдением регламента. «Обстановка строго деловая, никаких посторонних разговоров, которые могли бы помешать ведению заседания. Для докладов Ленин давал, помнится, три минуты... выступавшим в прениях – одну-две минуты»[65].

Таблица 1.8

Должности, занимавшиеся полномочными членами ЦК, июль 1920 г.

	Политбюро	Оргбюро	Секретариат	Совнарком
Андреев А. А.	–	–	–	–
Бухарин Н. И.	Кандидат	–	–	–
Дзержинский Ф. Э.	–	Кандидат	–	Председатель ВЧК
Зиновьев Г. Е.	Кандидат	–	–	–
Калинин М. И.	Кандидат	–	–	–
Каменев Л. Б.	Полномочный член	–	–	–
Крестинский Н. Н.	Полномочный член	Полномочный член	Секретарь	Нарком финансов
Ленин В. И.	Полномочный член	–	–	Председатель Совнаркома

[64] Состав руководящих органов Центрального Комитета... С. 70–73.

[65] Микоян А. И. Мысли и воспоминания о Ленине. С. 219.

Окончание табл. 1.8

	Политбюро	Оргбюро	Секретариат	Совнарком
Преображенский Е. А.	–	Полномочный член	Секретарь	–
Радек К. Б.	–	–	–	–
Раковский Х. Г.	–	–	–	–
Рудзутак Я. Э.	–	–	–	–
Рыков А. И.	–	Полномочный член	–	Председатель (ВСНХ)
Серебряков Л. П.	–	Полномочный член	Секретарь	–
Сергеев Ф. А.	–	–	–	–
Смирнов И. Н.	–	–	–	–
Сталин И. В.	Полномочный член	Полномочный член	–	Нарком национальностей, нарком РКИ
Томский М. П.	–	Кандидат	–	–
Троцкий Л. Д.	Полномочный член	–	–	Нарком по военным делам, нарком путей сообщения

Чтобы получить представление о содержании рядового заседания ЦК, следует вернуться на два года назад к двум пленумам, собравшимся 16 и 17 июля 1920 г.[66] С IX съезда партии, который проходил в марте–апреле 1920 г., была принята практика нумерации пленумов, поэтому июльские значатся под номерами – 3-й и 4-й. Предыдущий по счету пленум был проведен тремя месяцами раньше, 8 апреля. На встрече в июле члены ЦК присутствовали почти в полном составе. Из 19 полномочных членов ЦК, избранных в апреле 1920 г., 16 июля присутствовали 17 человек и 15 на следующий день. Отсутствовали И. В. Сталин, который как член Реввоенсовета находился на польском фронте, и И. Н. Смирнов, находившийся в Сибири[67]. На июльских пленумах был затронут широкий круг вопросов – повестка

[66] Протоколы пленумов были опубликованы: Деятельность Центрального комитета партии в документах // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 119–122; № 2. С. 114–116.

[67] Троцкий и Радек отсутствовали во второй день. В протоколах ничего не сказано о присутствии кандидатов в члены ЦК.

включала 41 пункт. В недавно опубликованных протоколах заседаний ЦК содержится информация лишь об итогах обсуждений. Нет в них и указаний о ходе голосований. Половину всех обсуждавшихся вопросов составляли кадровые, как, например, избрание делегатов на II конгресс Коминтерна. Обсуждались и персональные назначения. Так, Сталин просил направить себе в помощь на польский фронт Сокольникова. ЦК отклонил это требование на основании того, что в данный момент более целесообразным было присутствие Сокольникова в Туркестане.

На пленумах решались и более серьезные вопросы. На одном из заседаний обсуждали ответ на ноту Керзона (требование прекратить наступление советских войск на запад вглубь польских территорий): ответ предполагал готовность СССР к войне с западными державами. Обсуждались на пленумах и вопросы политики в отношении Персии и марионеточной Дальневосточной республики, но их переадресовали в специально созданные для этого комиссии. На заседаниях ЦК приходилось решать и достаточно деликатные вопросы: например, предоставление коммунистической партии Великобритании денежной помощи в размере 10 000 фунтов стерлингов или возможную отмену смертной казни для дезертиров. Оргбюро обязано было представлять ежемесячные отчеты о деятельности ЦК, которые адресовались низовым партийным организациям. Именно на пленумах ЦК принимались решения против легализации опиравшейся на крестьянство Партии левых социалистов-революционеров и об исключении еврейского Бунда из революционных комитетов. На его заседаниях было утверждено постановление о ссылке лидеров меньшевиков в отдаленные районы страны, правда, двум из них разрешили выехать заграницу. Иногда ЦК выполнял функции апелляционного суда по политико-административным вопросам. Многие решения по подобным вопросам принимались на уровне Политбюро или Оргбюро. В некоторых случаях ЦК утверждал особо важные постановления Политбюро, в частности, имевшее судьбоносное значение избрание Рудзутака председателем профсоюза железнодорожников, посредством чего ЦК утвердил свой контроль над этой организацией. Благодаря специальному постановлению ЦК разрешилась дискуссия о подчинении Рыкова (чрезвычайного уполномоченного СТО по снабжению Красной армии и флота) Реввоенсовету Троцкого. В отдельных случаях ЦК определял, какие кадровые решения подлежали юрисдикции Политбюро или Оргбюро, или давал разъяснения относительно статуса двух кандидатов в члены Оргбюро.

Очевидно, что ЦК принимал активное участие в политической жизни страны, однако его заседания, как уже упоминалось ранее, происходили нерегулярно. На июльском пленуме 1920 г. дата про-

ведения следующего заседания была обрисована очень туманно: следующий пленум должен был состояться «в ближайшем будущем перед отъездом тов. Дзержинского [на польский фронт] и во всяком случае перед отъездом тов. Раковского и Артема [на Украину]». Как мы знаем, следующий пленум (пятый по счету) состоялась всего три недели спустя, 5 августа. Ни Дзержинский, ни Раковский на пленуме не присутствовали.

Как же охарактеризовать состав ЦК при Ленине? Ведь именно они представляют революционную элиту. Что значило членство в ЦК в первые шесть лет после революции? Какую роль играл ЦК? Прежде всего, ЦК, бывший когда-то организационной группой подпольной и эмигрантской революционной партии, теперь стал высшим государственным органом, который не терпел других конкурентов. Власть ЦК достигла своей кульминации весной 1919 г. Однако и после этого реальные руководящие функции были возложены на его узкий состав в виде Политбюро и Оргбюро, которые официально не числились среди важнейших государственных органов. Еще задолго до принятия нового устава партии в 1919 г. существовали противоречия между теми полномочиями ЦК по организации и руководству партийными и государственными органами, которые, с одной стороны, определялись в теории, и теми, что, с другой стороны, осуществлялись на практике.

В рассматриваемый период состав ЦК не всегда определялся заранее, как это будет принято позднее: тогда система должностных вакансий еще не была до конца сформирована. Тем не менее в первые годы после революции присутствие элемента избрания в системе формирования ЦК было весьма ограничено. Но каким бы образом не определялся его состав, ЦК был воплощением высшей партийной элиты. Саму революционную элиту нельзя охарактеризовать как группу людей, объединенных социальным происхождением или образовательным уровнем. Она не была однородной. Однако все ее представители на протяжении долгого времени принимали участие в революционном движении, и это действительно их объединяло. И именно этим они отличались от тех людей, кто пришел им на смену через два десятилетия. Теперь необходимо выяснить, как изменились влияние и членство в ЦК со смертью Ленина, сосредоточением власти в руках Сталина и текущим обновлением его состава.

2. СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ, СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА И БОЛЬШОЙ ТЕРРОР, 1923–1937 гг.

Совершенно ясно, что невозможно одновременно быть за партию и выступать против ее нынешнего руководства, быть за ЦК и против тов. Сталина.

(Г. Л. Пятаков, «Правда», 23 декабря 1929 г.)

Политбюро не может и не должно иметь секретов от ЦК ВКП(б).

(Циркуляр Политбюро членам ЦК, 22 февраля 1937 г.)

Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не перестаивали на старом месте и не начинали гнить.

(И. В. Сталин, 3 марта 1937 г.)

Определить границы между первым и вторым периодами в истории советской элиты сложно. Из знаковых событий можно назвать лишь уход Ленина. Последующие полтора десятилетия были не менее драматичными, чем время революции и гражданской войны. Для советской элиты оно имело катастрофические последствия.

Сразу после того, как в мае 1922 г. Ленин перенес инсульт, в руководстве партии завязалась политическая борьба. В ее основе лежало противостояние как личностей, так и программ дальнейшего развития. Со смертью Ленина оно усилилось. Зиновьев, Троцкий и Каменев были исключены из Политбюро на пленуме ЦК во второй половине 1926 г. Лидеры правой оппозиции Бухарин и Рыков последовали за ними в 1929 и 1930 г. соответственно. Иосиф Сталин занял положение лидера партии и фактически стал диктатором. Открыто проводилась политика льстивого низкопоклонства. За началом первой пятилетки в октябре 1928 г. последовала массовая коллективизация деревни зимой 1929–1930 гг. Курс на социалистическое строительство предполагал коренные изменения в советской экономике и

обществе. Уже к 1938 г., началу третьей пятилетки, Советская Россия совершила стремительный рывок к урбанизации и индустриализации. Но также быстро росло и количество репрессированных. Первыми жертвами стали управленцы и инженеры, получившие образование при царском режиме, а также наиболее успешные крестьяне – кулаки. Империя ГУЛАГа, построенная на насилии и принуждении к труду, расширялась чрезвычайно быстрыми темпами.

Массовые репрессии – последствие напряженной политической борьбы. В данном случае Сталин использовал партийную элиту как средство достижения своих целей. Не последнюю роль в этом сыграл так называемый съезд победителей, проходивший в 1934 г. Победителями социалистического строительства были делегаты съезда, а также избранный ими новый состав ЦК. Предыдущая глава посвящена революционной элите – 78 коммунистическим лидерам, входившим в состав ЦК в 1917–1923 гг. Данная глава – о тех, кого можно называть элитой раннего сталинского периода. К ней относились 236 человек, которые в 1923–1937 гг. являлись членами ЦК, то есть избирались на шести партийных съездах в 1923–1934 гг. Среди них были и заклятые враги Сталина. Поэтому не случайно, что две трети ее представителей стали жертвами Большого террора. Впрочем, в 1930-е гг. всех их относили к сталинистам, то есть верным сподвижникам Сталина, так будем называть их и мы. Большинство из них были назначены на должности, соответствовавшие уровню ЦК, после назначения Сталина генеральным секретарем ЦК в начале 1922 г. Эта должность предоставляла ему полный контроль над партийным аппаратом. Тогдашняя элита не только поддерживала Сталина в радикальной политике конца 1920-х гг., так называемой генеральной линии, но сама была ее проводником и исполнителем. Эти люди несут ответственность за распространение культа личности Сталина и начало массовых репрессий.

Советская элита: от Ленина до Сталина

В главе 1 были рассмотрены первые шесть лет советской власти, когда ЦК переизбирался на проходивших ежегодно партийных съездах. Здесь мы постараемся охватить период времени длительностью почти в 15 лет. За это время элита претерпела значительные изменения. Первые три съезда (XII, XIII и XIV), как и прежде, проводились каждый год (в 1923, 1924 и 1925 гг.). Однако XV съезд ВКП(б) прошел только через два года после XIV (1927). XVI съезд был созван через два с половиной года после XV (1930). До того, как собрался следующий XVII съезд (1934), прошло три с половиной года. Состав ЦК также постоянно расширялся, сократившись лишь однажды – в 1930 г. За период между XII и XIII съездами число членов ЦК увеличилось на 53 %. Состав ЦК, избранный на XVI, XVII и XVIII съездах, в три раза превышал показатели 1922 г. (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Изменения состава ЦК, 1922–1939 гг.

	Съезд и дата его проведения							
	XI, март–апрель 1922 г.	XII, апрель 1923 г.	XIII, май 1924 г.	XIV, декабрь 1924 г.	XV, декабрь 1927 г.	XVI, июль 1930 г.	XVII, январь–февраль 1934 г.	XVIII, март 1939 г.
Полномочные члены ЦК	27	40	53	63	71	71	71	71
Кандидаты в члены ЦК	19	17	34	43	50	67	68	68
Всего	46	57	87	106	121	138	139	139
Входили в предыдущий состав ЦК	32	34	51	72	90	102	93	24
Не входили в предыдущий состав ЦК	14	23	36	34	31	36	46	115
Переизбранные на следующем съезде	34	51	72	90	102	93	24	120
Не переизбранные на следующем съезде	12	6	15	16	19	45	115	19
Изменение состава ЦК (%)	20	26	11	17	15	16	33	83

Примечание. Обновление состава ЦК для данного съезда рассчитывалось как доля от общего числа полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, который составили лица. не переизбранные в его состав на новом съезде. После марта 1939 г. следующий состав ЦК был избран в 1941 г. на XVIII партийной конференции.

Рост ЦК продолжался весь советский период. Как мы знаем, через два-три года после установления советской власти ЦК уже был достаточно большим и не мог эффективно выполнять свои функции. Поэтому в принятии текущих решений его замещал так называемый узкий состав, представленный избранными членами ЦК. Позднее это положение было официально закреплено с созданием двух постоянных комитетов – Политбюро и Оргбюро. Каковы причины расширения ЦК? Частично это проистекало из стремления Сталина создать надежную базу в партии через осуществление политики своеобразного патроната. Но это также было отражением общих изменений в размерах и составе советской государственной машины. В любом случае расширение состава ЦК совпадало с пожеланиями самого Ленина. Лидер большевиков поднял вопрос о ЦК в своем знаменитом «Завещании»[1]. Состав ЦК уже на следующем съезде партии в апреле 1923 г. возрос до 40 человек, а в мае 1924 г. – до 50. Впрочем, планку в 100 человек ЦК преодолел только в 1952 г.

Что представляла собой элита 1923–1937 гг.? Насколько интенсивно и быстро менялся ее кадровый состав? Соотношение между проявлениями обновления и преемственности в составе ЦК постоянно менялось (табл. 2.1). После съезда 1923 г. состав ЦК обновился на 26 %. Вместе с этим общее число членов ЦК увеличилось примерно на одну пятую часть. До 1939 г. ни на одном партийном съезде не было столь значительного притока в ЦК свежей крови, как в 1923 г. В 1924 г. количество кадровых перестановок в нем резко пошло на убыль. Об-

---

[1] Ленин начал составлять «Завещание» в декабре 1922 г., после того как с ним случился второй удар. Оно представляет собой записи, оформленные в виде письма, адресованного следующему съезду партии. Первым пунктом он поставил увеличение числа членов ЦК до нескольких десятком или даже сотен. (Напомним, что в то время ЦК насчитывал 27 полномочных членов и 19 кандидатов). «Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности, ... если бы мы не предприняли такой реформы» – полагал Ленин. Эта мера, по его мнению, была «нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии». «Мне думается, что 50–100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил». Что навело Ленина на мысль о расширении ЦК? Вероятно, он чувствовал необходимость усиления партии перед лицом международного кризиса. Кроме того, пожалуй, даже в большей степени он был озабочен проблемой устойчивости партии. Об этом говорит то, что вторую часть своего письма Ленин посвятил конфликту Сталина и Троцкого. См.: Ленин В. И. ПСС. – М., 1964. Т. XLV. С. 343–346 (запись от 23 и 24 декабря 1922 г.). Сейчас трудно сказать, кого именно Ленин имел в виду в качестве «членов ЦК»: только полномочных членов или всех членов и кандидатов в члены ЦК? Первый вариант кажется наиболее соответствующим действительности.

новление кадров в ЦК после XIII съезда составило всего 11 %. Только шесть человек, утвержденных в 1923 г., не вошли в состав ЦК, избранный на следующем съезде в 1924 г. (считая Ленина, умершего в январе 1924 г.). И лишь двое из полномочных членов ЦК не были переизбраны на XIII съезде[2]. В это же время произошло новое заметное расширение состава ЦК – с 57 до 87 человек. Видимо, это было движение в сторону осуществления предложения Ленина о достижении численности в «50–100 членов ЦК». Таким образом, число полномочных членов ЦК увеличилось на 50 %, а кандидатов в члены ЦК – удвоилось. При этом три четверти состава ЦК были представлены абсолютно новыми людьми. На XIV съезде в 1925 г., несмотря на усилившуюся фракционную борьбу в партийном руководстве, произошли лишь незначительные изменения в среде полномочных членов ЦК. Трое полномочных членов, все представлявшие оппозицию, не были переизбраны в новый состав. Двое полномочных членов ЦК были понижены до уровня кандидатов. В 1927 г. на очередном съезде четверых из этой пятерки исключили из партии[3]. Большие изменения произошли среди группы кандидатов в члены ЦК: 11 человек не были переизбраны 1925 г. Еще более поразительным был приток новых кандидатов в члены ЦК – 26 человек, включая тех, кто пришли на освободившиеся места. Однако лишь шестеро из них получили статус полномочных членов ЦК в 1927 г. После XV декабрьского съезда 1927 г. состав ЦК обновился на 15 %. На нем не были переизбраны 11 из 63 полномочных членов ЦК и пять из 43 кандидатов в члены ЦК. Значительное их число составляли представители потерпевшей поражение так называемой объединенной оппозиции. Общий состав ЦК возрос со 106 в 1925 г. до 121 в 1927 г. Однако в 1927 г. среди полномочных членов не нашлось тех, кто бы не входил в ЦК в 1925 г. Из 71 полномочного члена, избранного в 1927 г., 52 были членами, 12 кандидатами в члены ЦК еще в 1925 г. Небольшой приток свежей крови наблюдался среди кандидатов в члены ЦК, но и там более половины (27 из 50) уже входили в состав высшего партийного органа двумя годами ранее.

XVI съезд ВКП(б) проходил в июне 1930 г., уже после краха Бухарина, в стране, вовлеченной в водоворот индустриализации и коллективизации. Принимая во внимание то, что тогда происходило, удивительно, что изменения в составе ЦК не носили более радикальный характер. Впервые после 1920 г. не произошло увеличения числа полномочных

---

[2] После XIII съезда из ЦК были выведены И. И. Коротков и К. Б. Радек. Последний оказался в опале, очевидно, из-за поражения революции в Германии предыдущей осенью.

[3] В 1925 г. М. М. Харитонов, А. С. Куклин и П. А. Залуцкий не были переизбраны в ЦК. Полномочные члены ЦК М. М. Лашевич и К. И. Николаева были понижены до степени кандидатов в члены ЦК.

членов. Достигнув цифры 71 в 1927 г., оно осталось таким же в 1930 г. и не менялось на протяжении 25 лет, вплоть до 1952 г. (то есть после съездов 1930, 1934, 1939 и 1941 гг.). Обновление состава ЦК в 1930 г. (на 16 %) было чуть более заметным, чем в 1927 г. Впрочем, через два с половиной года этот показатель снизился. В 1930 г. среди полномочных членов ЦК лишь 23 % (16 человек) впервые удостоились этого звания, причем 12 из них уже до этого были кандидатами в члены ЦК.

Последний съезд партии, который проходил в указанный период, состоялся в феврале 1934 г. По его итогам число полномочных членов ЦК осталось неизменным, а количество кандидатов увеличилось только на одного, достигнув 68 человек. С этого момента и до 1952 г. состав ЦК не изменялся. Общий приток новых сил (полномочных членов и кандидатов в члены ЦК) в 1934 г. составил около 33 %. Это впечатляющий показатель, даже учитывая то обстоятельство, что со времени предыдущего съезда прошло три с половиной года. На это следует обратить особое внимание, так как на XVI съезде в июне–июле 1930 г. И. В. Сталин, по-видимому, пользовался фактически неограниченными возможностями патронировать своих сторонников. Представители правой оппозиции – его последние серьезные оппоненты – потерпели окончательное поражение: в ноябре 1929 г. Бухарин был исключен из Политбюро. В действительности, почти половина кандидатов в члены ЦК (31 из 67), избранных в 1930 г., в 1934 г. утратили свои полномочия (в то время как только 7 из 50 кандидатов в члены ЦК образца 1927 г. не были переизбраны в 1930 г.). Среди полномочных членов ЦК в 1934 г. ротация кадров составила 20 % (если учесть и тех, кто был понижен до уровня кандидата в члены ЦК, то цифра будет еще выше – 30 %). Одно из возможных объяснений столь высокого уровня обновления высшей партийной элиты, которая была сформирована при поддержке Сталина в 1930 г., заключается в том, что ее представители обнаружили свою несостоятельность перед лицом великих испытаний 1930–1934 гг.: индустриализации, коллективизации, голода. Другой фактор – это недоверие Сталина к тем представителям политической элиты, которые не входили в его *ближайшее окружение*. Заметим также, что обновление состава ЦК приняло в 1939 г. наиболее решительный характер, изменения снова коснулись состава, избранного в условиях полного контроля со стороны Сталина в 1934 г.

Развитие выборной системы – точнее говоря, обязательное утверждение участниками съезда уже готового списка кандидатов – было подробно описано в главе 1 нашей книги. После 1922 г. эта система не претерпела изменений. Вернее, они выражались лишь в одном: теперь делегаты оказывали все бо льшую поддержку основному списку и крайне редко вносили имена других кандидатов. В 1923 г. на XII съезде РКП(б) был предложен уже напечатанный список для голосования, выдвинутый «делегациями Петрограда, Москвы, Украины, Урала, Поволь-

жья, Закавказья, Сибири, юго-востока, центральных губерний, Западного района, Туркестана, северных губерний, черноземных губерний, Киргизии». Этот список содержал 40 фамилий кандидатов в полномочные члены и 17 предлагаемых кандидатов в члены ЦК. В каждой строке напротив имени претендента оставалось пустое пространство, подчеркнутое пунктирной линией. При желании делегат мог вычеркнуть имя из готового списка и предложить другую кандидатуру, вписав имя своего кандидата[4]. Обычно делегаты голосовали за весь предложенный список, и вписанные имена претендентов никогда не находили широкой поддержки, хотя при этом сохранялись некоторые колебания в распределении голосов. В 1923 г. во всех 386 действительных избирательных бюллетенях была поддержана лишь кандидатура В. И. Ленина. По крайней мере 27 делегатов вычеркнули имя Зиновьева, 41 – Троцкого, 72 – Орджоникидзе. Другие лидеры партии – Бухарин, Дзержинский, Калинин, Рыков, Сталин и Томский – получили поддержку 99 % делегатов с правом голоса. Также 34 из 40 полномочных членов ЦК получили поддержку 90 % избирателей. Лишь двое кандидатов набрали менее 75 % голосов: кандидатуру П. А. Залуцкого одобрили всего 73 % делегатов (281 голос), а М. М. Харитонов набрал только 264 голоса (68 %). У вписанных претендентов не было никаких шансов: И. Н. Смирнов получил 191 голос (49 %), Т. В. Сапронов – 135 (35 %). И они были единственными, кто получил относительно высокую долю голосов.

Процедура и организация голосования на XIII съезде 1924 г. была похожей. Из 53 предложенных кандидатур полномочных членов ЦК 52 получили поддержку в более чем 90 % из 724 действительных бюллетеней (всего правом голоса обладали 746 делегатов). Исключение составлял Пятакова, которого поддержали всего 635 делегатов (88 %). Кандидат в члены ЦК А. Ф. Толоконцев был утвержден по просьбе И. В. Сталина, хотя по итогам голосования он набрал всего 407 голосов[5]. Делегатами были вписаны 47 фамилий кандидатов в полноправные члены ЦК, но никому из них не удалось набрать больше 12 голосов. Видимо, в течение работы XIII съезда еще оставались возможности добиться включе-

---

[4] РЦХИДНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 58. Слова «бюллетень» или «бланк» в равной степени использовались для обозначения подобных листков для голосования.

[5] Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 г.: Стенографический отчет. – М., 1963. С. 591–592; РЦХИДНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 53. Кандидатура С. С. Зорина, который набрал 435 голосов (60 %, один из самых низких показателей), на съезде не обсуждалась. Очевидно, 60 %-ный рубеж считался разделительной линией, и этого числа голосов было достаточно для утверждения кандидата или полномочного члена ЦК. Не ясно, почему А. Ф. Толоконцев, С. С. Зорин и К. В. Гей набрали менее 550 голосов. После них наименьшее количество голосов получил И. Т. Смилга – 615. На следующем съезде РКП(б) в 1925 г., Толоконцев получил необычайно большое число голосов (99 %) и стал полномочным членом ЦК.

ния дополнительных кандидатур в официально утвержденный список. Таким образом, по-видимому, по настоянию Отдела работниц, Секретариат внес в список К. И. Николаеву и А. В. Артюхину. Однако обращение делегации Владимирской губернии с просьбой делегировать в состав ЦК их представителя на том основании, что они представляли 100-тысячную организацию рабочих, не было удовлетворено.

В 1925 г. накануне XV съезда РКП(б) обострились политические разногласия между Зиновьевым и его оппонентами, Сталиным и Бухариным. В основной список кандидатов вошли сам Зиновьев и другие оппозиционеры, но сделано это было по просьбе группы партийных организаций, в которой не был представлен Ленинград – опора Зиновьева[6]. В ходе подведения итогов голосования действительными были признаны 638 бюллетеней (при этом правом голоса обладали 665 делегатов). Только 48 из 63 полномочных членов ЦК набрали более 90 % голосов (то есть более 574 бюллетеней). Многие члены ЦК, внесенные в основной список, получили менее 75 % голосов (то есть менее 478 бюллетеней). В их число входили Каменев, за которого подали 448 голосов, и Зиновьев (441 голос), а за союзника последнего, Г. Е. Евдокимова, проголосовал 461 человек. Калинин, который соблюдал нейтралитет во фракционной борьбе и был достаточно популярен, получил поддержку 633 делегатов, а Сталин и Бухарин набрали сравнительно мало голосов – 578 и 582 соответственно, хотя это и составляло более 90 %. Троцкий, который занимал промежуточное положение между ленинградцами и руководящей партийной группой, получил 514 голосов. Только 186 делегатов (меньше половины избирателей) отдали свои голоса Севастьянову, входившему в официально одобренный список кандидатов, и он в итоге не вошел в состав ЦК. По предложению Орджоникидзе, Сталина и некоторых других делегатов уже после открытого голосования в кандидаты в члены ЦК был предложен А. П. Серебровский (создатель Бакинской нефтяной промышленности). В итоге он набрал 636 голосов – больше, чем любой другой кандидат[7].

В 1927 г. состоялся XV съезд РКП(б). На нем присутствовало 898 делегатов – все обладали правом голоса. К тому времени большинство политических оппонентов Сталина и Бухарина вышли из состава Политбюро, так что поведение делегатов было предсказуемо. По итогам голосования действительными были признаны 855 бюллетеней. Лишь двое полномочных членов ЦК из 71 кандидатуры не смогли пересечь 90 %-ный рубеж (то есть получить 769 голосов). Впрочем, они также были избраны[8]. Бухарин, Сталин, Рыков и Томский получили

---

[6] РЦХИДНИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97.

[7] XIV съезд ВКП(б), 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. – М., 1926. С. 941.

[8] РЦХИДНИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 46.

поддержку более 98 % делегатов. Очевидно, уже в 1920-е гг. рядовые делегаты с правом голоса не могли оказывать действенного влияния на распределение мест в высших эшелонах власти. Весь состав ЦК – полномочные члены и кандидаты – был определен заранее[9].

Значительный интерес представляет голосование делегатов XVII съезда в 1934 г. Чем он обусловлен[10]? Прежде всего, распределением голосов за и против между Сталиным и Кировым. Предположительно, многие делегаты высказались в поддержку последнего, а сам признанный лидер партии не получил должной поддержки. Согласно сохранившимся записям в партийных архивах, в 13 избирательных урнах было обнаружено 1059 действительных бюллетеней (всего на съезде было 1225 делегатов, обладающих правом голоса)[11]. Из кандидатов, числившихся в списке, предложенном совещанием представителей всех делегаций съезда, все были избраны в состав ЦК. При этом только четверо не смогли преодолеть 90 %-ный рубеж (более 905 голосов). Примечательно, что среди них (все они претендовали лишь на статус кандидата в члены ЦК) было два представителя бывшей правой оппозиции – Рыков и Томский, получившие 858 и 801 голосов, соответственно[12]. По официальным данным, Сталин набрал 1056 голосов (то есть против него высказались только три человека), а Киров – 1055. Между тем, согласно свидетельствам хрущевского периода более 300 делегатов голосовали против Сталина[13]. Доживший до той поры один из членов счетной комиссии В. М. Верховых утверждал, что на самом деле в голосовании приняли участие 1222 делегата из 1225. И хотя он уже не мог вспомнить точное число, но, по его мнению, против Сталина, Кагановича и Молотова проголосовали приблизительно 100 человек[14]. Другие расчеты, опубликованные в неофициальных источниках, также подтверждают заявление Верховых. Основываясь на этих свидетельствах, Рой Медведев

---

[9] Это справедливо и для Политбюро. Недавно опубликованные отчеты о партийных заседаниях, включают в том числе и документы июльского пленума ЦК 1930 г. Присутствующий на заседании Калинин терпеливо объяснял Ворошилову, что означают выборы в Политбюро в полном составе: «Это значит вместе, в целом». См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / под ред. О. В. Хлевнюка. – М., 1995. С. 95.

[10] Михайлов Н., Наумов В. Сколько делегатов XVII съезда голосовало против Сталина // Известия ЦК КПСС. – 1989. № 7. С. 114–121.

[11] РЦХИДНИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 36.

[12] Исключение составляли Г. Ф. Гринько (858 голосов) и П. П. Любченко (844). Результаты правых – Бухарина и Сокольникова, тоже внесенных в основной список, были несколько лучше.

[13] Шаумян Л. С. На рубеже первых пятилеток. К 30-летию XVII съезда партии // Правда. 1964. 7 февр. С. 2.

[14] Михайлов Н., Наумов В. Сколько делегатов... С. 114.

утверждает, что фальсификация итогов голосования была делом рук Л. М. Кагановича, который отвечал перед Сталиным за организацию съезда[15]. Допустим, что Каганович действовал второпях, так как никто не предполагал, что Сталин наберет меньше голосов, чем ожидалось. В этом случае нельзя отрицать возможность столь неловкой подделки результатов. Необходимо отметить, что Каганович до конца жизни отрицал свое участие в этой операции[16]. Итогом этих обсуждений в эпоху *гласности* стал следующий вывод: принимая во внимание противоречивость имеющихся свидетельств, нельзя с уверенностью утверждать, имела место фальсификация голосования или нет[17].

Судя по материалам архивов, действительных бюллетеней оказалось меньше, чем делегатов, обладающих правом голоса. Недоставало по крайней мере 166 бюллетеней. В то же время Сталин не впервые удостаивался единодушной поддержки на выборах, во всяком случае, если верить официальным заявлениям. То же самое происходило и на предшествующих съездах. Например, в 1927 г. только четыре из 855 делегатов проголосовали против Бухарина и 14 – против Сталина[18]. Можно предположить, что в 1934 г. 13 % делегатов просто не принимали участия в голосовании или значительное число бюллетеней было испорчено. Как известно, на XIII, XIV и XV съездах тоже голосовали не все делегаты: 3 % (22 из 746), 4 % (27 из 665), 5 % (43 из 898) от списочного состава участников съездов соответственно[19]. Сталин вполне мог получить 90 % голосов, даже если некоторые делегаты, скажем, 61 человек (5 % от общего числа), не участвовали в голосовании, и Каганович уничтожил бюллетени 105 избирателей, вычеркнувших имя лидера партии. Мотивы этих действий обыкновенно видят лишь в самооценке и излишней подозрительности Сталина. Никто не попытался связать эти испорченные бюллетени с людьми, которые в 1934 г. либо были, либо не были избраны в ЦК. Ведь вопросы такого рода по крайней мере с 1919 г. регулировала партийная верхушка.

---

[15] Медведев Р. О Сталине и сталинизме. – М., 1990. С. 295–197. Споры об этом не утихают до сих пор. Относительно недавно версию Медведева поставил под сомнение Арч Гетти. См.: Getty A. The Politics of Repression Revisited // Stalinist Terror: New Perspectives / ed. J. A. Getty and R. T. Manning. – Cambridge, 1993. P. 45f. Роя Медведева поддержал Дэвис. См.: Davies R. W. Soviet History in the Yeltsin Era. – Basingstoke, 1997. P. 185.

[16] Чуев Ф. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. – М., 1992. С. 68.

[17] Михайлов Н., Наумов В. Сколько делегатов... С. 121.

[18] РЦХИДНИ. Ф. 56. Оп. 2. Д. 36.

[19] РЦХИДНИ. Ф. 52 [XIII Съезд]. Оп. 1. Д. 53; Ф. 54 [XIV Съезд]. Оп. 1. Д. 97; Ф. 56 [XV Съезд]. Оп. 2. Д. 36. К несчастью, из документов по голосованию на XVI съезде партии (1930) невозможно извлечь необходимые данные.

Партийная верхушка успешно контролировала выборы в ЦК и добивалась желаемого результата. Однако дело осложнялось тем, что представители высших эшелонов власти выбирали в члены ЦК тех, кто уже занимал те или иные ключевые посты. Сталин доверительно сказал об этом в интервью симпатизировавшему ему немецкому журналисту[20]:

> В нашем руководящем органе, Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии.

Описывая в главе 1 развитие на раннем этапе системы представительства *ex officio* членами и кандидатами в члены ЦК наиболее значимых сфер государственного управления, мы заимствовали у Роберта Даниелса концепцию должностных вакансий[21]. На XI съезде РКП(б), проходившем в марте–апреле 1922 г., когда Советская Россия только начала оправляться от последствий гражданской войны, центральные органы государственный власти имели определяющее значение, поэтому их представители составляли третью часть всего состава ЦК, включая членов и кандидатов в члены (14 из 46 человек; см. табл. 1.2). Система представительства высших органов власти в ЦК с 1923 по 1934 гг. показана в табл. 2.2. За 12 лет произошли существенные перемены: возросло число членов ЦК (с 57 до 139 человек) и изменились характер и соотношение представительства центральных и региональных компонентов партийно-государственной системы. Она развивалась на протяжении всего периода и приняла стабильный и завершенный характер к моменту проведения XVII съезда партии. Чтобы составить более точное представление о том, какой была элита ЦК в тот момент, когда она достигла своей институциональной зрелости, постараемся как можно подробней изучить систему должностного представительства.

В 1923–1934 гг. около 7 % из числа членов ЦК представляли центральный партийный аппарат, и это соотношение оставалось постоян-

---

[20] Сталин И. В. Сочинения. – М., 1951. Т. XIII. С. 107. Упоминание партийного ареопага, ставшее уже классикой, мы находим и у Ленина в его работе «Что делать?» См.: Ленин В. И. ПСС. Т. VI. С. 480.

[21] Daniels R. Evolution of Leadership Selection in the Central Committee, 1917–1927 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / ed. W. M. Pintner and D. K. Rowney. – Chapel Hill, 1980. P. 355–368.

ным на протяжении всего периода. Секретарей ЦК, контролировавших деятельность одного или нескольких *отделов*, избирали из членов самого комитета. Голосовали при этом, естественно, лишь члены самого ЦК. Секретарей было немного, особенно если сравнивать с последующими периодами: трое, включая Сталина, после съезда РКП(б) 1923 г., а в 1927 г. их число увеличилось до пяти (из них трое были кандидатами в члены ЦК), в 1934 г. их стало четверо. Некоторые, но не все, *заведующие* того или иного отдела или *сектора* (*отделения*) также входили в состав ЦК[22]. В 1934 г. в ЦК было немного представителей центрального партийного аппарата, однако все они обладали значительным влиянием. Кроме четырех секретарей (Сталина, Жданова, Кирова и Кагановича), в него входили пять заведующих отделами: Бауман (отдел науки), Ежов (отдел кадров), Мехлис (отдел печати), Поскребышев (Особый сектор), Стецкий (агитпроп). К их числу также могут быть отнесены следующие представители партийного руководства: генеральный секретарь Комсомола Косарев и заместитель директора Института марксизма-ленинизма Товстуха, бывший некогда ближайшим помощником Сталина. (Гамарник и Булин, возглавлявшие политическое управление Красной армии, представляли прежде всего военное руководство, хотя и в партийном аппарате они играли значительную роль.)

Некоторые особенности сталинской административной системы привлекают наиболее пристальное внимание исследователей, в частности разрастание аппарата и партийной (противопоставляемой государству) машины в центре и на местах. Многим историкам именно в этом видится источник могущества Сталина. Вместе с тем следует четко разграничивать две важные функции ЦК: с одной стороны, он выступал как сосредоточие всей политической деятельности партийной машины, с другой – как своего рода форум элиты. Сталин всегда действовал *от имени* ЦК. Однако удельный вес представителей центрального аппарата в составе ЦК не возрастал. Следует также отметить, что пропорция членов Политбюро и Оргбюро в составе ЦК со временем уменьшилась. В 1923 г. они составляли более 26 % членов ЦК, а в 1934 г. лишь 17 %[23].

Противоположная тенденция прослеживается в отношении высших государственных чиновников. Их доля среди членов ЦК росла на протяжении всего периода. Они представляли в его составе круп-

---

[22] Относительно новые и полезные, хотя и не исчерпывающие данные о структуре формирующегося партийного аппарата, см. в: РЦХИДНИ: Краткий путеводитель. – М., 1993. С. 7–20.

[23] В 1923 г. ЦК начитывал 15 членов Политбюро и Оргбюро (все они были полномочными членами ЦК). В 1934 г. их уже было 23. Членство в Политбюро и Оргбюро в любом случае было связано с членством в ЦК, однако многие из представителей этих высших партийных органов не принадлежали к центральному партийному аппарату.

нейшую специализированную группу. Система государственного управления в Москве, по сравнению с тем, что она представляла собой в годы гражданской войны, менялась медленно. Даже в конце 1922 г., с образованием Союза Советских Социалистических Республик, центральным правительственным органом оставался Совнарком[24]. Председатель Совнаркома (в 1924–1930 гг. этот пост занимал Рыков, затем его сменил Молотов) по сути осуществлял полномочия премьер-министра, и состоял из народных комиссариатов – аналогов министерств. В 1920-е гг. число комиссариатов было небольшим (десять или даже меньше). В то время они были вполне сопоставимы с общепринятыми государственными министерствами – иностранных дел, вооруженных сил, финансов и т. д., что в значительной степени отличало их от отраслевых министерств, отвечавших за определенный сектор экономики, в которые они превратились уже в конце 1930-х гг. Когда в июле 1923 г. было принято постановление об учреждении Совнаркома СССР, только пять из десяти народных комиссаров являлись членами ЦК. Однако уже в 1927 г. в высшем партийном органе было представлено восемь из девяти наркомов[25]. Некоторые комиссариаты Российской республики (РСФСР) в действительности обладали всесоюзным значением и после съезда партии в 1934 г. официально вошли в состав Совнаркома СССР. Некоторые из их руководителей также входили в состав ЦК. В 1934 г. номинально верховную государственную власть олицетворяли председатель Верховного Центрального Исполнительного комитета (ВЦИКа) Калинин и секретарь Президиума ВЦИК Енукидзе. Молотов в то время занимал пост председателя Совнаркома и Совета по труду и обороне (СТО). Его заместителем являлся Рудзутак. К этому времени руководители всех 14 всесоюзных комиссариатов были представлены в ЦК, в основном в качестве полномочных членов (табл. 2.3). Следуя этой же логике представительства, в ЦК входили руководители ключевых госструктур не министерского уровня и комиссариатов РСФСР.

Представительство чиновников центрального госаппарата было расширено в 1934 г. Эта тенденция сохранялась и впоследствии. Наиболее заметным явлением в этой сфере стало появление, вслед за индустриальным бумом 1930-х гг., отраслевых министерств. В то время их общее число достигало 11, и к ним имели отношение 22 предста-

---

[24] Наиболее полный перечень всесоюзных органов власти за указанный период см. в: Government Official, 1922–41: A Handlist / ed. R. W. Davies et al. – Birmingham, 1989.

[25] В их число включены народные комиссары, а также председатель Верховного совета народного хозяйства (ВСНХ). Исключение в 1927 г. составлял лишь глава Комиссариата почты и телеграфа, однако уже в январе 1928 г. он был введен в состав ЦК.

Таблица 2.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1923–1934 гг.

	1923 г., ЦК (%)		1924 г., ЦК (%)		1925 г., ЦК (%)		1927 г., ЦК (%)		1930 г., ЦК (%)		1934 г. ЦК (%)	
Центральные партийные органы власти	4	7	6	7	10	9	8	7	11	8	10	7
Центральные государственные органы	12	21	18	21	26	25	36	30	43	31	51	37
Республиканские партийные органы	6	11	3	3	8	8	6	5	7	5	6	4
Республиканские государственные органы	7	12	6	7	7	7	6	5	9	7	7	5
Региональные партийные организации	13	23	21	24	26	25	34	28	34	25	36	26
Региональные государственные органы	6	11	12	14	11	10	12	10	7	5	8	6
Вооруженные силы	4	7	5	6	4	4	4	3	7	5	10	7
Органы государственной безопасности и внутренних дел	0	0	0	0	0	0	1	1	2	1	3	2
Дипломатические службы	2	4	2	2	5	5	6	5	5	4	6	4
СМИ / наука / культура	1	2	1	1	3	3	2	2	3	2	2	1
Не известно / трудно определить	2	4	13	15	6	6	6	5	10	7	0	0
Всего	57	100	87	100	106	100	121	100	138	100	139	100

Примечание. В категорию «центральные органы государственной власти» мы включили глав важнейших профсоюзов, в то же время сюда не входят народные комиссары по военным и морским делам, иностранных дел. В эту же графу включены хозяйственные руководители, которые отвечали за целые направления в экономике, имевшие общегосударственное значение и позднее составившие сферу деятельности союзных министерств. Таким образом, предоставляется возможность для сравнения с составами ЦК более поздних периодов. Из этих же соображений мы включили в графу «республиканские партийные органы» представителей имевшихся и территорий будущих союзных республик. С этой же точки зрения все государственные институты РСФСР рассматриваются в качестве всесоюзных, так как ее ключевые комиссариаты вошли в состав правительственных органов СССР в 1934 г. В категорию «регионы» входят следующие административные единицы: область, край, АССР, АО, а также крупнейшие города – Москва и Ленинград. В графу «дипломатические службы» внесены данные о Коминтерне и Комиссариате иностранных дел, включая послов.

Таблица 2.3

Представительство чиновников центрального государственного аппарата в ЦК, 1934 г.

Комиссариат / Учреждение	Полномочный член ЦК	Кандидат в члены ЦК
СССР. Совнарком	В. М. Молотов (председатель) Я. Э. Рудзутак (зам.) В. В. Куйбышев (зам.)	–
СССР. Комиссариаты, не связанные с народным хозяйством:		
армии и флота (НКВМД)	К. Е. Ворошилов Я. Б. Гамарник (зам.)	М. Н. Тухачевский (зам.)
иностранных дел (НКИД)	М. М. Литвинов	Г. Я. Сокольников (зам.)
государственного контроля (НКРКИ)	Я. Э. Рудзутак	–
СССР. Комиссариаты по делам народного хозяйства:		
земледелия (НКЗем)	Я. А. Яковлев А. И. Криницкий (зам.)	– –
почт и телеграфов (НКСвязи)	И. П. Жуков (зам.)	А. И. Рыков
финансов (НКФин)	Г. Ф. Гринько	М. И. Калманович (зам.)
внешней торговли (НКВнешТорг)	–	А. П. Розенгольц Ш. З. Элиава (зам.)
тяжелой промышленности (НКТяжПром)	Г. К. Орджоникидзе М. М. Каганович (зам.) Г. Л. Пятаков (зам.)	И. П. Павлуновский (зам.) – –
легкой промышленности (НКЛегПром)	И. Е. Любимов	И. Г. Еремин (зам.)
зерновых и животноводческих совхозов (НКСовхоз)	–	Т. А. Юркин
снабжения (НКСнаб)	А. И. Микоян К. В. Уханов (зам.)	–
лесной промышленности (НКЛес)	С. С. Лобов	–

Окончание табл. 2.3

Комиссариат / Учреждение	Полномочный член ЦК	Кандидат в члены ЦК
путей сообщения (НКПС)	А. А. Андреев	Г. И. Благонравов (зам.) В. И, Полонский (зам.)
водного транспорта (НКВодТранс)	Н. И. Пахомов	–
СССР. Другие ведомства центрального госаппарата:		
Госплан	В. И. Межлаук (председатель)	В. В. Осинский (зам.)
ОГПУ	Г. Г. Ягода (председатель) В. А. Балицкий (зам.)	– –
Центросоюз	И. А. Зеленский (председатель)	–
Комиссия советского контроля	В. В. Куйбышев Н. К. Антипов (зам.)	–
РСФСР. Комиссариаты:		
коммунального хозяйства (НККоммХоз РСФСР)	–	Н. П. Комаров
просвещения (НКПрос РСФСР)	А.С. Бубнов Н. К. Крупская (зам.) Г. М. Кржижановский (зам.)	– – –
здравоохранения (НКЗдравоОхр РСФСР)	–	Г. Н. Каминский
легкой промышленности (НКЛегПром РСФСР)	–	К. К. Стриевский
путей сообщения (НКПС РСФСР)	М. Л. Рухимович	

Примечание. В этой таблице приведены все всесоюзные учреждения уровня министерств. Перечисленные здесь персоналии, если не указано другое наименование должности, носили звание народных комиссаров (*наркомов*). Сокращение «зам.» обозначает заместителя главы учреждения, в большинстве случаев это заместители наркомов. В таблице также указаны важнейшие государственные ведомства РСФСР, фактически имевшие всесоюзное значение.

вителя ЦК (15 % его состава). Впрочем, такое положение дел кажется нам вполне закономерным. В 1920-е гг. часть членов ЦК (по крайней мере шесть человек) были вовлечены во всякого рода хозяйственные организации – тресты и тому подобные, – контролируя различные участки государственного сектора экономики в период нэпа.

В ЦК были представлены организации разнообразного масштаба и значения: от центральных партийных структур до республиканских, региональных и краевых. Официально СССР был образован в декабре 1922 г. Изначально в его состав вошли четыре республики: Россия (РСФСР), Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР. В течение приблизительно 15 лет государственная структура Советского Союза претерпела изменения. В 1925 г. в Центральной Азии появились две новые союзные республики – Узбекская и Туркменская ССР. По их образцу в 1929–1931 гг. была образована Таджикская ССР. Согласно конституции 1936 г., бывшая Закавказская СФСР разделилась на три самостоятельные республики: Армянскую, Азербайджанскую и Грузинскую ССР. Вскоре из состава РСФСР также выделились бывшие автономные республики: Казахская и Киргизская ССР. По территории, населению и экономическому потенциалу некоторые республики почти не отличались от рядовых областей. Однако республики имели специфическую черту: русские не составляли в них большинство населения. Кроме того, статус республик в конституционной системе СССР был выше, чем у областей. Вследствие этого и уровень представительства республик в ЦК оказался выше. Благодаря своим размерам, населенности и уровню промышленного развития Украинская ССР имела особое значение, поэтому и уровень ее представительства в ЦК был чрезвычайно высокий. В 1925 г. в высший партийный орган входили 11 ее представителей, включая двух секретарей ЦК и четырех секретарей окружных комитетов партии.

В 1934 г. республики и регионы чаще всего были представлены в ЦК партийными деятелями, реже – госчиновниками. Исполнительные комитеты советов считались органами государственного управления. В 1934 г. лишь председатели городских и областных комитетов Москвы и Ленинграда (в общей сложности 4 человека) вошли в ЦК, а из остальных региональных исполнительных комитетов в нем были представлены только Иваново, Западная Сибирь и Горький. Как уже было отмечено, в составе ЦК региональная бюрократия была представлена главным образом партийными чиновниками, а не государственными служащими. Это утверждение не относится к союзным республикам, которые делегировали в ЦК глав собственных правительств (табл. 2.4).

После революции основой для административного деления стала система *губерний* времен Российской империи. В 1926 г. на европейской территории РСФСР насчитывалось около 40 губерний (не включая Украину, Белоруссию и Закавказье), еще 10 губерний было в Сибири. В со-

ставе Украины было восемь административных единиц. Как и в случае с центральными правительственными органами, губернские чиновники скорее находились под контролем партийным органов, чем центральных ведомств. При этом в середине 1920-х гг. очень немногие губернии имели представительство в ЦК в лице секретаря местного губкома партии: в 1925 г. за исключением Москвы и Ленинграда в ЦК были представлены партийные организации только четырех из 40 губерний европейской части РСФСР. Членами ЦК являлись секретари партийных комитетов Тулы, Твери, Нижегородской области и Донского округа[26]. Однако общей чертой для всех составов ЦК середины 1920-х – начала 1930-х гг. была система регионального представительства в лице секретарей областных комитетов, объединявших в 1920-е гг. партийные организации нескольких губерний. Таким образом, по своим размерам они значительно отличались от административных единиц более позднего периода.

Таблица 2.4

Представительства республиканских должностных лиц в ЦК, 1934 г.

Республика	Полномочный член ЦК	Кандидат в члены ЦК
РСФСР	Д. Е. Сулимов (первый министр) Д. З. Лебедь (зам. первого министра)	– –
Украинская ССР	Г. И. Петровский (председатель ЦИКа) В. Я. Чубарь (первый министр)	– –
Белорусская ССР	–	Н. М. Голодед (первый министр)
Закавказская СФСР	–	Г. М. Мусабеков (председатель ЦИКа)
Туркменская ССР	–	–
Узбекская ССР	–	–
Киргизская АССР	–	–
Казахская АССР	–	У. Д. Исаев (первый министр)

Примечание. Первый министр – председатель или заместитель председателя одного из совнаркомов (совета министров). Председатель ЦИКа – председатель республиканского Центрального Исполнительного комитета, формально являлся главой государства.

[26] Украина пропорционально численности ее регионов имела более высокое представительство. В 1925 г. членами ЦК были четыре секретаря местных парторганизаций: Харьковского, Киевского, Днепропетровского и Луганского окружных бюро.

Таблица 2.2 показывает, что региональные партийные лидеры составляли от четверти до трети членов ЦК в течение 1923–1934 гг. Эта видимая преемственность скрывает важное изменение. В первоначальных составах ЦК к указанной категории относились секретари второстепенных городских партийных комитетов (ниже первого секретаря горкома) из Москвы и Ленинграда или даже секретари партийных комитетов главных промышленных районов двух столиц. Например, в 1925 г. в ЦК был представлен крошечный по своим размерам промышленный район Москвы, но не было никого из Саратовской губернии – крупнейшего сельскохозяйственного региона. Это соответствовало общей концентрации партийных сил в пределах городских территорий, которые представали островами среди моря провинциального крестьянства. В 1926 г. только один из 40 советских граждан проживал в Москве или Ленинграде, при этом каждый шестой член партии жил в одном из этих городов[27]. В 1925 г. городские чиновники Москвы и Ленинграда (не считая представителей учреждений всесоюзного значения, находящихся в Москве) составляли пятую всех членов ЦК. Среди них было 11 москвичей и 10 ленинградцев, к которым могут быть отнесены и члены Северо-Западного бюро ЦК. В 1927 г. численность ленинградцев в ЦК достигла 14 человек. В их число входил Киров – новый первый секретарь ленинградского горкома, а также секретарь ЦК, председатель Исполнительного комитета городского совета и глава ленинградского Отдела снабжения. Членами ЦК были секретари трех ленинградских райкомов и руководитель Отдела агитации и пропаганды (агитпропа) горкома партии. В ЦК также были представлены местные хозяйственные руководители и профсоюзные лидеры: глава Промышленного бюро (*Промбюро*), глава городского совета профсоюзов (*профсовет*) и двое руководителей местных профсоюзов. Важнейшие отрасли промышленности Ленинграда также были представлены в ЦК. В него входили руководители двух трестов, объединявших важнейшие направления промышленного производства Северной столицы: машиностроение и электротехническое оборудование. Подобная схема действовала и в Москве.

В противоположность более ранним тенденциям, в 1934 г. в ЦК увеличилось и приняло более обдуманный характер представительство республик и регионов (табл. 2.5). В высшем органе партийного руководства теперь присутствовали партийные и хозяйственные руководители практически всех крупных территориально-административных единиц СССР. Этого удалось достичь за счет сокращения представителей Москвы и Ленинграда. Однако секретари московских и ленин-

[27] Это соотношение почти не изменилось даже после начала индустриализации СССР. В 1937 г. 236 000 из 1 450 000 членов партии постоянно проживали в Москве или в Ленинграде.

градских райкомов по-прежнему присутствовали в составе ЦК, хоть и в небольшом количестве.

Таблица 2.5

Члены ЦК, представлявшие региональные партийные организации, 1934 г.

Территория	Полномочный член ЦК	Кандидат в члены ЦК
Европейская часть России		
Северный край	В. И. Иванов	–
Ленинградская область	С. М. Киров М. С. Чудов	Б. П. Позерн
Западная область	И. П. Румянцев	–
Московская область	Л. М. Каганович Н. С. Хрущев	– –
Ивановская область	И. П. Носов	–
Горьковский край	А. А. Жданов	Э. К. Прамнек
Центрально-черноземная область	И. М. Варейкис	–
Средневолжский край	–	В. П. Шубриков
Нижневолжский край	–	–
Саратовский край	–	А. М. Штейнгарт
Сталинградский край	–	В. В. Птуха
Северо-кавказский край	Е. Г. Евдокимов	–
Азово-Черноморская область	Б. П. Шеболдаев	–
Крым	–	Б. А. Семенов
Башкирская АССР	–	Я. Б. Быкин
Татарская АССР	–	А. К. Лепа
Украинская ССР	С. В. Косиор П. П. Постышев	П. П. Любченко Н. Н. Попов
Черниговская область	–	–
Днепропетровская область	М. М. Хатаевич	–
Киевская область	–	Н. Н. Демченко
Харьковская область	П. П. Постушев	–
Одесская область	–	Е. И. Вегер
Сталинская область	–	–
Винницкая область	–	–
Молдавская АССР	–	–
Белорусская ССР	–	Н. Ф. Гикало
Закавказская СФСР	Л. П. Берия	–
Армения	–	–
Азербайджан	–	М. Д. Багиров
Грузия	–	–
Урал и Сибирь		

Окончание табл. 2.5

Территория	Полномочный член ЦК	Кандидат в члены ЦК
(Уральская область) Челябинская область	 К. В. Рындин	–
Свердловская область	И. Д. Кабаков	–
Западносибирский край	Р. И. Эйхе К. И. Николаева	– –
Восточносибирский край	М. О. Разумов	–
Дальневосточный край	Л. И. Лаврентьев	–
Якутская АССР	–	–
Центральная Азия		
Туркменская ССР	–	
Узбекская ССР	А. Икрамов	–
Таджикская ССР	–	Г. И. Бройдо
Казахская АССР	Л. И. Мирзоян	–
Киргизская АССР	–	–

Примечание. В таблице перечислены все территориально-административные единицы, существовавшие на тот момент. Указанные персоналии, как правило, занимали посты первых секретарей местных партийных организаций.

Увеличение членов ЦК происходило также и за счет представителей вооруженных сил и тайной полиции (термин автора. – *Прим. ред.*), однако общая доля военных сократилась в конце 1920-х гг., а для возрастания доли выходцев из спецслужб время еще не настало. В 1927 г. армия была представлена четырьмя членами ЦК: К. Е. Ворошиловым, И. С. Уншлихтом (в то время он – заместитель наркома), А. С. Бубновым и П. И. Барановым (командующим военно-воздушными силами). Все они были скорее ветеранами большевистской партии, чем профессиональными военными. В 1925 г. среди членов ЦК еще не было представителей ОГПУ (тайной полиции). Дзержинский, хотя и контролировал деятельность спецслужб, по своей основной должности был председателем ВСНХ. В. Р. Менжинский, заместитель председателя ОГПУ, в действительности руководивший его деятельностью, не только не был членом ЦК, но даже не участвовал в работе партийных съездов. Только в 1927 г., когда он сменил Дзержинского на посту руководителя ОГПУ, Менжинский был избран в ЦК. Долгое время в составе ЦК не было профессиональных дипломатов. В 1925 г. членом ЦК впервые стал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Вместе с ним в состав руководящего органа партии вошли советские дипломатические представители в Великобритании и Франции.

В 1934 г. Красная армия делегировала в состав ЦК трех членов и семь кандидатов, но общая пропорция представительства вооруженных сил не изменилась. Из армейского руководства в ЦК состояли нарком

К. Е. Ворошилов, Я. Б. Гамарник и А. С. Булин. Политуправление РККА представляли начальник Генерального штаба А. И. Егоров, инспектор кавалерии С. М. Буденный, начальник вооружений М. Н. Тухачевский и командующий военно-воздушными силами И. С. Уншлихт. Членами ЦК были и представители регионального командования, обычно из пограничных областей СССР. В 1934 г. членами ЦК были И. Э. Якир (Украинский военный округ), И. П. Уборевич (Белорусский военный округ) и В. К. Блюхер (Особая дальневосточная армия). Присутствие представителей ОГПУ все еще оставалось низким. Кроме Балицкого и Ягоды в 1934 г. в ЦК вошел Т. Д. Дерибас – ответственный за масштабные операции ОГПУ на Дальнем Востоке. Наконец, в 1934 г. в ЦК было крайне мало людей, занимавшихся внешней политикой. К этим немногим относятся Д. З. Маниульский, глава Исполкома Коминтерна, и такие видные деятели Коминтерна, как В. Г. Кнорин и И. А. Пятницкий. Интернационал профсоюзов (*Профинтерн*) был представлен только одним человеком – его секретарем С. А. Лозовским. Удивительно, но на заре эры народного фронта профессиональные дипломаты по-прежнему не входили в состав ЦК. Ни советские послы в Великобритании, Франции и Германии, ни первый заместитель наркома иностранных дел не были представлены в высшем руководящем органе партии.

Главной проигравшей стороной при формировании представительства в ЦК в эти десятилетия оказались лидеры профсоюзов. В начале 1920-х гг. их присутствие в ЦК символизировало связь с относительно немногочисленным рабочим классом. В 1927 г. в высший партийный орган входили по крайней мере 10 представителей объединений рабочих (8 % от общей численности состава ЦК). Среди них были председатель, глава президиума, секретарь ВЦСПС, а также председатель профсоюза рабочих металлистов и профсоюза работников текстильной промышленности. Кроме них два члена ЦК представляли рабочих Москвы и Ленинграда, был и один представитель профсоюзов Украины. После 1929 г., когда глава ВЦСПС Томский оказался в опале, а страна взяла курс на ускорение индустриализации, влияние рабочих союзов пошатнулось. В 1932–1949 гг. в СССР не проводилось ни одного всесоюзного съезда работников промышленности и торговли. В 1934 г. в ЦК входили лишь пять представителей профсоюзов. Впоследствии их стало еще меньше.

В 1934 г. система должностных вакансий в советском ареопаге достигла своей зрелости. Она не претерпела существенных изменений вплоть до конца советской эры. Однако это утверждение не относится к XVIII съезду, проходившему в 1939 г. Парадокс заключался в том, что после того, как завершилось формирование системы замещения вакансий в ЦК, люди, заполнившие их, были практически полностью истреблены.

Как и почему менялся кадровый состав советской элиты после окончания гражданской войны и до середины 1930-х гг.? Этот сложный

вопрос и сейчас привлекает внимание исследователей. Значительная часть представителей политической элиты 1930-х гг. – люди, ставшие членами ЦК через десять лет после смерти Ленина, по большей части не входили в его состав в 1917–1923 гг. Упрощенно этот процесс можно представить как замещение истинных ленинцев, вышедших из рядов революционной партии, ставленниками И. В. Сталина. Как мы уже указывали в главе 1, утверждение Троцкого о предательстве революции в значительной мере основывалось на конфликте между старой большевистской гвардией («авангардом пролетариата») и новым поколением бюрократов. К такому же выводу незадолго до своего окончательного поражения в конце 1920-х гг. пришли представители внутрипартийной оппозиции. В сентябре 1927 г. представители так называемой платформы тринадцати призывали к повсеместному обновлению партии, включая ЦК. Частично эти требования основывались на письмах Ленина от 26 декабря 1922 г., в которых он выразил пожелание, чтобы в ЦК были шире представлены рабочие, не потерявшие связи с трудящимися, преимущественно не из «рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться». Члены партии, стоявшие на позициях «платформы тринадцати», выражали недовольство тем, что в ЦК доминировали правоуклонисты, опиравшиеся на крестьян-середняков, высококвалифицированных рабочих и служащих, а также центристы, представлявшие партийный аппарат[28].

---

[28] Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927 / Редактор-составитель Ю. Фельштинский. – М., 1990. Т. IV. С 109, 150, 154; Ленин В. И. ПСС. Т. XLV. С. 347. В «платформе тринадцати» члены ЦК были разделены на три основные направления: правый уклон, центр и ленинское крыло. Каждая группа опиралась, согласно марксисткой терминологии, на какой-либо социальный класс. Правые, согласно заявлению «тринадцати», делились на две подгруппы: одни опирались на крестьян-середняков (Рыков, Калинин, Петровский, Каминский, Чубарь, А. П. Смирнов «и другие»); другие на квалифицированных рабочих и служащих (Томский, Мельничанский, Догадов «и другие»). Второе, центристское направление, характеризовалось как «аппаратно-"центристское"» (опиралось на партийную систему – аппарат). Действующее Политбюро, в составе Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна и Кирова, возглавляемое Бухариным, по мнению Троцкого и его единомышленников, олицетворяло собой «касту бюрократов». Примечательно, что здесь не упоминается принадлежавший к центристской группировке Политбюро Рудзутак. Третье направление представляла оппозиция – ленинское крыло партии. В нее входили члены ЦК, подписавшие «платформу тринадцати»: Г. Е. Евдокимов, Каменев, Пятаков, Смилга, Раковский, Зиновьев и сам Троцкий. Данная характеристика ситуации в ЦК

Об изменениях в рядах политической элиты 1920-х гг. свидетельствуют не только Троцкий и представители внутрипартийной оппозиции. Как уже было сказано в главе 1, по мнению современных исследователей российского коммунистического строя – Мосса, Шуллера, Даниелса и Хау, – уже в 1920-е гг. «организаторы» стали вытеснять «теоретиков» с руководящих постов. Роберт Даниелс предложил собственную, получившую признание среди исследователей, интерпретацию изменений в коммунистической партии на протяжении 1920-х гг. Он выделил в этом процессе две взаимосвязанные тенденции: продвижение в ряды элиты коммунистов определенного типа и формирование необходимых для этого механизмов. Эти выдвиженцы были аппаратчиками: «людьми определенного склада, дисциплинированными и успешно продвигающимися по служебной лестнице». Они являлись прагматиками, преданными идеям раннего Ленина. В отличие от них левые (по выражению Даниелса, представлявшие «совесть революции») отстаивали идеалы 1917 г. В основе поражения одних и победы других лежал круговорот власти. Кто контролировал партийный аппарата, тот мог назначать на административные посты в центре и на местах нужных людей. Со своей стороны, местное руководство выбирало делегатов на партийные съезды, которые и избирали членов ЦК. А те уже избирали свои собственные исполнительные органы, включая чиновников, контролировавших партийный аппарат[29]. В настоящее время мы знаем намного больше о развитии системы *номенклатуры* в 1920-е гг., предоставившей партийным органам широкие полномочия назначения на различные государственные посты[30]. Сравнительно недавно исследования в это области провели Хантер и Зирмер. Они попытались установить ключевые различия между старыми (революционерами) и новыми большевиками, выступавшими за решение экономических проблем методом кавалеристского наскока. По их мнению, новые большевики несли ответственность за ускоренную индустриализацию и принудительную коллективизацию конца 1920-х – начала

мало для нас полезна, так как в заявлении «тринадцати» фигурируют лишь девять правых (двое из которых, Каминский и Мельничанский, были кандидатами в члены ЦК) и семь центристов, в то время как весь ЦК насчитывал 63 полномочных члена и 43 кандидата.

[29] Система кровообращения власти описана Даниэлсом: См.: Daniels R. Soviet Politics Since Khrushchev // The Soviet Union Under Brezhnev and Kosygin / ed. J. W. Strong. – N. Y., 1971. P. 20. Сущность данного механизма раскрыта Даниелсом еще в 1960 г. вместе с анализом двух типов советских руководителей. См.: Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. – Cambridge, 1960. P. 167–171.

[30] О номенклатуре в СССР см.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. С. 25–31.

1930-х гг.[31] Другие исследователи, как мы с вами уже видели, большое значение придают возвышению в 1920-е гг. поколения руководителей времен гражданской войны[32].

Мы уже обсуждали вопрос об изменениях состава политической элиты в 1920-х гг. в главе 1. Этот же подход может быть использован и для рассмотрения возможных изменений в ней в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: проведем сравнительный анализ тех, кто был избран в ЦК до и после 1923 г. Прежде всего мы подвергнем анализу революционную элиту 1917–1923 гг., а затем – новых лидеров, избранных в ЦК после 1923 г. (но до 1934 г.). Общее число группы революционной элиты – 78 человек, ко второй относится 187 человек (для ясности будем называть их новым призывом партии)[33].

Представители революционной элиты и нового призыва партии почти ровесники. Они являлись свидетелями одних и тех же событий. Средним годом рождения большинства представителей первой группы был 1884 г. Для следующего поколения таким показателем являлся 1890 г. Выше мы уже отмечали, что к первому поколению советской элиты относятся те, кто родился до 1901 г., а ко второму – родившиеся после 1901, но до 1920 г. Таким образом, революционеры и представители нового призыва принадлежали к первому поколению советской элиты. Они олицетворяли собой ЦК в 1917–1937 гг. Даже в 1934 г. только трех членов ЦК можно отнести ко второму поколению советских руководителей: А. В. Косарева, М. Е. Михайлова и А. П. Завенягина. В то же время по международным меркам советское руко-

---

[31] Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundations: Economic Policies, 1928–1940. – Princeton, 1992. P. 18. Описывая новых большевиков, Хантер и Зирмер отказались от термина «сталинисты». По их мнению, новых большевиков объединяли со Сталиным общие интересы, но они не были его креатурами в полном смысле этого слова. Необходимо напомнить, что за 25 лет до этого Вернер Мосс использовал противопоставление «старые / новые большевики» в своем исследовании советской элиты периода 1917–1923 гг. См.: Mosse W. E. Makers of the Soviet Union // Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 47. P. 141–154. Между их аргументами прослеживается определенное сходство. Однако у Хантера и Зирмера отличается предмет исследования, и они, по всей видимости, выработали собственную, независимую терминологию.

[32] См. главу 1. Левин подчеркивает роль ветеранов гражданской войны в окружении Сталина (Lewin M. The Making of the Soviet System. – London, 1985. P. 24). Того же мнения придерживается Хаген (von Hagen M. Soldiers of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. – Ithaca, 1990. P. 334). Также см.: Троцкий Л. Преданная революция... С. 78.

[33] Всего за период с 1923 по 1934 г. включительно членами ЦК стали 236 человек. Из них 49 избирались в ЦК ранее в период между 1917 и 1922 г. Термин «новобранцы» используется как наиболее нейтральный. Он означает лишь одно – в 1923 г. эти люди впервые были избраны в ЦК.

водство было чрезвычайно молодым: на 10–20 лет моложе среднего представителя правительства любой зарубежной страны. Рыкову, когда он в 1924 г. сменил Ленина на посту председателя СНК, исполнилось 43 года, а его преемник Молотов занял этот высокий пост, когда ему еще не было и 40 лет. Для сравнения, премьер-министру Великобритании Рамсею Макдональду в 1924 г. было 58 лет, а в 1930, соответственно, 64 года. Президенту США Калвину Кулиджу в 1924 г. исполнилось 54 года, а Герберту Гуверу в 1930 г. – 56 лет. Но действительно поразительные различия можно повести с руководителями более поздних советских периодов: Н. И. Рыжкову, который в 1985 г. в эпоху перестройки стал председателем Совета министров СССР, было 56 лет, а его непосредственный предшественник Н. А. Тихонов вышел в отставку, когда был в два раза старше, чем был Молотов в 1930 г. В обычное время советским руководителям 1920-х – 1930-х гг. потребовались бы долгие годы, чтобы достичь столь высоких постов.

Из всех представителей революционной элиты (табл. 1.4) 89 % (69 из 78) вступили в партию до 1917 г., 10 % присоединись к большевикам в 1917 г. и только 1 % – после Октябрьской революции. Что касается представителей нового призыва, то они в подавляющем большинстве до революции принадлежали к левым радикалам. Треть из них (64 из 187) вступили в партию до 1907 г. Половина (96 из 187) вошли в нее с 1908 по конец 1917 г., причем лишь 32 предприняли этот шаг в 1917 г. Только 14 % (27 из 187) из их числа присоединились к партии после ее прихода к власти, но все они примкнули к большевикам в ходе гражданской войны: 16 – в 1918 г., 7 – в 1919 и еще 4 – в 1920. По крайней мере треть из них также может быть отнесена к ветеранам революции, так как в 1917 г. они состояли в других радикальных партиях[34].

Большевистскую революцию можно назвать революцией молодых. Ее совершали люди, которым не было и 35 лет. Кроме того, представители партийной верхушки постреволюционного периода были извле-

[34] Из 27 представителей нового призыва, примкнувших к большевикам в 1918, 1919 и 1920 гг., в 1917 г. многие были или еще слишком молоды, или состояли в другой политической партии. Например, Н. П. Чаплину, У. Д. Исаеву, А. В. Косареву, Д. И. Матвееву, М. Е. Михайлову и А. И. Угарову исполнилось в 1917 г. лишь 18 лет. Г. И. Бройдо, Н. Н. Попов, Г. В. Чичерин и С. А. Лозовский принадлежали к фракции меньшевиков; А. И. Егоров, Г. Ф. Гринько, П. П. Любченко и Д. И. Матвеев были эсерами или боротьбистами (украинские левые эсеры); Е. Г. Евдокимов был анархо-синдикалистом, а Л. З. Мехлис состоял в Поалей Цион (Еврейской рабочей партии). Биографии еще 12 представителей нового призыва (6 % от их общего числа) известны нам обрывочно. Кажется, все они, кроме героя гражданской войны С. М. Буденного, служили в царской кавалерии (НКО). Нам неизвестен год рождения И. И. Козлова, М. К. Ошвинцева и С. М. Соболева. И все-таки мы полагаем, что в 1917 г. они были слишком молоды, чтобы состоять в какой-либо политической партии.

чены из одного «котла талантов» (термин автора. – *Прим. ред.*), состоявшего из тех, кто был членом РСДРП(б) до февраля 1917 г. В то время большевики меньше всего напоминали правящую партию. Они представляли собой небольшую радикальную подпольную организацию, состоящую из социально, интеллектуально и этнически лишних людей. Успех ленинской теории об авангардной партии превзошел ожидания самого автора. Организация революционеров, к созданию которой Ленин призывал в памфлете «Что делать?», не только «низвергла [царскую] Россию», но и сформировала высшие эшелоны советского руководства в годы гражданской войны, нэпа и во время сталинского Великого перелома. Таким образом, революционный опыт и средний возраст открыли в 1923–1934 гг. для представителей революционной элиты и нового призыва ворота в мир советской политической элиты, однако в конце этого периода они снова были закрыты. В середине 1930-х гг. элита все еще была продуктом подпольной партии, захватившей власть двумя десятилетиями ранее в результате революции и гражданской войны. Принимая во внимание ленинскую теорию монополии на власть, она уже никогда не должна была ее лишиться.

После прихода к власти Коммунистическая партия росла чрезвычайно быстрыми темпами. Гражданская война стала наиболее важным периодом пополнения ее рядов. Рабочие и крестьяне, до Февраля 1917 г. не проявлявшие политической активности, в 1920-е стали советскими чиновниками. Однако утверждение, что именно гражданская война сформировала первое поколение советских руководителей, не выдерживает критики. Доступные нам биографии советских политиков сообщают, что большинство членов ЦК 1920–1930-х гг. являлись активными участниками гражданской войны и были военными комиссарами Красной армии или налаживали жизнь в тылу. Однако нет никаких свидетельств, будто опыт гражданской войны 1918–1920 гг., приобретенный представителями нового призыва, чем-то отличался от опыта революционной элиты – членов ЦК 1917–1923 гг. Реальность такова, что представители внутрипартийной оппозиции, например, Троцкий, Смилга, Смирнов, Розенгольц и Сокольников, сами входили в высшее командование Красной армии. Если кто-то из большевиков и огрубел, стал еще радикальнее, так это скорее всего именно они. Военные действия ожесточили *всех* представителей политической элиты, и *все* они, пережив гражданскую войну, были готовы применять крайние меры. Эти изменения имели в большей степени психологический, а не возрастной характер.

По национальному составу революционная элита не слишком отличалась от поколения нового призыва: 52 % представителей революционной элиты – этнические русские (40 человек из 77 [78]), 17 % – евреи. (Мы берем в расчет только тех членов ЦК, национальность которых нам известна. Число 78 в квадратных скобках – это показатель численности

в теории, а 77 – фактическое количество. Общая численность групп, включая тех, чья национальность неизвестна, остается под вопросом.) Из 187 представителей нового призыва известна национальность 163 человек: 58 % (94 из 163) – русские, 15 % – евреи, которые оставались второй по численности этнической группой. Даже в конце 1930-х гг. среди членов ЦК 54 % (72 из 133) из числа тех, чья национальность известна, были русские и 17 % – евреи[35]. Как оказалось, этническое разнообразие является отличительной чертой советской элиты 1917 – конца 1930-х гг. Эта особенность отразилась и на составе высшего руководства, в котором значительную роль играли представители национальных меньшинств: грузины – Сталин, Орджоникидзе и Берия, евреи – Каганович и Мехлис, поляк Косиор, армянин Микоян и латыш Рудзутак. Никогда больше национальные меньшинства не обладали таким влиянием ни в высшем руководстве, ни на уровне членов ЦК. Причина этого феномена кроется в условиях формирования революционной элиты, когда открылись пути для продвижения ее представителей. В нормальных условиях подобные чужаки не могли достичь столь высоких государственных постов.

Известно социальное происхождение 114 из 187 представителей нового призыва. Оказалось, что 34 % были выходцами из рабочих, 25 % – из крестьян. Таким образом, 59 % составляли простолюдины. Остальные происходили из семей, не связанных с ручным трудом. Тоже самое относится и к представителям революционной элиты, из которых 52 % принадлежало к низшим классам: 21 % (16 из 77) – из рабочих, а 31 % – из крестьян. Любопытен тот факт, что советская элита в 1920–1930-х гг. была в большей степени городской, чем во второй половине XX в. Согласно доступной нам информации, около 42 % представителей советской элиты 1920–1930-х гг. (59 человек из 141 [187]) родились в сельской местности. В сравнении с составами ЦК 1939, 1941 и 1952 гг. это достаточно низкий показатель, так как в указанные годы 59 % членов ЦК (159 из 268 [328]) были родом из деревни[36].

---

[35] Из 152 членов ЦК, избранных в 1930–1934 гг. (но не в 1917–1923 гг.) известна национальность 137 человек.

[36] Выясняя профессию отца того или иного члена ЦК, мы можем проследить общую тенденцию и не более того. Мы не знаем, чем зарабатывали на жизнь родители 40 % партийцев нового призыва (73 из 187). Возможно, у них было не пролетарское происхождение, и они скрывали это. Хотя вполне вероятно, что среди них наблюдалось то же деление, что и в основной группе. В данных после 1939 г. среди членов ЦК фигурирует лишь небольшое число представителей когорты 1934 г. Деление членов ЦК (по происхождению) на горожан и крестьян следует делать с величайшей осторожностью, так как точного происхождения многих из них мы не знаем. Что касается следующего уровня партийной элиты, то, согласно отчету о XVII съезде ВКП(б) 1934 г., около 60 % его делегатов – выходцы из рабочих или крестьянских семей. См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): Стенографический отчет. – М., 1934. С. 22.

Судя по имеющейся у нас информации, образовательный уровень представителей революционной элиты и нового призыва не слишком различался. Как уже было указано в главе 1 (табл. 1.6), 40 % представителей революционной элиты (31 из 78) посещали высшие учебные заведения, 33 % – обучались в средних специальных образовательных учреждениях, остальные 27 % получили только начальное образование или же не имели его совсем. К сожалению, мы располагаем достоверными сведениями об образовании лишь двух пятых частей (78 из 187) представителей нового призыва партии. Однако доступная информация позволяет придти к тем же выводам, что и в случае с революционной элитой. Так, высшие учебные заведения посещали 49 % партийцев нового призыва, 27 % имели среднее образование и 24 % получили лишь начальное образование или же не имели его вовсе. Вполне возможно, что остальные, об образовании которых ничего неизвестно, имели только начальное или незаконченное среднее образование, и как слишком незначительную деталь, эту информацию не включили в официальные биографии. Если это действительно так, то среди партийцев нового призыва лиц без высшего или среднего образования было не 24 %, а вдвое больше. Их более низкий образовательный уровень обусловлен более поздним рождением по сравнению с революционной элитой: для первых мы берем в качестве условного усредненного года 1890, а для вторых – 1884. Следовательно, нормальное течение образования партийцев нового призыва нарушила Первая мировая война, не говоря уже о самой революции. Однако представители указанных групп были намного образованнее, чем делегаты съездов – второй слой партийной элиты. В 1934 г. из них лишь 10 % имели высшее образование и 31 % получили среднее, причем многие из них (две пятых от общего числа) достигли этого уровня в годы первой пятилетки[37].

Моше Левин убежден, что «после 1929 г. во главе партии встали люди иной закалки: ... деятельные, энергичные, напористые и склонные к авторитаризму люди – железная гвардия»[38]. Хантер

---

[37] По данным 1934 г., среди делегатов съезда в 1930 г. 4 % имели высшее образование, 16 % – среднее. См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б)... С. 22.

[38] Mosse W. E. Makers of the Soviet Union... P. 24. Левин также уделяет большое внимание аргументам «неоменьшевизма» о том, что на партии отрицательно сказалась отсталость русского крестьянства, представители которого проникли в ее ряды. См.: Lewin M. The Making of the Soviet System... P. 42f., 198, 223, 240, 274–276, 310 (и далее). Эти аргументы в какой-то степени справедливы по отношению ко всему составу партии в 1920-е гг. или к поколению элиты после 1937 г., но они не убедительны по отношению к цековской элите 1917–1937 гг.

и Зирмер также усматривали различия между старыми и новыми большевиками. Однако ни одна из указанных точек зрения не подтверждается фактами. Их анализ приводит к иному заключению: представители революционной элиты, избранные в ЦК в период между 1917 и 1922 г., и новобранцы, удостоившиеся этой чести после 1923 г., не так уж сильно различались. Между ними такая же зыбкая грань, как и между представителями старой (избранными в ЦК до 1920 г.) и новой (избранными в ЦК после 1920 г.) революционной элиты, о чем шла речь в предыдущей главе. И внутри революционной элиты, и среди представителей нового призыва партии были люди разного социального происхождения и уровня образования. То же самое можно сказать и об их национальной принадлежности. В новый призыв входило меньше ветеранов партии, но старые большевики (вступившие в партию до 1917 г.) доминировали в каждой из указанных групп. На протяжении всего периода 1917–1937 гг. партийную элиту составляли люди примерно одного возраста: большинство из них родилось до 1901 г. и выросло в императорской России, почти все были участниками революции и гражданской войны. Последние два события оказали решающее воздействие на формирование их мировоззрения. Конечно, взгляды лиц, занимавших ответственные государственные посты, претерпели значительную трансформацию с тех пор, как они сами были рядовыми членами партии в 1917 г. Однако эта ситуация имеет существенные отличия от той, когда на обоих уровнях власти находятся люди разного типа. Советская элита насчитывала всего несколько сотен человек, бывших членами ЦК в течение 20 лет (после 1917 г.). Было бы слишком большим упрощением принимать утверждения, что в то время сторонники Сталина вытеснили ленинцев, карьеристы потеснили революционеров, а новые большевики пришли на смену старым. Примечательным фактом является не замещение одной элиты другой, а, наоборот, *преемственность* и внутренняя *целостность* революционной элиты, которая на пороге 1937 г. продолжала сохранять свои позиции. Собственно, эти ее качества в итоге и приведут к уничтожению советской элиты.

Многие представители революционной элиты оставались членами ЦК не только в 1920-е, но и в 1930-е гг. (табл. 2.6). В целом между ними и новым призывом партии было много общего. Со временем пропорция тех членов ЦК, кто входил в его состав в 1917–1923 гг. сокращалась, но происходило это, прежде всего, за счет общего увеличения численности руководящего органа партии. Есть и другие свидетельства, позволяющие считать предположение о произошедшем разрыве в преемственности поколений в 1920-е гг. неубедительным: больше половины членов ЦК 1922 г. были переизбраны в 1934 г.

Таблица. 2.6

Преемственность в составе ЦК, 1917–1934 гг.

	ЦК, 1922 г.	ЦК, 1923 г.	ЦК, 1924 г.	ЦК, 1925 г.	ЦК, 1927 г.	ЦК, 1930 г.	ЦК, 1934 г.
Всего членов ЦК	46	57	87	106	121	138	139
Члены ЦК в 1917–1923 гг. (всего 78 человек)	46	39	40	39	31	31	28
Вошли в состав ЦК 1934 г.	26	30	41	60	72	93	139
Группа 1917–1923 г. (%)	100	68	46	37	26	22	20
ЦК, 1934 г. (%)	57	53	47	57	60	67	100

Примечание. В таблице представлены данные о соотношение представителей двух групп в ЦК в 1920-е – 1930-е гг. Первую группу составляют представители революционной элиты 1917–1923 гг. – ветераны партии. Они входили в состав ЦК в 1917–1923 гг. (избирались на съездах партии с 1917 по 1922 г.). Вторую группу составляют те, кто был избран в ЦК в 1934 г. Например, среди тех, кто был избран в ЦК в 1923 г., 68 % уже избирались в ЦК до 1923 г. Причем 53 % из них были переизбраны в 1934 г. В составе ЦК, избранном в 1930 г. и действовавшем вплоть до 1934 г., 22 % его членов удостаивались подобной чести еще до 1923 г. И, наконец, 67%, избранных в ЦК в 1930 г., были переизбраны в 1934 г. Таким образом, некоторые члены ЦК могут быть отнесены к обеим группам: членам ЦК в 1917–1923 гг. и избранным в 1934 г. Типичным примером может служить И. В. Сталин.

Первые соратники Сталина

Создать портрет типичного представителя нового призыва партии далеко не так просто, как в случае с революционной элитой. Однако во второй половине 1920-х гг. в высших эшелонах власти стали появляться новые лица. Биографии двух из них, Иосифа Варейкиса и Панаса Любченко, мы рассмотрим подробнее.

Однако прежде проследим дальнейшую карьеру двух представителей революционной элиты, о которых шла речь в главе 1. А. А. Андреев и Н. И. Крестинский в 1920–1930-е гг. принимали активное участие в политической жизни страны. В 1920-е гг. Андреев был уже не рядовым членом ЦК, он вошел в узкий круг его руководителей. Крестинский же, наоборот, был понижен в своем статусе. Во времена гражданской войны он занимал ответственные посты наркома финансов и секретаря ЦК. Однако после 1921 г. Крестинский уже не переизбирался в ЦК. Для этого существовали две причины: во-первых, опала со стороны партийного руководства, во-вторых, несоответствие занимаемых должностей уровню представительства в ЦК. Эти два фактора, конечно, связаны между собой. Подобно некоторым другим представителям старой партийной гвардии Крестинский в 1920-е гг. был переведен на дипломатическую работу: он стал послом в Германии. Хотя Веймарская Германия была важнейшим зарубежным партнером Советской России, дипломаты в то время редко получали статус члена ЦК. Поэтому даже в 1934 г., когда Крестинский стал первым заместителем наркома иностранных дел, его так и не переизбрали в руководящий орган.

Андреев, наоборот, в 1920–1930-е гг. обладал реальным политическим весом и занимал самые разнообразные посты. Похоже, он был задействован на всех направлениях работы правительства за исключением дипломатии. Его карьера представляет классический пример универсального партийного деятеля, который назначался на работу в любую сферу государственного управления, чтобы проводить там линию Сталина. В 1922–1927 гг., когда влияние профсоюзов в ЦК было велико как никогда, Андреев занял пост председателя Союза железнодорожников. Он уже был членом Оргбюро, а в 1924–1925 гг. секретарем ЦК, и все это совмещал с работой в профсоюзе. В середине 1920-х гг. Андреев активно боролся с внутрипартийной оппозицией. В 1925 г. был одним из руководителей так называемой дикой дивизии – группы членов ЦК, отправленной в Ленинград, чтобы снять Зиновьева в соответствии с решением съезда партии. Следующая ступень на пути его восхождения – Политбюро. На июльском пленуме ЦК в 1926 г., на котором Зиновьева исключили из Политбюро, Андреев стал кандидатом в его члены и вошел в его состав вместе с четырьмя другими представителями команды Сталина: Кировым, Кагановичем, Микояном и Орджоникидзе. Андрееву тогда было все-

го 30 лет. Он оставался членом Политбюро, с небольшим перерывом, до 1952 г. Молотов оказался прав, когда писал, что Андреев, как и Калинин, никогда не входил в группу, существовавшую при любом составе Политбюро, определявшую политику страны. Тем не менее он считался важной фигурой[39]. В конце 1920-х гг. проблемы снабжения продовольствием и развития сельского хозяйства вышли на первый план, и в 1927 г. Сталин назначил Андреева секретарем Северокавказского крайкома – важнейшего агропромышленного региона страны. Он находился на этом посту весь период сначала принудительных хлебозаготовок, а затем коллективизации. В конце 1930-х гг. Андреев вновь перебрался в центр. Теперь он был одновременно председателем Центральной контрольной комиссии (ЦКК), комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и заместителем председателя СНК. С октября 1931 по февраль 1935 г. Андреев занимал пост наркома путей сообщения и играл одну из центральных ролей в проведении политики индустриализации[40]. В 1935–1946 гг. он снова занимал должность секретаря ЦК и отвечал за подбор кадров.

Андреев успешно продвигался по служебной лестнице, так как, будучи безоговорочно предан Сталину, пользовался его доверием. Достаточно сложно хотя бы в общих чертах описать людей ближайшего круга Сталина как определенный социальный тип[41]. Андреев, судя по всему, оставался искренне убежденным, аскетичным бывшим подпольщиком и ветераном гражданской войны. Сын крестьянина, который за десять лет до вхождения в ЦК начищал самовары и мыл полы в московских трактирах, всем в своей жизни был обязан партии. Его формирование как государственного деятеля происходило в годы революции и

---

[39] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым...С. 424. О влиянии Андреева мы можем судить по тому, сколько времени он проводил в кабинете Сталина. Хлевнюк представил эти данные в виде хронологической таблицы. Из нее видно, что Андреев виделся со Сталиным реже, чем люди из его ближайшего окружения, но чаще других членов Политбюро. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М.: РОССПЭН, 1996. С. 290.

[40] Андреев, согласно свидетельству его дочери, рассказывал жене, что на встрече Сталина с членами Политбюро он сам изъявил желание стать наркомом путей сообщения: «Сталин сказал, что положение на транспорте очень сложное: "Кто хочет этим заняться?" Все молчат. А я уже долго обдумывал эту ситуацию и сказал: "Я возьму транспорт". Мое предложение одобрили». См.: Андреев А. А. Воспоминания, письма. – М., 1985. С. 287.

[41] Команда Сталина включала таких непохожих друг на друга людей, как Берия, Ежов, Каганович, Маленков, Молотов и Ворошилов. Они были выходцами из разных социальных слоев, с неодинаковым уровнем образования и жизненным опытом, разных национальностей. Общим было то, что они не были ровесниками Сталина и не принадлежали к старым большевикам с интеллигентскими корнями.

гражданской войны. Письма Андреева к жене, Доре Хазан, показывают, что его мировосприятие времен гражданской войны сохранялось и в последующие годы. Реквизиция хлеба у крестьян на Северном Кавказе в 1927 г. виделась ему фронтом, командующим на котором был он сам. Андреев серьезно относился к марксизму. В 1931 г. он делился с женой впечатлениями от чтения «Капитала» и «Критики политической экономики»[42]. Андреев яростно защищал Сталина на пленуме в 1953 г.[43], и даже в своих мемуарах, написанных в брежневскую эпоху, выражал бывшему вождю свою неизменную преданность.

Андреев прочно утвердился в высших эшелонах власти. Когда в 1930 г. он вернулся с Северного Кавказа в Москву, то перевез свою семью в новую квартиру – в Кавалерский корпус Кремля. Соседом Андреевых был М. И. Калинин, близкий друг семьи[44]. Дора Хазан так же, как жена Сталина, Надежда Аллилуева, слушала лекции в Московской промышленной академии (Промакадемии). Подобно жене Молотова, она достигла высоких постов: от директора текстильной фабрики до заместителя наркома легкой промышленности (с 1938 г.). Однако в отличие от Полины Молотовой и эстонки Екатерины Калининой, Доре Хазан удалось избежать ареста[45]. Дочь Андреева, Наталья, очевидно, была замужем за родственником Куйбышева[46]. Сам Андреев во всем старался походить на Сталина, подражал ему даже в одежде и манере общения. Он носил *косоворотку* (простая крестьянская рубаха), и в этом не было и тени притворства. Современники описывали Андреева как простого и доступного человека, однако отмечали и его крайнюю

---

[42] Андреев А. А. Воспоминания, письма. С. 208, 214. В письмах к Доре Хазан (включая отправленное в 1939 г. с Урала) Андреев с ностальгией вспоминал, как они жили и работали в годы гражданской войны (С. 218).

[43] Дело Берии: Пленум ЦК КПСС – 2–7 июля 1953 г.: Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 182–186.

[44] Бажанов, бывший секретарь Сталина, утверждает, что некой Тамаре Хазановой, молодой сотруднице секретариата, удалось соблазнить Андреева. Бажанов также предполагает, что она имела связь с самим Сталиным. См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 52. Эти предположения выглядят малоубедительными. Описываемые события относятся к тому периоду, когда сам Бажанов бежал за границу. Подобные пассажи не заслуживают доверия в отличие от других частей его книги. Возможно, Бажанов просто спутал две похожие фамилии: Хазанова и Хазан.

[45] Екатерину Калинину арестовали в 1938 г., через десять лет та же участь постигла жену Молотова, Полину Жемчужину. См.: Васильева Л. Кремлевские жены. – М., 1993. С. 281–301, 314–350.

[46] Наталья Андреева в воспоминаниях об отце не упоминает об этом. Она сохранила свою девичью фамилию – Андреева, но ее сына звали Андрей Куйбышев. См.: Успенский В. Д. Школы будущего: Повесть об Андрее Андрееве. – М., 1988. С. 379. Видимо, это был неудачный брак.

жесткость. Андреев вместе с тем развил в себе любовь к литературе и классической музыке, обладал простыми вкусами и был, по всей видимости, трезвенником. В 1950-х гг., когда партийные руководители выезжали из Кремля, Андреевы забрали из квартиры только ту мебель, с которой они въехали в квартиру в 1930 г.

Представителей революционной элиты Крестинского и Андреева можно сравнить – отчасти в порядке противопоставления – с двумя представителями нового призыва. Во многих отношениях Иосиф Варейкис и Панас Любченко являлись типичными представителями ЦК 1920–1930-х гг. При жизни Ленина они не входили в его состав, похоже, были верными сталинистами и оба пали жертвами репрессий[47]. Варейкис входил в ЦК на протяжении всего первоначального периода правления Сталина: кандидат в члены ЦК с 1924 г., в 1930 г. он получил статус полномочного члена. Это продвижение по службе было, по-видимому, следствием его преданности Сталину и готовности выполнять его программу. Любченко, в отличие от Варейкиса, был избран в кандидаты в члены ЦК в 1934 г. на Съезде победителей. Участники этого съезда принадлежали к первому поколению партийной элиты, они ровесники многих членов ЦК. Любченко родился в 1897 г., Варейкис, который был на год старше Андреева, – в 1894 г.

Герой гражданской войны Варейкис происходил из низших слоев литовского рабочего класса. В 1920–1930-х гг. он представлял собой типичного аппаратчика с широкой сферой ответственности: занимал важные посты в московских и региональных партийных органах. Активно способствовавший возрастанию влияния Секретариата, весной 1924 г. молодой литовец (ему было всего 30 лет) стал секретарем ЦК Коммунистической партии Туркестана. Уже в мае на XIII съезде он был избран во всесоюзный ЦК. С октября 1924 по январь 1926 г. Варейкис снова работал в центральном аппарате партии, возглавляя отдел печати ЦК. Согласно Бажанову, это назначение объяснялось стремлением досадить Зиновьеву, который

---

[47] Подробная биография Варейкиса была опубликована в брежневскую эпоху. См.: Лаппо Д. Д. Бойцы Ленинской закалки. – Воронеж, 1972. Хотя это и тенденциозное издание, оно дает подробное описание карьеры Варейкиса, к тому же автор использует интересные материалы из провинциальной прессы. См. также: Лаппо Д. Д. Верный сын партии: к 70-летию со дня рождения И. М. Варейкиса // Правда. 1964. 18 сент.; Лаппо Д. Д. Стойкий ленинец // Вопросы истории КПСС. 1963. № 11. С. 100–105. См. небольшие, но очень информативные биографические очерки о Любченко: Бачинский П. П., Табачник Д. В. Афанасий Петрович Любченко // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 60–75; Пирог Р. Я. Как погиб председатель совнаркома Украинской ССР П. П. Любченко // Известия КПСС. 1990. № 10. С. 140–141; Сапун М. Н. Кто и когда возглавил правительство Советской Украины // Коммунист Украины. 1990. № 5. С. 65.

2.1. Иосиф Варейкис
(Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.)

не любил Варейкиса и считал его бесчувственным аппаратчиком. Как бы то ни было, последний внес весомый вклад в политизацию литературы – им была написана книга «Возможно ли построение социализма в отдельно взятой стране?» (1925) – и поражение внутрипартийной оппозиции[48]. В общей сложности он издал 70 книг и памфлетов, а также 100 статей. Оставив ответственный пост в отделе печати, Варейкис возглавил Саратовский губком ВКП(б). В 1928 г., когда на базе четырех губерний была образована Центрально-Черноземная область (ЦЧО), стал первым секретарем ее обкома. Высокая должность упрочила его положение в партии: в 1930 г. он избран полномочным членом ЦК. Варейкис и Андреев управляли крайне важными для проведения коллективизации регионами. Но в отличие от Андреева Варейкис остался в должности первого секретаря Воронежского обкома и после ликвидации ЦЧО в 1934 г. Весной 1935 г. он занял кресло первого секретаря Сталинградского краевого комитета ВКП(б). В декабре 1936 г. стал первым секретарем Дальневосточного краевого комитета ВКП(б), располагавшегося в Хабаровске. Здесь ему пришлось противостоять растущей экспансии Японии в Маньчжурии. Варейкиса можно назвать влиятельным чиновником среднего звена. Он пользовался доверием Сталина, за-

[48] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 229.

нимал ответственные государственные посты, активно участвовал в борьбе с оппозицией, проведении коллективизации и способствовал укреплению обороноспособности страны.

Любченко, как и Варейкис, не принадлежал к великороссам; доминирование последних в ЦК пока еще не было установлено. Он также являлся ветераном гражданской войны, однако принадлежал к иной политической группе – к руководителям Украинской ССР и Компартии Украины (КП(б)У). Именно на Украине Любченко занимал важнейшие государственные посты. Первым из серьезных назначений в советской государственной системе была должность председателя Правления Союза сельскохозяйственной кооперации Украинской ССР, которую он занимал с октября 1922 по декабрь 1925 г. В декабре 1925 г. (в возрасте 28 лет) его назначили председателем Исполнительного комитета Киевского окружного Совета. К этому времени Сталин укрепил контроль над Украиной, поставив своего верного соратника Л. М. Кагановича первым секретарем ЦК КП(б) У. В 1927 г. Любченко продвинулся дальше по служебной лестнице и занял кресло секретаря ЦК КП(б)У, отвечая за идеологию. На этом посту он способствовал проведению политики индустриализации и коллективизации и оставался на нем в годы ужасного рукотворного голода (зимой 1932–1933 гг.). Более того, он занял пост заместителя председателя СНК Украины и работал под руководством В. Я. Чубаря. В 1933 г. участвовал в травле националуклониста Н. А. Скрыпника, которая закончилась самоубийством последнего, а на XVII съезде ВКП(б), семью месяцами позднее, в гонениях на бывших оппозиционеров. Тогда же он был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Хотя должность заместителя председателя правительства союзной республики не подразумевала обязательного членства в ЦК, его избрание предшествовало дальнейшему продвижению в карьере. В апреле 1934 г. он был назначен председателем СНК Украины, в то время как Чубарь переехал в Москву, где занял должность заместителя председателя СНК СССР.

Варейкис и Любченко, как и многие другие новички в ЦК в 1920-е – 1930-е гг., являлись выходцами из социальных низов. Иосиф Варейкис родился в небольшом городке Ковенской губернии. Его отец – литовский крестьянин, с трудом изъяснявшийся по-русски. В поисках заработка он перебрался в Россию и поступил на завод Зингера (по производству швейных машинок) в подмосковном Подольске. До поступления токарем на завод Зингера Иосиф окончил ремесленное училище. На заводе он посещал рабочие кружки самообразования, читал Максима Горького. В 1913 г., в возрасте 19 лет, рабочий Варейкис примкнул к большевикам. Однако в отличие от Андреева, с которым его роднили происхождение и возраст, он оставался рядовым членом партии и не находился на нелегальном поло-

жении. Он все еще работал на заводе Зингера, когда в 1917 г. его избрали в Подольский совет рабочих депутатов[49].

Любченко был на три года младше Варейкиса, происходил из украинской крестьянской семьи Киевской губернии. В отличие от Варейкиса и Андреева он получил хорошее образование: поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу. Для этого ему, сыну ветерана Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., была выделена специальная субсидия. Как и многие его сверстники, Панас Любченко увлекся революционным движением. Правда, его учителями были ориентированные на крестьян социалисты-революционеры. Однако война началась прежде, чем он смог включиться в активную политическую жизнь. Любченко служил санитаром, дважды был ранен и на всю жизнь остался хромым. После этого работал в киевском госпитале. В начале 1917 г. Любченко выдержал вступительные экзамены в Киевский университет, но в его дальнейшую судьбу вмешалась революция. Варейкис начал свою политическую деятельность в Совете рабочих депутатов Подольска, Любченко был избран в имевший намного большее значение Киевский совет, стал членом его Исполнительного комитета. Его избрали от украинских социалистов-революционеров в Центральную раду Украины. Однако из-за возникших разногласий с Радой Любченко арестовали, и лишь вступление в январе 1918 г. в Киев частей Красной армии спасло ему жизнь.

Головокружительная карьера Варейкиса началась, когда он оставил провинциальный Подольск. В августе 1917 г. молодой литовский активист, по-видимому, выполняя приказание Московского комитета партии, отправился в Екатеринославль (Днепропетровск) агитировать украинских заводских рабочих. Варейкис, тогда еще рядовой член партии, внес заметный вклад в установление советской власти в этом городе. Свой первый пост в партии он получил в январе 1918 г., когда был назначен секретарем, а затем народным комиссаром эфемерной Донецко-Криворожской республики с центром в Харькове. Когда германские войска заняли Харьков, Варейкиса в мае 1918 г. перебросили на среднюю Волгу в Симбирск (родной город В. И. Ленина) – для него это был знаменательный момент. Он занимал пост председателя местного губкома, когда в июле 1918 г. М. А. Муравьев, главнокомандующий Красной армии на Восточном фронте, перешел на сторону антибольшевистских сил. Его предательство грозило обрушить все позиции красных на Востоке. Варейкис с несколькими соратниками смог организовать внезапное нападение на Муравьева,

[49] Подозрение Молотова, что Варейкис работал в тайной царской полиции, и что этому есть документальные доказательства, кажется мало правдоподобным в силу его незначительного положения в партии. См.: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 408.

убить его и восстановить контроль над Симбирском[50]. После того как к осени 1918 г. обстановка в районе Средней Волги стабилизировалась, Варейкис оставался председателем Симбирского губкома до 1920 г.

В августе 1920 г. в ходе перелома в Советско-польской войне Варейкис был направлен в Витебск (на западе России), где возглавил губернский революционный комитет (ревком). В конце 1921 г. его перевели в Закавказье. Здесь он занимал посты члена закавказского Бюро ЦК, члена Закавказского краевого комитета РКП(б), входил в состав горкома партии г. Баку, был заместителем председателя (эту должность занимал С. М. Киров) городского Совета, участвовал в восстановлении местной нефтяной промышленности. Несмотря на высокую занятость, он успел жениться. Его избранница – инструктор местного горкома партии. В августе 1923 г. Варейкис вновь переехал на Украину, где занял должность председателя Киевского губкома партии. На этом посту он зарекомендовал себя как преданный сторонник Сталина[51]. В мае 1924 г. Варейкис был переведен в Туркестан, где стал секретарем ЦК КП(б) Туркестана. Благодаря этому назначению он вошел в состав ЦК ВКП(б).

Карьера Любченко не столь яркая и остается в рамках одного региона. Он являлся лидером Украинской партии социалистов-революционеров – крестьянской организации, на базе которой создавалась партия боротьбистов. Последняя фактически была орудием в руках коммунистов, и Любченко выступал за ее самоликвидацию и образование Украинской коммунистической партии – КП(б)У – в начале 1920-х гг. В Киеве он вел подпольную работу по ликвидации украинских националистов и белогвардейцев. В перерывах между оккупациями участвовал в работе революционного трибунала. В конце 1920 г. в ходе борьбы с белым генералом Врангелем в Крыму Любченко служил заместителем начальника Политического отдела 2-й Конной армии. По окончании гражданской войны он занял пост председателя Исполнительного комитета Черниговского губернского Совета (губисполкома). Его основной задачей была борьба с бандитизмом. Затем его назначили заместителем председателя Исполнительного комитета Донецкого губернского Совета.

Андреев, Крестинский, Варейкис и Любченко, родившиеся до 1901 г., относятся к первому поколению партийной элиты. Трое из них, включая Андреева, вошли в состав ЦК в 1934 г. Все они примерно одного возрас-

---

[50] Подробнее об этом эпизоде см.: Варейкис И. Убийство Муравьева // 1918 год на родине Ленина / под ред. Б. Афанасьева и др. – Куйбышев, 1936. С. 163–169.

[51] См.: Письмо Варейкиса И. В. Сталину о борьбе против сторонников Троцкого в Киеве (Внутрипартийные дискуссии 1920-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 201–202).

2.2. Панас Любченко
(Известия ЦК КПСС. 1990. № 10)

та, во время XVII съезда им не было и 40 лет. Крестинский имел более высокое социальное происхождение и хорошее образование. И, судя по всему, Молотов – не единственный, кто видел в нем *барина*[52]. Другие происходили из более низких социальных слоев, обладали скромным образованием. Их национальная принадлежность – русский, литовец и двое украинцев (включая Крестинского) – была типичной для элиты первых двух послереволюционных десятилетий. Трое из наших героев принимали активное участие в революционном движении до 1917 г., однако никто из них не занимал важных позиций в небольшой довоенной большевистской партии Ленина. Варейкис и Любченко в то время даже не относились к числу комитетчиков. В 1917 г. также никто из них не сыграл выдающейся роли. Тем не менее до февраля 1917 г. Андреев, Варейкис и Любченко являлись людьми действия, типичными революционерами. Их возвышение приходится на годы гражданской войны, они внесли весомый вклад в укрепление власти большевиков. В 1920-е гг. все трое принимали активное участие в сталинской реорганизации партийного аппарата и были участниками масштабных государственных преобразований конца 1920-х – начала 1930-х гг. Они считались партийными работниками широкого профиля, девствуя на государственных, партийных и хозяйственных должностях.

[52] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 199.

Самоуничтожение ЦК

В действительности политические функции ЦК были намного незначительнее, чем можно было бы предполагать, исходя из юридических положений партийного устава или того влияния, которым обладали отдельные представители высшей элиты, являвшиеся членами ЦК. Однако в 1931 г. советский диктатор горячо защищал коллективное руководство, основанное на широком представительстве[53]:

> В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки. Поскольку же каждый имеет возможность исправлять ошибки отдельных лиц, и поскольку мы считаемся с этими исправлениями, наши решения получаются более или менее правильными.

Устав партии 1925 г. наделял ЦК широкими полномочиями по руководству работой партийных и государственных органов. Соответствующая статья Устава предварялась введением, в котором ясно было сказано: «Центральный комитет в промежутках между съездами руководит всей работой партии». Справедливо также и то, что государственный орган, бывший правительством при Ленине, – Совнарком (Совет министров), занимал теперь подчиненное положение по отношению к партийным органам. В то же время реальная власть находилась в руках не столько самого ЦК, сколько у его подкомитетов: Политбюро, Оргбюро и аппарата секретариата, персонифицированного фигурой генерального секретаря (с 1922 г. эту должность занимал И. В. Сталин). Подобное развитие событий подтверждало знаменитое предсказание Троцкого, сделанное им в 1904 г.: «Ленинская схема ведет к следующему: партийная организация подменяет партию, затем Центральный комитет подменяет партийную организацию и, наконец, диктатор подменяет Центральный комитет». Тот же вопрос поднял М. Н. Рютин в 1932 г. в своей знаменитой «антисталинской платформе»: «Политбюро и ЦК ...

---

[53] Сталин И. В. Сочинения. Т. XIII. 107 и далее.

из полновластных органов партии превратились в совещательные органы при Сталине, над которыми Сталин издевается не менее цинично, чем царь издевался над государственной думой»[54].

Было бы ошибкой утверждать, что пленумы ЦК являлись простой формальностью. В октябре 1923 г. на очередном пленуме были подвергнуты критике Троцкий и другие оппозиционеры. На пленуме в мае 1924 г. зачитали завещание Ленина; в июле и октябре 1926 г. состоялись пленумы, на которых ЦК принял решение об исключении из Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева; на пленумах в октябре и ноябре 1927 г. из ЦК и компартии были исключены Зиновьев и Троцкий. Курс на ускоренную индустриализацию в соответствии с первым пятилетним планом был также принят на пленуме в ноябре 1928 г. Ровно через год на очередном пленуме приняли решение о проведении принудительной коллективизации и исключении из Политбюро Бухарина. В феврале–марте 1937 г. очередной пленум ЦК подготовил почву для сталинских чисток. Но ход всех этих собраний ЦК определялся высшим партийным руководством.

В наиболее полном современном исследовании пленумов ЦК как части политической структуры 1920-х – 1930-х гг. совершенно верно указывается, что ему так и не удалось развиться в самостоятельный политический институт[55]. Частота заседаний ЦК нередко рассматривается как показатель его активности и могущества. С середины 1920-х гг. количество заседаний ЦК сокращается, это нашло отражение и в партийном уставе. Пленарные заседания, согласно Уставу ВКП(б) от 1925 г., должны были проходить не реже, чем раз в два месяца, однако в редакции Устава 1934 г. требовалось созывать пленум ЦК раз в четыре месяца. Идея двух- и трехдневных пленумов появилась зимой 1926–1927 гг. Заседание ЦК, длившееся более трех дней, – с 13 по 16 апреля 1927 г. – рассматривалось как один отдельный пленум (№ 14). В то же время каждое заседание, проходившее между 14 и 23 июля 1925 г., официально считалось отдельным пленумом (№ 3–7).

После 1929 г., в первые десять лет единоличного правления И. В. Сталина, заседания ЦК проводись чаще, чем в последующие годы его нахождения у власти. Согласно данным табл. 2.7, вплоть до 1938 г. в среднем за год происходило два–четыре пленума. В то же время после XVIII съезда

---

[54] Троцкий Л. Д. Наши политические задачи. – Женева: [Б. и.], 1904; Платформа «Союза ленинцев» («Группа Рютина») // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 181 и далее. Полагаем, что, говоря о исполнении предсказания Троцкого, более корректным будет вести речь о Политбюро, нежели о ЦК. По количеству членов Политбюро тех лет можно сравнить с ЦК образца 1904 г., а не 1920-х – 1930-х гг., когда он насчитывал 100 человек.

[55] Gill G. The Origins of the Stalinist Political System. P 144–152, 225–230, 278–285.

ВКП(б) в период с 1938 г. до смерти Сталина в 1953 г. было всего 11 пленумов. В 1942–1943, 1945, 1948 и 1950–1951 гг. пленумы вообще не проводились. Мы также знаем, что члены ЦК имели право присутствовать на заседаниях Политбюро. Судя по спискам, их посещали обычно около 25 полномочных членов ЦК и 20 кандидатов. Но в 1930-е гг. и это правило соблюдалось все реже[56]. Вследствие того, что ЦК так и не оформился в полноценный политический институт, его значение постоянно падало. В 1938 г., например, фактически состоялся лишь один пленум, хотя партийная статистика и считает пленумами заочные голосования 17–20 февраля и 28 февраля – 2 марта 1938 г. К этой же категории относится и голосование 9–11 января 1939 г. по вопросу проведения очередного съезда[57]. Упомянутые собрания были, по сути, псевдопленумами, так как заочное голосование засчитывалось лишь для того, чтобы не нарушать правила, предписанные уставом. Однако помимо того, что полномочия ЦК как коллегиального органа власти сократились в течение этих лет, еще хуже обстояло дело с представителями элиты, которые в него входили.

На XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. Хрущев выступил со своим знаменитым секретным докладом, обличающим Сталина. Одним из самых сильных, поражающим воображение моментов его выступления стал рассказ о судьбах членов ЦК, избранных в 1934 г. на XVII съезде (так называемом Съезде победителей). Засекреченная стенограмма выступления показывает тот шок, который испытали делегаты последующего поколения[58]: «Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов. (Шум возмущения в зале.)»

Хрущев отметил, что из всех делегатов с правом решающего голоса на XVII съезде 80 % вступили в партию еще до 1921 г., и 60 % из них составляли рабочие. Поэтому «совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии».

Таблица 2.7

Деятельность ЦК, 1923–1939 гг.

Год	Пленумы	Заседания	Год	Пленумы	Заседания
1923	18	7	1932	2	2
1924	20	9	1933	1	1
1925	4	3	1934	3	3

[56] Сталинское Политбюро... С. 180–255.

[57] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 640.

[58] Хрущев Н. С. О культе личности. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137.

Окончание табл. 2.7

Год	Пленумы	Заседания	Год	Пленумы	Заседания
1926	5	5	1935	4	4
1927	5	5	1936	4	4
1928	3	3	1937	3	3
1929	4	4	1938	1	1
1930	3	3	1939	3	3
1931	2	2			

Примечание. В столбце «пленумы» дана официальная информация об их числе. Мы выделили отдельный столбец «заседания», чтобы стандартизировать терминологию. Собрания членов ЦК, которые именовались *заседаниями* или *пленумами* и следовали друг за другом в течение трех дней, рассматриваются как одно заседание. Только после 1926 г. слово «пленум» начали употреблять в его классическом значении, то есть по отношению к серии собраний, продолжавшихся в течение нескольких дней.

Почему погибло так много представителей элиты? Как случилось, что они позволили подвергнуть себя кровавым чисткам? Частично объяснение лежит в цепочке предшествовавших прецедентов. Исключение из состава ЦК не было чем-то необычным. Действительно, это явление имело место в период наивысшего накала борьбы с левой оппозицией в 1926 г. В декабре 1930 г. В. В. Ломинадзе и С. И. Сырцов были выведены из ЦК за «фракционную деятельность»[59]. Позднее они получили ответственные посты, хотя и не на уровне ЦК. Более зловещим можно считать способ их исключения – заочным голосованием членов ЦК, то есть опросом. Процедура исключения оппозиционеров из ЦК или Политбюро в 1920-е гг. проводилась в соответствии с требованиями устава – на пленуме ЦК. Однако в декабре 1930 г. партийное руководство не стало дожидаться пленума, который должен был состояться через три недели. Подобным образом проводились чистки ЦК восемью годами позже.

Отдельный вопрос составляет криминализация элитарной оппозиции, что влекло за собой соответствующее наказание. Эта практика берет начало с высылки Троцкого в Центральную Азию в 1928 г. и его последующего изгнания из СССР в феврале 1929 г. Последнее решение принималось скорее Политбюро, чем ЦК. Второй прецедент – дело так называемой рютинской группы, которая отважилась выступить с политической платформой, направленной против руководства партии. Члены группы были исключены из партии на совместном пленуме ЦК и Центральной контрольной комиссии (ЦКК), состоявшемся в сентябре–октябре 1932 г. М. Н. Рютин, обвиненный в ор-

[59] Подробней см. в: Davies R. W. The Syrtsov-Lominadze Affairs // Soviet Studies. 1981. Vol. 33. № 1. P. 29–50.

ганизации белогвардейской контрреволюционной группы, – старый большевик, в 1924–1928 гг. был секретарем райкома Красной Пресни (пролетарского района Москвы), в 1927–1930 гг. – кандидат в члены ЦК. Члены коллегии ОГПУ приговорили Рютина к 10 годам лишения свободы. Тогда же бывшие члены ЦК Зиновьев и Каменев были сосланы в Сибирь за то, что они не донесли о «платформе Рютина», хотя знали о ее существовании. По тому же обвинению в январе 1933 г. сотрудники ОГПУ арестовали и выслали из Москвы бывших членов ЦК Е. А. Преображенского и И. Н. Смирнова[60].

Следует отметить, что действия против членов ЦК в 1936–1937 гг. не возникли на пустом месте. На XVII съезде партии, за 11 месяцев до убийства Кирова, были приняты поправки в Устав партии. В соответствии с ними ЦК имел право наказывать членов партии, которые не подчиняются указаниям партии или входят во фракционные объединения. Полномочные члены ЦК за подобные провинности могли быть понижены до статуса кандидата или даже исключены из партии. Этот пункт предусматривался постыдной 7-й статьей секретной резолюции «О единстве партии» 1921 г.[61] Однако данная норма не появлялась в редакциях устава 1922 и 1925 гг.

После убийства Кирова в Ленинграде в декабре 1934 г. события развивались драматично. Тайный судебный процесс по делу Московского центра, проходивший в январе 1935 г. в Москве (не путать с показательным процессом 1936 г.), предвещал мрачные времена для элиты. Бывших членов ЦК, вместо того чтобы просто унизить и исключить, теперь подвергали суду и приговаривали к длительным срокам заключения. Из 19 обвиняемых, проходивших по делу об убийстве Кирова, четверо были бывшими членами ЦК: Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Г. Е. Евдокимов и А. С. Куклин[62]. В то же время проходил судебный процесс по делу ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы. На нем были осуждены бывшие члены ЦК Г. И. Сафаров и П. А. Залуцкий[63]. Восемь месяцев спустя, в ав-

---

[60] О деле так называемого Союза марксистов-ленинцев // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 103–115; О так называемой контрреволюционной группе Смирнова И. Н., Тер-Ваганьяна В. А., Преображенского Е. А. и других // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 71–89.

[61] Десятый съезд РКП(б), март 1921 г: Стенографический отчет. – М., 1963. С. 573.

[62] О деле так называемого московского центра // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 64–85.

[63] О деле так называемой ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 38–58. Сначала Сафаров был осужден на два года поселения в Сибири, а Залуцкий получил пять лет лагерей.

густе 1936 г., произошло беспрецедентное в истории коммунистической элиты событие – казнь четырех бывших членов ЦК: Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Г. Е. Евдокимова и И. Н. Смирнова. Смертный приговор стал итогом суда по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра».

До этого жертвами становились лишь оппозиционеры - бывшие члены ЦК, потерпевшие поражение в середине 1920-х гг. Со временем состав ЦК, избранного в 1934 г. на Съезде победителей, потерял былую значимость. Постепенно, однако, текущий состав ЦК, избранного на этом съезде в 1934 г., все больше втягивался в процесс. На пленуме в июне 1935 г. якобы за недостатки в организации охраны Кремля был исключен из ЦК А. С. Енукидзе[64]. К моменту завершения суда над Зиновьевым и Каменевым из состава ЦК посредством заочного опроса его членов были исключены несколько видных партийных деятелей: в июле 1936 г. – Сокольников, в сентябре – Пятаков. Впоследствии эти решения были подтверждены на секретном декабрьском пленуме 1936 г. (Об этих и других изменениях в составе ЦК см. табл. 2.8.) Все они являлись бывшими оппозиционерами, отрекшимися от своих убеждений, и вроде бы вновь были возвращены в круг элиты. Томский, другой ветеран партии, покончил с собой в августе 1936 г. 23–30 января 1937 г. состоялся суд по делу антисоветского троцкистского центра, завершившийся обвинительным приговором Сокольникову и Пятакову[65]. Другой видный член ЦК, Г. К. Орджоникидзе, покончил с собой 18 февраля 1937 г.

Несмотря на эти изменения, ЦК, избранный в 1934 г., в начале 1937 г, в сущности, еще слабо был затронут чистками. Ко времени февральско-мартовского пленума 1937 г., заседания которого открылись 23 февраля, на собраниях присутствовали 66 из 71 первоначально избранного полномочного члена и 64 из 68 кандидатов в члены ЦК[66]. В повестке дня значилось три важных вопроса: судьба Бухарина и Рыкова, уроки показательных процессов над саботажниками, работавшими в народных комиссариатах, а также изъяны в работе пар-

---

[64] О деле... московского центра... С. 86. Енукидзе был расстрелян в октябре 1937 г. См.: Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 90.

[65] О так называемом параллельном антисоветском троцкистском центре // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 30–50.

[66] Киров и Куйбышев умерли в 1934 и 1935 г. соответственно. Исключение Енукидзе и Пятакова и смерть Орджоникидзе внесли новые изменения в состав полномочных членов ЦК. Среди кандидатов в члены ЦК по естественным причинам сразу же после XVII съезда умер А. М. Штейнгарт, секретарь саратовского обкома, в 1935 г. скончался И. П. Товстуха. Томский и Сокольников, кандидаты в члены ЦК, также были уже исключены из его состава.

Таблица 2.8

Чистки в ЦК, 1935–1939 гг.

Пленум	Члены ЦК	Исключены	Другое	Остались в рядах ЦК
1935 г.	137	1	2	134
1936 г. – февраль 1937 г.	134	2	2	130
Февраль–март 1937 г. Пленум	130	2	–	128
Март–май 193 г. (*опросом*)	128	8	1	119
Июнь 1937 г. Пленум	119	31	–	88
(Июнь–октябрь 1937 г.)	88	–	2	86
Октябрь 1937 г. Пленум	86	23	–	63
Декабрь 1937 г. – январь 1938 г. Пленум	63	10	–	53
Февраль 1938 г. (*опросом*)	53	2	–	51
Февраль 1938 г. – март 1939 г.	51	18	1	32

Примечание. ЦК, избранный в феврале 1934 г., насчитывал 139 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК. Двое из них умерли в 1934 г. В столбце «члены ЦК» приводятся данные о количестве членов ЦК или на момент созыва пленума, или на период указанного времени. В столбце «исключены» представлены данные о тех членах ЦК, которые были исключены из ЦК по результатам пленума или заочного голосования (опросом). В столбце «другое» указаны те, кто выбыл из состава ЦК вследствие естественной смерти или самоубийства.

тии по изобличению троцкистов и других «лицемеров»[67]. На пленуме приняли резолюцию «Об уроках вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Однако хотя Бухарин и Рыков были выведены из ЦК и брошены «на растерзание волкам», основную массу членов ЦК эти события не затронули.

Чистки стали усиливаться весной 1937 г. На первом этапе возросло число заочных опросов членов ЦК. В последних числах марта Сталин издал распоряжение с требованием исключить из ЦК и санкционировать арест бывшего начальника тайной полиции Г. Г. Ягоды за антигосударственные уголовные преступления. Далее серия очередных циркуляров, выпущенных во второй половине мая, была приурочена к аресту ряда высокопоставленных командиров Красной армии. В списках значились И. Д. Кабаков, Ш. З. Элиава, К. В. Уханов, член Политбюро Я. Э. Рудзутак и военачальники М. Н. Тухачевский, И. Э. Якир и И. П. Уборевич. Всякий раз процедура исключения проходила следующим образом: все члены ЦК получали секретный циркуляр центрального руководства, как правило, от самого Сталина, требовавший исключить из ЦК одного или нескольких его членов согласно указанным основаниям. Все бланки опросов, подписанные адресатами, возвращались в центральный аппарат. (Они хранятся в бывшем партийном архиве.) Судя по ним, ни одни член или кандидат в члены ЦК не выступил против этих предложений[68]. Строго говоря, подобная процедура была незаконна. Согласно Уставу 1934 г. вопрос о столь суровых мерах в отношении членов и кандидатов в члены ЦК должен разбираться только на пленумах ЦК при участии всех членов Центральной контрольной комиссии. Причем для одобрения решения требовалась поддержка двух третей всех присутствующих.

Другим поворотным пунктом, сыгравшим еще более важную роль в судьбе преданных сталинистов, стал июньский пленум 1937 г. Заседания проходили 23–29 июня, то есть через две недели после суда над военными. К моменту начала работы пленума в ЦК входили 60 полномочных членов и 59 кандидатов. На нем присутствовали практически все члены ЦК, за исключением В. К. Блюхера, Т. Д. Дерибаса, находившихся в то время на Дальнем Востоке, и представителя Украины

---

[67] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 613.

[68] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Что касается Ягоды, то в опросе принимали участие только полномочные члены ЦК; позднее опросы стали проводить и среди кандидатов. Один из опубликованных сталинских циркуляров см. в: Сталинское Политбюро... С. 156 и далее. Командующие Красной армией были осуждены и расстреляны в июле 1937 г. (трое из них входили в ЦК: Якир являлся полномочным членом, Тухачевский и Уборевич – кандидатами). Начальник Политического управления РККА Гамарник покончил жизнь самоубийством в 1937 г.

Г. И. Петровского. Участники пленума проголосовали за исключение из ЦК в общей сложности четверти его членов: 14 из 17 кандидатов в члены ЦК. Заседания июньского пленума проходили не без затруднений. 23 июня трое членов и четверо кандидатов в члены ЦК были лишены полномочий, после того как товарищи по партии высказали им политическое недоверие. Еще 19 человек исключили в соответствии с постановлением Политбюро, в котором они именовались «предателями» и «контрреволюционерами»[69]. 26 июня было принято решение об исключение кандидата в члены ЦК Г. Н. Каминского, а в последний день пленума его судьбу разделили еще двое членов и двое кандидатов в члены ЦК. Чем объясняется подобная непоследовательность – тем, что НКВД дорабатывал дела постепенно или возражениями против чисток, которые выражали те, кого исключили в ходе пленума, мы не знаем. Каминский по крайней мере открыто обвинил на пленуме Берию в том, что тот одно время поддерживал грузинское националистическое подполье[70]. В любом случае, в ходе проведения чисток ЦК имела место импровизация[71].

Подтверждением служит то, что в ходе первых массовых чисток не существовало четко разработанного плана. Из 31 члена и кандидата в

---

[69] Подробнее об июньском пленуме ЦК см.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Среди исключенных из ЦК с формулировкой «за недостатком доверия» – полномочные члены П. А. Алексеев, И. Е. Любимов и Д. Е. Сулимов; кандидаты В. И. Курицын, Г. М. Мусамбеков, В. В. Осинский и А. И. Седельников. Среди 19 человек, обвиненных в контрреволюционной деятельности были полномочные члены ЦК Н. К. Антипов, В. А. Балицкий, В. Г. Кнорин, Л. И. Лаврентьев, С. С. Лобов, М. О. Разумов, И. П. Румянцев, Б. П. Шеболдаев и И. П. Жуков; кандидаты в члены ЦК Г. И. Благонравов, Н. М. Голодед, М. И. Калманович, Н. П. Комаров, Н. А. Кубяк, В. М. Михайлов, В. И. Полонский, Н. Н. Попов, И. С. Уншлихт и Е. И. Вегер.

[70] Хрущев Н. С. О культе личности... С. 155. Не ясно, на чем основывается Хрущев – на документальных свидетельствах или личных воспоминаниях об июньском пленуме. Олег Хлевнюк в недавно вышедшей работе подвергает сомнению предположение другого российского историка, что Каминский критиковал Сталинский террор. См.: Starkov B. Narkom Ezhov // Stalinist Terror... P. 36; Хлевнюк О. В. Политбюро... С. 237. Вместе с Каминским из ЦК были исключены полномочные члены М. С. Чудов и И. Ф. Кодацкий и кандидаты в члены ЦК И. П. Павлуновский и П. И. Струппе.

[71] Размноженные на мимеографе списки присутствующих, подготовленные для июньского пленума 1937 г., представляют для нас новый ключ к пониманию происходившего. Имена всех 19 «контрреволюционеров», за исключением Е. И. Вегера, не были внесены в эти списки. Это значит, что их судьба была решена еще до начала пленума. Имена других исключенных, включая Вегера, были зачеркнуты. Это говорит о том, что по их кандидатурам решение принималось в последний момент. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. Л. 163.

члены ЦК, исключенных в ходе июньского пленума, 15 возглавляли центральные государственные учреждения (большинство – в ранге наркомов), 4 являлись видными партийными или государственными деятелями всесоюзного и республиканского значения, 6 занимали посты первых секретарей обкомов и еще 6 – должности разного значения. В некоторых случаях среди них оказывались мертвые души – снятые с важных, соответствующих уровню ЦК, постов в предыдущие годы. Например, в августе 1935 г. В. В. Осинский покинул Госплан, а в июне 1936 г. М. С. Чудов был смещен с поста второго секретаря Ленинградского обкома партии. Другие потеряли свои должности весной или ранним летом 1937 г. (например, М. И. Калманович – в апреле 1937 г.). Арест, как правило, предшествовал исключению из ЦК, хотя некоторых задерживали до формального вывода из высшего партийного органа (например, И. С. Уншлихта – 11 июня, Н. А. Кубяка – 13 июня). Кое-кто, по всей видимости, был арестован в ходе пленума (27 июня задержали П. И. Струппе и Д. Е. Сулимова).

Атмосфера на октябрьском пленуме 1937 г. оказалась еще напряженнее. В июле умер полномочный член ЦК И. Косиор[72]. В августе кандидат в члены ЦК Панас Любченко, по-видимому, совершил самоубийство, застрелив перед этим жену. На момент созыва пленума 11–12 октября 1937 г. в ЦК входили 45 полномочных членов и 41 кандидат. Политбюро предложило список из 24 человек (по нелепой случайности там оказался и Любченко), которых следовало исключить из ЦК как «врагов народа»[73]. Причины не казались более ясными, чем на июньском пленуме. Некоторых сняли с постов или арестовали еще до начала пленума (И. П. Носова, например, сместили с должности в августе 1937 г., И. А. Зеленского арестовали в том же месяце). В любом случае, после пленума в октябре 1937 г. состав высшего органа партии сократился до 37 полномочных членов и 26 кандидатов в члены ЦК, входивших в его состав до 11 октября.

Чистки одинаково способствовали как понижению, так и повышению по службе. В октябре 1937 г. глава НКВД Н. И. Ежов был избран кандидатом в члены Политбюро. Правда, более ранние свидетельства

---

[72] Косиор, по всей видимости, умер в подмосковном санатории. См.: Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)... С. 92.

[73] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 614. В число исключенных входили восемь полномочных членов ЦК: А. Икрамов, М. М. Хатаевич, А. И. Криницкий, Д. З. Лебель, И. П. Носов, И. А. Пятницкий, И. М. Варейкис, И. А. Зеленский, и 16 кандидатов в члены ЦК: Я. Б. Быкин, Н. Н. Демченко, Т. Д. Дерибас, И. Г. Еремин, Н. Ф. Гикало, Ф. П. Грядинский, Г. Ф. Гринько, А. С. Калыгина, А. К. Лепа, П. П. Любченко, В. В. Птуха, А. П. Розенгольц, С. А. Саркисов, В. А. Семенов, А. П. Серебровский и В. П. Шубриков. Как уже отмечалось, Любченко к тому моменту уже умер.

не позволяют с полной уверенностью говорить о том, что октябрьский пленум 1937 г. также предоставил случай для перемещения внутри самого ЦК[74]. Около 14 кандидатов в члены ЦК были предложены к повышению до статуса полномочных членов. Однако Сталин выступил против дальнейших повышений, так как это, по его мнению, могло оставить партию без кадровых резервов. Некоторые из тех, чьи кандидатуры были выдвинуты на пленуме, принадлежали к числу переживших чистки сталинистов: М. Д. Багиров, Н. А. Булагнин, С. А. Лозовский, Л. З. Мехлис и получивший меньшую известность И. Г. Макаров, отвечавший в Наркомате тяжелой промышленности за сталелитейную отрасль. Однако большинство из этих выдвиженцев (9 из 14) подверглись репрессиям позднее – в 1937 или в 1938 гг. К ним относятся В. К. Блюхер. А. С. Булин. У. Д. Исаев, М. М. Кульков, М. Е. Михайлов, Н. И. Пахомов, Э. К. Прамнэк, П. И. Смородин и А. И. Угаров. Налицо еще один пример бессистемности чисток.

Последним полуофициальным выбраковыванием членов и кандидатов в члены ЦК можно считать заочный опрос, проведенный в начале декабря 1937 г. После этой процедуры из высшего органа партии исключили еще десять полномочных членов, причем двое из них были повышены до этого статуса всего двумя месяцами ранее. Большинство обвинили в шпионаже в пользу Германии[75]. Как и в предшествующих случаях, никто из опрошенных членов ЦК не высказался против. Это решение было подтверждено на следующем пленуме, который состоял из четырех заседаний, собиравшихся между 11 и 20 января 1938 г. Январский пленум, как оказалось, стал последним заседанием ЦК в том году. На нем присутствовали выжившие 40 членов и 9 кандидатов в члены ЦК. По злой иронии судьбы, январский пленум принял резолюцию, предложенную Маленковым, «Об ошибках при исключении коммунистов из партии». На январском пленуме П. П. Постышев лишился статуса кандидата в члены Политбюро и его место занял Н. С. Хрущев, который тогда впервые вошел в высшую

---

[74] Эти выдвижения не упоминаются в главной работе по истории ЦК, избранного в 1934 г. См.: Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)... Согласно Сталину, в их число входили те, кто в 1934 г. набрали большинство голосов. Хрущев, со своей стороны, предложил «проверенных трудяг» Л. З. Мехлиса, М. Е. Михайлова, Э. К. Прамнэка и А. И. Угарова. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 629. Л. 93.

[75] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 630. В число исключенных из ЦК в январе 1938 г. входили полномочные члены К. Я. Бауман, А. С. Бубнов, М. А. Чернов, Я. А. Яковлев, В. И. Иванов, В. И. Межлаук, М. Л. Рухимович и К. В. Рындин, а также А. С. Булин и М. Е. Михайлов, выдвинутые в полномочные члены ЦК из кандидатов лишь в октябре 1937 г. Выдержки из стенограммы заседаний пленума см. в: Сталинское Политбюро в 30-е гг... С. 157–159.

элиту партии. Как и раньше, некоторые члены ЦК, исключенные в январе 1938 г., были дискредитированы еще за несколько месяцев до начала пленума. Первого секретаря Челябинского обкома К. В. Рындина арестовали сразу после октябрьского пленума 1937 г. В. И. Межлаук и М. Л. Рухимович были сняты с ответственных постов в октябре того же года (наркома машиностроения и наркома оборонной промышленности, соответственно). В октябре 1937 г. Р. И. Эйхе сменил М. А. Чернова на посту наркома земледелия. Месяц спустя последний был арестован. Пожалуй наиболее видной фигурой из всех был первый секретарь ЦК КП(Б) Украины С. В. Косиор.

Два последних голосования путем заочного опроса членов ЦК произошли вскоре после январского пленума 1938 г. Первое касалось Постышева, которого в результате исключили из ЦК и арестовали. Как это бывало и ранее, решение приняли единогласно. Среди голосовавших «за» числились маршалы Егоров и Блюхер. Егоров, в свою очередь, стал жертвой последнего опроса, упоминание о котором содержится в записях пленума, состоявшегося 28 февраля 1938 г.[76] После этого пленумы ЦК больше не созывались, и даже, по всей видимости, отказались от практики проведения формального голосования путем заочных опросов. В марте 1938 г. начался наиболее известный из показательных процессов по делу антисоветского правотроцкистского блока. Кроме Бухарина и Рыкова к суду привлекли девять бывших членов ЦК: М. А. Чернова, Г. Ф. Гринько, Г. Г. Ягоду, А. И. Икрамова, В. И. Иванова, Н. Н. Крестинского, Х. Г. Раковского, А. П. Розенгольца и И. А. Зеленского[77]. Все, за исключением Раковского, были приговорены к расстрелу (Раковского расстреляли в орловской тюрьме в сентябре 1941 г.). В 1938 г. еще 18 действующих членов ЦК покинули высший партийный орган. Этот ужасный год не оставил нам подробностей творившегося[78].

---

[76] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 640. Егоров был снят с должности первого заместителя наркома обороны в феврале 1938 г.

[77] О партийности лиц, проходивших по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–85. Кроме Бухарина, Рыкова, Чернова, Гринько, Ягоды, Икрамова, Иванова, Крестинского, Раковского, Розенгольца и Зеленского по этому делу проходили еще 10 человек.

[78] В перечне членов и кандидатов в члены ЦК образца 1934 г., опубликованном в «Известиях ЦК КПСС», не содержится официальной информации о точной дате исключения из ЦК Блюхера, Чубаря, Эйхе, Филатова, Исаева, Косарева, Кулькова, Мирзояна, Пахомова, Позерна, Прамнэка, Смородина, Стецкого, Стриевского, Угарова и Затонского. В августе 1937 г. Булганин сменил Филатова на посту мэра (так в тексте. – *Прим. ред.*) Москвы. Однако, по всей видимости, он не был исключен из ЦК на пленумах в октябре 1937 или в январе 1938 г. Его исключили в феврале 1938 г.

Вдова В. И. Ленина Надежда Крупская умерла естественной смертью 27 февраля 1939 г., так что к XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. в составе ЦК осталось 32 человека – членов и кандидатов в члены ЦК – от 139, избранных в 1934 г. (табл. 2.9). Из них 94 были расстреляны, трое находились в тюрьме, один пал жертвой убийства, четверо совершили самоубийство и пятеро умерли естественной смертью[79].

---

[79] В число 32 членов и кандидатов в члены ЦК – политических долгожителей, уцелевших к моменту проведения XVIII съезда, – входили Ежов и его заместитель в наркомате водного транспорта Е. Г. Евдокимов (оба расстреляны в 1940 г.). Ежов, по-видимому, оставался в составе ЦК вплоть до XVIII съезда, хотя он и был смещен с поста главы НКВД и переведен на должность наркома водного транспорта. Возможно, Ежов являлся делегатом съезда, хотя его и нет в опубликованном списке участников. Новейшие данные о судьбе Ежова см. в: Parrish M. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. – Westport, 1996. P. 6, 9.

В настоящий момент нам известна судьба 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранного в 1934 г. Один, Киров, был убит. Пять человек (включая Куйбышева и И. В. Косиора) умерли своей смертью, четверо покончили жизнь самоубийством (П. П. Любченко, Гамарник, Орджоникидзе и Томский). Из оставшихся 129 человек 32 избежали репрессий, а 94, согласно наиболее авторитетному источнику, были расстреляны в 1939 г. или даже раньше. См.: Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)... С. 87. Тремя бывшими представителями ЦК, находившимися в тюрьме в марте 1939 г., и умершими в заточении, были: Чувырин, Эйхе и Филатов. М. Е. Чувырин, ветеран партии, рабочий-большевик, в прошлом был видным профсоюзным и партийным деятелем Украины. По неизвестным причинам в мае 1936 г. он смещен с поста первого секретаря Донецкого обкома. О дальнейшей его служебной карьере нет данных. По всей видимости, он не был расстрелян в 1937–1939 гг., а умер в тюрьме в 1947 г. См.: Who Was Who in the USSR / ed. H. E. Schulz et al. – Metuchen, 1972. Чувырин значится у Михайлова в списке репрессированных. См.: Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б).... Член Политбюро Эйхе был арестован в апреле 1938 г. и расстрелян в феврале 1940 г. Филатов, мэр Москвы, был исключен из партии и репрессирован в феврале 1938 г. Однако годом его смерти указывается 1941-й.

Хрущев шокировал делегатов XX съезда КПСС, объявив в своем докладе «О культе личности и его последствиях», что из состава ЦК, избранного в 1934 г., «было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек». См.: Хрущев Н. С. О культе личности... С. 137. Михайлов приводит более точную цифру: 97 незаконно репрессированных. Из них, как следует из сохранившихся записей, 93 человека были расстреляны в 1937–1939 гг., 4 – после 1939 г. В действительности, судя по биографическим данным, после 1939 г. были репрессированы 5 человек: Чувырин, Эйхе, Г. Е. Евдокимов, Филатов и Лозовский (расстрелян в 1952 г.). Один из них, по-видимому, был внесен в группу репрессированных в 1937–1939 гг. по ошибке. Как бы то ни было, еще 4 человека из числа сотрудников НКВД упоминаются Михайловым в статье «О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)» как при-

Большинство исключенных из ЦК были уже мертвы к моменту начала работы XVIII съезда. Половина из них стали жертвами групповых казней: 12 июня 1937 г. – три человека, 30 октября – двенадцать, 27 ноября – семь, 10 февраля 1938 г. – пять, 15 марта – восемь, 29 июля – девять, 25–26 февраля 1939 г. – еще семь[80].

До сих пор, рассказывая о чистках, мы сосредоточивали все внимание на судьбах членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1934 г. Но что же случилось с представителями советской элиты, которые входили в предшествующий состав ЦК и не были переизбраны в 1934 г.? Всего 126 человек, избиравшихся в ЦК в 1917–1930 гг., в 1934 г. не были избраны в его состав в 1934 г. По крайней мере 31 человек умер еще до 1936 г. Дата смерти еще 20 неизвестна[81]. В любом случае, не более 95 человек (126 минус 31) определенно оставались в живых и могли быть затронуты репрессиями. Из них 44 человека умерли в 1937–1938 гг., и почти все из них могут быть отнесены к жертвам репрессий. Некоторые даже являлись обвиняемыми на судебных процессах: в январе 1935 г. Зиновьев, Каменев и Куклин; в августе 1936 г. Зиновьев, Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. Н. Смирнов; в январе 1937 г. Серебряков, а в 1938 г. Н. Н. Крестинский. Еще 50 бывших членов ЦК стали жертвами

говоренные к расстрелу за «преступления против социалистической законности»: Ягода (относящийся к группе 1937–1939 гг.), Багиров, Берия и Ежов. Таким образом, из 139 человек, входивших в состав ЦК, избранного в 1934 г., 101 был осужден и расстрелян.

[80] Михайлов Н. О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б)... С. 86. Были и исключения: Сокольников, которого судили одним из первых, был приговорен «всего лишь» к 10 годам лишения свободы и предположительно погиб от рук своих сокамерников 21 мая 1939 г. (С. 110). Радек (который не вошел в состав ЦК в 1934 г.), вероятно, также был убит в тюрьме. Его, как и Сокольникова, приговорили к 10 годам лишения свободы.

[81] Неизвестна дата смерти А. М. Амосова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), С. А. Бергавинова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), Д. А. Булатова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), А. В. Иванова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), М. И. Хлоплянкина (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), Ф. Т. Колгушина (кандидата в члены ЦК с 1927 г.), Т. К. Кондратьева (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), И. И. Козлова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), А. С. Куклина (в 1924 г. полномочного члена ЦК, в январе 1935 г. привлеченного суду по делу Каменева–Зиновьева), Е. Ф. Куликова (в 1925 и в 1927 г. полномочного члена ЦК), С. Л. Лукашина (кандидата в члены ЦК с 1925 г.), Д. Е. Морозова (кандидата в члены ЦК с 1923 г.), И. Т. Морозова (кандидата в члены ЦК с 1924 г.), М. К. Ошвинцева (кандидата в члены ЦК в 1927 и 1930 г.), К. А. Румянцева (кандидата в члены ЦК в 1924–1930 гг.), С. М. Соболева (кандидата в члены ЦК с 1927 г.), К. В. Сухомлина (кандидата в члены ЦК в 1927 и 1930 гг.), Ф. Ф. Царькова (кандидата в члены ЦК с 1930 г.), М. Е. Урываева (кандидата в члены ЦК в 1923–1930 гг.) и П. Я. Вороновой (кандидата в члены ЦК с 1930 г.).

Таблица 2.9

Политические долгожители (из состава ЦК, избранного в 1934 г.)

Полномочный член ЦК (1934 г.)	
Андреев А.А.*	Член Политбюро
Бадаев А.Е.	Ветеран большевистской партии (с 1904 г.), депутат Государственной думы (умер в 1951 г.)
Берия Л. П.*	Нарком внутренних дел
Евдокимов Е. Г.	Чекист, заместитель Ежова в НКВД (умер в 1940 г.)
Ежов Н. И.	Кандидат в члены Политбюро (умер в 1940 г.)
Каганович Л. М.*	Член Политбюро
Каганович М. М.*	Руководил наркоматами оборонной и авиационной промышленности, брат Лазаря Кагановича
Калинин М. И.*	Член Политбюро
Хрущев Н. С.*	Кандидат в члены Политбюро
Кржижановский Г. М.	Ветеран большевистской партии (с 1893 г., умер в 1959 г.)
Литвинов М. М.*	Ветеран большевистской партии (с 1898 г.), нарком иностранных дел
Мануильский Д. З.	Ветеран большевистской партии (1903 г.), секретарь Исполкома Коминтерна
Микоян А. И.*	Член / кандидат в члены Политбюро
Молотов В. М.*	Член Политбюро
Николаева К. И.*	Деятель советского профсоюзного движения
Петровский Г. И.	Ветеран большевистской партии (1897 г.), кандидат в члены Политбюро (умер в 1958 г.)
Шверник Н. М.*	Член Оргбюро
Сталин И. В.*	Член Политбюро
Ворошилов К. Е.*	Член Политбюро
Жданов А. А.*	Кандидат в члены Политбюро
Кандидаты в члены ЦК	
Багиров М. Д.*	Первый секретарь КП Азербайджана, соратник Берии

Окончание табл. 2.9

Кандидаты в члены ЦК	
Бройдо Г. И.	Директор издательства ЦК ВКП(б) (умер в 1956 г.)
Буденный С. М.*	Герой гражданской войны
Булганин Н. А.*	Председатель Московского совета, председатель СНК РСФСР, заместитель председателя СНК РСФСР
Юркин Т. А.	Нарком земледелия (переизбран в ЦК в 1956 г.)
Лозовский С. А.*	Генеральный секретарь Профинтерна; директора Гослитиздата (расстрелян в 1949 г.)
Макаров И. Г.*	Директор завода, занимал посты в наркоматах по делам различных отраслей промышленности
Мехлис Л. З.*	Член Оргбюро, начальник Политического управления РККА
Поскребышев А. И.*	Заведующий канцелярией И. В. Сталина
Шварц И. И.	Ветеран большевистской партии (с 1899 г.); занимал различные хозяйственные посты (умер в 1951 г.)
Вейнберг Г. Д.*	Советский профсоюзный деятель, нарком пищевой промышленности РСФСР
Завенягин А. П.*	Работал в наркомате тяжелой промышленности (переизбран в ЦК в 1952 г.)

Примечание. Звездочкой отмечены те, кто в 1939 г. был переизбран в ЦК. Еще трое членов ЦК образца 1934 г., М. Е. Чувырин, Р. И. Эйхе и Н. А. Филатов, находились в заключении, но были еще живы. Они так и не вышли на свободу.

сталинских репрессий уже после 1938 г.: они были расстреляны, убиты в результате покушения (как Троцкий) или же умерли в тюрьме уже после 1938 г., как, например, Раковский и Радек, осужденный в 1938 г. в ходе показательного процесса. В общем 62 % из них (59 из 95) были репрессированы. Если предположить, что некоторые из тех, чья дата смерти неизвестна, тоже умерли во время чисток, как и те, кто умер по невыясненным причинам до 1953 г., тогда реальная доля репрессированных среди лиц данной категории – около 70 % или даже больше[82]. Следовательно, из 126 человек, избранных в ЦК в 1917–1930 гг., были вычищены 70%. Эти показатели очень близки к количеству членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1934 г.

Прежде чем приступить к анализу элиты периода сталинских репрессий, полезно рассмотреть судьбы четырех коммунистических лидеров, которые находились в фокусе исследования в этой и предыдущей главах. Одна из самых известных фигур (хотя он и не входил в состав ЦК уже на протяжении 16 лет, когда предстал перед судом в числе 21 обвиняемого на бухаринском процессе в марте 1938 г.) – Николай Крестинский. В марте 1937 г. он был переведен из наркомата иностранных дел на должность заместителя наркома юстиции. Месяц спустя его арестовали в кремлевской квартире. Несмотря на 11 месяцев, проведенных в НКВД, Крестинский, бывший до революции адвокатом, оказался единственным, кто в начале процесса отрицал свою вину. Однако на второй день, после соответствующей обработки, он сознался в троцкизме. Его признали виновным и расстреляли[83].

---

[82] Предположительно (но не точно) репрессий избежали: М. А. Савельев (в 1930 г. кандидат в члены ЦК), Е. М. Ярославский (в 1919, 1920 гг. кандидат в члены ЦК, в 1921, 1922 и 1939 полномочный член ЦК; умер в 1943 г.), С. Е. Чуцкаев (в 1927 и 1930 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1944 г.), И. И. Коротков (полномочный член ЦК в 1922 и 1923 г.; умер в 1949 г.), М. Ф. Владимирский (в 1918 г. полномочный член ЦК, в 1919 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1951 г.), А. М. Коллонтай (в 1917 г. полномочный член ЦК; умерла в 1952 г.) и Н. М. Анцелович (в 1927 и 1930 г. кандидат в члены ЦК, в 1939 г. полномочный член ЦК; умер в 1952 г.). Нет полной ясности в отношении А. Д. Андреева (в 1927 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1947 г.) и М. М. Харитонова (полномочный член ЦК в 1923 и 1924 г.; умер в 1948 г.). Известно, что после 1953 г. умерли: С. А. Афанасьев (в 1930 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1965 г.), А. В. Артюхина (в 1925 г. кандидат в члены ЦК, в 1925 и 1927 г. полномочный член ЦК; умерла в 1969 г.), Т. С. Кривов (в 1922 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1969 г.), М. К. Муранов (в 1917 и 1919 г. полномочный член ЦК, в 1920 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1959 г.), Е. Д. Стасова (в 1917 г. кандидат в члены ЦК, в 1918 и 1919 г. полномочный член ЦК; умерла в 1966 г.) и П. Я. Терехов (в 1930 г. кандидат в члены ЦК; умер в 1979 г.).

[83] Соколов В. В. Н. Н. Крестинский – революционер, дипломат (1883–1939) // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 140–141; О партийности лиц,

Другой ветеран революционной элиты, Андрей Андреев, переживший 1937–1938 гг., в действительности был одним из участников репрессий. Это несомненный факт, хотя во время жарких споров о роли профсоюзов в 1920–1921 гг. он примыкал к оппозиции. В 1937 г. на закрытом судебном процессе по делу крупных военачальников Красной армии Сталин упомянул Андреева, который, по его словам, «в 1921 году был ярым троцкистом», в качества наглядного примера того, как человек может в корне измениться. На пленуме в феврале–марте 1937 г. Андреев произнес две разгромные речи, одна из которых была направлена против Бухарина и Рыкова. Подобно многим представителям команды Сталина, его впоследствии направили в регионы (главным местом его активности стал Узбекистан), где он осуществлял наблюдение за чистками на местах. В 1938 г. Андреев председательствовал на ноябрьском пленуме ЦК Комсомола, где были выдвинуты обвинения против главы Комсомола Косарева. В 1939 г. Андреев возглавил комиссию по расследованию перегибов в работе НКВД, когда Берия уже встал во главе секретной полиции[84].

Оба представителя нового призыва, Панас Любченко и Иосиф Варейкис, были исключены из ЦК после октябрьского пленума 1937 г. До этого, в 1920-е – 1930-е гг. они являлись активными проводниками различных начинаний Сталина. За свою лояльность в 1934 г. они были избраны в ЦК. Оба голосовали «за» в ходе различных заочных опросов и по вопросу массовых исключений из ЦК на июньском пленуме 1937 г.

На пленуме в феврале–марте 1937 г. Любченко выступил с жесткой речью, в которой разоблачал деятельность троцкистов на Украине, он поддержал призыв Сталина к ужесточению борьбы с контрреволюционерами и критиковал руководство компартии Украины[85] за проявлен-

---

проходивших по делу... антисоветского правотроцкистского блока... С. 91; Возвращенные имена: Сборник публицистических статей. – М., 1989. Т. I. С. 309–314. В 1963 г. при Хрущеве Крестинский был реабилитирован посмертно.

[84] «Невольники в руках Германского Рейхсвера». Речь И. В. Сталина в Наркомате обороны // Источник. 1994. № 3. С. 74; Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 3–9; 1995. № 8. С. 3–13; Antonov-Ovseenko A. The Time of Stalin. N. Y., 1983. P. 125. Об активном участи Андреева в сталинских репрессиях см. также работы Роя Медведева и Олега Хлевнюка: Medvedev R. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. – N. Y., 1989. P 419, 465, 470, 528; Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы... С. 222. Полагаем, именно Андреев руководил работой комиссии по расследованию перегибов, так как именно ему направил просьбу о помиловании находящийся в заключении председатель ЧК М. С. Кедров. В 1956 г. письмо Кедрова цитировал Хрущев в своем докладе. См.: Хрущев Н. С. О культе личности... С. 156.

[85] Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 11–18.

ную слабость. Охота на украинских заговорщиков усилилась в июне 1937 г. после ареста Якира, командовавшего Киевским военным округом. В августе начались аресты бывших боротьбистов (украинских левых социалистов-революционеров). На председателя СНК Украины Любченко дал показания некий Хвыля, работавший в Совнаркоме, за которого Любченко ходатайствовал перед Сталиным. Любченко попытался опровергнуть все обвинения во время очной ставки в присутствии Сталина. После соответствующих донесений НКВД в августе 1937 г. с обвинениями против Любченко на пленуме ЦК Компартии Украины выступили Косиор, Затонский и Гикало, ставшие жертвами репрессий в последующие месяцы. Следует отметить, что Любченко тесно сотрудничал с Косиором с 1919 г. Отвергнув все обвинения, Любченко вернулся домой во время одного из перерывов в работе пленума. Существует две версии последующих событий. Согласно официальной, Любченко застрелил свою жену, после чего покончил с собой. По другой версии, супруги оказали сопротивление при аресте и были убиты сотрудниками НКВД, а история с самоубийством была придумана для прикрытия[86]. Как бы то ни было, к моменту официального исключения Любченко из всесоюзного ЦК его уже шесть недель не было в живых. Брат Любченко, его сын-подросток, теща и три золовки были убиты или отправлены в ГУЛАГ. В 1937–1938 гг. погибли почти все партийные руководители Украины, разделив участь Любченко.

Варейкис был арестован в 1937 г. на небольшой станции в Подмосковье, когда ехал с Дальнего Востока на октябрьский пленум[87]. Это произошло 9 октября, так что его имя даже значится в списке тех, кто должен был участвовать в заседаниях ЦК 11–12 октября (его попросту вычеркнули из списка)[88]. По словам жены Варейкиса, он пытался действовать в интересах арестованных товарищей и, в частности, подвергал сомнению вину маршала Тухачевского, под командованием которого служил во время сражений на Восточном фронте в 1918–1919 гг.[89] Варейкис, по всей видимости, провел в тюрьме более девяти месяцев. Его приговорили к смертной казни 29 июля 1938 г.

---

[86] Бачинский и Табачник обращают внимание на ряд противоречий в описании самоубийства Панаса Любченко. См.: Бачинский П. П., Табачник Д. В. Афанасий Петрович Любченко. С. 73–75. Только в 1965 г., через 11 лет после таинственной смерти, Любченко был реабилитирован.

[87] Лаппо Д. Д. Стойкий ленинец. С. 105.

[88] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 624.

[89] Лаппо Д. Д. Верный сын партии... Предположительно свидетелем ссоры Сталина с Варейкисом могла быть жена последнего. Видимо, ее очень скоро также арестовали и репрессировали. Скорее всего, путешествие Варейкиса в Москву было вызвано запланированным выступлением на пленуме в октябре 1937 г., а не гневом Сталина.

и расстреляли в тот же день. Реабилитирован посмертно в 1956 г. Сталин, возможно, мог иметь и другие поводы, чтобы избавиться от Варейкиса. Изучив воспоминания ветеранов партии, Медведев и Такер независимо друг от друга пришли к выводу, что на XVII съезде ВКП(б) Варейкис являлся лидером неофициального антисталинского блока. Это позволяет поместить Варейкиса, как указывает Такер, среди «сформировавшейся партийной аристократии, старых большевистских грандов ... бояр, предавших [Сталина]». Впрочем, других доказательств этого утверждения нет[90]. Такой теории противоречат жесткие публичные выступления самого Варейкиса и то, что его назначали на ответственные посты после 1934 г.

То, что Андреев был среди выживших, вполне согласуется с его статусом члена Политбюро, близостью к Сталину и готовностью беспрекословно принимать участие в нараставших репрессиях. Крестинский, Любченко и Варейкис погибли по разным причинам. Любченко был уязвим, потому что когда-то входил в революционную партию боротьбистов. К этому прибавились показания против него. Признания Хвыли, например, спровоцировали обвинения против Любченко. События развивались по принципу цепной реакции. Представители партийной элиты знали друг друга более двух десятилетий, и зачастую исключение кого-либо из врагов бросало тень на его выживших коллег. Отношения Варейкиса и Тухачевского, уходящие корнями еще в 1918 г., – характерный пример. Впрочем, объяснение, основывающееся на факторе личной биографии, имеет ограниченные возможности. В конечном счете Варейкиса пострадал не один, а вместе с другими секретарями обкомов, за гибелью Любченко последовали аресты видных партийных деятелей Украины, вместе с Крестинским подверглись репрессиям и другие дипломаты.

Объяснение причин массовых репрессий 1937–1938 гг. – один из центральных вопросов советской истории. Чего добивался Сталин, какую роль он играл в этих событиях? Каковы были масштабы насилия? На этот счет существует множество предположений, однако, по-видимому, невозможно дать исчерпывающее объяснение этого явления. В основе массовых репрессий лежали причины разного порядка. Они представляли собой всеохватывающие, всепоглощающие волны террора, направленного против миллионов людей, беспартийных, рядовых членов партии, которые были либо расстреляны, либо отправлены в трудовые лагеря. Впрочем, какими бы ужасными ни были репрессии, они не имеют прямого отношения к изучению советской элиты. Вторая составляющая этих событий – показательные судебные процессы и преследования, которым подверглись несколько

[90] Медведев Р. О Сталине и сталинизме... С 295; Tucker C. R. Stalin in Power, 1928–1941: Revolution From Above. – N. Y., 1990. P. 249, 251, 319, 643, n. 26.

десятков представителей старой партийной гвардии (Крестинский – классический представитель), составлявшие в 1920-е гг. оппозицию Сталину. Это уже напрямую касается элиты. Если бы они стали единственными жертвами репрессий, тогда, вероятно, можно было бы говорить об исполнении предсказаний Троцкого, который предупреждал о возвышении Сталина и расцвете бюрократии. И, наконец, третьей составляющей репрессий, занимающей центральное положение в данной книге, является уничтожение сталинских лидеров, избранных в ЦК в 1934 г. Их типичными представителями являются Любченко и Варейкис. И последнее – репрессии были направлены и на многих высокопоставленных руководителей в правительстве, народном хозяйстве, армии и т. д., не соответствовавших уровню ЦК. К ним также следует отнести бывших членов ЦК, не переизбранных в 1934 г.

Кого и за что вычищали из ЦК? Арч Гетти и Уильям Чейз пытались оценить уязвимость элиты перед лицом репрессий[91]. Согласно их выводам, старые большевики не отличались особой беззащитностью, но, верно это или нет, их выводы не применимы по отношению к ЦК, составлявшему партийную элиту, так как почти все его представители принадлежали к старым большевикам. Большинство членов ЦК конца 1930-х гг. – старые большевики. Гетти и Чейз усматривают непосредственную зависимость между степенью уязвимости и бюрократическим рангом, но это также неприменимо в отношении членов ЦК. Некоторые представители элиты действительно оказались защищены. Роберт Конквест предполагает, что Сталин демонстрировал кавказское благородство по отношению к женщинам. Как известно, репрессии пережили Клавдия Николаева (входившая в состав ЦК, избранного в 1934 г.), а также Александра Артюхина, Александра Коллонтай и Елена Стасова, принадлежавшие к более ранним группам советской элиты[92]. Пощадили некоторых старых большевиков, участвовавших в революционной деятельности еще до 1905 г.

---

[91] Getty. A., Chase W. Patterns of Repression among the Soviet Elite // Stalinist Terror... С. 225–246. Эта новаторская работа основана на анализе биографий 898 представителей советской элиты, из которых 427 человек были жертвами репрессий в 1936–1939 гг. Не ясно, насколько надежны предложенные примеры, так как не хватает информации о том, каким образом были получены эти данные. Утверждения Гетти, что в период чисток старые большевики не отличались особенной уязвимостью также можно встретить в другой его работе. См.: Getty. A. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. – Cambridge, 1985. P. 175f. Такой же точки зрения придерживается Роберт Тарстон. См.: Thurston R. Life end Terror in Stalin's Russia, 1934–1941. – New Haven, 1996. P. 132f.

[92] Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. – N. Y., 1991. P. 68f. Среди репрессированных были и женщины, например Анна Калыгина (в ЦК с 1934 г.). К тому же кавказское благородство Сталина не распространялось

К ним можно отнести Кржижановского, Петровского и Шварца и, возможно, Чувырина, который был заключен в тюрьму, но избежал расстрела. Сюда же можно отнести Буденного – народного героя гражданской войны. Трое других выживших – Литвинов, Лозовский и Мануильский – играли значительную роль на международной арене, хотя подобные соображения не уберегли остальных представителей дипломатического корпуса и руководителей Коминтерна[93]. Национальность также, кажется, не имела значения. Только чуть больше половины переживших политические репрессии (18 из 32) из состава ЦК 1934 г. были великороссами. Также интересно отметить в свете послевоенного антисемитизма Сталина, что около четверти выживших – евреи по происхождению (8 из 32)[94].

От репрессий пострадали представители разных групп советской элиты: партийные руководители регионального и республиканского уровней, наркомы, военные, профсоюзные деятели и дипломаты. Только членам Политбюро была гарантирована относительная безопасность. Как показал Т. Ригби, члены этой группы меньше всего пострадали от чисток, так что Сталин, по его словам, не был «вероломным патроном»[95]. Выжили также и другие представители близкого круга Сталина: член Оргбюро Мехлис, секретарь Сталина Поскребышев и Берия, репрессировавший организаторов чисток[96].

Ригби усматривает в чистках элиты рациональный элемент. Целью было «держать ребят в узде» (по выражению Аль Капоне, относившемуся к Муссолини). Сталин, как это ни парадоксально, после поражения левой и правой оппозиций, вполне возможно, оказался перед лицом нового вызова своему властолюбию. Роберт Конквест предлагает воспринимать чистки скорее в «статистическом ключе ..., чем применительно к отдельно взятой личности»; целью было лишь

на жен и детей репрессированных и даже на жен таких близких друзей, как Калинин и Молотов.

[93] Conquest R. The Great Terror. P. 437. Труднее объяснить, почему чисток избежали сравнительно молодые члены ЦК: бывший меньшевик Бройдо, Булганин, Юркин, Макаров, Вейнберг и Завенягин.

[94] Национальность Т. А. Юркина неизвестна. К пережившим репрессии евреям относились Бройдо, Каганович, Литвинов, Лозовский, Мехлис, Шварц и Вейнберг. Еще четверо были представителями народов Закавказья, а двое были украинцами.

[95] Rigby T. H. Was Stalin a Disloyal Patron? // Soviet Studies. 1986. Vol. 38. № 3 (July). P. 311–324.

[96] Конквест разделяет членов Политбюро на тех, кто был избран до 1926 г. (например Молотов), и тех, кого избрали в период с 1926 по 1927 гг. (например Эйхе). Он доказывает, хотя и не очень убедительно, что вторая группа больше была подвержена потерям, потому что ее представители не обладали престижем (The Great Terror. P. 439).

репрессировать «необходимое число», чтобы произвести должное впечатление[97]. Впрочем, это было нечто большее, чем просто демонстрация силы, способности к убийству. Что-то вроде «Ночи длинных ножей» Гитлера или даже уничтожения ленинградской группы в конце 1940-х гг. и может быть выражено терминами, присущими гангстерским битвам в борьбе за власть. Однако уничтожение трех четвертей представителей сталинской элиты 1934 г., не говоря уже о массовых репрессиях на более низких уровнях общества, – никак не укладывается в эти рамки[98].

Репрессии, по мнению некоторых советологов, необходимы были для обновления элиты в коммунистической системе как для того, чтобы «держать ребят в узде», так и для пополнения элиты новыми группами. Высказываются также предположения, что репрессии как на массовом, так и на элитарном уровне в действительности, являлись перманентной характеристикой коммунистической системы[99]. Такая трактовка событий была впервые высказана в 1950-е гг., но ее ограниченность стала явной при преемниках Сталина, когда прекратился террор против представителей элиты. На самом деле, как мы вскоре увидим, даже в позднесталинский период присутствовали определенные гарантии профессиональной и личной безопасности элиты (стабильность кадров) по крайней мере в пределах СССР[100]. Репрессии 1937–1938 гг. были уникальным явлением как на массовом, так и на элитарном уровне.

Даже принимая массовые репрессии 1937–1938 гг. как уникальное явление, часть историков делают упор в своих исследованиях на замещение одного поколения руководителей другим. Роберт Даниелс утверждает, что «в 1937 г. фактически каждый участник советской общественной жизни в возрасте свыше 37 лет был устранен со сцены». Роберт Такер, автор самой полной на Западе биографии Сталина, предпринял одну из наиболее исчерпывающих попыток описать процесс массовых репрессий. Он рассматривает XVII съезд 1934 г. как «окончательное отчуждение от большевистской партии» Сталина. «Целое поколение членов партии, кто не смог пройти тест на верность, должны были уйти. Их место должно было занять но-

---

[97] Rigby T. H. Was Stalin a Disloyal Patron... P. 314f.; Conquest R. The Great Terror. P. 118.

[98] Вполне вероятно, что Сталин искал способ «держать ребят в узде», а потом все вышло из-под контроля. Об этом см.: Thurston R. Life end Terror in Stalin's Russia... P. 130.

[99] См. ставшее классическим изложение этой теории: Brzezinski K. Z. The Permanent Purge: Politics of Soviet Totalitarianism. – Cambridge, 1956.

[100] В поздний сталинский период политическая элита в некоторых странах Восточной Европы подвергалась репрессиям.

вое поколение "настоящих большевиков", представители которого не провалят этот тест, которые признают революционный гений Сталина, и которые будут преданно следовать за ним в политике вне зависимости, куда он их поведет»[101].

Такер, описывая этот процесс, прибегает к исторической метафоре:

> Сталин ... желал великих перемен, изменения всего советского порядка [не останавливаясь на коллективизации и индустриализации]. Предпринятый им комплекс политических мер должен был усилить военную мощь и централизацию власти в новом Московском советском государстве. Сформировавшаяся к тому времени партийная аристократия – в своем большинстве старые большевистские гранды – выступали в роли его изменников-бояр. [Между тем] революция ... требует созидания так же, как и разрушения. Правящая верхушка ... должна была быть не только смещена, ее нужно было пополнить новыми людьми – теми, кто готов принять требования, предъявляемые новым порядком.

По мнению Такера, эти изменения имели также и психологическое измерение. Рожденное революцией поколение политиков, которое включало и сталинистов, должно было уйти целиком, так как их система взглядов не соответствовала замыслам Сталина. И он пытался внедрить в сознание новобранцев свои идеи через «Краткий курс» истории партии 1938 г. Биограф Сталина Дмитрий Волкогонов, объясняя чистки элиты, также исходит из поколенческой теории. Главная причина, по его мнению, заключалась в том, что Сталину были нужны «функционеры более молодого поколения, не знавшие его раннего»[102]. Шейла Фицпатрик тоже придает большое значение этому фактору, хотя она рассматривает проблему с совершенно другой стороны. Анализируя перестановки в составе ЦК, а также на более низких уровнях власти, Фицпатрик концентрирует свое внимание на рациональных основаниях продвижения в ряды элиты, она рассматривает скорее судьбы тех, кто выиграл от этого процесса, чем погибших[103]. К первым принадлежали продвигавшиеся по служебной лестнице члены партии (выдвиженцы), мужчины и женщины, получившие образование зачастую уже в советскую эру, а не во времена царизма. Они теперь получали высшие посты. Часто их называют брежневским поколением.

---

[101] Daniels V. R. Is Russian Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. – Boulder, 1988. P. 77; Tucker C. R. Stalin in Power. P. 265.

[102] Там же. P. 319, 528, 530, 538; Волкогонов Д. Триумф и трагедии: Политический портрет И. В. Сталина. – М., 1989. Т. 1. Ч. 1. С. 95.

[103] Fitzpatrick S. Stalin and the Making of New Elita, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. Vol. 38. № 3. P. 377–402.

Период массовых репрессий представляет собой наиболее важный разрыв в истории советской элиты. Следующие три главы этой книги будут посвящены второму поколению советской элиты, доминировавшему во власти с конца 1930-х до середины 1970-х гг. Однако доводы, основанные на поколенческом анализе, не дают исчерпывающей картины произошедшего. Во-первых, хотя репрессии действительно способствовали подъему на вершину нового поколения элиты, уничтожение предшествующего, рожденного революцией поколения никогда не было ни полным, ни внезапным. После 1939 г. на протяжении полутора десятка лет в ЦК сосуществовали два поколения элиты. И, во-вторых, хотя Фицпатрик права, говоря, что возвышение нового поколения являлось долгосрочным последствием массовых репрессий, из этого не обязательно следует, что Такер, Конквест и другие правы, утверждая, будто желание заменить одно поколение другим было их непосредственной причиной.

Сталин не ставил перед собой задачу поголовно уничтожить всех представителей элиты, воспитанной на предшествующей сталинской системе взглядов. Едва ли целью чисток в рядах ЦК 1934 г. являлось омоложение кадров. Средним годом рождения 32 выживших был 1888-й. Значит, в 1939 г. им было около 51 года. В тоже время, средним годом рождения всех членов и кандидатов в члены ЦК образца 1934 г. был 1890-й. Это означает, что у *старших* по возрасту оказалось больше шансов пережить чистки[104]. Известно, что две трети членов ЦК, входивших в его состав в 1917–1937 гг., погибли в результате репрессий (исключай тех, кто успел умереть естественной смертью). Однако анализ биографий 328 человек, вошедших в состав ЦК после чисток (то есть избранных на съездах 1939 и 1952 гг., а также на партийной конференции 1941 г.), показывает, что приблизительно треть составляют представители первого поколения советской элиты, родившиеся до 1901 г. До этого они в основном не входили в состав ЦК, хотя являлись ветеранами партии. Что же касается состава ЦК, избранного в 1939 г., то в нем первое поколении лишь немногим уступало по численности представителям второго. Так, в 1939 г. среди этих руководителей, представлявших первое поколение советской элиты, были мужчины и женщины в возрасте до 40 лет или чуть старше, достигшие совершеннолетия в основном во времена императорской России. Что касается их

[104] Если говорить о действовавших членах ЦК, такие данные были возможны благодаря тому, что представители старшего поколения оставались в строю, если пользовались доверием Сталина или не вызвали у него опасений. Большевики-ветераны, к которым вождь испытывал особое недоверие, были удалены из ЦК еще до 1934 г. Эта группа старых кадров соответствует выводам Гетти и Чейза по результатам исследования 898 представителей советской элиты. См.: Getty J. A., Chase W. Patterns of Repression... P. 231f.

системы взглядов, то не мене 58 % (81 из 139) из состава ЦК 1939 г. вступили в партию еще при жизни Ленина (то есть до 1924 г.). Из них 32 принадлежали к старым большевикам и 46 вступили в партию в годы гражданской войны. Даже в 1952 г. число членов ЦК, вступивших в партию после смерти Ленина, увеличилось преимущественно за счет *расширения* ЦК. В 1952 г. в абсолютных цифрах в ЦК было столько же людей, вступивших в партию до 1924 г., как и в составе ЦК 1939 г. Если же рассматривать сталинскую элиту позднего периода в целом, то не менее трети ее представителей мы относим к первому, а не ко второму поколению советской политической элиты[105].

Лучшему понимаю размаха и глубины репрессий служит скорее целостность старого ЦК, чем смена поколений. Небывалый масштаб репрессий, даже на уровне ЦК, и жестокость, с которой они проводились (руководители не просто отстранялись от должности, их уничтожали) свидетельствуют не только о безжалостности и политической паранойе Сталина и НКВД, но и о динамике самого процесса репрессий. Главной заботой Сталина не были только обновление элиты и смена поколений. Что для него действительно имело значение, так это сохранение своей собственной власти и упрочнение интересов революции, как он их понимал. Для него эти цели являлись неразрывными. Элита находилась в зоне риска до тех, пока, как казалось, создавала препятствия для достижения этой двойной цели. Если Сталин ставил своей целью держать всех в узде, то ее невозможно было достигнуть (принимая во внимание сплоченность элиты) удалением нескольких десятков козлов отпущения. Если же он стремился разыскать своих тайных врагов, то и в этом случае дело не обошлось бы малыми жертвами[106]. Избежать их оказалось еще труднее, так как наказание, требуемое Сталиным, было настолько жестоким, что эта борьба превратилась для элиты в сражение не на жизнь, а на смерть.

---

[105] Сталинская элита позднего периода – члены ЦК, избранные в 1939, 1941 и 1952 г. Из них 104 человека (из 313, чей возраст известен) принадлежат к первому поколению советской элиты. Хотя Роберт Даниелс предпринял наиболее глубокий анализ поколений советской элиты, будет ошибкой утверждать, что «практически каждый участник советской общественной жизни старше 37 лет в 1937 году был удален с ее сцены». См.: Daniels V. R. Is Russian Reformable... P. 77. Поколенческие доводы и утверждения об особой уязвимости старых большевиков опровергнуты в недавно вышедшей истории Большого террора. См.: Thurston R. Life end Terror in Stalin's Russia... P. 311f.

[106] Возможно, Сталиным руководил страх, так как он был уверен, что против него плетется политический заговор. Некоторые исследователи считают, что у Сталина действительно были причины для страха, и заговор на самом деле существовал. См.: Deutscher I. Stalin: A Political Biography. – Harmondsworth, 1966. P. 377; Getty J. A. Origins of the Great Purges... P. 119–128, 168, 255, n. 84; Thurston R. Life end Terror in Stalin's Russia... P. 56–57.

Трудно ответить, какой на самом деле была связь между членами ЦК – действенной, пассивной или потенциальной. Иногда утверждают, что причиной чисток стало нежелание членов ЦК предпринимать более решительные шаги по отношению к своим соратникам. В действительности существует мало свидетельств противостояния элиты попыткам Сталина консолидировать свою власть и даже вычистить элиту. «Нас всех следует повесить на одном дереве или, и это, пожалуй, самое верное, каждого повесят отдельно» – сказал как-то Бенджамин Франклин о другой революционной элите. Старые большевики провалили этот тест. В архивах не сохранилось свидетельств, которые подтверждали бы утверждение, что элита противилась жестокому наказанию Рютина в 1932 г.[107] Важность пресловутого инцидента на пленуме ЦК в феврале–марте 1937 г. – выступления Постышева – сильно преувеличена. В 1956 г. Хрущев в своем докладе «О культе личности и его последствиях» сообщил, что кандидат в члены Политбюро Постышев усомнился в целесообразности поисков врагов. Постышев сказал, что он не понимает, каким образом один из его подчиненных, Карпов, мог оказаться троцкистом. На самом деле его слова являлись средством самозащиты, и он наравне со всеми принимал участие в охоте на ведьм. Кроме того, заявление Постышева на февральском пленуме – исключение из правил. Его слова тотчас же вызвали критику других участников пленума, среди которых был Панас Любченко[108]. Если бы существовало больше документальных свидетельств о наличии оппозиции репрессиям среди элиты, то советские историки наверняка обнародовали бы их во времена Хруще-

---

[107] Хлевнюк О. М. Политбюро: Механизмы... С. 75 и далее. Один из главных (и убедительных) аргументов этой полезной книги заключается в том, что в Политбюро не было мягкой и жесткой фракций.

[108] Хрущев Н. С. О культе личности... С. 139 и далее. Постышев являлся также первым секретарем Киевского обкома и вторым секретарем КП(б)У. М. М. Карпов возглавлял Агитпропом киевского обкома партии. Полностью замечания Постышева были опубликованы не так давно. См.: Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 3–8. Ответ Панаса Любченко можно найти в опубликованных протоколах пленума. См.: Вопросы истории. 1995. № 10. С. 12, 17. Постышев подвергся нападкам на пленуме в 1938 г. за излишнюю жесткость. См.: Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро... С. 159–167. Как мы уже видели, в феврале 1938 г. Постышев был исключен из ЦК после проведения заочного голосования и вскоре арестован. Среди обвинений, выдвинутых против него, было и то, что, будучи первым секретарем Куйбышевского обкома, он исключил из партии слишком много коммунистов; кроме того, как это ни парадоксально, его упрекали в том, что он проявлял терпимость к врагам, находясь на руководящих должностях в Киеве и Куйбышеве. См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 640. Подробнее об этом деле см.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы... С. 216–228.

ва или Горбачева. Грэм Гилл высказал предположение, что большое число членов ЦК, ставших жертвами репрессий, свидетельствовало о слабости этого органа. Проницательный историк использовал русское слово *разобщенность*, обозначающее отсутствие единства, чтобы описать фатальную слабость элиты[109].

В то же время, похоже, что Сталин и его соратники сталкивались с определенным сопротивлением на своем пути. Если элита и не могла сделать многого, то она хотя бы выступала в роли тормоза при проведении наиболее радикальных политических инициатив, по крайней мере тех, что касались ее непосредственно. Так, попытка ужесточить наказание для Бухарина и Рыкова, лидеров правой оппозиции, на закрытом декабрьском пленуме ЦК 1936 г. не увенчалась успехом. Даже решение, которое члены ЦК приняли по делу Бухарина и Рыкова на пленуме в феврале–марте 1937 г., может рассматриваться как компромиссное. Они были исключены из ЦК и партии, но их дело не передали в Военный трибунал, а перепоручили НКВД[110]. Конечно, сопротивление объединенной элиты могло быть преодолено, но его нельзя было игнорировать.

Элита ЦК, пытаясь защитить себя, не смогла перейти к осознанным действиям, не говоря уже о возможности заговора против Ста-

---

[109] Gill G. The Origins of the Stalinist Political System... P. 285; Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы... С. 228.

[110] Фрагменты стенограммы декабрьского пленума 1936 г. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 3–22. Специальная комиссия ЦК (35 человек) заранее, еще до пленума ЦК в феврале–марте 1937 г., обсуждала возможное решение по делу Бухарина и Рыкова. Мнение 20 членов этой комиссии нам известно. Ежов выступал за расстрел двух правых оппозиционеров. Его, по всей видимости, поддержали Буденный, Якир, Косарев, Мануильский и Шверник. Предложение Сталина, которое могло носить тактический характер, предвосхищавшее возможное сопротивление ЦК, – Бухарина и Рыкова исключить из ЦК и партии, а затем направить их дело на рассмотрение НКВД. Это предложение поддержали Крупская, Молотов, М. И. Ульянова (сестра Ленина), Варейкис и Ворошилов. В итоге, как и следовало ожидать, это предложение было принято комиссией и пленумом. Однако некоторые члены комиссии, хотя и поддержали исключение Бухарина и Рыкова из ЦК и партии, высказались против расстрела. В эту группу входили Антипов, Хрущев, Косиор, Литвинов, Николаева, Петровский, Постышев и Шкирятов. См.: Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 23–24; О партийности лиц, проходивших по делу... антисоветского правотроцкистского блока... С. 77–83. См. также засекреченный доклад Хрушева «О культе личности» (1956 г., с. 138- 140). Мария Ульянова была членом Центральной Контрольной Комиссии (а не ЦК). Неизвестно, как выразили свое отношение к Бухарину и Рыкову 15 других членов специальной комиссии (например Андреев). Не все, предлагавшие более мягкое решение, подверглись репрессиям в 1937–1938 гг.

лина. Тем не менее, как было показано в первой части данной главы, представители элиты имели между собой немало общего. На это обратил внимание на съезде партии в 1934 г. Николай Ежов, глава Мандатной комиссии и один из ключевых деятелей сталинской партийной машины. Говоря обо всей партии, Ежов отметил, что только 10 % ее членов вступили в ее ряды до 1921 г. В тоже время среди делегатов съезда наблюдалась совершенно иная картина. По словам Ежова, за «проверенным слоем членов партии, прошедшим школу гражданской войны и подполья, остается руководящая роль»[111]. Как мы уже видели, этот «проверенные слой» еще в большей степени доминировал среди меньшей группы – делегатов съезда, избранных в ЦК. Нет оснований предполагать, что Ежов, говоря о руководящей роли, прибегал к завуалированной критике. Сам Ежов вступил в партию в марте 1917 г. и принадлежал к проверенному слою. Через три года он возглавил НКВД и стал главным инструментом Сталина в проведении массовых репрессий. К тому моменту разобщенность ветеранов партии превратила их в легкую жертву.

Представители элиты, входившие в ЦК, были примерно одного возраста, происходили из императорской России, вместе прошли школу подпольной борьбы и, что следует отметить особо, гражданской войны. В последующие полтора десятилетия они занимали посты на всем пространстве советского континента. Это единство усиливалось как сознанием принадлежности к старой партийной гвардии, так и осознанием себя крохотным меньшинством среди враждебного или, в лучшем случае, неоднозначно относящегося к ним населения. Представители партийной элиты были связаны своего рода семейными узами, и основа этих уз – не сознательная неприязнь к Сталину, а жизненный опыт – события, которые всем им пришлось пережить. Это была матрица верности старых большевиков. Конечно, не следует переоценивать поступок Постышева, однако он, быть может, действительно не мог поверить в то, что Карпов – троцкист. Постышев, выступая в защиту Карпова, ссылался на других членов ЦК, которые когда-то занимали в Киеве руководящие посты и работали вместе с Карповым, – Варейкиса, Якира и Гринько[112]. На пленуме в феврале–марте 1937 г. сам Сталин сетовал (этот пассаж не вошел в официальную публикацию отчета о заседании пленума), что Серго Орджоникидзе ошибочно доверял члену ЦК В. В. Ломинадзе. Февральский пленум 1937 г. завершился выступлением Сталина, в котором он подчеркнул негативную сторону создания связей внутри

[111] XVII съезд... С. 303.

[112] Якир был первым репрессированным военачальником. Его исключили из ЦК через несколько месяцев.

элиты – ее сплочения[113]. Сталин действительно боялся оппозиции – в этом смысле самым опасным ему казалось поколение старых большевиков. Они имели тесные личные связи и общее прошлое – опыт оппозиционной борьбы. Среди них могли скрываться «двуличные изменники» и оппозиционеры. Тесные узы, связывавшие старых большевиков, делали их политически подозрительными.

Общий жизненный опыт связал вместе две подгруппы, выделенные в первой части данной главы: революционную элиту (избиравшихся в ЦК в 1917–1922 гг.) и представителей нового призыва (впервые вошедших в ЦК после 1923 г.). Они разделили общую судьбу в годы Большого террора. Из 78 представителей революционной элиты 18 умерли естественной смертью до 1936 г. Из 60 оставшихся 43 (72 %) погибли в 1936–1938 гг. и лишь 17 пережили эти годы. Еще более показательна участь представителей нового призыва, которые предположительно отбирались самим Сталиным. В настоящий момент известны даты смерти 167 из 187 человек, принадлежавших к этой группе. В 1937 г. из указанных 167 человек были живы 150. Из них 117 (78 %) погибли в результате репрессий. Таким образом, доля жертв в этой группе была выше, чем среди революционной элиты. (В действительности доля репрессированных представителей нового призыва, скорее всего, была еще выше, так как 20 человек, дату смерти которых мы не знаем, вероятно, также стали жертвами репрессий.) Если вдуматься в эти цифры, то получится, что более двух третей представителей революционной элиты и нового призыва были уничтожены системой, которую они сами помогали создать.

Имелся и еще один повод для сплочения элиты и ее конфликта со Сталиным. И дело здесь не только в возрасте и общем жизненном опыте, причина крылась в общих с любой другой общественной или политической организацией тенденциях. Партийная элита уровня ЦК представляла собой самодостаточную бюрократию в прямом смысле этого слова. Историк Моше Левин убедительно объясняет эту сторону ее деятельности. Элита – особенно после 1928–1932 гг. – стремилась к стабильности. Государственная система, по мнению ее представителей, должна была развиваться так, чтобы отвечать интересам высших эшелонов бюрократии. Действительно, так и было в период правления Брежнева в 1960–1970-е гг. Но эти намерения не учитывали позицию Сталина, начавшего чистки как раз для того, чтобы предотвратить наступление такой нормализации. Возможно, что Сталин понял, как и Горбачев 50 лет спустя, что он не сможет работать с такой элитой. Согласно Левину, в основе безумия репрессий лежал подход Сталина, который «отказывался принять основы

[113] Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 14.

системы, формирующейся под его собственной [властью] ... правила, где новые социальные группы, особенно принадлежащие к государственной и правящей страте, начинают оформлять и консолидировать свое положение». «Новые кадры разрастались, чиновники уселись в кресла и прочно обосновались на своих постах; их новые привычки могли бы побудить их к действию, и они покусились бы на ... персонализированный стиль правления главы государства. Вероятно, эти вполне реальные перспективы не прельщали параноидального лидера». В 1930-х гг. действительно пыталась выкристаллизоваться командно-административная система, владельческая бюрократия, правящий класс, и Сталин пытался остановить этот процесс. Он не мог, как показала последующая история СССР, добиться успеха[114].

Какими бы ни были стремления и единство *этой* бюрократии, Сталин испытывал общее недоверие к любой подобной когорте. Это чувство он перенял у Ленина и, как ни странно это звучит, разделял со своим заклятым врагом Троцким[115]. Более того, Сталин опасался, что правящая элита не только потенциально была неверной, становилась бюрократизированной (в негативном смысле этого слова), но и не соответствовала тем задачам, которые перед ней стояли. Этот *функциональный* аргумент, вероятно, стоял во главе всех остальных доводов. Сталин заранее решил, что в элите требовалось произвести масштабные изменения. Важно отметить: он не сомневался, что бюрократическую партийную верхушку легко заменить, и это, по нашему мнению, является немаловажным фактором. Действительно ли революционная элита и представители нового призыва были готовы к уничтожению – вопрос спорный. Это входит в противоречие с некоторыми интерпретациями. Например, Даниелс особо подчеркивает фактор естественного отбора в элите 1920-х гг., которую он представляет как людей «эффективно выполнявших приказы и решительных в борьбе с оппозиционными проявлениями»[116]. Шейла Фицпатрик полагает, что партийная элита к тому моменту постарела, хотя этот аргумент и не выглядит убедительным. Элита того времени была моложе, чем даже

---

[114] Lewin M. The Making of the Soviet System... P. 278, 281 f., 309; Lewin M. Russia / USSR / Russia: The Drive of a Superstate. – N. Y., 1994. P. 73, 91, 182, 187. Новую статью Левина на эту тему см. в: Lewin M. Bureaucracy and the Stalinist State // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. / ed. I. Kershaw and M. Lewin. – Cambridge, 1997. P. 53–74.

[115] Ларс Ли изложил антибюрократический план действий Сталина. См.: Lih L. Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936. – New Haven, 1995. P. 10–17. У Левина есть схожее предположение: Сталин еще в 1918 г. чувствовал себя неуверенно перед лицом «буржуазных спецов», что сделало его параноиком в отношении всех специалистов. – Lewin M. The Making of the Soviet System... P. 196.

[116] Daniels R. The Conscience of the Revolution... P. 169. Нечто подобное о естественном отборе говорит Левин (см. главу 1).

в 1950-е гг. или любой другой последующий период советской истории[117]. Конечно, Сталин все это прекрасно понимал, так как его самого революция вознесла на вершину власти, когда он был еще очень молодым человеком. Элита могла оставаться в таком положении очень долго. Активная служебная карьера для среднестатистического члена ЦК 1934 г. должна была завершиться в 1955 г. (в возрасте 65 лет), но никак не в 1937-м. Вполне закономерно, что мир, внутри которого действовала элита, радикально изменялся по мере того как экономическая и политическая системы становились все сложнее. Внутри Политбюро определенно существовало недовольство низким образовательным уровнем даже высших должностных лиц, например секретарей областных комитетов партии[118]. Однако, как показало будущее, поколение, пришедшее на смену, было немногим лучше.

Можно с уверенностью утверждать, что хотя Сталин и нуждался в поддержке близкого круга соратников (Политбюро), он не чувствовал никаких обязательств перед элитой в целом (то есть перед ЦК). Сталин принадлежал к старым большевикам. Это создавало ему авторитет внутри партии, но он не чувствовал никакой привязанности к ее ветеранами как к особой группе. На съезде 1934 г. он подверг нападками высших партийных чиновников: «Эти зазнавшиеся вельможи думают, что они незаменимы и что они могут безнаказанно нарушать решения руководящих органов. Как быть с такими работниками? Их надо без колебаний снимать с руководящих постов, невзирая на их заслуги в прошлом». Через три года на пленуме ЦК в феврале–марте 1937 г. Сталин предложил последовательный план действий, который позволил бы повысить идеологическую грамотность партии и продвинуть новые кадры. Каждый партийный секретарь – от главы партийной ячейки до обкома – должен был выбрать двух заместителей, которые впоследствии могли бы сменить его на руководящем посту. «Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у

---

[117] Фицпатрик выдвигает гипотезу о влиянии ветеранов гражданской войны. Они, по ее словам, являлись «потенциальными избирателями», которые могли поддержать инициативы Сталина. Однако они были уже в том возрасте, «когда ценность человека уменьшается с каждым годом». От них можно было требовать «силу, усердие и самопожертвование» в 1929 г., но не в конце 1930-х. См.: Fitzpatrick S. The Legacy of Civil War... P. 394f. Олег Хлевнюк, как и Фицпатрик, полагает, что одна из причин падения некоторых членов сталинского Политбюро, таких как Орджоникидзе и Чубарь, – слабое здоровье или инертность. См.: Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы... С. 232 и далее.

[118] Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. С. 78 и далее.

нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переспевали на старом месте и не начинали гнить». Зловеще звучат слова в его итоговой речи на пленуме: «Я говорил в докладе, повторяю здесь, что мы, старики, члены Политбюро, скоро отойдем, сойдем со сцены. Это закон природы. И мы бы хотели, чтобы у нас было несколько смен, а для того, чтобы дело организовать, надо теперь же заняться этим...»[119]

Вернемся к вопросу об узах, связывавших членов ЦК. Сам путь, по которому развивались репрессии, говорит сам за себя. В них присутствовали и трезвый расчет, и ошибочные построения. С одной стороны, сам Сталин до конца не осознавал того, чему суждено было случиться. С другой – даже те меры, которые он планировал, и его реакция на события были выполнены с большим политическим искусством. К тому же большинство представителей элиты были преданны Сталину и готовы, по своей наивности или вследствие цинизма, принять обвинение других в троцкизме или в сотрудничестве с иностранными шпионами. Они не собирались голосовать за собственное физическое уничтожение. Лучшее объяснение этому дал Молотов в своей беседе с поэтом Феликсом Чуевым[120]:

> [МОЛОТОВ] Так слушайте, не было такого положения, чтобы меньшинство исключило большинство. Это постепенно происходило. Семьдесят исключили 10–15 человек, потом 60 исключили еще 15. Вот в порядке большинство и меньшинство.
>
> [ЧУЕВ] Это свидетельство блистательной тактики, но еще не свидетельство правоты.
>
> [МОЛОТОВ] Позвольте, но это соответствует фактическому развитию событий, а не просто тактики. Постепенно вскрывалось в острой борьбе на разных участках. Кое-где можно было потерпеть: держали, хоть и не доверяли. Кое-где нельзя было терпеть. И постепенно – все это было в порядке демократического централизма, без нарушения формального. По существу это привело к тому, что в составе ЦК осталось меньшинство из этого большинства, но без формальных нарушений. Так что это не нарушает формально демократического централизма, такой постепенный, хотя и довольно быстрый процесс очищения путей.

Таким образом, в чистках было больше логики – и успеха, – чем иногда полагают, если не в достижении целей, то по крайней мере в тактике, согласно которой они проводились. Первоначально Сталин

---

[119] XVII съезд. С. 34; Материалы февральско-мартовского пленума // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 14; № 11–12. С. 18.

[120] Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 462 и далее.

действовал с осторожностью, подтверждение этому – организация показательных процессов. Он хотел показать уцелевшим представителям элиты ЦК и остальному населению всю «серьезность» совершенных преступлений. Осторожность видна и в стремлении соблюдать, по крайней мере до начала 1938 г., «законность» принимаемых решений: они оформлялось в виде пленумов, проведения голосований путем заочных опросов и т. д.

Последний пункт в анализе массовых репрессий очевиден, но и его необходимо отметить. Представители элиты не ожидали, что смертельные чистки затронут их самих. Им даже не приходило в голову задать вопрос, будут они «висеть на одном дереве» или «отдельно». Они не осознавали, что уже стоят на эшафоте. Даже на июньском пленуме 1937 г., когда против ряда их соратников выдвинули обвинения, большинство членов ЦК не верили, что дело дойдет и до них. Каждый считал, что не сделал ничего плохого и не является врагом народа. Примечательно, что после 1938 г. представители новой элиты как в Политбюро, так и в ЦК понимали, что этот опыт не должен повториться. Очевидно, что чистки – это уникальное явление, порождение 1930-х гг., а не отличительная черта советского строя. То, что Большой террор являлся исключением из правил, а не долговременным фактором, объясняется не только особой ситуацией, сложившейся в мире в 1930-е гг., отношением самого Сталина, поколенческим фактором. Представители новой элиты хорошо осознавали, чем может закончиться данный процесс, если они снова упустят инициативу. Элита ЦК больше никогда не будет столь уязвима. Именно с этой целью Хрущев произносил свою знаменитую речь и проводил политику десталинизации.

> Власть в ваших руках не со вчерашнего дня. Никто не мог «пробраться» на ответственный пост без вашего разрешения.
>
> Кто насаждал так называемых врагов народа на самые ответственные посты государства, партии, армии, дипломатии?
>
> Иосиф Сталин.
>
> Кто насаждал так называемых вредителей в советском и партийном аппарате?
>
> Иосиф Сталин.

Такие обвинения предъявил Сталину старый большевик, невозвращенец Федор Раскольников в своем знаменитом «Открытом письме» в августе 1939 г.[121] В этом заключается парадокс 1920–1930-х гг. Элита, которая была почти полностью уничтожена при Сталине в 1937–

[121] Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Реабилитирован посмертно. – М., 1988. Вып. 1. С. 348 об.

1938 гг., в основном сформировалась в период с 1922 по 1934 г. В то самое время, когда Сталин являлся самой могущественной фигурой в руководстве и лично курировал все назначения. Существует несколько объяснений данного парадокса. Возможно, Сталин контролировал развитие партийной элиты в 1920-е гг. гораздо в меньшей степени, чем ему приписывали Федор Раскольников и др. Или же в сталинских чистках партийной элиты вообще отсутствовал политический расчет. Может быть, как указывали самые яростные критики Сталина, все дело было в его мании величия. Возможно, как утверждают некоторые историки-ревизионисты, причины террора имели структурный характер. Понимание парадоксальных явлений требует принять за истину то, что ни одно простое объяснение не может быть исчерпывающим. В 1920-е гг. Сталин не смог полностью перестроить партийную элиту по своему плану. В нем развились чрезмерные требования к проявлениям преданности, которые основывались на особой системе взглядов и патологии. Со своей стороны, сталинская элита преследовала собственные интересы, далекие от замыслов Сталина. И это касалось как карьерных и групповых интересов, так и программ.

Фактор элиты продлил период советский истории на больший срок, чем полагали многие историки. В течение 20 лет, несмотря на политическую борьбу и экономическую неопределенность, в Советской России на уровне ЦК доминировало одно поколение элиты – революционеры. Это поколение совершило революцию, одержало победу в гражданской войне, укрепило коммунистическую диктатуру и провело страну через вторую социальную революцию в конце 1920-х – начале 1930-х гг. С уничтожением большинства представителей этого поколения закончился первый период советской истории.

3. НОВАЯ СТАЛИНСКАЯ ЭЛИТА, 1939–1956 гг.

Что касается молодых кадров, то.., во-первых, молодые кадры составляют громадное большинство, во-вторых, они молоды и им не угрожает пока что выход из строя, в-третьих, у них имеется в избытке чувство нового – драгоценное качество каждого большевистского работника, и, в-четвертых, они растут и просвещаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят стариков, станут бок о бок с ними и составят им достойную смену.

(И. В. Сталин. Из Отчетного доклада XVIII съезду партии, 1939 г.)

Интеллигенция изменилась, став в большинстве своем совершенно новой интеллигенцией, всеми своими корнями связанной с рабочим классом и крестьянством. Советская интеллигенция происходит из вчерашних рабочих и крестьян и сыновей рабочих и крестьян, выдвинутых на руководящие посты.

(А. А. Жданов. Из доклада XVIII съезду партии, 1939 г.)

Информация о составе делегатов съезда... доказывает, что наша партия неуклонно проводит в жизнь указание товарища Сталина о необходимости постоянного объединения и консолидации старых и молодых кадров в сплоченный коллектив людей, которые будут руководить работой партии и всей страны.

(Н. М. Пегов. Из отчета XIX съезду партии, 1942 г.)

Два десятка лет после Большого террора были для элиты такими же беспокойными, но не столь губительными, как оба предыдущие десятилетия. Первые два года после XVIII съезда внимание партии сосредоточивалось на подготовке вооруженных сил и экономики к войне. Начиная с 22 июня 1941 г., война являлась абсолютным приоритетом как в первые катастрофические 18 месяцев германского наступления,

так и в последующий период массированного Советского контрнаступления. После окончательной победы над нацистской Германией коммунистическое руководство столкнулось с гигантскими задачами послевоенного восстановления экономики страны и контроля над ее населением, а также установления власти на периферийных территориях, аннексированных СССР в 1939–1945 гг. или попавших после войны в сферу политического и военного влияния Москвы. Кроме того, СССР должен был конкурировать с Соединенными Штатами.

Во время войны вся полнота власти сосредоточивалась в руках чрезвычайных органов, важнейшим из которых являлся Государственный комитет обороны (ГКО), но после ее окончания произошло формальное возвращение властных полномочий обычным государственным учреждениям. Однако бóльшую часть этого периода власть находилась в руках стареющего диктатора, который игнорировал даже формальные нормы партийной жизни. Незадолго до смерти Сталина был, наконец, созван XIX съезд партии. Элите, избранной в состав Центрального Комитета на этом съезде, предстояло руководить страной после смерти Сталина, наступившей в марте 1953 г. Сталин представлял важнейший элемент той системы, которую принято именовать сталинизмом, но его кончина 5 марта 1953 г. отнюдь не стала тем поворотным пунктом, каким ее часто считают. До начала 1956 г. система во многих отношениях оставалась неизменной, и конец сталинизма настал только после прихода к власти Хрущева и кардинальной перестройки всей административной системы. Худшие эксцессы сталинизма были остановлены, чтобы больше никогда не повториться, а летом 1953 г. Берию отстранили от власти, и партия установила полный контроль над органами госбезопасности. Началось массовое освобождение узников ГУЛАГа, но допущенные Сталиным ошибки еще не признавались публично. Произошли явные изменения в политической практике. Должности председателя Совета министров и генерального секретаря партии были разделены, их больше не занимал один человек, пленумы ЦК и заседания его Президиума теперь проводились с периодичностью, установленной Уставом партии. Ситуация оставалась неопределенной, и пропаганда продолжала поддерживать культ Сталина. Оттепель, которую принято ассоциировать с именем Хрущева, только начиналась после XX съезда, состоявшегося в 1956 г. Предпринимались отдельные попытки разрешения неотложных задач внутренней и внешней политики (особенно тревожным оставалось состояние сельского хозяйства), но все они в основном не выходили за рамки незначительных усовершенствований старой сталинской модели. Сам Хрущев все еще был убежденным защитником преимущественного развития тяжелой промышленности. Но наиболее ярким свидетельством неизменности системы оставался состав высшего руководства страны, где, за исключением Сталина и Берии, все представители прежней элиты продолжали занимать свои посты.

Новая элита: набор 1938 г.

Большой террор 1937–1938 гг. выкосил бóльшую часть старой элиты, и съезды партии, состоявшиеся в 1938 и 1952 г. ознаменовались возникновением новой. Значительная часть первого поколения лидеров, то есть когорты революционеров, родившихся до 1901 г., была уничтожена в ходе Большого террора. В республиках и областях страны, в наркоматах, армии на места репрессированных, как правило, пришли не их сверстники, а более молодые люди. Это второе поколение элиты, появившееся на свет между 1901 и 1920 гг., если не считать отдельных индивидуальных перестановок, будет доминировать в составе Центрального комитета следующие 40 лет. Таким образом, позднюю сталинскую элиту составили 328 человек, входивших в состав ЦК партии за период, начиная с ее консолидации после Большого террора в 1939 г. и вплоть до развенчания Сталина на XX съезде, то есть те, кто избирался в состав ЦК на XVIII и XIX съездах и на XVIII партийной конференции в 1939, 1952 и 1941 годах соответственно[1].

Какую роль в системе играли эти 328 представителей поздней сталинской элиты? Насколько прочным было их положение? Чем они отличались от тех, кто пришел в ряды элиты до них, в частности, в 1917–1923 гг. или в 1923–1939 гг.? Насколько однородную группу они составляли? Получить информацию о полномочных членах ЦК, избранных в 1939 или 1952 г., намного сложнее, нежели о людях, входивших в его состав до или после них, но общая картина представляется абсолютно прозрачной. Экстремальные перемены в численности и темпах обновления ЦК показаны в табл. 3.1. Истребление ранней сталинской элиты во времена Большого террора, то есть между 1934 и 1939 г., было беспрецедентным по своим масштабам и жестокости. XVIII съезд партии, состоявшийся в 1939 г., выдвинул на первый план новую элиту. Особенно поражают изменения в составе ЦК, избранном на этом съезде, по сравнению с XVII съездом. При одинаковой численности обоих составов ЦК в 1939 г. сменилось не менее 115 из 139 его членов. О жертвах репрессий было рассказано в главе 2. Обновление элиты являлось вполне осознанным. Этот момент особо подчеркнул Сталин, посвятивший значительную часть отчетного доклада ЦК партии XVIII съезду вопросам «подбора, выдвижения и расстановки кадров». В этом смысле

[1] Термины «ранняя сталинская элита», «поздняя сталинская элита» и «постсталинская элита» связаны с определенными историческими периодами (1917–1923, 1923–1939; 1939–1956 и 1956–1958 гг. соответственно), в то время как деление элиты на поколения (первое, второе и третье) отражает даты рождения их представителей (до 1901, 1901–1920 и 1921–1940 гг. соответственно). Многие члены ЦК могут считаться одновременно представителями как ранней, так и поздней сталинской элиты, поскольку избирались в его состав в оба указанных исторических периода.

Таблица 3.1

Изменения состава ЦК, 1934–1956 гг.

	Съезд и дата его проведения				
	XVII, январь–февраль 1934 г.	XVIII, март 1939 г.	XVIII конференция, февраль 1941 г.	XIX, октябрь 1952 г.	XX, февраль 1956 г.
Полномочные члены ЦК	71	71	71	125	133
Кандидаты в члены ЦК	68	68	68	111	122
Всего	139	139	139	236	255
Входили в состав прежнего ЦК	93	24	120	65	142
Не входили в состав прежнего ЦК	46	115	19	171	113
Переизбранные на следующим съезде	24	120	65	142	127
Не переизбранные на следующим съезде	115	19	74	104	128
Изменение состава ЦК (%)	33	83	14	53	44

Примечание. Обновление состава ЦК для данного съезда рассчитывалось как доля от общего числа полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, который составили лица, не переизбранные в его состав на новом съезде. Хотя на XVIII партийной конференции не предусматривались полные перевыборы состава ЦК, он тем не менее значительно обновился. Данные о числе переизбранных и не переизбранных на следующем съезде в колонке, соответствующей 1939 г. соотносятся с 1941 г. точно так же, как и в колонке за 1952 г.

политика в эпоху позднего сталинизма не претерпела заметных изменений. По крайней мере в докладе Н. М. Пегова, председателя мандатной комиссии XIX съезда, состоявшегося в 1952 г., соответствующие слова Сталина воспроизведены более или менее точно[2].

Вместе с тем новая элита оказалась значительно более защищенной по сравнению с прежней, и в этой связи возникает ряд вопросов относительно природы сталинской системы. Отталкиваясь от опыта 1937–1938 гг., некоторые исследователи полагают, что террор, обрушиваемый на элиты и массы, представляет собой существенную, если не перманентную составляющую коммунистической системы[3]. Ограниченность подобных взглядов становится очевидной, если учесть отсутствие террора по крайней мере против элиты во времена правления преемников Сталина. Но даже сейчас историки, оставаясь, по-видимому, под влиянием секретного доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 г., продолжают настаивать на том, что поворотным пунктом стал именно 1953 г. Фактически, если взглянуть на сталинскую эру глазами представителей коммунистической элиты из числа членов ЦК партии, то ежовщина 1937–1938 гг. была искривлением [генеральной линии партии], а нормой скорее являлись их собственная физическая безопасность и неприкосновенность занимаемых ими постов[4].

Безусловно, из общего правила относительно безопасного существования элиты бывали исключения, наиболее заметными из которых являются следующие примеры. Первый касается пяти членов ЦК, занимавших высокие командные должности в Красной армии и военно-воздушных силах, которые были расстреляны в 1941 г.[5] Не-

---

[2] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), 1–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. – М., 1939; Правда. 1939. 9 окт. С. 6. См. цитаты, приведенные в качестве эпиграфов к настоящей главе.

[3] Как отмечено в главе 1, это предположение было высказано Збигневом Бжезинским в его книге Permanent Purge; Politics of Soviet Totalitarianism (Cambridge, 1956).

[4] В некоторых недавно опубликованных работах высказываются сомнения в неограниченности сталинской власти. См., напр., ст.: Жуков Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23–39; Gorlizki Y. Party Revivalism and the Death of Stalin // Slavic Review. 1995. № 54 (1). P. 1–22. Более традиционных взглядов придерживаются другие авторы. См.: Аксенов С. Путь к коммунизму: утопии и реалии // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7. С. 109–121; Аксенов С. Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 90–104; Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в Советском руководстве, 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3–14.

[5] Начальник Главного артиллерийского управления РККА Г. К. Савченко, генералы А. Д. Локтионов, Г. М. Штерн и И. В. Смушкевич были расстреляны 28 октября 1941 г. под Куйбышевом, хотя большинство из них арестовали еще

которые из казненных, очевидно, ответили за приписанные им упущения, выявленные непосредственно перед началом войны, и лишь один (Павлов) пострадал за военную катастрофу первых дней войны. В отличие от террора 1937–1938 гг. в этих репрессиях просматривается хоть какая-то брутальная логика. Как утверждал Вольтер, «полезно время от времени убивать какого-нибудь адмирала, чтобы взбодрить остальных». Второе исключение представляет так называемое ленинградское дело, по которому в начале 1949 г. были арестованы в своих служебных кабинетах и в ноябре 1950 г. тайно расстреляны четверо высокопоставленных государственных и партийных деятелей: Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, М. И. Родионов и П. С. Попков. Еще два человека, генерал (бывший маршал) Г. И. Кулик и С. А. Лозовский, погибли порознь в последние годы правления Сталина[6].

Может показаться, что из 158 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1939 и 1941 гг., жертвами политического террора пали всего 11 человек, что составляет лишь 7 % от общего их числа[7]. Часто считают, что Сталин планировал уничтожить по

до начала войны. См.: Ваксберг А. Тайна октября 1941 г. // Литературная газета. 1988. 20 апр. С.13. Генерал Д. Г. Павлов, командующий Западным фронтом, был арестован и казнен в июле 1941 г. как ответственный за окружение и разгром подчиненных ему частей. Возможно, одним из подтверждений покровительства Сталина по отношению к преданным ему людям стал тот факт, что судьбу Павлова не разделили маршалы Ворошилов и Буденный. Более подробно отмеченные события и террор после 1939 г. в целом рассмотрены в работе: Parrish M. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. – Westport, 1996.

[6] В конце февраля 1942 г. Кулик попал в немилость за то, что не сумел предотвратить вторжение немецких войск на Крымский полуостров. Он был понижен в звании с маршала до генерал-майора и выведен из состава ЦК партии путем голосования, проведенного посредством письменного опроса его членов. Его также обвинили в пьянстве. После 1942 г. начальник артиллерии Первой конной армии во времена гражданской войны занимал различные командные должности в вооруженных силах. Он был арестован в январе 1947 г. и расстрелян в 1950 г. (См.: Шумейко В. Кулик // Коммунист Вооруженных сил. 1990. № 10. С. 61–64; Судьба маршала Кулика // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С.107). Лозовского схватили во время антиеврейского террора в 1952 г. См.: Неправедный суд и последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами еврейского антифашистского комитета / под ред. В. П. Наумова. – М., 1994.

[7] Возможно, были и другие прямые или косвенные жертвы репрессий. Например, М. М. Каганович, брат Лазаря Кагановича, покончил жизнь самоубийством, после того как было раскритиковано качество его работы на посту министра авиационной промышленности. Самоубийство зачастую являлось альтернативой аресту. Примерно 21 член ЦК, избранный в 1939 и 1941 гг., имел дату смерти ранее 1953 г., причем они не числились среди жертв репрессий или войны. Среди них насчитывалось 10 мужчин и женщин в возрасте старше

крайней мере часть своих старых соратников в ходе так называемого дела врачей в 1952 г., но это остается на уровне документально не подтвержденных предположений.

Поздняя сталинская элита была не только менее подвержена опасности физического уничтожения, но также отличалась от ранней более стабильным составом. На XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 г., вновь произошли некоторые изменения в составе Центрального Комитета, но они осуществлялись управляемым образом. 19 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК были выведены из его состава и заменены также 19 новыми. Учитывая внутреннюю двустороннюю ротацию между кандидатами в члены ЦК и его полномочными членами, общее соотношение между ними осталось тем же, что и после выборов 1939 г.[8] Представляется,

---

60 или 70 лет, которые, вполне вероятно, могли умереть от естественных причин. В отношении двух других, А. С. Щербакова и А. А. Жданова, умерших в возрасте 45 и 62 лет соответственно, существует общее мнение, что они умерли естественной смертью. Естественно, эти люди не подвергались посмертному развенчанию. Возможно, некоторые из оставшейся девятки рано скончавшихся членов ЦК также подвергались репрессиям, но об этом не появились сведения в ходе антисталинских компаний, развернутых во времена Хрущева и Горбачева. В. П. Журавлев скоропостижно умер в возрасте 44 лет (в 1946 г.). Учитывая, что он служил в органах госбезопасности, его судьба вызывает некоторые вопросы. В частности, он был выведен из числа кандидатов в члены ЦК в феврале 1941 г. (Более подробные сведения о В. П. Журавлеве, настоящее имя которого – Филипп Филатович, можно найти в материалах Б. Ю. Андюсева на сайте «Сибирское краеведение»: URL: http://andjusev.narod.ru/. Скорее всего, он был отравлен агентом госбезопасности во время совместного ужина в вагоне-ресторане поезда, когда возвращался с семьей с последнего места службы на Колыме. – *Прим. пер.*). В 44 года умер В. Ф. Старченко, также в 44 года скончался первый секретарь Мурманского обкома партии М. И. Старостин, в 45 лет – министр угольной промышленности В. В. Вахрушев, в 50 лет умер И. В. Рогов, в 51 год – К. И. Николаев, в 55 лет – Г. Д. Вайнберг, в 57 лет – П. Я. Селезнев, первый секретарь Краснодарского крайкома партии, и А. И. Ефремов. Простое сопоставление статистических данных указывает на то, что во времена, когда не наблюдалось террора в отношении руководителей высшего ранга, около 15 из 255 членов ЦК, избранных в 1956 г., не дожили до следующего съезда, состоявшегося в 1961 г., причем девять из них скончались в возрасте моложе 55 лет. Не известна точная дата смерти еще 11 членов ЦК 1939–1941 гг. избрания. В число тех, о ком нам не удалось обнаружить биографической информации, относящейся к временам позднее 1952 г., входят Д. И. Антонов, Н. В. Фекленко, А. А. Фролков, В. В. Ярцев, С. П. Игнатьев, А. В. Искандеров, П. Х. Кулаков, Г. С. Растегин, И. П. Сергеев, Ф. В. Шахимарданов и И. А. Власов.

[8] Из состава ЦК были выведены четыре его полномочных члена – Н. М. Анцелович, Л. А. Лихачев, М. М. Литвинов и Ф. А. Меркулов, и 15 кандидатов. Два члена ЦК были переведены в кандидаты – И. А. Бенедиктов

что понижение в статусе или вывод из состава ЦК, но без последующих репрессий, происходил в связи с выявленными недостатками в работе направления, за которое отвечал тот или иной человек. В большинстве случаев на конференции просто ратифицировались перемещения и исключения, произошедшие месяцами или даже годами ранее. Они не всегда были связаны с политическими преследованиями. Например, командующий Особым Белорусским военным округом по должности обязан был состоять полномочным членом ЦК, и когда генерала М. П. Ковалева перевели на должность командующего менее важным Харьковским округом, он автоматически утратил право на членство в ЦК и был выведен из его состава на XVIII конференции. Заменивший его в Белоруссии несчастный генерал Д. Г. Павлов, будучи командующим бронетанковыми войсками, к тому времени являлся уже кандидатом в члены ЦК. Несмотря на свое исключение из состава ЦК, генерал Ковалев занимал различные ответственные посты в армии вплоть до ухода в отставку по возрасту в 1955 г.

При всей чудовищности понесенных потерь война сама по себе мало повлияла на состав Центрального Комитета. Генерал М. П. Кирпонос был убит в бою, а еще три гражданских партийных руководителей, по-видимому, пропали без вести. Второй секретарь ЦК компартии Украины М. А. Бурмистренко и первый секретарь Сталинского обкома партии П. М. Любавин пропали в Киевском котле, а секретарь ЦК компартии Эстонии К. Я. Сяре, возможно, попал в плен. После катастрофы 1941 г. из состава ЦК выбыл в связи с гибелью на фронте только один его член – генерал И. Р. Апанасенко, который умер от ран в 1943 г.[9] За время войны в относительно полном составе собрался только один

и Ф. А. Щаденко, а четверо кандидатов (В. Г. Деканозов, Н. С. Патоличев, Г. М. Попов и В. П. Пронин) стали полномочными членами ЦК. Наиболее беспрецедентным является избрание двух человек, не избиравшихся в 1939 г., сразу в полномочные члены ЦК, а еще 17 человек – в кандидаты в члены. (Имена двух новых членов ЦК хорошо известны всем, изучающим Советскую историю. Это О. В. Куусинен и М. А. Суслов.) Размеры обновления ЦК могут быть переоценены в связи с добавлением новых вакансий, в частности, пяти мест для представителей трех новых прибалтийский республик и Карелии. Поскольку политика заключалась в сохранении постоянной численности ЦК (71 полномочный член и 68 кандидатов), новые люди в его состав могли быть включены только при условии исключения такого же количества прежних участников. Соответственно, их вывод из состава ЦК не всегда означал, что они были репрессированы.

[9] Апанасенко был заместителем командующего Воронежским фронтом. Его избрали полномочным членом ЦК в феврале 1941 г. как командующего Дальневосто́чным военным округом. Первые два года войны он провел на Дальнем Востоке и умер от ран, полученных под Белгородом после месячного пребывания на фронте.

Пленум ЦК, состоявшийся в январе 1944 г. На нем присутствовали 58 из 71 полномочного члена и 39 из 68 кандидатов в члены ЦК[10].

Темпы обновления состава ЦК, особенно если учесть продолжительность периода времени, прошедшего между XVIII партийной конференцией и XIX съездом партии, несопоставимы с теми, что имели место между 1934 и 1939 гг. В 1952 г. не были переизбраны всего 38 % или 27 человек из 71 полномочного члена ЦК, избранного в 1941 г., в то время как в 1939 г. не переизбирались 77 % полномочных членов ЦК, вошедших в него в 1934 г. Правда, текучесть кадров среди кандидатов в члены ЦК в период с 1941 по 1952 гг. была намного выше: из них не удостоились переизбрания 69 % (47 из 68). Хотя такие расчеты не совсем корректны, особенно для периода между 1941 и 1952 гг., тем не менее годовые темпы обновления состава ЦК в последние годы жизни Сталина не выглядят особенно высокими. Если рассматривать в целом и полномочных членов, и кандидатов в члены ЦК, то среднегодовые темпы обновления состава ЦК в 1939–1941 гг. составляли 7,1 %, а в 1941–1952 гг. – 4,6 %. Эти цифры не являются исключительными по сравнению с другими периодами Советской истории. Например, в период между 1930 и 1934 гг. среднегодовые темпы обновления состава ЦК достигали 9,1 %, а между 1956 и 1961 гг. – 8,8 %[11].

Возможно, война стала тем фактором, который способствовал стабилизации положения новой элиты. В 1946 г. Сталин упомянул об этом в своей знаменитой речи перед избирателями. Хотя это его выступление было одной из составляющих комплексных усилий по защите достижений Советской системы, оно, вероятно, отражало отношение вождя к элите. Он тогда, в частности, сказал:

> Война устроила нечто вроде экзамена нашему советскому строю, нашему государству, нашему правительству, нашей коммунистической партии и подвела итоги их работы, как бы говоря нам: вот они, ваши люди и организации, их дела и дни, – разглядите их внимательно

---

[10] Фактически этот пленум – единственный из проходивших в период между 1938 и 1953 гг., состав участников которого был опубликован в открытой печати. См.: Материалы Пленума ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Исторический архив. 1992. № 1. С. 61–65.

[11] Обновление состава ЦК для определенного съезда партии оценивалось как доля полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, но не переизбранных на данном съезде. Годовые темпы обновления рассчитывались как величина обновления, поделенная на число лет, прошедших между двумя последовательными съездами. Проблема с этим показателем может быть связана с тем, что при сравнении съездов, разделенных большими интервалами времени, не учитывается неравномерность изменений состава ЦК по годам.

но и воздайте им по их делам. В этом одна из положительных сторон войны. Для нас, избирателей, это обстоятельство имеет большое значение, ибо оно помогает нам быстро и объективно оценить деятельность партии и ее людей и сделать правильные выводы. В другое время пришлось бы изучать выступления и доклады представителей партии, анализировать их, сопоставлять их слова с их делами, подвести итоги и тому подобное. Это требует сложной и трудной работы, причем нет гарантии, что не будут допущены ошибки. Другое дело теперь, когда война окончена, когда война сама проверила работу наших организаций и руководителей и подвела ей итоги. Теперь нам гораздо легче разобраться и прийти к правильным выводам[12].

Весьма незначительными были изменения в составе ЦК в период между смертью Сталина и XX съездом партии в 1956 г. И это действительно так, несмотря на уничтожение Берии, усиление фракционной борьбы между Хрущевым и Маленковым и смещение с занимаемых постов, дававших право на членство в ЦК, многих министров и региональных руководителей. Вплоть до XX съезда состав ЦК в основном оставался тем же, что и в 1952 г. В апреле 1953 г. из числа полномочных членов по настоянию Берии был исключен бывший министр государственной безопасности С. П. Игнатьев, но уже в июле его восстановили, а жертвами последней чистки ЦК стали сам Берия и члены его группы[13]. Между тем из кандидатов в полномочные члены ЦК перевели маршала Г. К. Жу-

---

[12] Сталин И. В. Собрание сочинений в XVI т. – М., 1951. Т. XV. С. 4–5.

[13] Берия был выведен из состава ЦК вместе с еще двумя его членами – Г. А. Арутюновым и М. Д. Багировым, и с тремя кандидатами в члены ЦК – С. А. Гоглидзе, Б. З. Кобуловым и В. Н. Меркуловым. Все они, за исключением Арутюнова, были осуждены и расстреляны в основном в конце 1953 г. Багиров, расстрелянный в мае 1956 г., то есть уже после XX съезда, стал последним казненным членом ЦК. Эми Найт ссылается на доклад Государственного департамента, согласно которому бывший первый секретарь ЦК компартии Армении в 1954 г. был назначен директором одного из совхозов. См.: Knight A. Beria: Stalin's First Lieutenant. – Princeton, 1993. P. 215, 277, n. 57. (Более подробные сведения о биографии и судьбе Арутюнова можно найти на сайте: URL: noev-kovcheg.ru. – *Прим. пер.*) Недавно стало известно, что в 1954 г. покончил жизнь самоубийством генерал И. И. Масленников, кандидат в члены ЦК и давний соратник Берии. См.: Pavel Sudoplatov and Anatoli Sudoplatov, Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness // A Soviet Spymaster / J. L. Schecter, L. P. Schecter – London, P. 380. (Авторы называют И. И. Масленникова «полицейским генералом». Это не совсем верно. Действительно, до и после войны генерал армии, Герой Советского Союза И. И. Масленников занимал различные командные должности во внутренних войсках НКВД и МВД. Последняя его должность – замминистра МВД по внутренним войскам. Но в ходе войны он командовал армиями на германском и японском фронтах. – *Прим. пер.*) Казненный вместе с Берией В. Г. Де-

кова и Н. Н. Шаталина, причем последний в марте 1953 г. был выдвинут на пост секретаря ЦК. Хотя согласно исправленному Уставу партии, принятому в 1952 г., предполагалось, что замену выбывшим полномочным членам ЦК следовало подбирать из числа кандидатов, это правило соблюдалось далеко не всегда, невзирая на то, что до XX съезда в связи со смертью или исключением из состава ЦК выбыло по меньшей мере семь человек[14]. Объяснение может заключаться в том, что преемники Сталина старались действовать очень осторожно, демонстрируя, с одной стороны, свою приверженность строгому соблюдению ленинских норм партийной жизни, а с другой – привлекая на свою сторону как можно более широкие круги тогдашней элиты. Многочисленные персональные изменения на высших постах в партии произойдут только на XX съезде.

Представительство в ЦК различных секторов государственной и партийной власти мало менялось в пропорциональном отношении в периоды с 1934 по 1939 и с 1939 по 1952 гг., что удивительно, учитывая небывалые возможности для персональных изменений состава сталинской элиты в эти годы (табл. 3.2). Если рассматривать более продолжительный временной отрезок, с 1929 по 1956 гг., то за этот период наблюдались очень интенсивное кадровое обновление в связи с чистками, серьезными институциональными изменениями и значительным расширением численного состава ЦК партии.

Институциональные изменения в Советском Союзе, происходившие в период с 1934 по 1939 г., включали реорганизацию партийного аппарата, расширение системы министерств (наркоматов), повышение статуса некоторых национальных республик, увеличение числа территориальных образований и другие изменения в государственном устройстве страны, введенные в действие после принятия Конституции 1936 г. Расширение состава ЦК происходило путем добавления в него в период с 1939–1941 по 1952 г. примерно 100 новых мест. Тем самым была создана коммунистическая элита расширенного состава, причем некоторые государственные или партийные посты, считавшиеся в 1930, 1934, 1939 или 1941 г. недостаточно значимыми для того, чтобы занимавшие их люди входили в состав ЦК, теперь были повышены в своем статусе до уровня ЦК. Примерами тому могут служить главы некоторых, относительно менее важных секторов экономики, ставшие отраслевыми министрами, или партийные руководители некрупных регионов.

Особое, ключевое место в партии принадлежало секретарям и заведующим отделами ЦК. В 1934 и 1939 г. было четыре секретаря ЦК.

канозов в 1941 г. был переведен из кандидатов в полномочные члены ЦК, но не переизбирался в состав ЦК в 1952 г.

[14] В число умерших своей смертью или по разным причинам исключенных членов ЦК входили Арутюнов, Багиров, Берия, Мехлис, Шкирятов, Сталин и Вышинский.

Вплоть до XIX съезда (1952) их оставалось пятеро, но после него секретарей ЦК насчитывалось не менее десяти. Как это ни удивительно, представительство верхушки партийного аппарата в ЦК при этом не увеличивалось, поскольку даже не все заведующие отделами ЦК являлись его членами[15]. Поражает также тот факт, что в последние годы жизни Сталина серьезно сократилось в процентном отношении представительство в ЦК руководителей центральных государственных органов власти, несмотря на укрепление системы и увеличение числа министерств[16]. В феврале 1934 г. в СССР насчитывалось всего 14 народных комиссариатов (наркоматов) союзного значения и еще четыре учреждения министерского ранга, наряду с пятью министерствами Российской Федерации, обладавшими более широкими полномочиями. Пять лет спустя, в марте 1939 г., наркоматов союзного значения стало 35, из которых 29 отвечали за те или иные сектора экономики. В то же время практически все наркомы были представлены в ЦК партии[17]. Нет исчерпывающего объяснения факта сокращения числа государственных чиновников в составе ЦК, избранного в 1939 г., но отчасти это было связано с включением меньшего числа заместителей наркомов, а также с сокращением участия других органов власти, например руководителей профсоюзов. Число представителей государственных органов в ЦК вновь выросло в октябре 1952 г. Молотов тогда стал первым заместителем Председателя Совета министров (то есть Сталина),

---

[15] Структура секретариата ЦК в позднесталинский период оставалась довольно неопределенной и была объектом постоянного соперничества между Сталиным, Маленковым и Ждановым. Полезными источниками информации по данному вопросу остается работа: Werner G. H. Postwar Soviet Politics: The Pall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953. – Ithaca,1982. P. 198-223. См. Также: Wells D., Miller J. A Directory of Heads and deputy Heads of CPSU Central Committee Departments, 1952–1991. – Glasgow, 1993. К верхнему эшелону партийной бюрократии относились и руководители комсомола и Коминформа. Но из него был исключен глава Политуправления Вооруженных Сил, хотя по своему рангу он был вполне сопоставим с заведующим отделом ЦК.

[16] Не совсем ясно, кого следует относить к категории центральных властей. К ней, в частности, относились руководители профсоюзов, но в 1939 г. их стало в ЦК меньше, чем было в 1934 г. (двое против пяти). Несколько руководителей, которых мы рассматриваем как представителей республиканских органов власти 1934 г., тогда занимали посты министров РСФСР, но к 1939 г. их министерства приобрели союзный статус. О переменах в структуре государственной власти того времени можно прочитать в неопубликованной работе: Crowfoot J., Harrison M. The USSR Council of Ministers Under Late Stalinism (1945–1954): Its Production Branch Composition and the Requirements of National Economy and Policy (University of Wawick, 1989).

[17] Исключение составляли нарком внутренней торговли и руководитель прокуратуры. Также в ЦК не было представителей руководства Комитета государственного контроля.

и ему подчинялось не менее шести заместителей Предсовмина. Число тех, кто стал именоваться министрами союзного значения (бывшие наркомы), опять выросло до 41, из них 40 вошли в состав ЦК наряду с тремя председателями государственных комитетов[18]. Но в целом представительство центральных государственных органов в ЦК в пропорциональном отношении осталось почти таким же, как и в 1939 г.

Несколько расширилось представительство в ЦК государственного и партийного руководства республиканского уровня. В 1934 г. в СССР помимо Российской Федерации входило еще пять союзных республик. К марту 1939 г. их число выросло до 11 и включало кроме РСФСР еще 10 «нерусских» территорий[19]. В 1939 г. в ЦК были избраны первые секретари ЦК компартий Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и трех закавказских республик. Из руководителей органов государственной власти республиканского уровня в него вошли председатели советов министров Украины и Грузии. РСФСР представляли председатели Президиума Верховного Совета и Совета министров[20]. В 1952 г. СССР состоял уже из 16 республик (прибавились Карелия, три прибалтийские республики и Молдавия), и представительство их в ЦК стало более полным. От каждой республики в него вошел представитель либо партийной, либо государственной власти, либо обеих одновременно. 12 республик делегировали в ЦК первых секретарей ЦК республиканских компартий, а от Украины, Узбекистана и Грузии в него были также избраны и вторые секретари[21]. Остальные респу-

---

[18] В 1952 г. в состав ЦК вошли министры иностранных дел, обороны, военно-морского флота и руководители трех министерств, отвечавших за государственную безопасность, которые в табл. 3.2 выделены из общей строки «центральные органы власти». В состав ЦК также вошли руководители уровня ниже министерского, в частности, зам министра авиационной промышленности и начальник политотдела МПС. Не были представлены в центральном органе власти, избранном в 1952 г., министры автомобильной и тракторной промышленности, кинематографии, морского торгового флота, мясной и молочной промышленности, пищевой промышленности. Не вошли в состав ЦК также ни Председатель комитета по делам искусств, ни руководитель Центрального статистического управления (ЦСУ).

[19] К РСФСР, Украинской, Белорусской, Узбекской и Туркменской ССР прибавились три республики, возникшие после расформирования Закавказской федерации (Грузия, Армения и Азербайджан), а также Казахстан и Киргизия, получившие статус союзных республик.

[20] В 1939 г. Киргизская, Туркменская и Таджикская ССР не были представлены в ЦК ни на государственном, ни на партийном уровне, в то время как Башкирия (автономная республика РСФРСР) делегировала в состав ЦК двух человек – первого секретаря рескома партии и председателя Совета министров.

[21] Партийные руководители Эстонии, Карелии и Таджикистана не вошли в 1952 г. в состав ЦК. Первый секретарь ЦК компартии Молдавии Брежнев

блики были представлены в ЦК государственными чиновниками, как правило, председателями республиканских советов министров. Украина и Грузия опять имели большее число представителей от органов государственной власти[22].

Таблица 3.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1934–1956 гг.

	1934 г.		1939 г.		1952 г.		1956 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Центральные партийные органы	10	7	11	8	19	8	15	6
Центральные государственные органы	51	37	35	25	57	24	65	15
Республиканские партийные органы	6	4	6	6	18	8	19	7
Республиканские государственные органы	7	5	7	5	17	7	22	9
Региональные партийные органы	36	26	38	27	59	25	83	33
Региональные государственные органы	8	6	3	2	2	1	4	2
Вооруженные силы	10	7	20	14	26	11	18	7
Органы государственной безопасности и внутренних дел	3	2	10	7	9	4	2	1
Дипломатические службы	6	4	2	1	6	2	13	5
СМИ / наука / культура	2	1	4	3	11	5	9	3
Руководители отраслей производства	0	0	0	0	1	0	5	2
Не известно / трудно определить	0	0	1	1	11	5	0	0
Всего	139	100	139	100	236	100	255	100

Примечание. В число представителей центральных государственных органов не включены министры обороны и иностранных дел, но в этой категории учтены руководители профсоюзов. В категорию «республиканские партийные органы» включены только ЦК компартий союзных республик, а в категорию «региональные партийные органы» – партийные комитеты областей, краев, автономных республик и автономных областей, а также Москвы и Ленинграда. «Дипломатические службы» представлены руководителями МИДа и послами.

был на XIX съезде переведен в Москву в секретариат ЦК, и Молдавия осталась без своего представителя в центральном органе.

[22] В 1952 г. председатели советов министров Белоруссии, Армении, Карелии, Молдавии, Киргизии и Таджикистана не входили в состав ЦК, в то время как председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР О. В. Куусинен являлся полномочным членом ЦК.

Если представительство региональных партийных органов в ЦК оставалось примерно постоянным, то число представителей региональных властей, и так небольшое, сократилось. В 1934 г. большинство членов ЦК из числа местных партийных руководителей были из регионов РСФСР. В то время в республике начитывалось 23 территориальных и национальных образования (области, края и автономные республики), каждое из которых (за исключением Якутской и Киргизской АССР) делегировало в ЦК одного или нескольких секретарей соответствующих областных (краевых) комитетов партии. Также в ЦК были представлены пять из восьми областей Украины, но ни одно из таких образований в составе остальных союзных республик своих людей в ЦК не имело[23]. К 1939 г. число территориальных образований в одной РСФСР выросло с 23 до 53, из которых 29 наиболее важных регионов (или 55 % от общего числа) имели в ЦК своих представителей (33 человека)[24]. Рост представительства региональных партийных органов в процентном отношении был даже выше, чем следует из табл. 3.2. Статус некоторых автономных республик, учитывавшихся в 1934 г. на региональном уровне, в 1939 г. поднялся до уровня союзных республик. Абсолютное число представителей региональных партийных организаций в составе ЦК выросло с 36 в 1934 г. до 38 в 1939 г. и до 59 – в 1952 г. Число областей Украины к 1939 г. удвоилось, но только 5 из 16 были представлены в ЦК (6 человек). Хотя к тому времени в остальных республиках СССР находилось в общей сложности 25 территориальных образований, по-прежнему ни одно из них не имело своих представителей в ЦК[25]. В 1952 г. в абсолютных цифрах число представителей региональных партийных органов в ЦК несколько увеличилось, но в процентном отношении – даже слегка сократилось. К тому времени РСФСР уже состояла из 66 регионов, большинство из которых имело своих представителей

---

[23] Шестеро из указанного в табл. 3.2 числа представителей региональных партийных органов на самом деле являлись секретарями городских и районных комитетов партии крупнейших городов, а не партийных комитетов более крупных (по размерам территории) регионов страны. Более подробно вопросы регионального представительства в составе ЦК партии рассмотрены в статьях: Frank P. Constructing a Classified Ranking of CPSU Provincial Committees // British Journal of Political Science. 1974. № 4. P. 217–230; McAuley M. The Hunting of the Hierarch: RSFSR Obkom First Secretaries and the Central Conniffee // Soviet Studie. 1974. № 26 (4). P. 471–499. Примеры, содержащиеся в работах Франка и Маколи, относятся к 1960-м гг., но принципы формирования ЦК в то время остались прежними.

[24] Москва и Ленинград имели дополнительное число своих представителей в ЦК.

[25] В 1939 г. в Белорусской ССР было 5 территориальных образований, в Закавказье – 3, в Узбекской ССР – 6 и в Казахской ССР – 11.

в ЦК. Напротив, и это частично объясняет относительное превосходство великорусского элемента в ЦК, в 1952 г. в его составе практически не были отражены территориальные образования других союзных (не российских) республик. К тому времени их насчитывалось немало: на Украине – 25, в Белоруссии – 12, в Казахстане – 16, в Узбекистане – 10 и в остальных среднеазиатских республиках –15, но лишь одно из них имело своего представителя в ЦК[26]. Это особенно заметно на примере Украинской ССР, регионы которой были представлены в составах ЦК 1934 и 1939 г. созыва.

Более значительные перемены между 1934 и 1939 г. произошли в отношении вооруженных сил и органов госбезопасности. В 1939 г. относительное число представителей этих двух групп в партийной элите достигло максимального за все годы Советской власти уровня. Оно осталось относительно высоким и после выборов в ЦК, состоявшихся в 1952 г. Хотя высший командный состав Красной армии понес тяжелые потери в ходе Большого террора, но непосредственно перед войной число военных в составе ЦК в 1939 г. удвоилось по сравнению с 1934 г. (с 10 до 20 человек). Они стали третьей по численности категорией полномочных членов ЦК после народных комиссаров, олицетворявших центральные власти, и секретарей региональных партийных комитетов. Хотя в относительных цифрах доля военных в составе ЦК в 1952 г. несколько сократилась, она все равно была выше, чем после съездов 1934 и 1956 г. Вне всякого сомнения это отражало повышенное внимание к укреплению Вооруженных сил в свете усилившейся международной напряженности до и после Второй мировой войны, а также изменившуюся ситуацию с офицерским корпусом. В довоенных составах ЦК примерно половину представителей армии составляли его полномочные члены, из которых, в свою очередь, около половины были комиссарами, а не строевыми командирами. Напротив, в 1952 г. все 26 представителей Вооруженных сил являлись кадровыми офицерами, но среди них только четверо обладали статусом члена ЦК (остальные – кандидаты в члены ЦК). Экстраординарным был также рост представительства в ЦК руководителей органов госбезопасности и внутренних дел. В 1934 г. в составе ЦК их насчитывалось всего три[27]. Резкий скачок их числа – до 10 человек – стал отражением чрезмерной увлеченности Сталина вопросами безопасности, ростом размеров ГУЛАГа и развитием его экономической деятельности, а также покровительством Берии. Здесь также произошло некоторое сокращение в 1952 г., но это ни в

[26] Исключение составила Львовская область, первый секретарь обкома которой З. Т. Сердюк был кандидатом в члены ЦК.

[27] В 1934 г. членами ЦК были главы ОГПУ и его украинского отделения, а также руководитель Дальневосточного ГУЛАГа.

коем случае не означало падения роли органов госбезопасности в составе советской элиты. При этом определенное удивление вызывает постоянное минимальное число представителей дипломатической службы, отражавшее ее невысокий статус в СССР. Происходил относительный рост представительства работников СМИ, науки и искусства, но эта группа членов ЦК оставалась весьма узкой[28].

Наблюдалась еще одна важная тенденция в структуре ЦК, заключавшаяся в сокращении представительства партийного генералитета. Элита в конце 1930-х гг. становилась все более специализированной. Хотя ситуация несколько искажалась новизной институтов и персоналий в конце 1930-х и в послевоенные годы, тем не менее имел место тренд в сторону сокращения совмещений должностей, особенно на уровне членов ЦК, занимавших высшие посты министров, секретарей территориальных комитетов партии и военных руководителей[29]. Переход из одних категорий элиты в другие после войны стал крайне редким явлением. Если рассматривать позднюю сталинскую элиту в целом, то в ней было всего три случая перевода секретарей территориальных партийных комитетов на министерские должности и отсутствовали любые иные перемещения людей на другие направления деятельности. Что касается представителей Вооруженных сил, то составлявшие значительную долю политические комиссары с равным успехом могли исполнять гражданские должности в администрации или работать в органах госбезопасности. К 1952 г., напротив, прак-

---

[28] В 1934 г. эту категорию представляли всего два человека: заместитель директора Института Маркса-Энгельса-Ленина И. П. Товстуха, бывший ранее ближайшим помощником Сталина, и директор Государственного издательства (ОГИЗ) М. П. Томский, один из лидеров разгромленной правой оппозиции, для которого этот пост был чисто номинальным. В 1952 г. в число представителей этой категории в ЦК входило не менее шести человек, руководивших различными печатными органами, такими как газеты «Правда» и «За прочный мир, за народную демократию», журналы «Коммунист» и «Вопросы экономики». Руководитель пионерской организации Туманова одновременно являлась главным редактором газеты «Пионерская правда». В ЦК были также избраны два известных писателя (А. А. Фадеев и К. М. Симонов), директор Института философии Академии наук СССР Г. Ф. Александров и даже два историка Коммунистического движения (А. М. Панкратова и Е. А. Степанова). К. Симонов, бывший также главным редактором «Литературной газеты», был убежден, что его избрали в ЦК по личной инициативе Сталина, и, вполне возможно, это касалось и других представителей СМИ, науки и искусства. См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. – М., 1990. С. 208.

[29] Этот вывод основан на анализе должностей, которые занимали члены ЦК, избранные в 1939, 1941 и 1952 г., без учета изменений, происходивших между съездами.

тически все представители Вооруженных сил в ЦК были профессиональными военными. В данном случае узкая специализация этой группы членов ЦК вытекала из полученного ими образования и военного опыта. Высшее военное образование, обычно полученное по меньшей мере в Военной академии им. Фрунзе, было подкреплено богатым опытом командования войсками в военное время. Среди министров также наблюдалась тенденция к получению высшего технического образования и соответствующего опыта практической работы на предприятиях или на менее ответственных должностях внутри соответствующих министерств. Среди секретарей территориальных комитетов партии наличие специального образования менее вероятно, а их профессиональный опыт ограничивался исключительно партийной работой на республиканском или региональном уровне. В то же время, и преимущественно как следствие ускоренного продвижения на руководящие посты новых людей, представители всех трех ветвей власти обладали рядом сходных индивидуальных черт. Все они, независимо от места работы, были примерно одного возраста. Подавляющее большинство министров и военачальников являлись русскими по национальности. Если доминирование русских среди региональных партийных секретарей не столь заметно, это связано с тем, что руководителей местных партийных организаций нерусских регионов обычно подбирали из представителей коренной нации. Примечательно, однако, что если русских иногда ставили во главе территориальных партийных организаций нерусских регионов, то совсем необычным было назначение людей нерусской национальности руководить этнически русскими зонами обитания.

Еще несколько выводов напрашиваются сами собой при рассмотрении состава и структуры элиты. Прежде всего, несмотря на последствия Большого террора и Второй мировой войны, поддерживался относительный баланс между разными категориями элиты, хотя он мог бы серьезно нарушаться, как это происходило в 1920-х, а потом и в 1990 г. Отсутствие перемен, вероятно, объясняется действием субъективного и структурных факторов. Решения относительно уровня представительства в ЦК различных частей партийной, государственной и военной бюрократии принимались лично Сталиным и Секретариатом ЦК, но они диктовались общим усложнением Советской системы за два десятилетия, ростом присутствия членов партии в сельской местности, развитием городской экономики и более тщательного регулирования командно-административной системы управления. Некоторое представление о переменах, происходивших в указанных областях, дает табл. 3.3.

Усложнением Советской системы, вероятно, объясняется также значительное увеличение численного состава ЦК партии, произошедшее в 1952 г., когда количество полномочных членов ЦК выросло с 71

до 125 человек, а кандидатов – с 68 до 111. В целом численность ЦК увеличилась на 70 %. Таким образом, в абсолютных цифрах и процентах этот рост был значительно больше, чем при предыдущем его изменении в 1927 г., когда число полномочных членов ЦК увеличилось с 63 до 71 человека, а кандидатов – с 43 до 50 человек. Относительный рост состава ЦК в процентах был также самым крупным за всю историю существования этого органа. В материалах XIX съезда не содержится никаких обоснований расширения состава ЦК и увеличения числа его членов. То же самое касается и изменений количества членов ЦК, установленных новым Уставом партии. Политбюро ЦК было также расширено этим съездом до 36 полномочных членов и кандидатов по сравнению с 11, избранными в 1939 г. Изменено было также название этого органа, который стал именоваться Президиумом ЦК[30]. Высказывались предположения, что все это являлось составной частью планировавшейся Сталиным расправы над его старыми соратниками. Но на уровне ЦК, учитывая его структуру, сложно понять, каким образом расширение его состава могло способствовать будущей чистке.

Таблица 3.3

Институциональные изменения советской системы в 1934–1952 гг.

	1934 г.	1939 г.	1952 г.
Число секретарей ЦК	4	4	10
Численность партии (млн чел.)	1,8	1,5	5,8
Число органов министерского уровня союзного значения	18	35	51
Число союзных республик	6	11	16
Число регионов в составе РСФСР	24	52	66
Число регионов в составе остальных республик	18	31	62

Примечание. 1934, 1939 и 1952 г. – это годы проведения съездов партии. Число секретарей ЦК указано после соответствующего съезда. Число членов партии указано по состоянию на январь соответствующего года. Под органами министерского уровня понимаются народные комиссариаты, министерства и государственные комитеты. Термин «регионы» объединяет области, края, автономные республики (АССР) и автономные области.

Фактически все происходившее представляло собой развитие должностного принципа формирования ЦК. Иными словами, стано-

[30] Зловещий смысл расширения Политбюро, превращенного в Президиум, в 1956 г. был отмечен Хрущевым в его секретном докладе XX съезду партии. См.: О культе личности. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 164. При этом расширенный Президиум ЦК так никогда и не функционировал.

вилось все больше постов в государстве, уровень которых был достоин того, чтобы занимающее его лицо имело право быть избранным в ЦК в качестве полномочного члена или кандидата в члены. Если бы Сталин планировал новую чистку, то имело бы смысл сохранить введенное в Устав партии 1939 г. положение о возможности проведения масштабных изменений в составе Центрального Комитета на общесоюзных партийных конференциях, созываемых в промежутках между очередными съездами. Это положение было реализовано в 1941 г., но отменено в 1952 г. Расширение должностной системы представительства в ЦК скорее можно считать признаком начавшегося возрождения партии, проходившего под эгидой Хрущева и других подчиненных Сталина. Другими признаками такого возрождения служит само проведение съезда в 1952 г. и внесение в новый Устав партии однозначного требования о более частом проведении пленумов ЦК[31]. Важно отметить, что расширение состава ЦК не закончилось со смертью Сталина. Численность ЦК, избранного в 1956 г., выросла по сравнению с 1952 г. Тогда на 6 % увеличилось число членов и на 10% – кандидатов в члены ЦК[32]. XIX съезд положил начало устойчивой тенденции, продолжавшейся вплоть до 1990 г., согласно которой каждый следующий состав ЦК оказывался шире предыдущего. ЦК, избранный в 1986 г., включал уже 307 полномочных членов и 170 кандидатов. Подобное расширение ЦК наблюдалось при Хрущеве, Брежневе и Горбачеве и безусловно не преследовало задач чистки его рядов. Вполне вероятно, что увеличение численности ЦК происходило и до, и после 1953 г. под влиянием одних и тех же факторов. Наиболее вероятным объяснением этого явления представляется то, что рост численного состава ЦК отражал изменения размеров и сложности государства, партии и экономики. Он также представлял собой попытку примирения конфликтующих фракций в ЦК посредством расширения представительства тех или иных уровней и секторов власти.

Выше уже высказывалось предположение о том, что цель Большого террора состояла не просто в устранении существующих лидеров партии, но также в выдвижении руководителей нового типа. В литературе эти сталинские кадры именуют по-разному. В России, например, их принято называть *выдвиженцами* или *новобранцами*, в англоязычных странах – классом 38-го года, брежневским поколени-

---

[31] О возрождении партии см.: Gorlizki Y. Party Revivalism and the Death of Stalin.

[32] Расширение состава ЦК в середине 1950-х гг. резко контрастировало с тем, что происходило в те годы с его Политбюро (Президиум). В октябре 1952 г. число членов Президиума было увеличено до 25 человек, но оно было немедленно сокращено после смерти Сталина и, начиная с XX съезда (1956), поддерживалось на уровне 11 человек.

ем и даже сталинскими яппи[33]. Независимо от того, сумело ли, как некоторые полагают, новое поколение элиты занять доминирующие позиции или нет (об этом см. ниже), оно было уже заметно представлено в составе ЦК, избранном в 1939–1941 гг., и имело значительное численное превосходство в ЦК 1952 г. созыва. Особо следует отметить то, как происходила смена поколений. Если рассматривать ЦК в целом, то средний год рождения его членов в 1934 г. был 1891-й, а в 1939 г. – 1900-й. Еще удивительнее тот факт, что 13 лет спустя, в 1952 г., средним годом рождения членов ЦК стал всего лишь 1904-й, а в 1956 г. – 1905-й. Совершенно очевидно, что стоило новому поколению прийти к власти, как изменения возрастного состава элиты начали замедляться. Вместе с тем чтобы лучше понять процесс смены поколений, целесообразно разбить рассматриваемую группу на несколько частей. Например, если выделить в элите всего два поколения, из которых одно состоит из людей, рожденных до 1901 г., а другое – из тех, кто родился в период с 1901 по 1920 г., то изменения соотношения между ними становятся более заметными (табл. 3.4). Как уже было указано в предыдущей главе, в составе ЦК, избранного в 1934 г., практически отсутствовали представители второго поколения элиты. Напротив, среди тех, кто избирался в ЦК в период между 1939 и 1952 гг., две трети составляли люди, родившиеся позднее 1900 г., причем в пропорциональном отношении их число постепенно увеличивалось, по мере того как уходили из жизни те, кто входил в состав ЦК 1934 г. и сумел выжить в годы Большого террора. Не менее важно помнить о том, что поздняя сталинская элита все еще включала большое число руководителей старшего поколения, и это отражало позицию, которую Маленков в 1939 г. назвал «сталинской линией на сочетание и объединение старых и молодых кадров». Такую же формулировку в 1952 г. повторил Пегов на XIX съезде[34].

Средний год рождения не всегда характеризует средний возраст того или иного состава ЦК. Старая гвардия, состоявшая из сталинцев первого призыва, в 1934 г. была фактически моложе элиты 1952 г. (средний возраст обеих групп составлял 43 года и 48 лет соответственно). При этом когорта, избранная в 1939 г., была моложе обеих указан-

---

[33] Armstrong J. A. The Soviet Bureaucratic Elite. – London, 1959. P. 26 (men of 38); Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. – N. Y., 1994. P. 248, 257–260 (Stalin yuppies).

[34] Материалы XVIII съезда... С. 149; Правда. 1954. 9 окт. С. 6. Пегов был председателем мандатной комиссии XIX съезда. В мае 1985 г. Михаил Горбачев говорил практически теми же словами о необходимости сочетания старых и молодых кадров: «Главное заключается в том, чтобы мудро сочетать ... опытные и молодые кадры. Это является наиболее надежной гарантией против инертности и стагнации, а также – против авантюризма и волюнтаризма». См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. – М., 1987. С. 211.

ных групп – ее средний возраст составлял всего 39 лет. Год рождения определяет жизненный опыт человека, причем наиболее важной характеристикой этого опыта служил год вступления в партию (табл. 3.5).

Таблица 3.4

Смена поколений в составах ЦК, 1939–1952 гг.

Год рождения полномочного члена ЦК	Число членов ЦК годов избрания				
	1934	1939	1952	1939–1952	1956
До 1891	67	22	9	25	5
1891–1895	48	16	18	26	13
1896–1900	21	28	35	53	26
Первое поколение	136	66	62	104	44
1901–1905	3	52	77	112	76
1906–1910	0	12	69	76	89
1911–1920	0	0	20	20	36
Второе поколение	3	64	166	208	201
1921–1940	0	0	1	1	2
Третье поколение	0	0	1	1	2
Неизвестен	0	0	7	15	8
Всего	139	139	236	328	255

Примечание. К первому поколению относятся члены ЦК, родившиеся до 1900 г., ко второму – родившиеся в период с 1901 по 1920 г., к третьему – члены ЦК, родившиеся в 1923–1940 гг. Столбцы таблицы под заголовками «1934», «1939» и «1952» соответствуют числу членов ЦК, избранных на проходивших в эти годы съездах, а столбец «1939–1952» учитывает 19 новых членов ЦК, избранных на конференции 1941 г. Члены ЦК, избиравшееся в его состав более одного раза в 1938, 1941 и 1952 г., указаны только один раз в столбце, соответствующем году их первого избрания.

Таблица 3.5

Годы вступления в партию членов ЦК, избранных в 1934–1956 гг.

Год вступления в партию	Число членов ЦК годов избрания				
	1934	1939	1952	1939–1952	1956
До 1917	95	24	10	25	9
1917	23	8	9	12	5
1918–1920	21	46	40	70	30
1921–1923	0	3	8	12	8
1924–1926	0	34	44	64	42

Окончание табл. 3.5

Год вступления в партию	Число членов ЦК годов избрания				
	1934	1939	1952	1939–1952	1956
1927–1932	0	34	44	64	42
1933–1937	0	0	3	3	1
1938–1940	0	0	28	28	52
После 1940	0	0	11	11	15
Год вступления не известен	0	0	1	1	0
Всего	139	139	236	328	255

Примечание. Столбцы таблицы под заголовками «1934», «1939» и «1952» соответствуют числу членов ЦК, избранных на проходивших в эти годы съездах, а столбец «1939–1952» учитывает 19 новых членов ЦК, избранных на конференции 1941 г. Члены ЦК, избиравшееся в его состав более одного раза в 1938, 1941 и 1952 г., указаны только один раз в столбце, соответствующем году их первого избрания. Не известен год вступления в партию переводчика Сталина В. Н. Павлова.

Медианным годом вступления в партию для членов ранней сталинской элиты был 1912-й, а для поздней – 1926-й. В 1934 г. (и вплоть до 1937 г.) все члены ЦК вступили в партию еще до окончания гражданской войны, причем две трети из них имели опыт подпольной партийной работы, вступив в ряды партии до 1917 г. Напротив, из числа членов поздней сталинской элиты только треть вступила в нее до окончания гражданской войны и всего десятая часть – до революции 1917 г.

Сопоставление возраста и партийного стажа членов ЦК разных годов избрания дает более четкое представление о смене поколений коммунистической элиты, происходившей как в годы Большого террора, так и в эпоху развитого сталинизма в целом. Как следует из табл. 3.6, партийный стаж членов поздней сталинской элиты колебался в широких пределах. Некоторые из них вступили в партию еще до революции. Другая часть имела партийный стаж на четверть века меньше, вступив в ее ряды, когда прием возобновился после Большого террора, в ходе которого была уничтожена бóльшая часть ранней сталинской элиты, а немногие выжившие члены ЦК с дореволюционным стажем принадлежали к кругу ближайших друзей Сталина. Вместе с тем, как было показано в главе 2, среди выживших членов ЦК оказалось немало людей, вступивших в партию в период между февралем 1917 г. и окончанием гражданской войны. Примерно треть поздней сталинской элиты все еще относилась к ее первому поколению, причем среди нее было много людей, занимавших важные посты. Наряду с этим, по словам Троцкого, немалую роль сыграл Ленинский призыв, то есть массовый

прием в партию новых членов после кончины Ленина. Он полагал, что в результате произошло разбавление партии новыми малограмотными членами, повлекшее за собой ее «дегенерацию» (и поражение троцкистской фракции). Наплыв в партию новых рядовых членов стал важным фактором в развернувшейся после смерти Ленина борьбе за место его преемника. Вместе с тем ленинский призыв не оказал существенного влияния на состав ЦК партии. Только 39 человек из 328 членов новой сталинской элиты вступили в нее в 1924–1925 гг., то есть сразу после смерти Ленина[35]. В то же время значительную по размерам и важную группу составляли те, кто пополнил ряды партийцев в период индустриализации и коллективизации. Эта группа была намного многочисленнее как в партии в целом, так и в ее элите по сравнению с теми, кто вступил в ее ряды после кончины Ленина. В период с января 1927 г. по январь 1933 г. численность партии (не считая кандидатов) выросла с 700 тыс. до 2200 тыс., то есть среднегодовой прирост за эти шесть лет составлял около 235 тыс. человек в год, в то время как сразу после смерти Ленина в партию влилось всего около 200 тыс. человек[36].

Во втором поколении элиты возрастная однородность ее членов означала также совпадение жизненного опыта, которым они обладали. Первое поколение было сформировано под влиянием главного из четырех определяющих моментов Советской истории, а именно – героической эры революции и гражданской войны. Второе же поколение явилось продуктом трех остальных – первых пятилеток, Большого террора и Великой отечественной войны. Как писал поэт Константин Симонов (родившийся в 1915 г.), «...мы были предвоенным поколением, мы знали, что нас ожидает война либо с коалицией окружавших нас капиталистических стран, либо с Японией или с Германией»[37]. По зрелом размышлении, членов второго поколения элиты можно считать основными бенефициариями Большого террора. Хотя зачастую они являлись друзьями, коллегами или даже родственниками репрессированных, это никак не повлияло на их преданность Советской системе и лично Иосифу Сталину. Несомненно, что частично это объясняется их интенсивной идеологической обработкой в течение 1930-х гг., и можно полагать, что Сталин отдавал предпочтение новым

---

[35] Эти данные противоречат сведениям, приведенным в статье Т. П. Коржихиной и Ю. Ю. Фигатнера. См.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление и механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 34. Согласно их данным, члены ЦК, избранные в 1939 г., преимущественно вступили в партию в 1924 г.

[36] Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR 1917–1967. – Princeton Press, 1968. P. 52.

[37] Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 64. К. Симонов был кандидатом в члены ЦК с 1952 по 1956 г.

членам элиты, поскольку их мышление было сформировано изучением «Краткого курса...», и они признавали необходимость репрессий[38]. Наряду с этим безусловные достижения в годы первых пятилеток, во время и после войны: преобразование российской экономики, победа над нацистской Германией и особенно превращение Советского Союза в сверхдержаву – придали новому поколению элиты еще большую убежденность в преимуществах командно-административной системы и в особой роли Сталина как руководителя.

После 1937–1938 гг. произошла заметная русификация высших партийных слоев. Среди революционной элиты, которую составляли 78 членов ЦК партии, избранных в период с 1917 по 1923 г., русские составляли всего 49 %, а в ранней сталинской элите доля русских выросла до 58 %. Даже перед началом Большого террора в составе ЦК, избранного в 1934 г., русских было только 54 %[39].

Резкий скачок произошел с появлением новой сталинской элиты, в которой доля русских достигла 75 %. Из 265 членов ЦК, избранных в 1934 г. (чья национальность точно известна), русских было 194 человека (при общем числе членов и кандидатов в члены ЦК равном 328)[40]. Доля русских в составе ЦК оставалась примерно такой же в 1939 и 1953 г. Позднее она несколько сократилась, но не до того уровня, на котором была перед Большим террором. В элите послесталинского периода русские составляли примерно 67 %[41]. Определенное

---

[38] Tuckler R. C. Stalin in Power, 1928–1941: The Revolution from Above. – N. Y., 1990 P. 526–530, 545–550. О психологии авторитарной элиты см. также: Bialer S. Stalin's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union. – Cambridge, 1980. P. 41–46.

[39] Доля великороссов среди членов ЦК разных лет созыва, чья национальная принадлежность точно известна, составляла: в 1917–1923 гг. – 38 / 78 (78); в 1923–1937 гг. (ранняя сталинская элита) – 94 / 163 (187); в 1934 г. – 72 / 133 (139). Числа в скобках указывают общее количество членов ЦК с учетом тех, чья национальность точно не известна.

[40] Национальность – сложная для анализа характеристика советской элиты, причем особые трудности возникают применительно к сталинскому периоду советской истории. До сих пор не известна национальность примерно трети членов элиты. Информация о национальной принадлежности членов элиты 1920-х и 1930-х гг. имеется в партийных архивах (РЦХДСИ). Соответствующие данные об элите 1960-х и более поздних годов можно почерпнуть в справочниках, издававшихся Президиумом Верховного Совета и содержавших биографические сведения о депутатах, многие из которых являлись одновременно полномочными членами или кандидатами в члены ЦК. К сожалению, не были опубликованы подобные справочники о депутатах Верховного Совета созывов 1937, 1946, 1950 и 1954 г.

[41] Всего в элиту после смерти Сталина входило 948 человек, избиравшихся в состав ЦК в 1956, 1961,1971, 1976 и 1981 г. Точная доля русских в ее

влияние на ее национальный состав оказывал должностной принцип формирования состава ЦК. Как уже отмечалось выше, в составах ЦК, избранных в 1939 и 1952 гг., насчитывалось много представителей автономных республик, входивших в РСФСР, но очень мало представителей аналогичных образований в составе национальных союзных республик. Увеличившееся представительство высшего армейского командования, бывшего преимущественно русским, также повлекло за собой сдвиг в сторону русификации в ущерб национальным меньшинствам. То же касается наркомов (министров) и региональных партийных лидеров, бывших, как правило, русскими.

Среди этнических групп, представленных в ЦК, избранном в 1939 г., сильнее всего сократилось количество евреев и латышей. Еще одно существенное падение еврейского представительства в ЦК состоялось в период между 1939 и 1952 гг. В ранней сталинской элите насчитывалось по меньшей мере 25 евреев, или 15 % от ее общего числа. Хотя многие из них погибли во время Большого террора, тем не менее доля выживших оказалась выше, чем среди всего состава ЦК. Если в 1939 г. в него входили 11 евреев, то в 1952 г. их осталось всего трое – Л. М. Каганович, Л. З. Мехлис и Б. Л. Ванников. Частично это стало следствием антисемитской компании, развязанной в последние годы жизни вождя, но евреям так и не удалось восстановить свои прежние позиции в элите после смерти Сталина. В послесталинской элите их доля составляла менее 1 %[42].

Джон Армстронг писал о засилии мужчин в 1938 г., и хотя его работа представляется несколько устаревшей, эти сведения не утратили своей актуальности. Из 328 человек, составлявших позднюю сталинскую элиту, подавляющее большинство – мужчины. Женщин было всего 3,4 % (11 человек)[43], хотя доля женщин в рядах ранней сталинской

составе равнялась 570 / 851 (948), причем значительную ее часть составляли люди, входившие в позднюю сталинскую элиту.

[42] Доля евреев в элите после смерти Сталина составляла 6 / 851 (948).

[43] Среди 11 женщин, входивших в состав поздней сталинской элиты, были: Е. А. Фурцева, М. Д. Ковригина, К. С. Кузнецова, И. П. Ликова, К. И. Николаева, А. М. Панкратова, М. М. Пидченко, Е. А. Степанова, З. П. Туманова, Р. С. Землячка и П. С. Жемчужина. Доля женщин в составе ЦК была даже меньшей, чем среди делегатов съездов партии. Когда в 1934 г. Ежов объявил о том, что среди делегатов съезда с правом решающего голоса женщины составляют 7,2 % (89 человек), в зале раздались протестующие возгласы «Мало, очень мало!» (см.: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. – М., 1934. С. 394). В 1939 г. доля женщин среди голосующих делегатов съезда все еще не превышала 7,2 %, хотя и поднялась в 1952 г. до уровня в 12,3 % (XVIII съезд.., С. 149; Правда. 1952. 9 окт. С. 6). Доля женщин среди делегатов XX съезда (1956) поднялась до 14,2 %, причем председатель мандатной комиссии А. Б. Аристов в своем докладе раскритиковал некоторых руководителей

элиты оказалась еще ниже – 2,5 % от общего числа членов ЦК (6 / 236). В поздней сталинской элите общая картина осталась прежней. Общее количество женщин в ее рядах – 41, их доля не превышала 4,3 %, да и то достигла этого уровня лишь благодаря тому, что некоторые женщины, например знатные ткачихи, доярки и т. п., кооптировались в состав ЦК в обход должностного принципа формирования элиты. Их членство в комитете имело чисто символический, декоративный характер.

Социальный состав поздней сталинской элиты трудно поддается точному определению, но очевидно, что в ней заметно представлен простонародный элемент. Примерно 60 % представителей поздней сталинской элиты являлись выходцами из деревень. Они укрепили свои позиции – в рядах ранней сталинской элиты сельское происхождение имели около 40 % ее членов. В этом отношении отсутствовали существенные различия между членами поздней сталинской элиты, родившимися до и после 1901 г. Например, даже среди выживших представителей первого поколения элиты большинство составляли выходцы из деревни. Доминирование в элите людей подобного происхождения сохранилось и после смерти Сталина. Несмотря на разбавление элиты представителями третьего поколения партийных лидеров, родившихся в период с 1921 по 1940 г., по-прежнему выходцы из сельской местности составляли в ней до 60 %. В этом нет ничего удивительного, учитывая, что от 80 до 85 % населения Российской империи перед революцией проживало в деревнях, тем не менее этот факт поражает, если вспомнить, что́ речь идет об элите пролетарской партии[44].

региональных партийных организаций, назвав их поименно, за неспособность обеспечить включение достаточного количества женщин в состав соответствующих делегаций (см.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1956. С. 238). Членство женщин в партии колебалось, сократившись с 16,5 % в 1934 г. до 14,5 % в 1939 г. Затем оно выросло до 19,2 % в 1952 г. и оставалось примерно на этом же уровне в течение всех 1950-х и 1960-х гг. (Rigby T. H. Communist Party Membership... P. 360).

[44] Доля выходцев из деревни составляла: в старой сталинской элите – 81 / 191 (236); в новой сталинской элите – 159 / 268 (328); в послесталинской элите – 465 / 805 (948). Для новой сталинской элиты в целом пропорциональное представительство выходцев из деревни, таким образом, составляло 59 % (159 / 268). Среди двух третей членов новой сталинской элиты, родившихся после 1900 г. (208 человек), выходцы из деревни составляли 60 % – 102 / 170 (208). Во всех случаях процентное соотношение определялся путем подсчета числа людей, о которых было точно известно, что они родились в деревне, с добавлением тех, точное место рождения которых не известно, но чьи отцы проживали в сельской местности. Городское происхождение членов элиты устанавливалось аналогичным образом: горожанином считался тот, кто родился в городе, либо чей отец был городским жителем. Всех, о ком подобных сведений нет, отнесли к числу имеющих неизвестное происхожде-

Здесь следует сделать ряд важных оговорок. Во-первых, доступная в настоящее время информация о социальном происхождении членов элиты далека от совершенства. Например, отсутствуют сведения о месте рождения примерно 20 % членов новой сталинской элиты, и в качестве рабочего допущения можно лишь предположить, что в этом смысле они мало отличаются от остальных 80 %. Во-вторых, даже если местом рождения того или иного лица указана деревня, это вовсе не означает, что данный человек является крестьянином или происходит из крестьян. Многие могут оказаться детьми сельских ремесленников, учителей и технических специалистов или управляющих помещичьими имениями и мелкопоместных дворян. Кроме того, уровень внутренней миграции населения в России в начале XX в. был таков, что отцы и матери многих крестьянских детей, которые, повзрослев, вошли в состав Советской элиты, часть года работали в городах, а они сами в подростковом возрасте могли помогать там родителям. Справедливости ради следует отметить, что очень немногие представители поздней сталинской элиты занимались сельским трудом во взрослом возрасте, но все они были продуктами деревенской среды. Наконец, какие бы выводы не следовали относительно последствий присутствия в поздней сталинской элите столь крупного по численности сельского элемента, необходимо отметить наличие значительного меньшинства (40 %) таких людей в ранней сталинской элите, особенно среди тех, кто вступил в партию после выхода ее из подполья, то есть в 1917–1920 гг. Безусловно, члены ранней элиты деревенского происхождения в большинстве своем выросли на закате Российской империи, а не в начальный период нэпа.

Значительную долю остальной части поздней сталинской элиты, очевидно, составляли дети ремесленников. Если примерно 60 % ее членов имели сельское происхождение, то еще 20–25 % пришли из среды ремесленников и только около 10 % имели безусловно городское происхождение. Поздняя сталинская элита определенно не состояла из потомственного столичного пролетариата. Из 224 ее членов только 8 человек родились в Санкт-Петербурге и еще 6 – в Москве.

Несмотря на отсутствие некоторых сведений, общая характеристика социального происхождения сталинской элиты представляется достаточно ясной, и, вероятно, Жданов был в основном прав, когда в

ние. Такой подход имеет очевидные недостатки, но официальные данные о социальном происхождении членов элиты остаются крайне неполными. По политическим причинам сведения, даже почерпнутые из доступных первичных источников, внушают недоверие. Из англоязычных работ, содержащих обобщенные данные о составе населения Советского Союза, можно рекомендовать книгу Франка Лоримера: Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. – Geneva, 1945.

1939 г. заявил, что «...советская интеллигенция состоит из вчерашних рабочих и крестьян или из сыновей рабочих и крестьян, выдвинутых на руководящие посты»[45]. Доминирование в поздней сталинской элите людей простонародного, прежде всего крестьянского, происхождения по-разному оценивается исследователями. Например, Т. П. Коржихина и Ю. Ю. Фигатнер, сопоставляя составы ЦК партии, избранные в 1924 и 1939 г., обнаружили, что новые люди являлись «потомками неграмотных крестьян и неквалифицированных люмпен-пролетариев с соответствующими их происхождению психологией, традициями, привычками и мировоззрением». Если коммунисты-ленинцы приходили в партию по убеждению, то сталинцы «проходили через процесс селекции начинавшей действовать номенклатурной системы и возносились на верхние ступени властной пирамиды благодаря тому, что их психология и мировоззрение были теми, которые Сталин желал видеть в своих кадрах». В отличие от поколения подпольщиков, обладавших независимым мышлением, сталинцев характеризовала «психология преклонения перед авторитетами и их указаниями, свойственная патерналисткой структуре бедного российского крестьянства, изуродованного царской властью». К 1939 г. «быстро выросла доля людей, происходящих из крестьян, малоквалифицированных рабочих и военных, чей жизненный опыт был связан с традициями жесткой и бездумной патерналистско-бюрократической субординации... Никто лучше раба не знает, как следует впрягаться в хомут. Во второй половине 1920-х годов партия в целом превратилась из партии рабочих и интеллигенции в партию крестьянства, а точнее – в партию маргиналов. Массовая гибель людей и разрушения были делом рук этого маргинального крестьянства, ведомого вышедшей из его среды номенклатурой, копировавшей весь мировой опыт автократического государственного управления»[46]. Среди западных исследователей к

---

[45] Материалы XVIII съезда, стр. 667.

[46] Коржихина и Фигатнер, «Советская номенклатура», стр. 31–34, 37. Коржихина и Фигатнер попытались проанализировать переход от ленинской к сталинской стадии путем сравнения составов ЦК партии, избранных в 1924 и 1939 г. Помимо всего прочего, они обнаружили, что доля лиц крестьянского происхождения среди членов ЦК за этот период выросла на 150 % при одновременном сокращении почти вдвое представителей т. н. «разночинной интеллигенции». (Разночинцами традиционно было принято называть социальную группу, состоящую из людей, не принадлежащих к дворянскому или крестьянскому классам). К сожалению, авторы статьи четко не обозначили ту совокупность, на основе анализа которой они пришли к своим выводам. Они указывают, что в общей сложности в составы ЦК, избиравшиеся в 1924, 1939, 1966, 1976 и 1986 г., входило 918 человек. На самом деле, членами ЦК за этот период избирались 664 человека (многие избирались в состав ЦК многократно на разных съездах), а всего за этот период членами и кандидатами в члены ЦК побывало

аналогичным выводам пришел Роберт Даниелс: «Молодые активисты, которых Сталин рекрутировал из рядов рабочего класса и крестьянства, были малообразованны и принесли с собой на все уровни советской бюрократической иерархии худшие черты прежней российской политической культуры. Их отличали склонность к авторитаризму, недоверие к интеллектуалам, ксенофобия и антисемитизм, сплав крестьянской настороженности с квази-параноидальной, но прагматической политической культурой российской бюрократии»[47].

Те же мысли, но в относительно нейтральной форме, высказывает Эдвард Кинан, который видит в сталинизме возврат к традиционной и обычной для Московии политической культуре. Поздний сталинизм, по его словам, был периодом «рестабилизации», наиболее важным фактором которой явилась

> ...новая политическая элита, возникшая в тридцатые годы, в которой доминировали люди пролетарского или крестьянского происхождения, чья политическая культура сформировалась на основе деревенской культуры, значительным образом усиленной хаотическими и преисполненными разнообразными опасностями условиями, в которых им довелось подниматься к вершинам власти. Социальные группы, которые с начала века и до начала тридцатых годов оказывали дестабилизирующее влияние на политическую культуру, были тем или иным способом удалены с политической сцены. В значитель-

---

1093 человека. Как видим, ни одна из приведенных цифр не совпадает с указанной авторами цифрой 918. Но если авторы не учитывают повторные избрания, то суммирование численных составов ЦК, избранных на каждом съезде (53, избранных в 1924 г. плюс 71, избранных в 1939 г. и т. д.), дает цифру 913 членов ЦК, которая близка к приводимой ими цифре 918. Можно допустить, что здесь в текст статьи вкралась простая опечатка. Возможно также, что Коржихина и Фигатнер опираются в своих выводах только на тех членов ЦК, биографические данные которых точно известны, но об этом они в своей статье не упоминают.

[47] Daniels R. V. Is Russian Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. – Boulder, 1988. P. 78. Аналогичные негативные оценки «наблюдаемой коллективной психологии крестьянства», обусловленной его пребыванием «на более ранней стадии развития цивилизации», приводит в своей книге Моше Левин. По его мнению, «...крестьяне постоянно пребывают на грани экономической катастрофы и ведут сезонный образ жизни, при котором продолжительные периоды безделья сменяются взрывами лихорадочно бурной деятельности. В результате тот же самый процесс, которым обусловлены свойственные крестьянину осторожность и консерватизм, порождает тот тип людей, которых отличают возбудимость, склонность легко поддаваться на провокации и готовность к бунту, обладающих скорее сангвиническим темпераментом, нежели флегматичностью и хладнокровием». См.: Lewin M. The Making of the Soviet System. – London, 1985. P. 52–54.

ной степени их место в обществе заняли крестьяне или дети крестьян. И по мере освоения этими пришельцами навыков, необходимых для исполнения новых для них ролей, они не расставались с привычными для них взглядами на мир и на людей, которые они принесли с собой из прошлого. Напротив, им удавалось преуспевать в политике именно потому, что они практиковали традиционные привычки избегания рисков и пренебрежения субъективными желаниями и устремлениями отдельных людей в пользу групповых интересов[48].

В еще одной заметной работе Веры Данхэм поздняя сталинская элита привязана по своему происхождению к совсем иной социальной группе, а именно – к мещанству или к городскому нижнему среднему классу. Данхэм утверждает, что «...Сталину нужно было опереться на нечто, уже существовавшее..., и таким фундаментом для него стало мещанство. Люди во власти, подчиненные Сталину, все до одного, были мещанами, поднятые им с самого низа, будь то стахановцы, офицеры, руководители предприятий или ученые»[49].

Город с его путиловскими заводами, свободами, тайной полицией, страданиями и анонимностью стал тем университетом, в котором сформировались большевики. Сталинские кадры, с другой стороны, были преимущественно людьми крестьянского происхождения. Их развитие, начавшееся с ранней социализации в деревне, приводило их на обучение в малые города, бывшие исконной колыбелью старого русского мещанства. Потом, будучи вырванными из привычной среды на вершины власти, они приносили с собой смесь старого с новым.

Данхэм ведет речь об элите в целом, а не только о членах ЦК партии. В центре ее внимания находится культура элиты и связи этой культуры с предполагаемой новой большой чисткой руководства страны, якобы планировавшейся Сталиным после 1945 г. Хотя во многих отношениях

---

[48] Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // Russian Review. 1968. № 45 (2). P. 169. Отмечая постепенное замещение беспокойных западнических элементов представителями крестьянства или людьми крестьянского происхождения, Кинан, в отличие от Даниелса, подчеркивавшего только негативные стороны этого процесса, видит и позитивные особенности политической культуры российской деревни, а именно «мощную тенденцию к поддержанию стабильности и своего рода равновесия внутри замкнутого сообщества, стремление избегать рискованных решений, подавление личной инициативы, упрощенность политической власти, значительную свободу действий и мнений внутри своей группы, нацеленность на анонимное решение потенциально опасных, спорных вопросов» (P. 128).

[49] Dunham V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. – Durham, 1990. P. 19–20, 131, 133, 245, 257. N. 19.

работа Данхэм является весьма занятной, сама по себе она мало что дает для изучения поздней сталинской элиты. Сам термин «мещанство» не более точен, нежели введенный Марксом термин «мелкая буржуазия». Все ее рассуждения не выходят за пределы логического круга, и легко найти аргументы, разбивающие попытки увязать принадлежность к определенной социальной группе (например к нижнему среднему городскому классу) с определенным складом мышления (с материализмом, присущим среднему классу)[50].

Все эти противоречивые выводы доказывают ограниченность политико-культурного подхода и ошибочность попыток связать предполагаемое социальное происхождение исполнителей с результатами их деятельности, будь то сталинский Большой террор или брежневский застой. Некоторые составляющие этого подхода могут оказаться полезными, но они являются далеко не исчерпывающими для описания картины в целом. В любом случае, «вчерашним рабочим и крестьянам и детям рабочих и крестьян» предстояло перековаться в процессе получения образования.

Ограниченность имеющейся информации не позволяет прийти к точным заключениям относительно уровня образования поздней сталинской элиты, но этот вопрос весьма важен. Система образования открывала представителям простого народа дорогу в правящую элиту. Некоторые историки доказывают, что именно очевидные успехи образовательных инициатив объясняют готовность Сталина уничтожить прежнюю, менее образованную элиту. Иные же подчеркивают в положительном или отрицательном ключе взаимосвязи между советским образованием и процессами развития страны.

Как было показано в главе 2, состав революционной элиты был весьма пестрым, причем примерно четверть ее представителей имела лишь начальное образование, а остальная часть – среднее или незаконченное высшее. Состав ранней сталинской элиты был примерно таким же, хотя ее образовательный уровень, вероятно, еще ниже. Хотя эта элита попрежнему состояла из людей, относившихся к первому поколению революционеров, в ней стало больше мужчин и женщин, достигших взрослого возраста непосредственно перед началом Первой мировой войны. Поэтому многие, кто в иное время мог получить высшее образование, лишились этой возможности из-за мировой войны, революции и гражданской

[50] В предисловии к своей книге In Stalin's Time Джерри Хью доказывает, что Большая чистка уже произошла в 1930-е гг., а не планировалась Сталиным в 1940-х (С. xxviii). Более серьезное по сравнению с Данхэм введение в проблему роли низов среднего класса в русской революции содержится в статье Дэниэла Орловски: Orlovsky D. The Lower Middle Strata in Revolutionary Russia // Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for People Identity in Late Imperial Russia / ed. W. Glowes. – Princeton, 1991. P. 248–268. Орловски относит усиление влияния «нижней средней страты» к 1917 г.

войны. В 20–30-летнем возрасте они были выдвинуты на ответственные посты в новой советской системе, и исполнение новых обязанностей не оставляло времени для повышения образовательного уровня.

Образовательная структура второго поколения и, соответственно, большинства поздней сталинской элиты существенным образом отличается от первого. Лучшее исследование этого поколения, которое принято называть брежневским, выполнила Шейла Фицпатрик. Ее в основном интересовал узкий круг новой элиты, который она обозначила термином «выдвиженцы»[51]. Это были особенные люди, получившие высшее, как правило, техническое образование в ходе культурной революции 1928–1932 гг., во время которой наблюдались два параллельных процесса: приток рабочей молодежи (вероятно, родившейся в деревне) в высшие учебные заведения и их интерес преимущественно к инженерным факультетам, а не к гуманитарным (юридическим или политологическим). Фицпатрик доказывает, что такая структура образования в равной мере диктовалась как необходимостью мобильности молодых рабочих, так и потребностями власти. Наибольшей популярностью пользовались так называемые тысячники, то есть люди, полагавшиеся на организованный набор в инженерные, сельскохозяйственные, педагогические и военные вузы, осуществлявшийся центральными органами власти и профсоюзами, причем особое внимание уделялось их ускоренному обучению, темпы которого должны были отвечать задачам выполнения первого пятилетнего плана. В исследованиях Фицпатрик имеется один изъян: она весьма далека от истины, полагая, будто все члены поздней сталинской и послесталинской элиты, относившиеся к второму поколению, являлись выдвиженцами (в ее понимании). На самом деле она обнаружила, что выдвиженцами можно назвать лишь 20 из 139 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1939 г., и только 45 из 125 полномочных членов ЦК, избранных в 1952 г.[52] Еще одно подтверждение сказанному можно получить, если взглянуть на следующий уровень партийной элиты – на делегатов съездов партии. В табл. 3.6 приведены сведения из докладов мандатных комиссий, касающихся распределения делегатов по уровню образования и специальностям. Так, из 1192 делегатов XIX съезда (1952) с правом голоса 709, или 59 %, заявляли о наличии у них высшего образования, но только 282 из них были инженерами, то есть всего 24 % от общего числа голосующих делегатов. Сведения о специальности 215 из 709 делегатов с высшим об-

[51] Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. – Cambridge,1979; Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // Slavic Review. 1979. № 38 (3). P. 178f. Термин «выдвиженец» (в единственном числе) полезен, но способен вводить в заблуждение, поскольку может также обозначать фаворита или протеже человека, наделенного властью.

[52] Fitzpatrick S. Stalin and the Making of a New Elite. P. 178–179.

разованием отсутствуют[53]. Вероятно, многие из них окончили военные академии, но также возможно, что в качестве высшего засчитывалось партийное образование (об этом см. ниже)[54].

Второе поколение элиты, родившееся в 1901–1920 гг., сумевшее получить лишь начальное образование до того, как попало в водоворот мировой войны, вынуждено было заняться ремесленным трудом или попало на низшие уровни государственной и партийной бюрократии. В качестве взрослых студентов люди этого поколения сумели воспользоваться преимущественным правом на получение высшего образования, предоставленным рабочим и коммунистам. Так называемые рабфаки (рабочие факультеты) стали для них мостиками к повышению квалификации. Число студентов высших учебных заведений общего и технического профиля выросло с 160 тыс. в 1927–1928 учебном году до 470 тыс. в 1931–1932[55].

Таблица 3.6

Образовательный уронень делегатов партийных съездов

Доля делегатов с образованием (%)	Годы проведения съездов партии			
	1934	1939	1952	1956
Высшим	10	26	59	56
Незаконченным высшим	–	5	7	9
Средним	31	22	19	12
Начальным (незаконченным средним)	59	46	15	13
Всего	100	100	100	100

Примечание. Все приведенные данные соответствуют высшему уровню образования, полученному каждым делегатом. Данные по делегатам с начальным (незаконченным средним) образованием в материалах XVII съезда

[53] Правда. 1952. 9 окт. С. 6.

[54] Коржихина и Фигатнер в работе «Советская номенклатура...» (С. 34) признают, что значительная часть членов ЦК, избранных в 1939 г., имела высшее образование – по их сведениям, 80 % против 20 % в 1924 г. Вместе с тем они доказывают фиктивный характер образования членов ЦК. В сталинской образованной элите также отсутствовали юристы, наличие которых, по мнению Коржихиной и Фигатнера, чрезвычайно важно для правильного функционирования власти в развитых странах. Отметим в этой связи в качестве контраста замечание Фицпатрик о том, что при всех недостатках ускоренного образования Советский Союз сумел избежать характерной ошибки других развивающихся стран – перепроизводства адвокатов (Fitzpatrick S. Education... P. 204–205). Как бы кто ни оценивал полезность юридического образования, недостаток юристов в элите определенно ощущался. Среди всех делегатов XIX съезда с правом голоса, имевших высшее образование, лишь 7, или 1 %, обладали юридическими дипломами (Правда. 1952. 9 окт. С. 6).

[55] Fitzpatrick S. Education... P. 188.

(1934 г.) отсутствуют. Соответствующие цифры получены вычитанием из 100 % делегатов с другими уровнями образования.

Источники. Материалы XVII съезда... (С. 3–4); Материалы XVIII съезда... (С. 148); Материалы XX съезда... (С. 237); Правда. 1952. 9 окт. С. 6.

Мнения исследователей относительно качества советского образования значительно различаются. Фицпатрик, Хью и Бейлес поражены определенными достижениями в этой области. Иные авторы, например, Коржихина, Фигатнер или Даниелс, считают советскую систему среднего и высшего образования поверхностной. Конечно, образовательный процесс был далек от совершенства. Представители данного поколения элиты в большинстве своем имели неполное среднее или среднее образование, но его качество оставалось низким, оно было получено в спешке и зачастую являлось недостаточным. Школы и вузы пребывали в состоянии организационной неразберихи, многие лучшие преподаватели изгонялись. Способы, которыми достигалось расширение образования, Фицпатрик совершенно справедливо назвала «непродуманными и экстравагантными»[56]. Лорен Грехэм доказывает, что инженеры с узкоспециальным образованием стали главной причиной общих неудач советской системы:

> Студенты инженерных специальностей в Советском Союзе получали узкое и неглубокое образование, которое было бедным интеллектуально, политически тенденциозным, ущербным в социальном и этическом отношении... Большинство ведущих политических фигур последних лет существования Советского Союза обладали именно таким образованием. На своих новых позициях во власти эти плохо информированные технократы были не способны осознать образ жизни своих граждан.

В частности, они бездумно верили в то, что крупнейшие предприятия – лучшая форма организации производства, обладали поразительно малыми знаниями в экономике, не владели методами анализа затрат и получаемой от них выгоды, не говоря уже об отсутствии каких-либо представлений о социологии и человеческой психологии. Именно наличие подобной элиты частично объясняет причины, по которым Советский Союз не сумел стать современной индустриальной державой и распался с поразительной легкостью[57]. К уже сказан-

[56] Там же. P. 204.

[57] Graham L. The Ghost of the Educated Engineer: Technology and theFall of the Soviet Union. – Cambridge 1993. P. xi, 73–74, 102. Грехэм отмечает, что доля членов Политбюро ЦК с высшим техническим образованием выросла с 59 до 89 % за время с 1956 по 1986 г.

ному можно добавить результаты анализа послевоенной технической интеллигенции, проведенного Кендаллом Бейлесом, который считает, что наиболее образованные люди оставались работать на производстве или занимались научно-преподавательской деятельностью, вместо того чтобы идти в политику[58]. Анализируя социальное происхождение и образовательный уровень новой элиты, историки приходят к разным выводам. В частности, Роберт Даниелс возлагает на нее ответственность за крах коммунизма. Он пишет:

> Молодые активисты, рекрутированные Сталиным из рядов рабочего класса и крестьянства, были плохо образованными и принесли с собой на все ступени советской бюрократической пирамиды власти худшие образцы политической культуры прежней России. ...Эта новая сталинская элита по своей природе была глубоко враждебна по отношению к специалистам и интеллектуалам, в которых она нуждалась, чтобы заставить функционировать созданную ею систему. Инстинктивно представители этой элиты стремились прятаться за доктрины марксизма, уповать на контроль и подавлять любые инициативы, угрожающие ее собственному статусу.

Напротив, Шейла Фицпатрик восхищается функциональной стороной смены кадров, приведшей к возникновению руководителей нового типа, бывших одновременно и «красными», и «специалистами». Героями нескольких ее книг являются *выдвиженцы* – высоко мотивированные, прилежно работающие и серьезно относящиеся к образованию[59]. Эти отличия частично можно объяснить неодинаковыми интерпретациями, а, возможно, они возникают вследствие того, что исследователи рассматривают разные этапы длительной карьеры своих героев.

Еще одной формой образования элиты была система партийных школ, созданная в 1946 г. на пике возрождения партии, которую возглавляли Жданов и А. А. Кузнецов. Постановление ЦК об учреждении этих школ начинается с утверждения, что «подготовка ведущих партийных и государственных кадров поставлена неудовлетворительно». Важнейшим элементом системы подготовки как поздней сталинской элиты, так и новых членов ЦК, избиравшихся в последующие годы, была Высшая партийная школа (ВПШ) в Москве. В нее на трехлетний курс обучения набирали высших партийных и государственных руководителей республиканского и регионального уровней в возрасте до 40 лет.

---

[58] Beiles K. Technology and Society Under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intellegentsia, 1917–1941. – Princeton, 1978. P. 413–414, 431–441.

[59] Daniels R. V. The End of the Communist Revolution. – London, 1993. P. 71; Fitzpatrick S. Education... P. 252.

В ВПШ имелись также девятимесячные высшие курсы переподготовки секретарей и заведующих отделами партийных комитетов республик, областей и важнейших городов, а также государственных чиновников сопоставимого уровня и редакторов важнейших газет[60]. Поступавшие в ВПШ должны были иметь по крайней мере среднее образование. История партии, диалектический и исторический материализм составляли лишь малую часть курса обучения в ВПШ. Кроме них там преподавали советскую и мировую историю, русский язык и литературу, иностранный язык, а также практические навыки работы по будущей специальности[61]. Известно, что в ВПШ обучалась примерно дюжина членов ЦК, избранного в 1952 г., и обучение в ней стало еще более важным для полномочных членов ЦК, избиравшихся в последующие годы. Наиболее известной из этой дюжины была Екатерина Фурцева, ставшая в хрущевские времена Министром культуры СССР. Она вошла в состав ЦК в 1951 г. будучи вторым секретарем Московского горкома партии. Фурцева окончила ВПШ в 1948 г. в 36 лет, когда занимала пост второго секретаря Фрунзенского райкома партии Москвы. Она поднялась к вершинам власти из работниц текстильной фабрики через школу ФЗО и работу в комсомоле. Свое первое высшее образование Фурцева получила в Московском институте тонкой химической технологии, куда поступила в возрасте около 30 лет и окончила в 1941 г.

---

[60] Ежегодно в ВПШ принимали 300 человек на трехлетний курс обучения и 600 человек на высшие курсы переподготовки. Постановление ЦК от 2 августа 1946 г. см. в сборнике: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 9-е изд. – М., 1985. С. viii, 39–48. ВПШ действовала под руководством Управления кадров Центрального Комитета, которое с апреля 1946 возглавлял Кузнецов (Жуков Н. Борьба за власть... С. 26). Система партийного образования описана в: Патоличев Н. С. Совестью своей не поступись. – М., 1995. С. 31об. Предшественницей ВПШ является Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б), но она мало повлияла на деятельность новой школы. Более ранняя Высшая партийная школа при ЦК партии была, очевидно, создана в 1939 г., но в 1946 г. ее преобразовали в Академию общественных наук. В 1978 г. ВПШ влилась в академию, организованную одновременно с ней для подготовки партийных теоретиков и преподавателей по программе двухгодичного постдипломного образования. ВПШ представляла собой наиболее важную, но не единственную составляющую системы, основанной в 1946 г. Сопоставимые с нею двухгодичные партийные школы, готовившие молодых руководителей, были основаны в ряде провинциальных городов.

[61] Схема обучения, предусмотренная первоначальным постановлением, насчитывала 2600 учебных часов. При 46 учебных неделях в год это означало, что в среднем на все дисциплины приходилось по 19 часов в неделю. При этом на курс диалектического и исторического материализма выделялось всего 200 часов против 300 часов на изучение иностранного языка и 300 часов – на основы советской экономики и практические методы руководства секторами экономики.

Сталинцы

Большой террор не привел к принципиальным изменениям в элите, хотя по своим биографическим данным члены новой сталинской элиты заметно отличались. А. А. Андреева, Н. С. Байбакова и Н. К. Патоличева можно считать характерными представителями трех основных типов членов ЦК партии эпохи позднего сталинизма. Если Андреев представляет собой пример члена ЦК, выжившего во время Большого террора, то двух других можно считать людьми нового типа. Байбаков являл собой пример технократа, а Патоличев – разностороннего партийного функционера.

Карьера Андрея Андреева, начиная со времен деревенского детства и в ходе различных чисток партии, уже была прослежена в главах 1 и 2. Он избирался в состав ЦК в 1939 и 1952 г., и его почитали как ветерана-сталинца, хотя во время съезда 1939 г. ему было всего 43 года. Андреев принадлежал к группе руководителей, входившей в ближайшее окружение Сталина. Насчитывалось очень немного людей, которым Сталин звонил по телефону лично, не прибегая к услугам секретарей, и Андреев был одним из них. Он был секретарем ЦК с 1935 по 1946 г., а с 1939 г. одновременно с ним секретарями ЦК являлись Сталин, Маленков и Жданов. С 1943 по 1946 г. Андреев исполнял обязанности Наркома земледелия, а с 1946 по 1953 г. – работал заместителем Председателя Совета министров СССР, где главной сферой его ответственности, по-видимому, было сельское хозяйство. Андреев также являлся членом Политбюро (в 1932–1952 гг.) и членом Оргбюро (в 1939–1946 гг.) ЦК и председателем Комитета партийного контроля[62]. Занимаемый им пост Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР был во многом формальным, но служил подтверждением его высокого престижа.

Однако в конце 1930-х гг. Андреев выбыл из числа ближайших сподвижников Сталина. Его не включили в состав Государственного комитета обороны, действовавшего во время войны 1941–1945 гг. Позиции Андреева оставались слабыми и после окончания войны, а к концу жизни Сталина он попал в настоящую опалу. В марте 1946 г. он не был переизбран в состав Оргбюро ЦК партии. Хотя в июне 1946 г. Андреева избрали в Бюро Совета министров, но он не возглавил ни одно из восьми функциональных бюро, созданных позднее в том же

---

[62] По сведениям из авторитетных источников, ставших недавно известными, именно Андреев был Председателем Комитета партийного контроля, а Шкирятов – его заместителем (см.: Состав руководящих органов Центрального комитета КПСС – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 83, 133). Вместе с тем, именно Шкирятов занимался делом Вознесенского (см.: О так называемом ленинградском деле // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130).

году. Сельскохозяйственным направлением теперь руководил Маленков, а Андреева, возможно, обвинили во всех бедах этого сектора экономики, и на него была возложена ответственность за неурожай и голод 1946 г.[63] Очевидно, Андреев продолжал нести некоторую ответственность в Совете министров за сельское хозяйство, поскольку Хрущев, бывший тогда секретарем ЦК, отвечавшим за этот сектор, публично, в оскорбительном тоне критиковал его за незнание особенностей крестьянского труда. В то же время Хрущев в своем секретном докладе XX съезду обвинял Сталина в том, что тот отстранил Андреева от работы в Политбюро. (По словам Хрущева, отстранение своих старых товарищей было одним из наиболее разнузданных проявлений самодурства Сталина[64].) Вероятно на положении Андреева сказался и тот факт, что он был женат на еврейке (Доре Хазан), поскольку в то время Сталин развязал антисемитскую кампанию[65]. Но, вполне вероятно, падение Андреева объясняется и более прозаическими причинами, например его прогрессировавшей глухотой. К концу войны Андреев обнаружил, что ему стало трудно участвовать в обсуждении вопросов, поднимаемых на совещаниях руководства страны, чему способствовала привычка Сталина говорить на совещаниях негромко, расхаживая при этом по залу. Калинин писал для Андреева записки, поясняющие сказанное вождем, но всесоюзный староста умер в 1946 г. А Берия, напротив, отпускал злые шутки в адрес глохнувшего Андреева[66]. Так или иначе, но Андреев не был включен в расширенный состав Президиума (Политбюро) ЦК, избранный в октябре 1952 г.

Когда в 1953 г. был утвержден состав первого после смерти Сталина Совета министров под председательством Маленкова, Андреев уже не являлся заместителем председателя. У него остался единственный пост – члена Президиума Верховного Совета, хотя в 1956 г. он был вновь избран в состав ЦК. Его лебединой песней стало выступление на июльском 1953 г. пленуме ЦК. Он оставался достаточно значительной фигурой, чтобы попасть в число 24 выступавших на пленуме, но

---

[63] Жуков Н. Борьба за власть... С. 29.

[64] Хрущев Н. С. О культе личности. С. 163–164. Несомненно, что Сталин на октябрьском (1952 г.) пленуме ЦК заявил, что Андреев далее не пригоден к активной работе (Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 215).

[65] Rappoport L. Stalin's War Against the Jews // The Doctor's Plot and the Soviet Solution. – N. Y., 1990. P. 208.

[66] Успенский В. Д. Школы будущего. Повесть об Андрее Андрееве. – М., 198. С. 176. Малышев на пленуме ЦК (1953 г.) говорил о шуточках, которые Берия отпускал в адрес Андреева по поводу его глухоты (см.: Стенографический отчет о Пленуме ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 205).

его критика в адрес Берии свелась к обвинению того в *недостаточно последовательном сталинизме*[67]. Хотя в то время Андрееву исполнилось всего 57 лет, и ему еще предстояло прожить 18 лет, его карьера фактически закончилась. Если некоторым представителям старой гвардии, например Молотову или Ворошилову, удалось временно усилить свои позиции во власти после смерти Сталина, то Андрееву этого было не суждено. Он стал политической обузой. У него имелись противоречия с новой восходящей звездой – Хрущевым по вопросам сельского хозяйства. Возможно также, что он оказался слишком несгибаемым сталинистом. Сыграло свою роль и плохое здоровье. Помимо уже упомянутой глухоты, у него возникли серьезные проблемы с сердцем[68]. Бывший носильщик в гостинице наряду с другими лидерами первого поколения, выжившими во времена Большого террора, окончательно выпал из активной политической жизни.

Если в 1950-х гг. Андреев был представителем сходящего с политической арены первого поколения элиты, человеком вчерашнего дня, то Николай Семенович Патоличев и Николай Константинович Байбаков представляли собой людей сегодняшнего и завтрашнего дней. Первый был избран в состав ЦК в 1939 г., а второй – в 1952 г. Оба представляют собой фигуры, относительно которых доступны подробные биографические сведения и информация о карьере[69]. Н. С. Патоличеву предстояла долгая и разнообразная политическая карьера. За свою жизнь он побывал на различных высоких партийных и государственных должностях, но когда в 1939 г. его впервые избрали в ЦК, был первым секретарем Ярославского обкома партии, руководил важным промышленным регионом страны. В период между 1938 и 1950 г. Патоличев неоднократно перемещался из центрального партийного аппарата в региональные комитеты и обратно, побывав за это время первым секретарем Ярославского, Челябинского и Ростовского обкомов партии. В 1950–1956 гг. он работал первым секретарем ЦК компартии Белоруссии. Н. К. Байбаков являлся скорее техническим специалистом, и его ввели в состав ЦК в соответствии

---

[67] Текст «замечательного» выступления Андреева на июльском (1953 г.) пленуме ЦК партии см в: Дело Берии // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 182–186.

[68] По словам дочери, Андреев страдал аневризмой аорты и перенес инфаркт (см.: Андреев А. А. Воспоминания, письма. – М., 1985. С. 314).

[69] Они оба, что необычно, оставили мемуары. См.: Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. – М., 1977; Патоличев Н. С. Совестью своей не поступись. – М., 1995; Байбаков Н. К. Дело жизни. – М., 1984; Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993; Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. – М., 1998. Байбаков также дал интервью для Проекта по изучению советской элиты (SEP).

с занимаемой им должностью министра нефтяной промышленности. Хотя это произошло только в 1952 г., он работал на этой должности, дающей право быть членом ЦК партии, с 1944 г. и занимал ее вплоть до 1955 г. Они оба достигли высоких постов, едва перевалив за тридцать, и ушли на пенсию в глубокой старости. Оба работали на высоких государственных должностях при Хрущеве и Брежневе. Патоличев был Министром внешней торговли (в 1968–1985 гг.), а Байбаков возглавлял Госплан СССР (в 1957–1958 и 1965–1985 гг.).

Патоличев и Байбаков принадлежали ко второму поколению руководителей страны, и их происхождение можно считать типичным для той части элиты, которую они представляли, но совершенно отличным от тех, кто пришел во власть до них. Оба достигли взрослого возраста уже при Советской власти и вышли из простонародной среды. И Патоличеву, и Байбакову исполнилось 13 лет в 1921 г., когда закончилась гражданская война. Отец Патоличева был кавалерийским унтер-офицером в императорской армии, но происходил из крестьянской семьи, жившей в деревне в 75 км от Нижнего Новгорода. Родители Патоличева умерли во время гражданской войны. Его отец погиб, служа в Красной кавалерии, а мать скончалась от тифа. До 16 лет Патоличев прожил в деревне у родственников, где получил начальное образование. В конце 1924 г., после нескольких лет работы в деревне, ему, так же как его братьям и сестрам, удалось устроиться

3.1. Николай Патоличев (репродукция с портрета, написанного в 1970 г. Новости)

работать на близлежащем химическом заводе им. Свердлова в Растяпино (с 1929 г. – г. Дзержинск). Родители Байбакова были в числе тех, кому во времена царизма пришлось искать работу вдали от родного дома. Они переехали из Белоруссии в Азербайджан, на Бакинские нефтяные промыслы – один из наиболее быстро развивающихся экономических регионов Российской империи. Семья устроилась там неплохо, и Николай Байбаков, родившийся в 1911 г., всегда считал Азербайджан своей родиной. Его отец работал кузнецом на одном из предприятий, принадлежавших Нобелю. Подобно семьям всех нефтяников, Байбаковы были довольно обеспеченными людьми, но все же вместе с семью подрастающими детьми были вынуждены ютиться в двухкомнатной квартире.

Возможно потому, что его семья жила на окраине большого города, перед Байбаковым открылся простой и прямой путь к получению образования. В 1932 г. в возрасте 21 года он окончил Азербайджанский нефтяной институт в Баку, откуда его сразу направили работать на нефтяные промыслы в качестве инженера. В отличие от него, Патоличев был типичным продуктом массовой компании по ликвидации безграмотности, проходившей в рамках культурной революции. Работая аппаратчиком на химическом заводе, он в середине 1920-х гг. поступил в заводскую вечернюю школу рабочей молодежи (школу ФЗУ). Свой первый значительный скачок в карьере он совершил в конце 1931 г., поступив во Второй Московский химико-технологический институт, из которого затем перешел в Военную академию химических войск. Своим зачислением в академию он был обязан прежде всего природным способностям, но свою роль в этом сыграли и иные факторы. Его отец погиб на фронте во время советско-польской войны, будучи командиром бригады в самом знаменитом соединении Красной армии – в Буденновской Первой конной армии. Его старший брат тоже являлся героем гражданской войны, а впоследствии служил в органах госбезопасности. Сам Николай Патоличев был политически активным человеком. Он вступил в партию, когда ему было всего 20 лет (1928), и был активным комсомольским лидером, работая секретарем заводского комитета комсомола завода им. Свердлова, а затем и секретарем Дзержинского райкома комсомола Нижегородской области. В 1930 г. его направили в качестве агитатора на Урал, где он принял участие в компании по коллективизации.

Решающим периодом в жизни обоих стал конец 1930-х гг. Если верить мемуарам Патоличева, он привлек к себе внимание Секретариата ЦК партии в чрезвычайных обстоятельствах. После прохождения курса обучения в Военной академии химических войск, где он опять возглавлял комсомольскую организацию, Патоличев был направлен в штаб Московской пролетарской дивизии Красной армии. Когда в начале 1938 г. командир дивизии попал под подозрение, Патоличев

лично обратился с апелляцией напрямую в ЦК партии. Он произвел там настолько хорошее впечатление, что был приглашен самим Андреем Андреевым, тогдашним секретарем ЦК по кадрам, на работу в аппарат ЦК в качестве инструктора. (Патоличев всегда отзывался об Андрееве с большим уважением и признательностью.) После столь неожиданного выдвижения, которое Патоличев сам называл «громом среди ясного неба», его направили парторгом ЦК на Ярославский резинотехнический комбинат. Это предприятие, расположенное на северо-западе от Москвы, являлось одним из флагманов сталинской индустриализации и основным производителем автомобильных шин в стране. Руководство комбината было уничтожено в ходе Большого террора. Под руководством Патоличева, которому тогда было всего 30 лет, комбинату удалось быстро нарастить объемы производства, за что предприятие и сам Патоличев были удостоены орденов Ленина. Это был первый из восьми полученных им орденов того же достоинства. После пятимесячного штурма его назначили первым секретарем Ярославского обкома партии. Столь космический взлет не стал прямым следствием Большого террора, поскольку его предшественник Шахурин был переведен на аналогичную должность в Горьковский обком партии. Надо отметить, что Шахурина назначили первым секретарем Ярославского обкома только в конце апреля 1938 г., когда ему было всего 34 года[70]. В назначении Патоличева Большой террор не сыграл значительной роли. Ярославская область была образована в конце 1930-х гг. путем отделения северной части Ивановской области. Первым секретарем Ивановского обкома партии с 1932 по 1937 г. работал старый большевик и член ЦК И. П. Носов, появившийся на свет 20 годами ранее Патоличева. Носов был арестован в августе 1937 г. и в том же году расстрелян. Шахурин, а потом Патоличев стали его преемниками. К счастью для Патоличева предприятия и колхозы Ярославской области успешно выполняли напряженные планы, установленные в преддверии войны, и на XVIII партийной конференции, проходившей в феврале 1941 г., он стал одним из четырех человек, переведенных из кандидатов в полномочные члены ЦК.

Взлет Байбакова оказался не менее впечатляющим. Он решил пойти на службу в армию в 1935–1937 гг. в том числе и для того, чтобы избежать репрессий, которым подвергались инженеры, работавшие на нефтепромыслах. После возвращения с Дальнего Востока, на волне Большого террора он стал быстро продвигаться по службе и был назначен руководителем треста «Лениннефть». Как и Патоличев в Ярославле, Байбаков добился перевыполнения производственных заданий, чем привлек к себе внимание первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Багирова и железного наркома тяжелой промыш-

[70] См.: Шахурин А. И. Крылья победы. – М., 1990.

ленности Кагановича. В конце 1938 г. Каганович приказал Байбакову, которому тогда было всего 27 лет, возглавить четыре нефтедобывающих треста так называемого Второго Баку, нефтяных промыслов, расположенных между Волгой и Уралом. Каганович, ставший наркомом топливной промышленности, перевел Управление, возглавляемое Байбаковым, из Куйбышева (Самары) в Москву, где тот в феврале 1940 г. стал заместителем, а с июля 1940 г. – первым заместителем Наркома топливной промышленности. Что бы он ни писал о своих новых назначениях, Байбаков всегда был скорее техническим специалистом, нежели партийным деятелем. Хотя в студенческие годы он являлся секретарем факультетского бюро комсомола, но только в 1939 г., после достигнутых успехов в качестве руководителя производства, он был принят в ряды партии. Поэтому в 1939 г. Байбаков не был даже делегатом XVIII съезда.

То были времена непрерывной, ответственной работы, оставляющей мало времени для личной жизни. Байбаков повстречался со своей будущей женой, Клавдией Андреевной, когда она принесла ему какой-то документ на подпись. Она окончила инженерно-экономический институт и работала помощницей заместителя наркома строительства. Девушка Байбакову приглянулась, и он немедленно пригласил ее в кино. После нескольких свиданий он сделал ей предложение за ужином в ресторане гостиницы «Метрополь», дав на размышление не более получаса. Их брак был зарегистрирован на следующий день, но Байбаков ухитрился опоздать в ЗАГС на регистрацию, поскольку задержался на совещании у Кагановича. Этот брак, свершившийся в темпе сталинских пятилеток, продлился 43 года[71].

Большой террор сыграл важную роль в быстром продвижении по службе этих продуктов культурной революции, но не меньшее значение имело и нацистское нашествие. И Патоличев, и Байбаков занимали во время войны важнейшие должности. В конце декабря 1941 г. Патоличев был переведен из Ярославля в еще более важный промышленный регион – в Челябинскую область. До эвакуации Челябинск считался второстепенным городом, но после перемещения на Урал эвакуированных с Запада предприятий превратился в важнейший промышленный центр. Став первым секретарем Челябинского обкома, Патоличев, отвечавший за выпуск значительной доли военной продукции для Красной армии – стали, двигателей, самолетов, танков и автомобилей – превратился в очень значимую фигуру в среде партийных руководителей. Все это происходило, когда он был в достаточном молодом возрасте. В июне 1945 г., когда он оказался среди приглашенных наблюдать Парад Победы на Красной площади в Москве,

[71] Более полное изложение этой забавной истории см. в: Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. С. 51–55.

ему исполнилось всего 36 лет. Маршал Жуков удостоил Патоличева нескольких фраз в своих мемуарах: «Николай Семенович был человеком огромной энергии, великих организаторских талантов. Его упорство в выполнении задач, поставленных партией, часто отмечалось правительством, а Сталин нередко ставил его в пример другим»[72].

Тем временем Байбаков работал заместителем наркома нефтяной промышленности под началом И. К. Седина, который являлся таким же партийным чиновником, как Патоличев. Его производственный опыт был связан с текстильной промышленностью. После Большого террора он стал одним из самых молодых первых секретарей обкомов партии сначала в Тамбове, а потом в Иваново, и слабо разбирался в нефтяной промышленности. Байбаков отзывался о Седине как о ставленнике Маленкова и был о нем невысокого мнения[73]. Только в ноябре 1944 г. Байбакова назначили на должность наркома.

В послевоенные годы пути Байбакова и Патоличева разошлись. Первый, как специалист, оставался на посту наркома, а позднее министра нефтяной промышленности до 1955 г. Вместе с тем он был одной из заметных фигур среди делегатов, выступавших на XIX съезде в 1952 г., а также одним из тех, кто приложил руку к свержению Берии на июльском (1953 г.) пленуме ЦК. Байбаков был тесно связан с Кавказом, а Берия в ту пору командовал там нефтяной промышленностью. Байбаков критиковал Берию в основном за неэффективность применявшихся им методов управления. (Возможно, он был озабочен тем, чтобы избежать клейма Бериевского протеже[74].) Ему предстояло продвинуться на важные посты в руководстве экономикой во времена правления Хрущева и Брежнева.

Послевоенная карьера Патоличева оказалась намного разнообразнее и сопровождалась невероятными взлетами и падениями. После окончания войны на мартовском (1946 г.) Пленуме ЦК он был введен в состав Оргбюро, а в апреле возглавил Организационно-инструкторский отдел ЦК. В мае 1946 г. после совещания со Сталиным, Ждановым и Кузнецовым Патоличев заменил Маленкова на посту секретаря ЦК. Это назначение, по-видимому, было одобрено членами ЦК посредством письменного голосования[75]. Патоличев продержался на этой

---

[72] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М. 1990. Т. 2. С. 48.

[73] И. К. Седин (1906–1972 гг.) был типичным примером выдвиженцев 1938 г., выпавших из обоймы после войны. Невзирая на занимаемые им должности во время войны и послевоенный пост наркома (министра) текстильной промышленности (1945–1948 гг.), в 1952 г. он не был переизбран в состав ЦК партии.

[74] Дело Берии // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 189–192.

[75] Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. С. 280–284. Вопреки сказанному, Андрей Маленков характеризует Патоличева по крайней мере в 1952 г. как одного из протеже своего отца. См.: Маленков А. О моем отце Георгии

должности всего год, до мая 1947-го, после чего был заменен Сусловым. В конце 1940-х гг. консолидация управления западными приграничными областями приобрела приоритетное значение, Патоличев в 1947 г. был перемещен на пост секретаря ЦК компартии Украины под начало Кагановича, который прибыл на Украину в качестве первого секретаря двумя месяцами раньше. Как и в случае с предвоенным назначением, Патоличев получил красный конверт с приказом о переводе на Украину без всякого предупреждения. Он счел для себя невозможным работать с Кагановичем и попросил освободить его от нового назначения. Именно после этого Патоличев был понижен до должности первого секретаря второстепенного Ростовского обкома. Он вернулся из этой своеобразной ссылки в 1950 г., получив новое удивительное назначение. В один из перерывов в заседании Верховного Совета его подозвал к себе Сталин и спросил, не желает ли Патоличев стать первым секретарем компартии Белоруссии. Патоличев, как он пишет в мемуарах, немедленно согласился («"Готов, товарищ Сталин", – ответил я»). В последние годы жизни Сталина назначение этнических русских на руководящие посты в нерусских республиках стало вполне обычным делом. Перед Патоличевым была поставлена задача поднять сельское хозяйство Белоруссии. На XIX съезде партии он являлся одним из главных докладчиков и был снова избран в состав ЦК. Более того, вскоре его ввели в расширенный руководящий орган ЦК – в Президиум.

После смерти Сталина партийная карьера Патоличева сошла на нет. Он пережил в конце июня 1953 г. попытку Берии, заигрывавшего с национальными кадрами, сместить его с занимаемого поста в Минске, но в конце концов был смещен Хрущевым, с которым они, очевидно, обменялись недружелюбными репликами по поводу состояния сельского хозяйства на январском (1955 г.) пленуме ЦК. Эту стычку сам Патоличев позднее назвал своей лебединой песней. Его заменил белорус Мазуров, после чего Патоличев, навсегда покинув партийную работу, стал в июле 1956 г. первым заместителем министра иностранных дел. (Эту же должность в свое время занимал Крестинский.) Последним его перемещением стало назначение министром внешней торговли в 1958 г.[76] За три года до того, как покинуть

Маленкове. – М. 1992. С. 58. Эту точку зрения разделяет биограф Хрущева Томпсон. См.: Tompson W. J. Khrushchov: A Political Life. – Basingstoke, 1995. P. 93; Вместе с тем Вернер Хан считает Патоличева «андреевцем», боровшимся против Маленкова. См.: Hahn W. Postwar Secret Politics. P. 40–42. В изданных посмертно мемуарах, возможно, подготовленных к публикации в брежневскую эпоху, сам Патоличев, выражая глубокое уважение к Андрееву, отзывается о Маленкове исключительно негативно.

[76] Хотя периоды правления Хрущева и Брежнева будут рассмотрены в последующих главах, здесь уместно проследить, как складывалась карьера Патоличева в те годы. Почти 30 лет он пробыл на почетном, но второстепенном посту.

Белоруссию, Патоличев был вынужден публично защищаться во время напряженного пленума ЦК компартии этой республики. Произнесенные им тогда слова, вероятно, могут служить обобщающей характеристикой отношения к порученному делу людей из его когорты[77]: «Я пришел в Белоруссию по воле партии, и я покидаю свой пост также по воле партии. Ни одно мое усилие за прошедшие три года не пропало даром, и я всегда работал так, как положено коммунисту. Таким я останусь до конца жизни, так я буду работать всюду, куда меня направит наша великая Коммунистическая партия».

Оба, и Байбаков, и Патоличев, как и все представители поколения элиты, к которому они принадлежали, были убежденными сторонниками строгой дисциплины. Как сказал Сталин Байбакову, «...народному комиссару для успешной работы необходимо обладать «бычьими нервами» в сочетании с оптимизмом». Теми же качествами должны были обладать и сталинские секретари региональных комитетов партии. Кажется, они оставались сталинистами до конца своих дней. Во втором томе воспоминаний Патоличева, вышедшем из печати в 1995 г., практически отсутствует критика Сталина. Выступая в 1946 г., он заявил: «Да, на наше поколение партийных работников, прошедших испытание на зрелость в годы Великой отечественной войны, ныне легла большая доля ответственность за судьбы Родины и народа». Восьмидесятилетний Байбаков в интервью, данном в 1992 г, предстает в образе несгибаемого сталиниста и защитника производственной дисциплины[78]:

> Меня часто спрашивают: как могло так получиться, что мы все же выиграли войну, когда Гитлер дошел до Москвы, до Ленинграда. Я сам поражаюсь, как? Я считаю – это результат высокой дисциплины. Сталин был очень сильным организатором. Простить ему нельзя, что много людей невинных погибло. Но тут больше всего виноваты два человека: это Берия и Каганович... А с точки зрения общего руководства, конечно, Сталин сыграл огромную роль... И первая, и вторая пятилетки шли с темпами роста национального дохода по 15 % ежегодно. Ни одна страна в мире ничего подобного не имела. Почему мы смогли от сохи перейти к атомной энергетике? Это стоило больших усилий, как народ работал – это трудно себе представить! Ругают теперь стахановское движение – но

Наиболее вероятным объяснением этому может служить то, что Патоличев конфликтовал с Хрущевым в 1940-е гг. Байбакова же Хрущев и Брежнев, очевидно, ценили как нейтрального технократа. Хотя он никогда не был членом Политбюро, он всегда занимал важные посты в руководстве советской экономикой.

[77] Лукащук А. Жаркое лето 53-го // Коммунист Белоруссии. 1990. № 8. С. 74. Снятие Патоличева с должности отменилось в связи с падением Берии, состоявшемся в следующем месяце.

[78] Второй том мемуаров Патоличева вышел в свет в 1995 г., но фактически был написан в середине 1980-х гг. Интервью Н. К. Байбакова. 1992. SEP.

3.2. Николай Байбаков (репродукция с портрета, написанного в 1979 г. Новости)

это была идея! Мы знали, за что драться... Не знаю, кто как, но я ничего не боялся – что меня репрессируют, арестуют. Я верил в победу социализма; и, как коммунист, я головой отвечал за все. И мои товарищи, подчиненные – все верили в победу. И мы добились огромных результатов. Мы добились того, что нас начали бояться англичане, американцы. Потому что они видели, какими сумасшедшими темпами мы шли, видели наш промышленный потенциал, военный потенциал...

Примерно то же самое писал Байбаков в своих мемуарах, опубликованных после падения коммунизма, отвечая на вопрос, с кем ему было интереснее работать, со Сталиным или с Хрущевым: «Я твердо и прямо скажу – со Сталиным. С ним было труднее, но интереснее. Помимо всего прочего потому, что тогда существовала жесткая исполнительская дисциплина, принимаемые решения были обязательными для исполнения, не могло быть никаких отговорок или оправданий, бумажной волокиты». Он недвусмысленно отвергал обвинения в том, что является сталинистом, но, что знаменательно, не видел никакой альтернативы Сталину и проводимой им политике[79].

[79] Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. С. 212, 242. Байбаков позитивно оценивал свой опыт персонального общения со Сталиным (см., напр., с. 47–50).

Центральный Комитет – путь самоуничтожения

1939–1953 гг. были периодом деградации Центрального Комитета партии как активно действующего органа. Именно это стало главной темой секретного доклада Хрущева в 1956 г.:

> При жизни Ленина съезды партии проводились регулярно, на каждом крутом повороте в развитии партии и страны. Ленин считал прежде всего необходимым широкое обсуждение партией коренных вопросов внутренней и внешней политики, партийного и государственного строительства... От съезда к съезду Центральный Комитет партии выступал как высокопоставленный коллектив руководителей, строго соблюдающий принципы партии и проводящий ее политику... Если в первые годы после смерти Ленина съезды партии и пленумы ЦК проводились более или менее регулярно, то позднее, когда Сталин начал все более злоупотреблять властью, эти принципы стали грубо нарушаться. Особенно это проявилось в последние полтора десятка лет его жизни... Пленумы ЦК партии фактически не созывались...

По словам Хрущева, даже члены Политбюро стали жертвами капризов Сталина, «заседания Политбюро проводились только время от времени», а решения принимались неофициальными комиссиями[80]. С учетом ситуации, сложившейся в конце 1940-х – начале 1950-х гг., интересно отметить, что реальные полномочия Президиума ЦК (так по-новому называлось его Политбюро в 1953–1966 гг.) были впервые четко обозначены в принятом в 1952 г. новом Уставе партии, согласно которому «Президиум предназначен для руководства работой Центрального комитета между его пленумами»[81].

Очень большие промежутки между съездами партии и малое число проводившихся пленумов ЦК являлись наиболее вопиющими примерами игнорирования уставных требований. Хотя партийные конференции более низкого уровня все же проходили, в первые послевоенные годы не было созвано ни одного съезда республиканских компартий. Все это можно объяснить нежеланием Сталина делиться своей властью. Известно, что были предприняты две попытки созвать съезд партии, но, как писала «Правда» в апреле 1964 г., Сталин тогда заявлял, что ему требуется больше времени для подготовки

---

[80] Хрущев Н. С. О культе личности. С. 136, 163.

[81] Это положение резко отличается от того, что записано в Уставе партии 1939 г., где так же, как и в предыдущих редакциях, было просто сказано, что Центральный Комитет «...организует политическое бюро для политической работы». Оргбюро, официально избиравшееся ЦК параллельно с Политбюро начиная с 1919 г., Уставом 1952 г. было отменено, а его функции, очевидно, передавались секретариату ЦК.

отчетного доклада[82]. Есть веские основания предполагать, что на отсрочке съезда настаивали те члены правящей элиты, которые временно оказались в немилости у вождя. При этом Жданов, фаворит Сталина, в январе–феврале 1947 г. вел активные приготовления к созыву XIX съезда, который очевидно должен был состояться зимой 1947–1948 гг. Проект повестки дня съезда включал принятие новых Программы и Устава партии наряду с утверждением состава послевоенной элиты. Шли также разговоры о том, что съезду будет предшествовать XIX партийная конференция[83]. Этому сопротивлялись те, кто подобно Маленкову и Молотову опасались укрепления лидерства Жданова, и они имели возможность блокировать проведение открытой дискуссии[84]. Смерть Жданова в августе 1948 г. отсрочила весь проект почти на четыре года, до октября 1952 г.

В соответствии с Уставом партии (в редакции 1939 г.) пленумы ЦК должны проводиться не реже, чем раз в четыре месяца. Это означало, что элита обязана была собраться не менее пятидесяти раз за период с весны 1939 г. по осень 1952 г. На самом деле, как следует из табл. 3.7, за это время состоялось менее дюжины подобных собраний. Устав 1952 г. содержал на этот счет более реалистичное требование и предусматривал проведение пленумов ЦК раз в полугодие, хотя увеличение промежутков между пленумами можно отчасти объяснить увеличением численного состава ЦК. Так или иначе, но стремление проводить пленумы с разумной частотой все еще присутствовало.

Пленум ЦК готовились провести в октябре 1941 г., когда германская армия вплотную подошла к Москве, но он так и не состоялся, хотя многие члены ЦК тогда собрались в столице[85]. Январский пленум (1944 г.) рассмотрел второстепенные вопросы: создание республиканских наркоматов обороны и иностранных дел, выдвижение Шверника на пост первого заместителя Председателя Верховного

---

[82] Правда. 1964. 28 апр. Солженицын сообщает о двух членах партии, получивших длительные сроки заключения за свои претензии по поводу того, что созыв съезда задерживается вопреки Уставу партии: Солженицын А. Архипелаг Гулаг, 1918–1956. Опыт художественного исследования. – Париж, 1974. Ч. 3–4. С. 293.

[83] Аксенов С. Путь к коммунизму... С. 113. Уставом 1939 г. предусматривалось проведение по крайней мере одной конференции в год.

[84] Жуков Н. Борьба за власть... С. 29. Тот факт, что Маленков и Молотов добились своего, подтверждает силу Сталина. Проект программы был подготовлен в июле 1947 г. (Аксенов С. Путь к коммунизму... С. 112).

[85] Недавно было высказано предположение, что октябрьский (1941 г.) пленум намечали собрать для рассмотрения вопроса о заключении сепаратного мира с Германией. См.: Bonwetsch B. Stalin, the Red Army, and the "Great Patriotic War" // Stalin and Nazism: Dictatorships in Comparison / ed. M. Lewin and I. Kershaw. – Cambridge, 1997. P. 191.

Совета (в помощь Калинину) и утверждение нового государственного гимна[86]. Мартовский (1946 г.) пленум ЦК был посвящен предстоящей сессии Верховного Совета и утверждению персональных изменений в аппарате ЦК[87]. Февральский (1947 г.) пленум стал единственным, очень пространная резолюция которого была опубликована под заголовком «О мерах по совершенствованию сельского хозяйства в послевоенный период». Это решение, очевидно, было принято в ответ на неурожай и голод 1946–1947 гг. Пленум также утвердил уход Сталина с поста министра обороны[88].

Поздний сталинский период принято считать временем определенного оживления партийной жизни, но при этом возникает вопрос, почему пленумы ЦК тогда не созывались хотя бы с той периодичностью, что и в конце 1930-х гг.? Одно из возможных объяснений, вытекающее из тоталитарного характера сталинского режима, заключается в следующем: Сталину уже не требовалось убеждать партийную элиту в своей правоте, что он был вынужден делать еще недавно, в 1936–1937 гг. Другое объяснение сводится к ослаблению позиций самого вождя. Игнорирование им устава партии могло быть следствием присущего ему страха перед возможными действиями элиты. Подобное объяснение представляется особенно справедливы с учетом попыток оживления партии, предпринимавшихся в 1946–1948 гг. под руководством Жданова и, возможно, в 1952 г. Хрущевым[89]. Подспудная тенденция по меньшей мере к олигархической форме правления или к так называемому коллективному руководству была достаточно

---

[86] Материалы пленума...(1944 г.)... С. 61–65. Первоначально этот пленум планировалось провести 10 октября 1941 г., но он был неожиданно отменен под предлогом того, что слишком большое число членов ЦК находилось на фронте.

[87] Жуков Н. Борьба за власть... С. 25. По мнению Аксенова (Аксенов С. Путь к коммунизму... С. 112), мартовский пленум также согласился с необходимостью подготовки новой программы партии.

[88] КПСС в резолюциях и решениях... Т. VII. С. 98–145. Волков И. М. Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 17. Аксенов С. Апогей сталинизма... С. 101.

[89] Уильям Маккэг полагает, что попытки возрождения партии восходят к 1943 г. См.: McCagg W. Stalin Embattled, 1943–1948. – Detroit, 1978. Некоторые авторы в этой связи отмечают период усиления влияния Жданова. См.: Hahn W Postwar Soviet Politics; Ra'anan G. D. International Policy Formation in the USSR. – Hamden, 1983. В одном из недавно появившихся российских источников высказывается совершенно иное мнение о Жданове, отвергающее рассуждения о его радикализме и описывающее его как трудолюбивого исполнителя воли Сталина (см.: Zubok V., Pleshakov C. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchov. – Cambridge, 1996. P. 112–116). Доказательства «возрожденчества» Хрущева в последние годы жизни Сталина лучше всего представлены в: Gorlizki Y. Party Revivalism and the Death of Stalin.

Таблица 3.7

Пленумы ЦК партии, 1938–1956 гг.

Год	Месяц	Число	
1938	Январь	11–20	
1939	Январь	11	
	Март	22	После окончания XVIII съезда
	Май	21–27	
1940	Март	26–28	
	Июль	29–31	
1941	Февраль	21	После окончания XVIII партконференции
	Май	5	Назначение Щербакова секретарем ЦК
1944	Январь	27	Реорганизация министерств
1946	Март	11,14,18	Маленков и Берия переизбраны в состав Политбюро и Оргбюро
1947	Февраль	21–22, 24, 26	Принятие резолюции по сельскому хозяйству
1952	Август	15	Объявление о созыве XIX съезда
	Октябрь	16	После окончания XIX съезда
1953	Март	5	Совместное заседание с Советом министров и Президиумом Верховного Совета
	Март	14	Маленков вновь назначен секретарем ЦК
	Июль	2–7	Свержение Берия, восстановление ленинских норм партийной жизни
	Сентябрь	3–7	Обсуждение вопросов сельского хозяйства, назначение Хрущева первым секретарем ЦК
1954	Февраль–март	23–2	Обсуждение вопросов сельского хозяйства
	Июнь	21–24	Обсуждение вопросов сельского хозяйства

Окончание табл. 3.7

Год	Месяц	Число	
1955	Январь	25–31	Обсуждение вопросов сельского хозяйства и животноводства, критика Маленкова
	Март	3–8	Обсуждение вопросов сельского хозяйства, снятие Шаталина с поста секретаря ЦК
	Июль	4–12	Экономика, сельское хозяйство, Югославия, персональные изменения в составе Президиума и Секретариата ЦК, объявление о созыве XX съезда
1956	Февраль	13	Обсуждение отчетного доклада XX съезду
	Февраль	27	После окончания XX съезда

Примечание. Новые сведения о пленумах ЦК, проводившихся при жизни Сталина, содержатся в кн.: Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов и центров хранения документации. – М., 1998.

ощутимой и могла угрожать тому уникальному положению, которое установил для себя Сталин. Она способна была ограничить его свободу действий в политике и в принятии единоличных решений. В этом смысле августовский (1952 г.) пленум ЦК имел особое значение не только потому, что был созван 31 месяц спустя после проведения последнего по счету пленума, но и в связи с тем, что на нем была определена дата открытия XIX съезда партии[90].

После ухода Сталина с политической сцены в начале марта 1953 г. ситуация определенно изменилась. Теперь не было нужды ждать 1956 г. и начала десталинизации. После того как у Сталина произошел инсульт, но еще до его смерти, на чрезвычайном совместном заседании Центрального Комитета, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР, 95 % состава которых являлись одновременно полномочными членами ЦК партии, было сформировано новое руководство партии и государства[91]. Пленум продолжался всего 40 минут и утвердил уже готовый перечень персональных перестановок и административных изменений. Следующий пленум, состоявшийся 14 марта 1953 г., произвел дальнейшие важные персональные назначения, но не принял никаких политических решений[92]. На

---

[90] Аксенов С. Апогей сталинизма... С. 103; решение о созыве съезда было принято на Политбюро в декабре 1951 г. (Жуков Н. Борьба за власть... С. 38).

[91] Последняя «отставка» Сталина // Источник. 1994. № 1. С. 106–111. До сих пор существуют разногласия относительно точного времени смерти Сталина, но по официальным сообщениям она наступила вечером в среду, 5 марта, в 21:50, то есть двумя часами позднее открытия пленума ЦК. На пленуме Хрущев объявил о том, что Сталин еще жив, и сложно найти разумные объяснения тому, зачем ему нужна была ложь. Только 12 из 231 участников чрезвычайного заседания не были полномочными членами ЦК. Оно открылось в 20:00. Присутствие большей части полномочных членов ЦК (118 из 125) и кандидатов в члены ЦК (101 из 111) свидетельствует о том, что они были собраны руководством вскоре после того, как в ЦК стало известно о состоянии Сталина (ранним утром в понедельник), и определенно до публичного объявления о его критическом состоянии, сделанном во вторник. Из 125 членов ЦК, избранных в октябре предыдущего года, И. З. Мехлис умер, Сталин был болен, а Булганин как член Президиума ЦК дежурил у его постели. Следовательно, по неизвестным причинам на заседании отсутствовало всего четверо полномочных членов (Ф. С. Горячев, М. Б. Митин, С. И. Муратов и А. Я. Вышинский). Из числа кандидатов в члены ЦК не было Г. В. Алексеенко, С. З. Борисова, В. И. Чуйкова, А. А. Громыко, Б. З. Кобулова, А. С. Панюшкина, С. М. Штеменко, И. Н. Соловьева, С. К. Токи и Г. Н. Зарубина. Почти во всех случаях отсутствие полномочных членов и кандидатов в члены ЦК объяснялось сложностями с приездом в Москву. Большинство отсутствовавших находились в отдаленных регионах или за границей на дипломатической или военной службе.

[92] На мартовском пленуме Маленков оставил свой пост секретаря ЦК; был переизбран Секретариат ЦК в составе Хрущева и еще четырех человек, избран-

следующем пленуме ЦК, прошедшем в июле 1953 г. и посвященном преимущественно разоблачению Берии, все выступавшие члены Президиума и рядовые члены ЦК всячески подчеркивали значение «ленинско-сталинского Центрального Комитета». Открывавший пленум Маленков, ставший Председателем Совета министров, в своей вступительной речи отметил необходимость прежде всего «немедленно наладить регулярный созыв пленумов ЦК». Он также сказал, что «...в нашем Центральном Комитете представлены лучшие люди партии, обладающие бесценным опытом во всех областях строительства коммунизма». «Вы видите, товарищи, – заключил он свою речь, – что мы с полной откровенностью ставим перед Пленумом вопросы, касающиеся положения дел в высшем звене руководства партии»[93]. Хрущев также призывал к регулярному проведению пленумов ЦК в деловой обстановке, а Молотов возлагал на Берию вину в их нерегулярном проведении, но резче всех выступил именно Маленков[94], заявивший:

> Мы все сохранили в своей памяти такой случай. После съезда партии в 1952 г. товарищ Сталин пришел на пленум Центрального комитета в его нынешнем составе и безо всяких на то оснований политически дискредитировал товарищей Молотова и Микояна.
>
> Были ли мы все в ЦК с этим согласны? Нет. Но мы все промолчали. Почему? Потому что культ личности достиг своей крайней точки и полностью вышел из-под контроля. Хотим ли мы повторения нечто подобного в будущем? Ответ ясен – нет. (*Голос их зала:* Правильно! *Бурные аплодисменты).*

Протокол июльского (1953 г.) Пленума оставался секретным до 1991 г. Вместе с тем его резолюция была разослана партийным комитетам. В ней отмечалось, что игнорирование ленинских норм привело к «...принижению роли ЦК как органа коллективного руководства партией», и содержался призыв к «...строгому соблюдению требований Устава КПСС в отношении периодичности созыва съездов партии, пленумов ЦК, регулярной работы всех центральных и местных партийных

ных в него ранее, 16 октября 1952 г. или 6 марта 1953 г. В апреле С. П. Игнатьев был освобожден от обязанностей секретаря ЦК путем письменного голосования (см.: Состав руководящих органов Центрального комитета... С. 77).

[93] Дело Берии // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 147, 149; № 2. С. 195. Маленков в своем выступлении был менее тактичен, чем Хрущев. Когда он говорил о наличии в «..нашем Центральном комитете ...руководящего ядра», то своим высокомерием восстановил против себя партийных бонз, и это высокомерие было поставлено ему в вину четыре года спустя, когда он вместе с другими членами антипартийной группы был выведен из состава ЦК.

[94] Дело Берии // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 159, 166; № 2. С. 196.

органов»[95]. Центральный Комитет теперь стал источником легитимности, а его Пленумы – неким форумом, на котором различные фракции внутри руководства могли находить поддержку и пытаться мобилизовать элиту и партию в целом на достижение определенных целей.

Пленумы ЦК стали проходить с той регулярностью, которую предписывал Устав партии, принятый в 1952 г., но восстановление «ленинских норм партийной жизни» все чаще связывали с фигурой Хрущева, занимавшего ведущее положение среди секретарей ЦК, а не с Председателем Совета министров Маленковым. Более того, именно «законность» стала тем лозунгом, под которым происходило выдвижение нового лидера. Существенное значение имело также то, что большинство пленумов было сосредоточено на сельскохозяйственных вопросах, то есть на проблемах, за которые отвечал Хрущев (табл. 3.7). Особенно впечатляющей являлась кампания по освоению целинных и залежных земель[96]. После XX съезда 1956 г. роль пленумов ЦК возросла еще больше.

Вместе с тем независимо от того, как часто собирались пленумы ЦК в последние годы жизни Сталина, формально основные полномочия ЦК оставались неизменными во всех редакциях Устава партии, принимавшихся после 1917 г., согласно которым ЦК «...руководит всей работой партии... организует различные партийные органы и руководит их деятельностью... направляет работу центральных, советских и общественных органов через существующие в них партийные ячейки» (редакции устава, принятые в 1939 и 1952 гг.). Но поскольку Центральный Комитет собирался крайне редко, особенно, в 1941–1945 гг., эти огромные полномочия оставались еще большей абстракцией, нежели в другие времена. Если ЦК и руководил событиями, то лишь косвенно, преимущественно через Политбюро и Секретариат или через отдельных ответственных работников своего аппарата. Какая-либо коллективная роль ЦК вплоть до 1953 г. отсутствовала.

Среди самых важных, но чисто бумажных полномочий Центрального Комитета был контроль над членами элиты. Он включал, в частности, право выбора собственных руководящих органов – Политбюро (Президиума), Оргбюро (до 1939 г.) и Секретариата. ЦК имел также право большинством в две трети голосов исключить из своего состава любого полномочного члена или кандидата в члены ЦК[97]. С уче-

---

[95] Там же. С. 103.

[96] Подробнее этот вопрос рассмотрен в: Tompson W. J. Khrushchov. P. 134. См. также: Kramer M. Declassified Materials From CSPU Central Committee Plenums: Sources, Context, Highlights // Cold War International History Project Bulletin. 1998. № 10 (March). P. 7–25.

[97] Процедура, связанная с исключением неугодных членов ЦК, установленная в Уставе 1934 г., была более или менее полно воспроизведена в редакции Устава, принятой в 1939 г., то есть для исключения члена ЦК требо-

том сказанного, можно предположить, что любым персональным изменениям и перестановкам должны были предшествовать пленумы ЦК, и порой это правило соблюдалось. Так, например, на мартовском (1946 г.) пленуме было полностью переизбрано Оргбюро, а на февральском (1947 г.) пленуме Вознесенского, очевидно, ввели в состав Политбюро. Но нормой являлись скорее неформальные совещания: это предположение логически вытекает из того факта, что пленумы ЦК не проводились. На февральском (1941 г.) и мартовском (1946 г.) пленумах ЦК рассматривались вопросы выборов в Политбюро, но, очевидно, они свелись к утверждению тех изменений, которые произошли ранее. Фактически большинство «выборов» и перемещений в 1946–1949 гг. происходило посредством пресловутого письменного голосования, столь часто применявшегося во времена Большого террора 1937–1938 гг., или вообще без участия ЦК[98]. Маршал Жуков и нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин были выведены из состава ЦК (последнего отдали под суд) без проведения официального пленума[99]. Хотя номинально в январе 1949 г., то есть

валось большинство в две трети участников Пленума (но в редакции 1952 г. не было указано, что на Пленуме должны присутствовать члены Комитета партийного контроля). Правило двух третей повторялось и в Уставе 1952 г., где добавлялось, что исключенный полномочный член ЦК должен быть автоматически заменен кем-либо из числа кандидатов.

[98] Состав руководящих органов Центрального Комитета... С. 76. В марте 1946 г. в состав Оргбюро было избрано 15 человек, из которых 5 входили в состав Оргбюро, избранного в 1939 г., а остальные 10 оказались новичками. Выборы Вознесенского в состав Политбюро происходили посредством письменного голосования, хотя, возможно, на самом деле имело место заседание [ЦК в узком составе]. Особо подчеркивается, что выборы в Политбюро Булганина и Косыгина (в феврале и сентябре 1948 г. соответственно) также проводились письменным голосованием. Относительно выборов Вознесенского такие специальные указания отсутствуют. В 1941 г. пленум ЦК утвердил избрание кандидатами в члены Политбюро Вознесенского, Маленкова и Щербакова, а пленум 1946 г. утвердил Берию и Маленкова членами Политбюро, а Булганина и Косыгина – кандидатами в члены Политбюро. Письменное голосование в 1946–1949 гг. применялось в следующих случаях: назначение Патоличева секретарем ЦК и освобождения от обязанностей секретаря ЦК Маленкова в мае 1946 г.; вывод Патоличева из состава Оргбюро и снятие его с должности секретаря ЦК, избрание Суслова секретарем ЦК – в мае 1947; избрание Булганина членом Политбюро, Маленкова и Пономарева секретарями ЦК – в феврале 1948 г.; избрание членом Политбюро Косыгина – в сентябре 1948 г.; исключение из состава Политбюро Вознесенского, а Кузнецова и Родионова – из Оргбюро, избрание Б. Н. Черноусова членом Оргбюро – в марте 1949 г.; снятие Попова с должности секретаря ЦК, избрание Хрущева на эту должность – в декабре 1949 г.

[99] Дело Шахурина обсуждалось Политбюро в апреле 1946 г. (Аксенов С. Апогей сталинизма... С. 100; Жуков Н. Борьба за власть... С. 37).

в то время, когда Лозовский был выведен из состава ЦК, а Кузнецов снят с должности секретаря ЦК, проходил пленум ЦК, но, по всей вероятности, эти решения принимались посредством письменного голосования[100]. Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов и М. И. Родионов были выведены из Политбюро или Оргбюро письменным голосованием до их ареста и казни, в ходе так называемого ленинградского дела. Шесть месяцев спустя, в сентябре 1949 г., Вознесенский также письменным голосованием был исключен из состава ЦК. Это произошло за месяц до его ареста[101].

Первое послесталинское руководство уделяло значительное внимание соблюдению Устава партии и привлечению к обсуждениям кадровых вопросов более широких слоев элиты. Три пленума ЦК, состоявшиеся в марте и июле 1953 г., были в основном посвящены утверждению состоявшихся изменений в Президиуме и Секретариате, а в последующие два с половиной года большинство кадровых изменений на этом уровне происходили на пленумах ЦК. С. П. Игнатьев, в котором Берия видел личную угрозу, был выведен из ЦК посредством письменного голосования в апреле 1953 г., но это произошло еще до официального провозглашения возврата к ленинским нормам партийной жизни. Игнатьева восстановили в составе ЦК на июльском пленуме того же года[102]. Как уже говорилось выше, в 1953–1955 гг. еще несколько человек были исключены из состава ЦК. Троих (Берию с двумя своими приближенными, Гоглидзе и Кобуловым) вывели из ЦК в соответствии с Уставом партии на июльском (1953 г.) пленуме. Вскоре после этого три других сподвижника Берии, Арутюнов, Багиров и Меркулов, очевидно, были исключены из состава ЦК без формального утверждения на пленуме[103]. Между

---

[100] Исключение Лозовского из состава ЦК было принято письменным голосованием (О так называемом деле еврейского антифашистского комитета // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 37). Самый полный источник информации о внутрипартийной борьбе в этот период (Жуков Н. Борьба за власть... С. 33) не содержит указаний на то, что эти решения действительно принимались пленумом ЦК. Кузнецов был снят с должности секретаря ЦК в тот день (28 января 1949 г.), когда предположительно проходил пленум ЦК.

[101] О так называемом ленинградском деле. С. 130. Осталось неясным, были ли Кузнецов и Родионов формально исключены из состава ЦК.

[102] Игнатьев был сначала выведен из ЦК по решению Президиума от 24 апреля, а письменное голосование по его вопросу состоялось 27–28 апреля (см.: XX съезд КПСС и его исторические реальности: Сб. / под ред. В. В. Журавлева. – М., 1991. С. 16).

[103] Меркулова расстреляли вместе с Берией в декабре 1953 г. Председатели советов министров Армении и Азербайджана Арутюнов и Багиров выступали против Берии на июльском (1953 г.) пленуме, но оба почти сразу были разжалованы. По крайней мере Багирова, очевидно, исключили из ЦК на том

тем Шаталина и Жукова на июльском пленуме перевели из кандидатов в полномочные члены ЦК[104].

Ужасные события 1937–1938 гг. не следует рассматривать как некую Великую китайскую стену, разделившую историю советской элиты. Сталин не сумел (даже если и ставил перед собой такую задачу) посредством Большого террора создать вокруг себя однородную когорту не рассуждающих преданных исполнителей. Не смог он также в процессе экономического развития страны полностью заменить поколение красных директоров новым поколением красных специалистов. Второе поколение сталинской элиты отличалось от тех, кто пришел к власти в последние годы жизни вождя. Ему приходилось делить власть с выжившими представителями первого поколения советской элиты, а не только с ближайшим окружением Сталина. В 1952 г. расстановка сил сместилась по сравнению с 1939 г. в пользу нового поколения элиты, но представители первого поколения еще сохраняли свое влияние в Центральном Комитете. Ситуацию нарушило расширение численного состава ЦК, которое, в свою очередь, последовало за усложнением советской политико-экономической системы.

Представители первого и второго поколений поздней сталинской элиты чувствовали себя в намного большей безопасности. Оправданность Большого террора 1937–1938 гг., особенно что касалось истребления ранней сталинской элиты, все еще оставалась под сомнением. Он представлялся трагическим, но уникальным событием. Возможно, сыграла свою роль Вторая мировая война. Советская элита прошла испытание нацистским нашествием и последующим превращением СССР в сверхдержаву. Как известно, победителей не судят. Примечательным являлся также тот факт, что общее соотношение сил между представителями различных слоев элиты в ЦК оставалось практически неизменным начиная с 1930-х гг., невзирая на драматические персональные изменения его состава, произошедшие в начальный период.

Совершенно очевидно возникновение нового поколения элиты, так называемого класса 38-го года. Но представители этого второго поколения, выдвинувшиеся на руководящие посты после 1938 г. (328 человек), в послевоенный период, вплоть до начала 1980-х гг., не занимали доминирующего положения в советской элите. Наблюдалась заметная текучесть кадров, обусловленная как политическими, так

же июльском пленуме, хотя в официальном отчете об этом не сообщалось (Состав руководящих органов Центрального Комитета... С. 85).

[104] Удивительно, что Жукова в октябре 1952 г. включили в ЦК хотя бы в качестве кандидата. В то время он являлся всего-навсего командующим Уральским военным округом и был исключен из ЦК в 1946 г. Возможно, этот факт свидетельствует о том, что некоторые изменения начали происходить еще до смерти Сталина.

и чисто биологическими причинами. Термин «брежневское поколение» в данном случае может ввести в заблуждение. После выборов, состоявшихся в самом начале эры Брежнева на XXIII съезде партии в 1966 г., в составе ЦК (общей численностью 360 человек) осталось всего 63 представителя поздней сталинской элиты. Иными словами, $^5/_6$ членов ЦК при Брежневе не входили в его состав при жизни Сталина. Даже в самой верхушке ЦК – в Политбюро и Секретариате – только 9 человек из 24 представляли собой позднюю сталинскую элиту. Но если взглянуть на второе поколение элиты шире, то общая картина меняется. В 1966 г. усредненным годом рождения полномочных членов ЦК все еще оставался 1912-й, то есть год, находящийся посередине того периода, который принято считать диапазоном дат рождения второго поколения элиты. Эти люди обладали сопоставимым жизненным опытом. Возможно, они не успели выдвинуться на верхний уровень – стать полномочными членами ЦК партии – при жизни Сталина, но, учитывая несколько необычные способы выдвижения новой элиты в годы Большого террора, они являлись фактически современниками тех, кто сумел выйти на ведущие роли до них. Они представляли собой тот же самый круг представителей второго поколения людей, из которого черпалось пополнение в составе ЦК в 1950-е, 1960-е и даже 1970-е гг. Именно это делает данное поколение элиты, молодые кадры с их специфическими особенностями и жизненным опытом, наиболее интересным для историков, изучающих Советскую Россию.

Даже поздняя сталинская элита не состояла исключительно из представителей этого второго поколения, которое, в свою очередь, включало не только так называемых выдвиженцев (людей, получивших высшее техническое образование уже взрослыми во времена культурной революции). Поэтому применение к нему таких терминов, как «брежневское поколение» или «поколение выдвиженцев», может оказаться обманчивым. Растущие социальные и технологические сложности оказывали глубокое воздействие на элиту, ведущее к ее фрагментации на отдельные группы, мало взаимодействующие между собой.

Общей чертой второго поколения элиты, которое советологи обычно именуют классом 38-го года, а сталинисты – молодыми кадрами, совершенно очевидно была близость по возрасту, партийному стажу и жизненному опыту. В отличие от первого поколения, во втором была значительно больше представлена доля этнических русских крестьянского происхождения или рабочих – выходцев из села. Если оставить в стороне особенности карьеры отдельных представителей второго поколения элиты и выделить только их общие черты, то можно набросать типовой портрет человека, относящегося к этому поколению. Это мужчина, русский, родившийся в деревне в первом десятилетии XX в. В годы революции он был еще слишком

молод, чтобы в ней участвовать. Будучи продуктом своего времени, он в конце периода нэпа или в годы первой пятилетки изменил свой социальный и политический статус, став членом быстро растущего городского рабочего класса и вступив в ряды Коммунистической партии. Зачастую очень низкий уровень образования, полученный им в деревне в начале 1910–1920-х гг., был подправлен с помощью той или иной формы обучения во взрослом возрасте. С этого момента дальнейшие карьерные пути этих людей расходятся. Кто-то продолжает свое техническое образование, чтобы занять впоследствии административные посты в экономике. Иные занимают низшие руководящие должности в городском или сельском партийном аппарате, кто-то выбирает военную карьеру, начиная с низших командных должностей в Красной армии. Но, независимо от выбранной карьеры, все они очень быстро поднимаются вверх по служебной лестнице в конце 1930-х гг. Это только частично объясняется возникновением значительного числа вакансий в результате Большого террора. Более важный фактор – огромный рост количества административных должностей в развивающейся индустриальной экономике, центральном и местном партийных аппаратах и армии. Вполне вероятно, что эти люди воспользовались плодами Большого террора, но в значительно большей степени они выиграли от обретения зрелости Советской системой и от социальной революции, проведенной Сталиным. Они, безусловно, были продуктами специфической идеологической обработки в духе положений сталинского «Краткого курса истории партии», но их также закаляла Великая Отечественная война. Оба эти фактора придали непоколебимую убежденность в своей правоте как им самим, так системе в целом и, вероятно, самому Сталину.

Поздняя сталинская элита, сформировавшаяся в результате кадровой революции, вытолкнувшей наверх ее второе поколение, и под влиянием пройденных общих невзгод и лишений, представляла собой однородную, сплоченную группу. Некоторые обозреватели полагают, что она к этому времени полностью раскрыла свой потенциал правящего класса. Повествуя о несправедливых притеснениях, испытанных им со стороны Хрущева, Патоличев писал: «...если в лесу подрубить корни одного дерева, оно засохнет, но лес будет продолжать жить и расти»[105]. Последующие годы явились временем, когда система все больше развивалась и действовала в интересах этого элитного «леса».

---

[105] Патоличев, «Совестью...», стр. 233. Можно указать два важных исследования Советской системы, в которых описан весь процесс формирования правящей бюрократии в 1950-х гг. Это работы Moche Lewin, Russia/USSR/Russia: The Drive and Drift of a Superstate (New York: New Press,1994) и Milovan Djilas. The New Class (New York, Praeger, 1957)

Очень важен консенсус, достигнутый историками, политологами и социологами, изучавшими класс 38-го года, по вопросу о том, что именно представляло собой второе поколение советской элиты. Вместе с тем существуют заметные различия в оценках его исторической роли (была ли она положительной или отрицательной?). Частично эти разногласия объясняются длительностью пребывания второго поколения элиты у рычагов власти. Одни и те же ее представители могут оцениваться совершенно по-разному в начале и конце карьеры: выступавшие модернизаторами в 1940-х гг., они становились бесполезным балластом в 1970-х. Биологические законы становились похоронным звоном для стареющей элиты, но менялись и задачи, с которыми сталкивалась Советская система. Вместе с тем в течение нескольких десятилетий одно поколение, так называемый класс 38-го года, или сталинские молодые кадры, составлял большинство советской элиты на уровне ЦК. Без ее должного изучения невозможно полностью понять и объяснить все успехи и поражения СССР.

4. СТАЛИНСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ЛЕНИНСКИЙ КУРС, 1956–1966 гг.

Все это, конечно, правда, Георгий Максимилианович, но аппарат – наша опора.

(Н. С. Хрущев, 1953 г.)

Съезд поручил Центральному Комитету последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной, и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанные великим Лениным.

(Из резолюции ЦК «О преодолении культа личности и его последствий», 30 июня 1956 г.)

Товарищи, мы, члены Президиума ЦК, мы слуги Пленума и Пленум – наш хозяин *(Аплодисменты)*.

(Н. С. Хрущев, 22 июня 1957 г.)

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. представляет собой достаточно запутанный и противоречивый период Советской истории, причем как для западных, так и для российских исследователей. Это было время правления Никиты Хрущева, который стал Первым секретарем ЦК КПСС в сентябре 1953 г. и Председателем Совета министров СССР в марте 1958 г. Хрущев отвоевал себе место в Политбюро, руководимом Сталиным, в конце 1930-х гг., но это не помешало ему возглавить компанию десталинизации и реформирования страны в 1950-е –1960-е гг. Поначалу многие считали Хрущева временным, проходным лидером, который, действуя всю свою жизнь в рамках установившихся традиций, не мог знать, как от них избавиться. В соответствии с этими представлениями у Хрущева, начиная с 1957 г., не было сильных внутренних соперников, и все изгибы и противоречия советской политики конца 1950-х – начала 1960-х гг. отражали его собственные ограниченность и личные недостатки. Его поражение и отстранение от вла-

сти в 1964 г., в свою очередь, были следствием того пренебрежения политическими навыками, которое поначалу приносило ему успех[1]. Позднее его стали оценивать более высоко, признавая оригинальным лидером, намеревавшимся фундаментально реформировать Советскую систему. Он попытался обеспечить непрерывное обновление правящей партии посредством внесения соответствующих поправок в ее устав. Партия стала более открытой[2], особое внимание уделялось участию народа в управлении страной. Численность КПСС при Хрущеве почти удвоилась, были расширены права Советов, а целый ряд общественных функций был передан гражданам. Все это задумывалось Хрущевым в качестве стратегии, которая позволит обществу к 2000 г. вступить в эру коммунизма. После 1985 г. и особенно после 1991 г. такие оценки позволили рассматривать Хрущева как своего рода предвестника *перестройки*[3]. При этом его непоследовательность объяснялась не личной ограниченностью, а стремлением переиграть с помощью искусного маневрирования консервативных противников из числа высших руководителей страны в составе Президиума (бывшего Политбюро) ЦК, а поражение – силой оппонентов.

Среди историков существует и иная точка зрения, принимающая в расчет развитие правящей элиты того времени. На съездах партии 1956 и 1961 г. в качестве полномочных членов и кандидатов в члены ЦК КПСС было избрано в общей сложности 458 человек. Анализ состава этой правящей элиты позволяет прояснить представления самого Хрущева относительно того, какой должна быть партийная элита, наряду с ограничением его личной власти. Частично благодаря тому вниманию, которое уделялось восстановлению ленинских норм партийной жизни, а частично – в связи с борьбой за власть внутри Президиума ЦК, в тот период заметно усилилась законодательная, или конституционная, роль расширенного состава партийной элиты, а именно – Центрального Комитета партии. В результате элита, собиравшаяся на Пленумы ЦК, приобрела больше власти, чем за все другие периоды своего существования с 1920-х гг. и по 1991 г. включительно. Мы уже имели возможность наблюдать проявления усилившегося влияния элиты при свержении Берии в 1953 г. Еще драматичнее была роль элиты ЦК в июне 1957 г., когда она взяла верх над коалицией влиятельных противников Хрущева в Президиуме из числа высших руководителей страны,

---

[1] Fainsod M. Khrushchevism in Retrospect // Problems of Communism. 1965. № 14:1 (Jan.-Feb). P. 1–10; Khrushchev and Khrushchevism / ed. M. McCauly. – Basingstoke, 1987. P. 26–27, 42.

[2] Появление исчерпывающих биографических сведений о советских руководителях стало одним из результатов открытости партии во времена Хрущева.

[3] См., напр.: Бурлацкий Ф. Хрущев: Штрихи к политическому портрету // Литературная газета. 1988. 14 февр. С. 14.

угрожавших ему смещением с занимаемого поста. Результатом стал разгром в 1957 г. так называемой антипартийной группы сталинистов, среди которых наиболее заметными фигурами являются Маленков, Молотов и Каганович. Наконец, октябрьский (1964 г.) пленум Центрального Комитета, изгнавший Хрущева, можно рассматривать как решительную победу партийной элиты, интересы которой возобладали над лидером-реформатором. Вместе с тем возникает один важный вопрос: почему элита ЦК поддержала Хрущева против большинства в Президиуме в 1957 г., но отвергла его в октябре 1964 г.?

Элита хрущевской эпохи

Персональное обновление состава элиты было главной особенностью хрущевской эпохи. Известная ст. 25 новой редакции Устава партии, принятой в 1961 г., гласила: «При выборах партийных органов должен соблюдаться принцип систематического обновления их состава и ограничения длительности пребывания руководителей у власти». В ней также содержалась специальная оговорка относительно выборов Центрального Комитета, согласно которой «...при всех очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС обновляется не менее чем на четверть». Как видно из табл. 4.1, исполнение требования устава об обновлении состава ЦК не менее, чем на 25 %, не представляло особых трудностей, если учесть, что из 236 его членов, избранных в 1952 г., 44 % (или 104 человека) не были переизбраны в 1956 г. Из 255 членов ЦК, избранных в 1956 г., 50 % (128 человек) не были переизбраны в 1961 г. (В 1966 г. доля переизбранных полномочных членов ЦК понизилась до 27 %, но все еще оставалась в пределах, установленных уставом.)

Менее болезненным способом обновления состава ЦК по сравнению с непереизбранием отдельных членов служило расширение его численного состава. Важной особенностью эры правления Хрущева было постоянное увеличение численности Центрального Комитета партии. Номинальная численность ЦК оставалась практически неизменной в период между XII и XVIII съездами партии, то есть фактически с 1917 по 1952 г. Все это время ЦК состоял из 71 полномочного члена и 50–68 кандидатов. Но еще при жизни Сталина, в 1952 г., его численность была увеличена почти на 70 %. Как показано в табл. 4.1, Хрущев лишь сохранил набранные при Сталине темпы расширения состава ЦК и провел в 1961 г. еще одно увеличение его численности, в результате которого общее количество полномочных членов и кандидатов в члены ЦК в два с половиной раза превысило показатели почти всей сталинской эры. Всего в ЦК стало 330 полномочных членов и кандидатов против прежних 139. В 1956–1961 гг. абсолютное пополнение ЦК новыми полномочными членами и кандидатами выросло на 80 % (в 1961 г. было избрано 203 новых члена и кандидатов в члены ЦК, то есть обновление составило 63 %, а 1956 г. появилось всего 113 новичков, или обнов-

ление произошло на 44 %). Если взглянуть на приведенные данные с иной стороны, то примерно половину (82 из 175) полномочных членов ЦК, сместивших Хрущева в 1964 г., составляли его ставленники.

Таблица 4.1

Изменение состава ЦК, 1952–1966 гг.

	Съезд и дата его проведения			
	XIX, октябрь 1952 г.	XX, февраль 1956 г.	XXII, октябрь 1961 г.	XXIII, март–апрель 1966 г.
Полномочные члены ЦК	125	133	175	195
Кандидаты в члены ЦК	111	122	155	165
Всего	236	255	330	360
Избранные на предыдущем съезде и переизбранные вновь	65	142	127	240
Новые члены ЦК	171	113	203	120
Переизбранные на следующем съезде	142	127	240	262
Не переизбранные на следующем съезде	104	128	90	98
Изменение состава ЦК (%)	53	44	60	27

Примечание. Обновление состава ЦК для данного съезда рассчитывалось как доля от общего числа полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, который составили лица, не переизбранные в его состав на новом съезде. XXI внеочередной съезд партии в 1959 г. не включен в таблицу, поскольку на нем выборы ЦК не проводились.

В отличие от того, что происходило при Сталине после 1936 г. или при Горбачеве в конце 1980-х гг., состав Центрального Комитета мало менялся в промежутках между съездами. Хотя Хрущев реорганизовал Президиум ЦК сразу после июня 1957 г., он тем не менее в течение четырех лет, вплоть до XXII съезда партии, не предпринимал серьезных изменений в составе ЦК. В частности, он не провел никаких персональных перестановок в ЦК во время внеочередного XXI съезда, прошедшего в январе–феврале 1959 г. Даже в те времена, когда страной руководили Брежнев и Косыгин, они решительнее пользовались полномочиями Пленума, собранного в ноябре 1964 г., чтобы перевести девять кандидатов в полномочные члены ЦК, а также вывести из его

состава зятя Хрущева А. И. Аджубея. Некоторые изменения в составе ЦК, произошедшие сразу после смерти Сталина, были описаны в главе 3. Позднее члены так называемой антипартийной группы (Каганович, Маленков, Молотов и Шепилов) были выведены из состава ЦК на июньском (1957 г.) Пленуме, а на октябрьском Пленуме того же года из ЦК исключили маршала Жукова. Примечательно, что после июньского Пленума 1957 г. последовало столь малое число отставок.

После 1957 г. в составе ЦК произошло незначительное количество изменений, связанных преимущественно со скандалами. Так, в конце 1958 г. был исключен из членов ЦК первый секретарь ЦК компартии Туркмении С. Бабаев. Устав партии в редакции 1961 г. устанавливал обновленные правила исключения полномочного члена из состава ЦК в случаях, если он «не оправдал высокого доверия партии» и «уронил честь и достоинство». В нем была прописана процедура исключения члена ЦК Пленумом[4]. Вместе с тем насчитывается немного случаев, когда эта процедура применялась на практике. Так, июньский (1963 г.) Пленум вывел из состава ЦК Председателя Совета Министров Казахской ССР С. Д. Дауленова «за недостойное поведение» и маршала Варенцова, скомпрометированного шпионским скандалом с Пеньковским. Одновременно в состав ЦК ввели (сразу в качестве полномочных членов) В. И. Полякова и А. П. Рудакова, назначенных Хрущевым секретарями ЦК.

Таблица 4.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1952–1966 гг.

	1952 г.		1956 г.		1961 г.		1966 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Центральные партийные органы	19	8	15	6	26	8	27	7
Центральные государственные органы	57	24	65	25	55	17	77	21
Республиканские партийные органы	18	8	19	7	30	9	31	9
Республиканские государственные органы	17	7	22	9	33	11	38	11

[4] Меры, предпринимаемые в соответствии с Уставом 1939 г. против членов ЦК, нарушающих партийную и государственную дисциплину, занимающихся двурушничеством или фракционными действиями, проявляющих терпимость в их отношении, мало чем отличались от тех, что были установлены в редакциях Устава, принимавшихся в 1952, 1956 и 1961 г. Однако Устав 1961 г. предписывал принимать решения по этим вопросам тайным голосованием. В Уставе 1939 г. было записано, что крупные изменения в составе ЦК должны проводиться на всесоюзных партийных конференциях, которые, как предполагалось, должны были происходить ежегодно. Ничего подобного не предусматривал Устав партии в редакциях 1952–1956 гг.

Окончание табл. 4.2

	1952 г.		1956 г.		1961 г.		1966 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Региональные партийные органы	59	25	83	33	95	28	05	26
Региональные государственные органы	2	1	4	2	12	4	6	2
Вооруженные силы	26	11	18	7	31	9	32	9
Органы госбезопасности и внутренних дел	9	4	2	1	1	0	1	0
Дипломатические службы	6	2	13	5	16	4	16	4
СМИ / наука / культура	11	5	9	3	18	5	15	4
Руководители отраслей производства	1	0	5	2	16	5	22	6
Не известно / трудно определить	11	5	0	0	0	0	0	0
Всего	236	100	255	100	330	100	360	100

Примечание. Должности, занимаемые отдельными лицами во время проведения съездов партии, достоверно известны применительно к XXII и XXIII съезду, поскольку в опубликованных стенографических отчетах об этих съездах указаны должности, занимаемые делегатами в момент их проведения, хотя в 1961 г. более десяти избранных полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, в основном послы, не являлись делегатами съезда. Сложнее дело обстоит с делегатами XX съезда, так как в стенограмме указано только, какую партийную организацию представлял тот или иной делегат. Но труднее всего определить должностное представительство членов ЦК, избранных на XIX съезде. Его полный стенографический отчет никогда не публиковался (а материалы, хранящиеся в РЦХИДСИ, для авторов недоступны). Кроме того, некоторые члены ЦК сменили место работы в течение 1952 г., и зачастую неясно, произошло это до или после проведения съезда в октябре 1952 г. В число представителей центральных государственных органов не включены министры обороны и иностранных дел, но в этой категории учтены руководители профсоюзов. В категорию «республиканские партийные органы» включены только ЦК компартий союзных республик, а в категорию «региональные партийные органы» – партийные комитеты областей, краев, автономных республик и автономных областей, а также Москвы и Ленинграда. «Дипломатические службы» представлены руководителями МИДа и послами.

Что можно сказать о людях, занимавших в 1950–1960-х гг. должности, ранг которых давал им право входить в состав ЦК партии (458 человек)? Формирование ЦК при Хрущеве, так же как и при его предшественниках, происходило согласно системе должностных вакансий. Как явственно следует из табл. 4.2, несмотря на все обновления персонального состава ЦК, общая расстановка сил в нем при

Хрущеве изменилась незначительно. Представительство различных институтов власти в 1956 и даже в 1961 г. мало отличалось от того, что было в 1952 г. Доля представителей центральных органов государственной власти (министров и др.) в 1952 и 1956 г. была практически одинаковой (24–25 %), но сократилась до 17 % в 1961 г. Это объясняется проведенными Хрущевым административными реформами, нацеленными на децентрализацию управления экономикой, в связи с чем было ликвидировано в 1957 г. большинство союзных министерств. В 1961 г. произошло существенное расширение представительства в ЦК союзных республик. При этом число представителей партийных органов этого уровня выросло с 19 до 30 человек, а органов республиканской власти – с 22 до 33 человек. В 1961 г. каждая союзная республика была представлена в ЦК первым секретарем ЦК республиканской компартии и председателем республиканского Совета Министров в качестве полномочных членов. Кроме того, в зависимости от размеров республики, она могла иметь дополнительных представителей в ЦК. Например, от Украины в состав ЦК входило не менее пяти секретарей республиканского ЦК. Все союзные республики за исключением Узбекистана отправляли в ЦК председателей республиканских советов министров, а от семи республик в состав ЦК дополнительно входили также председатели президиумов республиканских верховных советов. Для представителей государственной власти некоторых, самых крупных республик, включая РСФСР, были выделены дополнительные места в составе ЦК. В 1956 г. в ЦК было представлено на 10–15 областей, краев и автономных республик больше, чем прежде[5]. Доля первых секретарей региональных партийных комитетов, преимущественно обкомов, в составе ЦК сократилась на 5 % (что удивительно, если учесть, что именно их чаще всего считали главной опорой Хрущева). При этом абсолютное число регионов, представленных в ЦК, слегка увеличилось за счет добавления среднеазиатских республик и Украины, а также ряда небольших областей РСФСР. Значительно выросло представительство нерусских республик и областей внутри них, что прекратило взятый при Сталине курс на русификацию Центрального Комитета. Доля этнических русских среди членов ЦК упала с 73 % от числа тех, чья национальность была точно известна в составах ЦК 1939–1941 и 1952 гг., до 64 % (256 человек из 400 /[458]) в составах ЦК, избранных в 1956 и 1961 г.

Наконец, в годы правления Хрущева большее признание на уровне ЦК получил дипломатический корпус. Общая тенденция заклю-

[5] Невозможно точно определить, насколько в 1956 г. выросло региональное представительство, поскольку точно не известно, какие регионы были представлены в ЦК в 1952 г.

чалась в росте представительства послов СССР в странах социалистического лагеря и основных дружественных странах Третьего мира. В 1952 г. в ЦК входили только послы СССР в таких странах, как США, Великобритания и Китай. В 1956 г. к ним прибавились советские послы в Чехословакии, Индии, Японии, Польше, Румынии и Югославии. В 1961 г. из ЦК были выведены послы в Великобритании и Японии, но включены послы в Болгарии, Индонезии, Иране и Северной Корее. В 1966 г. были исключены из состава ЦК послы в Индонезии, Иране и Северной Корее, но добавлены послы в Алжире, Франции, ГДР, Венгрии и Монголии.

Еще одним изменением стало появление в ЦК, хотя и в умеренном количестве, тех, кого можно назвать чисто символическими или декоративными представителями производственных секторов экономики из числа рядовых рабочих и руководителей низшего звена. В 1956 г. среди кандидатов в члены ЦК насчитывалось два директора заводов, один председатель колхоза, один шахтер и один токарь. Увеличение представительства таких символических членов ЦК с пяти до 16 человек в 1961 г., возможно, отражало стремление к качественным переменам и являлось симптоматичным для популистского стиля руководства в годы правления Хрущева. Помимо пяти руководителей предприятий и одного начальника цеха, в состав ЦК теперь были включены пятеро квалифицированных рабочих, три директора совхозов и двое рядовых колхозников.

Вместе с тем не следует переоценивать глубину изменений представительства в ЦК различных категорий руководителей. Общая схема ЦК оставалась прежней с колебаниями представительства различных бюрократических и прочих структур в пределах 5–10 % по сравнению с 1952–1956 гг. Эти изменения были не столь масштабными по сравнению с теми, что попытается провести Горбачев в 1990 г. или которые произошли в 1920-е гг., когда сама система должностных вакансий обретала зрелость. ЦК, избранный в 1966 г., после завершения эры правления Хрущева, продемонстрировал сохранение сложившихся традиций. Хрущев сберег систему должностных вакансий, доставшуюся ему в наследство от Сталина, а его последователи, отказавшиеся от многих, не устраивавших их аспектов хрущевской эры, сохранили эту систему в неприкосновенности.

Еще одной составляющей преемственности власти являлось сохранение в ней людей одного поколения. Критически важным для понимания 1950–1960-х гг. является факт доминирования в составах ЦК, избранных в 1956 и 1961 г. (так же, как в его составах 1952 и 1966 г.), представителей второго поколения элиты, или класса 38-го года, то есть людей, родившихся в период 1901–1920 гг. (табл. 4.3). Их доля в составе ЦК выросла с 70 % (166 человек из 236) в 1952 г. до 83% (299 из 360) в 1966 г. Подъем представительства во власти

второго поколения элиты уже рассматривался в главах 2 и 3. В 1950–1960-х гг. главенство этого поколения элиты окончательно оформилось. Средний год рождения полномочных членов ЦК, например, изменился с 1904 г. в составе ЦК, избранном в 1952 г. (это означало, что средний возраст членов ЦК в момент их избрания составлял 48 лет), на 1907 г. для ЦК, избранного в 1961 г. (то есть средний возраст его членов в момент избрания равнялся 54 годам). В 1952 г. представители первого поколения элиты еще составляли примерно четверть (26 %) состава ЦК, но к 1961 г. их в нем осталось всего 8 %. Представители третьего поколения элиты, родившиеся уже при Советской власти, составляли лишь малую часть общей численности ЦК, около 5 %, причем члены ЦК, родившиеся позднее 1920 г., относились преимущественно к символической его части, а не к реально правящим фигурам. Относительная весомость второго поколения элиты становится еще очевиднее, если взглянуть на сведения о партийной карьере членов ЦК. Медианным годом вступления в партию тех, кто был избран в состав ЦК в 1956 и 1961 г., является 1932 г. Интересно отметить, что наибольшее число членов ЦК (107 из 458) вступило в Коммунистическую партию в 1939–1940 гг.[6]

---

[6] Поколенческая стабильность элиты того времени наиболее отчетливо проявилась среди делегатов съездов партии. Сейчас стали доступны агрегированные по годам проведения съездов данные за 1956 и 1966 г. Разбивка делегатов по возрастным группам в этих данных слегка отличается от принятой авторами. Приблизительно ко второму поколению элиты (1901–1920 годов рождения по принятой авторами классификации) относятся группы делегатов съездов, которым в 1956 г. было менее 50 лет (фактически от 31 года до 50), а в 1966 г. – от 41 года до 60 лет. Соответственно, эти группы делегатов родились в период с 1906 по 1925 г. Их доля сократилась с примерно 76 % в 1956 г. до 56 % в 1966 г. В то же время, 76 % представителей второго поколения среди делегатов съезда 1956 г. означают, что из 1355 делегатов с правом голоса к этому поколению относились 1030 человек. В 1966 г. 56 % представителей второго поколения означало наличие среди 4943 делегатов с правом решающего и совещательного голоса 2768 человек этого поколения. Таким образом, абсолютное число делегатов, представлявших второе поколение, в 1966 г. даже увеличилось, несмотря на снижение доли их представительства.

Годы вступления делегатов съездов в партию обнаруживают аналогичную тенденцию. Доля делегатов, вступивших в партию в 1930-е гг. (то есть с 1931 по 1940 г.), составляла в 1956 и 1959 г. одни и те же 34 %, сократившись в 1961 и 1966 г. до 22 и 15 % соответственно. Но это падение, как и в случае возрастных изменений состава делегатов, частично объясняется утроением их общего числа. См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 г.: Стенографический отчет. В. 2 т. – М., 1956; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза,

Основные характеристики второго поколения элиты были подробно рассмотрены в главе 3. Человеку, родившемуся в 1908 г., (то есть в год, совпадающий с усредненным годом рождения членов Центрального Комитета, избранных в него в 1956 и 1961 г.), исполнилось 9 лет в 1917 г., 21 год в 1929 г., 29 лет в 1937 г. и 45 лет в 1953 г. Бóльшая часть представителей второго поколения элиты была родом из деревни, ее члены, как правило, переехали в города в подростковом или юношеском возрасте. Многие из них вознеслись на высокие посты в ходе Большого террора. Они как однородная группа занимали ответственные посты в годы Второй мировой войны. Образовательный уровень элиты Центрального Комитета был смешанным. Есть основания полагать, что уровень образования советской элиты в целом к началу 1950-х гг. значительно поднялся. Недавнее исследование послесталинского периода, проведенное в России, выявило возникновение в те годы тенденции к проникновению технократии в партийный аппарат. Если в 1952 г. только 68 % секретарей региональных и республиканских партийных комитетов имели высшее образование, то к 1956 г. их доля выросла до 86 %. Джерри Хью, сравнивая 1957 и 1962 г., придает особое значение тому факту, что к концу 1950-х гг. стало больше региональных первых секретарей с высшим техническим образованием[7]. При этом, возможно, прав Моше Левин, считающий, что реальная культурная революция произошла после 1945 г., то есть слишком поздно, чтобы трансформировать второе поколение руководителей, так и остававшееся псевдоинтеллигенцией. Все они получили высшее профессиональное или университетское образование при Советской власти, как правило, во взрослом возрасте и в бурные 1925–1935 гг.[8] Представляется, что на самом деле общее повышение образовательного уровня элиты происходило постепенно, и в результате во втором ее поколении становилось все больше людей с высшим образованием, которых еще нельзя считать действительно хорошо образованными.

---

27 января–5 февраля 1959 г.: Стенографический отчет. В. 2 т. – М., 1959; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 г.: Стенографический отчет. В. 3 т. – М., 1962; XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – 8 апреля 1966 г.: Стенографический отчет. В 2 т. – М. 1969.

[7] XX съезд КПСС и его исторические реальности: Сб. / под ред. В. В. Журавлева. – М., 1991. С. 22; Hough J. F. The Soviet Prefects. – Cambridge, 1969. P. 62; Н. А. Барсуков, автор соответствующего раздела сборника «XX съезд КПСС и его исторические реальности», отметил рост числа людей с высшим образованием среди городского населения с 40 до 57 % и с 13 до 18 % – в сельской местности.

[8] Lewin M. The Making of the Soviet System. – London, 1985. P. 41, 246.

Таблица 4.3

Распределение членов ЦК, избранных в 1952–1966 гг., по поколениям

	Годы избрания ЦК			
	1952	1956	1961	1966
Первое поколение (чел.)	62	44	28	23
Второе поколение (чел.)	166	201	285	299
Третье поколение (чел.)	1	2	17	38
Поколенческая принадлежность не известна (чел.)	7	8	0	0
Всего	236	255	330	360

Примечание. К первому поколению относятся люди, родившиеся ранее 1900 г., ко второму – родившиеся в 1901–1920-й г., к третьему – родившиеся в 1921–1940-й г.

Анализ образовательного уровня делегатов партийных съездов указывает на то, что он следовал примерно тем же тенденциям, что и образовательной уровень элиты высшего звена. Доля людей с высшим образованием среди них стабилизировалась. В 1956 и 1959 г. люди с законченным высшим образованием среди них составляли 56 %, что соответствовало абсолютным числам делегатов, имеющим право голоса, с таким уровнем образования (1355 и 1269 человек, соответственно). Фактически образовательный уровень делегатов даже понизился по сравнению с 60 % (среди делегатов XIX съезда 1952 г.). Среди делегатов с законченным высшим образованием инженеры в 1959 г. составляли около трети, или 23 %, от общего числа делегатов с правом голоса. В 1961 г. доля лиц с высшим образованием среди делегатов составляла 52 %, хотя число делегатов с правом голоса выросло в три с половиной раза, а в 1966 г. снова поднялась до прежних 55 %. В 1961 г. 17 % делегатов были записаны, как имеющие «партийно-политическое образование»[9].

В составе Центрального Комитета имела место значительная текучесть кадров, но все замены, как правило, происходили внутри одного поколения. Достаточно сложно оценить, насколько высок был уровень протекционизма при этих персональных заменах. Например, Центральный Комитет поддержал Хрущева в его борьбе против большинства Президиума в июне 1957 г. Означало ли это, что первый секретарь смог за время, прошедшее с 1953 г., наводнить ЦК своими сторонниками, а затем провести их в новый состав Централь-

[9] Правда. 1952. 9 окт. С. 6. Стенографический отчет о XX съезде... С. 258; Стенографический отчет о XXI съезде... С. 427; Стенографический отчет о XXII съезде... С. 284.

ного Комитета на XX съезде партии в 1956 г.? «Хрущев был не дурак, – утверждал Молотов. – Он сумел сколотить свой собственный ЦК». То же самое предполагает Т. Х. Ригби, отмечая, что «...примерно треть полноправных членов ЦК [46 из 133, избранных в 1956 г.] составляли люди, преданные Хрущеву, в то время как еще почти треть [41 человек] были склонны скорее поддерживать его, нежели его противников»[10]. При этом Ф. Бурлацкий, работавший некоторое время спичрайтером Хрущева, утверждает, что тот, образно говоря, «...привык ходить в стоптанных тапочках. Иными словами, Хрущев предпочитал работать с тем аппаратом, который доставался ему от предшественников, редко менял людей в своем окружении». Похожие характеристики дают Хрущеву Роберт Конквест и Майкл Тату[11]. Не менее двух третей секретарей обкомов в Российской Федерации были смещены со своих постов в течение осени и зимы 1953–1954 гг., но обновление кадров партийных работников республиканского и регионального уровня не превысило 40 %, а текучесть кадров среди министров была еще ниже, около 30 %[12]. Вероятно, в наибольшей степени покровительству Хрущева обязаны своим избранием в 1956 г. 113 новых членов ЦК, среди которых 48 % составляли секретари ЦК

[10] Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. С. 332; Rigby T. H. Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee // Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. – Aldershot, 1990. P. 156. Статья Ригби впервые появилась в 1959 г. У. Дж. Томпсон также придает большое значение хрущевским назначениям как средству создания им своей политической базы. Об это см.: Tompson W. J. Khrushchev: A Political Life. – Basingstoke, 1995. P. 153.

[11] Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. – М., 1990; Conquest R. Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dinastics. – London, 1961. P. 284; Tatu M. Power in the Kremlin: From Khrushchev's Decline to Collective Leadership. – London, 1969. P. 22. См. также: Rigby T. H. Khrushchev and the Rules of the Game // Khrushchev and the Communist World / ed. R. F. Miller and F. Feher. –London, 1984. P. 39–81.

[12] Что касается промышленных министерств, то не подлежит сомнению, что Маленков имел особое влияние на назначения их руководителей. Можно было ожидать, что именно среди них должны произойти массовые отставки, по крайней мере с начала 1955 г., учитывая падение политического влияния Маленкова. Но этого не случилось, возможно, вследствие того, что на таких постах нужны были специалисты. К тому же налицо поддержка, которую оказывал Хрущев развитию тяжелой промышленности. Сильнее всего обновление кадров затронуло такие группы, как госбезопасность и МВД, где было заменено 67 % руководителей, многие из которых сотрудничали с Берией, и армию, в которой было уволено 46 % командиров, в основном в результате их противоречий с маршалом Жуковым.

республиканских компартий и обкомов партии и лишь 18 % – руководители центральных органов власти.

Вполне вероятно, гораздо важнее, чем личная преданность, был тот факт, что Хрущев располагал такой же общей поддержкой со стороны элиты, какой пользовалась генеральная линия Сталина в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Многие политические ходы Хрущева были нацелены на сохранение этой широкой поддержки со стороны элиты, и институционализация Центрального Комитета, о которой пойдет речь в заключительной части данной главы, была одной из составляющих его политики.

Старое и новое

Карьеры людей, избиравшихся в Центральный Комитет в 1950-е и в начале 1960-х гг., высвечивают некоторые характеристики элиты тех лет и указывают на сохранение преемственности в подборе кадров. Андреев, Патоличев и Байбаков, о которых рассказано в предыдущих главах, были переизбраны в состав Центрального Комитета в 1956 г., знаменуя собой его преемственность по отношению к предыдущим периодам. Теперь обратимся к трем новым членам ЦК – Николаю Журину, Владимиру Новикову и Николаю Егорычеву[13].

Хотя Андрею Андрееву в 1956 г. исполнилось всего 60 лет, то есть он был на год моложе Хрущева, занимаемые им должности носили сугубо церемониальный характер. Некоторые соратники Сталина активно оппонировали Хрущеву и были изгнаны из Центрального Комитета в 1957 г. Хотя Андреев не принадлежал к числу противников нового Первого секретаря, его, вместе с Булганиным и Ворошиловым, не переизбрали в ЦК в 1961 г. В отличие от них такие ярые ста-

---

[13] Последующее изложение основано на интервью, взятых в 1991–1992 гг. в рамках SEP, и недавно опубликованных источниках. Патоличев и Байбаков, как уже говорилось в главе 3, оставили мемуары, опубликованные в эпоху гласности (или немного позднее). Новиков и Егорычев во времена гласности также печатали свои воспоминания. См., напр.: Новиков В. Н. В годы руководства Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 105–117; № 2. С. 103–117; «Направлен послом...» // Огонек. 1989. № 6. С. 6–7, 28–30 (интервью Леонида Плешакова с Н. Г. Егорычевым); После XX съезда. Интервью с Н. Г. Егорычевым // Вопросы истории КПСС. 1991 (Май). С. 93–106; Барсуков Н. А. Хрущевские времена. Непринужденные беседы с политическими деятелями «великого десятилетия» (интервью с Н. Г. Егорычевым) // Неизвестная Россия: XX век / под ред. В. А. Козлова и др. – М., 1992. Кн. 1. С. 290–304. Прочая информация почерпнута из обычных биографических справочников, но непредвзятые сведения о Егорычеве см. также в: Московская городская партийная организация. 1917–1988. Цифры, документы, материалы. – М., 1989. С. 153–154.

линисты, как Микоян и Шверник, были тогда переизбраны, и даже Ворошилов позднее, уже при Брежневе, в 1966 г. возвратился в состав ЦК. В октябре 1957 г. Андреев был назначен председателем Общества советско-китайской дружбы, что возможно являлось провокацией против Мао Цзэдуна со стороны Хрущева. Андреев возглавлял общество весь период напряженных отношений с Китаем в 1960-х гг., несмотря на поразивший его в 1965 г. инсульт (после которого у него парализовало левую часть туловища). Когда в декабре 1971 г. Андреев умер, его не похоронили у Кремлевской стены позади Мавзолея Ленина. Как и скончавшийся месяцем ранее Хрущев, он нашел покой на Новодевичьем кладбище. Ни Брежнев, ни Косыгин, находившиеся тогда за рубежом (один в Польше, а другой – в Норвегии), не приехали в Москву, чтобы принять участие в похоронах[14].

Карьера Патоличева, бывшего во время войны партийным руководителем Челябинской области, а затем (недолго) секретарем Центрального Комитета, пошла на спад после прихода во власть таких его сверстников, как Брежнев. Пребывание в расширенном Президиуме ЦК, в который он был избран в 1952 г., прервалось со смертью Сталина, а в 1956 г. его сместили с должности первого секретаря ЦК компартии Белоруссии, заменив белорусом Мазуровым. Его назначение первым заместителем министра иностранных дел фактически стало отстранением от привычной партийной работы. В 1958 г. Патоличев был перемещен на должность министра внешней торговли, на которой пребывал 27 лет – вплоть до момента, когда Горбачев отправил его на пенсию[15]. Впрочем, он оставался до 1986 г. членом ЦК, олицетворяя собой в течение почти полувека кадровую стабильность времен правления Брежнева.

Байбаков, принадлежавший к юному поколению непартийных технократов и ставший заместителем наркома нефтяной промышленности в 1939 г., также входил в число долгожителей ЦК, членом которого состоял с 1952 по 1989 г. Он был из числа тех представителей класса 38-го года, которые, в отличие от Патоличева, процветали при Хрущеве и его наследниках, но так и не сумел возвыситься до членства в Политбюро. Успешная работа в нефтяной промышленности способствовала его назначению в 1955 г. главой Государственной комиссии по долговременному экономическому планированию, а затем и председа-

---

[14] Известия. 1971. 8 дек. С. 3. Напротив, К. Е. Ворошилов и Н. М. Шверник были похоронены за Мавзолеем Ленина в 1969 и 1970 г. соответственно. Но сверстник Андреева А. А. Микоян был также похоронен на Новодевичьем кладбище в 1978 г.

[15] Прежний министр внешней торговли Микоян входил в круг ближайших и всевластных соратников Сталина, он одновременно был заместителем Председателя Совета народных комиссаров и полномочным членом Политбюро.

телем Госплана РСФСР. Этому помогло и то, что химическая отрасль входила в круг интересов Хрущева. Выдвижение Байбакова на место, занятое ранее М. З. Сабуровым, было, возможно, одной из составляющих проводившейся Хрущевым кампании по отстранению от власти группы высших руководителей экономики, связанных с его соперником Маленковым[16]. Процедура назначения Байбакова была столь же неожиданной, как и во времена Сталина. Вызванный на собеседование к первому секретарю ЦК в 1955 г., он попытался избежать перехода из нефтяной промышленности, сказав: «Никита Сергеевич, я ничего не понимаю в планировании, не передвигайте меня, я ведь нефтяник до мозга костей», на что Хрущев заявил: «Не волнуйтесь, научитесь». Хотя Байбаков попросил сутки на размышление, вернувшись в свой кабинет в министерстве, он обнаружил доставленный спецкурьером красный пакет с приказом о новом назначении, подписанным еще накануне[17]. Позднее, еще до назначения председателем Государственного комитета химической и нефтяной промышленности в 1963 г., Байбаков возглавлял два из созданных Хрущевым совнархозов – Краснодарский и Северокавказский. Он снова попытался высказать свои сомнения, сказав Хрущеву: «Никита Сергеевич, но я же ничего не понимаю в химии», на что тот возразил собственными словами Байбакова: «Но вы же нефтяник!» Год спустя после свержения Хрущева Байбаков был назначен Председателем Госплана СССР и оставался на этом посту до 1985 г. Интересно отметить, что позднее Байбаков был даже благодарен Хрущеву за то, что тот вырвал его из нефтяной отрасли и загнал в Краснодарский совнархоз. «До того я совсем ничего не понимал в сельском хозяйстве и легкой промышленности», – вспоминал он.

Что касается новых людей, то Николай Журин, бывший кандидатом в члены ЦК в 1956–1961 и в 1966–1976 гг., происходил из рядов провинциальных руководителей второго эшелона, занимавшихся преимущественно сельским хозяйством. Он участвовал в освоении целинных земель в Казахстане, являвшемся одним из узловых пунктов политики Хрущева. Владимир Новиков принадлежал к числу так называемых хозяйственников. Он был председателем Госплана в 1960–1962 гг. и полномочным членом ЦК с 1961 по 1981 г., являясь одним из главных исполнителей проводившейся Хрущевым реформы управления экономикой. Николай Егорычев входил в состав ЦК партии в 1961–1971 гг., будучи впервые избранным в него как второй

---

[16] Conquest R. Power and Policy in the USSR. P. 158. Конквест отзывается о Байбакове как о «...менее закаленном и поэтому более уступчивом человеке».

[17] Интервью Н. К. Байбакова. 1992. SEP. Эта беседа с Хрущевым состоялась, скорее всего, в мае 1955 г., когда произошел перевод Байбакова на новую должность, хотя в своих мемуарах он называет август того же года. См.: Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993. С. 62. Должно быть, это ошибка памяти.

секретарь Московского горкома КПСС. Он считался городским руководителем высокого полета. Ни одного из этих людей нельзя назвать типичным представителем полномочных членов ЦК, но Журин мало отличался от шестидесяти или семидесяти других партийных руководителей сельскохозяйственных регионов и республик, избранных в ЦК одновременно с ним в 1956 г., а Новиков (безусловно, самая важная фигура из этой тройки) имел происхождение, во многом сходное с теми хозяйственными руководителями, что вошли в состав ЦК в 1961 г. Егорычев походил на десятки других партийных аппаратчиков высокого уровня, работавших в центральном и местных городских партийных комитетах, но, как мы увидим в дальнейшем, он был тем самым исключением, которое лишь подтверждает правило.

Подобно большинству своих сверстников среди членов ЦК, все эти трое являлись русскими по национальности и происходили из сельской местности или небольших провинциальных городов. Журин вырос в Оренбурге, городе на Южном Урале вблизи границы с Казахстаном. Новиков родился в Центральной России, в деревне, расположенной в 80 км от Горького, Егорычев жил со своей овдовевшей матерью в Строгино, ныне являющимся одним их микрорайонов Москвы, а в то время – подмосковной деревне. Отец Новикова был медиком, Журина – железнодорожным рабочим, а Егорычева – крестьянином. Двое из трех были малолетними детьми во время революции, а третий родился после нее. Новиков (1907 г. р.) и Журин (1908 г. р.) очевидно принадлежали к тому же второму поколению элиты, что и Байбаков (1911 г. р.), и Патоличев (1906 г. р.), и большинство полномочных членов ЦК, избранных в 1956 и 1961 г. (как, впрочем, и в 1939 и 1952 г.). Сам Брежнев, родившийся в 1906 г., был ненамного старше. Все трое выдвинулись на важные руководящие посты в совсем молодом возрасте благодаря экономической революции и Большому террору. Егорычев, родившийся после революции, в 1920 г., принадлежал к самой молодой части второго поколения элиты.

Журин и Новиков, в отличие от более молодого Егорычева, выдвинулись на ответственные должности еще до войны. Николай Журин стал первым секретарем Кустанайского обкома партии в Казахстане в августе 1939 г., когда ему был всего 31 год. Его отец-железнодорожник воевал на фронтах гражданской войны и в конце 1930-х гг. стал уважаемым рабочим-коммунистом. Сам Журин после окончания профтехшколы и до вступления в партию в 1931 г. работал машинистом паровоза и железнодорожным техником. (Он озаглавил свои мемуары «От паровозного машиниста до первого секретаря обкома».) В 1930-х гг. он находился на партийной и профсоюзной работе, руководил колхозом.

Владимир Новиков стал в 32 года (в 1939 г.) директором Ижевского оружейного завода, находящегося в историческом центре производства

4.1. Николай Журин (сб.: Депутаты Верховного Совета СССР, 1966 г.)

оружия, чуть западнее Урала. На заводе тогда трудилось почти 50 тыс. человек. Своим происхождением и карьерой Новиков напоминает Байбакова. В 1941 г. он был назначен заместителем наркома (замминистра) вооружений, сменив на этом посту своего арестованного предшественника. Поскольку он являлся пасынком учителя, то есть человека нерабочего происхождения (служащего – по советской классификации), ему было отказано в приеме в Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта. Но, несмотря на свое классовое происхождение, ему все же удалось поступить в новгородский техникум, после окончания которого его в конце 1920-х гг. направили по распределению на работу в военную промышленность. Новиков провел 16 лет в Ижевске, где без отрыва от производства закончил местное отделение Военно-механического института. Его приемный отец в 1934 г. был арестован и осужден на принудительные работы, но это не помешало Новикову в 1936 г. вступить в партию. Позднее, будучи министром, он сумел воспользоваться своим влиянием, чтобы содействовать освобождению отчима.

В подавляющем большинстве случаев членство в ЦК становилось следствием назначения человека на должность высокого уровня, а не результатом выдвижения его кандидатуры непосредственно на съезде перед выборами. Это в равной мере справедливо для Журина, Новикова и Егорычева. Второй секретарь ЦК компартии одной из крупных республик (Журин), председатель Госплана (Новиков) и второй секре-

тарь столичного горкома партии (Егорычев) – все они по своему рангу принадлежали к уровню ЦК. Но когда Новиков был первым заместителем Д. Ф. Устинова в Министерстве вооружений в 1952 г. или занимал пост первого заместителя министра общего машиностроения в 1956 г., ни одна из этих должностей не считалась достаточно высокой для его избрания хотя бы делегатом XIX или XX съездов партии. После ликвидации Хрущевым министерств в 1957 г. Новиков получил значительно более ответственный пост председателя Ленинградского совнархоза[18]. Вновь созданные совнархозы возглавляли бывшие министры и заместители министров. При назначении Новикова сыграла свою роль протекция. Первым секретарем Ленинградского обкома (и членом Президиума ЦК) в то время был Фрол Козлов, который в конце 1930-х гг. работал парторгом ЦК в Ижевске, он и поспособствовал выдвижению Новикова на пост руководителя Ленинградского совнархоза.

В последующие четыре года, вплоть до XXII съезда партии в 1961 г., Новиков еще не достиг статуса, позволявшего ему стать членом Центрального Комитета. Тем временем он был назначен вначале председателем Госплана РСФСР, а затем и председателем Госплана СССР, в обоих случаях следуя за своим покровителем Козловым, ставшим Председателем Совета министров РСФСР, а затем – первым заместителем Председателя Совета министров СССР. Когда Козлов стал секретарем ЦК, Новикова в мае 1960 г. назначили одним из пяти заместителей Председателя Совета министров СССР Хрущева, что, естественно, возвело его в ранг, достойный избрания в 1961 г. на XXI съезде в ЦК. К сожалению Новиков утратил доверие Хрущева и был в июне 1962 г. понижен в должности до Председателя Комиссии по внешнеэкономической деятельности, еще одного органа, изобретенного Хрущевым[19]. Подобная стремительная перестройка институтов власти и назначение на ответственные должности являлись одной из особенностей эры Хрущева, впоследствии подвергавшихся суровой критике. Во всяком случае, Новиков остался членом ЦК, и к 1966 г., когда к руководству страной пришел Брежнев. Он был назначен на новый высокий пост, сохранявший за ним право на членство в ЦК. Его покровитель Козлов к тому времени уже умер, но Новиков успел в 1960–1962 гг. успешно поработать под началом Косыгина, ставшего Председателем Совета министров. В марте 1965 г. Новиков вновь был назначен заместителем Председателя Совета министров, отвечающим за внешнюю торговлю и машиностроение, и оставался на этом посту до ухода на пенсию в 1980 г.

---

[18] В хрущевские времена совнархозы возглавляли крупнейшие экономические регионы. В частности, в подчинении совнархоза, руководимого Новиковым, находились Ленинградская, Псковская и Новгородская области.

[19] Анализ причин перемещения Новикова см. в: Tatu M. Power in the Kremlin... P. 283–288. Эта комиссия была частью Президиума Совета министров СССР.

4.2. Владимир Новиков (сб.: Депутаты Верховного Совета СССР, 1974 г.)

Между тем Николай Журин попал в беспокойный мир партийного руководства сельским хозяйством. Когда руководимый им регион не выполнил план заготовок зерна, его в октябре 1941 г. понизили до скромной должности первого секретаря одного из райкомов Семипалатинской области. Затем, пройдя по цепочке более важных областных партийных должностей в Казахстане, Журин сумел в ноябре 1951 г. подняться вновь на уровень первого секретаря обкома партии, на этот раз в Акмолинской области. Еще не будучи членом ЦК, он был приглашен участвовать в его сентябрьском (1953 г.) пленуме по сельскому хозяйству, где Хрущев начал выдвигать на первый план вопросы сельскохозяйственного производства. На XX съезде в феврале 1956 г. Журина избрали кандидатом в члены ЦК, вероятно, в свете грядущего его назначения вторым секретарем ЦК компартии Казахстана. К тому времени пост второго секретаря ЦК компартий ряда важнейших союзных республик уже приобрел статус, дающий право членства в ЦК[20]. Однако

[20] Тогдашний первый секретарь ЦК компартии Казахстана Брежнев был выдвинут на XX съезде на пост секретаря ЦК, причем скорее всего за этим стоял его покровитель Хрущев. Его на посту первого секретаря сменил второй секретарь ЦК компартии Казахстана, освободив тем самым место для

в декабре 1957 г. последовало новое понижение Журина в должности, он был назначен первым секретарем Северо-Казахского обкома партии. В 1961 г. несколько областей Казахстана утратили статус, позволявший им быть представленными в ЦК, и Журина, делегата XXII съезда, не переизбрали в состав ЦК. Однако к моменту проведения очередных съездов партии в 1966 и 1971 г. право представительства в ЦК принадлежало уже большему количеству областей. В их число попала и Актюбинская область, где Журин работал первым секретарем обкома в 1964–1972 гг., и он вернулся в состав ЦК.

Тем временем Егорычев стал вторым секретарем Московского горкома партии, что дало ему право быть избранным в 1961 г. в состав Центрального Комитета. Москва тогда являлась единственным городом, где пост второго секретаря горкома давал право на членство в ЦК. В ноябре 1962 г. Егорычев был повышен в должности до первого секретаря горкома. Оба эти поста открывали ему дорогу в высшие эшелоны власти.

Подобно Байбакову и Патоличеву, эти три человека, достигшие высокого положения в рядах элиты при Хрущеве, сохранили свои посты и при Брежневе. Это было характерно для большого числа представителей элиты[21], извлекших все возможные выгоды от установившейся после 1964 г. стабильности институтов власти. Журин все следующее десятилетие вплоть до ухода на пенсию по состоянию здоровья в 1972 г. (которое у него действительно ухудшилось) проработал первым секретарем обкома в нескольких областях Казахстана. Новиков провел 15 лет на посту заместителя Председателя Совета министров СССР. Стремительный взлет карьеры Егорычева продлился всего три года, но до своего падения он успел переизбраться в состав ЦК на XXIII съезде в 1966 г. (его преемник на посту первого секретаря Московского горкома В. В. Гришин оставался на нем 18 лет, до 1985 г.).

Что еще можно сказать об этих членах ЦК, кроме того, что на их дальнейшую карьеру не очень повлияло падение Хрущева? Появление в элите этих трех новичков – показатель тенденции к более узкой специализации членов ЦК, четко обозначившейся в годы правления Хрущева, но, в то же время, наблюдавшейся и до, и после него. Перебрасывание партийных функционеров типа Патоличева с одного направления деятельности на другое становилось скорее исключением из правил, да и он сам в конце концов (после 1956 г.) сосредоточился на иностранных делах и внешней торговле. Журин всю жизнь проработал преимущественно в сельскохозяйственных регионах одной республики – Казахстана, и никогда не занимал постов в Москве. Он обладал очень ограниченным техническим образованием и только на весьма

Журина. Будущее выдвижение Журина на этот пост, вероятно, принималось в расчет во время выборов в Центральный Комитет.

[21] См. главу 5.

короткий период (в 1947–1948 гг.) покидал Казахскую ССР, когда его послали в Москву на годичные курсы повышения квалификации партийных работников высшего звена при Высшей партийной школе. Байбаков и Новиков являлись специалистами по управлению экономикой, причем Байбаков специализировался в области химической и нефтяной промышленности, а Новиков – на руководстве военно-промышленным комплексом. Никто из них никогда не только не работал на партийных должностях, но не имел даже формального партийного образования. Уже после выхода на пенсию Новиков четко отделял себя от партийной элиты, заявив в интервью: «Вы знаете, это элита все обратила в руины, но я не принадлежал к элите... Я никогда не был на партийной работе, я занимался только экономической работой. Мы не брали взяток»[22].

Егорычев, подобно Патоличеву, был скорее партократом, такие люди также присутствовали в составе ЦК. Хотя его обязанности в основном замыкались на делах столицы, одной из трех порученных ему задач во время краткосрочного пребывания в аппарате ЦК в течение 1960 г. была проверка работы партийной организации Северо-Казахстанской области, руководимой тогда Журиным. Любопытно, что Егорычев также просил никогда не называть его профессиональным партийным работником[23]. Будучи, по существу, аппаратчиком, он по крайней мере номинально имел более качественное техническое образование, чем Новиков или Байбаков. Бóльшая часть его обязанностей заключалась в надзоре за развитием промышленности вначале в Бауманском районе Москвы, а затем и во всей столице.

Байбаков и Патоличев пришли в ЦК при Сталине, а Журин и Новиков – при Хрущеве. Все они, подобно многим другим представителям второго поколения элиты, являлись продуктом сталинских лет и обратили себе на пользу программу ускоренного образования в ходе культурной революции и результаты Большого террора. В этом отношении Егорычев – человек совсем иного рода. Родившись в 1920 г., он был на полпоколения младше остальных четырех и поэтому менее типичен для среднестатистического члена ЦК 1956 и 1961 гг. Стать членом ЦК в возрасте 41 года (а именно столько было Егорычеву в 1961 г.) считалось вполне обычным делом в 1920–1930-е гг. Байбакову было столько же лет в 1952 г., Патоличеву исполнилось всего 30 в 1939 г., а Андрееву, представлявшему особый случай, в 1920 г. исполнилось всего 24 года. Но в 1961 г. лишь 6 % нового состава ЦК (20 человек из 330) достигли возраста Егорычева или были младше. Другими заметными представителями молодежи можно назвать А. И. Аджубея и В. Е. Семичастного. В конце 1930-х гг., когда большинство представителей второго поколения элиты уже занимало ответственные посты,

[22] Интервью В. Н. Новикова. 1992. SEP.

[23] После XX съезда. Интервью с Н. Г. Егорычевым. С. 94.

Егорычев еще был подростком. Ему исполнилось 18 лет в 1938 г., он поступил в технический вуз, но образование было прервано войной. (Он был дважды ранен и награжден орденом «Красной звезды».) После демобилизации в 1946 г. он завершил курс обучения в институте (1948) и начал подниматься вверх по карьерной лестнице благодаря работе в комсомоле. Путь Егорычева напоминает продвижение Хрущева: вначале партийная работа в важном Московском техническом вузе (Хрущев – в Промакадемии, Егорычев – в Московском высшем техническом училище им. Баумана), затем руководство партийными организациями нескольких московских районов, включая Бауманский, а затем – должность сначала второго, а потом и первого секретаря Московского горкома. Еще два известных первых секретаря Московского горкома партии – Молотов и Каганович.

В последующем судьба Егорычева сложилась совсем по-иному, если сравнивать его с большинством членов ЦК, избранных в 1956 и 1961 г. Он очень критично относился к старшим товарищам и написал в своих воспоминаниях следующее: «Вы знаете, в сталинские времена была уничтожена значительная часть ведущих партийных работников и были искалечены оставшиеся кадры. Я думаю, что это было самой большой раной, нанесенной культом личности нашей стране и ее народу». Он отделял себя от них, утверждая: «Наше поколение про-

4.3. Николай Егорычев выступает на XXIII съезде КПСС в 1966 г. (РГАФКД, г. Красногорск)

шло через 1937–1938 гг., мы были свидетелями событий, столь трагических для нашей страны, но наши руки были чисты. Наше поколение было первым после революции, получившим настоящее образование. Но оно было разорвано на куски войной»[24]. Но Егорычев представляет собой исключение. Ни он сам, ни другие представители третьего поколения элиты, то есть родившиеся после 1920 г. (года рождения Егорычева), не успели выдвинуться на ведущие роли во времена правления Хрущева. Тогда они еще были слишком молоды. Но и позднее, в 1960–1970-е гг., Брежнев и люди его поколения, предпочитали держать «молодежь» на почтительном расстоянии от власти. Сам Егорычев был обречен на «падение с Олимпа» в 1967 г.[25]

Серебряный век Центрального Комитета

Одним из важных аспектов партийной жизни после смерти Сталина стала личная безопасность членов Центрального Комитета, обеспечение которой явилось главной целью кампании десталинизации, проведенной Хрущевым и его соратниками. Это особо подчеркивалось в известном секретном докладе, произнесенном Хрущевым в феврале 1956 г. на XX съезде партии. Многое в публичной хрущевской политике десталинизации основывалось на использовании имевшихся противоречий между разными поколениями элиты с тем, чтобы привлечь на свою сторону молодых, но влиятельных членов ЦК. Доклад был адресован партийной аудитории самого высокого уровня – делегатам XX съезда партии, в числе которых находились будущие члены ЦК. С самого начала своего доклада Хрущев осудил тиранию и произвол Сталина по отношению к партии и ее Центральному Комитету. Приведенные им цифры, согласно которым 98 из 139 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК были расстреляны, нашли отклик у элитной аудитории, выразившийся, как отмечено в стенограмме, «в шуме и возгласах возмущения в зале»[26].

Чудовищные эпизоды, описанные в секретном докладе, были в большинстве случаев связаны не с простыми советскими гражданами или рядовыми членами партии, а с членами ЦК. Сам секретный доклад можно рассматривать как защиту интересов элиты. Авторитетный источник, в котором описано происхождение доклада, утверждает, что наибольшее влияние на его содержание оказало осуждение

---

[24] «Направлен послом...». С. 30.

[25] См. главу 5.

[26] Хрущев Н. С. О культе личности. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1980. № 3. С. 136.

«ведущими кругами партии» сталинских репрессий против ее лидеров: «Кадры государственных чиновников, члены ЦК, многочисленные местные партийные работники устали от непрерывного ожидания ареста, тюрьмы, смерти, преследований членов семьи. Они нуждались в твердой гарантии личной безопасности»[27]. Как представляется, большинство членов Президиума ЦК, а не только Хрущев, признали необходимость осуждения Сталина и согласились с тем, что Хрущев должен произнести секретный доклад по этому вопросу на предстоящем съезде партии. Действительно, этот вопрос был поднят и одобрен на секретном заседании Пленума ЦК, состоявшемся 13 февраля 1956 г.[28] Безусловно, критика сталинского периода, прозвучавшая на заседании Президиума ЦК в конце 1955 г., касалась исключительно судьбы членов Центрального Комитета, особенно тех, кто был избран в него на XVII съезде партии 1934 г. Это стало исходным пунктом работы комиссии Поспелова, созданной для «изучения материалов, касающихся массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, и против других советских граждан в период 1935–1940-х гг.». Комиссия предоставила информацию для доклада Хрущева[29].

Другой сильной стороной ЦК партии того периода является рост его политического влияния. Формально полномочия Центрального Комитета в соответствии с редакциями Устава партии 1952–1956 гг. были всеобъемлющими, оставаясь практически неизменными по сравнению с его более ранними редакциями (1934 г. и ранее). В уставе, в частности, записано, что Центральный Комитет «направляет всю работу партии, представляет партию в ее взаимоотношениях с другими партиями, организациями и учреждениями, создает различные партийные органы и руководит их деятельностью...». Формулировки этого раздела устава немного изменились в редакции, принятой при Хрущеве в 1961 г., но полномочия ЦК остались прежними. Появилось лишь одно важное дополнение: «ЦК КПСС регулярно информирует

---

[27] Наумов В. П. К истории секретного доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 153, 156. См. также: Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 13, 19.

[28] Наумов В. П. К истории секретного доклада... С. 161. Как ни удивительно, но на это заседание Пленума ЦК нет ссылки в статье Наумова о борьбе Хрущева за единоличную власть. В ней есть упоминание только о заседании Президиума ЦК (С. 15).

[29] Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущева... С. 15. Более подробные сведения о процессе реабилитации можно найти в ст.: Катков Н. Ф. Восстановление исторической правды и справедливости (Хроника реабилитации жертв политических репрессий 1920–1950-х гг.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 83–92.

партийные организации о своей работе». Именно в эпоху Хрущева стенографические отчеты о Пленумах ЦК, ранее рассылавшиеся только отдельным людям и организациям, стали открыто публиковаться. Впервые такая публикация появилась после декабрьского (1958 г.) Пленума ЦК. Эта практика прервалась в первый же год прихода Брежнева на пост Первого секретаря ЦК[30]. На некоторое время утвердилась также практика заблаговременной публикации дат проведения и повесток дня очередных пленумов ЦК.

Редакциями Устава партии 1952–1956 и 1961 г. предусматривалось проведение пленумов ЦК не реже, чем один раз в шесть месяцев (между тем, Устав 1939 г. требовал, чтобы пленумы проводились по крайней мере каждые четыре месяца). Важным новшеством, появившимся после 1953 г., стало соответствие предписанных уставом и проводимых пленумов. В своем секретном докладе XX съезду партии Хрущев подчеркивал отход Сталина от ленинской практики. В течение последних 15 лет сталинского руководства пленумы ЦК почти не проводились и «...в этой практике нашло свое выражение игнорирование Сталиным норм партийной жизни, попрание им ленинского принципа коллективности партийного руководства»[31].

Продолжительные и многолюдные совещания, собиравшиеся Хрущевым, являлись заранее отрежиссированным. Нередко приглашенные люди являлись не только не членами ЦК, но даже беспартийными. Вместе с тем некоторые исследователи считают, что в те годы ЦК постепенно превращался в подобие внутрипартийного парламента[32], общегосударственную и постоянно действующую платформу для обсуждения ключевых проблем, волнующих общество: совершенствование системы образования, развитие сельского хозяйства, освоение целинных земель или проблемы внешней политики.

С точки зрения активности (табл. 4.4) пленумы ЦК во времена Хрущева являлись институтом, существенно отличавшимся от того, каким они были при Сталине или стали при Брежневе. В целом за период с 1953 по 1964 г. интервалы между очередными пленумами ЦК составляли 6–7 месяцев, хотя один был более продолжительный (10 месяцев) – между февральским (1956 г.), собравшимся сразу после закрытия XX съезда для утверждения состава центральных органов партии, и декабрьским (1956 г.).

Кворум на всех пленумах был, как правило, почти полным. Редко, когда на них отсутствовало более 5–10 полномочных членов или кан-

---

[30] Об отказе Брежнева от политики открытости см.: Правящая партия оставалась подпольной // Источник. 1991. № 5–6. С. 95.

[31] Хрущев Н. С. О культе личности. С. 136, 163.

[32] Напр., такое мнение высказывается в: The Disintegrating Monolith / ed. J. D. B. Miller and T. H. Rigby. – Canberra, 1965. P. 40.

дидатов в члены ЦК. Иными словами, на пленумах присутствовало обычно 90–95 % списочного состава ЦК. Даже на июньском (1957 г.) и октябрьском (1964 г.) пленумах, собиравшихся в кратчайшие сроки и проходивших в необычной обстановке, присутствовало примерно 90 % полномочных членов ЦК[33].

Таблица 4.4

Деятельность ЦК в 1952–1966 гг.

Год	Продолжительность (дн.)		Число принятых резолюций	
	съезд / конференция	пленум ЦК	предложенные заранее	общее
1952	10	1	1	2
1953	0	6	1	0
1954	0	12	2	6
1955	0	16	5	6
1956	12	5	2	10
1957	0	13	5	6
1958	0	13	5	6
1959	10	10	2	4
1960	0	5	2	4
1961	15	11	9	4
1962	0	10	2	9
1963	0	9	3	11
1964	0	8	2	2
1965	0	7	6	8
1966	11	9	5	6

Источники. Данные в таблице скомпилированы из информации, опубликованной в: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Справочный том. – М., 1990.

Пленумы проходили не только чаще, но и с бóльшим числом участников обсуждения. Чаще всего пленумы собирались в 1955, 1957 и 1958 г., а по числу выступающих наиболее напряженными можно считать пленумы 1959 и 1962 г., на каждом из которых в дискуссии приняло участие по 105 человек. Количество принятых на пленумах

[33] Как снимали Н. С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС, октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 6; Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. А. Н. Яковлева и др. – М., 1998. С. 24. См. также опубликованные материалы пленумов, напр.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – М., 1958; и др.

решений также достигло своего пика в 1958 и 1961 г. В целом же по плодотворности эти пленумы были самыми заметными за весь послевоенный период (вплоть до начала перестройки).

Здесь нет места для подробного обсуждения деталей каждого пленума, но все они представляли собой площадку для объявления и обсуждения новых инициатив руководства, особенно в годы правления Хрущева[34]. Например, создание совнархозов и реформа экономической системы обсуждалась на февральском (1957 г.) пленуме, ликвидация машино-тракторных станций – на февральском (1958 г.), разделение региональных партийных организаций [на промышленные и сельскохозяйственные] – на октябрьском (1962 г.). Некоторые пленумы ЦК были посвящены какой-либо одной проблеме. Так, например, декабрьский (1963 г.) пленум обсуждал только вопросы, связанные с химической промышленностью. На пленуме, собравшемся в июле 1964 г., очевидно, сочли необходимым заменить Брежнева Микояном на посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР[35]. Одно из обвинений против Хрущева, выдвинутых М. А. Сусловым в его основном докладе на октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК, выглядело следующим образом:

> «...за последние годы у нас фактически не проводилось настоящих, в ленинском смысле, Пленумов Центрального Комитета, которые собирались бы для делового обсуждения актуальных проблем, а не для парадной шумихи. Ведь фактически собирались не Пленумы ЦК, а Всесоюзные совещания с участием до пяти-шести тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес т. Хрущева»[36].

Сам институт пленумов ЦК при всей их ограниченности и «единодушном» голосовании таил в себе большую опасность в политическом смысле. Представляется, что Хрущев использовал их для преодоления сопротивления своих противников в Президиуме ЦК, и этим можно объяснить проведение в 1958 г. шести пленумов. Намечавшийся на июнь 1956 г. пленум по идеологическим вопросам был

---

[34] См.: Kramer M. Declassified Materials from CPSU Central Committee Plenums: Sources, Context, Highlights // Cold War International History Project Bulletin. 1998. № 10 (Mar.). P. 7–25.

[35] Как снимали Н. С. Хрущева. С. 18, п. 10. Об этом пленуме, состоявшемся накануне сессии Верховного Совета, не сообщалось в печати. См. также: Барсуков Н. А. Хрущевские времена. С. 177.

[36] Как снимали Н. С. Хрущева. С. 8. Сын Хрущева Сергей отметил, что далеко не всем нравились подобные «массовые сборища», «аппаратчики считали, что они снижают престиж пленумов ЦК и подрывают их значение». См.: Khrushchev S. Khrushchev on Khrushchev. – Boston, 1990. P. 34.

созван всего за три дня[37]. Переворот в октябре 1964 г. совершался в том числе и для того, чтобы опередить созыв намеченного на ноябрь пленума ЦК, посвященного предложенной Хрущевым теме «интенсификация сельского хозяйства»[38]. Важно отметить, что во время проведения октябрьского (1964 г.) пленума Хрущеву не позволили обратиться к его участникам[39].

Пленумы ЦК также стали ареной для ряда серьезных политических столкновений. Июльский (1953 г.) пленум, о котором уже говорилось в главе 3, утвердил уже свершившийся факт – арест Берии. На январском (1955 г.) критике со стороны старших товарищей был подвергнут Маленков, то же самое произошло в июле 1955 г. с Молотовым. Тем самым была подготовлена почва для их смещения с постов Председателя Совета министров и Министра иностранных дел соответственно[40]. Во всех трех случаях это означало исключение указанных лиц из состава коллективного руководства ЦК, но уже по инициативе большинства членов его Президиума. События 1957 и 1964 г. происходили по-разному. В первом случае пленум преодолел большинство при голосовании Президиума, а во втором – отправил в отставку высшего руководителя партии.

Все сказанное выше позволяет обоснованно полагать, что 1950-е и начало 1960-х гг. являются своего рода серебряным веком Центрального Комитета и отдельных его членов. Вероятно, он несопоставим с золотым веком периода революции и начала 1920-х гг., но намного привлекательнее полной беспомощности ЦК в сталинские времена. События, связанные с июньским (1957 г.) пленумом, стали вершиной могущества элиты Центрального Комитета за весь период с начала 1920-х гг.[41] Тогда противники Хрущева, начиная с 18 июня, провели несколько заседаний Президиума, стараясь протолкнуть решение о снятии его с должности первого секретаря. К тому времени уже существовало несколько прецедентов подобных неформальных изменений. В частности, сам Хрущев был назначен секретарем ЦК в декабре 1949 г. посредством письменного голосования или опроса членов ЦК,

---

[37] Молотов, Маленков, Каганович, 1957. С. 163, 745, п. 9.

[38] Как снимали Н. С. Хрущева. С. 18, п. 1.

[39] Там же. С. 15.

[40] Plenum Transcripts, 1955–1957 // Cold War International History Project Bulletin. 1998. № 10 (Mar.). P. 34–41.

[41] См.: Барсуков Н. Провал антипартийной группы. Июньский пленум ЦК КПСС 1957 г. // Коммунист. 1990. № 8. С. 99–108. Значительный объем информации об этом пленуме ЦК содержится в недавно опубликованных протоколах (см.: Молотов, Маленков, Каганович, 1957). Самым полным из изданных на Западе источников по данной теме является до сих пор не потерявшая своего значения книга: Pethybridge R. A Key to Soviet Politics: The Crisis of the "Anti-Party" Group. – London, 1962.

без проведения пленума. Хотя подобный способ являлся инструментом, широко использовавшимся Сталиным (особенно для уничтожения Центрального Комитета в 1937–1938 гг.), он был вновь применен незадолго до этого, 6 июня 1953 г., когда Л. Г. Мельникова исключили из числа кандидатов в члены Президиума ЦК. Однако в случае с Хрущевым его противники попались в ловушку, провозгласив, что теперь «ленинские нормы и требования Устава партии должны скрупулезно соблюдаться». Устав требовал: секретари ЦК (и члены его Президиума) должны избираться Центральным Комитетом, предпочтительно на его пленуме. Сталин, в частности, был избран Генеральным секретарем на пленуме, состоявшемся в апреле 1922 г. после закрытия XI съезда партии. Хрущева избрал первым секретарем сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК. Не приходится сомневаться, что если бы противники Хрущева располагали большинством в Президиуме, им удалось бы в конце концов собрать пленум, чтобы утвердить его снятие с поста и назначить ему замену. Моделью такого решения может служить снятие Берии, которого арестовали прямо на заседании Президиума 26 июня 1953, но официально он был выведен из состава Президиума только две недели спустя на пленуме ЦК, собравшемся 7 июля 1953 г. Проблема заключалась в том, что в 1957 г. заговорщики не провели заблаговременную работу с участниками пленума, как это было сделано в 1964 г. Когда же на встрече с рядовыми членами ЦК 21 июня 1957 г. Булганин предложил провести пленум через две недели, было уже поздно[42].

Ключевую роль в июне 1957 г. сыграл тот факт, что Президиум был разделен на противоборствующие группы и не мог действовать решительно. Самой многочисленной из них являлась фракция противников Хрущева, но только трое или четверо полномочных членов Президиума стремились довести дело до принятия окончательного решения. Этой фракции, в свою очередь, оппонировала группа из нескольких кандидатов в члены Президиума, включая маршала Жукова. ЦК было предоставлено время для действий. 21 июня 20 членов ЦК пришли на заседание Президиума с письмом, подписанным 80 их коллегами[43], в котором говорилось:

> Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает уже четыре дня. Нам также стало известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Президиума ЦК и Секретариата. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей нашей партии и страны вопросы. В связи с этим мы просим срочно созвать Пленум ЦК и вынести этот вопрос на обсуждение Пленума ЦК. Мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопросов руководства нашей партии.

---

[42] Барсуков Н. Провал антипартийной группы. С. 102.

[43] Там же. С. 101.

Поначалу Президиум отказался принять делегацию, но нарастающее количество членов ЦК вынудило его согласиться с датой 22 июня. Остальное известно. В результате пленум состоялся при участии 121 из 130 полномочных членов ЦК и 94 из 122 кандидатов. Хрущев укрепил свои позиции, добившись исключения из состава Президиума (и членов ЦК) четырех наиболее активных своих противников, и провел резолюцию пленума, заклеймившую их как антипартийную группу. Помимо осуждения членов группы за допущенные ошибки во внешней и внутренней экономической политике и идеологии, резолюция также критиковала применявшиеся ими методы работы: «Эта группа прибегала к антипартийным фракционным методам, чтобы сменить работников руководящих партийных органов, избранных Пленумом ЦК КПСС». Они «прибегали к интригам и создавали тайный заговор против Центрального Комитета, действовали вопреки действующему Уставу партии и резолюции о единстве партии, принятой в 1922 г.» В резолюции также говорилось, что ни один член Центрального Комитета не выступил на пленуме в поддержку антипартийной группы, которая натолкнулась на открытое сопротивление. Подобное заявление (если оставить в стороне выступления самих членов антипартийной группы) во многом подтверждается недавно опубликованными протоколами пленума. Даже Маленков и Каганович проголосовали за итоговую резолюцию пленума, а Молотов при голосовании воздержался[44].

Примечательно, что Каганович, Маленков и Молотов не сумели завоевать активную поддержку пленума ЦК, чему есть несколько объяснений. У Хрущева имелось немало противников, но между ними отсутствовало согласие. Каганович, Маленков и Молотов к тому времени уже были дискредитированы. Членам ЦК, вероятно, было ясно, куда дует ветер, и они поспешили примкнуть к победителям. Резолюцию ЦК приняли единогласно еще и потому, что в ней достигался существенный компромисс – были исключены нападки на мягких критиков экономической и административной политики Хрущева: Булганина, Первушина, Сабурова и Ворошилова. Но есть и другие факторы. Как доказывал Т. Х. Ригби, группа Маленкова допустила серьезную ошибку, пренебрегая подотчетностью Президиума перед Цен-

---

[44] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1985. Т. IX. С. 184–189; Барсуков Н. Провал антипартийной группы... С. 106. Термин «антипартийная группа» в книге используется ради удобства изложения, несмотря на его неточность и уничижительное значение, вложенное в него победителями. Возможной альтернативой могло бы быть словосочетание «группа Маленкова», но оно способно вводить в заблуждение, поскольку между противниками Хрущева были существенные различия, и до сих пор дебатируется вопрос о том, был ли Маленков лидером этой группы в событиях июня 1957 г. Другой альтернативный и более точный термин – «антихрущевская группа».

тральным Комитетом. Таким образом, те рядовые члены ЦК, которые проголосовали бы за антихрущевскую группу, «проголосовали бы тем самым против собственных коллективных прав и положения»[45].

Хотя Хрущев немедленно извлек личную выгоду из событий 1957 г., они выявили очевидное наличие напряженности в отношениях между верхами и низами ЦК. Д. Ф. Устинов, тогдашний министр оборонной промышленности, возмущался по поводу первоначального (21 июня) отказа Президиума принять делегацию членов ЦК; «Я не понимаю, как могло случиться, что наш высший партийный орган, Пленум ЦК избрал товарищей в Президиум ЦК, а потом этот Президиум не пожелал принять товарищей, делегированных членами ЦК, а не некую группу беспартийных людей или заговорщиков. Мы тогда собрались, и к тому времени нас было уже 53 человека».

В лобовую атаку против антихрущевской группы пошел Отто Кусинен, глава Карельской АССР, заявивший: «Они хотели изменить состав Секретариата ЦК, также избранного Пленумом Центрального Комитета. Значит, за спиной Пленума Центрального Комитета они хотели совершить переворот в руководстве партии». Сам Хрущев старался всячески подчеркнуть права ЦК. «Товарищи, – заявил он в первый же день работы пленума, – мы, члены Президиума ЦК, мы слуги Пленума, а Пленум – наш хозяин»[46].

Вторым пиком активности Центрального Комитета стали события октября 1964 г. Большинство членов Президиума ЦК договорились о снятии Хрущева. 12 октября Президиум проголосовал за вызов первого секретаря из отпуска якобы для обсуждения важных политических вопросов и одновременно созвал полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, предвосхищая пленум, намеченный Хрущевым на ноябрь. 13 октября Президиум собрался вновь, уже с участием Хрущева, и потребовал от него подать в отставку. Первый секретарь поначалу воспротивился, но 14 числа согласился и подписал заранее составленное прошение.

С точки зрения требований устава согласие Хрущева добровольно оставить свой пост имело решающее значение, поскольку Президиум ЦК не имел права снять его по собственной инициативе. Однако таким правом обладал Пленум ЦК, и тот был созван 14 числа при участии 153 из 169 полномочных членов и 130 из 149 кандидатов в члены ЦК. Свою вступительную речь при открытии пленума Брежнев

---

[45] Rigby T. H. Khrushchev and the Resuscitation of the Central Committee. P. 161. Биограф Хрущева также отмечает, что «...голосование за большинство Президиума на этом этапе означало бы голосование против коллективных прав и статуса самого Центрального Комитета» (см.: Tompson W. J. Khrushchov. P. 180–181).

[46] Молотов, Маленков, Каганович, 1957. С. 32, 317, 330.

завершил обличением безответственной политики, проводившейся Хрущевым: «Президиум ЦК КПСС, имея в виду сложившуюся неприемлемую ситуацию, единогласно признал необходимым срочно созвать Пленум Центрального Комитета партии и вынести этот вопрос на рассмотрение и решение Пленума»[47]. Октябрьский (1964 г.) пленум стал единственным случаем законного снятия с поста высшего руководителя партии. В определенном смысле он представлял собой пример традиционной для Политбюро (Президиума) ЦК политики. Хрущева сняли потому, что он утратил поддержку большинства членов Президиума, а пленум просто ратифицировал это решение. Даже в 1957 г. Хрущев победил благодаря достаточной поддержке в Президиуме, чтобы задержать принятие им окончательного решения. Но в 1964 г. Хрущев не имел возможности апеллировать к пленуму, как он это сделал в 1957-м, поскольку утратил доверие рядовых членов ЦК. В 1957 г. члены антипартийной группы не решились созвать пленум, но в 1964 г. заговорщики немедленно собрали его, зная, что Центральный Комитет поддержит их против Хрущева.

Как уже отмечалось выше, фундаментальное значение для этого периода имеет вопрос, почему элита ЦК поддержала Хрущева против большинства в Президиуме в июне 1957 г., но отвергла в октябре 1964 г. Хотя первый эпизод драматичнее, но менее загадочен. Первый секретарь контролировал Секретариат Центрального Комитета, назначая в него своих выдвиженцев в 1953–1955 гг., которые на XX съезде партии были избраны в состав ЦК. Но если он обладал столь широкой поддержкой людей, обязанных ему своим выдвижением, то почему его старые товарищи по Политбюро отважились составить заговор против него в 1957 г.? И почему после семи лет патронирования своих выдвиженцев, проведения двух партийных съездов (XXI и XXII) и значительного обновления персонального состава элиты Хрущев не сумел сохранить поддержку ЦК против новой группы заговорщиков?

Некоторые ответы на эти вопросы очевидны и уже приводились. Возраст Хрущева, его властность и непредсказуемость говорили против него. Он допустил несколько политических ошибок. Он оттолкнул от себя руководителей экономики, уставших от его экономических экспериментов и ошибочных решений, своими разговорами о сокращении армии он настроил против себя руководителей военной промышленности и генералитет, а партийный аппарат был недоволен затеянным Хрущевым в 1962 г. реформированием партии. В борьбе за власть ключевые позиции всегда принадлежали высшим исполнительным партийным органам, но к 1964 г. у Хрущева в Президиуме ЦК остался один, причем очень осторожный сторонник, – Микоян. В 1957 г. расстановка сил в Президиуме была почти равной.

[47] Как снимали Н. С. Хрущева. С. 8, 15.

Эмигрант-советолог Авторханов утверждал, что Секретариат – «постоянное и единственное сосредоточение активной политической власти» – сыграл в обоих случаях ключевые роли. Если во времена неудачного заговора 1957 г. «болтуны» из Президиума обладали только моральным авторитетом, то заговор 1964-го «был полностью сконструирован Секретариатом Центрального Комитета»[48]. (Правда, Авторханов не объясняет, как сумел Хрущев утратить контроль над Секретариатом, который он сам и возглавлял. Брежнев стал секретарем ЦК только в июне 1963 г. и до следующего лета все еще занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета. Вместе с тем Шелепин и Суслов, бывшие главными движущими силами заговора, являлись секретарями ЦК.)

Но существуют и другие объяснения этих событий. Элиту Центрального Комитета можно рассматривать как широкую группу с определенными собственными интересами. Это ощущалось еще в 1920-е и в начале 1930-х гг., и Сталин со своими соратниками мог справляться с этим явлением лишь посредством крайне жесткого политического террора. Но после его смерти насилие или даже просто угроза насилия стали недоступны для руководителей партии. Всякий представитель высшего руководства, будь то член антихрущевской группы в 1957 г. или сам Хрущев, в 1964 г. утративший доверие Центрального Комитета, становился крайне уязвимым. Хрущев в борьбе со своими противниками в 1957 г. был вынужден учитывать мнения части элиты. Позднее Р. Г. Пихоя доказывал, что июньский (1957 г.) пленум являлся в равной мере победой интересов как партийного аппарата, так и самого Хрущева[49].

Власть, основанная на покровительстве высших руководителей по отношению к своим выдвиженцам, стала гораздо более ограниченной с окончанием террора. Хрущев не мог полностью контролировать даже собственных протеже в Президиуме ЦК, не говоря уже о более широких кругах партийной элиты. Правила игры изменились. В 1964 г. Хрущев пошел против течения, причем дело было не только в том, что он затрагивал общие интересы широких кругов партийной

---

[48] Avtorkhanov A. The Communist Party Apparatus. – Chicago, 1966. P. 224.

[49] Р. Г. Пихоя считает, что союзниками Хрущева в 1957 г. были партаппаратчики, надеявшиеся с помощью Хрущева сохранить стабильность своего положения и усматривавшие в нападках на него как на первого секретаря ЦК КПСС угрозу самим себе как первым секретарям республиканских и региональных комитетов партии. Поэтому реальным победителем на июньском пленуме стал именно партийный аппарат, а Хрущев фактически являлся его заложником. Падение в октябре 1957 г. маршала Жукова, выступавшего против партийного контроля в армии, стало еще одной победой партийного аппарата (Пихоя Р. Г. О внутриполитической борьбе в Советском руководстве в 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 13.

элиты, свою роль сыграла также смена поколений элиты и растущее доминирование в ней представителей второго поколения. Хрущев был последним ставленником Сталина, а также, после изгнания с помощью ЦК в 1957 г. его сверстников, и последним представителем первого поколения элиты в высшем руководстве партии. Брежнев же и его сподвижники по заговору против Хрущева в 1964 г., относились уже к ее второму поколению[50].

Все члены Центрального Комитета, о которых подробно рассказывалось выше (Андреев, Патоличев, Байбаков. Журин, Новиков и Егорычев), поддерживали большинство ЦК во времена кризисов 1957 и 1964 г. Андреев к времени снятия Хрущева уже находился на пенсии, но на июньском (1957 г.) пленуме ЦК он с невероятной яростью набросился на членов антипартийной группы, причем его выступление было выдержано в терминологии времен Большого террора. По его словам, их заговор являлся «тяжелейшим преступлением, заслуживавшим самого сурового наказания». Андреев сравнил их с врагами Сталина – троцкистами, правыми и зиновьевцами. Что касается Патоличева, то он, хотя члены антипартийной группы рассматривали его в качестве надежного кандидата на пост главы КГБ, оказался в первых рядах нападавших на них. Он уже имел опыт столкновений с Кагановичем во время работы в 1940-х гг. на Украине, а в 1956 г. его направили в Министерство иностранных дел, чтобы ослабить влияние Молотова. Он находился в числе тех 20 членов ЦК, которые 21 июня 1957 г. были делегированы в Президиум с требованием созыва пленума. Тем не менее Патоличев так и остался при Хрущеве на вторых ролях и очень критически отзывался в своих мемуарах о его «субъективизме» в вопросах сельского хозяйства. Поэтому он, должно быть, чувствовал удовлетворение падением первого секретаря[51]. Байбаков оценивал Хрущева двойственно, утверждая, что ценил «...Никиту очень высоко, но только в первые пять лет». Это было суждение технократа. Байбаков мало комментировал роль Хрущева в процессе десталинизации, но хвалил его за освоение целинных земель, расширение площадей для выращивание хлопка, перевод железных дорог на тепловозную тягу и развитие крупнопанельного домостроения[52].

---

[50] Елена Зубкова проводит различие между средним поколением, к которому принадлежали Хрущев (и Маленков), и молодым поколением. См.: Зубкова Е. Ю. Маленков и Хрущев. Личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103- 105.

[51] Молотов, Маленков, Каганович, 1957. С. 96, 99. 168, 170–177, 346–351, 477. Патоличев Н.С. Совестью своей не поступлюсь. – М., 1995. С. 163, 247. К сожалению, мемуары Патоличева заканчиваются 1956 г.

[52] Интервью Н. К. Байбакова. 1992. SEP. Поскольку Байбаков был непосредственным участником разработки ранних хрущевских экономических

Байбаков был одним из тех, кто выиграл от повышения Хрущева. Его в середине 1955 г. назначили главой центрального планирующего органа, он поддержал Хрущева в 1957 г. Сразу после изгнания его довоенного начальника Кагановича из ЦК, Байбакова направили на собрание в партийную ячейку, где тот состоял на партийном учете, чтобы попытаться инициировать исключение «железного наркома» из партии (которое состоялось только в 1962 г.). Однако к 1958 г. Байбаков, защищавший централизованное управление экономикой, впал в немилость. Он также от всей души ненавидел хрущевскую манеру публично унижать своих подчиненных. Хотя он возвратился в Москву в 1963 г., Хрущев был убежден, что Байбаков входил в число руководителей, плетущих заговоры против него. Байбаков настаивал на том, что он не участвовал ни в каких кознях против Хрущева, но, учитывая его неприязненные отношения с первым секретарем, испытываемое им смятение от предлагаемых тем «волшебных средств» для подъема экономики и разделяемую им открытую критику Хрущева в Президиуме, Байбаков чувствовал, что больше не может с ним работать. Он, безусловно, приветствовал события октября 1964 г.

Журин, принадлежавший ко второму эшелону партийных руководителей, предстает (в своих собственных оценках) узколобым «истинным коммунистом», но он был по крайней мере честен в своем расположении к Брежневу. В своем интервью, данном почти 30 лет спустя после описываемых событий, Журин все еще повторяет старую официальную формулировку объяснения того, что произошло в октябре 1964 г.: «Пленум удовлетворил просьбу Н. С. Хрущева об освобождении от исполнения им своих обязанностей»[53]. Вместе с тем на Журина, как и на Байбакова, Хрущев, кажется, производил положительное впечатление своим вниманием к сельскому хозяйству, в особенности к освоению целинных земель. Новиков подчеркивал необходимость дисциплины и ритмичности в работе оборонной промышленности, проводя параллели с военными годами, как будто главная цель социализма заключалась в максимальном производстве вооружения. Он не питал особой любви к Хрущеву: «Брежнев, когда тот был здоров, был не хуже Хрущева и ничуть не менее энергичен, чем Сталин». Вместе с тем у Новикова имелись личные воспоминания о репрессиях, и он полагал, что подручные Сталина виновны в них даже больше него самого[54]. Это должно было настраивать его критически по отношению к старой гвардии – Молотову, Маленкову и Кагановичу, в 1957 г. В любом случае он последовал за своим патроном Козловым, который поддержал Хруще-

---

реформ, не удивительно, что он оценивает их в своих воспоминаниях позитивно (см.: Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. С. 214).

[53] Интервью Н. И. Журина. SEP.

[54] Интервью В. Н. Новикова. 1992. SEP.

ва во время кризиса, связанного со свержением антипартийной группы. Новиков, безусловно, критически относился к Хрущеву в последний период его правления, и, как нам известно, был уволен Хрущевым в 1962 г. Он знал планы заговорщиков в 1964 г. и готовил тексты критических выступлений против Хрущева на октябрьском пленуме для себя и своего шефа Д. Ф. Устинова.

Хотя Егорычев не входил в состав ЦК в 1957 г., он, очевидно, был согласен с Хрущевым в его сопротивлении антипартийной группе: «Они пытались вернуться к сталинским временам и методам, они не имели права сместить Хрущева, поскольку его назначали не они, а Пленум ЦК КПСС»[55]. Будучи в 1957 г. первым секретарем Бауманского райкома партии, Егорычев, возможно, следовал за Екатериной Фурцевой, занимавшей в то время пост первого секретаря Московского горкома и поддерживавшей Хрущева. Несмотря на это Егорычев приветствовал снятие Хрущева в октябре 1964 г. и был готов выступить на пленуме против него. Для Егорычева поддержка Хрущева в 1957 г. и его отвержение в 1964 г. являлись последовательной позицией. Он полагал, что именно Хрущев отступил от принципов XX и XXII съездов, поскольку оказался неспособен избавиться от сталинского наследства. Егорычев, по его словам, оказался среди тех, кто старался укрепить решимость Брежнева в критический момент. «Мы искренне верили, – вспоминал он в 1989 г., – в честность Брежнева и близких к нему людей. Теперь я понимаю, как мы были тогда наивны...»[56]

Объясняя события Хрущевского периода, не следует недооценивать личные достижения и провалы первого секретаря. Советологи во многом правы, когда они в своих исследованиях традиционно уделяют повышенное внимание конфликтам внутри золотого треугольника в высшем руководстве страны, вершинами которого являлись Президиум ЦК, его Секретариат и руководство Совета министров. Что касается самого ЦК, то нет сомнений, что его коллективная власть, проявлявшаяся на пленумах, была намного меньше того уровня, что был предусмотрен Уставом партии. Центральный Комитет не действовал в качестве партийного парламента. На пленумах ЦК не было существенных расхождений при голосовании, и, судя по опубликованным материалам пленумов, там не происходило открытых дебатов ни по каким вопросам, помимо проблем руководства. Июньский 1957 г. и октябрьский 1964 г. пленумы представляли собой исключительные случаи, но даже в 1957 г. никто из их участников не попытался защищать Маленкова и его группу точно также, как в 1964 г. ни один человек не выступил в поддержку Хрущева. Напротив, кажется, можно привести всего

[55] «Направлен послом...». С. 7.

[56] Там же. На самом деле Егорычев занимал достаточно консервативные позиции по многим вопросам в ранние годы правления Брежнева.

один пример не единодушного голосования на пленумах, когда Молотов отказался поддержать собственное изгнание из ЦК в 1957 г. Как институт, Центральный Комитет представлял собой апелляционный суд для Политбюро, но это был суд последней инстанции.

В то же время, как отметил Грэм Джилл, институциализация являлась той особенностью описываемого времени, которую легко упустить из виду[57], и пленум Центрального Комитета следует рассматривать как один из институтов развивающейся системы правления. Можно продвинуться вперед еще на один шаг и утверждать, что полное понимание того периода требует также изучения правящей элиты, члены которой входили в состав этого института. В 1950-х гг., после смерти Сталина и в начале правления Хрущева, элита вновь обрела себя. Доказательства этого утверждения, приводимые Моше Левиным, представляются достаточно убедительными и вполне относящимися к теме настоящей книги, хотя объектом его исследования являются более широкие круги элиты, а не только представители ЦК. Он считал, что «...сталинизм был существенным препятствием, мешавшим превращению верхних слоев бюрократии в правящий класс». Только после 1953 г. бюрократия стала несменяемой. Прибегая к историческим аналогиям, Левин доказал, что в 1953 г. Россия перешла от деспотизма к бюрократическому абсолютизму. По его мнению, то, что Горбачев называл командно-административной системой, было наследием не столько сталинизма, сколько послесталинского периода. Бюрократия явилась не только могильщиком сталинизма, но и любого иного «изма» (по имени лидера, который попытался бы серьезно покуситься на ее всевластие)[58].

Сходной точки зрения придерживается один из новых послесоветских историков, В. П. Наумов, хотя объектом его исследования

---

[57] Gill G. Khrushchev and Systemic Development. – P. 30–45.

[58] Lewin M. Russia / USSR / Russia: The Drive and Drift of a Superstate. – N. Y., 1994. P. 73, 91, 182, 187, 202, 207. Возможно, Левин не учитывает то обстоятельство, что развитый сталинизм, то есть период развития страны с конца 1930-х до начала 1950-х гг., был скорее отклонением, нежели исходной точкой этого процесса. Консолидация власти в руках бюрократии после начала 1950-х и в течение 1960-х гг. фактически продолжила процесс, начавшийся в 1920-х гг., который Сталин постарался прервать. Используя принятую Левиным аналогию, можно утверждать, что Россия в 1930-х гг. двигалась от бюрократического абсолютизма через деспотизм, и главной целью чисток того времени являлось уничтожение явного и скрытого могущества многочисленной элиты. Во времена ежовщины элита была физически (причем кроваво) лишена несменяемого статуса, который обрела в 1920-х и начале 1930-х гг. Еще одной поправкой является то, что восстановление несменяемости элиты следует относить скорее к 1940-м гг., нежели к началу 1950-х. Во всяком случае именно тогда обрели несменяемость сталинские назначенцы 1930-х гг.

являются секретари региональных партийных комитетов. Он считает, что «...местная партийная бюрократия стала самостоятельной силой... Она продемонстрировала, что является группой, объединенной общими интересами, обладающей вполне независимым положением и сохранившей свое значение и независимость даже после победы Хрущева. Этой силой нельзя было пренебрегать. И когда Хрущев попытался освободиться от своей зависимости от нее, подорвать ее могущество, то эта конфронтация завершилась его поражением»[59]. Сам Хрущев невольно в этом признался. Бурлацкий как-то в 1953 г. присутствовал на высоком совещании, на котором Маленков зачитал длинный перечень упреков в бюрократизации власти. «Все это, конечно, правда, Георгий Максимилианович, – выдавил, наконец, из себя Хрущев после долгой паузы, последовавшей после окончания речи Маленкова, – но аппарат – наша опора». Слова Хрущева были вознаграждены долгими и продолжительными аплодисментами массы представителей партийного аппарата[60].

Любая обобщенная оценка Никиты Сергеевича Хрущева требует уделить внимание изучению элиты Центрального Комитета, чтобы лучше понять, чем ограничивались его власть и достижения. Окончание деспотического сталинского террора означало, что впервые с 1937–1938 гг. начался процесс активного взращивания элиты. Хрущеву было очень важно каждое полугодие (или чуть реже) представлять элите свою политику. Властные полномочия ЦК использовались для проведения изменений в руководстве партии в 1957 и 1964 г., хотя эти изменения были бы немыслимы без инициативы олигархов высшего уровня, состоявших в Президиуме ЦК. Равным образом ошибочно утверждать, что исключительно благодаря Хрущеву высшая элита обрела бóльшую безопасность. Это явилось не только заслугой первого секретаря, но и результатом совместной работы всей элиты, так или иначе внесшей свой вклад в решение этой задачи.

Кроме того, еще одним признаком ограниченности власти Хрущева стало сохранение в неприкосновенности существовавших властных структур. Какие бы реформы он не затевал в других ветвях Советской власти, систему формирования состава Центрального Комитета Хрущев оставил практически в том виде, в котором она сложилась при Сталине в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Он действительно поощрял частое перемещение с места на место первых секретарей региональных комитетов партии, министров и других обитателей властных кабинетов. Это было необходимо как для повышения эффективности, так и для усиления личной преданности ее членов. Но Хрущев не изменил принципиально систему должностных вакансий,

[59] Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущева... С. 28.

[60] Бурлацкий Ф. Вожди и советники. С. 27–28.

лежавшую в основе формирования ЦК (как это предстояло сделать Горбачеву в 1990-х гг. и как частично изменил эту систему Сталин в 1920-х). Хрущев также не привел за собой во власть новую когорту чиновников. Сталин в конце 1930-х и Горбачев 50 лет спустя произвели качественные изменения самой природы элиты Центрального Комитета путем сознательного удаления из нее людей старшего поколения и замены их новыми. Что касается Хрущева, то, как позднее заметил один из российских обозревателей, при нем «...политическая элита по существу осталась прежней, в прежней парадигме. [Вот почему стало возможным так легко повернуть все эти процессы вспять. И уже совсем другое дело, что получилось потом]»[61]. Если говорить об элите, то хрущевский период, вместо того чтобы стать временем разрушения прежней элиты, фактически законсервировал ее в положении, равноудаленном от линий разлома (1937–1938 гг. и начала 1980-х) в середине эры второго поколения.

Вместе с тем в годы правления Хрущева наблюдалось некоторое обновление персонального состава Центрального Комитета, но приходившие в элиту люди относились к тому же поколению, что и те, кого они сменяли. Возрастной, национальный и социальный состав Центрального Комитета существенным образом не менялся даже между крайними точками данного периода – 1952 и 1966 г. Можно утверждать, что члены элиты в начале и конце этого периода имели одинаковое прошлое: они происходили из крестьянских семей, были вынесены из деревни волной первых пятилеток, выдвинулись на ответственные посты во время или после Большого террора и сохранили за собой важные посты в ходе Второй мировой войны. Этой элите, спевшейся во время правления Хрущева и впоследствии его свергшей, предстояло править СССР следующие два десятилетия. С точки зрения социальной истории элит хрущевские годы являются скорее периодом стабильности, нежели перемен. Этим частично объясняется то, что руководитель-реформатор потерпел неудачу в достижении поставленных целей и то, почему его наследники вели себя именно так, а не иначе.

---

[61] Волобуев О. В. Внутренние мотивы политических акций // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС / под ред. В. Т. Логинова. – М., 1996. С. 90–91. «Подобно тому, как Сталину была нужна собственная партия (вспомним уничтожение им ленинской гвардии, то есть поколения, сформировавшегося в совсем иной исторический период), так и Хрущеву требовалась собственная партия, очищенная от людей преданных Сталину и сталинизму...» Именно потому, что он не сумел создать такую «собственную партию», удалось столь легко повернуть вспять процесс хрущевских реформ.

5. КОНСОЛИДАЦИЯ ЭЛИТЫ, 1966–1985 гг.

Нынешний стиль руководства партией вселяет в нас чувство уверенности, умножает наши силы. Нет теперь спешки и суеты. Требовательность к кадрам Президиум ЦК сочетает с доверием и уважением к ним. По-деловому, без шумихи, парадности и пустозвонства стали проводиться пленумы Центрального Комитета.

(Д. А. Кунаев, XXIII съезд партии, март–апрель 1966 г.)

Будучи свидетелем титанической деятельности Леонида Ильича Брежнева, читая отчеты о его встречах, его фундаментальные труды и речи по иностранным и внутренним проблемам испытываешь искреннюю радость и гордость от того, что во главе партии и государства находится человек, в котором органически сочетаются широчайшая эрудиция, ленинская принципиальность, пролетарская решительность, революционная смелость, высокий гуманизм и редкая дипломатичность. (*Бурные, продолжительные аплодисменты.*)

(Э. Шеварднадзе, июньский (1980 г.) пленум Центрального Комитета)

После лихорадочного экспериментирования Хрущева годы правления Брежнева стали периодом стабильности для советского общества в целом и для его элиты в особенности. При первой возможности, уже в 1966 г., были отменены хрущевские новшества в управлении партией. Под возгласы одобрения и бурные аплодисменты делегатов XXIII съезда партийные комитеты были вновь объединены, руководителю партии вернули его прежнее звание, и он стал снова именоваться генеральным секретарем, Президиум ЦК снова переименовали в Политбюро[1]. Кроме того, из Устава партии удалили положения о принудительном обновлении выборных органов, введенные в 1961 г. Главный упор делался на стабильность

[1] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1966. Т. 1. С. 98.

кадров. Состав Центрального Комитета и правительства в целом теперь менялся все реже, а на XXVI съезде в 1981 г. произошел вообще беспрецедентный случай, когда Политбюро и Секретариат ЦК были переизбраны в полном составе без единого изменения. Значение таких перемен с благодарностью отмечалось членами элиты, о чем свидетельствует выступление первого секретаря ЦК компартии Казахстана Динмуххамеда Кунаева на XXIII съезде партии в 1966 г. «Не стало спешки и суеты, – заявил он делегатам, – новое руководство партии сочетает требовательность к кадрам с доверием и уважением к ним»[2].

В начале 1990-х гг. российские граждане, оглядываясь в прошлое, считали, что ушло время, когда они жили лучше, чем когда-либо еще[3]. Действительно, национальный доход по крайней мере по официальным данным в период между 1960 и 1970 г. удвоился, а к 1980 г. утроился. Промышленное производство росло еще более высокими темпами. Но оставались бесконечные проблемы в сельском хозяйстве, невзирая на принятие в 1982 г. грандиозной продовольственной программы, а темпы экономического роста, взлетевшие вверх в конце 1960-х гг., к началу 1980-х снова сползли почти до нулевой отметки. Но реальные доходы рядовых граждан за два десятилетия выросли более чем в два раза, а заработки колхозников поднялись даже в четыре раза. Само общество также претерпело серьезные изменения. Начнем с того, что больше людей теперь стало жить в городах и поселках городского типа (три четверти населения в начале 1980-х гг.). Больше людей заканчивало вузы, стало больше больничных коек, выросло количество автомобилей и телевизоров, проданных населению. Улучшилось питание советских людей, которые начали потреблять больше мяса, рыбы и фруктов вместо продуктов с большим содержанием крахмала, бывших основой их питания в течение нескольких десятилетий. Опрометчивое обещание Хрущева о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», было совершенно забыто. Ему на смену пришла доктрина развитого социализма, обещавшая создание в ближайшем будущем потребительского общества социалистического типа со стабильными ценами, полной занятостью и всеобъемлющим социальным обеспечением. Между тем СССР достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами, его влияние в мире усиливалось, он занимал лидирующие позиции в области научных исследований, по числу завоеванных золотых медалей на Олимпиадах и в освоении космоса.

---

[2] XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 29 марта – 8 апреля 1966 г. С. 149. Первый секретарь Краснодарского крайкома, как писала Правда, был еще одним участником, который публично выразил поддержку прекращению политики массовых переводов (Там же. Т. 2. С. 128).

[3] См., напр.: Сегодня. 1995. 14 янв. С. 10.

Годы стабильности и относительного материального благополучия имели ряд последствий для политической элиты. Возникли условия для развития непотизма, когда родители искали способы, чтобы гарантировать детям те же привилегии, которыми обладали сами (к этому вопросу мы еще вернемся в главе 7). Сам ЦК разбух, вновь стал развертываться культ личности генерального секретаря, который частично поощрялся самим Брежневым, например, предпринимались организационные меры (зачастую теми, кто нуждался в его протекции), чтобы выступления Генерального секретаря сопровождались громом аплодисментов[4]. Выборы в ЦК в те годы сами по себе свидетельствовали об усилении доминирующей роли Брежнева. Если в 1966 и 1971 г. избранный состав ЦК объявлялся в алфавитном порядке, то в 1976 г. имя Брежнева было названо первым, и это объявление вызвало «бурные, продолжительные аплодисменты». В 1981 г. сообщение о единогласном переизбрании Брежнева было встречено криками ура и бурными аплодисментами[5]. Участились случаи злоупотребления служебным положением как со стороны членов семьи Брежнева, так и в его окружении. В отдаленных и нерусских регионах страны сложились целые семейные кланы первых секретарей-долгожителей: Кунаева – в Казахстане, Усубалиева в Киргизии, Гапурова в Туркмении, Щербицкого на Украине, Рашидова в Узбекистане. Когда в конце 1970-х гг. экономическое положение страны стало ухудшаться, уже ослабли механизмы ответственности, в том числе самого ЦК, и малоподвижной и частично коррумпированной элите стало все сложнее оправдывать происходящее.

---

[4] Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 18 («организационные меры»). На XXIII съезде партии в 1966 г. Брежневу аплодировали 25 секунд, в то время как остальным выступающим членам Политбюро – по 4–6 секунд. К XXV съезду (1976 г.) длительность аплодисментов Брежневу выросла до 42 секунд, а для остальных членов Политбюро сократилась до 2–7 секунд каждому. Разница станет еще более впечатляющей, если принимать во внимание не только длительность, но и громкость оваций – Radio Liberty Research Report, 128/76. 1976. March. P. 13, 16. Более детально культ руководителя партии описан в: Gill G. The Soviet Leader Cult: Reflections on the Structure of Leadership in the Soviet Union // British Journal of Political Science. 1980. № 10:2 (Apr.). P. 167–186.

[5] См.: XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза 24 февраля – 5 марта 1976 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1976. Т. 2. С. 309 (избрание остальных членов руководства было «тепло встречено») и XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза 23 февраля – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1981. Т. 2. С. 242 (отмечено, что избрание остальных членов руководства партии было встречено просто аплодисментами).

Элита. Период стабильности

Брежневскую элиту отличал прежде всего рост численности. В общей сложности в 1966, 1971, 1976 и 1981 г. в ЦК вошли 740 человек, что составляет более трети от общего количества его членов, избранных за годы Советской власти. Одновременно росла численность самой партии, увеличившаяся с 12,5 млн человек во время первого при Брежневе съезда (1966 г.) до 17,5 млн в начале 1980-х гг. К тому времени членство в партии в советском обществе приобрело массовый характер. В ее рядах состоял каждый пятый мужчина в возрасте старше 30 лет, членами партии была треть выпускников высших учебных заведений[6]. Рост численности ЦК явился следствием большей доступности самой партии. Он отражал также перемены в обществе, одна из которых – увеличение числа министерств и государственных комитетов, академических институтов, общественных организаций разного рода. Вполне естественно, все они стремились к тому, чтобы их руководители были представлены на высших уровнях принятия партийных решений. Естественно также, что и сама партия желала инкорпорировать опыт этих организаций и расширить свое влияние на представляемые ими слои общества. Кроме того члены руководства стремились усилить свои позиции, выдвигая в ЦК представителей тех областей или организаций, за которые они отвечали. Совместное действие всех перечисленных факторов обусловило устойчивый рост численности ЦК и последовательное сокращение сменяемости его членов на очередных съездах. В отличие от западных обществ, в КПСС отсутствовали всеобщие выборы, способствующие обновлению состава руководящих органов, а в отличие от предыдущих периодов советской истории – больше не было войн, чисток или революций сверху.

Фактически численность Центрального Комитета в брежневские годы достигла максимальных размеров. Например, количество его полномочных членов, избранных на последнем при жизни Брежнева съезде партии в 1981 г., выросло до максимального за всю историю партии (до 1990 г.) уровня, составив 319 человек. При этом доля членов ЦК, сохранявших свои позиции при очередных выборах на съездах, была также самой высокой в истории партии, особенно в 1976 и 1981 г. (табл. 5.1). На первый взгляд, число членов ЦК, оставшихся в его составе после выборов 1966 г., кажется удивительным, учитывая, что у нового руководства партии, сменившего Хрущева, возникла возможность укрепить свои позиции. Возможно, это объясняется тем, что тогда имели место весьма ограниченные персональные изменения среди первых секретарей региональных комитетов партии и на других постах, обладатели которых имели все основания обрести статус членов ЦК. Аналогичная картина

[6] Hough J. F. The Soviet Union and Social Science Theory. – Cambridge, 1977. P. 128.

с сохранением членства в ЦК наблюдалась и в 1971 г., поскольку брежневская группа сумела укрепить свое влияние на этом уровне. (Брежнев к тому времени обладал неоспоримым первенством в руководстве.) Тенденция к увеличению числа людей, сохранявших за собой занимаемые посты, усилилась в 1976 г., поскольку те, кто завоевал свое положение в партии при новом руководстве, стали в ней доминировать. Доля старых членов ЦК, переизбиравшихся в его состав на каждом очередном съезде партии при Брежневе, составляла не менее двух третей, и по крайней мере 43 % полномочных членов ЦК, избранных в 1966 г., оставались в его составе после выборов 1981 г. (Если учитывать только тех, кто оставался в живых к тому моменту, то среди них доля переизбранных в третий раз составила 56 %). К началу 1980-х гг. членство в Центральном Комитете можно было обоснованно назвать своего рода пожизненным пэрством[7].

Какие люди избирались и переизбирались в ЦК, возглавлявшийся Леонидом Брежневым? Как и следовало ожидать, то была эра правления брежневского поколения, или класса 38-го года, приход которого к власти и характерные черты его представителей описаны в главах 3 и 4. Это люди, родившиеся в период между 1901 и 1920 гг., составляли самую крупную по численности когорту полномочных членов ЦК вплоть до XXVI съезда партии, прошедшего в 1981 г., и даже после него бóльшая их часть (167 человек из 219) относилась именно к этому поколению.

Второе поколение элиты стало превращаться в доминирующую группу еще в последние годы жизни Сталина, и этот процесс продолжился во времена правления Хрущева. Сохранение его доминирования при Брежневе означало постепенное старение Центрального Комитета. К концу 1970-х гг. в нем не осталось ни одного человека моложе 40 лет, а самую многочисленную группу составили люди в возрасте 60–70 лет. Средний возраст членов ЦК к 1981 г. поднялся до 62 лет, то есть превысил возраст выхода на пенсию для мужчин. Более трети членов ЦК родились до Октябрьской революции, а четверо – в прошлом веке. Старение ЦК происходило не только в результате того, что становились старше люди, неизменно переизбиравшиеся в его состав, но также (и даже в большей степени) вследствие увеличения возраста вновь избираемых. Вместе с тем, если говорить о жизненном опыте членов ЦК, то среди них было немного людей, помнивших революцию и гражданскую войну, а также времена смешанной экономики и относительной открытости периода нэпа. В тот период люди второго поколения элиты были еще детьми. Большой террор имел более отдаленные последствия, поскольку менее половины

---

[7] Hough J. F. The Soviet Leadership in Transition. – Washington, 1980. P. 64. См. также: Casstevens T. W., Ozinga J. R. The Soviet Central Committee Since Stalin: Longitudinal View // American Journal of Political Science. 1974. № 18:3 (Aug.). P. 559–568. По мнению авторов, схема обновления политической верхушки фактически близка к тем, что существуют в рамках парламентских систем.

полномочных членов ЦК 1986 г. достигли взрослого возраста к 1937 г., когда репрессии набрали наибольшую интенсивность. Вторая мировая война оказала значительно более сильное влияние на формирование членов ЦК, поскольку более 80 % из тех, кто работал в последние годы жизни Брежнева, были взрослыми людьми в 1946 г. Очевидно, именно здесь следует искать истоки внимания к торжествам, которые ежегодно происходили 9 мая, когда отмечался День Победы над фашистской Германией. Это также послужило причиной серьезного внимания, которое уделялось военным воспоминаниям Брежнева и битве под Новороссийском, в которой он участвовал. Для многих людей, особенно для представителей второго поколения элиты, военный опыт, включая потери и конечный триумф в войне, являлись не подлежащим сомнению мандатом на правящую роль партии и на их собственное высокое положение в стране.

Не вызывает удивления почти полное отсутствие в составе ЦК представителей первого поколения старых большевиков, если учесть естественный ход времени и репрессии против них во времена Сталина и Хрущева. Только четверо из этого поколения сохранились в составе ЦК 1981 г. избрания, причем присутствие троих из них было чисто декоративным. Маршалы Жуков и Баграмян, давно пребывавшие на пенсии, жили исключительно воспоминаниями о Второй мировой войне. Старый латышский большевик Арвид Пельше, вступивший в партию в 1915 г., являлся символом Октябрьской революции. Он избирался в ЦК только в 1961 г. в качестве первого секретаря ЦК Компартии Латвии, а позднее был назначен Председателем комитета партийного контроля и членом Политбюро. Последним из могикан, переизбранным в 1986 г., стал Ефим Славский, родившийся на Украине в 1898 г. и являвшийся членом партии с 1918 г., но он представлял собой, как писали, «крупную, влиятельную фигуру, сохранив организационные способности до конца жизни»[8]. Многолетний министр среднего машиностроения, производившего в том числе ядерное оружие, Славский нес на своих плечах огромную ответственность. Еще важнее была стратегия сдерживания представителей третьего поколения, заметное количество которых появилось в ЦК только после 1971 г. Но даже в 1976 г. они составляли не более трети его состава, не считая рядовых членов партии, работавших на производстве, чья роль была скорее декоративной. Более того, еще в 1981 г. из 470 человек, входивших в ЦК, нашлось место всего для 5 представителей четвертого поколения, причем все они исполняли символические роли. К ним относились металлург Геннадий Баштанюк, доярка Мария Голубева, ткачиха Валентина Голубева, мастер-строитель Леонид Казаков и узбекская колхозница Холбуви Рустамова.

Брежневскую элиту составляли преимущественно мужчины, хотя количество женщин, многие из которых представляли работниц и кол-

[8] Лигачев Е. К. Предостережение. – М., 1998. С. 250.

Таблица 5.1

Изменение состава ЦК, 1961–1986 гг.

	Съезд и дата его проведения					
	XXII, октябрь 1961 г.	XXIII, март–апрель 1966 г.	XXIV, март–апрель 1971 г.	XXV, февраль–март 1976 г.	XXVI, февраль–март 1981 г.	XXVII, февраль–март 1986 г.
Полномочные члены ЦК	175	195	241	287	319	307
Кандидаты в члены ЦК	155	165	155	139	151	170
Всего	330	360	396	426	470	477
Избранные на предыдущем съезде и переизбранные вновь	127	240	262	315	333	259
Новые члены ЦК	203	120	134	111	137	218
Переизбранные на следующим съезде	240	262	315	333	259	58
Не переизбранные на следующем съезде	90	98	81	93	211	419
Изменение состава ЦК (%)	60	27	27	20	22	45

Примечание. Обновление состава ЦК на данном съезде партии рассчитывалось как доля неизбранных повторно на этом съезде полномочных членов и кандидатов в члены ЦК от их числа, избранных предыдущим съездом.

Таблица 5.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1952–1966 гг.

	1961 г.		1966 г.		1971		1976		1981		1986	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Центральные партийные органы	26	8	27	8	26	7	32	8	44	9	43	9
Центральные государственные органы	55	17	77	21	87	22	103	24	114	24	113	24
Республиканские партийные органы	30	9	31	9	30	6	28	7	32	7	34	7
Республиканские государственные органы	33	11	38	11	36	9	36	8	36	8	33	7
Региональные партийные органы	95	28	95	26	105	27	111	26	112	24	115	24
Региональные государственные органы	12	4	6	2	6	2	7	2	4	1	5	1
Вооруженные силы	31	9	32	9	32	8	29	7	36	8	36	8
Органы госбезопасности и внутренних дел	1	0	1	0	3	1	4	1	4	1	5	1
Дипломатические службы	16	4	16	4	21	5	20	5	22	5	23	5
СМИ / наука / культура	18	5	15	4	21	5	20	5	22	5	23	5
Представители отраслей производства	16	5	22	6	28	7	27	6	39	8	44	9
Всего	330	100	360	100	396	100	426	100	470	100	477	100

Примечание. В число представителей центральных государственных органов не включены министры обороны и иностранных дел, но в этой категории учтены руководители профсоюзов. В категорию «республиканские партийные органы» включены только ЦК компартий союзных республик, а в категорию «региональные партийные органы» – партийные комитеты областей, краев, автономных республик и автономных областей, а также Москвы и Ленинграда. «Дипломатические службы» представлены руководителями МИДа и послами.

хозниц, выросло с 13 в 1966 г. до 19 в 1981 г. (включая первую женщину-космонавта Валентину Терешкову), составив 4 % от общей численности ЦК. Но этот было намного ниже доли женщин среди всех членов партии (составлявшей в тот год 26,5 %)[9], а после того как Екатерину Фурцеву вывели из состава Политбюро в 1961 г., ни одна женщина не появилась в высшем руководстве партии. В остальном же брежневская элита помимо доминирования в ней представителей второго поколения мало чем отличалась от поздней сталинской или хрущевской. Кроме прочего, все они были людьми крестьянского происхождения с примерно одинаковым – техническим – образованием. Доклады мандатных комиссий последовательно проходивших в брежневский период съездов партии ясно указывают на то, что повышающийся уровень образованности становился все характернее для руководящих партийных органов. Если в 1979 г. 79 % делегатов съезда сообщили о наличии у них высшего, незаконченного высшего или среднего специального образования, то к 1981 г. доля образованных людей среди делегатов поднялась до 94 %[10].

Брежневская элита – преимущественно чиновничья, хотя в ней так же медленно росло число людей, занятых в реальном производстве – с 10 человек в 1966 г. до 25 в 1981 г. (События в Польше наглядно продемонстрировали, насколько опасен для режимов подобного типа отрыв от социальной группы, защитником интересов которой они себя позиционировали.) В остальном состав ЦК оставался удивительно стабильным, отражая формирование все более тесной взаимосвязи между должностным положением человека и его правом на членство в высшем выборном органе партии. Иными словами, происходило укрепление системы должностных вакансий. Не считая небольшого символического присутствия в ЦК рабочих и крестьян, самой крупной по численности в его составе в брежневские времена являлась группа партийных чиновников регионального и республиканского уровня, на долю которых приходилось около трети всех полномочных членов ЦК. Следующей по численности группой были министры и другие высшие государственные чиновники, составлявшие около четверти состава ЦК. За ними следовали представители регионального государственного аппарата, работники центральных партийных

---

[9] Справочник партийного работника. – М., 1981. Вып. 21. С. 491.

[10] XXIII съезд... Т. 1. С. 284; XXVI съезд... Т. 1. С. 220. Одним из существенных индикаторов стабильности кадров при Брежневе служит тот факт, что на всех четырех съездах доклады мандатных комиссий делал один и тот же человек – Иван Капитонов, проработавший секретарем ЦК 20 лет. Данные об уровне образования делегатов съездов являются полезной информацией, но к ней следует подходить с осторожностью. Эти сведения в большей степени отражают повышение образованности широких масс делегатов съездов, число которых в 1981 г. составило 5002 человека, нежели уровень образования элиты ЦК.

органов и военные, в общей сложности составлявшие примерно 10 % (табл. 5.2). Министров союзного значения в составе ЦК было больше, чем чиновников центрального партийного аппарата. Представителей местных государственных органов, напротив, было меньше, чем представителей региональных партийных комитетов, причем их доля постоянно снижалась.

Стабильность Центрального Комитета с точки зрения его персонального состава была еще более впечатляющей. Все ЦК, избиравшиеся на четырех съездах при Брежневе, обязательно включали в качестве полномочных членов Председателя Совета министров СССР, председателей Госплана и КГБ, а также министров судостроения и финансов, иностранных дел и авиационной промышленности, обороны и оборонной промышленности, сельского хозяйства и внешней торговли, культуры и электронной промышленности, черной и цветной металлургии, общего и среднего машиностроения (последнее неизменно возглавлял Славский). Членами ЦК были также послы во всех государствах Варшавского Договора, в Индии и Югославии. Смена приоритетов во внешней политике проявилась во включении на последних съездах в состав ЦК послов во Франции, Италии, Германии, Швеции и Японии. Посол СССР в США Анатолий Добрынин был переведен в 1971 г. из кандидатов в полномочные члены ЦК. Пять лет спустя посол в Монголии переместился в противоположном направлении – из членов в кандидаты в члены ЦК. Послы на Кубе, в Китае и Алжире являлись полномочными членами ЦК трех из четырех созывов, а послов в Северной Корее и Вьетнаме на последних двух съездах вводили в состав ЦК, но только в качестве кандидатов без права решающего голоса[11].

Таблица 5.3

Распределение членов ЦК, избранных в 1961–1986 гг., по поколениям

	Годы избрания ЦК					
	1961	1966	1971	1976	1981	1986
Первое поколение	28	23	10	4	4	1
Второе поколение	285	299	281	267	219	81
Третье поколение	17	38	105	155	242	379
Четвертое поколение	0	0	0	0	5	18
Всего	330	360	396	426	470	477

Примечание. К первому поколению относятся люди, родившиеся ранее 1900 г., ко второму – родившиеся в 1901–1920-м гг., к третьему – родившиеся в 1921–1940-м гг., к четвертому – родившиеся позднее 1941 г.

[11] Советский посол в Румынии неизменно входил в состав ЦК за исключением избранного в 1971 г., когда его предшественник был сразу после выборов назначен послом в Чили, но остался членом ЦК в своем новом качестве.

Сердцевину всего ЦК, постепенно превращавшегося во все более закрытое образование, на протяжении всего периода правления Брежнева составляли первые секретари региональных комитетов партии. По крайней мере 39 из них постоянно избирались в состав ЦК на правах полномочных членов на всех съездах партии, проходивших при Брежневе. В их число обязательно входили первые секретари Московского и Ленинградского горкомов и соответствующих обкомов партии, а также первые секретари обкомов основных промышленно развитых областей таких: Челябинской, Донецкой Днепропетровской, Горьковской, Кемеровской, Харьковской, Куйбышевской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Свердловской, Ульяновской и Волгоградской. Сельскохозяйственные регионы представляли первые секретари Алтайского и Ставропольского крайкомов и рескомов Башкирской, Татарской и Дагестанской автономных республик. Еще 35 регионов были постоянно представлены в ЦК полномочными членами или кандидатами в члены ЦК. В их числе такие области, как Амурская, Белгородская, Курская, Львовская, Орловская, Пензенская, Уральская и Вологодская и Карельская АССР. В трех из четырех составах ЦК, избранных за этот период, они были представлены полномочными членами. Имелся также ряд организаций и даже предприятий, имевшие для своих представителей гарантированные места в составе ЦК, например, Магнитогорский металлургический комбинат, Московский автомобильный завод им. Лихачева, Свердловский завод «Уралмаш», Ленинградский Балтийский судостроительный завод. Писателя Михаила Шолохова, бывшего членом ЦК с 1961 до своей смерти в 1984 г., можно также считать своеобразным институтом[12].

---

[12] Существует обширная литература, посвященная закономерностям представительства в Центральном Комитете. В частности: Frank P. Constructing a Classified Ranking of GPSU Provincial Committees // British Journal of Political Science. 1974. № 4: 2 (Apr.). P. 217–230. В этой работе автор ограничился изучением представительства в ЦК областных комитетов РСФСР в 1966 г. Расширенный комментарий по данному вопросу содержится в: McAuley M. The Hunting of the Hierarchy: RSFSR obkom First Secretaries and the Central Committee // Soviet Study. 1974. № 26: 4 (Oct.). P. 474–504. Автор пришел к выводу, что при определении, достоин ли тот или иной секретарь обкома статуса полномочного члена ЦК, учитывался целый ряд факторов: численность населения возглавляемой им области, размеры партийной организации, экономическое значение области, стаж работы на посту первого секретаря, различные текущие соображения и желание подчеркнуть представительный характер ЦК. Играли свою роль также персональные предпочтения членов Политбюро и соглашения между ними (С. 497–498). Система должностных вакансий в ЦК исследовалась в: Daniels R. V. Office Holding and Elite Status: The Central Committee of the CPSU // The Dynamics of Soviet Politics /ed. P. Cocks. – Cambridge, 1976. P. 77–95. Известны также несколько исследований состава Центрального Ко-

Столь же стабильным оставался и национальный состав ЦК, хотя в нем наблюдалась тенденция к преобладанию лиц славянских национальностей – русских, украинцев и белорусов, несмотря на то, что происходило устойчивое снижение доли этих наций в общей численности населения СССР (табл. 6.4). Русские всегда были представлены в ЦК непропорционально по сравнению с их долями в общей численности населения и даже в партии, где они составляли в конце 1970-х гг. около 60 %. Представительство украинцев примерно соответствовало их процентной доле в численности населения, но их количеств в ЦК никогда не достигало столь высокого уровня, как во времена правления Хрущева и Брежнева. Возможно, это не случайность, поскольку оба эти руководителя родились и значительную часть своей карьеры провели именно на Украине. Представительство народов Средней Азии в этот период оставалось в целом постоянным, хотя и меньшим, чем могло быть в соответствии с процентным составом народов этих республик в стране и в партии. Представительство прочих национальных групп, включая кавказцев и прибалтийские народы, постоянно снижалось, примерно следуя за сокращением их процентной доли в общей численности населения. Несколько малых народов, не имевших собственных союзных республик (буряты, чуваши, якуты, кабардинцы, карелы, калмыки, марийцы, осетины, удмурты) также имели своих представителей в ЦК на уровне кандидатов или полномочных членов. Первый секретарь обкома Еврейской автономной области были избран в ЦК в 1981 г., но в целом число евреев в нем постоянно снижалось.

Конечно, национальность имела значение, но не менее важно было место рождения, то есть регион и тип поселения (город, село), где человек рос и воспитывался. В Брежневские годы самую большую группу среди членов ЦК составляли люди, рожденные в РСФСР, как это и можно предположить, исходя из его национального состава, но уроженцы Украины и Белоруссии также были представлены в нем достаточно полноценно. Заметна тенденция к росту представительства в ЦК людей, родившихся в Сибири – в 1986 г. их доля достигла 10 %, что не только отражало рост численности населения в этой части РСФСР, но также являлось признаком возникновения сильной, хорошо организованной и самовоспроизводящейся региональной группировки, имевшей высокопоставленных покровителей в руководстве партии. Для такого вывода есть все основания. Напротив, недостаточно были

митета рассматриваемого периода, в том числе: Gehlen M. P., McBride M. The Soviet Central Committee : An Elite Analysis // American Political Science Review. 1968. № 62: 4 (Dec.). Vol. I. P. 232–241 (где изучены данные о 184 из 195 полномочных членов и 125 из 165 кандидатов в члены ЦК, избранного в 1966 г.) и Donaldson R. H. The 1971 Soviet Central Committee: An assessment of the New Elite // World Politics. 1972. № 24: 3 (Apr.). P. 382–409.

Таблица 5.4

Национальный состав Центрального Комитета в 1961–1986 гг.

	Годы избрания ЦК											
	1961		1966		1971		1976		1981		1986	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	184	56	109	58	238	60	273	64	328	70	341	71
Украинцы	55	17	58	16	60	15	66	15	63	13	56	12
Белорусы	10	3	11	3	13	3	14	3	13	3	21	4
Кавказцы	11	3	13	4	13	3	13	3	14	3	12	3
Представители Средней Азии	17	5	17	4	22	6	20	5	23	5	23	5
Прибалты	10	3	11	3	11	3	10	2	10	2	7	1
Прочие	10	3	12	3	14	4	15	4	19	4	17	4
Неизвестной национальности	32	10	30	8	25	6	15	4	0	0	0	0
Всего	330	100	360	100	396	100	426	100	470	100	477	100

Примечание. Строка «прочие» учитывает несколько десятков национальностей, от молдаван до якутов, имевших по 1–2 представителя в ЦК, включая немцев, евреев и поляков. Исходя из места рождения, фамилии и места работы большинство людей, учтенных за 1961–1976 гг. в строке «неизвестной национальности», скорее всего были славянами и в основном русскими. Частично это подтверждается данными за 1981 и 1986 гг., где количество русских сопоставимо с данными за предыдущие годы о суммарном числе русских и лиц неизвестной национальности.

представлены в ЦК уроженцы Прибалтики, Средней Азии, республик Закавказья и автономных образований Северного Кавказа в составе РСФСР. Распределение членов ЦК по происхождению также в целом оставалось стабильным. Как это ни удивительно, люди деревенского происхождения продолжали составлять более половины состава ЦК на протяжении всех 1970-х гг., а в 1986 г. их представительство в процентном отношении даже выросло. Наблюдалось также увеличение в составе ЦК относительного числа людей, родившихся не в больших, а в малых городах и поселках городского типа[13].

Люди брежневской эпохи

Как уже было сказано выше, состав Центрального Комитета постепенно и все отчетливее стал формироваться из представителей определенных групп элиты – работников центрального партийного аппарата, министров, республиканских лидеров, дипломатов и генералов, слегка разбавленных представителями рабочих и крестьян. Основную часть составляли (и это стало особенно явным в последние годы существования СССР) первые секретари региональных партийных комитетов, возглавлявшие партийные аппараты в краях, областях и автономных республиках. Михаил Всеволжский, например, представлял в ЦК регион, имевший в брежневские годы особенно важное значение – Запорожскую область, центр металлургической промышленности. Всеволжский являлся членом ЦК 20 лет, начиная с 1966 г. Родился он 7 ноября 1917 г. (в день свержения большевиками Временного правительства) в деревне, расположенной в Екатеринославской губернии, позднее ставшей Днепропетровской областью[14]. Его отец был русским, строил мосты на Днепре, а красавица-мать переехала в эти места вместе с семьей из Курской области. Сам Всеволжский трудился на строительстве Днепрогэса, одного из важнейших объектов первой пятилетки. Эта гидроэлектростанция должна была снабжать электроэнергией металлургические заводы строящегося рядом Запорожья – города, вскоре ставшего широко известным. Относившийся ко второму поколению элиты, Всеволжский оказался на несколько лет моложе той когорты руководителей, о которых шла речь в главах 3 и 4. До войны он был слишком молод, чтобы успеть занять какой-либо важный пост. В 15 лет, после окончания шко-

---

[13] Более подробный разбор состава ЦК представлен в: Mawdsley E. Portrait of a Changing Elite: CPSU Central Committee Foll Members, 1939–1990 // New Directions in Soviet History / ed. S. White. – Cambridge,1992. P. 191–296. Некоторые данные о распределении по возрасту национальности и уровню образования полномочных членов ЦК 1966 и 1981 гг. избрания содержатся также в Исследовательском бюллетене Радио «Свобода». 1981. № 63. С. 5–6.

[14] Интервью с М. Н. Всеволжским. 1991. SEP.

лы, он поступил в техникум, а затем и в авиационный институт в Рыбинске (городе на Верхней Волге, к северу от Москвы) и там в начале войны познакомился со своей будущей женой. Всех студентов отправили работать на производстве после четвертого курса. Всеволжского распределили на завод № 26, гигантское предприятие на окраине Рыбинска, производившее двигатели для истребителей конструкции Яковлева. С этого момента началась долгая карьера Всволжского в оборонной промышленности. Ему удалось завершить свое образование только в 1965 г., заочно окончив Днепропетровский металлургический институт.

С началом войны Рыбинск стал подвергаться бомбардировкам, и Всеволжского, как и других работников завода, эвакуировали вместе с семьей. Его дочери тогда было две недели от роду. Путешествие оказалось трудным, около 20 детей умерло во время него. Но в конце концов они прибыли в столицу Башкирии Уфу, куда был переведен Рыбинский завод. Директор завода Василий Баландин, являвшийся также заместителем министра авиационной промышленности и совершивший в свое время несколько деловых поездок в Германию, попал под подозрение, был по приказу Берии арестован, но его вскоре, после нескольких допросов, освободили. Завод стал важной составляющей военной экономики, и Сталин почти ежедневно звонил по телефону, справляясь о его

5.1. Михаил Всеволжский (сб.: Депутаты Верховного Совета СССР, 1966 г.)

производительности. В конечном итоге руководству завода удалось довести выпуск двигателей до 50 штук в сутки. Всеволжский все это время работал в цеху, но в 1943 г. был переведен на комсомольскую работу. Очевидно, этому он был обязан своей любви к джазу. Еще в школе он начал играть на кларнете, а потом, в конце 1930-х гг., перешел на саксофон. Человек, официально руководивший заводской комсомольской организацией, внезапно умер, и Всеволжскому приказали возглавить комсомол. В его обязанности входила в основном организация различных развлечений, чтобы удержать на заводе молодых людей, рвавшихся на фронт. Он вступил в партию в 1944 г. и проработал вплоть до 1949 г. в комсомольских органах Запорожья, а потом в Крыму. Всеволжский присутствовал на последнем при жизни Сталина съезде партии в 1953 г., а затем был включен в группу украинских партийных аппаратчиков, закончившую курс обучения в республиканской Высшей партийной школе, где также занимался совершенствованием украинского языка.

Оставшуюся часть жизни Всеволжский провел на партийной работе. Первые четыре года после войны он был вторым, а потом и первым секретарем одного из райкомов в Запорожье, а затем более 10 лет состоял в областном партийном аппарате, поднявшись до должности второго секретаря Запорожского обкома партии. В самом начале пребывания Брежнева на должности генерального секретаря ЦК, в 1966 г., Всеволжский достиг республиканской известности, став первым секретарем Запорожского обкома, его избрали в Верховный Совет СССР и ввели в состав ЦК партии в качестве кандидата в члены. Полноправным членом ЦК Всеволжский стал только через 10 лет. Постепенно он накопил другие знаки политического признания в годы правления Брежнева. В 1974 г. он стал Героем социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Этого звания его удостоили за рекордный урожай зерна, собранный в области, а в 1977 г. к своему шестидесятилетию он был награжден вторым орденом Ленина[15]. Когда Брежнев в 1979 г. посетил родной Днепродзержинск, именно Всеволжский сопровождал его в поездке[16].

Всеволжский внес особый вклад в кампанию по сокращению объемов ручного труда в промышленности, проходившую под лозунгом «Переложим ручной труд на плечи машин». Кампания была одобрена лично генеральным секретарем, ее всячески восхваляли на XXV съезде партии в 1976 г. Ее значение было специально отмечено в резолюции пленума ЦК в 1979 г.[17] Но звезда Всеволжского закатилась в середи-

[15] Правда. 1974. 31 дек. С. 1; 1977. 7 нояб. С. 4.

[16] Там же. 1979. 23 сент. С. 1.

[17] См.: Всеволжский М. Н. На основе комплексной программы. Из опыта Запорожской областной партийной организации по сокращению ручного труда. – Киев, 1980. С. 16 (Одобрено Брежневым). Резолюция Центрального

не 1980-х гг., когда к власти пришло менее снисходительное руководство. Запорожье оказалось среди регионов, подвергнутых критике за падение производственных результатов на пленуме ЦК Украинской компартии в марте 1985 г. В республике произошел спад производства молока, и Всеволжский попал в число тех, от кого потребовали объяснений относительно предпринимаемых мер по скорейшему преодолению недопоставок[18]. В ноябре того же года Всеволжский был освобожден от должности первого секретаря, как было объявлено, «в связи с уходом на пенсию». Его преемнику на этом посту в тот момент было всего 50 лет, что тоже можно считать знамением времени[19]. Хотя деятельность Всеволжского – не худший пример стагнации, его судьба очень подходит в качестве свидетельства того, что карьера первых секретарей классического брежневского типа, сидевших на своих постах в обкомах по 19–20 лет, закончилась с приходом перестройки.

Зия Нуриев представлял другую группу полномочных членов Центрального Комитета брежневского времени. Башкир по национальности и председатель Совета министров своей автономной республики, он был выдвинут на должность министра заготовок и заместителя председателя Совета министров СССР. Подобно Всеволжскому, он был выходцем из села, одним из восьми детей в крестьянской семье[20]. В материальном отношении семья относилась к числу середняков или даже зажиточных – у них имелись лошади, несколько коров и овец. Но отец Нуриева умер в 1918 г., когда мальчику было всего три года, а мать оказалась не в состоянии выучить всех детей в школе. В голодный 1921 г. семья распалась, и только он один в конце концов сумел добраться к родственникам в ближайший город, чтобы там учиться. После окончания школы Нуриев поступил в педагогическое училище в Уфе, по окончанию которого работал сельским учителем. В возрасте всего 21 года его назначили заведовать образованием целого района. Позднее Нуриев был вынужден оставить семью, поскольку его призвали в армию, где он служил политруком и в 1939 г. вступил в Коммунистическую партию. Будучи одним из самых юных представителей второго поколения элиты, Нуриев к 1941 г. не успел выдвинуться на какой-либо серьезный руководящий пост.

Он не участвовал в активных боевых действиях во время войны, но продвигался вверх по партийной лестнице, став первым секретарем

Комитета «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов» опубл. в: Партийная жизнь. 1979. № 15. С. 3–4. Как заметил Всеволжский, Брежнев сам ранее был первым секретарем Запорожского обкома (см.: Всеволжский М. Н. По высоким нормам. – Днепропетровск, 1982. С. 4).

[18] Правда. 1985. 26 марта. С. 2.

[19] Там же. 1985. 19 нояб. С. 2.

[20] Интервью с З. Н. Нуриевым. 1992. SEP.

одного из райкомов, а затем, в конце войны, заведующим сельскохозяйственным отделом Башкирского республиканского комитета партии. В 1952 г. он вошел в секретариат Башкирского рескома, став в 1964 г. его вторым, а в 1957 г. – первым секретарем. В соответствии с должностным рангом Нуриев на следующем съезде партии в 1961 г. был избран полномочным членом ЦК. Он также продолжил свое образование, окончив заочную аспирантуру в Высшей партийной школе в Москве и защитив кандидатскую диссертацию по вопросам экономики зернового хозяйства Башкирии[21]. В 1969 г. он переехал в столицу и, что намного важнее, сменил партийную карьеру на работу в государственных органах, став министром заготовок СССР, а затем и заместителем председателя Совета министров СССР[22]. Во всех назначениях и перемещениях, по словам самого Нуриева, никогда не было ничьего покровительства. «Я никогда не ощущал, что чья-то рука меня поддерживает», – утверждал он. – Все дело было в том, как человек относится к своей работе, как ведет себя в семейной жизни, не пьет ли он, каких

5.2. Зия Нуриев (репродукция с портрета, написанного в 1970 г. Новости)

[21] См.: Зия Нуриев. Зерновое хозяйство Башкирии (история, экономика и перспективы развития): Автореф. канд. дис.: Академия общественных наук при ЦК КПСС. М., 1966).

[22] Правда. 1969. 27 июня. С. 6 (о назначении Нуриева главой госкомитета – впоследствии министерства – заготовок, см.: Известия. 1969. 19 сент. С. 3); О назначении Нуриева заместителем председателя Совета министров – см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 15. П. 196. 3 апр. Об утверждении его в этой должности см.: там же. № 30. П. 400.

результатов он способен добиться». Его выдвижение на министерский пост оказалось для него неожиданным. Возвратившись поздно вечером из поездки за Урал, Нуриев принимал ванну, когда раздался телефонный звонок Михаила Суслова, сообщившего ему, что вчера он назначен на должность министра заготовок. «Как, – удивился Нуриев, – не поставив меня в известность?» «Но вы же не человек с улицы, – пояснил Суслов, – напротив, вы член Президиума Верховного Совета, много лет работаете первым секретарем рескома». Нуриев попробовал протестовать, ссылаясь на то, что его жена не захочет переезжать. «Все жены одинаковы», – парировал суровый секретарь ЦК.

Похожая история случилась с Нуриевым и в 1973 г. Когда он ехал в служебном автомобиле, ему позвонил из Кремля Брежнев, чтобы сообщить о его назначении заместителем председателя Совета министров и о том, что на следующий день он должен явиться на представление к Косыгину. Личного мнения Нуриева опять никто не спрашивал, хотя тот не испытывал особого желания перемещаться на новую должность, поскольку только начинал осваивать министерские обязанности. Но Брежневу было достаточно того, что его коллеги заметили позитивные результаты деятельности Нуриева, о чем он сообщил тому при личной встрече. В качестве заместителя председателя Совета министров Нуриев отвечал за сельское хозяйство и пищевую промышленность, а позднее сфера его ответственности расширилась за счет вопросов охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. На эту тему за несколько месяцев до ухода на пенсию он сделал доклад на сессии Верховного Совета в 1985 г. Он также возглавлял некоторые советские делегации в зарубежные страны[23]. Подобно Всквольжскому, Нуриев собрал богатую коллекцию наград, включая три ордена Ленина, которыми его награждали в связи с пятидесяти-, шестидесяти- и семидесятилетним юбилеями[24]. Он говорил речь на съезде партии в 1966 г., часто выступал на пленумах ЦК и заседаниях Политбюро с сообщениями по сельскохозяйственным вопросам[25]. Но

---

[23] Правда. 1985. 3 июля. С. 3. Нуриев также опубликовал в журнале статью по проблемам экологии: Нуриев С. З. В интересах нынешнего и будущих поколений // Коммунист. 1985. № 15. С. 80–89. Он возглавлял правительственные делегации в Непал (Известия. 1967. 12 дек. С. 3) и, позднее, в Монголию (Правда. 1984. 5 окт. С. 4). Свои первые выезды за рубеж, о которых сообщала пресса, Нуриев совершил в 1956 г. (в Швецию) и в 1965 г. (в ГДР и Сьерра-Леоне): A Biographic Directory of 100 Leading Soviet Officials // ed. A. Rahr. – Munich, 1984. P. 153. Об уходе Нуриева на пенсию см. сообщение: Ведомости Верховного Совета СССР. 1985. № 45. 6 нояб. П. 864.

[24] Там же. 1965. 21 марта. С. 4; 1975. 21 марта. С. 1; 1985. 21 марта. С. 2.

[25] О докладах Нуриева Полибюро см., напр.: Правда. 1983. 1 янв. С. 1; Справочник партийного работника. – М., 1984. Вып. 24. Ч. 1. С. 84, 85, 91; 1985. Вып. 25. С. 74–75.

в отличие от Всеволжского профессиональная компетентность Нуриева никогда не подвергалась сомнениям, и он смог уйти на пенсию без ущерба для своей репутации.

Нуриев присутствовал на XIX съезде партии в 1952 г. и слышал заключительное выступление Сталина. Но намного более тесные отношения сложились у него с Хрущевым, который в 1964 г. посетил Башкирию и с которым Нуриев довольно часто контактировал напрямую. Энергичному и глубоко заинтересованному проблемами оживления экономики Хрущеву, по мнению Нуриева, недоставало культуры. Как-то Хрущев собрался на пленуме ЦК раскритиковать Нуриева за плохое знание сортов кукурузы, но тот сумел доказать, что хорошо разбирается в пшенице, ржи, ячмене и во всех других культурах, выращиваемых в его республике. Нуриев полагал, что создание совнархозов трудно назвать примером авантюризма, по крайне мере с точки зрения интересов Башкирии, где промышленное производство за семь лет существования совнархозов удвоилось. Но разделение партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные Нуриев, как и Всеволжский, считал бессмысленным экспериментом. При этом он утверждал, что Хрущев, увлеченный созданием совнархозов, стал уделять меньше внимания проблемам сельского хозяйства.

Напротив, Брежнев занимался этими проблемами очень активно, по крайней мере до своей болезни. И хотя в его бытность генеральным секретарем допускались крупные недостатки в использовании химических удобрений и проведении земельной реформы, зато значительно возросла урожайность. Именно в эти годы СССР стал крупнейшим в мире производителем молока и превзошел США по производству зерна и мяса. Брежнев даже летом, находясь на отдыхе в Крыму, звонил Нуриеву по телефону почти ежедневно, справляясь о том, как идут дела в сельском хозяйстве, особенно интересуясь закупками продовольствия. Он находился в постоянном контакте с обкомами. И в ответ на предложения Нуриевым, Брежнев всегда был готов оказать поддержку сельскохозяйственному сектору. Перед представлением очередного пятилетнего плана на утверждение Верховному Совету Брежнев имел обыкновение подробно изучать положения, касающиеся сельского хозяйства, и всегда выделял необходимые ресурсы. Он проявлял искреннюю заинтересованность в этих вопросах, причем даже большую, чем Хрущев, и именно Брежнев поддержал предложение Нуриева о реорганизации малоэффективного Госкомитета заготовок с целью превратить его в полноправное министерство с увеличенным штатом сотрудников и более четко прописанными обязанностями. Но спустя пять и более лет, после того как Брежнев заболел и уже с трудом выступал на пленумах ЦК, Нуриев и другие члены элиты продолжали его поддерживать. «Брежнев, которого мы

все помнили, стал совершенно другим, – сказал в заключение Нуриев, – жалко, что его не освободили от должности ранее, чтобы он мог уйти, не оставив о себе дурной памяти».

Петр Горчаков был представителем небольшой, но не менее важной группы членов ЦК от Вооруженных Сил, которых в послевоенных составах Центрального Комитета всегда насчитывалось около 8 %. Сам Горчаков поднялся по служебной лестнице до поста начальника политуправления Ракетных войск стратегического назначения, занимая эту должность с 1970 по 1984 г., и кандидата в члены ЦК с 1971 по 1986 гг. Он родился в деревне и происходил из семьи потомственных каменщиков, проживавших в Липецкой области. Как и Всеволжский, он родился в ноябре 1917 г. Мать, старшая сестра и два брата умерли во время гражданской войны, и его отцу пришлось в одиночку поднимать оставшихся детей – дочь и трех сыновей. Отец Горчакова работал каменщиком на сахарном заводе и в начале века участвовал в русско-японской войне, где получил тяжелое ранение. Он недружелюбно относился к царской власти. Горчаков впоследствии вспоминал, что в 1924 г., когда ему было всего семь лет, отец рассказал ему о смерти Ленина, и это известие «глубоко его потрясло». От сбежавших владельцев сахарного завода остался дом, который, как рассказывал Горчаков, «можно было назвать дворцом». В этом доме была организована школа, там же размещались библиотека, а на втором этаже – кинотеатр. Горчаков вспоминал, как он облаченный в красные штаны, с синим галстуком на шее, гордо провозглашавшего, что ему 10 лет, и он – ровесник Октябрьской революции. Секретарем обкома партии в то время был Иосиф Варейкис, ленинист-сталинист, о котором рассказывалось в главе 2 и который являлся полномочным членом ЦК в 1924–1937 гг. (до своей гибели в водовороте Большого террора). Как же интенсивно он работал! Когда в начале 1930-х гг. в Липецке строился литейный завод, местные комсомольцы были мобилизованы на рытье траншей под бетонные фундаменты. Варейкис приезжал на стройплощадку ночью, причем без предупреждения (а не так, как это делали впоследствии партийные лидеры – с предварительным оповещением и шумной рекламой) и имел обыкновение на следующее утро рассказывать директору завода обо всех творившихся там безобразиях. Позднее Горчаков работал шофером в колхозе, в 1937 г. его избрали секретарем местного комитета комсомола. То было, – по словам Горчакова, – трудное время. Комитет комсомола, например, получал шифрованную телеграмму, требующую сообщить, сколько врагов народа удалось разоблачить и что делается для ликвидации вражеских элементов. В конце концов комсомольцам обычно удавалось удовлетворить центр сообщениями о том, что никаких врагов народа выявить не удалось, но зато на производстве были побиты все мыслимые рекорды.

Горчаков имел незаконченное среднее образование, а позднее обучался в Воронежской партийной школе. Он продолжал работать в местном комсомоле в качестве пропагандиста и организатора политического образования. Одновременно он увлекся литературой и прочитал от корки до корки Пушкина, Гоголя и Достоевского. В 1938 г. его призвали в армию. Позднее Горчаков вспоминал, с каким рвением он изучал армейский распорядок дня: в 6 часов утра подъем, завтрак, служебные обязанности, отход ко сну. Он сомневался, сможет ли ложиться спать позже часа ночи, чтобы иметь время для завершения образования, и вставать утром вместе со всеми? Но ему все же удавалось находить время для учебы, и он наконец сдал экзамены за среднюю школу. Через пару месяцев его выдвинули на должность политрука. В 1939 г. (одновременно с Нуриевым) он вступил в партию. Тогда было непросто преодолеть все необходимые формальности, поскольку требовались рекомендации пяти человек, состоявших в партии не менее 10 лет каждый. По воспоминаниям Горчакова, одним из них был председатель колхоза, в котором он раньше работал, еще один работал в уездном исполкоме, расположенном в 20 с лишним километрах, третий являлся директором местной фабрики. Все они обязаны были присутствовать на собрании, на котором ставился на голосование вопрос о его приеме в партию, то есть порядок приема сильно отличался от того упрощенного подхода, который стал применяться позднее. Вскоре Горчаков стал секретарем партийного комитета батальона, расположенного в Чите (на Дальнем Востоке), а затем Воронежский обком отозвал его обратно и направил в качестве политинформатора в его родную деревню. Потом неожиданно началась война: он узнал об этом случайно, во время поездки за покупками с сестрой. Вскоре радио подтвердило эти слухи.

Горчаков обнаружил себя в списке имевших броню (отсрочку от призыва в армию), но потребовал, чтобы его отправили на фронт[26]. После ранения и лечения в госпитале но вернулся на работу в полковой комитет партии, став затем политическим комиссаром гвардейского полка. В итоге всю войну Горчаков провоевал в пехоте. Поначалу, вспоминал он, солдаты сражались без особого ожесточения. Германские войска просто превосходили их по численности. Но позднее, когда немцы стали сжигать деревни вокруг Москвы и систематически забивать крестьянский скот и даже цыплят, все российские солдаты, не исключая самого Горчакова, начали испытывать ненавистью к захватчикам. Он трижды был ранен и всю жизнь носил в себе пять неизвлеченных минных осколков.

[26] Интервью П. А. Горчакова. 1993. SEP. Горчаков описал это период своей жизни в своих мемуарах. См.: Горчаков П. А. Время тревог и побед. – М., 1981. С. 3–5.

Это ранение он получил в 1943 г. во время проходившего под его руководством форсирования Днепра, за которое был удостоен звания Героя Советского Союза[27]. Позднее Горчаков участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве. Его участие в этом параде одобрил член Военного Совета 38-й армии Алексей Епишев, ставший впоследствии начальником Главного политического управления Вооруженных Сил. На параде Горчаков маршировал бок о бок со своим начальником, главой политуправления 4-го Украинского фронта Леонидом Брежневым[28].

Партийное руководство с большой неохотой позволяло людям с таким положением и опытом, какими обладал Горчаков, увольняться из армии. Его знакомство с Епишевым и Брежневым, безусловно, также этому способствовало. Поэтому после окончания Военно-политической Академии им. Ленина его направили на политическую работу в войсках, размещенных вначале в Белоруссии и на Украине, а затем в Эстонии. Отношения армии с местным населением в Эстонии выстраивались тогда непросто. Русских всегда обслуживали в в магазинах в последнюю очередь, и, по словам Горчакова, его жена

5.3. Петр Горчаков (репродукция с портрета, написанного в 1974 г. в связи с его избранием депутатом Верховного Совета СССР. РГАКФД, г. Красногорск)

[27] Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. В 2-х т. / под ред. И. Н. Шкадова и др. – М., 1987. Т 1. С. 358–359. См. также: Ерохин А. Герои Днепра. – Воронеж, 1945.

[28] Горчаков П. А. Время тревог и побед. С. 268–270. О политических связях Горчакова см. в: Colton T. J. Commissars, Commanders and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics. – Cambridge, 1979. P. 313–314.

не раз возвращалась домой «вся в слезах». У самого Горчакова возникали разногласия с руководством Компартии Эстонии, которое пожаловалось на него в ЦК. Он был переведен на Дальний Восток и, пережив еще несколько перемещений по службе, оказался в конце концов в командовании Ракетных войск стратегического назначения, где проработал до ухода на пенсию. 1970-е гг. стали временем наиболее быстрого развития советского ядерного арсенала, когда на вооружение было принято новое поколение стратегических ракет. Но обязанности Горчакова ограничивались политическим просвещением в войсках, а его опубликованные труды чаще всего касались собственного военного опыта[29]. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР четырех созывов, награжден двумя орденами Ленина и многими другими знаками отличия.

Горчакова избрали кандидатом в полномочные члены ЦК в 1971 г. Впервые он стал делегатом съезда партии в 1961 г., где слушал доклад Хрущева, но следующее его избрание делегатом съезда произошло десять лет спустя. Тогда Горчаков представлял многочисленную группу войск, размещенных около Владимира, где он достиг командных высот. На последующих съездах он являлся делегатом от Калужской областной партийной организации и еще дважды выбирался в состав ЦК. Поначалу Горчаков не придавал особого значения выдвижению Хрущева в руководители партии, но, по его мнению, именно политика, инициированная Хрущевым, в итоге привела к разрушению Советского Союза. Первыми в ряду его ошибок Горчаков называл урезание личных приусадебных участков колхозников и ограничение количества скота, которое те имели право содержать. Далее последовали директивы о сокращении числа малых деревень, создании агрогородов и запрещении малых форм промышленных предприятий. С точки зрения Горчакова, Хрущев оставлял желать лучшего и при личном общении, и это его мнение явно не смягчалось известным восторженным отношением лидера партии к вооруженным силам в целом и к стратегическим вооружениям в особенности. Напротив, Брежнев, как считал Горчаков, в первые десять лет правления отличался глубокой рассудительностью, но затем был испорчен безмерными восхвалениями, а в последние четыре года своего правления просто подписывал документы, не вникая в их содержание. Два раза Брежнев просил освободить его от занимаемой должности, но обе просьбы не были удовлетворены.

---

[29] Горчаков написал книгу о своей партийно-политической работе. См.: Горчаков П. А. Люди, ракеты, боеготовность. Из опыта партийно-политической работы в подразделениях Ракетных войск стратегического назначения. – М., 1985. Его военные воспоминания печатались в журналах. См.: Коммунист (Вильнюс). 1970. № 5. С. 40–47 и Октябрь. 1975. № 5. С. 156–166.

Как и в случае с министрами и первыми секретарями региональных комитетов партии, на уровне руководителей Вооруженных сил в период правления Брежнева укрепилась и стала еще явственнее взаимосвязь между занимаемой должностью и правом ее обладателя на членство в ЦК. Так, например, начальник Главного политического управления Вооруженных сил, которое являлось частью партийного аппарата, в тот период на всех съездах партии избирался полномочным членом ЦК. То же самое касалось начальника Генерального штаба и главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения. Главнокомандующий ВМФ адмирал Горшков был членом ЦК начиная с 1961 г. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора стал сначала кандидатом в члены, а после 1971 г. – полномочным членом ЦК. В ЦК были представлены также командующие несколькими военными округами, включая Московский, Ленинградский и Киевский, но они чаще избирались кандидатами. Реже в состав ЦК вводили высших офицеров политических органов, хотя начальник политуправления Московского военного округа был во времена Брежнева кандидатом в члены ЦК, как и предшественник Горчакова в Политуправлении Ракетных войск, избранный кандидатом в члены ЦК в 1966 г. В свое время представительство военных в ЦК достигало наивысшего уровня именно в те периоды, когда политическое влияние Вооруженных сил было самым низким[30]. Напротив, в брежневские годы представительство военных было относительно умеренным, но достаточным, чтобы они имели возможность предъявлять беспрецедентные требования на выделение ресурсов для военных нужд.

Завершая рассмотрение примеров [типичных представителей элиты того периода], можно в заключение отметить два фактора, каждый из которых характеризует важные черты сохранения преемственности власти. Во-первых, представители ЦК, о которых речь шла в главах 3 и 4, занимали важные руководящие посты в эру кадровой стабильности при Брежневе. К их числу относились и Байбаков, и Патоличев, и Новиков, и Журин. А, во-вторых, три человека, о которых рассказано в данной главе: Нуриев, Всеволжский и Горчаков, имели немало общего с теми, кто избирался в ЦК до них. Хотя они впервые попали в Центральный Комитет в конце правления Хрущева (Нуриев) или уже в брежневские годы (Всеволжский, Горчаков), они также представляли второе поколение советской элиты. Подобное постоянство является, как мы убедились, важной особенностью советского руководства тех лет.

---

[30] Kolkowicz R. The Soviet Military and the Communist Party. – Princeton, 1967. P. 331.

Центральный Комитет периода развитого социализма

Если пленумы хрущевского Центрального Комитета представляли собой открытые коллективные образования, имевшие некоторые основания претендовать на роль партийного парламента, то в брежневское время они стали проводиться реже, в менее многочисленном составе и постепенно утратили свое значение в качестве места, где политическая элита могла влиять на принимаемые решения. Вместе с тем при проведении пленумов стали присутствовать элементы режиссуры. Как вспоминал министр угольной промышленности Борис Братченко, существовала хорошо отработанная процедура проведения пленумов, где были расписаны места, которые должны занимать его участники, причем в первых рядах рассаживались представители энергетических, промышленных и других министерств, руководивших отраслями тяжелой промышленности, а задние ряды отводились представителям культуры, образования и других менее затратных отраслей[31]. Все пленумы, на которых он присутствовал, производили впечатление некоторой искусственности происходящего. Как он вспоминал, «...заранее был согласован список выступающих, тексты их выступлений также были заготовлены заранее». Ему самому довелось выступать дважды на съездах партии, но всего один раз на пленуме ЦК. Тогда его заранее пригласили в соответствующий отдел аппарата ЦК и попросили ознакомиться с текстом написанного для него выступления. «Что, – удивился Братченко, – вы полагаете, что я собираюсь устроить контрреволюцию?» Все на пленумах носило формальный характер, он не мог припомнить ни одной дискуссии. Напротив, в Совете Министров происходили, по его словам, ожесточенные сражения. По воспоминаниям других членов ЦК, например, директора Института США и Канады Георгия Арбатова, «...перед пленумом звонили из аппарата ЦК и предлагали выступить по определенному вопросу, но только проекта речи не присылали, и уж если давали слово, ты был свободен говорить, что захочешь; но приходилось отдавать себе отчет о последствиях, если занесет "не туда", тем более, что прецеденты погубленных карьер из-за непонравившегося выступления существовали»[32].

Заседания Центрального Комитета при Брежневе на самом деле не обходились без споров. Порой из зала раздавались словесные возражения, обычно со стороны министров и руководителей предприятий, столкнувшихся с определенными трудностями[33]. Иногда возникали и более серьезные разногласия. Братченко сумел припомнить

---

[31] Интервью В. Ф. Братченко. 1992. SEP.

[32] Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельства советника. – М., 1991. С. 256.

[33] Антонов С. А. Свет не в окне. – М., 1977. С. 225.

лишь один подобный случай, когда в 1967 г. секретарь Московского горкома партии Николай Егорычев в своем выступлении на пленуме затронул вопросы внешней политики. Егорычев и прежде критиковал Брежнева за его публичные высказывания о недопустимости возврата к культу личности, а также настаивал на том, что в управлении экономикой больше недостатков, нежели позитивных достижений[34]. (О предыдущей карьере Егорычева рассказано выше, с. 215–222). Его личные отношения с Брежневым окончательно испортились после того, как Егорычев, выступая в июне 1967 г. на пленуме ЦК, состоявшемся сразу после победы Израиля в Шестидневной войне, обрушился с резкой критикой на сионизм и другие формы национал-шовинизма и призвал к усилению военной поддержки арабских стран[35]. Он также заявил, что Москва плохо защищена и в ней, в частности, отсутствует достаточная противовоздушная оборона[36]. Был объявлен получасовой перерыв[37], после окончания которого Брежнев, вернувшийся со всеми в зал заседаний, в ответном выступлении подчеркнул, что Егорычев сам являлся членом Военного Совета, но не удосужился посетить ни одно из его заседаний. Несколько дней спустя Егорычев стал послом в одной из малых стран и при первой возможности, представившейся на съезде партии в 1971 г., был выведен из состава ЦК[38].

Был еще один случай, когда генеральный секретарь сам внес элемент разногласий, критикуя неэффективную работу некоторых министров персонально и в их присутствии. В ноябре 1979 г. была устроена выволочка нескольким министрам экономического блока правительства.

---

[34] Направлен послом (интервью с Егорычевым) // Огонек. 1989. № 6. С. 6–7, 18–30 (цит. на с. 18).

[35] Там же. С. 28–29.

[36] Интервью В. Ф. Братченко. 1992. SEP. Виктор Гришин вспоминал, что «...Брежнев лично отвечал за оборону столицы и воспринял критику как выпад в свой адрес. Егорычев был немедленно уволен» (Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина – М., 1996. С. 323). «Оборона города фактически начиналась на границах страны», – вспоминал еще один член Политбюро, близкий к Брежневу, Динмухаммед Кунаев, и «...выступление [Егорычева] нам всем показалось несерьезным и необъективным» (Простор. 1991. № 12. С. 20).

[37] Огонек. 1989. № 6. С. 29.

[38] Интервью В. Ф. Братченко. 1992. SEP. На самом деле Егорычева назначили послом в Данию на следующий год. Советник генсека по международным делам А. М. Александров-Агентов в своих мемуарах вспоминает, что еще одна внешнеполитическая проблема «активно дискутировалась на пленуме ЦК». Речь идет о приглашении с визитом в Москву Ричарда Никсона в начале 1970 г. в разгар вьетнамской войны (Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. – М., 1994. С. 73).

Среди них оказался министр МПС Иван Павловский, на которого возложили «...значительную долю ответственности» за срывы графиков перевозки сырьевых материалов[39]. Министру энергетики Петру Непорожнему было приказано срочно привести в порядок линии электропередач в Казахстане, а министру черной металлургии – уделять больше внимания качеству продукции. Министр строительства Николай Голдин был предупрежден о невыполнении его отраслью плана строительных работ, а министр дорожно-строительного машиностроения Синицын – раскритикован за то, что производимые его министерством промышленные тракторы не способны выполнять те работы, для которых они создавались. Заводы по производству минеральных удобрений простаивали, а химические предприятия работали только в половину проектной мощности, на что было указано отвечавшему за эту отрасль министру Константину Брехову. Министров Леина и Антонова обвинили в дефиците пищевых и молочных продуктов, а министров Тарасова и Струева – в отсутствии на прилавках мыла, стирального порошка и других предметов первой необходимости[40]. Годом позже, в октябре 1980 г., аналогичным образом был призван к ответственности министр сельского хозяйства[41].

В целом, как доложил Брежнев XXV съезду партии в 1976 г., Центральный Комитет вовлечен в решение «очень важных вопросов жизни партии и страны в целом. Каждый декабрь проводились важные заседания, на которых обсуждались проекты годовых планов и бюджетов. Кроме того, в марте 1972 г. пленум был посвящен проблемам внешней политики и вьетнамской войне, а на апрельском 1973 г. обсуждались вопросы внешнеэкономической деятельности»[42]. Выступая в 1977 г., Брежнев уделил особое внимание обсуждению проекта новой конституции, принятой в 1981 г., а предыдущий пленум ЦК утвердил слова и музыку нового гимна страны. Июльский 1978 г. пленум был опять посвящен проблемам сельского хозяйства, а июньский 1980 г., проходивший несколько месяцев спустя после ввода советских войск в Афганистан, рассмотрел вопросы внешней политики, а точнее – вопросы «борьбы за разрядку международной напряженности»[43]. Другие пленумы были посвящены обсуждению проекта земельной реформы, социальной политики, проблем международного коммунистического движения, подготовке предстоящих партийных съездов и сессий Верховного Совета. Именно на пленумах ЦК утверждались косы-

---

[39] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи. – М., 1981. Т. 8. С. 198.

[40] Там же. С. 100–101, 202–203, 206–207.

[41] Там же. С. 472.

[42] XXV съезд... Т. 1. С. 91.

[43] XXV съезд... Т. 1. С. 66.

гинские экономические реформы в сентябре 1965 г. и амбициозная продовольственная программа в мае 1981 г.

Таблица 5.5

Уровень активности ЦК в 1966–1985 гг.

Год	Число пленумов	Суммарное число дней заседаний	Число резолюций, принятых на пленумах	Число прочих решений ЦК
1966	6	9	5	6
1967	2	3	5	18
1968	4	6	5	14
1969	2	2	3	14
1970	3	4	4	8
1971	3	4	4	9
1972	2	2	3	25
1973	2	4	2	10
1974	2	2	1	22
1975	2	2	4	16
1976	3	4	3	10
1977	3	3	4	11
1978	2	3	2	14
1979	2	2	1	11
1980	2	2	3	13
1981	3	3	3	21
1982	3	3	8	11
1983	2	4	2	14
1984	3	3	9	12
1985	4	4	2	6

Источник. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (справочный том). – М., 1990 (разные страницы).

Хотя полные отчеты о пленумах в те годы не публиковались, из издававшихся коммюнике ясно, что они проходили в соответствии с хорошо отработанными процедурами. После вступительного доклада, обычно произносимого генеральным секретарем, шли отклики республиканских лидеров, причем обычно первый секретарь ЦК компартии Украины задавал тон обсуждению. Затем выступали соответствующе министры и региональные первые секретари. Порой свой вклад в обсуждение вносили главный редактор «Правды», глава ТАСС, кто-то из декоративных членов ЦК из числа рабочих или крестьян и представители Академии наук (например директор Института мировой экономики и международных отношений Ни-

колай Иноземцев). Пленуму обычно предшествовала скрупулезная подготовительная работа. К примеру, за несколько месяцев до созыва июньского 1978 г. пленума по вопросам сельскохозяйственной политики Политбюро утвердило состав комиссии из числа полномочных членов ЦК, местных партийных руководителей, академиков и руководителей предприятий. Рекомендации, выработанные комиссией, рассматривались на нескольких заседаниях Политбюро, а затем были представлены пленуму для более детального обсуждения. Равным образом, первые секретари, съезжавшиеся в Москву на очередной пленум ЦК, проводили немало времени в министерских кабинетах, отстаивая интересы своих регионов[44].

На протяжении всего брежневского периода Устав партии предписывал, что пленумы Центрального Комитета «должны проводиться каждые шесть месяцев». На практике же каждый год проводилось не более двух пленумов за некоторыми исключениями, например, в годы проведения съездов партии, когда требовалось переизбирать Политбюро и Секретариат. В хрущевские годы (с 1954 по 1964 г.) Центральный Комитет в среднем заседал по десять дней в год, а во времена Брежнева (с 1965 по 1982 г.) среднегодовая суммарная продолжительность пленумов ЦК не превышала трех с половиной дней, причем на каждом пленуме в списки выступающих включалось не более 15 человек[45]. Например, Зия Нуриев, бывший первым секретарем важного региона, а потом министром и заместителем Председателя Совета министров сумел выступить на пленумах ЦК всего шесть раз за 20 лет, последовавших после свержения Хрущева[46]. Михаил Всеволжский,

---

[44] Коммунист. 1979. № 12. С. 34. О работе первых секретарей в Москве см.: Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. – Новосибирск, 1992. С. 20–21. Он писал, что многие из них, приезжая в Москву, «...буквально не вылезали из Совмина, Госплана, различных ведомств, решая насущные дела. Но зато были и такие секретари, которые занимались в Москве отнюдь не деловыми визитами». Сергей Антонов, избранный в ЦК в 1966 г., вспоминал, что перед каждым пленумом шла интенсивная работа, особенно в подготовительных комиссиях, так что рекомендации пленумов всегда были «плодами большого коллективного труда» (Антонов С. А. Свет не в окне. С. 212). Виктор Гришин тоже вспоминал, что ему приходилось тратить немало времени на изучение документов, подготовленных в преддверии каждого пленума, и на работу в различных комиссиях Центрального Комитета (Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. С. 288).

[45] Подсчитано на основе данных, опубликованных в: Справочник партийного работника. – М., 1967 (начиная с вып. 7 и выпуски за последующие годы).

[46] Согласно опубликованным отчетам о пленумах, содержащим списки выступивших участников, Нуриев дважды выступал в 1965 г., один раз – в 1966 г., дважды – в 1968 г. и еще один раз в 1970 г.

первый секретарь обкома промышленной Запорожской области, не выступал на пленумах ни разу так же, как Петр Горчаков, представлявший в ЦК значимый род Вооруженных сил.

Напротив, число резолюций и других решений, принятых от имени Центрального Комитета, в годы правления Брежнева даже увеличилось, но этот рост скорее отражал бóльшую активность постоянных работников центрального партийного аппарата, нежели самого ЦК и его членов. Пленумы обычно утверждали «положения и выводы, содержащиеся в докладе генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева Леонида Ильича». Это позволяло партийным и государственным чиновникам интерпретировать подобные резолюции по собственному усмотрению, разрабатывая особые инструкции для своих собственных ведомств[47]. В последние годы жизни Сталина (с 1946 по 1953 г.) принималось в среднем по 4–5 резолюций (постановлений) ЦК, и только три из них были приняты непосредственно пленумами ЦК. В Хрущевские времена (после 1954 г.) это число выросло до примерно 10 резолюций в год, а при Брежневе оно возросло еще больше, достигнув числа, превышающего 17 постановлений в год, но при этом очень незначительно увеличилось количество резолюций, принимаемых на пленарных заседаниях ЦК. Особенно большое число решений было принято в начале 1970-х гг., когда новое руководство еще только укрепляло свои позиции, а наименьшее количество резолюций, принимаемых непосредственно пленумами ЦК, наблюдалось в конце 1970-х гг. по мере того как эпоха консолидации руководства партии постепенно переходила в стадию стагнации. Все чаще наблюдалась тенденция к изданию совместных решений и постановлений от имени ЦК партии, Совета министров и (реже) ВЦСПС. Например, в мае 1982 г. пленум ЦК утвердил шесть совместных решений партии и правительства по реализации продовольственной программы, принятой на том же пленуме.

В тот период время от времени раздавались призывы к ЦК двигаться дальше, чтобы превратиться в «активный политический орган», который был бы «связан с массами и чутко прислушивался к их настроениям и нуждам», намного меньше подвержен бюрократизму и стремился «к регулярному обновлению своих собственных рядов». И поначалу в работе ЦК ощущались некоторые перемены к лучшему, по крайней мере в части информирования участников заседаний[48]. Некоторые из этих перемен уже проявились во время

---

[47] Павлов В. Упущен ли шанс? Финансовый клич к рынку. – М., 1995. С. 50.

[48] Медведев Р. Книга о социалистической демократии. – Амстердам – Париж, 1972. С. 136–137, 146–147, 152, 155). Сообщалось также о некоторых усовершенствованиях в работе Политбюро.

мартовского, 1965 г. пленума, проходившего под председательством Брежнева и посвященного реформе сельского хозяйства. На нем не было безудержных восхвалений доклада первого секретаря и славословий в адрес самого Брежнева. По словам первых секретарей республиканских партийных организаций, доклад содержал «глубокий и объективный анализ»[49]. И раздавались критические замечания из зала в адрес некоторых членов правительства. «Почему, – спрашивал Зия Нуриев, первый секретарь Башкирского рескома, – постоянно в дефиците бороны и другие сельхозмашины?» «Почему, – задавал вопросы другой первый секретарь обкома, – до сих пор сохранились очереди за хлебом и почему доярка, работающая по 14 часов в сутки, должна 15 лет трудиться без выходных?»[50] Пленум продолжался больше трех дней, на нем выступили 29 человек, каждому из которых было предоставлено по 20 минут, еще 50 человек задали вопросы из зала. Кроме того, участники пленума подавали записки с вопросами, ответы на которые давались по мере их поступления. Пленум завершился принятием резолюции, в которой отмечалась необходимость избегать администрирования в управлении сельским хозяйством и добиваться более широкого участия в нем рядовых работников[51].

Однако по мере укрепления позиций нового руководства Центральный Комитет постепенно утрачивал свою роль форума для принятия решений. То же самое можно сказать и о Политбюро, которое в последние годы жизни Брежнева собиралось не чаще одного раза в неделю, причем его заседания продолжались не дольше 40 минут[52]. Июньский 1980 г. пленум ЦК, созванный вскоре после советской интервенции в Афганистан, был, очевидно, типичным для поздней Брежневской эры[53]. В повестке дня значилось всего два вопроса: о со-

---

[49] См.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. – М., 1965. С. 121.

[50] Там же (выступление Нуриева). С. 37; выступление Шелеста (о доярках). С. 164.

[51] См.: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 24–26 марта 1965 г. С. 231 (о количестве вопросов из зала). Резолюция, утвержденная пленумом и внесшая значительные изменения в систему закупок сельхозпродукции, приведена на с. 233–238. Подробнее о пленуме см.: Schvarz S. Agriculture. The Curtain is Lifted // Problems of Communism. 1966. № 15:2 (Mar.–Apr.). P. 12–20.

[52] См., напр.: Афанасьев В. С. Четвертая власть и четыре генсека. – М., 1994. С. 38; Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. В этой книге автор утверждал, что заседания Политбюро продолжались по часу (С. 273). Горбачев вспоминал, что некоторые заседания продолжались всего по 15 минут (Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 т. – М., 1995. Т. 1. С. 217).

[53] Эта выдержка заимствована из протокола заседания, хранящегося в ЦХСД (Центр хранения современной документации). Ф. 89. Оп. 14. Д. 40.

зыве XXVI съезда (об этом с кратким докладом выступил Брежнев) и об афганском кризисе. Как заявил Брежнев, «...правящие круги США не останавливались ни перед чем, включая вооруженную агрессию, чтобы помешать Афганистану строить новую жизнь в соответствии с идеалами освободительной революции апреля 1978 г.» Военное вмешательство оставалось, как настаивал на том Брежнев, «...единственно правильным решением в тех обстоятельствах». Он обещал, что СССР продолжит помогать афганцам «отстаивать завоевания апрельской революции». Далее выступил министр иностранных дел Громыко с докладом о международной обстановке, в котором он нападал на западные правительства за их решение разместить ракеты среднего радиуса действия в Европе и ввести вооруженные силы вторжения в Персидский залив. Враждебность по отношению к Соединенным Штатам в данных обстоятельствах «...была бы опасной и недальновидной, но правительство США, со своей стороны, должно считаться с законными интересами советской стороны», – заявил Громыко.

Остальные выступающие выразили согласие с докладчиками, особо отмечая «личный вклад Брежнева». Эдуард Шеварднадзе, бывший в то время первым секретарем ЦК компартии Грузии, обратил внимание присутствующих на «невероятный авторитет», которым генеральный секретарь пользуется во всем мире. Будучи в Бразилии, Шеварднадзе нашел подтверждения тому, что «...в современном мире нет более авторитетного, последовательного государственного деятеля, чем Леонид Ильич Брежнев, и нет никого, кто бы пользовался столь широким уважением, чем он... Изучая его фундаментальные труды и будучи личным свидетелем его титанической деятельности, меня переполняет чувство гордости и радости от того, что глава партии и государства является человеком, в котором органически сочетаются широчайшая эрудиция, ленинская принципиальность, пролетарская решимость, революционная смелость, глубокий гуманизм и редкая дипломатическая гибкость». Это заявление Шеварднадзе было встречено бурными, продолжительными аплодисментами. Член Политбюро ЦК компартии Украины обещал, что рабочие его республики внесут достойный вклад в подготовку грядущего партийного съезда, а Ленинградский партийный лидер благодарил лично товарища Брежнева за «мирное небо над головой, под которым мы живем последние 35 лет». Главный редактор «Литературной газеты» отметил как «очень важный факт», что мемуары Брежнева уже опубликованы в более чем 25 странах, а рабочий-сталевар из Донбасса отреагировал на выступление Брежнева иным образом, взяв обязательство довести выпуск стали за одну плавку на своей печи более чем до 2000 тонн.

С лета 1983 г. (время вступления в должность Юрия Андропова) славословия в адрес генерального секретаря прекратились,

хотя голосование на пленумах по-прежнему было единогласным, а предложение избрать Андропова на должность главы государства – Председателя Президиума Верховного Совета, было встречено бурными, продолжительными аплодисментами[54]. Но совсем новая нота прозвучала, когда на пленуме согласовывался вопрос о выводе из состава ЦК двух ставленников Брежнева, министра внутренних дел Николая Щелокова и Краснодарского первого секретаря крайкома Сергея Медунова с формулировкой «за ошибки в работе»[55]. Главным докладчиком на пленуме, который впервые за 20 лет был посвящен вопросам культуры и идеологии, выступил не генеральный секретарь, а Константин Черненко. Сам Андропов ограничился лишь небольшими замечаниями по ходу обсуждения, после того как открыл заседание, а затем, на второй день пленума, проходившего под председательством Михаила Горбачева, он произнес официальную речью. Выступивший в прениях Виктор Гришин, первый секретарь Московского горкома КПСС, назвал речь генерального секретаря «важным вкладом», а доклад Черненко для него оказался не более, чем «руководящим», хотя некоторые иные выступавшие приветствовали его «марксистско-ленинскую глубину». Кроме того, отдельным взрывом аплодисментов было встречено напоминание Черненко о дне рождения генерального секретаря[56]. Ключевой точкой отсчета стал теперь ноябрьский 1982 г. пленум ЦК, первый после смерти Брежнева, на котором все выступавшие выражали поддержку новой политике «бескомпромиссной борьбы за высокий уровень организации и дисциплины, за повсеместное строгое соблюдение трудового распорядка и приложение всех возможных усилий для подъема эффективности производства и повышения качества работы»[57].

В брежневские годы Центральный Комитет во многом маргинализировался по крайней мере как инструмент коллективного принятия решений, но в то же время именно в ЦК обсуждались и проводились основные политические изменения. К тому же, предсказуемость того, кто (по должности) имел право на членство в ЦК, означала, что его члены стали менее зависимы в процессе избрания от генерального секретаря. Центральный Комитет в определенной степени служил зеркалом стареющей власти, редко собирался на пленарные заседания, но его члены регулярно консультировались с теми груп-

---

[54] Пленум Центрального Комитета КПСС 14–15 июня 1983 г. Стенографический отчет. – М., 1983. С. 3.

[55] Там же. С. 5.

[56] Там же. С. 44 (выступление Гришина), 45, 98, 132 (напоминание о дне рождения Андропова).

[57] Там же. С. 105 (выступление А. Ф. Восса).

пами, интересы которых они представляли. ЦК все чаще становился проводником этих интересов, а не органом, поддерживающим выбор, сделанный лидером партии. И это в свою очередь превращало его в аппарат, избегавший сложных решений, и принимавший их скорее на основе консенсуса между его членами, нежели с учетом предпочтений генерального секретаря. Можно даже предположить, что в те годы в СССР был выработан ряд «неписанных конституционных ограничений» подобных тем, что существуют в Соединенном Королевстве, и эти ограничения проявлялись в способности ЦК предупреждать попытки руководства партии действовать вопреки интересам главных социальных групп или ключевых общественных институтов[58]. В течение полутора лет правления Андропова Центральный Комитет начал восстанавливать свою ведущую роль, что в свою очередь позволило затем провести далеко идущую демократизацию партии под руководством Горбачева.

[58] Hough J. F. Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. – Cambridge, 1979. P. 555.

6. ПРОБЛЕМНЫЙ ПЕРИОД. КРИЗИС, 1985–1991 гг.

Центральный Комитет КПСС ... занимает особое положение в партии и обществе. В период между съездами именно здесь решаются важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Как ЦК работает, какие вопросы обсуждает, какие решения принимает, насколько демократична атмосфера его деятельности, имеет огромное значение для всей партии, всего нашего общества

(М. С. Горбачев, XIX партийная конференция, 1988 г.)

В конце концов, Центральный Комитет – мозг [партии].

(М. С. Горбачев, 1989 г.)

Обозначилась гигантская пропасть между партийной верхушкой и как тогда говорили – партийной массой. Пропасть оказалась непреодолимой. И прежде всего потому, что верхушку вполне устраивал такой разрыв. Более того, она всячески его оберегала и ни в какую не хотела эту пропасть ликвидировать. В этом – одна из важнейших причин краха КПСС.

(Б. Н. Ельцин, 1997 г.)

Если «кадровая стабильность» была главным лозунгом эпохи Брежнева, то предполагалось, что с назначением Михаила Горбачева в марте 1985 г. в этой области произойдут быстрые и далеко идущие перемены. Будущий новый генеральный секретарь, выступая на заседании Политбюро, утвердившем его выдвижение на этот пост, заявил, что «мы не нуждаемся в изменении нашей политики»[1], а в своем выступлении на пленуме ЦК сразу после своего избрания обещал продолжить политику своих предшественников, которую он определил как «ускорение социально-экономического развития и

[1] Протокол заседания Политбюро 11 марта 1985 г. // ЦХСД. Ф. 89. Оп. 36. Д. 16.

улучшение всех аспектов жизни общества»[2]. Но уже в первых своих публичных выступлениях Горбачев начал настойчиво подчеркивать необходимость гласности, социальной справедливости и развития самоуправления, а на повестку дня после 1985 г. вместо конфронтации с внешним миром была поставлена серия далеко идущих реформ, нацеленных на демократизацию, создание рыночной экономики и кооперативов. Предполагалось, что русские люди сделали единственный приемлемый для них выбор в 1917 г. Созданная социалистическая система отвечала их чаяниям, и в конце 1980-х гг. перед ними стояла (с официальной точки зрения) единственная задача – «больше социализма» или, иными словами, возврат к демократическим нормам жизни, существовавшим в первые послереволюционные годы.

Но если система в своих основах была здоровой, то что с ней произошло в брежневские годы? Главной причиной дегенерации советской модели социализма Горбачев и его администрация считали влияние субъективных факторов, прежде всего, качества политического руководства, после создания в 1930-е гг. командно-административной системы, оставшейся неизменной в застойные 1970-е гг. Как утверждал Горбачев в отчетном докладе съезду партии в 1986 г., «...с годами руководители партии и государства отстали от требований времени, причем не только по объективным причинам, но и вследствие факторов, имевших помимо всего прочего и субъективный характер»[3]. Выступая в 1990 г. на съезде Коммунистической партии РФ, он признал, что механическая смена ведущих руководителей не является панацеей, но люди значат больше, чем учреждения, и правильные назначения имеют «решающее значение»[4]. В тот же год, но несколько позднее, Горбачев в своей речи на пленуме ЦК заявил, что корневые причины трудностей заключаются в неумении адекватно отвечать на вызовы нового времени или «в инерция старого мышления»[5]. А в речи, произнесенной в ноябре 1990 г., он подчеркнул, что «важнейшая революция происходит в мышлении, в наших головах, в нас самих»[6]. Каждый из предшественников Горбачева на посту генерального секретаря стремился укрепить свои позиции, выдвигая своих сторонников и изолируя оппонентов, но правление Горбачева отличал также настрой на создание партии нового типа и более молодой, реформаторски настроенной партийной элиты.

---

[2] Материалы внеочередного пленума Центрального Комитета КПСС 11 марта 1985 г. – М., 1985. С. 9.

[3] Горбачев М. С. Избранные статьи и речи. В 7 т. – М., 1987–1990. Т. 3. С. 181–183.

[4] Правда. 1990. 26 июня. С. 2.

[5] Правда. 1990. 9 окт. С. 1.

[6] Правда. 1990. 16 нояб. С. 1.

Перестройка руководства партии самыми быстрыми темпами происходила на уровне Политбюро и Секретариата ЦК. Несколько изменений в их составе произошли в апреле 1985 г., на первом пленуме ЦК, прошедшем под руководством Горбачева. К марту 1986 г, после окончания XXVII съезда партии, Политбюро и Секретариат уже наполовину состояли из выдвиженцев Горбачева. После следующего съезда, состоявшегося в 1990 г., не менее 83 % центрального партийного аппарата составляли совершенно новые люди[7]. К тому времени были заменены все руководители компартий союзных республик, причем в некоторых из них руководство сменилось по нескольку раз. Совершенно новым было руководство Российской компартии, поскольку эта, самая крупная из республик в составе Союза, ранее не имела собственной партийной организации. К 1988 г. сменились две трети работников партийных аппаратов республиканских, областных и краевых организаций, примерно 70 % аппаратных работников горкомов и райкомов партии[8]. К 1990 г. на своих постах не осталось ни одного министра из числа тех, кто занимал эти должности в момент прихода Горбачева к власти, сохранили свои должности всего два посла и менее трети руководителей промышленных предприятий и директоров совхозов[9]. Какого рода люди лишались своих постов в этих, быстро менявшихся условиях, и кто приходил им на смену? Каковы были их социальное происхождение и политические взгляды? И какую коллективную роль, собираясь на Пленумах ЦК, они играли в партии, оставшейся доминирующей силой в советской политической жизни до тех пор, пока в 1990 г. не была отменена статья конституции, устанавливавшаяся «ведущую роль партии», и даже после ее отмены?

Смена элит

Элита горбачевского периода, в которую входили члены Центрального Комитета партии, избиравшиеся в него в 1986 и 1990 гг., состояла в общей сложности из 831 человека, то есть в нее входило на 91 человека больше, чем в брежневскую элиту, избиравшуюся в состав ЦК в 1966, 1971, 1976 и 1981 г. Столь заметное разрастание элиты при Горбачеве было обусловлено как беспрецедентным увеличением численности самого ЦК (477 человек, избранных на съезде партии в 1986 г.), так и намного более интенсивным, чем в брежневские времена, ее обновлением в период между съездами партии 1986 и 1990 г., (табл. 6.1). При Горбачеве также произошла очень серьезная смена брежневских партийных кадров, что свидетельствует о повышенном внимании нового руковод-

---

[7] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 5.

[8] Коммунист. 1988. № 13. С. 11.

[9] Об обновлении директорского корпуса писал сам Горбачев. См.: Правда. 1989. 11 мая. С. 2.

ства к этой проблеме. Из 831 члена ЦК, избиравшегося в его состав при Горбачеве, лишь 259 человек входили в ЦК, избранный в 1981 г. Если при Брежневе наблюдалось усиление тенденции к сохранению старых кадров, то с избранием на пост генерального секретаря Горбачева обновление состава ЦК на первом при нем съезде партии в 1986 г. несколько ускорилось, хотя его темпы еще оставались ниже, чем во времена укрепления своих позиций Хрущевым в 1956 и 1961 гг. Темпы обновления резко возросли в 1990 г., когда смена кадров стала даже более масштабной, нежели во времена сталинских чисток. Если из 139 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных в 1939 г., только 24 или 17 % входили в состав ЦК, избранного в 1934 г., то из 412 членов ЦК (кандидатский статус был тогда отменен) лишь 58 (14 %) являлись членами или кандидатами в члены ЦК в 1986 г., причем только 15 % вновь избранных членов ЦК занимали ранее выборные партийные должности союзного значения[10]. Еще более примечательным можно считать тот факт, что только 17 полномочных членов ЦК, избранных в 1990 г., были членами или кандидатами в его члены в годы, предшествовавшие началу перестройки, то есть до 1986 г. Долгожителем среди них являлся Борис Патон, президент АН Украины, который стал членом ЦК еще при Хрущеве в 1961 г. Сам Горбачев относился к числу старейших членов ЦК, поскольку его стаж пребывания в нем отсчитывался с 1971 г. Менее радикальным было обновление среди членов ЦК, представлявших центральный партийный аппарат или союзное правительство (например, 10 из 24 работников центральных партийных органов ранее являлись членами ЦК). Напротив, только 8 человек из 190, отнесенных по нашей классификации к представителям промышленности, СМИ, науки и культуры, избирались в ЦК на предыдущих съездах, хотя это преимущество отражало весьма значительное увеличение представительства этих категорий элиты (табл. 6.2)[11].

Процедуры формирования Центрального Комитета были уже рассмотрены в предыдущих главах. Процесс избрания первого горбачевского ЦК в марте 1986 г. мало чем отличался от практики, принятой в предыдущие 70 лет. Еще с ленинских времен сохранился порядок, в соответствии с которым список кандидатов на избрание представлялся на рассмотрение высшим руководителям и после их одобрения утверж-

---

[10] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 4. Здесь приведен список их 57 человек, сохранивших свои места в действовавшем тогда составе ЦК. Это объясняется тем, что Николай Огарков, избранный в 1986 г., был в 1988 г. выведен из ЦК, но затем восстановлен в 1990 г.

[11] Последующее изложение основано на собственной базе данных авторов. Более полные сведения о составе Центрального Комитета 1990 г. избрания см. в: Mawdsley E. The 1990 Central Committee in Perspective // Soviet Studies. 1991. № 43:5. P. 897–912.

дался в целом делегатами съезда. Во времена Сталина возникла система должностных (*ex officio*) вакансий, при которой предварительный список, представляемый высшему руководству, состоял преимущественно из людей, уже назначенных этим же самым руководством на определенные высокие партийные или государственные должности. Хрущев даже не пытался изменить эту систему, которая продолжала действовать и при более осторожном Брежневе, хотя процедура предварительного согласования списка кандидатов тогда немного усложнилась. Перед очередным съездом партии списки кандидатов заблаговременно составлялся республиканскими партийными организациями с учетом индивидуальных характеристик претендентов и прочих обстоятельств. Затем списки обобщались, рассматривались и дорабатывались в аппарате ЦК, а после этого представлялись в Политбюро для окончательного утверждения[12]. Утвержденный список получал единогласное одобрение съезда даже в тех случаях, когда включенных в него людей, особенно декоративных членов ЦК, порой даже не предупреждали о том, что они включены в список для голосования[13]. Руководители партии имели возможность продвигать в ЦК собственных фаворитов. Подобным образом был поощрен перед XXVI съездом в 1981 г. Евгений Чазов – врач, лечивший Брежнева. «Вас собираются избрать в ЦК, – кратко заявил ему Андропов накануне, очевидно полагая, что кремлевский доктор будет одним из его сторонников, – уверен, что с этим не возникнет проблем». Сам Брежнев слегка удивился, но Чазов был, как положено, избран в 1981 г. кандидатом в члены ЦК, а спустя несколько месяцев, на майском 1982 г. пленуме его переведели из кандидатов в полномочные члены ЦК. На этом же пленуме Андропов был избран в Секретариат ЦК[14]

Таблица 6.1

Изменение состава ЦК, 1981–1990 гг.

	Съезд партии и дата его проведения		
	XXVI, февраль–март 1981 г.	XXVII, февраль–март 1986 г.	XXVIII, июль 1990 г.
Полномочные члены ЦК	319	307	412
Кандидаты в члены ЦК	151	170	–
Всего	470	477	412

[12] Интервью с В. К. Акулиничевым. 1992. SEP. Акулиничев работал первым секретарем Карагандинского обкома с 1968 по 1979 г.

[13] Московскому рабочему-металлисту Сергею Антонову, например, показалось, что он ослышался, когда его фамилию зачитали в числе других на XXIII съезде партии (Антонов С. А. Свет не в окне. – М., 1977. С. 196).

[14] Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. – М., 1992. С. 164.

Окончание табл. 6.1

	Съезд партии и дата его проведения		
	XXVI, февраль–март 1981 г.	XXVII, февраль–март 1986 г.	XXVIII, июль 1990 г.
Избранные на предыдущем съезде и переизбранные вновь	333	259	58
Новые члены ЦК	137	218	354
Переизбранные на следующем съезде	259	58	–
Не переизбранные на следующем съезде	211	419	–
Изменение состава ЦК (%)	22	45	88

Примечание. Обновление состава ЦК для данного съезда рассчитывалось как доля от общего числа полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, который составили лица, не переизбранные в его состав на новом съезде. Статус кандидата в члены ЦК был отменен на XXVIII съезде.

Похожая система, основанная на должностных вакансиях, но допускавшая бóльшую гибкость, применялась в 1986 г. на XXVII съезде партии. В составе нового ЦК были представлены те же должности, что и в 1981 г., но во многих случаях на этих должностях уже находились новые, более молодые чиновники. Именно этим обусловливалось существенное обновление ЦК по сравнению с 1981 г. Выборы происходили как обычно на закрытом заседании съезда ближе к завершению его работы. В бюллетени для тайного голосования, розданные делегатам, входили претенденты на избрание полномочными членами и кандидатами в члены ЦК, а также – членами Ревизионной комиссии КПСС. Результаты голосования были оглашены также на закрытом заседании, проходившем следующим утром, 6 марта 1986 г. Позднее, в середине дня состоялось открытое заседание съезда, на котором делегаты, стоя, бурными аплодисментами приветствовали президиум и руководителей делегаций зарубежных коммунистических, рабочих и демократических партий. Горбачев объявил о том, что состоялся пленум вновь избранного Центрального Комитета, единогласно избравший руководящие органы партии. Его избрали генеральным секретарем (это известие было встречено «продолжительными аплодисментами). Горбачев также назвал других членов руководства партии, каждого из которых делегаты наградили овациями. Его собственная заключитель-

ная речь тоже сопровождалась бурными, продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию[15].

Но эти выборы прошли в советском стиле, а Горбачев и его соратники вскоре задумались о более радикальном, с далеко идущими последствиями обновлении партии, которое ускорило бы отстранение их противников и одновременно открыло дорогу к тем демократическим переменам, которые они намеревались провести в обществе в целом. Формирование Центрального Комитета регулировалась несколькими положениями устава партии, из которых следовало, что любые изменения его состава, помимо удаления недостойных людей, возможны только съездами партии. Но существовали также возможности введения в состав ЦК дополнительных членов наряду с переводом отдельных людей из кандидатов в полномочные члены ЦК. Этот прием был отработан на XVIII партийной конференции в 1941 г.[16], и когда Горбачев, выступая на пленуме ЦК в 1987 г., предложил провести еще одну конференцию, он подчеркнул, что на ней следует, прежде всего, рассмотреть вопросы подобного рода[17]. На самом деле, XIX партийная конференция, собравшаяся в июне–июле 1988 г. не провела никаких изменений в составе ЦК, но согласилась с тем, что в будущем до 20 % членов партийных комитетов всех уровней можно менять в промежутках между съездами. Конференция решила, что партийные чиновники должны выбираться путем тайного голосования на альтернативной основе, а в качестве средства борьбы с застоем им будет разрешено занимать свои посты не более двух пятилетних сроков подряд[18]. Когда в 1990 г. собрался следующий съезд партии, он пошел еще дальше, утвердив совершенно новый устав, который допускал замену до трети состава вновь избранного ЦК, не дожидаясь созыва очередного съезда[19].

Фактически до съезда 1990 г. в составе Центрального Комитета произошли заметные изменения, но формально они являлись следствием скорее отставок и повышений, нежели выборов[20]. На пленуме, состоявшемся 25 апреля 1989 г., в отставку были отправлены 74 полномочных

---

[15] XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. – М., 1986. Т. 2. С. 294–297.

[16] См. выше. С. 144.

[17] Горбачев М. С. Избранные статьи и речи... Т. 5. С. 156.

[18] Строго говоря, это решение не меняло устав партии, а носило рекомендательный характер. См.: XIX Внеочередная конференция КПСС. Стенографический отчет в 2 т. – М., 1988. Т. 2. С. 141–144.

[19] Материалы XXVIII съезда КПСС. – М., 1990. П. 26 устава. С. 119.

[20] Более детально изменения в составе ЦК, произошедшие на апрельском 1989 г. пленуме, описаны в: Mawdsley E., White S. Renewal and dead Souls: The Changing Soviet Central Committee // British Journal of Political Science. 1990. № 20: 4 (Oct.). P. 537–542.

члена и 24 кандидата в члены ЦК. Еще четверых членов ЦК, избранных в 1986 г., вывели из его состава ранее, в основном из-за коррупционных скандалов. Кроме того, в отставку были отправлены 12 членов Центральной ревизионной комиссии, контролирующей административно-хозяйственную деятельность партии. Подобные массовые отставки явились «беспрецедентными в истории партии». Как пояснил Горбачев, они произошли потому, что 83 члена и 27 кандидатов в члены ЦК к тому времени ушли на пенсию с занимаемых ими постов в партии и государственных органах, подчеркнув при этом, что они направили совместное письмо в ЦК с просьбой о выводе их из его рядов «в интересах дела»[21].

Из 98 отставленных 27 человек являлись работниками центральных правительственных органов (преимущественно в ранге министров), а 28 – секретарями региональных партийных комитетов. Из 24 человек, переведенных из кандидатов в полномочные члены ЦК с правом решающего голоса, примерно половину составляли рабочие и колхозники, а еще четверо представляли Академию наук[22]. Пятеро из тех, кто получил повышение, несмотря на все разговоры об обновлении кадров, оказались старше 60 лет[23].

Увольнения тех лет были отнюдь не столь спонтанными, как это могло показаться. Горбачев к тому времени уже поручил партийному аппарату составить список членов ЦК, ушедших на пенсию или достигших пенсионного возраста. После этого Георгий Романовский, отвечавший за партийные назначения, начал встречаться с людьми, которых следовало подготовить к тому, что пора уступить дорогу молодым, и с теми, кто, в свою очередь, был способен убедить в этом колеблющихся. Он так хорошо справился с этой задачей, что когда «волонтеры» собрались в Секретариате ЦК, «с ними не возникло никаких проблем. Они даже принялись сами подбирать подходящие основания для своего увольнения». Таких встреч состоялось две, первая – с теми членами ЦК, у кого необходимость ухода не вызывала сомнений, а вторая – с теми, кто вознамерился сопротивляться, но в конце концов смирился с неизбеж-

---

[21] По подсчетам Горбачева, в ЦК еще оставались так называемые мертвые души (девять полномочных членов и три кандидата в члены ЦК). См.: Правда. 1989. 26 апр. С. 1. В то же время, за пределами ЦК оставались шесть вновь избранных первых секретарей республиканских организаций и 88 первых секретарей обкомов (Там же. 27 апр. С. 3). О коллективном письме с просьбой об отставке см.: там же. 26 апр. С. 1. Беспрецедентный характер массовых отставок отмечен в: Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. – М., 1995. С. 250.

[22] Mawdsley E., White S. Renewal and dead Souls. P. 541. Всего за период с 1986 по 1990 г. повышение в статусе получили 34 человека.

[23] Аргументы и факты. 1990. № 5. С. 6. В число пятерых новых членов ЦК, родившихся до 1928 г., входили В. М. Фалин, В. А. Масол, М. Ф. Ненашев, И. А. Пентюхов и Е. М. Примаков.

ным. Исключением стал Ефим Славский, занимавшего пост министра среднего машиностроения с 1957 по ноябрь 1986 г., которому было в то время более 90 лет. Последний долгожитель из плеяды руководителей первого поколения отказался участвовать в совещании, на котором его коллег убедили подать в отставку, и просидел весь пленум, иронически улыбаясь[24]. Уход в отставку столь многих более молодых и менее упорных коллег Славского имел по крайней мере один видимый результат. В зале, где проходили пленумы ЦК, стало намного просторнее, поскольку количество полномочных членов ЦК сократилось с 307 до 251 человека. Таким небольшим оно не было с 1960-х гг., а к июлю 1990 г. оно еще уменьшилось до 248 человек при 108 кандидатах в члены ЦК[25]. Одним из выведенных из состава ЦК в апреле 1989 г. был Николай Байбаков, к тому времени уже ушедший на пенсию с поста Председателя Госплана (который он занимал более 20 лет, см. с. 177–185, 213–214). Вернувшись однажды вечером домой, он обнаружил приглашение на одно из упомянутых выше совещаний, которые проводил Разумовский в здании Центрального Комитета партии. Как оказалось впоследствии, он был не единственным, получившим подобное приглашение. На совещании присутствовала большая группа ветеранов партии, включая бывшего министра иностранных дел Андрея Громыко, бывшего Председателя Совета министров Николая Тихонова и бывшего секретаря ЦК Владимира Долгих. Совещание началось с заявления бывшего министра тяжелого и транспортного машиностроения Сергея Афанасьева, попросившего освободить его от членства в ЦК. Остальные выступили в том же духе. Аргументация при этом была вполне разумной: перестройка нуждается в энергичных усилиях членов ЦК, и в любом случае руководство партии требует обновления. Текст обращения ветеранов к партийному руководству был заготовлен заранее, требовались только их подписи. Со своей стороны, Горбачев поблагодарил их за обращение и пожелал всего хорошего[26]. «Вероятно, это было оправданным, – размышлял Владимир Листов, который ушел на пенсию с поста министра химической промышленности в 1986 г., но сохранил за собой место в ЦК до съезда 1990 г., – мы все, кто вошел в состав руководства страны до начала перестройки, понимали, что скоро настанет наш черед»[27].

---

[24] Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи портрету М. С. Горбачева. – М., 1995. С. 195–196. Формально Министерство среднего машиностроения временно прекращало свое существование в период с 1963 по 1965 гг. Реакцию Славского на происходящее на пленуме наблюдал еще один член ЦК, сидевший с ним рядом (см.: Капто А. На перекрестках жизни. Политические мемуары. – М., 1996. С. 151.

[25] Там же. С. 198; Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 19.

[26] Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993. С. 295–296.

[27] Интервью с В. В. Листовым. 1993 (июль). SEP.

Петр Третьяков, бывший первый секретарь Сахалинского обкома партии, был настроен менее философски, вспоминая свой уход с поста несколькими годами позже. «Их всех выгнали из Центрального Комитета как стадо скота, – так он выразился, – но лишь один из них осмелился возразить в том духе, что вся эта затея являлась прямым нарушением Устава партии»[28]. Михаил Соломенцев, будучи Председателем Комитета партийного контроля и связанный партийной дисциплиной тем не менее считал массовое изгнание людей из ЦК «не только ошибочным, но и грубым нарушением Устава партии», он также удивлялся, что так много членов ЦК согласились уйти добровольно. Он присутствовал на второй встрече, проходившей в здании ЦК накануне массовых исключений, и вспоминал, что Горбачев тогда заявил: «...в ЦК слишком много пенсионеров, а задачи, стоящие перед нами слишком сложны и ответственны. Поэтому настало время впрыснуть свежую кровь в ЦК». Однако, как подчеркнул Соломенцев, ни один новый член ЦК не был введен в его состав на апрельском пленуме, в то время как многие пожилые его члены, обладавшие достаточным опытом, были насильно отправлены на пенсию. В результате партии, по мнению Соломенцева, «был нанесен тяжелый удар, реальная цель которого заключалась в том, чтобы предупредить возможное сопротивление той политике, которую Горбачев к тому времени уже решился проводить». Как полагал Соломенцев, решение об их выводе из ЦК было незаконным, он и другие товарищи фактически оставались членами ЦК вплоть до съезда партии, состоявшегося в 1990 г., хотя их перестали приглашать на его последующие пленумы. На одном из этих пленумов в апреле 1989 г. из состава ЦК был выведен маршал Огарков, который вернулся в него уже в 1990 г. в качестве Председателя объединения ветеранов[29].

После съезда 1986 г. и массовых отставок 1989 г. настало время более драматических событий, связанных с формированием нового Центрального Комитета на XXVIII съезде партии в 1990 г. с использованием абсолютно иной, очень сложной процедуры выборов. Один из новых членов ЦК, экономист Леонид Абалкин заметил, что в условиях демократизации общества было сложно оправдать традиционный подход, когда членов ЦК избирали не все делегаты съезда, а главы делегаций партийных организаций, которые назначались в соответствии с занимаемой должностью[30]. Сам Горбачев еще два года назад решил, что Центральный Комитет должен стать небольшим по численности рабочим органом, состоящим из «прорабов перестройки», а не представлять собой предварительно отобранную группу должностных лиц

---

[28] Интервью с П. И..Третьяковым. 1991 (август). SEP.

[29] Интервью с М. С. Соломенцевым. 1993 (май). SEP.

[30] Абалкин Л. А. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. – М., 1991. С. 192–193.

высокого ранга[31]. Выступая в феврале 1990 г., он предложил создать ЦК, «работающий на постоянной основе», отказавшись от системы должностных вакансий, представлявшей собой «отражение партийно-государственной системы власти»[32]. Будучи уверенным в том, что настала пора подобных изменений, Горбачев составил собственный список членов ЦК для представления его на ожидавшемся в том году съезде партии. При этом Абалкин, директор Института экономики АН СССР и заместитель Председателя правительства, был одним из тех, кого Горбачев включил в этот список. На съезде против кандидатуры Абалкина проголосовало более трети делегатов, но экономист проявил твердость в отстаивании своих взглядов, и в конце концов было решено: всех, кто получил поддержку более половины делегатов съезда, следует считать избранными в состав нового ЦК[33].

Но парадокс заключался в том, что слом системы должностных вакансий не позволил Горбачеву избрать желаемый состав Центрального Комитета. К 1990 г. централизованный контроль над партией был в значительной мере ослаблен, а настроения на местах существенным образом сместились в сторону противников процесса реформирования. В составе ЦК «стремительно нарастал негативизм по отношению к генсеку», поскольку его члены оказались не в состоянии убедить Горбачева в необходимости обсуждения с ними текущей ситуации в стране, а не только более широких и абстрактных проблем. Валерий Болдин, возглавлявший Горбачевскую администрацию, как-то во время XXVIII съезда партии обнаружил генерального секретаря, «одинокого и печального», занятого составлением собственного списка кандидатов на избрание в члены ЦК. К тому времени Разумовский уже был уволен, а Лигачев стал открытым противником продолжения реформ[34]. Вопреки всем усилиям Горбачева оказалось, что вновь избранный Центральный Комитет состоял «преимущественно

---

[31] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. – М., 1993. С. 234.

[32] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 5–7 февраля 1990 г. – М., 1990. С. 24.

[33] Абалкин Л. А. Неиспользованный шанс. С. 193–194 (против его кандидатуры проголосовал 1681 делегат съезда из 4683. Против актера Михаила Ульянова проголосовали 1768 человек, а против политического обозревателя Роя Медведева – 1875. Но больше всего голосов против (2000) набрал руководитель аппарата ЦК Николай Кручина (С. 193). Один из делегатов съезда предложил Абалкину взять самоотвод (XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет в 2 т. – М., 1992. Т. 2. С. 509, 536).

[34] Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 366. Рост враждебности по отношению к Горбачеву отмечал и Капто. См.: Капто А. На перекрестках жизни. С. 149.

из лигачевцев и полозковцев»[35]. К тому времени система должностных вакансий фактически не действовала, и ничто не могло помешать делегатам съезда, настаивавшим на более адекватном представительстве в ЦК рядовых членов партии, воспользоваться своим правом вносить в список для голосования собственных кандидатов.

Генеральный секретарь и его заместитель были автоматически включены в состав нового Центрального Комитета, а остальные места в нем заняли люди, выбранные делегатами съезда из двух списков, предложенных на их рассмотрение руководством партии[36]. Первый список был традиционным, на основе выделенных республикам квот: по пять кандидатов от каждой республики плюс по одному кандидату от 100 тыс. членов республиканской партийной организации. Таким образом, набралось 311 кандидатов. Второй список был составлен централизованным образом и содержал 85 кандидатов, отобранных практически лично генеральным секретарем преимущественно из работников партийно-правительственного аппарата. В это список входили Председатели Совета Министров, Госплана и КГБ, министры внутренних дел и обороны. Относительной сенсацией оказалось предложение делегатов съезда исключить из списка для голосования министра обороны Язова и начальника Генерального штаба Моисеева на том основании, что те не были искренними приверженцами перестройки. Борис Ельцин, недавно избранный председателем российского парламента, сам снял свою кандидатуру, а затем вообще заявил о своем выходе из партии. С аналогичными заявлениями выступил ряд других делегатов съезда, представлявших так называемую демократическую платформу. В конце концов для голосования утвердили оба списка, без Ельцина, но дополненные еще 13 фамилиями, предложенными из зала[37]. В течение следующего года состав ЦК снова изменился в результате добровольных отставок его членов, перевода ряда кандидатов в полномочные члены ЦК и введения в его состав новых лиц в обход существующих правил[38].

---

[35] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 357. Первый секретарь ЦК Российской коммунистической партии Иван Полозков был еще одним оппонентом Горбачева в руководстве партии.

[36] Эта оценка основана на сведениях, почерпнутых из следующих источников: XXVIII съезд... Т. 2. С. 494–528; Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 3; Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. – М., 1991. С. 74 и Воротников В. И. А было это так. С. 393–394, 402.

[37] Список членов ЦК, избранного в 1990 г., содержится в: Материалы XXVIII съезда... С. 195–199. Список из 85 фамилий, который принято называть «списком Горбачева», приведен в: Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 357.

[38] Апрельский 1991 г. пленум ЦК ввел вновь избранного первого секретаря ЦК Компартии Киргизии Д. А. Аманбаева сразу в полномочные члены ЦК, хотя по уставу партии только съезд или, после 1990 г., конференция име-

Таблица 6.2

Система должностных вакансий в ЦК, 1981–1990 гг.

	1981		1986		1990	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Центральные партийные органы	44	9	43	9	21	5
Центральные государственные органы	114	24	113	24	24	6
Республиканские партийные органы	32	7	34	7	27	7
Республиканские государственные органы	36	8	33	7	18	4
Региональные партийные органы	112	24	115	24	73	18
Региональные государственные органы	4	1	5	1	2	0
Местные партийные органы	–	–	–	–	41	10
Вооруженные силы	36	8	36	8	11	3
Органы госбезопасности и внутренних дел	4	1	5	1	3	1
Дипломатические службы	22	5	23	5	2	0
СМИ /наука / культура	22	5	23	5	58	14
Отрасли производства	39	8	44	9	132	32
Всего	470	100	477	100	412	100

Примечание. В число представителей центральных государственных органов не включены министры обороны и иностранных дел, но в этой категории учтены руководители профсоюзов. В категорию «республиканские партийные органы» включены только ЦК компартий союзных республик, а в категорию «региональные партийные органы» – партийные комитеты областей, краев, автономных республик и автономных областей, а также Москвы и Ленинграда. «Дипломатические службы» представлены руководителями МИДа и послами. Категория «местные партийные органы» появилась в таблице впервые только в 1990 г. Она объединяет секретарей партийных комитетов более мелких территориальных образований (районов и малых городов – всего 12 человек), заводов и фабрик (16), колхозов и совхозов (6), учебных заведений (4), воинских частей (3). Трое младших офицеров было включено в категории «СМИ / наука / культура» (один лектор) или «производство» (2).

Полная революция в элите, произошедшая в 1985–1990 гг., имела серьезные последствия для состава Центрального Комитета, хотя потребовалось некоторое время для того, чтобы от индивидуальных

ли право принимать подобные решения. (Материалы объединенного пленума Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии КПСС 24–25 апреля 1991 г. – М., 1991. С. 5.

замен перейти к полному отказу от системы должностных вакансий. Хотя темпы смены кадров на индивидуальном уровне в 1986 г. практически удвоились по сравнению с двумя предыдущими съездами, но фактически представительство ключевых групп влияния в составе первого горбачевского ЦК партии осталось почти неизменным. Как было показано выше, на съезде 1990 г. резко изменились принципы формирования ЦК (табл. 6.2). Система должностных вакансий не была уничтожена полностью, но претерпела самые кардинальные изменения за всю историю партии, начиная с 1920-х гг. Представительство центральных партийных органов сократилось почти наполовину, особенно резко уменьшилось число представителей центральных правительственных органов, и это имело особое значение с учетом того, что ранее министры обычно занимали командные позиции ЦК. В составе ЦК, избранного в 1986 г., насчитывалось 55 министров, а в 1990 г. их осталось всего 6. Менее существенно изменилось представительство республиканских и территориальных комитетов партии, хотя персональный состав их представителей в ЦК стал иным. Партийные функционеры союзного, республиканского и регионального уровней по-прежнему составляли ядро нового Центрального Комитета. Они составляли примерно треть ЦК по сравнению с двумя пятыми при прежнем режиме. Были представлены все союзные республики, как правило, первыми и вторыми секретарями соответствующих ЦК. РСФСР была представлена первым секретарем ЦК РКП (эта должность появилась впервые), но общее представительство России в новом ЦК существенно сократилось, поскольку более трети первых секретарей обкомов этой республики утратили места в ЦК, полагавшиеся им по должности все предыдущие годы. Четверть членов нового ЦК была годом ранее избрана депутатами съезда народных депутатов, а еще 14 % членов ЦК являлись депутатами республиканских парламентов[39].

Между тем резко выросло представительство в Центральном Комитете местных партийных органов, что отражало реализацию объявленных ранее намерений о передаче власти «партийным массам». Многие новые члены ЦК этой категории являлись членами городских партийных комитетов, но еще большее их число, 16 человек – это секретари парткомов крупных предприятий и объединений. Представительство военных и дипломатических кругов также сократилось: число представителей высшего командования Вооруженных сил уменьшилось на две трети, а дипломатов теперь представляли только министр иностранных дел и посол в США. В то же время резко выросло представительство

[39] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 4. Из этого числа 11 человек, или 2,7 %, являлись депутатами парламентов автономных республик и 46 человек, или 11,2 %, – депутатами парламентов союзных республик.

партийных масс, включая людей не самых престижных профессий. К их числу относились такие как Обиджон Абубакиров, тракторист узбекского колхоза, Зарлик Калиев, овцевод из Казахстана, и Зухра Байрамкулова, доярка из Ставрополья, у которых даже не было законченного среднего образования. Но появились также и журналисты, например главный редактор «Известий» Николай Ефимов, реформаторски настроенный главный редактор партийного теоретического журнала Нейл Биккенин и его заместитель Отто Лацис. Еще одним новым членом ЦК стал историк и обозреватель Рой Медведев, исключенный из КПСС в конце 1960-х гг., были избраны в его состав писатель Василий Белов и уже упоминавшийся ранее актер Михаил Ульянов. Среди членов ЦК появилось немало академиков, включая нескольких директоров академических институтов и президентов шести республиканских академий наук. Три четверти членов нового ЦК имели высшее образование, 55 человек – ученые степени докторов наук, 18 человек были членами или членами-корреспондентами Академии Наук СССР[40].

Годы правления Горбачева ознаменовались дальнейшим расширением женского представительства на высших постах в государстве, и состав нового ЦК отражал эту тенденцию. В 1986 г. число женщин среди членов и кандидатов в члены ЦК КПСС оставалось примерно таким же, как в 1981 г. (21 из 477 и 19 из 470 соответственно). В 1990 г. произошел заметный скачок. 33 человека из 412 членов ЦК, что составило 8 %, были женщины. Хотя эта доля заметно ниже той цифры, что составляли женщины среди членов партии (30 %) и среди секретарей низовых партийных организаций (34 %)[41]. Более того. число женщин заметно увеличилось и среди символических представителей рабочего класса, в большом количестве избранных в ЦК на XXVIII съезде в 1990 г. Но только две из них, секретарь ЦК Галина Семенова и ленинградская партийная чиновница Елена Калинина, являлись действительно политически значимыми фигурами.

Не менее значительные изменения произошли в относительном представительстве различных национальностей, живших в Советском Союзе (табл. 6.3). Наиболее резким изменением явилось сокращение доли русских среди членов ЦК: с 71 % в 1986 г. до 52 % в 1990 г. Это

---

[40] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 4. Распределение членов ЦК по разным категориям см.: Там же. С. 3–4. Подробные биографии новых членов Центрального Комитета приведены в.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 27–61; № 11. С. 11–62; № 12. С. 27–56. О представительстве «партийных масс» см.: Clark W. A. Token Representation in the CPSU Central Committee // Soviet Studies. 1991. № 43:5. P. 913–929.

[41] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 113, 115. Более подробную информацию по данному вопросу см. в: Lentini P. A Note on Women in the CPSU Central Committee, 1990 // Europe-Asia Studies. 1991. № 45:4. P. 729–736.

было выше общей доли этнических русских в стране, но меньше их количества среди членов партии (примерно 58 %). Отражением усилившегося давления со стороны нерусского населения и республиканских партийных организаций стало увеличение доли украинцев и белорусов в составе ЦК: с 11,7 % до 12,3 % и с 4,4 % до 4,6 %, соответственно. Представительство народов Прибалтийских республик выросло более чем в два раза, с 1,3 % до 2,9 %, хотя в абсолютных цифрах число прибалтов в ЦК оставалось очень небольшим. Наиболее значительно, с 2,5 до 9,7 %, выросло представительство кавказских наций (в основном грузин, армян и азербайджанцев), но больше всего стало представителей Средней Азии – их доля выросла с 5,3 % в 1986 г. до 13,3 % в 1990 г. Эти изменения частично отражали значительно сократившееся представительство в ЦК министров, генералов и дипломатов, среди которых число русских было непропорционально велико. Но это также отражало желание создать партийную элиту, более адекватную общему национальному составу членов партии по стране, а также, что более вероятно, – инкорпорировать в ЦК тех, кто при других обстоятельствах мог испытывать сепаратистские настроения.

Таблица 6.3

Национальный состав ЦК, 1981–1990 гг.

	Год избрания ЦК					
	1981		1986		1990	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	328	70,0	341	71,0	214	52,0
Украинцы	63	13,0	56	11,7	51	12,3
Белорусы	13	3,0	21	4,4	19	4,6
Кавказцы	14	3,0	12	2,5	40	9,7
Представители Средней Азии	23	5,0	23	5,3	55	13,3
Прибалты	10	2,0	7	1,3	12	2,9
Прочие	19	4,0	17	4,0	21	5,0
Неизвестной национальности	0	0	0	0	0	0
Всего	470	100	477	100	412	100

Примечание. Строка «прочие» учитывает несколько десятков национальностей, от молдаван до якутов, имевших по 1–2 представителя в ЦК, включая немцев, евреев и поляков.

Сопоставимые перемены произошли и в возрастном составе ЦК. В 1981 г. средний возраст полномочных членов и кандидатов в члены ЦК составлял 60 лет, а в 1986 г. – 58 лет. В 1990 г. он упал до 49 лет. Люди в возрасте от 50 до 60 лет все еще составляли самую обширную группу среди членов ЦК, но следующей по численности группой стали

40–50-летние. Доля людей старше 60 лет в составе ЦК, достигавшая в 1981 г. одной трети, теперь сократилась до 10 %, и осталось всего два члена ЦК старше 70 лет (в 1981 г. таких было 79 человек). Напротив, в 1990 г. появилось три члена ЦК (из числа промышленных рабочих), возраст которых только приближался к 30 годам. Сокращение количества пожилых членов ЦК также было следствием уменьшения среди них числа министров, военачальников и дипломатов, которые, как правило, являлись людьми старшего возраста, и роста представительства местных партийных и общественных организаций.

Логическим следствием омоложения ЦК между XXVII и XXVIII съездами партии являются изменения в распределении членов ЦК по поколениям (табл. 6.4). Вплоть до предпоследнего при жизни Брежнева съезда партии в 1976 г., то есть более 10 лет спустя после падения Хрущева или через четверть века, прошедшего с момента смерти Сталина, в Центральном Комитете доминировали представители второго поколения элиты, составлявшие 63 % от общего числа членов ЦК. Молодые сталинисты, поднявшиеся к вершинам власти до начала Второй мировой войны, с 1952 г. составляли самую большую по численности группу членов ЦК. Даже в 1981 г. на их долю приходилось 47 % общего состава ЦК, а среди полномочных его членов, занимавших самые высокие должности в стране, их насчитывалось 53 %. На съезде 1986 г. в поколенческом составе ЦК произошли решительные перемены, доля представителей второго поколения сократилась до 17 %. Здесь сработали два взаимосвязанных демографических процесса. С одной стороны, к этому времени самые молодые представители второго поколения достигли пенсионного возраста, а с другой – сыграл свою роль курс на решительное омоложение, избранный реформистски настроенным руководством партии. Четыре года спустя, после выборов 1990 г., в составе ЦК остались всего два представителя второго поколения – уже упоминавшиеся выше академик Борис Патон и маршал Огарков.

Таблица 6.4

Смена поколений в составах ЦК, 1981–1990 гг.

	Год избрания ЦК		
	1981	1986	1990
Первое поколение	4	1	0
Второе поколение	219	81	2
Третье поколение	242	379	225
Четвертое поколение	5	18	185
Всего	470	477	412

Примечание. К первому поколению относятся члены ЦК, родившиеся до 1900 г., ко второму – родившиеся в период с 1901 по 1920 г., к третьему – члены ЦК, родившиеся в 1923–1940-м г., к четвертому – родившиеся позднее 1941 г.

Третье поколение элиты, состоявшее из людей, родившихся между 1921 и 1940 г., в брежневские годы оттесненное на задний план долгожителями из второго поколения – региональными секретарями и министрами – теперь занимало кабинеты, освободившиеся после ухода сталинистов на пенсию, получая вместе с новыми назначениями права и на членство в ЦК. Может показаться, что представители третьего поколения элиты отличаются от крестьянских детей, из которых преимущественно состояло второе поколение, в детском возрасте пережившее невзгоды революций 1917 г. и гражданскую войну, явившееся продуктом культурной революции в годы первых пятилеток и получившее право распоряжаться жизнью и смертью людей, едва достигнув 30-летия. На самом деле социальный состав этих двух поколений элиты претерпел незначительные изменения. Если проанализировать состав ЦК, избранного в 1981 г., когда численность представителей второго и третьего поколений в нем почти совпадала, обнаруживаются удивительные вещи: из тех представителей третьего поколения, чье место рождения точно известно, 65 % происходили из деревни (145 человек из 222 [242]), включая самого Михаила Горбачева. Это намного выше, если сравнивать со вторым поколением, где выходцы из деревни составляли менее 50 % (105 человек из 209 [219]). Третье поколение выросло в зыбкой обстановке коллективизации и индустриализации, то есть во времена, по своей напряженности и сумятице не уступавшие, а порой и превосходившие те, что выпали на долю второго поколения. В силу своего возраста представителям третьего поколения удалось избежать чисток и террора в том объеме, который испытало на себе второе поколение, но по воспоминаниям известно, что многие их родственники были жертвами репрессий. Это касается родственников самых заметных представителей третьего поколения элиты, например Михаила Горбачева и его жены Раисы[42]. Большинство из них достигло взрослого возраста во времена расцвета культа личности Сталина в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Представители третьего поколения были слишком молоды, чтобы участвовать в боевых действиях во время войны, но все они (в подростковом возрасте) испытали нужду и лишения военных лет. В то же время, они смогли воспользоваться плодами создания более совершенной системы образования к тому времени, когда настала пора поступать в вузы. В большинстве своем они вступили в Коммунистическую партию в 1953 г. и участвовали в процессе десталиниза-

[42] Дед Горбачева по материнской линии был арестован и освобожден после того, как под пытками отказался от духовного звания, а его дед по отцу два года провел в тюрьме. Отец его жены был арестован, а ее дед расстрелян «за контрреволюционную агитацию» (Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2-х т. – М., 1995. Т. 1. С. 38–42).

ции, начавшемся в 1956 г. Они также столкнулись с препятствиями для продвижения вверх по карьерной лестнице, порождавшимися политикой кадровой стабильности во времена Брежнева.

Съезд 1986 г. фактически стал апогеем представительства третьего поколения в ЦК, ибо к 1990 г. их время уже ушло. Их доля среди членов ЦК упала столь же стремительно, как в свое время она сократилась для второго поколения, а именно с 79 % в 1986 г. до 55 % в 1990 г. В брежневские годы рост числа представителей третьего поколения сдерживался столь интенсивно, что большинство разменяло седьмой десяток, когда при Горбачеве перед ними открылся путь в верхние слои элиты. На первые роли начали претендовать сорокалетние – представители четвертого поколения, родившиеся в период между 1941 и 1960 г. Люди этого возраста во многом отличались от своих непосредственных предшественников. В частности, они представляли собой продукт более урбанизированной послевоенной культуры. Выходцы из деревни в 1990 г. все еще составляли 51 % вновь избранного состава ЦК, то есть их доля мало отличалась от той, что была в 1986 г., но отсутствие заметных отличий было обусловлено возросшим представительством в ЦК нерусского населения менее развитых частей СССР. Всего среди русских по национальности членов ЦК в 1990 г. доля людей, родившихся в деревне, не превышала 43 %, а среди русских представителей четвертого поколения она составляла всего 37 %. (Для сравнения: в третьем поколении доля выходцев из деревни среди русских составляла 49 %.) Только самые старшие представители четвертого поколения пережили военное время, немногие успели воспользоваться благами, представившимися в годы послевоенных пятилеток. Они скорее были детьми значительно более благополучных лет. Большинство из них вступило в партию в брежневские годы. Средний стаж пребывания в партии среди членов ЦК 1990 г. избрания отсчитывался с 1967 г., но представители четвертого поколения в среднем стали коммунистами намного позднее – в 1975 г. Всего четырьмя годами ранее, в 1986 г., средний год вступления в партию для членов ЦК был 1953 г., то есть год смерти Сталина. Вместе с тем в 1990 г. среди членов ЦК оказалось два человека четвертого поколения, оба из рабочих, которые вступили в партию совсем незадолго до этого, в 1988 г.

Горбачевская элита

В Горбачевский период ключевыми политическими фигурами попрежнему оставались первые секретари региональных партийных комитетов, и они же составляли бóльшую часть партийной элиты, представленной в Центральном Комитете. В начале 1980-х гг. в СССР насчитывалось 128 регионов, и более сотни из них были представлены первыми секретарями соответствующих комитетов партии в Центральном Комитете, утвердившим в 1985 г. назначение Горбачева на

пост генерального секретаря, а впоследствии одобрившего предложенную им программу политических и экономических реформ. Один из них – Виктор Добрик, с конца 1960-х гг. служивший на Украине в должности первого секретаря одного из обкомов партии и бывший полномочным членом Центрального Комитета вплоть до ухода на пенсию многих его долгожителей в апреле 1989 г. Он являлся также первым из числа членов ЦК, которого можно было с полным основанием отнести к третьему поколению партийной элиты (1921–1940 годов рождения). Добрик родился в 1927 г. в деревне в Николаевской области на Украине, его родители – украинцы по национальности, были членами партии. Они вступили в нее во время так называемого Ленинского призыва, объявленного в 1924 г. после смерти вождя. Его отец ушел на фронт в 1941 г., а семья эвакуировалась в г. Барнаул на Алтае, но через пару лет вернулась обратно на Украину в г. Днепродзержинск. Мать Виктора вначале работала в аппарате горкома партии, а затем учителем. Вернувшийся с фронта отец Добрика стал директором педагогического училища. Сам Добрик окончил местную среднюю школу и поступил в Днепропетровский институт инженеров транспорта, после окончания которого, с 1951 г., работал на Горьковской железной дороге, а с 1953 г. служил в железнодорожных войсках. Он вступил в партию в 1954 г., когда служил на железной дороге, связывавшей Улан-Батор с Пекином. Вернувшись в Днепродзержинск, чтобы учиться в аспирантуре, в конце 1957 г. он сделал судьбоносный выбор, когда принял предложение стать заместителем секретаря парткома Днепрогэса. Всю оставшуюся жизнь Добрик проработал партийным чиновником, хотя, как он настаивал позднее, «ему была органически чужда идея партийной работы как способа делать карьеру»[43].

Добрик уверенно поднимался вверх в конце 1950-х и в 1960-х гг. Он занимал пост первого секретаря горкома Днепродзержинска, затем стал кандидатом в члены ЦК в 1966 г., а с 1969 г. – первым секретарем Ивано-Франковского обкома партии, и этот пост дал ему право избираться в полномочные члены ЦК в 1971 г. («Вы направляетесь в Западную Украину и обязаны будете говорить там по-украински», – заявил ему тогда первый секретарь республиканского ЦК Петр Шелест.) В те времена мать Брежнева продолжала жить в Днепродзержинске, и однажды сам Брежнев, бывший тогда Председателем Президиума Верховного Совета, приехал ее навестить. Оказалось, что женщина проживала все в той же квартире, которую отец Брежнева получил от местного завода, где работал, и она не испытывала желания улучшить

[43] Интервью с В. Ф. Добриком. 1992 (август). SEP. Дополнительные биографические сведения о нем можно найти в сб.: Состав центральных органов КПСС, избранных XXVI съездом партии. – М., 1982. С. 155. См. также ежегодники Большой советской энциклопедии за 1966, 1971 и 1977 г.

свои жилищные условия. Брежнев совершил свою поездку в августе 1964 г., за два месяца до того, как Хрущева принудили уйти в отставку, и начал вести откровенные разговоры с местными партийными чиновниками о том, что «дальше так продолжаться не может». Во время таких разговоров, проходивших в присутствии сбитого с толку Добрика, постепенно стало возникать согласие вокруг идеи, что «Никита должен уйти». Брежнев обещал продолжить консультации по этому вопросу, а затем предпринять необходимые действия, поскольку в противном случае «все может закончиться катастрофой». Владимир Щербицкий, изгнанный годом ранее Хрущевым с поста Председателя Совета министров Украины, особо настойчиво говорил о том, что «Хрущева необходимо снимать немедленно». «Пусть так, – недоумевал Добрик, ставший членом ЦК два года спустя, – но как он [Брежнев] не чувствовал себя обязанным оправдать доверие, возложенное на него в то время?» Во всяком случае, снабжение его города продовольствием очень быстро, «буквально в течение года» существенно улучшилось, после того как Брежнев взял верх. Добрик сумел наладить хорошие рабочие отношения с новым лидером и чиновниками, работавшими в аппарате республиканского ЦК партии, кроме «ужасных людей» из идеологического отдела, которые постоянно строчили жалобы о росте националистических настроений и религиозного влияния в руководимой им области.

Добрик как партийный деятель приобрел всесоюзную известность благодаря проводимой им инновационной политике, которую ставили в пример другим областным руководителям. Имеется в виду использование такого измерителя, как «вагоно-час» вместо объема перевезенных грузов в качестве индикатора полноты использования мощностей региональной железнодорожной системы. Система измерения вагоночасов была придумана в Львовской области, когда Добрик работал там первым секретарем обкома партии, и где, благодаря ее применению, удалось вдвое сократить простои вагонного парка. Передовая система была распространена на соседние области. Ее внедрение приветствовала резолюция Центрального Комитета, принятая в июне 1981 г. и обязавшая партийные организации шире применять новшество, восхваляемое главой МПС[44]. Еще более существенным достижением ста-

[44] См.: Добрик В. Ф. О работе организаций железнодорожного транспорта и промышленности Львовской области по эффективности использования вагонов. – Львов: Семинар-совещание по эффективности использования вагонов, 1981. С. 7–11. Июньская 1981 г. резолюция ЦК КПСС опубликована в сб.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. – М., 1983–1989. Т. 14. С. 160–162. О назначении Добрика первым секретарем Львовского обкома партии сообщала газета «Правда Украины» (1973. 29 нояб. С. 3).

6.1. Виктор Добрик (репродукция с портрета, написанного в 1970 г. в связи с его избранием депутатом Верховного Совета. РГАФКД, г. Красногорск)

ло внедрение при содействии Добрика систем управления качеством на ведущих предприятиях области в начале 1970-х гг. Инициатива была замечена ЦК партии, который одобрил «комплексную систему управления качеством продукции, разработанную в Львовской области, и рекомендовал ее к широкому применению»[45]. На следующий год в Львове состоялся всесоюзный семинар для партийных активистов и руководителей предприятий по изучению путей внедрения нового метода, который Брежнев похвалил на совещании в Центральном Комитете в октябре 1976 г. Сам Добрик стал кандидатом в члены Политбюро ЦК компартии Украины в феврале 1976 г. Все работники, отвечавшие за внедрение новой системы, были удостоены на следующий год государственной премии в области техники, а в 1979 г. Добрик оказался в числе членов партийно-правительственной делегации, сопровождавшей Брежнева в его поездке в Венгрию[46].

---

[45] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. – М., 1970–1982. Т. 12. С. 35–39 (исключено в 9-м издании).

[46] См.: Добрик В. Ф., Байбородов Б. П. Цели, принципы и методы управления качеством продукции. – М,, 1978. С. 28, 32 ,77, 130–137. Позитивная оценка Брежневым деятельности Львовской партийной организации в его выступлении на октябрьском 1976 г. пленуме ЦК содержала прямые похвалы в адрес ее первого секретаря (Правда. 1976. 26 окт. С. 1). Добрик разъяснял Львовский подход к управлению качеством в следующих публикациях: Добрик В. Ф., Удовиченко Ф. Т. Управление качеством: проблемы и их реали-

Поначалу Добрик с энтузиазмом встретил перемены, связанные с перестройкой, но потом последовало, по его словам, «идиотское постановление» о борьбе с алкоголизмом, принятое в мае 1985 г., которое вводило ряд суровых ограничений [по производству и продаже алкогольных напитков][47]. Через два месяца из Москвы прибыла партийная комиссия для проверки того, что сделано во исполнение этого постановления. Проверяющие интересовались, как ведет себя местное партийное руководству, чтобы понять, почему в Москве и Киеве выстраиваются длинные очереди в винные магазины, а в Львове таких очередей нет. Добрик лично доложил о своих сомнениях по этому поводу ЦК, когда ему представилась возможность выступить перед высшим руководством с выдержанным в жестком стиле и, как вспоминал потом Добрик, тепло встреченным обращением, где содержались жалобы на республиканское партийное руководство. (Впоследствии Щербицкий заявил, что подобных выступлений от него больше не требуется[48].) Вскоре после этого Добрик подвергся нападкам в прессе: в «Правде» в сентябре 1985 г. была опубликована статья, в которой отмечался большой разрыв между планами и реальными достижениями области, за что главная ответственность возлагалась на местное партийное руководство[49]. То ли благодаря своим организационным талантам, то ли наличию протекции в Киеве Добрик сумел пережить переход власти к Горбачеву, оставаясь на своем посту. Но хотя он открыто заявил о своей поддержке политики «последовательной демократизации», о которой было объявлено в январе 1987 г., его в том же году обвинили в «серьезных недостатках в работе» и вынудили подать в отставку. В апреле 1989 г. он, вместе с другими мертвыми душами, был выведен из состава ЦК[50]. Подобно своему коллеге Всеволжско-

---

зация. – Львов, 1978; Добрик В. Ф., Удовиченко Ф. Т. Научно-технические и общественные проблемы управления качеством: Опыт Львовской области. – М., 1980. О его поездке в Венгрию сообщала газета «Правда» 31 мая 1979 г. (С. 1). Ранее Добрик посетил Италию в составе делегации, возглавлявшейся Андреем Кириленко (Там же. 1968. 27 июня. С. 5).

[47] Подробнее эта кампания описана в книге: White S. Russia Goes Dry: Alcohol, State and Society. – Cambridge, 1996.

[48] Интервью с В. Ф. Добриком. 1992 (август). SEP.

[49] См.: Уроки и выводы // Правда. 1985. 25 сент. С. 2. Украинская республиканская и областная партийные организации позднее признали справедливость газетной критики (Там же. 1985. 1 нояб. С. 2). Тем не менее Добрик был переизбран на должность первого секретаря обкома партии в том же году (Там же. 1985. 18 дек. С. 2).

[50] Московские новости. 1987. № 6. С. 12. Об отставке Добрика сообщалось в: Правда. 1987. 21 марта. С. 4. Добрик был также раскритикован на пленуме ЦК компартии Украины (Там же. 1987. 28 марта. С. 2). Сам Добрик утверждал, что был не удовлетворен действиями руководства во время взрыва на Черно-

му, представителю второго поколения элиты среди секретарей украинских обкомов партии (см. с. 252–255), Добрик, представлявший третье поколение элиты, может служить примером успешного регионального руководителя брежневских времен. Но он также оказался среди тех, чьи методы работы оказались несовместимы с требованиями нового, реформаторского руководства партии.

Эрлен Первышин также относился к третьему поколению элиты, но представлял собой совершенно иной тип руководителя. Он был технократом и успешным министром[51]. Первышин происходил из семьи военного, и в детские годы часто переезжал с родителями с места на место. Он родился в 1932 г. в небольшом городке Тамбовской области в Центральной России и пошел в школу в г. Кисловодске Ставропольского края. Затем он переехал в столицу, чтобы поступить в Московский электротехнический институт связи (МЭИС). Первышин был представителем хорошо подготовленной технической интеллигенции послевоенного поколения, воспитывавшегося под крылом военно-промышленного комплекса. Как вспоминал Первышин, в 1950-е гг. вся страна представляла собой большую строительную площадку: реконструировались города и предприятия, создавались новые научные центры, военная промышленность перестраивалась на выпуск гражданской продукции. После окончания института Первышин работал в двух закрытых сибирских городах – «Томск-7» и «Красноярск-26», где в том числе производились системы связи для ядерных объектов страны. Он был увлечен своей работой и без особого энтузиазма встретил приглашение на административную должность в Госкомитете по радиоэлектронике, но приказ есть приказ. В те годы Первышин редко сидел в своем кабинете, чаще он разъезжал по стране, участвуя в разработке новых систем связи. Он также принял участие в установке оборудования во Дворце съездов, открывшемся в 1961 г. в Москов-

---

быльской АЭС, но его вынудили подать в отставку (Интервью с В. Ф. Добриком. 1992. SEP). Имеются также основания предполагать, что отставка Добрика была связана с кампанией, направленной на ослабление позиций украинского лидера Владимира Щербицкого, точно так же, как отставки первых секретарей Ворошиловоградского и Днепропетровского обкомов партии, которых вынудили уйти примерно в то же время (Radio Liberty Research RL, 164/1987. 1987. 2 Apr.). Добрика сменил еще один ветеран – Я. П. Погребняк, 1928 года рождения, всю жизнь проработавший в партийном аппарате, которого в свою очередь сменил В. В. Секретарюк, впоследствии занявший полагающееся ему по должности место в Центральном Комитете.

[51] Интервью с Э. К. Первышиным. 1991 (сентябрь). SEP. Кое-что о своей работе на посту министра Первышин рассказывал сам в ст.: Из истории промышленности средств связи СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 1. С. 75–80, и более подробно в кн.: Э. К. Первышин и др. Индустрия передачи информации. – М., 1984.

ском Кремле. На все эти разработки выделялись громадные ресурсы, причем в связи с торговой политикой Запада все оборудование приходилось разрабатывать и изготавливать своими силами.

Первышин стал членом партии в 1959 г., а в 1960-х гг. работал директором объединения «Каскад», гигантского предприятия, в котором работало более 30 тыс. специалистов, занимавшихся в основном созданием систем противовоздушной и противоракетной обороны страны. Но будучи членом партии, он не имел права отказаться от предложения (поступившего из оборонного отдела ЦК) стать заместителем министра радиопромышленности: ответил «Слушаюсь». Одна из основных обязанностей Первышина на новом посту заключалась в том, чтобы возглавить специальную группу, занимавшуюся созданием системы, обеспечивавшей высших руководителей защищенной от перехвата и прослушивания связью в любой точке страны, где бы те не находились. Эта задача была успешно решена в середине 1970-х гг. Одновременно создавалось и вводилось в производство новое поколение спутников, связавших все системы военной связи в единую общенациональную сеть. В 1974 г. в возрасте 42 лет Первышина перевели в Министерство промышленности средства связи на должность министра. Тогда у партийного руководства имелись серьезные претензии к качеству советских телевизионных приемников, за что Первышин подвергся критике самого Горбачева в докладе на июньском 1987 г. пленуме ЦК[52]. Но в 1989 г., после ряда серьезных критических замечаний в отношении отставания всей возглавляемой им отрасли от западных производителей аналогичной продукции, Первышин тем не менее был переутвержден министром вновь избранным Верховным Советом СССР [53].

В тот же год произошли серьезные изменения в структуре министерств, и Министерство промышленности средств связи было объединено с Министерством связи. Имея в своем штате более 3 млн работников, новое министерство должно было отвечать за все виды связи, начиная с телефонной и заканчивая системой связи страны. Первышин как мог сопротивлялся своему назначению главой нового суперминистерства, и заявил о самоотводе на пленуме ЦК, когда была названа его кандидатура на должность министра. Но его назначение поддержал казахский лидер Нурсултан Назарбаев и многие другие члены ЦК, и он понял, что сделанное ему предложение относится в категории тех, от которых нельзя отказаться[54]. Немного

---

[52] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. С. 150.

[53] Первая сессия Верховного Совета СССР 10–12 июля 1989 г. Стенографический отчет. – М., 1989. Ч. VI. С. 75–86.

[54] Краткий отчет об этом пленуме содержится в: Справочник партийного работника. – М., 1991. Вып. 30. С. 42–43.

6.2. Эрлен Первышин, кандидат в члены и впоследствии член Центрального Комитета партии в период с 1976 по 1990 гг. (Новости)

позднее предприятия, принадлежавшие ранее Министерству промышленности средства связи, были объединены под эгидой холдинговой компании «Телеком», и Первышин стал председателем ее совета директоров, оставив свой пост в правительстве в начале 1991 г. Так закончилась типичная для брежневского периода 17-летняя министерская карьера Первышина, хотя по своей продолжительности она заметно уступала карьере его коллеги, министра связи Николая Псурцева, просидевшего в министерском кресле с 1948 по 1975 гг.

Министры, возглавлявшие при Брежневе все важные промышленные министерства, автоматически становились членами Центрального Комитета партии и депутатами Верховного Совета СССР. Первышин был избран кандидатом в члены ЦК в 1976 г., а десять лет спустя, уже при Горбачеве, его перевели из кандидатов в полномочные члены ЦК. Он не был переизбран в состав ЦК в 1990 г., но то было время, когда началась трансформация системы должностных вакансий, и большинство министров уже не могло претендовать на включение в состав ЦК (Первышин также был депутатом Верховного Совета СССР с 1974 по 1989 г., куда он избирался от одного из избирательных округов Грузии). Но, как подчеркивал сам Первышин, он и подобные ему министры еще до 1990 г. являлись «специалистами в своей области и не были слишком вовлечены в политику». Они редко выступали на съездах партии или на сессиях Верховного Совета, но значительно чаще – на еженедельных заседаниях Совета министров и в Военно-промышленной комиссии, которая координировала деятельность руководителей оборонных отраслей промышленности. И, как оказалось, людям вроде Первышина, благодаря их техническим и организацион-

ным способностям, было гораздо проще приспособиться к политическим переменам конца 1980-х гг. и к работе в посткоммунистических условиях. Как будет показано в главе 8, сказанное особенно справедливо в отношении тех бывших членов ЦК, которые стали заниматься финансами и менеджментом или взялись за работу в областях, соответствовавших их профессиональной подготовке, поскольку членство в ЦК было для них скорее приложением к занимаемым должностям, нежели результатом собственной политической активности.

Виктор Мишин представлял в Центральном Комитете совершенно особую группу – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ), или Комсомол[55]. Первые три комсомольских лидера – Ефим Цетлин, Оскар Ривкин и Лазарь Шацкин – никогда не являлись членами выборных партийных органов, а их преемник Петр Смородин был введен в состав ЦК только в 1930 г., через несколько лет после того, как оставил пост первого секретаря ЦК комсомола. Первым, кто вошел в состав ЦК партии в качестве представителя комсомола, стал Николай Чаплин, сменивший Смородина на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ в 1924 г. Все его преемники (за исключением непосредственного наследника Чаплина), начиная с Александра Косарева в 1930-х гг. и заканчивая Мишиным и сменившим его Виктором Мироненко, согласно должности являлись полномочными членами ЦК партии. Все первые комсомольские лидеры (вплоть до конца 1930-х гг.) были очень молоды, и их объединяет то, что все до единого испытали репрессии и лишь двое избежали расстрела[56]. Как сказал Мироненко нашему интервьюеру, «...мы порой забываем о том, что первыми жертвами сталинизма стали комсомольские и партийные работники»[57]. В соответствии с уставом (в редакциях 1970-х – начала 1980-х гг.) комсомол был «независимой молодежной общественной организацией, активным помощником и резервом партии», действующим на всех уровнях под руководством партии. Виктор Мишин проработал первым секретарем ЦК комсомо-

---

[55] Интервью с В. М. Мишиным. 1993 (июнь). SEP.

[56] См.: Хорунжий В. О первых секретарях ЦК Комсомола // Молодой коммунист. 1988. № 9. С. 37–46. Этими исключениями были Чаплин, предположительно умерший в заключении в 1938 г., и А. И. Мильчаков, работавший первым секретарем ЦК ВЛКСМ с 1928 по 1929 г., который был арестован в 1938 г. и провел 16 лет в заключении. Комсомол также примечателен тем, что поставлял председателей КГБ: Александр Шелепин, бывший первым секретарем ЦК комсомола в 1952–1956 гг., возглавлял КГБ до 1961 г. Сменивший его на этом посту Владимир Семичастный работал первым секретарем ЦК комсомола Украины, а затем сменил Шелепина на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1958–1959 гг.).

[57] Интервью с В. И. Мироненко. 1992 (апрель). SEP.

ла с 1982 по 1986 г., после чего в рамках процесса омоложения кадров, начатого Юрием Андроповым, его ввели в состав ЦК партии и одновременно перебросили на работу в ВЦСПС.

Мишин родился в 1943 г. в Москве и является единственным представителем четвертого поколения элиты, о котором говорится в настоящей главе. Он был типичным горожанином и единственным членом элиты, родившимся в столице (из тех ее типичных представителей, о которых мы рассказываем в книге. Егорычев родился в пригороде, ставшем впоследствии окраиной Москвы). Отец Мишина – строитель – воевал и получил ранение на фронте. Его мать сидела дома с детьми, пока те были маленькими, но потом снова вышла на производство и проработала до пенсии. Виктор Мишин, один из трех детей в семье, учился в московской школе, а потом в техникуме, где получил специальность «техника по железобетонным изделиям». Он продолжил свое образование в Московском инженерно-строительном институте (МИСИ) им. Куйбышева, после окончания которого остался в нем преподавать. Мишин рассчитывал написать и защитить диссертацию, но оказался вовлечен в комсомольскую, а затем и в профсоюзную работу в качестве активиста и освобожденного комсомольского работника. Он стремился сложить с себя эти обязанности, но в начале 1968 г., когда он уже был членом партии, его вызвали из туристического похода и предложили стать вторым секретарем райкома комсомола. Он дважды отказывался от этого предложения, но в конце концов его убедили занять предлагаемую должность. После этого Мишин начал уверенно подниматься вверх по карьерной лестнице: стал первым секретарем райкома комсомола, затем работал в аппарате Московского горкома комсомола, после чего в 1976–1978 гг. возглавлял Московскую городскую комсомольскую организацию, хотя, как он рассказывал, «...ему было проще выступить с речью без бумажки перед пятитысячной толпой, чем составить официальный документ на полутора страницах».

Перейдя снова на работу в ЦК комсомола, Мишин отвечал за трудоустройство молодежи и в особенности за добровольцев, привлеченных на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в Сибири. Однажды он облетел строительство на вертолете по всей длине строящейся магистрали. В декабре 1982 г., всего несколько дней спустя после смерти Брежнева, он был вызван в ЦК партии на «интересную беседу» с Юрием Андроповым, который сообщил, что имеет намерение выдвинуть Мишина на пост первого секретаря ЦК комсомола[58]. Он занимал этот пост при трех генеральных

[58] О его назначении см.: Комсомольская правда. 1981. 7 дек. С. 2. В газете поместили его портрет. Наше описание базируется на сведениях из интервью Мишина (SEP), некоторые подробности позаимствованы в ст.: Хорунжий В. О первых секретарях ЦК Комсомола. С. 46. Мишин сменил на этом посту Бо-

6.3. Виктор Мишин выступает на пятом фестивале молодежи СССР и Болгарии в 1983 г. (РГАФКД, г. Красногорск)

секретарях, включая Горбачева. В период правления последнего у Мишина возникли трения с секретарем ЦК Егором Лигачевым, отвечавшим в ЦК помимо прочих обязанностей за работу с молодежью, и незадолго до XXVII съезда партии в 1986 г. ему было предложено отправиться послом в Уругвай. «Если этот вопрос решенный, то я как член партии обязан подчиниться, – ответил Мишин. – Но если это только предложение, то мое мнение также должно учитываться. Мой сын, например, ходит в пятый класс. Жена откажется оставлять его одного, а как может работать посол без супруги?» Его возражения показались убедительными, и в конечном итоге именно на этом съезде Мишин был избран сразу полномочным членом ЦК, став в нем одним из всего лишь 16 представителей четвертого поколения элиты. Позднее возникло еще одно предложение – направить Мишина послом в Лаос, но Лигачев подобрал ему должность в системе профсоюзов, и в возрасте чуть больше 40 лет Мишина назначили секретарем ВЦСПС, где поначалу он отвечал за спортивные и культурные мероприятия.

Некоторое время спустя Мишин стал открытым оппонентом Лигачева и его сторонников, предложив тому на пленуме ЦК в начале 1990 г. «...помочь партии, подав в отставку или подыскав себе другое место работы»[59]. Он оказался в числе немногих членов прежнего состава ЦК, переизбранных в июле 1990 г., когда численность предста-

---

риса Пастухова, который был переведен на должность директора издательства, а затем назначен послом в Данию.

[59] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 11, 14, 16 марта 1990 г. – М., 1990. С. 36–37.

вителей четвертого поколения в нем возросла почти десятикратно. Но у него не сложились отношения с Александром Яковлевым, которого принято считать архитектором перестройки. Яковлеву в то время было около 65 лет, но у него еще были темные волосы. Мишин был шокирован, узнав, что Яковлев их красит, и решил, что такому человеку нельзя доверять. Так или иначе, но Мишин, хотя его и нельзя было заподозрить в шпиономании, «почти поверил» в истории, преподносимые СМИ, что Яковлев был завербован иностранными разведками, а Горбачев и Шеварднадзе тоже ими «куплены». Сам он к началу своей работы в комсомоле уже начал лысеть, и всегда тщательно причесывался, после того как отказался от шляпы, полагая, что «...шляпа как-то не вяжется с представителем молодежного движения». Но Мишин успел покинуть комсомол в возрасте 43 лет, до того как облысел окончательно[60]. Вместе с тем он принадлежал к поколению слишком молодому, чтобы успеть сделать политическую карьеру в посткоммунистической России, и на выборах в Государственную Думу в декабре 1995 г. Мишин был одним из тех, кто возглавил избирательный список партии «Отечество», выступавшей за постепенные экономические реформы и твердое отстаивание государственных интересов России.

Мы выбрали этих троих из массы людей, чьи судьбы могли бы проиллюстрировать бурные годы между смертью Брежнева и распадом советской системы. Следует также учитывать совершенно новый состав Центрального Комитета, избранного в июле 1990 г. с намерением расширить представительство низовых партийных руководителей. Как было показано выше, в новом ЦК стало больше женщин и молодежи, больше представителей неславянской национальности, прежде всего из Средней Азии и Закавказья. Но Добрик, Первышин и Мишин являются истинными членами элиты, что дает возможность на их примере проследить некоторые аспекты ее развития в период между съездами 1986 и 1990 г. Добрик и Первышин по исполняемым ими функциям и происхождению мало отличались от секретарей региональных комитетов партии и министров первых послевоенных десятилетий, хотя, будучи представителями третьего поколения элиты, они достигли зрелости в более спокойные времена и были образованнее своих предшественников. Вместе с тем важно помнить, что в отличие от других представителей этого поколения Добрик и Первышин не были насильственно отстранены от важных постов. Когда Добрика впервые избрали в ЦК в 1966 г., он являлся одним из немногих представителей третьего поколения в его составе. Даже десятью годами позже, когда Первышин в относительно молодом возрасте (44 года) был избран в ЦК, их поколению принадлежала всего треть мест в со-

[60] Интервью с В. М. Мишиным. 1993 (июнь). SEP. О его назначении в секретариат ВЦСПС см.: Труд. 1986. 5 июля. С. 1.

ставе Центрального Комитета. Но когда Добрик в апреле 1980 г. (вместе с Байбаковым) был выведен из ЦК в ходе массовой отправки на пенсию мертвых душ, ему уже исполнилось 62 года. Управленческий талант позволил Первышину продержаться на своем высоком посту (хотя и не в составе ЦК) несколько дольше, но и он к тому времени почти достиг пенсионного возраста. Время третьего поколения подошло к концу. Но Мишин как представитель четвертого поколения вошел в элиту задолго до развертывания перестройки. Он всего на год старше современного лидера компартии Геннадия Зюганова, и относится к тем, кто мог бы стать заменой поколению, уходящему с политической арены, но и система, и ее элита к тому моменту уже начали радикально меняться. В итоге она не смогла продержаться достаточно долго для того, чтобы четвертое поколение элиты успело воспользоваться доставшимся ему политическим наследством.

Центральный Комитет и перестройка

В годы правления Горбачева произошли драматические изменения роли Центрального Комитета, отражавшие намерения руководства партии демократизировать ее деятельность и повысить ответственность во всех аспектах партийной жизни. Некоторые предварительные шаги в этом направлении были сделаны в конце 1985 г. В частности, было решено восстановить в Уставе партии правила принудительного обновления состава выборных органов, принятые во времена Хрущева. Однако в версии, принятой XXVII съездом в феврале 1986 г., говорилось лишь о «систематическом обновлении» партийных органов, сочетающемся с сохранением «преемственности руководства»[61]. Более обширная программа реформ начала разрабатываться на следующий год, в преддверии партийной конференции, которая должна была пересмотреть всю систему управления Советским государством и, в частности, отменить доминирующую роль одной партии. Раздавались также призывы обязать партийных работников больше времени уделять работе с массами, а всем партийным органам, начиная с Политбюро и до самого низа, – ежегодно представлять отчеты о своей деятельности[62]. Предлагалось проводить съезды партии раз в два года, а между ними – партийные конференции, как это было принято при Ленине, а также провести перерегистрацию и по возможности сократить количество членов партии, численность которой сильно

[61] Коммунист. 1985. № 17. С. 79; № 18. С. 62 (где специально разбираются вопросы обновления ЦК). Более подробно эта тема обсуждается в: White S. Soviet Communism: Programme and Rules. – London, 1989. P. 14–17.

[62] Московские новости. 1988. № 25. С. 1; Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 46.

выросла в брежневские застойные годы[63]. Наблюдалась серьезная озабоченность правильностью расходования партийных финансов с призывами к выборным органам всех уровней представлять надлежащую финансовую отчетность. (Как заявил один из выступавших на партийной конференции 1988 г., «...нам больше известно о доходах и расходах Британской королевской семьи, нежели о финансовых делах нашей собственной партии».)[64] Имелось также общее согласие, что новых членов партии следует подбирать по их личным качествам, а не по социальному происхождению[65].

Наиболее широкую поддержку нашли предложения о том, что все выборы в партийные органы должны происходить на альтернативной основе и что следует ограничить время пребывания на выборных должностях. При существовавшей тогда системе рекомендаций сверху и списков для голосования, включавших единственного кандидата на каждое место, замещение партийных должностей фактически происходило посредством назначения, причем зачастую пожизненного. В частности, членство в Центральном Комитете стало «приложением к должностям высокого ранга», что превращало его в пассивный орган, «готовый исполнять любые указания шефа»[66]. Некоторые утверждали, что необходимо установить максимальный срок непрерывного членства в ЦК и работы в его аппарате, причем их состав должен обновляться не менее, чем на треть при каждых очередных выборах[67]. Партийные должности должны заполняться на основе тайного голосования, причем число кандидатов в избирательных бюллетенях должно превышать число выборных мест. Кроме того необходимо иметь возможность досрочно переизбирать неэффективно работающие партийные комитеты[68]. Были предложения об изменении процедуры выборов генерального секретаря, которого предлагалось избирать посредством общенациональных выборов или на своего рода партийном референдуме, решение которого должно быть окончательным[69]. Предлагалось даже ввести возраст-

---

[63] Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 44; Правда. 1988. 2 мая. С. 1, 3.

[64] См., напр.: Коммунист. 1988. № 3. С. 16; XIX Внеочередная конференция... Т. 1. С. 337.

[65] См., напр.: Коммунист. 1988. № 4. С. 85.

[66] Там же. № 3. С. 37; Правда. 1988. 9 марта. С. 2.

[67] Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 44; Правда. 1988. 9 апреля. С. 2. Другие предложения об ограничении двумя сроками пребывания на выборных партийных должностях и о восстановлении в уставе положения о принудительном обновлении партийных органов, введенного при Хрущеве, были высказаны в журналах: Партийная жизнь. 1988. № 10. С. 38; Коммунист. 1988. № 5. С. 41.

[68] Партийная жизнь. 1988. № 11. С. 38–39.

[69] Советская культура. 1988. 30 апр. С. 5; Soviet Weekly. 1988. 18 June. P. 10. Похожие предложения были напечатаны в газетах: Московские новости.

ные ограничения, например, установить предельный возраст в 65 лет для членов Политбюро и Секретариата ЦК партии[70]. Считалось также необходимым реформировать собственный бюрократический аппарат партии, который должен стать меньшим по численности и не столь очевидным образом дублировать иерархию государственных органов[71].

Существовали и другие предложения, касающиеся демократических изменений в работе руководящих органов партии, включая ее Центральный Комитет. Они обосновывались, в частности, тем, что ЦК должен играть более активную роль в партийных делах. При этом предлагалось, чтобы по крайней мере некоторые члены ЦК работали совместно с Политбюро и Секретариатом над подготовкой пленарных заседаний, а термин «постановление Центрального Комитета» распространялся только на решения, принятые после коллективного обсуждения всем составом ЦК, но не использовался применительно к решениям партийного аппарата[72]. Предлагались также изменения порядка избрания Центрального Комитета с голосованием на открытых заседаниях съездов партии и с указанием хотя бы должностей и мест работы избранных кандидатов[73]. Требовали значительно большего объема информации о том, как работает ЦК и о чем говорится на его пленарных заседаниях[74]. Из опросов членов партии стало ясно, что многие из приведенных выше предложений пользовались среди них значительной поддержкой. Например, большинство членов Московской партийной организации высказалось в пользу восстановления принудительного обновления высших партийных органов и выборов всех партийных комитетов посредством тайного голосования на конкурентной основе. Мощную поддержку получило также предложение об издании специального бюллетеня с информацией о заседаниях Центрального Комитета[75].

1988. № 16. С. 2 (призыв к прямым выборам высших руководителей вплоть до генерального секретаря); Советская Россия. 1988. 14 июня. С. 1, где предлагалось выбирать генерального секретаря общепартийным голосованием из числа кандидатов, предложенных съездом партии или пленумом ЦК.

[70] Московские новости. 1988. № 16. С. 2 (это предложение касалось верхних эшелонов партийной структуры). Опросы, проводившиеся среди членов партии, выявили значительную поддержку среди них введения возрастных ограничений. См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 33–41.

[71] Коммунист. 1988. № 4. С. 86–87; Партийная жизнь. 1988. № 8. С. 49; № 9. С. 48.

[72] Коммунист. 1988. № 9. С. 35.

[73] Московские новости. 1988. № 20. С. 13 (Ю. Буртин).

[74] Там же. № 11. С. 8 и № 17. С. 8.

[75] Вопросы истории КПСС. 1988. № 6. С. 13–41; Коммунист. 1988. № 9. С. 31–35.

Отношение партии к происходившим дебатам стало очевидным после 27 мая 1988 г., когда в центральной прессе были опубликованы десять тезисов, утвержденных четырьмя днями ранее пленумом Центрального Комитета. Перестройка, согласно первому тезису, уже создала «новую идейно-политическую ситуацию в обществе». Теперь же требуется наличие «постоянно действующего механизма для сопоставления мнений, критики и самокритики внутри партии и в обществе» как средства продвижения «конструктивного политического диалога». Роль партии была особенно четко обозначена в пятом тезисе, из которого следовала необходимость проведения целой серии изменений в партийной организации, включая свободу дискуссий, коллегиальность и внутрипартийную демократию. Требовался также ряд изменений в структурах самой партии, включая перерегистрацию действующих членов партии и выборы партийных комитетов всех уровней на ограниченный период времени тайным голосованием на конкурентной основе. В этой связи, как подчеркивалось в тезисах, особая ответственность возлагается на Центральный Комитет партии. Его работа должна быть более коллегиальной, с тем чтобы политические решения принимались с участием всех его членов и на основе «широкого обсуждения». Должны быть выработаны способы участия членов ЦК в его работе в промежутках между официальными заседаниями и правила частичного обновления» его состава в промежутках между съездами[76].

Большинство вопросов, которых касались тезисы ЦК, были затронуты Горбачевым в его докладе на партийной конференции, состоявшейся в июне 1988 г., и в принятых на ней резолюциях. «Произошли определенные деформации в самой партии, – заявил Горбачев делегатам конференции, – демократический централизм выродился в бюрократический централизм. Рядовые члены партии утратили контроль над политикой партии и ее руководством, выступающим от их имени. Сами руководители, в свою очередь, возомнили, что они не подвластны критике, что порой приводило к злоупотреблениям доверенными им полномочиями». Горбачев настаивал на том, что партия обязана перестроить свою деятельность и пересмотреть свою роль политического авангарда общества, которая является ее главной обязанностью. Особо он рекомендовал заняться пересмотром членства партии в том духе, который был предложен в тезисах ЦК, и отказаться от «любых квот и бюрократических подходов» при приеме в партию. Должен быть также восстановлен престиж выборных органов и прежде всего Центрального Комитета, который «занимает особое место в партии и обществе». Он сообщил, что Центральный Комитет

[76] Тезисы Центрального Комитета КПСС к XIX Внеочередной партийной конференции. – М., 1988. С. 4–6, 14–17.

уже начинает оживать и его пленарные заседания стали отличаться от прежних лет, но следует отыскивать новые пути вовлечения членов ЦК в формирование политики на постоянной основе, включая участие в работе Политбюро. При выборах всех партийных органов должно выдвигаться больше кандидатов, чем мест в них, а выборы всех руководителей должны происходить на ограниченное число сроков тайным голосованием и на конкурентной основе[77].

Большинство этих предложений получили поддержку во время конференции, а по некоторым вопросам ее делегаты пошли еще дальше. Например, согласие было достигнуто относительно обязательной публикации полных отчетов о заседаниях Центрального Комитета, а также по поводу того, что члены ЦК должны регулярно отчитываться перед своими партийными организациями[78]. Рабочий Волжского автозавода Анатолий Мельников пожелал узнать более подробно о «позиции каждого члена ЦК», с тем чтобы партийные выборы отражали мнение большинства[79]. Первый секретарь Волгоградского обкома Владимир Калашников был обеспокоен тем, чтобы обеспечить всем членам ЦК определенную роль в подготовке документов для его пленарных заседаний, и, как подчеркнул Борис Ельцин, для заседаний Политбюро. По его мнению, тезисы ЦК, представленные самой конференции, подготовлены без участия подавляющего большинства членов Центрального Комитета[80]. Конференция в своей заключительной резолюции согласилась с Горбачевым в том, что «в настоящих условиях необходима глубокая демократизация партийной жизни». Для начала необходимо, чтобы члены партии подбирались по политическим критериям, а не по централизованно устанавливаемым квотам, решения должны приниматься коллективно, а партийные собрания быть более открытыми и конструктивными. Сам Центральный Комитет должен быть допущен к исполнению более активной роли в работе по руководству партией, регулярно заслушивать отчеты Политбюро и образовывать собственные комиссии по внешней и внутренней политике. И прежде всего все выборные партийные должности, вплоть до членства в ЦК, должны заполняться на конкурентной основе посредством тайного голосования и максимум на два пятилетних срока[81].

Перечисленные реформы так же, как и аналогичные перемены в управлении государством, начали внедряться в последующие за конференцией месяцы. Но выборы в партийные органы на конку-

---

[77] XIX Внеочередная конференция... Т. 1. С. 76–83.

[78] Там же. Т. 1. С. 324, 258.

[79] Там же. Т. 2. С. 10.

[80] Там же. Т. 1. С. 136 и Т. 2. С. 57.

[81] Там же. Т. 2. С. 141–144.

рентной основе практиковались еще раньше, в феврале 1987 г., когда первый секретарь Кемеровского обкома партии был выбран тайным голосованием из двух кандидатов[82]. Дальнейшие изменения последовали в сентябре 1988 г., когда Центральный Комитет учредил шесть новых комиссий, занимавшихся внутрипартийными делами, идеологией, социально-экономической политикой, сельским хозяйством, международными делами и реформами законодательства. Состав этих комиссий окончательно утвердили в ноябре. Каждую возглавил один из членов высшего руководства партии, а все они в совокупности были нацелены на вовлечение членов ЦК «на регулярной основе в активную работу по основным направлениям внутренней и внешней политики партии»[83]. Была упрощена структура аппарата ЦК и сокращена его численность[84], с 1989 г. начал выходить новый журнал «Известия ЦК КПСС». В первом номере обсуждались финансовые дела партии, причем сообщалось, что затраты на содержание центрального аппарата не превышали 3 % общих расходов, были также напечатаны полные отчеты о ряде заседаний самого ЦК и авторизованная версия секретного доклада Хрущева, сообщалась реальная дата рождения Сталина и публиковался ряд фотографий, в том числе несколько фотографий Ленина, сделанных во время его смертельной болезни[85].

Дело продвинулось во время трехдневного пленума ЦК в феврале 1990 г., который утвердил предложение Горбачева об отказе партии от установленной конституцией лидирующей роли (на практике предлагалось изменить статью Конституции СССР). Горбачев тогда все еще считал, что КПСС должна «играть консолидирующую роль в Советской политической жизни, несомненно оставаясь «политическим лидером» всего общества. Но подобное положение однако должно завоевываться в конкурентной борьбе за народную поддержку, а не гарантироваться Конституцией. Сама партия требовала дальнейшего реформирования, нацеленного на передачу большего объема прав рядовым членам и местным партийным организациям. Партия нуждалась в более компактном Центральном Комитете, который мог заседать почти непрерывно и был бы освобожден от людей, занимавших в нем кресла «по должности», то есть следовало отказаться от системы должностных вакансий, на основе которой ЦК формировался прежде[86]. Предложения, согласованные на пленуме, включали

---

[82] Правда. 1987. 10 февр. С. 2.

[83] Справочник партийного работника. – М. 1989. Т. 20. С. 84, 89–97.

[84] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 81–86 (Меморандум Горбачева от 8 сентября 1988 г.).

[85] О партийном бюджете см.: Там же. С. 115–117; Правда. 1989. 10 февр. С. 3.

[86] Материалы пленума ЦК КПСС 5–7 февраля 1990 г. С. 8–10, 22–24.

идею допущения различных платформ внутри партии, как то было в первые годы гражданской войны, и новую, менее централизованную структуру руководящих партийных органов при наличии обновленного Политбюро или, возможно, Президиума Центрального Комитета, отвечавшего за решение «политических и организационных вопросов» в промежутках между пленарными заседаниями ЦК. Кроме того, предлагалось разрешить некоторым членам ЦК работать на постоянной основе в партийном аппарате и комиссиях ЦК с оплатой их труда из партийных фондов[87].

Эти предложения, в свою очередь, были объединены в совершенно новом Уставе партии, принятом XXVIII съездом летом 1990 г. и в Программном заявлении, определившем стратегию партии до принятия ее новой Программы. Если не организованные фракции, то платформы были недвусмысленно одобрены, укрепились права меньшинств, все партийные функционеры теперь должны были избираться прямым тайным голосованием на конкурентной основе. Специально были одобрены горизонтальные связи между членами ЦК и делегировавшими их партийными организациями, которые прежде считались противоречащими принципам демократического централизма. Сам же демократический централизм, как устаревшая форма, был решительно отброшен[88]. В конце концов не получили одобрения съезда идея создания Президиума Центрального Комитета и предложение о введении постов председателя и вице-председателя партии, но ряд других предложений утвердили, включая идею проведения референдумов среди членов партии по «неотложным вопросам политической и партийной жизни» и отмену статусов кандидата в члены ЦК и членов ЦК без права решающего голоса. Все это, по мнению Горбачева, должно было способствовать созданию современной КПСС, толерантной и самоуправляемой партии, сочетающей принципы парламентаризма с традиционной авангардной ролью[89].

Новый устав содержал подробные указания относительно постоянных комиссий, которые должны были избираться на пленарных заседаниях ЦК и состоять из его членов и небольшого числа совет-

---

[87] Там же. С. 378–381.

[88] Материалы XXVIII съезда... С. 96–97.

[89] Там же. С. 38–39. Доработанный Устав партии приведен там же (С. 108–124). Продолжение дискуссии о роли Центрального Комитета состоялось в комиссии по обновлению партии, собранной по решению съезда. Соответствующие отчеты хранятся в Российском Центре Хранения и Изучения документов современной истории (РЦХИДСИ): Ф. 646. Оп. 1. Ед. хранения 16. Об этой дискуссии рассказано в.: White S. The Failure of CPSU: Democratization // Slavonic and East European Review. 1997. 75:4 (Oct.). P. 681–697.

ников. Эта система начала интенсивно внедряться после завершения съезда на октябрьском 1990 г. пленуме ЦК. Как пояснял сотрудник секретариата ЦК Олег Шенин, предполагалось иметь в будущем 11 таких комиссий: идеологическую, социально-политическую (новое направление работы ЦК, связанное с изучением политической ситуации и взаимодействием с другими партиями и общественными движениями), сельскохозяйственную, по национальным вопросам, интернациональную, по проблемам семьи и женщин, по первичным партийным организациям (последние четыре были новыми). Во исполнение решений июльского съезда партии были образованы еще три комиссии: по науке, образованию и культуре, по делам молодежи и по военным вопросам. Каждая комиссия позднее должна была подобрать советников, назначаемых ею самой, а также иметь собственный штат технических работников. Например, комиссия по делам семьи и женщин имела 11 штатных помощников[90].

Принесли ли все эти, тщательно продуманные меры, направленные на усиление влияния рядовых членов партии и действующего от их имени Центрального Комитета, реальные практические изменения? Совершенно очевидно, что ЦК стал более активным и действенным органом почти все время, прошедшее с утверждения Устава партии (табл. 6.5). Он стал собираться чаще и проводить более продолжительные заседания, чем за весь период с 1950-х гг., на пленумах ЦК принималось столько резолюций, сколько их не принималось с 1920-х гг., больше чем когда-либо прежде появилось постановлений, принимаемых от имени Центрального Комитета. Сам ЦК в конце 1980-х гг. стал более многочисленным, расширилось по примеру хрущевских времен число людей, приглашенных для участия в его пленарных заседаниях, включая первых секретарей республиканских и региональных комитетов партии, депутатов – коммунистов советского парламента, ученых, руководителей предприятий, журналистов и групп рабочих. Например, на мартовский 1989 г. пленум ЦК по проблемам сельского хозяйства были приглашены помимо секретарей партийных комитетов председатели колхозов и фермеры[91]. Февральский 1990 г. пленум ЦК, на котором обсуждался вопрос об отмене партийной политической монополии, собрал почти 800 участников[92]. Всего за период с марта 1986 г. по июль 1990 г. в пленумах ЦК приняли участие более 3500 человек, из которых 529 смогли выступить на заседаниях[93].

---

[90] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 8–9 октября 1990 г. – М., 1990. С. 41–44.

[91] Правда. 1989. 16 марта. С. 1.

[92] Воротников В. И. А было это так... С. 348.

[93] Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 17.

Таблица 6.5

Деятельность ЦК в 1980–1990 гг.

Год	Число пленумов	Суммарное число дней заседаний	Число выступающих	Число резолюций, принятых на пленумах	Число прочих решений ЦК
1980–1984 (в среднем)	3	3	11	5	15
1985	4	4	27	2	6
1986	3	3	19*	3	14
1987	3	5	96	6	14
1988	5	6	81	10	27
1989	8	11	225	11	38
1990	6	13	204	9	28

Примечание. Знаком * отмечены неполные данные. Сведения, приведенные в таблице, заимствованы из: Справочник партийного работника. – М., 1981–1990. Вып. 21–30; Известия ЦК КПСС. 1990. № 1–12, и из сообщений в прессе.

Несколько пленумов ЦК имели, как считал Горбачев, «поворотное значение»[94]. Проведение январского 1987 г. пленума откладывалось трижды, и он был собран в самый последний, разрешенный Уставом партии момент перед съездом партии. Он мог не собраться вообще, если бы Горбачев не пригрозил собственной отставкой[95]. Это был тот самый пленум, что утвердил программу демократизации. Июньский 1987 г. пленум утвердил стратегию экономических реформ и объявил о созыве первой за почти 50 лет партийной конференции. На октябрьском 1987 г. пленуме ЦК наряду с поздравлениями по случаю 70-летия строительства социализма весь период нахождения партии у власти подвергся беспрецедентной критике со стороны Бориса Ельцина. Майский 1988 г. пленум утвердил тезисы ЦК к предстоявшей летом партийной конференции, а ноябрьский того же года пленум утвердил реформы, направленные на проведение первых в истории страны конкурентных выборов. В сентябре 1989 г. была предпринята попытка сформулировать политику партии по национальному вопросу, а еще один пленум, состоявшийся в декабре 1989 г., был посвящен возникшему кризису в связи с решением Литовской компартии выйти из состава КПСС. Вероятно, самым важным из всех стал февральский 1990 г. пле-

[94] XXVIII съезд КПСС... Т. 1. С. 100.

[95] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 428. О некоторых конфликтах, возникших на этом пленуме, поведал Михаил Ульянов в статье, опубл. в: Коммунист. 1987. № 5. 1987. С. 51–57.

нум, проходивший на фоне гигантских народных демонстраций и вынужденный согласиться с внесением изменений в 6-ю статью Конституции, фактически легализовавших создание многопартийной системы в стране. Мартовский пленум 1990 г. утвердил учреждение поста Президента Советского Союза, а последний июльский 1991 г. пленум ЦК одобрил постепенный переход от ортодоксально-коммунистической к идеологии, близкой к западной социал-демократической с одновременным утверждением проекта новой программы партии.

Заседания Центрального Комитета становились более открытыми, на них высказывались альтернативные точки зрения, а голосование по разным вопросам перестало быть единогласным, причем некоторые участники были готовы доказывать собственную независимость. Например, Лигачев в своем выступлении перед Конституционным судом в 1992 г. утверждал, что произошли серьезные изменения в том, как партия вела свои дела, особенно после 1988 г. и создания комиссий Центрального Комитета. Проекты многих партийных документов готовились комиссиями, представлявшими их на утверждение всему составу ЦК, члены комиссий участвовали в заседаниях Политбюро и Секретариата. Расширялась практика проведения консультаций со специалистами по обсуждаемым проблемам. Например, перед рассмотрением на февральском 1988 г. пленуме состояния системы образования были получены советы послов СССР в зарубежных странах и рекомендации, выработанные рядом совещаний на местах[96]. Как вспоминал ректор Московского государственного университета Анатолий Логунов, бывший членом ЦК вплоть до 1990 г., в прошлом пленумы Центрального Комитета были «жестко запрограммированы», а выступавшие докладывали исключительно о «позитивных результатах». Теперь заседания ЦК проходили более оживленно, они стали «даже интересными». Он получил возможность говорить, что пожелает, по крайней мере о развитии науки. Никто больше не утверждал заранее тексты его выступлений и не отказывал ему в праве выступить на пленуме[97]. Михаил Ненашев, бывший редактор газеты, ставший главой Госкомитета по печати, вспоминал, что они все «получили шанс выражать на пленумах ЦК свои сомнения и озабоченности. Он сам часто выступал и говорил многое, что совсем не нравилось партийному руководству»[98]. Сам Лигачев, работавший 17 лет первым секретарем Томского обкома партии, впервые получил в те годы возможность выступать на любом пленарном заседании ЦК[99].

---

[96] Правда. 1992. 17 окт. С. 4.

[97] Интервью с А. А. Логуновым. 1992 (март). SEP.

[98] Ненашев М. Заложник времени: заметки, размышления, свидетельства. – М., 1993. С. 359–360.

[99] Аргументы и факты. 1991. № 3. С. 5.

При Горбачеве Центральный Комитет снова стал центром партийной жизни, каким он был в 1920-е гг., но это произошло в то время, когда позиции самой партии в обществе были вначале поставлены под вопрос, а затем и полностью подорваны. Членство в партии стало больше соответствовать структуре общества, его гендерному, национальному, возрастному и классовому составу. Члены партии обрели возможность избирать своих руководителей тайным голосованием на конкурентной основе, делегаты съездов партии получили право более свободно, чем в прошлом, определять состав Центрального Комитета, которому предстояло руководить партией до следующего съезда. Сам ЦК стал собираться чаще, на нем выступало больше людей и принималось больше решений, чем за весь период со времен Хрущева (и дохрущевский). Но общество уже изменилось под влиянием перестройки. То же самое происходило с партией, по мере разделения которой разделились делегаты съездов и члены самого Центрального Комитета. Например, большинство (67 %) делегатов съезда в 1990 г. проголосовали за сохранение «авангардной роли партии», но лишь 19 % выступили за ее превращение в рядовую парламентскую партию. И хотя большинство делегатов ратовали за введение рыночной экономики, также большая часть (58 %) полагали, что переход к рыночным отношениям должен происходить без снижения жизненного уровня людей[100]. Центральный Комитет больше не являлся органом, послушно утверждавшим генеральную линию, предлагаемую всезнающим руководством, но он так и не стал тем форумом, через который диверсифицировавшаяся партия могла выражать свои взгляды и вырабатывать программу, реализуя которую, ее руководители сохранили бы доверие членов собственной партии и более широких слоев общества.

Последние дни Центрального Комитета

Противоречия, возникшие в конце 1980-х гг., продолжили расширяться и углубляться в начале 1990-х, причем их источники находились внутри самой партии, переживавшей в те годы кризис[101]. Одним из его признаков стало внезапное сокращение членства в партии после нескольких десятилетий его устойчивого роста. Несколько коммунистов добровольно вышли из ее состава в 1988 г., и подобное событие произошло впервые со времен гражданской

[100] Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 133–135.

[101] Более подробно эти противоречия рассмотрены в следующих работах: The Soviet Communist Party in Disarray / ed. E. A. Reed. – London, 1992; Cracks in the Monolith Party Power in the Brezhnev Era / ed. J. R. Millar. – Armonk, 1992; Gill G. The Collapse of Single Party Rule. – Cambridge, 1994 Hill R. J. The CPSU Decline and Collapse // Irish Slavonic Studies. 1991. № 12. P. 97–120; White S. Rethinking the CPSU // Soviet Studies. 1991. № 43: 3. P. 405–428.

войны. Хотя в тот год численность партии еще продолжала медленно расти, но уже в 1989 г. наблюдалось ее сокращение примерно на 1 %. Настоящая катастрофа разразилась в период с начала 1990 по лето 1991 г., когда из партии вышла примерно четверть ее членов[102]. Одновременно из нее выходили люди, избранные депутатами Союзного и Российского парламентов. Поначалу таких насчитывалось более 300 человек[103]. Тогда же произошел первый зафиксированный случай выхода из партии члена ЦК. Драматург Александр Гельман заявил на пленуме ЦК в январе 1991 г. о том, что он «утратил взаимопонимание с партией» и поэтому покидает ее ряды[104]. В апреле 1991 г. экономист Станислав Шаталин «посчитал себя обязанным выйти из состава Центрального Комитета», поскольку прекратил свое членство в партии в связи с тем, что, как выяснилось в январе, «...его взгляды несовместимы с членством в Коммунистической партии Советского Союза и тем более в ее Центральном Комитете»[105]. Позднее из ЦК вышел Иван Силаев, назначенный премьер-министром России, а Эдуард Шеварднадзе вышел не только из ЦК, но и из партии. Еще один беспрецедентный в послевоенной истории случай произошел с Анатолием Березиным, назначенным премьер-министром правительства Мордовии после

---

[102] Оников Л. А. КПСС: анатомия распада: взгляд изнутри аппарата ЦК. – М., 1996. С. 148; Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 138; 1990. № 4. С. 113 (данные о численности партии в 1989 и 1990 гг.); Правда. 1990. 16 июля. С. 2. Причины беспрецедентного бегства из рядов партии анализируются в нескольких источниках, см., напр.: Социологические исследования. 1990. № 6. С. 103–104; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 124–125; 1991. № 4. С. 66–68. Типовой портрет человека, добровольно выходившего из партии, выглядел следующим образом: мужчина в возрасте от 30 до 50 лет, промышленный рабочий со средним образованием, состоявший в партии более 10 лет (Центр социологических исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС. Политическая социология. Информационный бюллетень. 1991. № 3. С. 14–15).

[103] Правда. 1991. 19 апр. С. 4.

[104] Там же. 1 февр. С. 1. Гельман объявил о своем намерении выйти из партии и покинуть ее Центральный Комитет в «Литературной газете» (1990. № 37. С. 3).

[105] Материалы объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии КПСС, 14–23 апреля 1991 г. – М., 1991. С. 6. Шаталин написал открытое письмо Горбачеву, в котором провозгласил себя социал-демократом и связал переживаемые трудности с «тоталитарной коммунистической идеологией» (Комсомольская правда. 1991. 22 янв. С. 2) Немногим ранее он уже постарался оправдать себя перед народом (Там же. 16 янв. С. 2). Решение ЦК по заявлению Шаталина см. в: Материалы объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии КПСС, 14–23 апреля 1991 г. – М., 1991. С. 5.

того, как он был исключен из партии[106]. Дополнительным симптомом углубляющегося кризиса стало резкое падение доходов партии. В октябре 1990 г. более миллиона ее членов имели задолженность по уплате членских взносов, и в партии был введен режим суровой экономии. К лету 1991 г. расходы партии почти вдвое превысили поступления в ее бюджет, и руководство призвало к экономии и привлечению иных резервов[107]. Имели место бунты против местных партийных руководителей и открытые разногласия между членами партии. В соответствии с решениями XXVIII съезда в партии возникли различные группировки, и к лету председатель Контрольной комиссии насчитал по крайней мере десять организованных течений в рядах партии, когда-то демонстрировавшей «монолитное единство»[108]. Три республиканские компартии (Грузии, Литвы и Молдавии) полностью отделились, а компартии двух других прибалтийских республик раскололись на про- и антимосковские отделения. Возникла любопытная ситуация, когда первые секретари лояльной и независимой Эстонских компартий одновременно входили в Политбюро ЦК КПСС[109]. Все меньше людей обращались друг к другу со словом «товарищ», все меньше поступало в ЦК писем, в которых люди писали о своих проблемах. Даже в центральном партийном аппарате появились свои отступники, причем некоторые из них покидали ЦК, унося с собой в портфелях ножи и чайные ложки из столовой, и все сложнее становилось заполнять открывавшиеся в аппарате вакансии[110].

Почему члены партии стали выходить из нее, почему их боевой дух оказался столь низким, наконец, почему ей оказалось так сложно выжить? Все это стало, по крайней мере частично, следствием неспособности партии демократизироваться. Безусловно, на XXVIII съезде была предпринята попытка расширения прав ее рядовых членов за счет допущения платформ внутри партии и защиты прав меньшин-

---

[106] Правда. 1991. 7 июля. С. 1. О выходе из партии Шеварднадзе см.: Правда. 1991. 5 июля. О случае с Березиным, который был впервые избран в ЦК в 1976 г., см.: Медведева Н. П. Новые на Старой площади – М., 1997. С. 78. Решение Центральной контрольной комиссии об его исключении приведено в: Известия ЦК КПСС1991. № 5. С. 41 и было опубл. в: Правда. 1991. 20 марта. С. 4.

[107] Правда. 1990. 12 окт. С. 3. О режиме суровой экономии см.: там же. 1990. 12 марта. С. 3. Об излишних расходах партии см.: там же. 1991. 29 июля. С. 2.

[108] Там же. 1991. 29 июля. С. 3.

[109] Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 421–422.

[110] Правда. 1990. 12 июня. С. 3: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 157 (в 1989 г. число писем в ЦК сократилось вдвое по сравнению с 1988 г.); Ненашев М. Заложник времени. С. 120. О пропажах ножей и чайных ложек из столовой ЦК (еда в ней пропала намного раньше) написал Валерий Легостаев в своей книге. См.: Легостаев В. Технология измены. – М., 1993. С. 199.

ства (см. выше, с. 310), но лишь немногие члены партии были удовлетворены принятыми на съезде решениями. При этом 70 % из них полагали, что в работе партийных организаций мало что изменилось, а 80 % больше не верили в способность партии возглавить выход страны из кризиса[111]. Особенно разочаровал большинство членов партии новый устав, утвержденный съездом. Проведенный в конце 1990 г. опрос показал, что только 18 % членов партии считали, что съезд внес положительный вклад в общее состояние дел внутри партии, а еще меньшее их число полагало, что съезд усилил влияние партии среди трудящихся[112]. Лишь немногие верили, что произошло реальное перераспределение влияния в партии в их пользу в соответствии с провозглашенными намерениями вернуть власть в партии в руки ее рядовых членов, а заметное большинство считало, что их мнения по вопросам, стоящим на повестке дня, просто игнорируются[113]. Иные члены партии, судя по их письмам в партийную прессу, жаловались на бесправность низовых партийных организаций, не оказывающих никакого влияния на деятельность вышестоящих партийных органов, включая ЦК, а также утверждали, что влияние рядовых членов партии на ее дела «приближается к нулю»[114]. В партийном уставе появился термин «дискуссия», напомнил ЦК один из делегатов съезда от Казахстана, но он никогда не был применен на практике, и для членов партии в целом ее демократизация, как признал ее последний съезд, проходивший летом 1990 г., являлась высшим приоритетом[115].

---

[111] Политическая социология. 1991. № 3. С. 10 (в начале 1991 г. менее половины членов партии разделяли решения съезда). Обращение Е. Н. Махова в Центральную контрольную комиссию (Правда. 1991. 6 марта. С. 4) о 70 % членов партии, не видевших изменений в деятельности партии. См. также: Волков В. З. и др. Общественное сознание и перестройка. – М., 1991. С. 244 (результаты опроса, проведенного в июне 1990 г.). Среди делегатов съезда только 13 % были удовлетворены его решениями (против 27 %, которые ими удовлетворены не были, а остальные 60 % были «удовлетворены не полностью»). См.: Социологические исследования. 1990. № 11. С. 103. В обществе в целом решениями съезда были удовлетворены только 10 % граждан, 51 % были удовлетворены частично, а 17 % – полностью не удовлетворены (Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 141).

[112] Известия ЦК КСС. 1991. № 1. С. 59 (по данным опроса членов партии, проведенного в октябре–ноябре 1990 г.).

[113] См.: Политическая социология. 1991. № 3. С. 7; Партийная жизнь. 1989. № 24. С. 23 (так считали 59 % опрошенных слушателей Московской партийной школы).

[114] Партийная жизнь. 1990. № 5. С. 22. О приближении к нулю влияния рядовых членов партии см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 33.

[115] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 3–9 февраля 1990 г. – М., 1990. С. 184; Аргументы и факты. 1990. № 25. С. 2.

Согласно результатам дискуссии по обновлению партии, проходившей в самой крупной из секций, на которые разделился XVIII съезд для более детального обсуждения вопросов, вынесенных на его повестку, насчитывавшей более 1200 делегатов, имелось несколько способов достижения этой цели[116]. Главная идея этой дискуссии заключалась в необходимости восстановления власти партийных масс и в преодолении расширяющегося разрыва между большинством членов партии и ее руководителями, выступающими от их имени. Для начала, заявил первый секретарь Хакасского обкома партии, низовым партийным организациям должно быть доверено самостоятельное решение вопросов, связанных с приемом в члены партии[117], они должны иметь право распоряжаться своими бюджетами, оставляя себе не менее половины всех поступлений от сбора членских взносов[118]. Они должны самостоятельно принимать все решения, если только не передали кому-либо соответствующие полномочия[119]. Они должны избирать своих делегатов на съезды партии напрямую[120], иметь право представлять съезду свои собственные проекты резолюций, объявлять при наличии достаточной поддержки со стороны других организаций партийные референдумы и отказываться проводить в жизнь партийные директивы, если против них выступает не менее двух третей членов организации[121], что представляло собой явное отступление от принципа демократического централизма. «Партийные организации и есть партия, а не просто ее фундамент, – настаивал начальник отдела одного из Московских НИИ, – когда, наконец, будет создан демократический механизм, посредством которого будет налажено надлежащее руководство партией, и покончено с заменяющей его сейчас пирамидой власти?»[122]

Многие делегаты XVIII съезда выдвигали собственные предложения относительно роли Центрального Комитета. По их мысли, ЦК должен быть постоянно действующим органом, численностью до 200 человек, во многом напоминающий своими функциями новый Верховный Совет[123]. Он должен избираться общенациональным го-

---

[116] РЦХИДНИ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хранения 16. Более подробно материалы этой дискуссии приведены в: White S. The Failure of CPSU Democratization // Slavonic and East European Review. 1997. № 76: 4 (Oct.). P. 1–17.

[117] РЦХИДНИ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хранения 16. Л. 19 (о расширяющемся разрыве) и 14.

[118] Там же. Л. 23.

[119] Там же. Л. 64.

[120] Там же. Л. 39, 36.

[121] Там же. Л. 77–78.

[122] Там же. Л. 44.

[123] Там же. Л. 16 (предложения подобного рода уже содержались в тезисах ЦК к XXVIII партийной конференции, см. выше, с. 307–308).

лосованием всеми членами партии на конкурентной основе[124]. Принимаемые ЦК решения должны предварительно обсуждаться в партийных организациях и приниматься только в том случае, если за них проголосует большинство членов этих организаций. Члены ЦК должны ежегодно отчитываться перед своими партийными организациями[125]. Еще одно предложение заключалось в том, что половину ЦК должны составлять ученые разных специальностей – политологи, экономисты, юристы и другие. Это должно было превратить ЦК из сборища чиновников высшего ранга в реальный «интеллектуальный центр партии»[126]. Секретарь Киевского горкома партии предложил, чтобы у каждого члена ЦК был платный помощник-консультант, с одновременным сокращением штатов на низовом уровне, но с повышением уровня профессионализма в центре, где должны быть постоянно действующие комиссии. Все это позволит вовсе обойтись без Политбюро[127]. Вносились также предложения о создании некоторого «Совета равных» взамен этого высшего органа партии, о ликвидации поста генерального секретаря и «восстановлении истинно коллегиального руководства», которое, как считалось, существовало при Ленине. Сами съезды партии должны созываться намного чаще, обеспечивая «возможно более полное обсуждение» целого ряда проблем публичной политики и внутрипартийных дел[128].

Аналогичные вопросы поднимались в письмах рядовых членов партии, поступавших в течение года или более после съезда в центральный партийный аппарат. В них высказывались реальные претензии в отношении того, что лидеры партии полностью избавлены от демократического контроля со стороны партийных масс или со стороны выборных органов таких, как Центральный Комитет. Почему, например, не предпринимается никаких действий против предыдущих партийных руководителей, проводимая которыми политика столь явно провалилась, или допустивших злоупотребления своим служебным положением? Почему партийные лидеры столь редко дают интервью в СМИ и почему они редко выступают перед рядовыми членами партии? Почему они не желают информировать членов партии о политических мерах, направленных на преодоление экономического кризиса, а также – почему деятельность генерального секретаря Центрального Комитета в целом приносит столь малые ре-

---

[124] Там же. Л. 61, 75.

[125] Там же. Л. 16 (о поддержке большинства членов организаций), 51 (об отчетах членов ЦК).

[126] Там же. Л. 40.

[127] Там же. Л. 51 (о платных консультантах), 69 (о постоянных комиссиях).

[128] Там же. Л. 24, 63 (о «совете равных») и 61 (а также 13 и 63 – об упразднении Политбюро).

зультаты[129]? Почему помимо всего прочего партийные органы, включая Центральный Комитет, размещены в роскошно обставленных и оборудованных зданиях, обладают целым парком автомобилей высокого класса, и почему доходы партийных чиновников втрое превышают средний доход членов партии, которых они представляют[130]? Почему руководители партии и государства, «забывая о чести, совести и элементарных нормах приличия», строят себе на общественные средства дачи-дворцы, в то время как полмиллиона семей стоят в очереди за жильем? «Вам не видны нужды народа из окон Ваших автомобилей, – заявил секретарь парткома полка из Белоруссии, – особенно зимой при включенном отоплении»[131].

Подобные вопросы широко отражались в печатных изданиях и возникали при опросах общественного мнения, проводившихся среди членов партии. Центральная контрольная комиссия заявляла весной 1991 г. об «информационном голоде в партии». Сотрудники Центрального Комитета сами признавали отсутствие «взаимодействия и обмена информацией на всех уровнях партийной структуры»[132]. Со своей стороны члены партии ощущали отстраненность от процесса принятия партийных решений и жаловались на то, что принятые XXVIII съездом лозунги, призывавшие к развитию партийной демократии, не были подкреплены на практике созданием действующего механизма, с помощью которого рядовые члены партии могли бы выражать свои взгляды. Им было оставлено единственное право – платить членские взносы. По их мнению, главным являлось противоречие между «авторитарным бюрократическим аппаратом и демократическими устремлениями рядовых членов партии, порожденными теми изменениями, которые имели место в стране, начиная с апреля 1985 г.»[133] В резолюциях низовых партийных организаций и письмах членов партии содержались разные предложениях о способах преодоления разрыва между руководством и партийными массами, включая прямые выборы партийных секретарей и расширение

---

[129] ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 183. Подробнее обращения рядовых членов партии анализируются в: White S. Communists and their Party in the Late Soviet Period // Slavonic and East European Review. 1994. № 74: 4 (Oct.). P. 644–663.

[130] ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 184.

[131] ЦХСД. Ф. 89. Оп. 8. Д. 5.

[132] Правда. 1991. 6 марта. С. 4; ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 70.

[133] О взглядах большинства по результатам опроса 1600 членов партии в январе–феврале 1991 г. сообщалось в: Правда. 1991. 26 февр. С. 3. О праве «платить членские взносы» говорил Г. А. Першин (см.: XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1991. Т. 1. С. 533. Об «основном противоречии», выявленном по результатам опроса 1000 московских членов партии, см.: Коммунист. 1991. № 13. С. 17.

представительства рядовых членов партии в выборных партийных органах всех уровней вплоть до Центрального Комитета[134]. Вероятно, предполагали члены Центрального Комитета, необходимо иметь специальный партийный телевизионный канал, который бы информировал народ о деятельности руководящих партийных органов, с тем чтобы люди не спрашивали, «...чем вы там занимаетесь в своих комиссиях?» Были также призывы изгнать из рядов партии коррупционеров и дискредитировавших себя лиц, а также о более открытом и справедливом распределении финансовых ресурсов партии (как сообщалось, главная причина, по которой члены партии обязаны платить взносы, состояла в том, что эти средства расходовались на содержание освобожденных работников партийного аппарата)[135].

Наибольшую поддержку находили такие предложения, как введение прямых выборов партийных руководителей всех уровней рядовыми членами партии, предоставление больших прав низовым партийным организациям и подчиненность высших уровней партийного руководства всем членам партии[136]. «Дела ныне обстоят таким образом, – подчеркивал секретарь Курского обкома партии, – низовые партийные организации, являющиеся, как принято считать, основой партии, лишены каких-либо властных полномочий и практически не в состоянии влиять на деятельность высших партийных органов, включая Центральный Комитет»[137]. Партийные комитеты со своей стороны «...слишком далеко оторвались от избравших их партийных организаций»[138]. Одно их популярных предложений, поддерживавшееся двумя третями членов партии, заключалось в проведении периодических референдумов в партии, организуемых Центральным

---

[134] Политическая социология. 1991. № 3. С. 76 (о выборах секретарей партийных организаций); Партийная жизнь. 1990. № 10. С. 30 (похожие рассуждения содержались в выступлении первого секретаря Кемеровского обкома А. Г. Мельникова на декабрьском 1989 г. Пленуме ЦК. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 61).

[135] Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 66 (предложения членов ЦК по поводу партийного телевидения); Политическая социология. 1991. № 3. С. 76.

[136] См., напр.: Политическое сознание и его роль в перестройке и обновлении общественных отношений (Итоги повторного социологического исследования) / под ред. З. Т. Тощенко и др. – М., 1990. Здесь сообщается о том, что 64,7 % членов партии высказывались в поддержку прямых выборов партийных руководителей все уровней (С. 18). Среди других способов усиления влияния рядовых членов партии назывались прямые выборы в партийных организациях всех уровней на конкурентной основе, окончание политической монополии партии и ликвидация привилегий (Коммунист. 1991. № 13. С. 20 – о результатах опроса Московских коммунистов).

[137] Партийная жизнь. 1990. № 5. С. 11.

[138] XXVIII съезд... Т. 1. С. 405 (выступление Н. Н. Сидоркина).

Комитетом по собственной инициативе или по требованию нескольких партийных организаций. Другое предложение состояло в обсуждении решений центральных органов партии низовыми партийными организациями, которые должны их ратифицировать перед введением в действие[139]. Поскольку наиболее серьезную озабоченность вызывала работа Центрального Комитета, то предлагалось, чтобы определенная часть его членов была освобождена от всех иных обязанностей и имела возможность больше времени уделять общению с рядовыми членами партии. Предлагалось также ограничить возраст членов ЦК 60 или 65 годами[140]. Выступая на пленуме ЦК в феврале 1990 г., известный офтальмолог Святослав Федоров заявил, что при среднем возрасте членов Центрального Комитета, равном 69 годам, «...просто по биологическим и психологическим причинам нет никакой надежды на то, что он способен осуществить программу фундаментальных реформ, и единственной альтернативой является его решительное омоложение»[141].

Самих членов Центрального Комитета беспокоило отсутствие у них реального влияния. Если в предыдущие времена Центральный Комитет, как было всем известно, принимал весьма ограниченное участие в выработке партийных решений, то при новом руководстве, приверженном идее демократизации, членам ЦК оказалось сложным исполнять новые для себя роли, которые, очевидно, им были доверены. Первый секретарь ЦК компартии Латвии Ян Вагрис жаловался на продолжающуюся практику подготовки важнейших партийных документов исключительно в «московских кабинетах». Он заявил в своем выступлении на февральском 1990 г. пленуме, что смог впервые увидеть проект программного документа «Вперед, к гуманному, демократическому социализму» только во время регистрации участников пленума. Секретарь Московского горкома партии Юрий Прокофьев подчеркнул, что этот документ никогда не обсуждался в комиссиях, которые создавались для предварительного обсуждения разработок ЦК[142]. Кемеровский первый секретарь обкома Александр

---

[139] Предложения по поводу референдумов см., напр.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 64 (по результатам опросов 67 % членов партии поддерживали эту идею. См.: Политическая социология. 1991. № 3. С. 7), а также: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 17. Относительно обсуждения и ратификации решений см. Там же и: Партийная жизнь. 1990. № 5. С. 23.

[140] Там же. № 1. С. 16. Предложения по возрастному ограничению для членов ЦК см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 30; Московские Новости. 1988. № 16. С. 2.

[141] Материалы Пленума... 5–7 февраля 1990 г. С. 129.

[142] Там же. С. 45, 63. Прокофьев повторил свои слова в статье, опубл. в: Правда. 1990. 17 марта. С. 2.

Мельников несколькими месяцами ранее также жаловался пленуму ЦК на то, что Политбюро «...все еще продолжает издавать от имени ЦК решения, принятые без активного участия его членов, как это было с заменой главного редактора "Правды" или с выделением пенсионерам 500 млн рублей из партийных средств»[143]. Как добавил первый секретарь Свердловского обкома, решение об учреждении Бюро ЦК по РСФСР в 1989 г. было принято без учета мнений партийных организаций республики, а большинство членов ЦК только из ежедневных газет узнало о том, что Борис Пуго освобожден от обязанностей Председателя Комиссии партийного контроля и назначен Министром внутренних дел[144]. «Только партийные чиновники утрачивают свои лидирующие роли, а рядовые члены партии никогда не обладали подобным влиянием», – утверждали рядовые делегаты на февральском пленуме ЦК 1990 г.[145]

Членам ЦК было трудно добиться того, чтобы их услышали во время пленарных заседаний, на которых выступали либо ораторы из числа штатных работников, либо те, кого внесли в список выступающих заблаговременно[146]. «Бывает сложно посоветоваться с товарищами, – сетовал инженер-железнодорожник из Москвы Юрий Лавренов, выступая на январском 1991 г. пленуме ЦК, – мы получаем все документы только по прибытии на пленум, когда трудно переварить их содержание, и в результате многие резолюции утверждаются нами практически вслепую. Нет помещений, в которых члены ЦК могли бы собраться, и у нас нет иного способа связи с партийным руководством помимо городского или областного комитета. Работа все еще ведется по старинке: мы собираемся, поднимаем руки и расходимся по домам», – жаловался Лавренов[147]. Более того, пленумы оказывались крайне неэффективными. Зачастую они не были подготовлены должным образом, а их результаты были очень малы. Порой они не давали вовсе никаких результатов, жаловались члены ЦК, как, например, пленум по образовательной политике в феврале 1988 г. или пленум в июле 1987 г., посвященный экономической реформе[148]. Мартовский

---

[143] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 58.

[144] Материалы Пленума.... 5–7 февраля 1990 г. С. 169 (о назначении Пуго); Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 8–9 октября 1990 г. – М., 1990. С. 36.

[145] Материалы Пленума... 5–7 февраля 1990 г. С. 59 (выступление К. Г. Фесенко).

[146] Правда. 1989. 20 нояб. С. 2.

[147] Там же.1991. 5 февр. С. 3.

[148] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 24–25 апреля 1989 г. – М., 1989. С. 93 (выступление первого секретаря рескома Коми АССР Владимира Мельникова).

1989 г. пленум по сельскому хозяйству так же, по мнению первого секретаря Свердловского обкома Владимира Кадочникова, «...не оправдал возлагавшихся на него надежд». После него объемы строительства объектов благоустройства на селе не только не увеличились, но даже упали. С членами ЦК даже не попытались посоветоваться перед выборами 1989 г., проводившимися по новому избирательному законодательству, также принятому без надлежащего обсуждения»[149].

Вместе с тем оставалась некоторая неопределенность в отношении прав, которыми, как полагали члены ЦК, они обладают. Например, поскольку их права не были достаточно четко прописаны в уставе, было не ясно, могут ли они призывать к ответу партийных чиновников на местах[150]. «В лучшем случае, – говорил один из членов ЦК на партийном собрании, – если они тебя уважают, то могут как-то учесть твое мнение, но не более того»[151]. Историк Рой Медведев, избранный в ЦК в 1990 г., обнаружил, что его в течение двух месяцев просто игнорируют. Когда он пришел в здание аппарата ЦК, чтобы узнать, что происходит, ему предложили переписать перечень возложенных на него обязанностей. «Аппарат имел обыкновение командовать членами ЦК, не имевшими собственных кабинетов во властных структурах», – заметил он[152]. Работница химического предприятия из Башкирии Галина Абельгузина жаловалась, что у нее не осталось практически никаких воспоминаний после восьмимесячного пребывания в составе ЦК. Она почти не получала информации о деятельности Политбюро или Секретариата ЦК, а комиссии ЦК, в которые она входила, собирались наспех перед самым открытием пленумов, не имея достаточно времени для полноценных дискуссий[153]. Как сообщали другие члены ЦК, выступающих на пленумах в любом случае подбирали заранее, чтобы быть уверенными в том, что они поддержат уже сформировавшуюся позицию руководства[154]. Анатолий Бузгалин, избранный в состав ЦК в 1990 г., обнаружил, что не имеет возможности выражать свои взгляды в партийной газете, и не может добиться помощи в получении кабинета в здании ЦК или в копиро-

---

[149] Материалы Пленума... 5–7 февраля 1990 г. С. 168, 237 (выступление Н. Ф. Татарчука по поводу благоустройства села); Материалы Пленума... 24–25 апреля 1989 г. С. 64.

[150] Правда. 1989. 25 сент. С. 1.

[151] Там же.

[152] КПСС вне закона / под ред. С. А. Боголюбова. – М., 1992. С. 58.

[153] Правда. 1991. 17 апр. С. 3.

[154] О предварительном подборе выступающих на заседании комиссии по аграрным вопросам в августе 1990 г. см., напр.: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под ред. В. Данилова, Т. П. Заславской. – М., 1996. С. 327–328.

вании нужных ему документов. По его словам, «в Центральном Комитете не было бумаги». Более того, ему не удалось добиться права проходить в здание ЦК через главный вход[155].

Члены Центрального Комитета были согласны с необходимостью большей демократизации его деятельности. Для начала следовало увеличить продолжительность его заседаний, повестку дня которых должны готовить избранные самим ЦК комиссии, а учитывая ограниченность времени, выделяемого на проведение пленумов, члены Политбюро и Секретариата должны выступать пореже[156]. Безусловно, как считал первый секретарь Волгоградского обкома Владимир Колесников, создание комиссий стало шагом вперед, но члены ЦК, как он полагал, зачастую оказывались не в курсе идей, которые рассматриваются комиссиями. «Возьмем, к примеру, публично озвученное предложение о восстановлении автономной республики советских немцев на территории Волгоградской области, – продолжал он. – Никто не озаботился тем, чтобы хотя бы посоветоваться с нами, а вместе с тем работники центрального аппарата рассуждали так, будто решение по этому вопросу уже принято»[157]. Документы Центрального Комитета должны были бы доходить до членов ЦК своевременно, но зачастую они их получали с задержкой на два-три месяца после принятия и даже после того, как эти документы опубликовали в газетах. Члены ЦК должны были получать больше поддержки на местах, где им приходилось полагаться на добрую волю местных партийных комитетов, когда им требовался транспорт или иные ресурсы, вплоть до писчей бумаги[158]. Существовала также очевидная потребность в лучшем налаживании информационных потоков, оживлении практики рассылки писем Центрального Комитета в местные партийные организации и систематического информирования самих членов ЦК. Трудности в обмене информацией испытывали даже члены высшего руководства партии. Например, Егор Лигачев весной 1990 г. не сумел распространить среди членов ЦК два заявления с изложением своих взглядов[159].

От членов Центрального Комитета мало зависели как их собственное членство в этом органе, так и состав высшего руководства партии, которое они номинально избирали. Напротив, зачастую они последни-

---

[155] Бузгалин А. В. Белая ворона... С. 85, 110, 112.

[156] Материалы Пленума... 8–9 октября 1990 г. С. 184–185.

[157] Материалы Пленума... 24–25 апреля 1989 г., стр. 65–66.

[158] Правда. 1989. 20 нояб. С. 2. О двух-трехмесячной задержке документов сообщил Ф. С. Хильченко. См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 61.

[159] Материалы объединенного Пленума... 31 января 1991 г. С. 96 (о письмах ЦК), 57 (об информировании членов ЦК). О цитируемом случае сообщает в книге: Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. С. 96–99, 144–146. Его рассказ комментирует Оников в: Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. С. 16–17.

ми узнавали обо всех переменах. Например, в апреле 1989 г. их никто своевременно не предупредил о намеченном выводе из состава ЦК почти сотни его членов, которые были избраны съездом партии всего три года назад[160]. И в сентябре 1989 г. кандидаты на избрание в Секретариат ЦК узнали о своем выдвижении только накануне пленарного заседания, на котором предстояло утвердить их назначение[161]. Среди членов ЦК началось недовольство, когда были названы фамилии кандидатов, поскольку не все из них были достаточно хорошо известны, а один из кандидатов, первый секретарь Татарского рескома Гумер Усманов поднялся, чтобы объяснить, что произошло недоразумение, поскольку его никто и никогда не спрашивал, желает ли он занять пост в Секретариате ЦК (вскоре его отправили в отставку)[162]. В декабре 1989 г. первый секретарь Куйбышевского обкома партии жаловался на то, что «...на пленуме мы слышали немало слов о предстоящих изменениях в руководстве партии, но не было сделано попытки предложить нам кандидатуры на выбор». Почему, возмущался он, Центральный Комитет, требуя «демократизации» от остальных, сам подает столь дурной пример[163]? Другой случай, произошедший годом позже, описывает первый секретарь Ленинградского обкома Борис Гидаспов: «Как-то Горбачев в беседе на ходу в коридоре спросил меня, что я думаю о профессоре Владимире Калашникове как о возможном кандидате в Секретариат ЦК. Я ответил, что Калашников – один из честнейших и образованнейших людей, но... "Отлично, отлично", – прервал меня Горбачев, и Калашников был довольно скоро назначен»[164]. Последний в истории пленум Центрального Комитета состоялся в июле 1991 г. Несмотря на все официальные заявления о намерениях расширить полномочия членов ЦК, ни на одном

---

[160] Воротников В. И. А было это так... С. 170. Воротников цитирует выступление председателя Союза писателей В. В. Карпова, текст речи которого не был опубликован, но о его выступлении сообщалось в прессе: Правда. 1989. 23 мая. С. 1.

[161] Материалы Пленума... 5–7 февраля 1990 г. С. 169.

[162] Для других номинантов, А. Н. Гиренко, Ю. А. Манаенкова и Е. С. Строева, объявление об их выдвижении также было «неожиданностью» (Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура: эволюция отбора. – М., 1991. С. 88–89). По словам Воротникова, Горбачев думал, что предварительные консультации с кандидатами уже состоялись, и это, добавляет он, «было характерным случаем» (Воротников В. И. А было это так... С. 294–295). В опубликованной версии речи Усманова отсутствуют цитируемые высказывания (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 19–20 сентября 1989 г. – М., 1989. С. 142–147), но они присутствуют в воспоминаниях бывшего главного редактора газеты «Правда» Виктора Афанасьева, где ошибочно датируются июлем 1990 г. (Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. С. 103).

[163] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 85.

[164] Правда. 1991. 11 сент. С. 2.

этапе его существования в годы перестройки им не было позволено выразить голосованием свои предпочтения на выборах руководства.

Безусловно, Центральный Комитет в последние годы коммунистического правления стал более активным и полномочным органом. Расширились права его членов, особенно благодаря развивавшейся системе комиссий, им было предоставлено по крайней мере формально право назначать главного редактора «Правды»[165]. Но у Центрального Комитета не было никаких средств контроля политической повестки дня. Например, ни разу за годы правления Горбачева ЦК не рассматривал вопросы внешней политики в свете противоречивых изменений в международном окружении СССР[166]. Также Центральный Комитет оказался не в состоянии взять под контроль деятельность номинально избираемого им руководства партии. На съезде 1990 г. он утратил даже номинальный контроль над определением состава руководства, когда Устав партии был изменен таким образом, что выборы генерального секретаря и его заместителя (вновь введенный пост) стали прерогативой съезда, а не ЦК. Напротив, формирование нового Политбюро было почти полностью выведено из компетенции съезда, поскольку оно стало создаваться по должностному принципу из глав республиканских компартий, и только посты генерального секретаря и его заместителя замещались на основе прямых выборов[167]. Эти изменения не являлись следствием усиления влияния рядовых членов партии на ее политику; как вспоминает один из бывших партийных работников, оно, очевидно, оставалось незначительным. Почти в столь же бесправном положении находились члены руководящих партийных органов от райкомов до Центрального Комитета, игравшие роль своего рода демократического прикрытия для неограниченной власти постоянных работников центрального партийного аппарата[168].

Между тем Центральный Комитет утрачивал свое единство, отражая непрерывно углублявшиеся противоречия в быстро менявшемся обществе, и его заседания приобретали все более конфронтационный характер. «Ожесточенные сцены вспыхивали регулярно», – вспоминал Валерий Болдин, возглавлявший штат личных помощников Горбачева, и по мере того как позиции генерального секретаря в Центральном

---

[165] Избрание И. Т. Фролова секретарем Центрального Комитета и главным редактором «Правды» состоялось на декабрьском 1989 г. пленуме ЦК (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 9 декабря 1989 г. – М., 1989. С. 4. О создании комиссий Центрального Комитета см. выше, с. 310–311).

[166] Добрынин А. Чрезвычайный и полномочный посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М., 1997. С. 655.

[167] Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза... С. 118–120 (ст. 25 и 28 Устава КПСС).

[168] Оников Л. А. КПСС: анатомия распада. С. 75–76. Аналогичные утверждения приводятся в: Российские вести. 1992. 24 окт.

Комитете становились все более атакуемыми, он все чаще стал предпочитать действовать в обход него и партийных структур в целом. «Его в равной степени перестали устраивать как состав Центрального Комитета, так и настроения в самой партии», – вспоминал Болдин. В ЦК возникла «атмосфера взаимного непонимания и недовольства», все меньшее число членов Центрального Комитета посещали генерального секретаря во время пленумов, никто не аплодировал при его появлении, «многие продолжали разговаривать друг с другом или озираться по сторонам, не обращая на него внимания»[169]. Сам Горбачев как-то сказал своему помощнику Анатолию Черняеву, что 70 % членов Центрального Комитета и постоянных сотрудников его аппарата «...настроены против него и его ненавидят»[170]. В этих условиях он «стал с опаской относиться к пленумам Центрального Комитета» и прислушивался в основном к мнениям тех членов руководства, которые, подобно Александру Яковлеву, были не только преданы ему лично, но также являлись приверженцами демократизации общества в обход КПСС[171]. В 1990 г. в своей записке, поданной Горбачеву после заседания Политбюро, Яковлев называет Центральный Комитет «...главным препятствием для перестройки и всей проводимой нами политики» и предполагает, что «...нет никакой необходимости собирать его столь часто»[172]. Создание в 1990 г. системы президентского правления было нацелено на изолирование партии в том духе, [в котором предлагали советники Горбачева], но в то время еще отсутствовали властные структуры, на которые мог бы опереться президент и которые заменили бы собой партийную иерархию, занимавшую доминирующие позиции в советской системе практически с самого начала ее существования.

Центральный Комитет определенно представлял собой площадку, на которой противники реформ имели возможность нападать на реформаторов, именуя тех «саботажниками», «социальными наркоманами», «носителями идеологического СПИДа» или даже «контрреволюционерами»[173]. Но члены ЦК в целом не всегда являлись

---

[169] Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 243–250.

[170] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 345 (Горбачев объяснял это их стремлением к сохранению власти и денег).

[171] Об опасениях Горбачева см.: Болдин В. И. Крушение пьедестала. С. 406.

[172] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 330. Сам Черняев являлся сторонником увольнения большей части членов ЦК по примеру того, как поступили с Егорычевым в 1967 г., и формирования значительно меньшего по составу нового ЦК, включавшего не более 100 человек. См.: Черняев А. С. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. – М., 1997. С. 15 (запись от 30 апреля 1989 г.).

[173] См. выступления: редактора «Правды» Виктора Афанасьева (Материалы Пленума... 18–29 сентября 1989 г. С. 81); директора ТАСС Л. П. Кравчен-

противниками постепенных реформ в рамках социалистической системы. Так было в течение четырех лет с момента избрания Горбачева, вплоть до апреля 1989 г., когда на пленарном заседании ЦК впервые прозвучала открытая критика в его адрес[174]. И когда Центральному Комитету было предложено голосовать за тех кандидатов, которых партия намеревалась включить в список депутатов на выделенные ей 100 мандатов на предстоявшем весной того года съезде народных депутатов, оказалось, что реформаторы пользовались в нем большей популярностью, нежели консерваторы. Из сотни кандидатов 52 человека были избраны единогласно, против самого Горбачева подали 12 голосов, а против его ближайшего сподвижника Александра Яковлева – 59. Но больше всего голосов (78) было подано против Егора Лигачева, которого считали «ведущим идеологическим ортодоксом в партии». Когда Лигачева на съезде партии в 1990 г. выдвинули на пост руководителя фракции коммунистов в Верховном Совете, он потерпел столь убедительное поражение при голосовании (его поддержали только 776 из 4683 делегатов), что был вынужден объявить о своем уходе из активной политической жизни[175]. В апреле 1991 г. пошатнулись позиции Горбачева в Центральном Комитете, и более 70 его членов, выражая «категорическое несогласие с нападками на генерального секретаря», начали сбор подписей под коллективным заявлением в его поддержку[176], а когда ЦК приступил к рассмотрению вопроса об отставке Горбачева, за нее проголосовали всего 13 членов ЦК и еще 14 человек воздержались[177]. Вместе с тем Горбачев наряду с непримиримыми противниками имел и безусловных сторонников среди постоянно менявшегося состава ЦК. Один из них, журналист [и писатель] Александр Чаковский, вызвал «оживление в

ко (Материалы Пленума... 8–9 октября 1990 г. С. 80); первого секретаря компартии Азербайджана Везирова (Материалы Пленума... 24–25 апреля 1989 г. С. 71) и члена ЦК из рядовых коммунистов Г. А. Смирнова (Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 10–11 декабря 1990 г. – М., 1991. С. 68).

[174] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. С. 191.

[175] Результаты голосования на пленуме ЦК (см.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 15–16 марта 1989 г. – М., 1989. С. 18–26) и на съезде (см.: XXVIII съезд... Т. 2. С. 391). Как замечает Легостаев (Легостаев В. Технология измены. С. 160–181), именно такие результаты были опубликованы официально. Избранный руководителем фракции Владимир Ивашко набрал 3108 голосов за (при 1309 против). Сам Горбачев был переизбран генеральным секретарем. За него проголосовали 3411 делегатов съезда и 1116 человек проголосовали против его избрания (XXVIII съезд... Т. 2. С. 295). Об уходе на пенсию Лигачева, уехавшего в Сибирь писать мемуары, см.: Труд. 1990. 21 июля. С. 4.

[176] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 539.

[177] Материалы Пленума... 24–25 апреля 1989 г. С. 83. Пленум подтвердил решение Политбюро отклонить заявление Горбачева об отставке (ЦХДСИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 26) 25 апреля 1991 г.

зале», когда, выступая на пленуме ЦК, собравшемся в декабре 1989 г., заявил: «...если бы он [генеральный секретарь] был человеком противоположного пола, то я бы просто сказал: "Я люблю вас!"»[178].

Невзирая на происходивший медленный распад, Центральный Комитет почти до самого конца сохранял моральный авторитет внутри партии, оставаясь сообществом влиятельных людей, среди которых еще можно было надеяться отыскать носителей здравого смысла. Как утверждал Сталин в 1931 г., в Центральном Комитете сосредоточена «мудрость партии», в нем собраны «наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики»[179]. Центральный Комитет и Контрольный Комитет нашей партии, говорил он в отчетном докладе XV съезду партии в 1927 г., вместе взятые, представляют собой «...руководящий в 200–250 товарищей центр, регулярно собирающийся и решающий важнейшие вопросы нашего строительства», ядро, которое по иному можно было бы назвать «генеральным штабом партии»[180]. Для самого Горбачева Центральный Комитет еще в конце 1980-х гг. оставался «мозгом партии», а его советник Георгий Шахназаров называл ЦК «мозгом и мотором всей системы управления государством». Некоторое время спустя пресс-секретарь Ельцина считал ЦК «...органом, состоявшим из наиболее либерально мыслящих людей, набранных из рядов Советской интеллектуальной элиты»[181]. Чаковский на пленуме ЦК в декабре 1989 г. признался в том, что для него выступление перед членами ЦК «выдающееся событие». «Если бы в 1930 г., когда я вступал в комсомол, или в 1939 г., когда я стал кандидатом в члены партии, кто-нибудь сказал, что я выйду на трибуну Центрального Комитета партии с речью, я бы сказал: "Ты что, смеешься надо мной, что ли?" Для меня понятие ЦК было и есть святым понятием»[182].

---

[178] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 86 (на этом пленуме Горбачев поднял вопрос о своей отставке, см.: Там же. С. 61).

[179] Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. – М., 1951. С. 107.

[180] XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). – М.–Л., 1928. С. 69. Высказывание Сталина о генеральном штабе партии см.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. С. 220.

[181] Воротников И. В. А было это так... С. 348; Шахназаров Г. Цена свободы. С. 501; Костиков В. Роман с Президентом. – М., 1997. С. 81, 271 (в ссылках на политическую элиту Горбачевской эры в целом).

[182] Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 85 (выступление на декабрьском 1989 г. Пленуме ЦК).

Неспособность ЦК воспользоваться подобным потенциалом для возрождения стала в конце концов приговором ленинскому учению, которое всегда опиралось на идею партии, возглавляемой профессиональными революционерами, руководящими многочисленной массой рядовых членов[183]. Это стало приговором партии, которая по тем или иным причинам не сумела демократизировать собственную организацию, в то время как менялось само общество в результате политики, инициированной ею самой, а точнее – приговор так называемой внутренней партии, «относительно тонкого, но невероятно влиятельного слоя» руководящих чиновников, не желающих делиться своей монополией на политическую инициативу, которую они обрели в результате реализации принципа «демократического централизма»[184]. Это стало также менее очевидным приговором марксизму, поскольку партия не испытывала серьезного давления, которое заставило бы ее отказаться, по крайней мере, от политики относительно низких цен на основные потребительские товары, полной гарантированной занятости населения и политической стабильности[185]. Но окончательный приговор был вынесен элите, которая извлекала все возможные преимущества из своего доступа к рычагам власти, особенно в брежневские годы. Это стало также приговором политической традиции, которая, зародившись еще до 1917 г., не сумела создать должного числа институтов, способных обеспечить более широкое распределение политической власти как внутри самой партии, так и в обществе в целом, включая независимую судебную систему, свободную прессу, имеющую возможность критиковать действия руководства, и организации типа профсоюзов, способные защищать интересы рядовых граждан. Эта традиция создавала привилегированное положение одной единственной идеологии, будь то православие или марксизм-ленинизм, объявляла любую оппозицию предателями или даже врагами. Согласно этой традиции любой сильный лидер – царь, генеральный секретарь или президент, всегда обладал большей властью, нежели выборные органы, которые обязаны были ему подчиняться, или суд, который должен был объявлять законными любые его действия. Понятно, что эта была не та политическая обстановка, в которой возможно создание демократизированной партии во главе с Центральным Комитетом, выражавшим интересы рядовых ее членов.

---

[183] См., напр.: Polan A. J. Lenin and the End of Politics. – London, 1984.

[184] Афанасьев В. С. Четвертая власть и четыре генсека. С. 82, 123. Даже Борис Ельцин (совсем в иной связи) признавал, что «...глубокая пропасть между руководством партии и массой рядовых ее членов стала одной из главных причин краха Советской Коммунистической партии» (Сегодня. 1997. 28 окт. С. 1).

[185] См., напр.: Miller W. L., White S., Heywood P. Values and Political Change in Postcommunist Europe. – London, 1998.

7. ЭЛИТА И ОБЩЕСТВО

> Когда класс берет власть, какая-то часть его становится агентами этой власти. Так рождается бюрократия. В социалистическом государстве, где капиталистическое накопление членам правящей партии запрещено, такое разделение, начавшееся как чисто функциональное, со временем становится социальным.
>
> *(Х. Раковский, 1928 г.)*

> Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс.
>
> *(Л. Троцкий, «Преданная революция», 1937 г.)*

Коммунистическая партия Советского Союза находилась у власти самый продолжительный период времени по сравнению с любыми другими политическими режимами нового времени. И на протяжении всего этого периода, не считая нескольких месяцев после Октября 1917 г., партия полностью и монопольно контролировала деятельность правительства. За эти 70 лет были отчетливо выраженные этапы, когда партию как инструмент управления страной заменяли собой секретные службы или личный секретариат Сталина. Вместе с тем вплоть до 1977 г. отсутствовали какие-либо конституционно установленные основания для партийной монополии на власть. В Советской Конституции 1924 г. упоминания о партии отсутствуют вообще, а в Конституции 1936 г. она обозначена как «руководящее ядро организаций рабочего класса», но не государства в целом. В большинстве восточноевропейских стран имелось несколько партий, объединенных в альянс при доминирующей роли в нем коммунистов. Но в СССР не существовало законных оснований для создания иных политических партий вплоть до 1990 г., когда положение о руководящей роли КПСС было исключено из Конституции. Но в стране и не предпринималось попыток создания таких партий

до конца 1980-х гг., когда стали появляться неформальные движения, разъедавшие монопольное положение одной партии. Вместе с тем для многих именно доминирование одной партии представляло отличительную черту коммунистической политической системы[1].

В какой-то степени такое положение было следствием так называемого демократического централизма – организационного принципа, избранного Российской социал-демократической рабочей партией еще в 1906 г. и не допускавшего легальной оппозиции решениям, принимаемым верхними уровнями партийной иерархии[2]. Частично же оно объяснялось тем, что в руках руководства партии находились все средства убеждения, а при необходимости – и принуждения рядовых ее членов к повиновению. Высшее руководство партии, под которым понимается совокупность членов Политбюро и Секретариата, ближе к концу советского периода составляло малую, причем постоянно сокращавшуюся в процентном отношении, часть ее Центрального Комитета. Иное положение наблюдалось в первые годы Советской власти, когда, например, в 1920 г. в состав Политбюро и Секретариата входили 10 из 19 избранных тогда полномочных членов ЦК, или в 1924 г., сразу после смерти Ленина, когда в эти органы входила примерно третья часть значительно более многочисленного состава ЦК. В те годы Центральный Комитет являлся олицетворением партийного руководства, его решения были обязательны для всех нижестоящих партийных организаций, и ни один партийный или государственный орган даже не мог помыслить о том, чтобы покуситься на его авторитет.

Соответственно, Центральный Комитет представлял собой ядро советского режима на протяжении почти всего срока его существования, и любые изменения в его составе или в мере влияния на выработку и принятие решений играли центральную роль в изменениях природы Советской власти в целом. В последних главах книги мы рассмотрим более внимательно некоторые черты этой меняющейся элиты и прежде всего то, насколько можно считать ее представительной по отношению к партии и более широким слоям общества, а также те материальные привилегии, которыми пользовались отдельные ее представители. Отражал ли ЦК состав избиравшей его партии или отличался от него по мере того, как его члены усиливали собственный

---

[1] См., напр.: White S. What is a Communist System // Studies in Comparative Communism. 1983. № 16: 4 (Winter). P. 247–263.

[2] Точная формулировка этого принципа содержится в сб.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 15 т. – М., 1983–1989. Т. 1. С. 206. Принцип демократического централизма сохранялся в неизменной редакции во всех вариантах Устава партии, включая принятый в 1990 г.

контроль над избирательным процессом? Можно ли было считать состав ЦК достаточно репрезентативным по отношению к делегатам партийных съездов, которым он был формально подотчетен, или к обществу в целом, от имени которого он выступал? Извлекали ли члены ЦК возможность для личного обогащения из тех преимуществ в виде контроля над деятельностью правительства и недоступности для критики в прессе или для судебного преследования, которыми они обладали? Действительно ли эта группа, как утверждают некоторые исследователи, переродилась в касту, искавшую пути для конвертирования своего доминирующего положения в долговременную защищенность принадлежавшей им частной собственности, и именно этот процесс стал главным в преобразованиях начала 1990-х гг.?

Была ли элита репрезентативной?

Считалось, что в Центральном Комитете и среди делегатов избравшего его съезда были собраны «лучшие из лучших» представители партийных рядов. Как заявил Ворошилов в своем выступлении на XXIV съезде партии в 1925 г., Центральный Комитет в целом «...есть тот ленинский коллектив, который после съезда получает в свои руки всю полноту власти и руководит всей жизнью партии, неся за это руководство всю полноту ответственности». В более поздних формулировках ЦК определяли как «...грамотный коллектив руководителей, преданных делу партии, тесно спаянных с партией и беспартийными массами, вооруженных знанием жизни и нужд общества»[3]. На самом деле, состав ЦК формировался в результате трех, очень между собой различавшихся подходов к подбору его членов. Поначалу он должен был включать высших партийных руководителей преимущественно мужского пола, русских по национальности и по крайней мере в поздние сталинские годы – среднего и более старшего возраста. Одновременно в него должны были входить главные исполнители проводимой партией политики, то есть те, кто возглавлял важнейшие государственные органы и общественные организации и, с установлением системы должностных вакансий, все более непреложно обретал право на избрание в его состав. Это влекло за собой следующее: сдвиг в пользу тех в составе ЦК, кто работал в больших городах и заседал в правительственных кабинетах. Эти люди вероятнее всего были (особенно в последние десятилетия Советской власти) мужчинами с высшим образованием, среднего возраста и славянской национальности. Доля лиц с подобными характеристиками

[3] XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 18–25 декабря 1925 г. Стенографический отчет. – М.-Л., 1926. С. 396 (выступление Ворошилова). Петровичев Н. А.и др. Партийное строительство. – М., 1981. С. 16.

в составе ЦК сильно отличалась от соответствующих пропорций как среди членов партии, так и в обществе в целом. И кроме того в составе ЦК обязательно должны были присутствовать символические, декоративные представители рабочего класса и колхозного крестьянства (то есть тех общественных сил, интересы которых партия претендовала представлять), а также – народной интеллигенции, класса, возникшего за годы советской власти и включавшей в себя учителей, врачей, ученых и управленцев. Представители этих двух групп создавали в составе ЦК крен в противоположную сторону, поскольку в их числе было больше женщин, малообразованных людей и лиц не русской национальности.

В какой-то степени три указанных конкурирующих между собой подхода к формированию ЦК нивелировались ростом его численности. С 29 полномочных членов и кандидатов в члены в ЦК, насчитывавшихся в нем в 1917 г., их число выросло до 46 в 1922 г., 87 в 1924 г. и 139 в 1934 г. Затем количество членов ЦК резко увеличилось до 236 человек в 1952 г., после чего наблюдался его устойчивый рост до 477 полномочных членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на съезде в 1986 г., где Горбачев впервые выступал с докладом в качестве лидера партии. Между тем численность самой партии росла еще более высокими темпами, в результате чего доля полномочных членов ЦК в ней постоянно уменьшалась. В 1924 г., сразу после смерти Ленина, один член ЦК приходился на 5000 рядовых партийцев, но уже в 1930-е гг. один член ЦК приходился на 19 тыс. членов партии, а в 1950-е гг. – почти на 30 тыс. человек. К моменту прихода к власти Горбачева на одного полномочного члена ЦК приходилось уже 40 тыс. партийцев, а ко времени проведения последнего съезда в 1990 г. один полномочный член ЦК номинально представлял 46 670 рядовых членов партии. Очень скоро после 1917 г. Центральный Комитет перестал быть расширенным собранием руководящих работников, а к 1980-м гг. превратился в некую ассамблею, каждый персонаж которой представлял примерно такой же массив избирателей, как, скажем, избранный депутат Западного парламента.

Ясно, что Центральный Комитет нельзя было считать «представительным органом» в том смысле, который в это понятие вкладывают на Западе, поскольку его члены не были свободно избраны теми, от чьего имени они выступали. Но насколько репрезентативен он в социологическом смысле по отношению к составу партии в целом, делегатам партийных съездов или всего руководимого им общества? Далее мы рассматриваем изменения в составе ЦК путем сопоставления данных по каждому историческому периоду развития советской элиты, изученному в предыдущих главах, начиная с революционной элиты 1917–1923 гг. Соответствующие результаты приведены в табл. 7.1–7.5. Наш перекрестный анализ, кроме того, соответствует

относительно равным временным интервалам существования Советской власти, в моменты, близкие к датам проведения общесоюзных переписей населения. Например, XVIII съезд партии, проходивший в 1939 г., совпал по времени с проведением переписи 1939 г., а XXII съезд (1961) проходил почти одновременно с переписью 1959 г. Первая общесоюзная перепись населения в СССР проводилась в 1926 г., и поэтому сопоставительный анализ за период времени, соответствующий периоду существования революционной элиты, оказался невозможным. Соответственно, мы начинаем с состава Центрального Комитета партии, избранного XIV съездом в конце 1925 г. Эта дата укладывается в рамки того периода, который мы назвали ранним сталинским, но, как уже подчеркивалось выше, у него имеется немало сходных черт с революционным периодом, когда доминирующее положение в партии также занимали представители первого поколения ее руководителей.

В Центральном Комитете всегда было больше членов партии – мужчин, причем эта диспропорция особенно сильно бросается в глаза, если учесть, что женщины в населении страны составляли более половины. На XIV съезде партии, собравшемся в декабре 1925 г., в состав Центрального Комитета при общем числе его полномочных членов и кандидатов в члены равном 106 были избраны всего три женщины. Среди делегатов съезда их было еще меньше, хотя в процентном отношении их доля оказалась значительно выше среди делегатов от промышленно более развитых регионов (табл. 7.1)[4]. Русские в Центральном Комитете ранней сталинской эпохи были представлены в пропорции, превышавшей долю русского населения в стране, но в значительно меньшей, чем в самой партии. Для удобства сравнения в наших таблицах указано только представительство в ЦК второй по численности нации – украинцев, но в 1925 г. в Центральном Комитете присутствовало также немало евреев (12 %), кавказцев (7 %) и прибалтийцев (5 %). Украинцы, со своей стороны, были не столь заметно представлены в новом составе ЦК (5 %), как среди делегатов съезда, и в непропорционально малом количестве по сравнению с их численностью в партии и обществе в целом. Возраст большинства членов ЦК находился в интервале от 30 до 50 лет, то есть в используемых нами терминах это был Центральный Комитет «первого поколения», почти все члены которого родились между 1881 и 1900 г. и (кроме пяти человек) вступили в партию еще до революции. В то же время его социальный состав можно назвать довольно сложным. С одной стороны, официальная статистика указывает на то, что в Центральном Комитете практически не было крестьян, то есть людей, работавших

[4] XIV съезд... С. 810 (среди делегатов от промышленных регионов женщины составляли 6 %).

в то время на земле, но, с другой стороны, более 40 % его членов имели сельское происхождение. Фактически в Центральном Комитете за все время его существования поддерживалось относительно равное соотношение людей, родившихся в городе и деревне. Самый высокий уровень горожан (56 %) из всех составов ЦК, рассматриваемых в настоящей главе, был в Центральном Комитете, избранном в 1925 г., причем именно тогда Россия все еще оставалась преимущественно крестьянской страной, в которой примерно четыре пятых населения проживали в селах.

Наиболее очевидно по уровню образования и жизненному опыту их членов отличались от остального населения страны ЦК революционного и раннего сталинского периодов. В соответствии с результатами переписи, проходившей год спустя после XIV съезда партии, более половины граждан страны старше девяти лет были неграмотными[5]. Еще выше оказалась доля неграмотных среди женщин, сельских жителей и людей старше 50 лет. Серьезные проблемы с грамотностью испытывала и сама Коммунистическая партия, в которой 3 % членов не умели ни читать, ни писать[6], и лишь 1 % имел высшее образование[7]. Особенно низким уровнем грамотности отличались народы Средней Азии: полностью неграмотной была треть членов Компартии Узбекистана и около половины Компартии Туркмении[8]. Однако делегаты съезда 1925 г. были намного более образованными, чем партия в целом. Более 5 % из них имели высшее образование[9]. Еще выше был образовательный уровень самого Центрального Комитета, 40 % членов которого окончили те или иные вузы.

Вместе с тем в составе упомянутого Центрального Комитета имелось немало людей, отличавшихся высокой образованностью, эрудицией и космополитическими взглядами. Среди них было много представителей русской дореволюционной интеллигенции. Например Николай Бухарин, по ленинскому определению «самый ценный и видный теоретик партии», являлся членом Академии наук СССР, а в конце жизни стал также писателем. Сам Ленин имел юридическое образование, так же как Лев Каменев, Алексей Рыков и один из героев

---

[5] Всесоюзная перепись населения 1926 г. В 56 т. – М., 1928–1933. Т. 17. Табл. 12 (55,1 % мужского населения старше 10 лет умел читать, но среди женщин эта доля составляла всего 31,1 %, а для населения в целом – 42,6 %).

[6] Партия в цифровом освещении. Материалы по статистике личного состава партии. – М.-Л., 1925. С. 102.

[7] Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 г. – М.-Л., 1928. С. 41.

[8] Там же. С. 145 (неграмотными в то время были 36,1 % узбекских, 43,4 % киргизских и 46,2 % туркменских коммунистов).

[9] XIV съезд... С. 810.

нашей книги Николай Крестинский. Вячеслав Молотов происходил из артистической семьи, играл на скрипке «с большим чувством и выразительностью» и являлся родственником композитора Скрябина[10]. Ряд представителей раннего поколения коммунистической элиты получили образование, будучи в политической эмиграции за рубежом. В частности Дмитрий Мануильский, активный деятель Коминтерна, окончил юридический факультет Сорбонны, где Григорий Сокольников, нарком финансов, обучался в докторантуре по экономике, а дипломат Христиан Раковский (родом из Болгарии) изучал медицину в Женеве и Монпелье, где написал докторскую диссертацию о причинах преступности, по его словам, «произведшую сенсацию среди студентов и профессоров и положившую начало специализированной мировой литературе по этому вопросу»[11].

Как уже отмечалось в главах 1 и 2, некоторые историки преувеличивают образовательный уровень ЦК революционного и раннего сталинского периода. На самом деле примерно четверть его членов имела лишь начальное образование, и только небольшая часть училась за рубежом. Ощущалась явная разобщенность между небольшой группой членов ЦК, живших за границей, и остальными, составлявшими его большинство и за границей никогда не бывавшими. Но Центральный Комитет тех ранних лет действительно состоял из представителей поколения советской элиты, которое придавало особое значение «ораторским и литературным способностям и глубокому знанию теории»[12]. Даже те члены ЦК, чье образование можно назвать весьма ограниченным (например, сам Сталин или один из наших героев Иосиф Варейкис), уделяли серьезное внимание самообразованию. Более того, именно уровень интеллектуальной деятельности выгодно отличал ЦК от населения и партии в целом и даже от избиравших его делегатов съездов.

В Центральном Комитете, собранном в 1939 г. из представителей поздней сталинской элиты, численно преобладали совсем иные люди, но как коллектив он сохранил ряд важных параметров предыдущих составов ЦК (табл. 7.2). В нем были представлены почти исключительно мужчины, хотя к тому времени доля женщин среди членов партии и даже делегатов съездов значительно выросла.

---

[10] Характеристика Бухарина Лениным содержится в: Ленин В. И. ПСС. В 55 т. – М., 1958–1965. Т. 14. С. 345. Роман Бухарина «Времена» (М., 1994) был написан им в тюрьме зимой 1937–1938 гг. Молотов сам описывает свое семейное происхождение в сб. «Деятели СССР и революционного движения России». См.: Энциклопедический словарь «Гранат». – М., 1989). С. 553.

[11] Деятели СССР и революционного движения в России. С. 611.

[12] Rigby T. The Soviet Political Elite under Lenin in his Political Elite in the USSR: Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. – Aldershot, 1990. P. 27.

Таблица 7.1

Сравнительная характеристика составов ЦК, партии и населения страны в 1925 г.

	Доля женщин (%)	Национальность		Возрастной состав (% от общего числа людей старше 20 лет)				Место рождения (проживания)		Социальное происхождение			Доля людей с высшим образованием (%)
		русские (%)	украинцы (%)	20–29	30–39	40–49	50 и старше	город (%)	деревня (%)	рабочий класс (%)	колхозное крестьянство (%)	служащие (%)	
Центральный Комитет (106 чел.)	2,8	59,8	5,2	3,8	52,8	34,9	8,5	56,3	43,8	54,7	–	45,3	40,0
Делегаты съезда (1106 чел.)	2,4	61,1	6,2	–	–	–	–	–		61,2	5,7	32,1	5,1
Партия в целом (1 088 037 чел.)	10,3	72,2	7,0	45,3	39,4	15,3		–		57,9	25,3	16,8	0,8
Население страны на 17 декабря 1926 г. по данным переписи (147 027 915 чел.)	51,7	52,9	21,2	34,3	23,3	29,4	13,0	17,9	82,1	12,4	77,8	9,8	0,3

Примечания. В столбце «место рождения (проживания)» для членов ЦК указано место рождения, а для населения в целом – место проживания.

Источники. Для членов ЦК – данные (распределение по национальности и месту рождения) основаны на сведениях о 97 и 96 членах ЦК соответственно, по которым известна соответствующая информация). Распределение по возрасту и социальному происхождению основано на сведениях из: Большая Советская энциклопедия. – М., 1930. Т. 11 С. 539–540. Сведения о делегатах съезда взяты из: XIV съезд... С. 809–810 (только делегаты с правом голоса). Данные о членах Коммунистической партии в целом взяты из: Партия в цифровом освещении. Материалы по статистике личного состава партии. – М.-Л.., 1925. С. 5, 41, 86–87, 99–100, 106 (данные по состоянию на 1 января 1925 г.). Данные по населению страны в целом заимствованы из: Всесоюзная перепись населения 1926 г. в 56 т. – М., 1928–1933), кроме сведений о социальном происхождении и образовании, которые взяты из: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный стат. сб. – М., 1987. С. 11, 39. Сведения об образовании в ходе переписи 1926 г. не собирались, а доля людей с высшим образованием в населении страны соответствует числу окончивших вузы в 1928 г. в процентах от количества жителей старше 15 лет.

Точно так же, как в 1925 г., в этом составе ЦК все еще преобладали люди средних лет или немного моложе, хотя средний возраст полномочных членов ЦК немного понизился. Вместе с тем в других отношениях составы ЦК 1939 и 1925 гг. отличались достаточно сильно. Режим просуществовал к 1939 г. на 14 лет дольше, чем к 1925-му, и среди членов ЦК 1939 г. большинство составляли люди, родившиеся в первое десятилетие XX в., то есть они скорее относились ко второму, брежневскому поколению элиты, нежели к поколению, рожденному в последние десятилетия XIX в.

Состав позднего сталинского Центрального Комитета 1939 г. по социальному составу можно считать более репрезентативным по отношению к советскому обществу в целом. В отличие от ЦК 1925 г. большая часть его членов родились не в городах, а в деревне. Учитывая, что в то время сельские жители составляли около двух третей населения страны, состав элиты в большей степени, чем в 1925 г., отражал географическое распределение широких народных масс. Состав Центрального Комитета того времени и особенно представители второго поколения среди его членов заставляют вспомнить хорошо известный вердикт Баррингтона Мура относительно крестьянских революций в СССР и других странах: «Крестьяне представляют собой динамит, пригодный для подрыва старого здания. В последующей работе по восстановлению и реконструкции разрушенного они годятся только на то, чтобы стать ее первыми жертвами»[13]. Фактически, одновременно с подавлением крестьянства в ходе ускоренной коллективизации советское правительство преобразовывало значительную его часть, вовлекая ее в партию, а затем, десятилетие спустя, продвигая бывших крестьян на элитные позиции в обществе.

Центральный Комитет представлял собой более высокообразованную группу по сравнению с остальной партией и обществом, интересы которых он представлял. Перепись 1939 г. выявила, что грамотными были только 81,2 % населения страны в возрасте старше девяти лет. Это стало одной из причин, по которым полные результаты переписи засекретили, поскольку считалось, что безграмотность уже успешно ликвидирована[14]. Некоторое число неграмотных среди

---

[13] Moore B. (Jr.). Social Origins of Dictatorship and Democracy. – Boston, 1966. P. 480.

[14] Еще сложнее обстоят дела с доступностью результатов переписи населения, проводившейся в 1937 г. См.: Жиромкина В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996. С. 94. Грамотность среди мужского населения, как сообщалось, составляла 86 %, но среди женщин грамотными были всего 66,2 %. Результаты переписи были засекречены, главу Бюро переписи расстреляли, а обработчики результатов переписи были арестованы как «троцкистско-бухаринские шпионы». Недоволь-

членов партии еще оставалось в республиках Средней Азии, и окончательно решить эту проблему удалось только в послевоенные годы[15]. Вместе с тем к 1939 г. значительно выросло число коммунистов с высшим образованием. В частности, высшее образование имела почти четвертая часть делегатов съезда, а среди членов Центрального Комитета его наличие стало правилом, хотя и не без некоторых исключений. Например Лазарь Каганович, руководивший энергетикой, не закончил даже начальной школы. Вместе с тем полученное многими членами ЦК узкоспециализированное высшее образование значительно отличалось от того, что получили в свое время более образованные члены ЦК 1920-х гг.

По национальному составу репрезентативность Центрального Комитета 1939 г. менее очевидна. В границах СССР 1939 г. русские составляли только 58 % населения, но доля русских в составе Центрального Комитета была около 70 %, то есть на 10 % большей, чем в 1925 г. Таким образом, представительство русских стало еще более подавляющим, нежели в революционной или в ранней сталинской элитах. В то же время нации, представительство которых ранее, в 1925 г., являлось чрезмерным по сравнению с их долями в общей численности населения – евреи, прибалтийцы и кавказцы, теперь были представленными в ЦК значительно скромнее. Напротив, доля украинцев, представленных в ЦК 1925 г. недостаточно, выросла и стала выше их пропорции среди членов партии и в стране в целом (16 %).

XXII съезд партии, созванный в 1961 г., проходил в совершенно иной обстановке, обусловленной победой в войне и невероятным подъемом международного авторитета СССР. Это был третий по счету и последний съезд, который проводил Хрущев как лидер партии. Элита хрущевского периода была по-прежнему преимущественно мужской, хотя к тому времени среди полномочных членов и кандидатов в члены ЦК уже насчитывалось 11 женщин, а доля женщин среди членов партии и делегатов съезда была намного выше (табл. 7.3).

Центральный Комитет стал намного более образованным, что отражало общее увеличение числа людей с высшим образованием среди делегатов съезда и членов партии в целом, где их доля почти

ство властей вызвало также то, что 56,7 % взрослого населения (старше 16 лет) назвали себя верующими (см.: Волков А. Как стало кривым зеркало общества // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 14–21 (на с. 17). Молотов взял проведение переписи 1939 г. под личный контроль, и ее результаты оказались более приемлемыми для власти, но все равно не полностью ее удовлетворили, и поэтому в полном объеме не публиковались более 50 лет (см.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. – М., 1992. С. 4–5).

[15] Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. – Princeton, 1968. P. 404–405.

удвоилась по сравнению с 1939 г. Среди членов ЦК был даже один человек, Иван Сенин, который окончил Колумбийский Университет в Нью-Йорке. Вместе с тем этот Центральный Комитет все еще состоял преимущественно из людей деревенского происхождения, отражая социальный состав советского общества, в котором более половины населения проживала тогда в сельской местности.

Как и прежде, русских оказалось в ЦК непропорционально много по сравнению с их долей в населении страны, но примерно на том же уровне, сколько состояло в партии. Преимущественное представительство украинцев немного ослабло, но не исчезло совсем. Но если средний возраст членов ЦК в 1939 г. находился в интервале 30–40 лет, что соответствовало возрастному составу партийных масс, то в 1961 г. он сместился в интервал между 50 и 60 годами. В отличие от изменений, происходивших в период между 1925 и 1939 гг., зачастую в ЦК остались все те же люди, ставшие заметно старше. Партия тоже понемногу старела, но средний возраст ее членов все еще оставался в том же интервале (30–40 лет), в то время как средний возраст всего населения страны находился в интервале от 20 до 30 лет.

Центральный Комитет еще больше состарился в 1976 г. после третьего из четырех съездов, проведенных при жизни Брежнева. Если в 1961 г. средний возраст членов ЦК находился в интервале между 50 и 60 годами, то к XXV съезду он сместился в интервал от 60 до 70 лет (табл. 7.4). Второе поколение элиты, к которому принадлежал сам Брежнев, определенно консолидировало свое присутствие в составе ЦК. Если ранее, в 1961 г., примерно две трети членов ЦК были старше 50 лет, то теперь на их долю приходилось 85 %, причем около половины мужчин уже достигли пенсионного возраста, то есть 60 лет. Делегаты съезда, избравшего этот Центральный Комитет, были намного моложе: 13 % из них оказались в возрасте от 20 до 35 лет, и лишь 10 % – старше 60 лет[16]. Рядовые члены партии в основном также были моложе членов ЦК. Среди них лишь 13 % были старше 60 лет. То же самое можно сказать и населении страны в целом, где люди старше 60 лет составляли всего 20 %. Центральный Комитет вновь оказался преимущественно мужским по своему составу, хотя доля женщин в партии продолжала расти. В новом ЦК остались те же 3 % женщин, что и в 1961 г. Эта доля несопоставима с общим числом женщин в партии и среди делегатов съезда, где они составляли почти четверть, и с более чем 30 % женщин среди вновь вступавших в партию[17]. В Политбюро и Секретариате ЦК, избранных после съез-

[16] XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза 24 февраля – 5 марта 1976 г. Стенографический отчет. В 3 т. – М., 1976. Т. 1. С. 298.

[17] Там же (женщины составили 25,1 % делегатов съезда); Партийная жизнь. 1975. № 10. С. 16 (по состоянию на 1 января 1976 г. женщин в партии

да, женщин не было вообще. Таким образом, этот состав ЦК оказался преимущественно мужским и возрастным. По сравнению со всеми предыдущими в нем также было непропорционально много русских, значительно больше (в процентном отношении), чем среди членов партии и всего населения страны, где доля русских и лиц славянских национальностей неуклонно снижалась. По социальному признаку этот состав ЦК отличала от его предшественников бóльшая доля выходцев из деревни (58 %), невзирая на продолжавшийся процесс урбанизации государства. Вместе с тем этот ЦК был образованнее, чем когда-либо прежде, особенно в части укомплектованности техническими специалистами.

Дальнейшие изменения в составе ЦК произошли в 1990 г., на последнем съезде под руководством Горбачева и вообще последнем в истории партии. В этом ЦК насчитывалось рекордное число женщин (33), невзирая на то что среди делегатов съезда доля женщин была наименьшей с 1920-х гг. Это было обусловлено отменой квот при выборах делегатов съездов (табл. 7.5). Но число женщин среди членов партии устойчиво росло. Женщины также были лучше, чем когда-либо прежде, представлены в Политбюро и Секретариате. По национальному составу новый Центральный Комитет явно приблизился к национальным составам партии и общества, хотя украинцы окончатéльно утратили прежние преимущества. Средний возраст членов ЦК, как во времена Хрущева, оказался в интервале от 50 до 60 лет, а более половины из них (55 %) принадлежали к третьему поколению, родившемуся, как и сам Горбачев, после революции, но до начала Второй мировой войны. В партии же доля таких людей составляла 41 %, а среди взрослого населении – 38 %. Но средний возраст членов ЦК понизился еще существеннее, с 58 лет после XXVII съезда партии в 1986 г. до 49 – в 1990-м[18]. В Центральном Комитете стало меньше выходцев из деревни, чем во времена Брежнева, хотя, несмотря на все общественные изменения, сельское население все еще оставалось многочисленнее городского.

В 1990 г. стали доступны сведения о текущих занятиях, а не только о социальном происхождении как рядовых коммунистов, так и членов руководящих органов партии. Как утверждала советская статистика, в обществе рабочий класс составлял более половины, а вме-

---

насчитывалось 24,3 %); там же. С. 21 (о доли женщин среди принятых в кандидаты в члены КПСС в 1977 г.), 26 (аналогичные данные за 1976 г.).

[18] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 3. Данные по возрастному составу членов партии и взрослого населения страны взяты из табл. 7.5. К третьему поколению элиты относятся люди, родившиеся в период с 1921 по 1940 г., то есть члены ЦК третьего поколения в 1990 г. относились к возрастным группами «от 50 до 59» и «св. 60»).

сте с колхозным крестьянством – более 70 % населения (под рабочим классом было принято понимать людей, занятых преимущественно ручным трудом в промышленности, а также работников совхозов, но не сельских колхозов). В самой КПСС рабочие и колхозники составляли более 35 %, но были недостаточно представлены на съезде, где говорилось о том, что «очевидно недостаточно», чтобы среди делегатов было всего 13 % представителей рабочего класса (еще 350 рабочих присутствовали на съезде в качестве приглашенных гостей), когда партийные функционеры составляли более 40 % делегатов[19]. Отличительной чертой нового Центрального Комитета явился высокий образовательный уровень его членов и особенно высокое число среди них людей с высшей квалификацией. В его состав входили 11 действительных членов и восемь членов-корреспондентов Академии наук СССР, 55 докторов и 59 кандидатов наук (эквивалент западной ученой степени PhD)[20].

Фактически состав Центрального Комитета имел немало общих черт с революционными элитами. Точно так же в нем было непропорционально много мужчин, а его члены более образованны по сравнению с руководимым им обществом. Вместе с тем члены ЦК даже в первые годы Советской власти реже имели привилегированное происхождение, чем их коллеги в других странах[21]. Центральный Комитет никогда не был особенно представительным по отношению ко всей партии и обществу в целом с точки зрения распределения его членов по возрастным группам, полу, уровню образования и роду занятий, но зачастую он все же более репрезентативен, нежели высшее партийное руководство, по отношению к партийным массам и населению страны. За все время существования Советской власти число женщин среди полномочных членов и кандидатов в члены ЦК никогда не превышало 5 % его состава, оно всегда было намного меньше доли женщин среди членов партии и тем более – всего населения страны. Но доля женщин в ЦК все равно была заметно выше тех 2 %, что они составляли в Политбюро. В Секретариате ЦК количество женщин было сопоставимо с 5 % (столько их насчитывалось среди членов ЦК). Более того, по национальному составу ЦК был более репрезентативен по отношению к многонациональному Советскому обществу. Из 1748 полномочных членов ЦК разных лет, сведения о национальности которых известны, русских было 63 %, что заметно превышало их долю в общей численности населения, но намного уступало непропорциональному числу в

---

[19] XXVIII Съезд Коммунистической партии Советского Союза 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1991. Т. 1. С. 183–184.

[20] Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 4.

[21] См., напр.: Rejai M., Phillips K. Leaders of Revolution. – Beverly Hills, 1979.

Таблица 7.2

Сравнительная характеристика составов ЦК, партии и населения страны в 1939 г.

	Доля женщин (%)	Национальность		Возрастной состав (в % от общего числа людей старше 20 лет)					Место рождения (проживания)		Доля людей с высшим образованием (%)
		русские (%)	украинцы (%)	до 29	30–39	40–49	50–59	старше 60	город, %	деревня, %	
Центральный Комитет (139 чел.)	2,2	69,6	21,4	0,0	53,9	30,8	10,0	5,4	42,5	57,5	80,2
Делегаты съезда (1574 чел.)	9,1	–	–	49,5*		47,5**		3,0	–		26,5
Партия в целом (2 477 666 чел.)	14,5	65,8	18,0	25,8	51,4	17,3	4,7	0,8	–		5,1
Население страны на 17 января 1939 г. по данным переписи (170 557 093 чел.)	52,1	58,4	16,5	32,4	27,0	16,4	11,9	12,3	32,9	67,1	0,6

Примечания. * – до 35 лет; ** – от 36 до 49 лет. В столбце «место рождения (проживания)» для членов ЦК указано место рождения, а для населения в целом – место проживания.

Источники. Для членов ЦК – авторские данные (распределение по национальности, возрасту и месту рождения основано на сведениях о 112, 130 и 113 членах ЦК соответственно, по которым известна эта информация). Сведения о делегатах съезда 1939 г. взяты из: XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М., 1939. С. 146–150. Данные о членах Коммунистической партии в целом взяты из работы: Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. – Princeton, 1968. P. 361, 356, 375, 401. Данные по населению страны в целом заимствованы из сб.: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992.

Таблица 7.3

Сравнительная характеристика составов ЦК, партии и населения страны в 1961 г.

	Доля женщин (%)	Национальность		Возрастной состав (в % от общего числа людей старше 20 лет)					Место рождения (проживания)		Доля людей с высшим образованием (%)
		русские (%)	украинцы (%)	до 29	30–39	40–49	50–59	старше 60	город (%)	деревня (%)	
Центральный Комитет (330 чел.)	3,3	62,4	18,3	0,3	4,6	32,4	51,5	11,2	45,0	55,0	80,9
Делегаты съезда (4799 чел)	22,3	–	–	38,6		37,9	23,6		–		52,5
Партия в целом (9 716 005 чел.)	19,7	65,8	18,0	22,4	36,2	24,0	14,1	3,3	–		13,3
Население страны на 15 января 1959 г. по данным переписи (208 826 650 чел.)	55,0	54,6	17,8	29,5	16,4	23,4	14,7	15,1	47,9	52,1	2,9

Примечания. В столбце «место рождения (проживания)» для членов ЦК указано место рождения, а для населения в целом – место проживания.

Источники. Для членов ЦК – авторские данные (распределение по национальности и месту рождения основано на сведениях о 195 и 300 членах ЦК соответственно, по которым известна эта информация). Сведения о делегатах съезда взяты из: XXII Съезд... Т. 1. С. 424–429. Данные о членах Коммунистической партии в целом в части уровня образования приведены в: Партийная жизнь. 1962. № 1. С. 47–49. Остальные сведения, кроме возрастных данных, подсчитаны по соответствующим республиканским данным, приведенным в работе: Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR, 1917–1967. – Princeton, 1968. P. 361, 356, 375, 401. Данные по населению страны в целом заимствованы из сб.: Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том). – М., 1962.

Таблица 7.4

Сравнительная характеристика составов ЦК, партии и населения страны в 1976 г.

	Доля женщин (%)	Национальность		Возрастной состав (в % от общего числа людей старше 20 лет)					Место рождения (проживания)		Доля людей с высшим образованием (%)
		русские (%)	украинцы (%)	до 29	30–39	40–49	50–59	старше 60	город (%)	деревня (%)	
Центральный Комитет (426 чел.)	3,3	66,4	16,1	0,0	0,5	15,0	38,0	46,5	41,9	58,1	91,2
Делегаты съезда (4998 чел.)	25,1	–	–	12.5*		58,0**	19,7	9,8	–		***
Партия в целом (15 694 187 чел.)	24,7	60,6	16,0	16,6	25,9	26,4	62,3	37,7	–		26,8
Население страны на 17 января 1979 г. по данным переписи (262 436 227 чел.)	53,5	52,4	16,2	26,2	17,6	20,7	16,0	19,6	62,3	37,7	9,1

Примечания. * – до 35 лет; ** – от 35 до 50 лет; *** – около 90 % имели законченное или незаконченное высшее или среднее образование по сравнению с 85,6 % среди членов партии и 69,9 % взрослого населения старше 15 лет. В столбце «место рождения (проживания)» для членов ЦК указано место рождения, а для населения в целом – место проживания.

Источники. Для членов ЦК – авторские данные (распределение по национальности и месту рождения основано на сведениях о 411 и 370 членах ЦК соответственно, по которым известна эта информация). Сведения о делегатах съезда взяты из: XXV съезд... Т. 1. С. 295–298. Данные о членах Коммунистической партии в целом по состоянию на январь 1976 г. приведены в: Партийная жизнь. 1976. № 10. С. 13–17 (кроме возрастных данных). Последние приведены там же. 1977. № 21. С. 21. Данные по населению страны в целом заимствованы из сб.: Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1984.

Таблица 7.5

Сравнительная характеристика составов ЦК, партии и населения страны в 1990 г.

	Доля женщин (%)	Национальность		Возрастной состав (в % от общего числа людей старше 20 лет)					Место рождения (проживания)		Род занятий			Доля людей с высшим образованием (%)
		русские (%)	украинцы (%)	до 29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	город (%)	деревня (%)	рабочий класс (%)	колхозное крестьянство (%)	служащие (%)	
Центральный Комитет (412 чел.)	8,0	51,9	12,4	0,7	12,9	31,3	44,4	10,7	45,8	51,2	23,5	2,2	74,3	76,5
Делегаты съезда (4863 чел)	7,3	–	–	1,5	–	–	–	2,9	–		11,6	5,4	–	–*
Партия в целом (19 228 217 чел.)	30,2	58,2	16,2	14,0	26,0	19,1	20,0	20,9	–		27,6	7,6	40,5	37,3
Население страны на 12 января 1989 г. по данным переписи (289 730 817 чел.)	52,9	50,8	15,5	23,5	23,3	15,1	17,1	21,2	65,9	34,1	58,8	11,7	29,3	10,8

Примечание. * – «около 99 %» имели законченное или незаконченное высшее или среднее образование. Для сравнения, такой уровень образования имели 93,7 % членов партии, 81,2 % граждан старше 15 лет. Данные в столбце «место рождения (проживания)» для членов ЦК соответствуют месту рождения, а для остальных – месту жительства в момент сбора данных.

Источники. Сведения о членах ЦК – собственные данные авторов. Сведения о делегатах съезда 1990 г. заимствованы из: XXVIII Съезд... Т. 1. С. 182–185. Сведения о составе партии по состоянию на 1 января 1990 г. заимствованы из: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 113–115. Данные о численности и составе населения страны содержатся в сб.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. В 12 т. – Minneapolis: East View и М., 1991–1993.

Секретариате. Доля русских в Политбюро, составлявшая в среднем за все время 60 %, была вполне сопоставима с их долей среди членов ЦК. Украинцы также были шире представлены в Центральном Комитете, нежели в партийном руководстве. Если в ЦК украинцев было 12 %, то в Политбюро – всего 9 %, а в Секретариате – 8 %, но все эти цифры в любом случае ниже относительной их численности в партии и обществе в послевоенный период[22].

Была ли элита привилегированной?

Хотя коммунизм всегда намеревался покончить с социальным неравенством, причем не только в Советской России, но и во всем мире, на практике оказалось, что советская элита стремилась выделиться среди остальных граждан, которыми она управляла. Анархисты настойчиво предупреждали об опасностях коррупции и злоупотребления государственной властью, возникающих после того, как единственная правящая партия утвердит собственное доминирующее положение в обществе. Американская анархистка Эмма Голдман, поначалу поддерживавшая Октябрьскую революцию, но вынужденная покинуть Россию в декабре 1921 г., пришла к выводу, что «истинный коммунизм» никогда не будет построен в России, «...если только не считать коммунизмом 33 категории оплаты труда, разные виды продовольственных карточек, привилегии для немногих и их полное равнодушие к основной массе населения»[23]. Еще одного западного анархиста, Александра Беркмана, особенно поразили отдельные вагоны для большевистских вождей и иностранных гостей в поезде, на котором он путешествовал в начале 1920-х гг. В отличие от остальных вагонов, они были чистыми и хорошо оборудованными, но в них не пускали рядовых граждан, несмотря на наличие достаточного количества свободных мест[24]. Вполне объяснимой является враждебность

---

[22] Приведенные сравнительные оценки основаны на собственных данных авторов, а также на работе А. Д. Чернева. См.: Чернев А. Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и цифрах: Справочник. – М., 1996. С. 81–85. Предварительный анализ партийного руководства, основанный на данных из указанного источника, содержится в: Вишневский А. Высшая элита РКП(б)–ВКП(б)–КПСС (1917–1989): немного статистики // Мир России. 1997. № 4. С. 38–44. Любой анализ процентного распределения членов ЦК по разным группам за период 1917–1991 гг. полезен лишь в самом грубом приближении, поскольку все статистические данные неизбежно смещены в сторону более поздних составов ЦК, количество членов в которых намного превышало численность ЦК ранних лет.

[23] Goldman E. My Further Disillusionment in Russia. – N. Y., 1924.P. 153.

[24] Berkman A. The Bolshevick Myth: Diary 1920–1922. – London, 1925. P. 43.

людей к высоким партийным начальникам, которые «начали передвигаться в колясках, запряженных тремя или четырьмя лошадьми, ели, сколько влезет, и мягко спали, не думая о рядовых людях и беспокоясь лишь о больших привилегиях для себя». Вопрос о подобных товарищах поднимался на IX съезде партии в 1920 г., и была образована тайная комиссия для его детального рассмотрения[25]. Комиссия рекомендовала «значительно сократить» специальные продуктовые заказы для кремлевских руководителей и уменьшить площадь занимаемого ими жилья. По мнению комиссии, даже Троцкий и Каменев могли бы обходиться меньшими квартирами[26]. Отчет не был опубликован, а масштабы привилегий даже выросли после учреждения в 1922 г. специального фонда медицинского обслуживания руководящих товарищей и принятия в 1924 г. особых правил зачисления в институты и техникумы абитуриентов, рекомендованных партийными, комсомольскими и профсоюзными органами (а фактически – руководящими работниками этих органов)[27].

Сам Кремль находился на особом положении. Численность обслуживавшего персонала достигала 2000 человек, у него был собственный комплекс вспомогательных служб, включая парикмахерскую и баню, больницу и детский сад, три больших ресторана, а работавшие в них повара прошли обучение во Франции. Бюджет всех этих служб в 1920 г., когда подобные сведения еще были открытыми, превышал расходы на все социальное обеспечение Москвы. Между тем большевистские лидеры селились в особняках сановников царского времени. Например, Ленин жил в имении, принадлежавшем бывшему начальнику московской полиции, Троцкий обитал в особняке князей Юсуповых. Партийные вожди Петрограда предпочитали селиться в гостинице «Астория», переименованной ими в Первый дом Советов, где их обслуживали в номерах «товарищи официанты»[28]. В продуктовые заказы для семей членов Политбюро в те голодные годы входила черная икра и папиросы, которые отпускались строго по карточкам. Сам Ленин заказывал для себя сардины и конфеты, Сталин требовал перец. Кроме того, среди высших чиновников каждый

---

[25] См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 230. Л. 18. Секретный пункт резолюции об учреждении Кремлевской контрольной комиссии см.: там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

[26] Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 111. Л. 34–35. Часть соответствующих документов собрана в: Неизвестная Россия: XX век / под ред. В. А. Козлова и др. – М., 1992. С. 261–271.

[27] Аргументы и факты. 1996. № 20. С. 6.

[28] Мы почерпнули все эти подробности из жизни большевистских вождей в: Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. – London, 1996. P. 683–684.

месяц распределялось не менее 240 фунтов черной икры. Авель Енукидзе пользовался еще одной формой привилегий – часто заказывал продукты для кремлевских вечеринок с участием известных актеров и хорошеньких актрис[29].

Анте Жилига, югославский коммунист, придерживавшийся оппозиционных взглядов, вращался в кругу партийных руководителей Ленинграда в конце 1920-х гг. и имел возможность собственными глазами наблюдать формирование своего рода аристократии из числа «новых богачей»[30]. Как заметил Жилига, эти люди своим образом жизни резко отличались от окружавшего их общества, и внутри самой иерархии происходила заметная дифференциация в зависимости от служебного положения. Она проявлялась в том, где отдыхали семьи тех или иных руководителей и как они одевались. Более того, между их мужьями, женами и детьми устанавливалась своя собственная иерархия. Если мужья еще заботились о сохранении пролетарского внешнего вида, то жены ответственных работников стремились жить лучше соседей, а дети воспринимали свое привилегированное положение как должное и не видели причин его скрывать. Пример подавал сам первый секретарь Ленинградского обкома Киров, который, выезжая на юг с парой своих собак, приказывал освобождать для их размещения от пассажиров соседний вагон, чтобы животные могли путешествовать со всеми удобствами. История попала на страницы «Правды», корреспондент которой был уволен за этот материал, хотя в его заметке Киров напрямую не упоминался.

Система обеспечения партийного руководства, отработанная к началу 1930-х гг., представляла собой сеть специальных магазинов или, как их тогда называли, закрытых распределителей. Высшие слои элиты, включая членов Политбюро, обслуживал закрытый магазин № 1, работавший под личным присмотром Анастаса Микояна. В мае 1932 г., когда многие простые люди, не имевшие права на привилегированное снабжение, страдали от недоедания, Микоян назвал позором отсутствие папирос в двух специальных московских магазинах и приказал своим подчиненным немедленно обеспечить их всеми необходимыми курительными принадлежностями[31]. На случай проведения важных мероприятий существовали особые формы. Например, на питание 500 участников пленума ЦК, состоявшегося в сентябре 1932 г., было израсходовано за две недели 10 тонн мяса, четыре тонны рыбы, 600 кг сыра и 300 кг икры. Кроме того, всех участников пленума обеспечивали до-

---

[29] Филиппова Н. Из жизни «шишек» // Русский архив. 1991. № 3. С. 230–234 (на с. 231, 233).

[30] Giliga A. The Russian Enigma. – London, 1979. P. 117–121.

[31] Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. – London, 1996. P. 453–454.

полнительным снабжением на все время их поездки на пленум и возвращения домой[32]. Так называемый партийный максимум, введенный Лениным, мог бы ограничить заработки руководящих товарищей, если бы они не получали щедрые пособия, но в 1932 г. секретным решением Политбюро партмаксимум был отменен[33].

Административные основы подобной системы начали закладываться в начале 1920-х гг., хотя некоторые полагают, что она ведет начало «с первого дня прихода большевиков к власти»[34]. После XII съезда, проходившего в 1923 г., стало особенно очевидным, что партия намерена охватить этой системой не только собственных руководителей, но также «ведущих сотрудников советских органов, прежде всего, экономических». В результате появились два перечня должностей, подлежащих спецобслуживанию: «Номенклатура № 1», для включения в который требовалось утверждение Центрального Комитета, и «Номенклатура № 2» (им распоряжался партийный аппарат). Вскоре начал формироваться третий перечень, «Номенклатура № 3», куда входили выборные должности, а сама система распространилась на более низкие уровни партийной номенклатуры. Перечни пересматривались ежегодно, в них добавлялись новые должности или исключались внесенные ранее. В середине 1920-х гг. ежегодно в номенклатурные списки вносилось около 5 тыс. должностных лиц, причем более половины назначений осуществлялось партийными чиновниками в обход Центрального Комитета. Система была полностью отлажена к середине 1930-х гг., и в последующие 50 лет она время от времени модифицировалась в соответствии с меняющимися обстоятельствами[35]. К концу Советской власти в номенклатурных перечнях значилось почти полмиллиона должностей, что позволяло партийному аппарату распоряжаться судьбами не менее 3 млн граждан, включая членов их семей[36].

---

[32] Осокина Е. А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928–1935 гг. – М., 1993. С. 70.

[33] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 147.

[34] Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38 (на с. 26). См. также: The Soviet political elite. Ch. 4; Сироткин В. Г. Номенклатура: (заметки историка) // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 6. С. 12–26; Возленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. – London, 1990; Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура: эволюция отбора. – М., 1993; Левин М. Номенклатура – Arcanum imperii // Свободная мысль. 1997. № 4. С. 75–80.

[35] Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура. С. 26, 28–29.

[36] См.: Российские вести. 1995. 21 окт. С. 5 (ст. Леона Оникова). Одна из версий перечня центральной партийной номенклатуры по состоянию на август 1991 г. сохранилась в партийных архивах. См.: ЦХСД. Ф. 89. Оп. 20.

Предпринималось немало попыток дать определение формации того типа, которая была построена на основе сочетания общественной собственности с административным и зачастую неравным распределением доходов и других жизненных благ. Председатель Центральной Контрольной Комиссии партии Аарон Сольц еще в 1921 г. полагал, что он сумел выявить коррупционные последствия прихода к власти для ведущих коммунистов. В своей статье в «Правде» он сетовал на то, что возникла «коммунистическая иерархическая каста чиновников с их собственными групповыми интересами. Образовалась "коммунистическая знать" с привилегированным питанием и жилищами, которая командует целыми железными дорогами с тем, чтобы ее ведущие представители могли без задержек разъезжать по стране»[37]. Дипломат Христиан Раковский в поздравительном письме к одному из товарищей по оппозиции в 1928 г. дал более развернутый анализ сложившейся системы. Он доказывал, что «Советская система переродилась в бюрократическое государство с коммунистически-пролетарскими пережитками». «Когда класс берет власть в свои руки, отдельные его представители становятся деятелями нового правительства. Начинает происходить его дифференциация, вначале функциональная, а затем и социальная. Очевидны различия между рабочим-шахтером и партийным чиновником с его персональным автомобилем, более комфортабельным жильем, регулярным отдыхом и хорошей зарплатой. Возникшая таким путем новая бюрократия, состоящая из партийных и государственных чиновников, становится феноменом нового порядка, новой социальной категорией, изучению которой можно посвятить целые научные трактаты. Любые попытки реформирования опирающейся на них партии являются утопией»[38]. Жилига и другие оппозиционеры полагали, что экономические основы революции смогут сохраниться, но они были также убеждены в превращении бюрократии в класс, «враждебный пролетариату»[39].

Троцкий, находясь в ссылке, пошел в своем анализе еще дальше, доказывая в своей работе «Преданная революция», что элита или, как он предпочитал ее называть, бюрократия сочтет свое привилегированное положение недостаточным, если оно зависит от занимаемых должностей, а это явление временное и неопределенное. Более того, с точки зрения элиты, она должна защищать свое положение от пре-

---

Д. 77. В тот момент перечень, утверждавшийся централизованно, содержал 7735 позиций.

[37] Правда. 1921. 12 февр. С. 1.

[38] Бюллетень оппозиции. 1929. № 6 (октябрь). С. 14–20. «На наших глазах, – писал Раковский, – уже сформировался огромный правящий класс, который продолжает развиваться». См.: Раковский и др. Там же. 1930. №17–18 (ноябрь-декабрь). С. 16.

[39] Giliga A. The Russian Enigma. P. 164–165.

вратностей политического процесса и сделать его передаваемым по наследству следующим поколениям подобно тому, как правящие группы в иных обществах поступают со своими собственными богатствами. «Привилегии, – подчеркивал Троцкий в 1936 г, – имеют только половину своей цены, если нельзя оставить их в наследство», и по этой причине бюрократия будет «неизбежно искать способы укрепления своего положения в отношении прав собственности». Право передавать по наследству материальные блага и победа элиты в этой решающей сфере будет означать ее «превращение в новый имущий класс»[40]. Милован Джилас написал двадцатью годами позже, что этот «новый класс» уже появился на свет, основываясь на той форме «коллективной собственности», которая допускала его «монополию на распределение материальных благ»[41].

На самом деле в СССР действовал ряд неписаных правил, препятствовавших быстрому формированию той коррумпированной и самовоспроизводящейся касты, существование которой, как им казалось, выявили оппозиционеры[42]. Одно из самых существенных заключалось в том, что дети высокопоставленных руководителей обычно не имели возможности занимать равнозначные должности. «Элитные дети» имели целый ряд альтернативных возможностей для профессиональной карьеры, зачастую связанной с работой за рубежом. Гарантиями тому служили ограничение доступа рядовых граждан в высшие учебные заведения, готовившие, например, дипломатов или журналистов-международников. Эти ограничения, препятствовавшие самовоспроизводству элиты, в целом действовали достаточно эффективно, и на протяжении всего периода существования Советской власти среди членов ЦК насчитывалось очень мало людей, выросших в Москве или в номенклатурной семье. Вдова Ленина Надежда Крупская была членом ЦК с 1927 г. до самой своей смерти в 1939 г. Жена Молотова Полина Жемчужина являлась кандидатом в члены ЦК с 1939 по 1941 г. (позднее она была арестована в ходе кампании по борьбе с космополитизмом и освобождена из заключения только после смерти Сталина). В разное время в период между 1920-ми – 1950-ми гг. в ЦК входили братья Косиоры (Иосиф и Станислав) и Кагановичи (Лазарь и Михаил). Зять Сталина Юрий Жданов являлся членом ЦК с 1952 по 1956 г., а младший брат Динмухамеда Кунаева, избранный Президентом Казахской Академии наук в 1974 г., стал кандидатом в члены ЦК

---

[40] Троцкий Л. Преданная революция. – М., 1991. С. 110.

[41] Jillas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. – London, 1957. P. 45.

[42] Этот раздел написан на основе материалов, содержащихся в работе: Kryshtanovskaia O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. № 48: 5 (July). P. 711–734 (на с. 714–715).

двумя годами позднее[43]. Зять Хрущева Алексей Аджубей был членом ЦК с 1981 по 1964 г., а сын и зять Брежнева – с 1981 по 1986 г. Генерал Владимир Говоров, состоявший в ЦК с 1976 по 1990 г., являлся сыном маршала Леонида Говорова, который был кандидатом в члены ЦК в 1952–1955 гг. Но эти примеры были, пусть существенными, но отступлениями от хорошо отработанных правил, позволявших избегать как наследственности, так и возникновения привилегированных правящих групп. Как заметил Анатолий Собчак, номенклатуру можно было даже считать «демократической» в том смысле, что она была готова черпать кадры из всех слоев общества[44].

Любые тенденции к самовоспроизведению элиты, основывавшиеся на объединениях земляков или на семейных кружках, ограничивались еще одним неписаным правилом, согласно которому для всех членов элиты, включая членов ЦК, нормальным явлением был перевод из одного региона страны в другой или перебрасывание из одной сферы деятельности в другую. Такие «руководители широкого профиля», выдвинувшиеся в предвоенные годы и во время войны, после ее окончания переводились на должности руководителей регионов и возвращались обратно в центр, по мере того как система власти в целом претерпевала разнообразные преобразования. Типичная карьера номенклатурного работника самых спокойных послевоенных лет обычно начиналась с получения высшего образования в Москве, после чего он получал государственную, партийную или руководящую должность на производстве на региональном уровне. Затем его возвращали на пару лет в Москву для работы в центральном партийном аппарате, после чего возвращали обратно в провинцию, чаще всего на должность первого секретаря обкома с гарантированным местом в Центральном Комитете партии.

О судьбах некоторых членов ЦК, о которых шла речь в предыдущих главах, стоит рассказать несколько подробнее. Николай Крестинский был переведен из Наркомата финансов в Секретариат Центрального Комитета, а потом направлен на дипломатическую работу. Андрея Андреева несколько раз перемещали с поста на пост в министерствах, региональных комитетах партии и Секретариате ЦК, включая пребывание в руководстве профсоюзов. К 1940-м гг. сложилась тенденция к определенной, но достаточно широкой специализации членов элиты в

---

[43] Кунаев в своих мемуарах заявлял, что он возражал против назначения своего брата (Кунаев Д. О моем времени // Простор. 1991. № 11. С. 8–53 (на с. 46). На самом деле, он способствовал не только его назначению президентом республиканской академии, но и протолкнул его в Академию наук СССР, несмотря на то что «...вся казахская интеллигенция презирала этого алкоголика и тупицу» (Vaksberg A. The Soviet Mafia. – London, 1991. P. 139.

[44] Собчак А. Хождение во власть. – М., 1991. С. 51.

качестве секретарей региональных комитетов партии, министров или военных руководителей, но представителей первых двух специальностей во времена Хрущева все равно часто перемещали из одной сферы деятельности в другую. Как мы уже видели, эта практика стала разрушаться в годы правления Брежнева, когда секретари республиканских и областных комитетов партии, министры и военные чаще всего оставались в своих учреждениях, а рекрутирование новых членов элиты происходило по знакомству. Семейные кланы возникли на самом верху системы. Сын Брежнева Юрий в 1976 г. был назначен заместителем, а затем, в 1979 г., первым заместителем министра торговли, в 1981 г. его избрали членом ЦК партии. Его зять, Юрий Чурбанов, ставший сначала заместителем (1977), а затем первым заместителем министра внутренних дел, годом позже был введен в Центральный Комитет. Другие примеры семейственности внутри правящей группы связаны, прежде всего, с Арвидом Пельше, до самой своей смерти в 1983 г. являвшимся членом Политбюро и Председателем Комитета партийного контроля (он был женат на сестре главного идеолога партии Михаила Суслова), и с бывшим первым заместителем Председателя КГБ и членом ЦК Семеном Цвигуном, женатым на сестре жены Брежнева.

Патронирование начальством подчиненных, друзей и родственников всегда было характерной чертой Советской системы, и анализ подобных отношений было сокровенным и ныне утраченным искусством советологов. Когда крупные руководители перемещались с одного руководящего поста на другой, их часто сопровождал целый рой приближенных. Сам Брежнев работал прежде в Молдавии с Константином Черненко, а потом с Кунаевым в Казахстане[45]. Другой составляющей этой системы являлась общность ведомственных интересов. Например, последний советский министр образования Геннадий Ягодкин обратил внимание на «великую силу товарищества», позволившую заключить неформальный союз министрам культуры, здравоохранения и образования[46]. Ранее предпринимались попытки создавать препятствия для возникновения подобных союзов, в частности, имело место мнение, что руководителей высшего звена следует постоянно перемещать с места на место во избежание их сращивания с возглавляемыми ими учреждениями, но эти попытки прекратились во времена правления Брежнева. Восторжествовавшая при нем противоположная тенденция – к обеспечению стабильности кадров – позволяла министрам и другим руководителям оставаться на своих по-

[45] Как вспоминал Брежнев в своей книге «Целина» (см.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом – М., 1979. Т. 7. С. 118), его дружба с Кунаевым продолжалась боле четверти века.

[46] Цит. по: Ненашев М. Ф. Последнее правительство СССР. – М., 1993. С. 199.

стах после достижения пенсионного возраста. Некоторые пребывали на них до самой смерти, как, например, Константин Руднев, возглавлявший министерство станкоинструментальной промышленности 22 года подряд (до 1980 г.), Борис Бутома, бывший министром судостроительной промышленности с 1948 по 1976 г., и Евгений Алексеевский, руководивший министерством мелиорации 16 лет вплоть до 1979 г. Александр Ишков был министром рыбной промышленности с 1940 г. до своего увольнения в 1970 г. во время знаменитого «рыбного скандала». Ефим Славский, о котором уже рассказывалось выше, возглавлял министерство, отвечавшее за производство ядерного оружия, с 1957 г. по 1986 г., когда ему было далеко за 80 лет (он оставался членом ЦК до 1990 г.). Андрей Громыко 30 лет пробыл на посту министра иностранных дел до того, как стал главой государства в 1985 г. Более частые смены лиц происходили в партийном руководстве, по крайней мере на местном уровне, но в 1981 г., впервые за всю историю партии, Политбюро и Секретариат ЦК были переизбраны на новый срок в полном составе без единого изменения, а обновление состава Центрального Комитета существенно замедлилось. Фактически Брежнев дал членам ЦК своего рода гарантии того, что они будут оставаться на своих постах до тех пор, пока те, со своей стороны, не станут посягать на его пребывание на посту генерального секретаря[47].

На самом деле брежневские годы, как позднее вспоминал его советник по международной политике Георгий Арбатов, были «апофеозом бюрократии». Сам Арбатов являлся членом ЦК с 1976 по 1990 г., но обладал относительной независимостью как директор академического института. Подвергавшееся репрессиям при Сталине и беспрерывным реорганизациям при Хрущеве партийно-государственное чиновничество получило при Брежневе шанс сполна насладиться периодом стабильности. Руководящие должности стали практически пожизненными, а бюрократия – перманентной. Секретари обкомов и министры правительства имели возможность оставаться на своих постах по 15–20 лет. Если в их области дела шли не слишком хорошо, их отзывали на год-два в аппарат Центрального Комитета, после чего избирали (а фактически – назначали) на аналогичный пост в другом регионе. Некомпетентных министров перемещали по горизонтали в другие министерства или создавали под них новые. Совсем не поддававшихся исправлению отправляли послами за границу. С точки зрения Арбатова, верхние слои номенклатуры при Брежневе превратились в своего рода дворянство. Они пожизненно сохраняли должности и целый ряд привилегий в виде жилья, медицинского обслуживания, высокого уровня жизни и даже особых похорон, отделявших

[47] Шахназаров Г. Цена свободы. Реформации Горбачева глазами его помощника. – М., 1993. С. 229.

их от остальных граждан. Создавались целые сети семейных или клановых объединений, поскольку дети элиты проводили время вместе, заводили знакомства и даже женились в своем кругу[48]. К 1970-м гг. образовались целые династии партийных функционеров, которые стали приобретать законченные черты особой касты, или бюрократического эксплуататорского класса[49].

Преимущества от вхождения в состав элиты к тому времени имели обширный характер, что подтверждается многочисленными мемуарами, интервью и опросами. Один эмигрант-социолог утверждал, что в каждом городе и областном центре существовали красивые, скрытые в зеленых насаждениях особняки, именовавшиеся санаториями, гостевыми домиками или даже саунами. Хотя официальные решения принимались на заседаниях Политбюро или коллегий министерств, но их предварительное обсуждение происходило именно в таких апартаментах в непринужденной обстановке. Там была изысканная кухня, подавались марочные вина, имелись биллиардные столы, фортепиано, иностранные газеты и журналы, на стенах висели картины талантливых художников. Эти клубы для членов Центрального Комитета были доступны только немногим избранным, в них имелись отдельные комнаты для самих руководителей, постоянными посетителями являлись министры, адвокаты и директора предприятий наряду с «амбициозными балеринами, певцами, желавшими добиться успеха, и женщинами, единственными достоинствами которых были молодость и красота»[50]. Кроме того, элита пользовалась специальными магазинами, домами отдыха, медицинскими учреждениями, охотничьими домиками, где высокопоставленные охотники могли всегда рассчитывать на добычу. Впрочем, некоторые из них охотились неспортивно, используя ракеты с тепловым наведением или вертолетные пулеметы[51]. Сам Брежнев слыл страстным охотником, одним из тех, кому успешная охота

---

[48] Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельства современника. – М., 1991. С. 260.

[49] Собчак А. Хождение во власть. С. 52 (о династиях), 53 (о касте). Аналогичные термины использовал Арбатов (Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление... С. 260). Встречались утверждения, согласно которым правящая группировка образовала «новое социалистическое дворянство» (Коммунист. 1990. № 9. С. 27). Предположение о том, что бюрократический, косвенно эксплуатирующий население класс находится в процессе формирования, было выдвинуто социологом Татьяной Заславской (Известия. 1988. 24 дек. С. 3).

[50] Земцов И. Частная жизнь советской элиты. – Лондон, 1986. С. 165–169. Эта публикация основана на интервью, взятых в 1977, 1981 и 1985 г. у советских эмигрантов, выехавших в США и Израиль.

[51] Komarov B. The Destruction of Nature in the Soviet Union. – London, 1978. P. 66–69.

была гарантирована. В заказнике для членов Политбюро «Завидово» кабанов начинали прикармливать за неделю до его прибытия, и они с готовностью выходили к приготовленной платформе, но на всякий случай поблизости находился опытный егерь, стрелявший по кабанам одновременно с генеральным секретарем[52].

Еще одной привилегией считались зарубежные поездки или возможность пользоваться гостеприимством братских компартий. Такие поездки стали обычным делом начиная с 1950-х гг. одновременно с налаживанием контактов СССР с зарубежными странами. Ближе к концу его существования система подобных контактов была отлажена полностью, о чем можно судить по архивным документам. Так, например, в 1990 г. заместителю заведующего международным отделом ЦК Карену Брутенцу было разрешено выехать в Австрию на отдых и для консультаций с местными товарищами[53]. Целая группа партийных работников с женами и переводчиком выезжала в Италию по приглашению местной компартии[54]. В том же году еще одному партийному работнику позволили вместе с женой провести отпуск на Мальте по приглашению местной лейбористской партии[55]. В октябре 1990 г. секретарь ЦК и член Политбюро Александр Дзасохов ездил с супругой в Грецию, а еще одна группа руководящих работников выезжала на отдых в Китай[56]. В партийных архивах сохранилось немало дел, связанных с обращениями членов элиты, преимущественно касавшимися обеспечением их жильем. Например, были выделены квартиры для уходящего на пенсию первого секретаря Ульяновского обкома партии Юрия Самсонова или для члена ЦК Валентина Купцова и его дочери[57]. Параллельно осуществлялись мероприятия по продовольственному снабжению элиты. Например, в 1980-е гг. в Казахстане до 30 % продаваемого мяса распределялось по закрытым каналам, к которым имела доступ только номенклатура[58]. Дополнительная забота проявлялась о литературе для элиты. Существовал

---

[52] Афанасьев В. Четвертая власть и четыре генсека. – М., 1994. С. 42–43. Юрий Чурбанов настаивал на том, что его тесть был приверженцем «настоящей спортивной охоты», но сам он присутствовал только при одном таком случае (Чурбанов Ю. Я расскажу все как было... – М., 1991. С. 64. Юрий Королев, проработавший более 40 лет в аппарате Верховного Совета, полагает, что Брежнев на протяжении своей карьеры «убил более сотни лосей, кабанов и оленей» (Королев Ю. Кремлевский советник. – М., 1995. С. 115. Брежнев также любил охотиться за рубежом, в том числе в Восточной Германии (фотографический отчет о такой охоте приведен в: Источник. 1996. № 4. С. 109–114).

[53] ЦХСД. Ф. 86. Оп. 11. Д. 2 (12 июля 1990 г.).

[54] Там же. Д. 4 (21 августа 1990 г.).

[55] Там же. Д. 20 (11 сентября 1990 г.).

[56] Там же. Д. 16 (22 октября 1990 г.); Оп. 21. Д. 29 (4 октября 1990 г.).

[57] Там же. Оп. 12. Д. 22 (26 марта 1990 г.); Оп. 11. Д. 29 (19 апреля 199 г.).

[58] Казахстанская правда. 1987. 11 янв. С. 3.

специальный список запрещенной литературы, доступной только для членов Политбюро и Секретариата, и еще один, по которому снабжались книгами все члены Центрального Комитета[59].

Партийные чиновники настойчиво опровергали слухи в отношении «фантастических привилегий», которыми они пользовались[60]. Горбачев, выступая на встрече с итальянской прессой, назвал их «так называемыми привилегиями» и настаивал на том, что отсутствие неравенства в Советском обществе делает его «одним из самых политически устойчивых обществ в мире»[61]. «Единственная привилегия, которой мы все пользуемся, заявил на XIX партконференции первый секретарь рескома Коми АССР, – это право работать по 12–14 часов в сутки, не заботясь о своем здоровье или о том, как провести свободное время»[62]. «Средняя заработная плата партийного работника находится на 26 месте в перечне сопоставимых профессий, и это при 14-часовом рабочем дне, включая субботы, – писал еще один из партийных чиновник, затрагивая эту проблему. – У партийных работников есть, конечно, собственные столовые, но в них нет ничего роскошного, а цены такие же, как и в других предприятиях общественного питания. Закрыт специальный магазин на улице Грановского в центре Москвы, в прошлом обслуживавший высокопоставленных чиновников. Многие из них из-за напряженной работы страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями»[63]. «Партийные работники, – пояснял инструктор райкома из Московской области в "Правде", – зарабатывают не больше инженеров, а у них тоже есть семьи. Если у нас действительно такие большие доходы, то почему не многие стремятся выбирать подобную карьеру?»[64]

Эмоции, испытываемые партийными массами и народом в отношении привилегий, достигли такого уровня, что вновь собранный съезд на-

---

[59] Королев Ю. Кремлевский советник. С. 142 (переводы готовились издательством «Прогресс». Горбачев был одним из первых, кто извлек для себя громадную пользу из возможности заказывать книги по спискам, регулярно рассылаемым всем членам ЦК. См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2 т. – М., 1995. Т. 1. С. 171).

[60] Об этом с иронией говорил Вадим Бакатин, выступая на XIX партийной конференции (XIX Внеочередная конференция коммунистической партии Советского Союза 26 июня – 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1988. Т. 1. С. 99).

[61] Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. – М., 1988. Т. 5. С. 60.

[62] XIX Внеочередная конференция... Т. 1. С. 230 (выступление В. И. Мельникова). Примерно в тех же выражениях написана в «Правде» статья работника аппарата одного из райкомов Московской области. «Главная привилегия инструктора райкома, – по его утверждению, – работать по 12 часов в сутки, причем зачастую без выходных» (Правда. 1990. 6 июня. С. 4).

[63] Правда. 1988. 1 авг. С. 3.

[64] Правда. 1990. 6 июня. С. 4.

родных депутатов был вынужден создать специальную комиссию по расследованию, а позднее такую же комиссию в 1990 г. избрал XXVIII съезд партии. Во время XIX партийной конференции говорилось о том, что не следует скупиться на поощрение исключительной эффективности труда, но должна быть единственная форма вознаграждения – заработная плата[65]. Членов партии особенно возмущала закрытость номенклатуры и порождаемые ею «нездоровые представления о собственных исключительности и превосходстве»[66]. «Почему, – интересовались многие, – не открыть должности для беспартийных, с тем чтобы избежать ассоциаций между членством в партии, карьерным ростом и привилегиями?»[67] «Почему, – писал ветеран труда из Краснодара, – у людей с политическими связями должны быть более комфортабельные квартиры, особые больницы и даже собственные кладбища?»[68] «Почему, – вопрошал один из выступавших на XIX партконференции, – у нас существует "каста неприкасаемых", очевидно избавленных от всякой ответственности за свои проступки в брежневские годы?»[69] «И почему, – спрашивала член партии, мать троих детей, – партийные функционеры не могут пользоваться теми же магазинами, стоять в тех же очередях и лечиться, когда заболевают, в тех же медицинских учреждениях, что и я? Почему за сорок лет я в глаза не видела ни одного курорта, кроме черноморского? Почему всем эти должны наслаждаться только партийный чиновники и их семьи?»[70]

На Анатолия Бузгалина, впервые избранного в Центральный Комитет в 1990 г., особое впечатление произвел зал заседаний ЦК. Как он писал после первого заседания, на котором присутствовал, «...пол выложен мрамором и наборным паркетом. Люстры нельзя назвать иначе, как хрустальными водопадами. Стены – сплошной мрамор. Особенно впечатляет подиум с монументальной конструкцией из карельской березы, где в одиночестве парит над залом Горбачев. В нишах виднеются декоративные изображения рабочих и крестьян с выражением удивления и озабоченности на лицах». Бузгалину доводилось бывать в Зимнем дворце, в княжеских особняках в Архангельском и Кускове, но «...зал заседаний Центрального Комитета – не музей, и не палаты царского или помещичьего дворца. В этой стране так

---

[65] XIX Внеочередная конференция... Т. 1. С. 337 (выступление Г. И. Загайнова).

[66] Коммунист. 1988. № 5. С. 43.

[67] Московские новости. 1988. № 27. С. 10, а также см.: Коммунист. 1988. № 3. С. 41.

[68] Московские новости. 1988. № 17. С. 9.

[69] XIX Внеочередная конференция... Т. 1. С. 277 (выступление В. А. Стародубцева).

[70] Правда. 1990. 21 марта. С. 3.

много людей все еще ютятся в тесных квартирах или коммуналках, театры и другие культурные учреждения испытывают хронический недостаток площадей для публики. Вероятно, этот зал был возведен во времена Брежнева или даже еще раньше. Но почему бы не сделать его открытым для всех, превратив, скажем, в концертный зал?»[71]

Как следует из других источников, партийная элита пользовалась порой еще более широким спектром специальных услуг. Например, в Украинской партийной организации действовал тайный публичный дом, обслуживавший членов ЦК компартии республики[72]. А Виктор Гришин в свою бытность председателем ВЦСПС в 1960-х гг. устроил «специально оборудованный массажный кабинет с прямым проходом в него из собственного кабинета»[73]. Если верить архивным документам и устным свидетельствам очевидцев, то привилегии подобного рода встречались достаточно редко, но в разное время случались скандальные истории, в которых были замешаны партийные функционеры. Например, особенно возмутительный случай произошел в конце 1920-х гг. в Смоленске, где местный ресторан стал ареной пьяной оргии с активным участием восьми высших руководителей губернии, продолжавшейся два дня. По словам местного прокурора, на открытие банкета была нанята проститутка для обслуживания гостей. Заместитель председателя губернского Совета, большевик с 1905 г., «настаивал на своем праве первым насладиться ее прелестями, поскольку у него был самый большой партийный стаж». Список участников той вечеринки, ставшей известной как Смоленский скандал, возглавлял тогдашний первый секретарь губкома, не входивший в то время в состав Центрального Комитета, о котором ходили слухи, что у него имелось по жене в каждом городе губернии[74].

Похожий скандал разразился в 1970-х гг. в связи с незаконным расходованием нескольких сот тысяч рублей руководителями тракторного завода, строившегося в столице Чувашии Чебоксарах. Под предлогом строительства душевой для студенческого строительного отряда, приезжавшего летом трудиться на стройке, директор завода, главный инженер и помощник директора по кадрам выстроили для себя на берегу Волги тщательно отделанный домик для отдыха, штат которого был укомплектован хорошенькими и доступными девушками, а также

---

[71] Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС. Взгляд изнутри. – М., 1993. С. 77–79.

[72] Plyushch L. History's Carnival: A Dissident's Autobiograghy. – London, 1979.P. 64.

[73] Medvedev Zh. Andropov: His Life and Death – Oxford, 1984. P. 56.

[74] Fainsod M. Smolensk under Soviet Rule. – London, 1959. P. 48–49, 106–107. Дополнительные подробности этого скандала приведены в докладе прокурора, сохранившемся в Смоленском архиве (ВКП 250. С. 6–7).

охранниками и прислугой, причем все они получали заработную плату на заводе, где числились сотрудниками. По официальным документам значилось, что было построено не более нескольких душевых кабинок для студентов, но на самом деле это была роскошная сауна для личного пользования руководителей завода, отделанная мрамором и лучшими сортами ценного дерева, где они устраивали оргии за государственный счет. Здание охраняли хорошо оплачиваемые профессиональные боксеры и борцы, которых дополняли три громадных волкодава. Московского журналиста, пытавшегося расследовать это дело, сшиб и прижал к земле один из волкодавов, и он пролежал около часа на мерзлой земле, пока его не освободили и не отправили с обморожениями прямо в больницу. Пока он лечился, здание «случайно» сгорело, мраморная отделка куда-то исчезла, а остатки сооружения были сброшены в реку. Позднее выяснилось, что сауна использовалась не только для нужд местных руководителей, но также для приема и, по возможности, компрометации многих важных фигур из числа руководителей города и республики. Деньги на строительство и содержание сауны, что стало предметом отдельного скандала, поступали в счет проведения местной железнодорожной ветки, которая так никогда и не была построена, но все необходимые документы, оформившие приемку ее в эксплуатацию, были составлены и подписаны[75].

Правление Горбачева не знало подобных эксцессов. Напротив, были предприняты значительные усилия по восстановлению моральных качеств, обладать которыми должны были, согласно официальной доктрине, члены партии. Вместе с тем сам генеральный секретарь требовал, чтобы его кабинет в Кремле отделывался заново «почти каждый год», и он же организовал строительство нескольких новых резиденций, включая Форос, где его удерживали в заточении во время попытки переворота в августе 1991 г. По словам бывшего руководителя Госкомитета по печати Михаила Ненашева, даже царь не жил так роскошно, а Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин называл резиденцию в Форосе «...не дачей или даже не замком, а циклопическим сооружением невероятных размеров»[76]. Как вспоминал редактор «Правды», о

---

[75] Об этом скандале см.: Литературная газета. 1976. 12 мая. С. 11. Подробности сообщаются в: Ваксберг А. Советская мафия. С. 80–85.

[76] Ненашев М. И. Заложник времени. – М., 1993. С. 345. Высказывание Зорькина цит. по: Литературная газета. 1993. № 5. С. 10. По словам одного западного журналиста, «...главное здание резиденции представляет собой пример роскоши того рода, который мы видим во дворцах шейхов, приезжающих в Беверли Хиллз» (Remnick D. Lenin's Tomb. – Harmondsworth, 1994. P. 453. Затраты на строительство резиденции (около 20 млн долл.) были включены в бюджет Министерства обороны (Павлов В. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. – М., 1995. С. 31–32. О регулярных перестройках Горбачев-

такой резиденции «ни один император не мог даже мечтать», исключительная роскошь сочеталась в ней с «самыми современными технологиями, включая спутниковую связь». Поблизости от нее был построен специальный аэродром. Обитатели резиденции не испытывали никаких проблем, если желали спуститься к морю, берег которого был в 40–50 метрах. В их распоряжении были эскалатор (по некоторым воспоминаниям даже два) и лифт[77]. Немного позднее группе журналистов представилась возможность посетить резиденцию в Форосе. Они увидели там впечатляющее трехэтажное здание в окружении комплекса административных построек, гостевого дома, гаража, кухни, котельной, оранжереи, летнего кинотеатра, плавательного бассейна, грота, двух купален, водопада, фонтанов, вертолетной площадки, причала для катеров, солярия и эскалатора, не считая ботанического сада, в котором росли тысячи видов растений и фруктов[78]. Квартира Горбачева в Москве была не менее роскошной. Как вспоминал личный охранник Ельцина, «...спальни французских королей меркнут в сравнении с роскошью и богатством будуара Раисы Максимовны»[79].

Современники отчетливо понимали, что во времена Брежнева произошли очень существенные изменения в общественном положении и еще бóльшие – в моральных качествах членов правящей элиты. Их как обладателей огромной власти «...больше не устраивала, как при Сталине, власть как таковая, и они все шире стали стремиться "обменивать" ее на более материальные выгоды»[80]. Среди тех, кто в данных нам интервью свидетельствовал о подобных переменах, происходивших в конце 1960-х и в 1970-х гг., был Владимир Тевосян, сын члена Центрального Комитета, умершего в годы правления Хрущева. Он рассказывал,

---

ского кабинета в Кремле сообщает М. С. Докучаев в своей книге. См.: Докучаев М. С. Москва, Кремль. Охрана. – М., 1995. С. 225. Он также описывает строительство президентской резиденции вблизи Пицунды.

[77] Афанасьев В. С. Четвертая власть и четыре генсека. С. 105; Аргументы и факты. 1994. № 38. С. 16 (начальник Горбачевской охраны, генерал КГБ, также вспоминал о наличии в резиденции двух эскалаторов. См.: Медведев В. Человек за спиной. – М., 1994. С. 256). Горбачев давал интервью в Форосе журналу Hello (1991. 28 сент. Вып. 171).

[78] Известия. 1994. 8 апр. С. 7. Всего на Кавказе насчитывалось 13 подобных правительственных резиденций и еще 11 в Крыму (Аргументы и факты. 1994. № 38. С. 16).

[79] Коржаков А. Борис Ельцин: от расцвета до заката. – М., 1997. С. 135. Как писал Ельцин в своих мемуарах, опубликованных еще во время правления Горбачева, «...Горбачев любил жить роскошно и с комфортом. В этом отношении ему немало помогала его супруга» (Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. – Л., 1990. С. 111).

[80] Гудков Л. и др. Феномен бюрократии в историко-социологической перспективе // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 6. С. 88.

что «...при Сталине, невзирая на все недостатки существовавшей тогда системы, члены Центрального Комитета являлись людьми с убеждениями, преданными идее, талантливыми и умевшими работать. Но, как говорил его отцу Молотов, существовал очень тонкий слой людей, расположившихся в партийной иерархии на две-три ступени ниже ее верхушки, которые не верили ни во что. Большинство из них впоследствии привел в Центральный Комитет Хрущев. Люди же, окружавшие Брежнева, оказались еще бóльшими материалистами, чем сильно отличались, например, от отца Тевосяна, который, несмотря на свое высокое положение, не приобрел ничего для себя лично». Тевосяны дружили с Розалией Землячкой, членом ЦК партии с 1939 г., до ее смерти в 1947 г. Она принадлежала к тому же племени альтруистов, отдавших партии все, что имели, даже хорошую квартиру. Напротив, новые люди были в основном сосредоточены на извлечении личной выгоды.

То же самое касалось и семейных отношений. Например, маршал Василевский, возглавлявший Генеральный штаб после войны, жил в одном доме на одной лестничной площадке с семьей Тевосяна. Василевские, очень скромные в быту люди, «имели мало общих интересов с остальными членами номенклатуры и предпочитали дружить с обычными людьми. Сестра Тевосяна Роза училась в Архитектурном институте с сыном Василевского и вышла за него замуж, но родители молодых людей в этом не участвовали. Напротив, никто из обоих семейств не старался ограничить общение детей «неким своим кругом» или подобрать им «хорошую партию». Роза и Игорь Василевские не получали никакой карьерной поддержки от родителей. Сам Владимир Тевосян продолжал работать все в том же министерстве и жил в правительственном доме в центре Москвы, но в самой маленькой из имевшихся в этом здании квартир. До войны это был доходный дом, принадлежавший графам Шереметьевым, и в нем жили Хрущев, Маленков, Булганин, Берия, Косыгин и многие другие. Но самые большие квартиры в доме были поделены на несколько малых. Другое подобное здание для высокопоставленных членов Центрального Комитета находилось на улице Алексея Толстого, там проживали Михаил Соломенцев, Дмитрий Устинов, Александр Шелепин и другие крупные функционеры[81].

Для детей, родители которых жили в этих домах, поблизости имелись специальные учебные заведения вреде школы № 12 около знаменитого Дома на набережной на улице Серафимовича, где с начала 1930 г. жили семьи высшего руководства страны[82]. Контингент этих школ составляли дети высокопоставленных работников правитель-

---

[81] Интервью с В. И. Тевосяном. 1991 (май). SEP. Отец Тевосяна Иван был членом ЦК с 1939 г. до самой смерти в 1958 г.

[82] Курлар Ф. И. Москва. Путеводитель. – М., 1989. С. 100. Именно это здание фигурировало в известном романе Юрия Трифонова «Дом на набе-

ства или членов Союза писателей, также живших неподалеку. В Москве имелись и другие школы подобного рода, например, школы № 19 и 110 в центре или школа рядом с новым зданием Московского художественного театра, в которую ходили дети секретаря Московского горкома партии Виктора Гришина и внук Хрущева. У некоторых из детей руководящих работников, как, например, у сына Маленкова, ставшего антикоммунистом и верующим человеком, не было ничего общего с другими выходцами из семей номенклатуры. Иные же, подобно сыну бывшего заместителя министра, отвечавшего за танковую промышленность, женились на дочерях политических руководителей Вооруженных сил и наслаждались коллекционированием японских чайных сервизов, которых у них было множество. Их квартиры, как рассказывал Тевосян, «ломились от предметов старины». Еще одним примером «коррумпированного элемента» слыл живший рядом с Тевосяном бывший посол и член Центрального Комитета, которому на дом доставляли дорогие подарки от его заграничных и местных коллег. Во времена правления Брежнева такие подношения, по словам Тевосяна, стали настолько общепринятой практикой, что жены руководителей заранее, еще до отъезда мужей из Москвы, составляли списки того, что им следовало привезти из очередной командировки в провинцию[83].

Вместе с тем члены Центрального Комитета и правящей элиты оставались довольно разобщенной группой. Например, сын Микояна Степан учился в одной школе с сыном Жданова Юрием, но их семьи никогда не ходили друг к другу в гости. Микояны иногда играли в теннис с семьей Андрея Андреева, они заезжали на дачу к Кагановичам, но лишь на несколько минут, причем детям приказывали оставаться в машине[84]. Сам Брежнев вел довольно уединенный образ жизни и редко приглашал гостей к себе на дачу. Когда ему требовалось проконсультироваться, то это происходило обычно за обедом, где присутствовали Андропов, Громыко, Устинов и его верный «Санчо-Панса» Черненко, причем члены семьи на таких обедах не присутствовали. На них никогда не бывали ни Косыгин, ни значительно более молодой Михаил Горбачев[85]. Представители руководства совсем перестали ходить друг

режной». Об истории этого дома писала пресса. См.: Московские новости. 1995. № 4. С. 13; Аргументы и факты (Москва). 1997. № 6. С. 15.

[83] Интервью с В. И. Тевосяном... SEP.

[84] Аргументы и факты. 1995. № 33. С. 15.

[85] Чурбанов Ю. Я расскажу все как было... С. 75–78, 84. Кличку «Санчо-Панса» дал Черненко Н. И. Рыжков в своей книге «Десять лет великих потрясений» (М., 1995. С. 56). Виктор Гришин называл в числе ближайших друзей Брежнева членов Политбюро Щербицкого, Андропова, Громыко, Устинова и Кунаева (Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков; Косыгин А. Н. Мемуары. – М., 1996. С. 41). Начальник охраны

к другу в гости к концу правления Брежнева, когда вопрос о том, «кто с кем пьет» приобрел «политическое значение»[86]. Более того, выработалось твердое общее правило избегать подобных визитов, чтобы не порождать домыслов о тайных заговорах, хотя их дачи находились по соседству, а квартиры располагались в одном доме[87]. Например, Горбачев, став в 1979 г. членом Политбюро, пригласил Андропова с женой к себе на обед, желая укрепить дружеские отношения, сложившиеся между ними в Ставрополе, но Андропов твердо отклонил приглашение, подчеркнув, что «завтра же пойдут сплетни и вопросы, кто, где, зачем встречался, что они обсуждали...»[88]

Горбачев учился с Председателем Верховного Совета Анатолием Лукьяновым в МГУ и заседал вместе с ним в университетском комитете комсомола, но они никогда не дружили семьями[89]. Фактически, у Горбачева было мало друзей, по крайней мере в бытность генеральным секретарем, и, по словам начальника его охраны, он «избегал всяких компаний с кем-либо». Например, члены Политбюро и Секретариата имели обыкновение собираться на празднование Нового года, но эти встречи носили «...строгий, формальный характер, скорее напоминая заседания Политбюро, но только с женами и бокалами шампанского», и многие предпочитали от них уклониться[90]. Сам Горбачев не более двух раз побывал в гостях у премьер-министра Рыжкова[91]. По другим

генсека Владимир Медведев среди посетителей дачи Брежнева в «Завидово» называет Устинова, Громыко, Андропова, Черненко, Тихонова, Кулакова и Кириленко, но полагает, что это был круг не друзей, а скорее товарищей по работе (Медведев В. Человек за спиной. С. 129).

[86] Аргументы и факты. 1995. № 14. С. 7.

[87] Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 39.

[88] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 189. С того момента, вспоминал Горбачев, они встречались только со старыми друзьями, но не с коллегами по Политбюро и Секретариату ЦК. По другим источникам, сам Андропов был человеком малообщительным (Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. С. 62). По-видимому, следствием политики, разрушавшей социальные связи внутри руководства, стала тенденция к образованию группировок, объединенных общностью мест предыдущей работы или учебы (Hough J. Democratization and Revolution in the USSR, 1986–1991. – Washington, 1997. P. 87).

[89] Литературная газета. 1991. 11 окт. С. 2.

[90] Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. – М., 1995. С. 365. Анатолий Добрынин, многолетний посол в Вашингтоне, а затем – член Секретариата Центрального Комитета, обнаружил, что «...среди советских лидеров не было никаких дружеских отношений, точно так же, как отсутствовали тесные контакты между их семьями» (Dobrynin A. In Confidence: Moskow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents. – N. Y., 1995. P. 618). Этот пассаж не вошел в русское издание его книги, вышедшее в 1997 г.

[91] Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 40.

отзывам, у президента «не было друзей, и ему было не знакомо чувство товарищества»[92]. Горбачевы никого не допускали в свой семейный круг и не имели друзей среди руководителей партии и государства, не говоря уже о рядовых людях[93]. Жена Горбачева производила на людей особенно неприятное впечатление своими многочисленными нарядами и манерой говорить «...поучающее-покровительственно, медленно, со значением выговаривая каждое слово и делая длительные паузы между фразами», как будто разговаривает через переводчика[94].

Однажды бывшего премьер-министра Николая Рыжкова спросили, существовал ли некий «мужской клуб» внутри Советского руководства, и он ответил, что ничего подобного не было, отношения были чисто служебными, не было никаких коллективных походов в баню или выпивок, не было привычки ходить друг к другу в гости. Как предполагал Рыжков, такая практика сложилась давно, еще до прихода Горбачева к власти, чтобы избежать возникновения блоков или неформальных союзов внутри руководства[95]. Когда его избрали в 1985 г. в Секретариат ЦК, Рыжков спросил, планируется ли какое-либо общественное мероприятие по поводу Нового года, и ему было сказано, что об этом следует забыть[96]. Периодически супругу Рыжкова вместе с женами других членов Политбюро приглашала Раиса Горбачева, устраивая попутно специальные лекции об иконописи Андрея Рублева или о советско-китайских отношениях. Такие встречи проходили примерно раз в два месяца, причем на них присутствовали почти все жены руководителей страны, но далеко не все они чувствовали себя раскованно, поскольку г-жа Горбачева вела себя как школьная учительница и преподносила прописные истины как открытия. Пили чай, иногда сухое вино, но эти невинные посиделки были для многих хуже самой тяжелой работы из-за напряженной атмосферы, в которой они проходили[97].

На уровне Центрального Комитета существовали определенные противоречия между министрами и секретарями ЦК, а точнее между

---

[92] Королев Ю. Кремлевский советник. С. 291.

[93] Докучаев М. С. Москва, Кремль. Охрана. С. 226. См. также: Steele J. Eternal Russia: Yeltsin, Gorbachev and the Mirage of Democracy. – Cambridge, 1994. Автор отмечает неспособность Горбачева заводить близких друзей (С. 33).

[94] Медведев В. Человек за спиной. С. 218–219.

[95] Аргументы и факты. 1993. № 15. С. 3.

[96] Рыжков цитирует Владимира Долгих в: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 18–19. Иногда случались отклонения от этого правила, например проводились приемы на правительственной даче в Ново-Огареве (см.: Докучаев М. С. Москва, Кремль. Охрана. С. 224).

[97] Аргументы и факты. 1993. № 17. С. 2.

правительственными чиновниками, примыкавшими к Председателю Совета министров Косыгину, и партийными функционерами, поддерживавшими более тесные отношения с генеральным секретарем. Главный плановик страны в брежневские годы, Николай Байбаков, в своих взглядах имел много общего с Косыгиным, он даже проживал с ним в одном доме на Ленинских горах. Между тем Косыгин жил довольно уединенно и никогда не приглашал Байбакова к себе домой, очевидно, считая того приверженцем Брежнева, хотя на самом деле оба придерживались одинаковых взглядов в области государственной политики. Но и сам Байбаков никогда не появлялся в здании ЦК партии без советского премьера, и Брежнев считать его «косыгинцем». Отношения между этими двумя лидерами складывались непросто. Волевой и амбициозный Брежнев сознавал недостаток знаний в области экономики, и его часто беспокоил тот авторитет, которым пользовался в этой области Косыгин. Брежнев вел себя с ближайшими доверенными союзниками достаточно фамильярно и наслаждался их лестью, а те, в свою очередь, старались обрывать в присутствии Косыгина любые дискуссии по вопросам, в которых генеральный секретарь не был силен. «После подобных обсуждений Косыгина буквально трясло от возмущения», – вспоминал Байбаков[98].

Не лучшие отношения установились между Брежневым и Подгорным, бывшим официальным главой государства, стоило тому стать объектом усиленной лести, начавшей раздражать партийного лидера. «Нам не нужны два генеральных секретаря», – науськивали Брежнева его приближенные, и вскоре, в 1977 г., Подгорного сняли с должности[99]. Николай Рыжков на собственном опыте испытал не-

---

[98] Байбаков Н. К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993. С. 251–253. Натянутые отношения между Брежневым и Косыгиным отмечали многие, включая советника Брежнева по международной политике А. М. Александрова-Агентова (см.: Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. – М., 1994. С. 257–260), В. В. Гришина (см.: Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. С. 39–40, 76–77) и М. С. Докучаева (см.: Докучаев М. С. Москва, Кремль. Охрана. С. 182–185). Чурбанов оставался в меньшинстве, полагая, что у Брежнева были «достаточно хорошие отношения с Советским премьером» (см.: Чурбанов Ю. Я расскажу все как было... С. 78). Николай Егорычев разделял общее мнение, что Брежнев «очень ревниво относился к Косыгину», и считал, что тот завидовал популярности советского премьера не только среди членов партии, но и среди простых граждан (Неизвестная Россия: XX век. С. 301). Косыгин отказывался выпивать с Брежневым и раздражал его по иным поводам, вспоминал Михаил Смиртюков, бывший глава канцелярии Совета Министров СССР, но Брежнев не мог избавиться от Косыгина, чтобы не потерять последнего умелого администратора. Вместе с тем было несколько случаев, когда советский премьер находился всего в одном шаге от отставки (Аргументы и факты. 1997. № 24. С. 7).

[99] Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. С. 42–43.

что подобное. Когда его перевели из Секретариата ЦК на должность премьер-министра, он сразу стал «не нашим» для своих бывших коллег из аппарата ЦК[100].

Несмотря на все эти противоречия, внутри партии и среди беспартийных широко распространилось мнение о том, что многие руководители «уже давно живут при коммунизме»[101], и именно об этом докладывала в декабре 1990 г. Центральному Комитету специальная комиссия по привилегиям. Фактически, пояснял глава комиссии, директор одного из предприятий Юрий Песков, только малая часть членов партии, за исключением руководства, имела возможность пользоваться такими благами, как персональные автомобили, специальные оздоровительные и медицинские учреждения. В ходе перестройки произошло значительное урезание всех привилегий подобного рода. По решению ЦК в 1989 г. было прекращено строительство жилья повышенной комфортности для руководителей высокого ранга, сопоставимые изменения произошли в их обеспечении дачами и загородными домами. Последними владели только пять партийных организаций, включая Московскую и Ленинградскую, но их руководящим работникам запрещалось приобретать загородную недвижимость в частную собственность. Четвертое Главное управление Министерства здравоохранения, осуществлявшее медицинское обслуживание высшего руководства и других сановников, было ликвидировано. Многие из 23 партийных санаториев перешли к другим ведомствам, а оставшиеся стали доступными для более широких слоев населения, включая жертв Чернобыльской аварии.

Произошли также изменения в транспортном обслуживании начальства. Члены Политбюро пересели с представительских «чаек» и ЗИЛов, которыми они недавно пользовались, на «волги», а остальные чиновники лишились персональных автомобилей и имели право пользоваться только свободными дежурными машинами. Белорусская компартия раньше имела в штате своего аппарата портного и сапожника, но теперь эти специалисты были переведены на другие предприятия. За членами Центрального Комитета и другими руководителями сохранилось право заказывать литературу через партийный аппарат, но все подобные операции осуществлялись теперь только на коммерческой основе без всяких субсидий. То же самое касалось питания в столовых, имевшихся в партийных учреждениях, и продовольственных заказов, которые они получали через обычные каналы снабжения. Продуктовые заказы к юбилеям и по другим торжественным поводам стали такими же, как во всех других учреждениях, а выбор продуктов – намного беднее. Зарплата партийных функ-

[100] Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 114.

[101] Г. А. Першин ссылался на СМИ. См.: Правда. 1990. 9 июля. С. 4.

ционеров, напротив, была несколько повышена, чтобы привести ее в соответствие с размерами заработков в других местах. Партия, считал Песков, обязана предложить поправки к Конституции, запрещающие любые формы незаконных привилегий, и распространить политику открытости на общество в целом. Все, что осталось от бывших привилегий, по мысли Пескова, являлось нормальным образом жизни партийных работников, который они наряду со своими коллегами в других учреждениях полностью заслуживали[102].

Члены партийной элиты позднего советского периода очень хорошо сознавали всю ограниченность привилегий, на которые они могли претендовать. Поначалу размеры их заработной платы были зачастую ниже тех, что получали на сопоставимых должностях в других организациях, не было больше никаких конвертов с дополнительными выплатами, существовавших при Сталине. Но им было значительно проще получать квартиры, и некоторые шли на партийную работу именно по этой причине. Они составляли меньшинство среди клиентов Четвертого управления Минздрава, присматривавшего также за здоровьем правительственных чиновников, академиков и актеров. Хотя буфеты в партийных учреждениях оставались выше среднего уровня по снабжению продуктами, но цены в них стали такими же, как везде. Для некоторых представителей верхних уровней партийных руководителей главной привилегией оставалась относительная свобода действий[103]. Членство в Центральном Комитете само по себе не давало особых преимуществ. Привилегии были придатком к занимаемой должности, и подъем по служебной лестнице увеличивал их, включая получение права на приобретение собственного автомобиля и строительство дачи. Когда Виталий Воротников был секретарем крайкома в Краснодаре, его семья из пяти человек, включая неработавшую жену, «конечно, не голодала, но тратила деньги довольно осторожно». Единственная доступная для него привилегия заключалась в возможности приобретения со скидкой путевок на отдых[104]. Членство в Центральном Комитете «не давало практически ничего», вспоминал Виктор Мишин. Возможности в смысле питания и медицинского обслуживания, которыми он пользовался, были ему

---

[102] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 10–11 декабря 1990 г. – М., 1991. С. 86–95. К тому времени вышло секретное распоряжение от августа 1990 г., отменившее право республиканских и региональных партийных руководителей на автоматическое получение квартиры в Москве (Зеркович Н. А. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. – М., 1999. С. 19–20.

[103] Врублевский В., Щербицкий В. Правда и вымыслы. – Киев, 1993. С. 111.

[104] Интервью с В. И. Воротниковым. 1991 (май). SEP.

предоставлены как члену Секретариата ЦК ВЛКСМ, но если бы он был просто директором школы, избранным в ЦК, то не получил бы вообще ничего[105].

Общественное мнение в отношении привилегий, которыми пользовались партийные и иные руководящие работники, на самом деле оказалось довольно разнообразным. В первом опросе, результаты которого опубликовали в 1988 г., наблюдалась довольно значительная поддержка права пользоваться персональными автомобилями с водителями (42 % опрошенных) и специальными билетами на самолеты и поезда, но более двух третей опрошенных не видели никаких оснований для выделения руководителям «роскошных квартир в особых кварталах», а подавляющее большинство (84 %) считало неправильным существование особых закрытых буфетов и магазинов для элиты. Были также расхождения относительно того, каким группам руководителей могут на законных основаниях предоставляться особые права. Общее согласие, в частности, наблюдалось по поводу того, что привилегии руководителей национального масштаба можно считать заслуженными, а для профсоюзных и комсомольских лидеров, напротив, они таковыми не являются. Значительный разброс мнений существовал в отношении законности привилегий для партийных руководителей среднего звена[106]. Более масштабный общесоюзный опрос, проведенный в 1990 г., выявил менее терпимое отношение к привилегиям. При этом 68 % опрошенных придерживались того мнения, что «не должно быть никаких привилегий, кроме пособий нуждающимся», а 49 % считали, что самая большая несправедливость в существовании привилегий заключается в том, что «рядовые граждане живут все хуже и хуже, а власти имеют возможность защищать себя от подобных трудностей»[107].

Так или иначе, но подобное отношение людей к привилегиям власти повлекло за собой ряд поражений партийных функционеров вначале на общесоюзных выборах в 1989 г., а, на следующий год и на республиканском уровне, поставивших под вопрос будущее самой партии и материальное положение ее руководителей. По иронии судьбы эти поражения подтолкнули партийных функционеров к поиску лучших способов защиты своего материального положения. По крайней мере до самых последних лет существования СССР действовали многочисленные предохранительные механизмы, препятствовавшие формированию эксплуататорских, политически до-

---

[105] Интервью с В. М. Мишиным. 1991 (июнь). SEP.

[106] Московские новости. 1988. № 27. С. 10 (результаты телефонного опроса 548 жителей Москвы).

[107] ВЦИОМ. *Общественное мнение в цифрах.* 1990 (май). *Вып.* 13 (20), С. 11, 12 (опрос проводился в апреле 1990 г. на выборке в 1708 человек).

минирующих групп, и ведущие руководители, покидая свои посты, внезапно обнаруживали, что не владеют самым минимальным имуществом. «Это не ваши подушки, товарищ, они принадлежат партии», – было заявлено Дмитрию Полянскому, когда он съезжал из своей резиденции после ухода в отставку с поста первого заместителя Председателя Совета Министров в начале 1970-х гг.[108] У Виктора Гришина, много лет занимавшего пост первого секретаря Московского горкома партии, потребовали удостоверение личности, когда в 1992 г. он пришел переоформить свою пенсионную книжку. От неожиданности у него случился инфаркт, и он умер, не приходя в сознание[109]. Элите, уверенной в постоянстве собственного доминирования, нет нужды прибегать к иным способам придания постоянства своему положению, и она может даже позволить себе относительный аскетизм. Но элита, чьи позиции оказались в опасности, имеет все основания к тому, чтобы выступить за неприкосновенность частной собственности и, как мы увидим в следующей главе, использовать эту собственность для переноса своего доминирования в посткоммунистическое будущее.

[108] Klose K. Russia and the Russians: Inside the Closed Society. – N. Y., 1984. P. 171.

[109] Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. – М., 1997. С. 100.

8. ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛИТЫ

В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге сосредоточена мудрость нашей партии.

(И. В. Сталин. Из интервью Эмилю Людвигу, 1931 г.)

Мы, служившие Центральному Комитету КПСС, сильно отличались от постперестроечных номенклатурщиков (и не им нас судить!)... Система, которой мы служили, обирала народ на потребу идеологии и милитаризму. Но, в отличие от большинства современных аппаратчиков, лично мы – не воровали.

(А. С. Черняев, 1995 г.)

В предыдущих главах мы рассмотрели состояние советской элиты и ее политическое значение в разные, следовавшие один за другим исторические периоды, такие как Революция и гражданская война, эпохи раннего и позднего сталинизма, Вторая мировая война, эпоха обновления под руководством Хрущева, брежневский застой и еще одна попытка обновления системы ценой обострения ее внутренних противоречий и закончившаяся ее коллапсом, предпринятая Михаилом Горбачевым. Но чтобы получить адекватное представление о роли элиты во всех этих процессах, недостаточно изучать ее состава и взаимоотношения ее членов в тот или иной исторический период. Необходимо проследить характер и масштабы происходивших в ней изменений за все время существования Советской власти.

Как уже было отмечено в главе 7, советская элита постепенно старела. Если до войны она в среднем была моложе руководимого ею общества, то в послевоенные годы элита стала старше общества и партии в целом. В ней было непропорционально большое число мужчин, но в целом она была образованнее по сравнению с партийными массами и делегатами съездов партии. В обществе, ставшем к 1960-м гг. преимущественно урбанизированным, члены элиты чаще всего оказывались выходцами из деревни. На протяжении всех рассмотренных исторических периодов элита состояла преимущественно из русских, что не соответствовало национальному составу населения страны в целом.

На протяжении всей книги мы придавали особое значение смене поколений элиты, а не просто меняющемуся распределению ее членов по возрастным группам. Поэтому в данной, заключительной, главе мы намерены проследить, как выделенные нами четыре поколения элиты последовательно сменяли друг друга среди членов Центрального Комитета партии, причем этот процесс рассмотрен нами почти до самого конца Советской власти.

Первое поколение элиты, родившееся в последние десятилетия XIX в., состояло из профессиональных революционеров, вступивших в большевистскую партию в то время, когда она находилась в оппозиции или действовала в подполье. Эти люди выдвинулись на руководящие посты после октября 1917 г., и многим из них, как отмечал нарком (министр) иностранных дел Чичерин, было сложно привыкнуть к тому, что они выступают от имени состоявшегося правительства, а не революционной партии, удаленной от власти[1]. Второе поколение, родившееся в первые десятилетия нового столетия, достигло зрелого возраста уже при Советской власти. Этому новому режиму они обязаны своим, зачастую очень быстрым карьерным ростом, для них это была система, которая победила в войне и привела страну к стабильности и повышению уровня жизни людей в 1960–1970-е гг. Третье поколение, появившееся на свет после 1920 г., в своем большинстве было слишком молодо, чтобы непосредственно участвовать в войне, но оно политизировалось под влиянием десталинизации, начавшейся с XX съезда партии в 1956 г., и стало главной движущей силой перестройки 1980-х гг. (сам Горбачев принадлежал к этому поколению).

Итак, наша первая задача состоит в том, чтобы рассмотреть, как происходила смена поколений в политической элите, начиная с первого поколения подпольщиков и заканчивая четвертым поколением, родившимся после 1940 г., представители которого только начинали отвоевывать себе позиции в элите, когда режим в целом приблизился к своему краху. Мы также заглянем вперед, чтобы проанализировать процесс перехода от партийной монополии на власть к посткомму-

[1] Коммунистический интернационал. 1919. № 6 (ноябрь). Кол. 815.

нистическим 1990-м гг. Центральный Комитет прекратил свое существование летом 1991 г., но его члены, составлявшие советскую элиту на протяжении 70 лет, вовсе не были намерены сдавать свои позиции в ходе сложного процесса преобразований, который они сами инициировали. В отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы, коммунистическая власть в России не потерпела поражения на выборах и не была свергнута в результате народного восстания. Напротив, руководители времен перестройки придали ей некоторые признаки законности посредством проведения ряда социально-экономических преобразований. Кроме того, новое, посткоммунистическое руководство России возглавил бывший член Политбюро, а не политический заключенный вроде Вацлава Гавела в Чехословакии, Йозефа Антала в Венгрии или Леха Валенсы и других лидеров «Солидарности» в Польше. Сколько членов прежней элиты в этих особых обстоятельствах сумели сохранить влиятельные позиции в посткоммунистической России? И как были связаны происходившие изменения в элите с введением частной собственности в рамках полностью государственной в прошлом экономики?

Элита в истории

В своей знаменитой повести «Скотный двор» Джордж Оруэлл высказал немало гипотез о природе русской революции и ее последствий. Его книга повествует о формировании элиты, о том, как элита, состоящая из «умных свиней», возглавивших революцию на скотном дворе, свергла власть хозяина, м-ра Джонса, и его работников, но преобразилась *со временем в некое подобие того самого Джонса, которого* сама когда-то прогнала[2]. Безусловно, Оруэлл смотрел на СССР из 1945 г., когда советский эксперимент не достиг еще и середины, но привилегии, завоеванные в нем элитой, особенно во времена Брежнева, полностью соответствуют его предвидению. Как уже отмечалось

[2] Orwell G. Animal Farm: A Fairy Story. – London, 1995. В этом юбилейном иллюстрированном издании повести Оруэлла, посвященном пятидесятилетию ее выхода в свет, воспроизведено предисловие автора, написанного в 1947 г. к переводу, выпущенному эмигрантским украинским издательством, в котором, в частности, Оруэлл писал: «С 1930 г. я не видел серьезных подтверждений тому, что СССР развивается в сторону того истинного социализма. Напротив, я был поражен явными признаками его трансформации в иерархически устроенное общество, где правители не видят оснований делиться своей властью с каким-либо другим классом. Более того, рабочие и интеллигенты в странах, подобных Англии, не в состоянии понять, что современный СССР полностью отличается от того, чем он был в 1917 г... Для них, привыкших к относительной свободе и умеренности общественной жизни, тоталитаризм совершенно непонятен» (С. 178).

в главе 7, с самого начала слабостью режима была жажда власти и материальных благ, которой отличалась некоторая часть бывших революционеров. В последующие годы эта слабость стала проявляться еще отчетливее. Но подобное объяснение причин перерождения советской элиты представляется недостаточным.

Более общее объяснение этого процесса развития советской элиты заключается в ее эволюции и смене поколений. Подобное объяснение опирается не столько на индивидуальную психологию людей, сколько на изменения самого общества и его потребностей. Состав элиты и ее поведение менялись с переменой ситуации в стране. Поэтому в разное время требовалась разная элита. Одна из возможных причин подобных изменений заставляет обратиться к Дарвину. На ранней стадии, после захвата власти в октябре 1917 г., и особенно в годы гражданской войны процесс естественного отбора был нацелен на выявление тех членов элиты, чьи способности и личные качества больше приспособлены к административной деятельности, нежели к подпольной работе[3]. С этой точкой зрения во многом совпадают выводы Троцкого, особенно высказанные им в книге «Преданная революция», хотя описываемый в ней процесс скорее следует называть деградацией, нежели эволюцией элиты. Результатом того, что коммунизм не сумел вырваться за границы Советского Союза, стало оттеснение от власти старой гвардии революционеров бюрократией крестьянского происхождения, ведущим представителем которой был Сталин[4].

Политологи и социологи, обдумывавшие коммунистический эксперимент в 1950-х гг. десятилетие спустя после Оруэлла и двумя десятилетиями позднее Троцкого, значительно большее значение придавали экономическим преобразованиям. Представителям социологических школ модернизации и развития было ясно, что для организации массового движения и строительства предприятий требуются люди разного типа. «Для того чтобы процесс модернизации приводил к успешным результатам, – полагали они, – интеллектуалы, столь блистательно рассуждавшие о ее необходимости и создавшие партию, приводящую этот процесс в движение, обязательно должны быть погребены могильщиками из числа управленцев, которых они сами и породили»[5]. Подобная интерпретация существенно отличается от той, что мы наблюдали до нее, поскольку она охваты-

---

[3] Этого подхода придерживаются историки Р. Даниелс, М. Левин, В. Мосс, М. Хаген (см. выше, с. 33–34, 45).

[4] См. выше, с. 30–31, 84–85, 353–354.

[5] Donaldson R. H., Waller D. J. Stasis and Change in Revolutionary Elites: A Comparative Analysis of the 1956 Party Central Committees in China and the USSR // Sage Professional Paper: Comparative Politics Series. № 01-011. – Beverly Hills, 1970. P. 623–624.

вает более продолжительный период времени и объясняет радикальность изменений. Изменения в элите, согласно этим представлениям, происходят не в связи с индивидуальной коррупцией или жаждой власти отдельных ее членов или с отдельными случаями выживания наиболее приспособленных к новым условиям среди старых большевиков, а в результате полной смены поколений внутри руководства. Как показано в исследовании Милована Джиласа, индустриализация в сочетании с административными потребностями Сталина стали главными факторами в рекрутировании «нового класса»[6].

Все приведенные выше теории вносят свой вклад в объяснение [процессов, происходивших в элитах], но содержат взаимно несовместимые элементы. Какое событие, например, больше повлияло на трансформацию советской элиты – гражданская война или первые пятилетки? Если во время гражданской войны на первый план выдвинулись реально мыслящие администраторы, то как они могли позволить, чтобы их сумели перехитрить, а потом и уничтожить во время Большого террора 1937–1938 гг.? В то же время, почему долго находившиеся у власти «могильщики» старого поколения, принадлежавшие к поколению Брежнева, оказались столь плохими администарторами, не сумевшими поддерживать жизнеспособность советской экономики в 1980-х гг.? Кроме того, оба приведенных объяснения процесса эволюции советской элиты, которые в широком смысле можно описать термином «функциональное развитие», не учитывают ряда других важных факторов, действовавших помимо того уровня политической элиты, который был представлен в Центральном Комитете. Один из них – сама идеология ленинизма, которая настаивала на необходимости наличия авангардной партии, состоящей из профессиональных революционеров, то есть людей, по определению оторванных от народных масс, не в последнюю очередь благодаря высокому уровню политического сознания. Еще одним фактором являлась политическая роль личностей, подобных Ленину, Сталину, Хрущеву, Брежневу или Горбачеву, стремившихся к достижению собственных целей и способных в большей или меньшей степени влиять на состав элиты, контролируя процесс отбора ее членов. Имела значение также изменчивая природа того общества, из которого черпалось пополнение элиты. Наконец, действовали чисто биологические факторы – болезни и смерть представителей элиты.

Возможно ли примирить эти разнообразные факторы, если рассмотреть карьеры примерно 2000 человек, составлявших элиту уровня Центрального Комитета партии за все годы существования Советской власти? В табл. 8.1 и 8.2 приведены данные о смене поколений элиты за

[6] Djillas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. – London, 1957. Esp. 49.

весь этот период и о меняющихся темпах ее обновления. Как следует из этих данных, в течение XX в. Россия испытала три радикальные смены элит. Революция 1917 г. решительно смела элиту царской России, на смену которой пришли революционеры-большевики. Как было показано в главе 1, эта новая элита включала в себя как представителей интеллигенции, так и простонародный элемент. Среди отдельных представителей новой элиты, о которых рассказывалось в первых главах книги, эти две группы составляли люди типа Крестинского и Андреева. Однако, вероятно, не менее важными были следующие исторические особенности новой элиты. Прежде всего, хотя новая элита по своему составу, в отличие от старой царской, преимущественно дворянской по своему происхождению, определенно была более репрезентативной по отношению к населению России, она оставалась очень закрытой. В течение первых двух десятилетий после революции в основном только представители очень тонкого слоя предреволюционной большевистской фракции социал-демократов (и интеллектуалы, и плебеи, лидеры и рядовые члены партии) могли претендовать на места в составе ее Центрального Комитета. Редкие исключения составляли представители других малых радикальных групп революционеров вроде Троцкого или Любченко. Кроме того, все эти люди были очень молоды. Они принадлежали к выделенному нами первому поколению элиты, рожденному позднее 1880 г. и ставшему взрослым до начала Первой мировой войны.

Таблица 8.1

Смена поколений в составах ЦК, 1917–1990 гг.

Год	Число членов ЦК, принадлежащих к				Число членов ЦК, дата рождения которых неизвестна	Общее число членов ЦК
	1-му поколению	2-му поколению	3-му поколению	4-му поколению		
1917	29	0	0	0	0	29
1934	137	2	0	0	0	139
1939	66	64	0	0	9	139
1952	62	166	1	0	7	236
1971	10	281	105	0	0	396
1976	4	267	155	0	0	426
1981	4	219	242	5	0	470
1986	1	81	379	16	0	477
1990	0	2	225	185	0	412

Примечание. К первому поколению относятся люди, родившиеся до 1901 г., ко второму – родившиеся с 1901 по 1920 г., к третьему – родившиеся между 1921 и 1940 г., к четвертому – родившиеся после 1940 г.

Проблема заключалась не в том, что членов новой революционной элиты пытались оттеснить в сторону (по крайней мере в первые два десятилетия этого не было). Напротив, они слишком долго задержались у власти, в то время как происходили серьезные изменения системы выше и ниже уровня Центрального Комитета. Плохое состояние здоровья вынудило Ленина оставить в 1922 г. свое доминирующее положение в партии, и после короткой борьбы в верхнем эшелоне власти его сменил Сталин. Между тем советское общество испытало на себе целый ряд различных экспериментов, начиная с жесткой политики в годы гражданской войны, которую сменили некоторые послабления во времена нэпа, а затем и более радикальная смена курса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Доля городского население за это время выросла с 18 % в 1925 г. до 33 % в 1939 г. и до 48 % в 1961 г. Характеристики рядовых членов партии и партийных функционеров нижнего звена также претерпели драматические изменения. Численность партии увеличилась, причем самое большое расширение ее рядов произошло в результате ленинского призыва 1924 г., инспирированного смертью вождя партии в самом начале того года, когда была предпринята решительная попытка увеличить количество рядовых членов партии посредством рекрутирования в нее людей, способных подтвердить свое пролетарское происхождение.

Таблица 8.2

Изменения состава ЦК, 1918–1990 гг.

Год	Съезд	Обновление состава ЦК (%)	Среднегодовые темпы обновления ЦК (% в год)
1918	VII	41	70
1920	IX	26	24
1924	XIII	10	10
1927	XV	14	7
1930	XVI	16	6
1934	XVII	33	9
1939	XVIII	83	16
1952	XIX	53	5
1956	XX	40	12
1961	XXII	50	9
1976	XXV	20	4
1986	XXVII	45	9
1990	XXVIII	88	20

Примечание. Обновление состава ЦК на определенном съезде партии рассчитывалось как процент членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на предыдущем съезде, но не избранных снова на данном съезде. В таблице приведены не все съезды партии, но обновление состава ЦК на каждом

съезде рассчитывалось в сравнении с составом ЦК, избранным предыдущим съездом, данные по которому могут в таблице отсутствовать. Например, обновление состава ЦК после XX съезда рассчитано по отношению к XIX, а не к XVIII съезду. Среднегодовые темпы обновления состава ЦК в промежутке между съездами рассчитывались как процент обновления, поделенный на число полных месяцев, прошедших с предыдущего съезда.

Политическая элита, сконцентрированная в Центральном Комитете, менялась не столь интенсивно. Только незначительное меньшинство оппозиционеров или особо упрямых товарищей вроде Крестинского было выведено из его состава в течение 1920-х и в начале 1930-х гг. В ранней сталинской элите, включавшей членов ЦК, избранных в период с 1923 по 1934 г., было немало долгожителей из числа представителей революционной элиты 1917–1922 гг. Андреева можно считать лишь одним из них. Даже вновь избранные после 1932 г. члены ЦК, такие как Варейкис или Любченко, имели дореволюционный стаж пребывания в партии и относились к первому поколению. Еще в 1930-е гг. так называемая старая гвардия состояла из людей, только недавно вступивших в свой средний возраст. Например, в 1937 г. Бухарину исполнилось 49 лет, Варейкису 43 и Любченко 40. Эта группа оказалась удивительно спаянной, и лидеру партии было сложно ею манипулировать. А для аутсайдеров, то есть людей более молодых или того же возраста, но не принадлежавших к категории старых большевиков, было трудно стать ее частью. Первые 20 лет после революции стали эрой господства элиты, состоявшей в основном из членов небольшой дореволюционной ленинской фракции в Российской социал-демократической рабочей партии. Эта правящая когорта не подлежала обновлению, требовавшемуся для обеспечения гарантий власти Сталина или для того, чтобы ввести в состав ЦК представителей элиты, воспитанной уже при Советской власти. Ее можно было заменить только путем одновременного уничтожения очень значительной ее части. Именно эту цель преследовал Большой террор. Без использования столь экстраординарного механизма обновления кадров первое революционное поколение элиты, состоявшее из людей, родившихся в 1880–1890-х гг., а также тридцатилетние представители национальных элит могли до пенсии оставаться у власти в стране. Горбачев, как мы уже видели, в конце 1980-х гг. решил аналогичную проблему более мирным путем, но он тогда имел дело с коллегами пенсионного возраста и действовал в совершенно иной политической обстановке.

Большой террор, таким образом, стал вторым революционным обновлением российской элиты. Но вместо того чтобы разрешить проблему [рационального сочетания в составе ЦК представителей разных поколений], Большой террор, как и революция 1917 г. года,

просто переформатировал ее. В результате к власти пришла новая когорта людей, близких по датам рождения. Члены этого, по нашей классификации, второго поколения элиты родились в первые два десятилетия нового века и выдвинулись на ответственные посты в конце 1930-х и в 1940-х гг., образовав позднюю сталинскую элиту. Брежнев, родившийся в 1906 г., был избран в ЦК только в 1952 г., но другие представители его поколения, такие как, например, Косыгин и Суслов, стали членами ЦК еще до войны. Среди тех фигур, которым мы уделили особое внимание в предыдущих главах книги, Патоличев вошел в состав ЦК в 1939 г. в возрасте 31 года, Байбаков достиг высоких постов и стал членом ЦК в 1952 г., когда ему тоже был 31 год. Поскольку к тому времени уже была отлажена система подготовки кадров, многие члены новой элиты сильно отличались от своих предшественников. Они имели определенное образование и обладали опытом управленческой работы, и, как показано в главе 7, состав новой элиты значительно репрезентативнее по отношению к обществу в целом и к рядовым членам партии по сравнению со старой. Поздняя сталинская элита была многочисленнее и, по крайней мере поначалу, более открытой для присоединения к ней новых членов по сравнению с революционной и ранней сталинской элитами.

Во втором поколении элиты, вышедшем на первый план после 1937 г., наблюдалась более четкая специализация с разделением на министров, партийных секретарей и генералитет, но в конечном итоге она стала столь же сплоченной, как и старые большевики. Постепенно во втором поколении развивалось групповое самосознание, а его представители стали увереннее в себе под влиянием успехов индустриализации и победы в войне. Этому поколению предстояло продержаться у власти намного дольше, чем первому, его представители вместе старели и не переживали массовых увольнений по меньшей мере в течение 50 лет. Хрущевская и Брежневская элиты происходили из одной и той же среды. В годы после Большого террора и вплоть до 1980-х гг. происходили изменения в высшем руководстве партии и в проводимой им политике, но элита в целом сохранялась в неприкосновенности. Во времена Хрущева наблюдались относительно высокие темпы обновления состава элиты (на 50 % в 1961 г.) с одновременным устойчивым ростом численности Центрального Комитета (с 236 человек в 1952 г. до 330 в 1961 г.), но первые секретари [республиканских и региональных] партийных комитетов подбирались из людей примерно той же возрастной группы. Хотя Хрущев и пытался заставить систему работать эффективнее, но человеческий материал, с которым он был вынужден иметь дело, представлял собой людей из второго поколения элиты, которые пока еще не достигли среднего возраста. «Дети XX съезда» тогда были еще слишком молоды. Те, кто вошел в элиту при Хрущеве, в том числе Журин (1908 года рождения, которому в 1956 г. исполнилось 48 лет),

а также Нуриев и Новиков (1915 и 1907 годов рождения, им в 1961 г. было 46 лет и 54 года, соответственно), были почти сверстниками последних сталинских выдвиженцев, и они имели аналогичное происхождение, жизненный опыт и взгляды. То же самое можно сказать и о ранних годах правления Брежнева. Если тогда и происходило некоторое обновление элиты, то новые посты чаще всего доставались людям из второго поколения, таким как Всеволжский (1917 года рождения, в 1966 г. ему было уже 49 лет) или Горчаков (тоже 1917 года рождения, ему в 1971 г. исполнилось 54 года), хотя они приобрели элитный статус несколько позднее представителей класса 38-го года – либо в конце 1930-х гг., либо даже после 1945 г. Как это уже было при Хрущеве, вливание свежей крови в элиту происходило не путем замены старых ее членов новыми, а посредством расширения перечня должностей, дававших право на членство в ЦК. Отставки были крайне редкими. Егорычева в 1971 г. вывели из состава ЦК из-за возникших у него разногласий с Брежневым, и его случай являлся тем исключением, которое подтверждало общее правило. Но даже ему был предоставлен утешительный пост посла, правда, не того ранга, который давал право оставаться членом ЦК. Еще некоторых, как например Журина, подвело действительно плохое состояние здоровья.

Второе поколение элиты являло собой лучшие и худшие стороны политики стабильности кадров, которую Брежнев сделал своим главным лозунгом. Именно при нем обновление состава Центрального Комитета упало до самого низкого уровня – до 20 % в 1976 г.[7] Безусловно, низкие темпы обновления состава ЦК на съездах партии были не причиной, но симптомом застоя. Люди по многу лет занимали высокие должности в партии или правительстве, которые автоматически обеспечивали им членство в ЦК. Среди тех, о ком рассказывалось выше, Нуриев и Новиков являлись заместителями Председателя Совета Министров СССР 12 и 15 лет соответственно, Первышин провел 17 лет на одной и той же должности министра, Байбаков возглавлял Госплан 20 лет, а Патоличев пробыл на одной министерской должности 27 лет. Журин был секретарем нескольких обкомов партии 15 лет, Добрик – 18, а Всеволжский занимал место первого секретаря одного и того же обкома целых 19 лет. В Вооруженных силах положение было почти таким же, например, генерал Горчаков 14 лет занимал одну и ту же должность в командовании Ракетных войск стратегического назначения.

---

[7] Строго говоря, обновление состава ЦК происходило еще более низкими темпами на некоторых съездах, проходивших в 1920-е гг. (например, обновление в 1924 г составило 11 %), но тогда съезды и конференции проходили почти ежегодно. При Брежневе периодичность проведения съездов составляла пять лет, а среднегодовые темпы обновления в 1976 г. – всего 4 % против 10 % в 1924 г.

Не приходится удивляться тому, что Брежнев мало задумывался об обновлении элиты, которое в середине 1960-х гг. не являлось, прежде всего, функционально необходимым. Опыт свержения Хрущева доказал, насколько ценным является культивирование элиты посредством расширения ее рядов и сохранения постоянства кадрового состава. Именно тогда впервые оказалось возможным, чтобы лидер партии и бóльшая часть членов Центрального Комитета принадлежали к одному и тому же второму поколению элиты[8].

При Брежневе на ответственные посты выдвинулись некоторые представители третьего поколения элиты. Например, Михаил Горбачев и Борис Ельцин (оба 1931 года рождения) стали первыми секретарями региональных партийных комитетов в 1970 и 1976 г. соответственно, а членами ЦК – в 1971 и 1981 г. Некоторые из тех, о ком шла речь в предыдущих главах, выдвинулись примерно в те же годы: Добрик (1927 года рождения) и Первышин (1932 года рождения) вошли в состав ЦК в 1966 и 1976 г. соответственно. Но высшие руководящие должности, причем не только в Политбюро, по-прежнему занимали представители предыдущих поколений. Этот кадровый застой внес критически важный вклад в экономическую и технологическую стагнацию СССР.

На долю Горбачева (и в какой-то мере его предшественника Андропова в 1982 г.) выпала необходимость борьбы с геронтократией и попытка совершить третью кадровую революцию в России. Уже в 1986 г. обновление состава ЦК оказалось достаточно высоким, на уровне 45 %, но не столь решительным, как в 1952 и 1961 г. или (в среднегодовом исчислении) – в 1934 г. Самое значительное (88 %) за всю историю партии обновление состава ее Центрального Комитета произошло на съезде в 1990 г. Оно совпало по времени с первым сокращением численности ЦК с 477 до 412 человек, правда, все они теперь были полномочными членами ЦК. Некоторые члены ЦК, включая Косыгина, Суслова и Брежнева, к тому времени уже скончались, а многие, в том числе Патоличев, Байбаков, Новиков, Всеволжский, Нуриев и Горчаков, примерно в то же время ушли на пенсию с постов, дававших право на членство. В результате Горчаков, Новиков, Патоличев, Нуриев и Всеволжский не были переизбраны в состав ЦК в 1986 г., а Бай-

[8] Действительно, Брежнев был единственным высшим советским руководителем, являвшимся выходцем из того же поколения, что и большинство членов Центрального Комитета. Если по нашей классификации, в которой для разбивки по поколениям принят шаг в 20 лет, к первому поколению относились люди, родившиеся между 1881 и 1900 гг., то и Ленин, и Сталин родились до этого времени, в 1870 и 1879 (1878) г. соответственно. Сталин, безусловно, был на целое поколение старше элиты, сформировавшейся после 1937 г., а Хрущев, родившийся в 1894 г., принадлежал к предыдущему по отношению ко второму поколению.

баков и Добрик, кроме того, подпали под массовый вывод из ЦК так называемых мертвых душ, состоявшийся в апреле 1989 г. Но все эти меры, предпринятые в 1980-е гг., оказались запоздалыми. Если Сталин мог призвать новое, совсем иное поколение элиты, то у Горбачева такой возможности не было. Действительно, представители четвертого поколения элиты почти не фигурируют в настоящей книге. Виктор Мишин (1943 года рождения) вошел в состав ЦК в 1986 г., иные же, например Геннадий Зюганов (1944 года рождения), бывший заместителем заведующего Идеологическим отделом ЦК, так и не успел пробиться в члены ЦК до краха коммунистической власти. Остается открытым вопрос, могло ли более быстрое выдвижение на первые роли представителей четвертого или хотя бы третьего поколения элиты придать системе бóльшую адаптивность и позволить ей выжить?

Процедура «выборов» состава Центрального Комитета уже рассматривалась в предыдущих главах книги. Практически во всех случаях, кроме съезда 1990 г., она основывалась на представлении руководством партии делегатам съезда заранее составленного, единственного списка кандидатов. Составление окончательного варианта этого списка порой, очевидно, включало консультации с региональными лидерами. Но на протяжении почти всего времени существования Советской власти бóльшая часть избирательного списка формировалась исходя из утвержденного руководством перечня должностей, которые должны быть представлены в ЦК. Фактически, выборы ЦК имели немало общего с номенклатурной системой. Со временем перечень этих должностей корректировался. В революционные и 1920-е гг. небольшая по численности элита ЦК состояла преимущественно из представителей ключевых центральных ведомств, а региональное представительство ограничивалось Москвой и Ленинградом. Это вполне соответствовало изоляции правящего режима во времена проведения новой экономической политики, когда его внимание было в основном сосредоточено на небольшом числе городов с их пролетарским населением, окруженных безбрежным морем крестьянских хозяйств, остававшихся вне поля его зрения. В те времена более значительным, чем в последующие годы, весом обладали руководители профсоюзов. Напротив, руководство Красной армии не входило тогда в элиту. Вооруженные силы, небольшие по численности и своему политическому значению, в значительной своей части находились под командованием бывших офицеров царской армии.

По иронии судьбы именно в 1930-е гг., примерно одновременно с развязыванием Большого террора, приведшего к тяжелым потерям личного состава элиты, когда ее члены были наименее защищены, окончательно утвердилась должностная система его формирования. Это стало следствием обретения зрелости советской административной системой (особенно этому способствовали создание отраслевых

министерств, а также введение административно-территориального деления союзных республик на области и районы). Командование Красной армией к середине 1930-х гг. также перешло в руки новых людей, составивших заметную часть Центрального Комитета. С точки зрения системы формирования состава ЦК не имело особого значения то, что первая группа людей, занимавших должности уровня ЦК, была безжалостно истреблена в ходе Большого террора. Система должностных вакансий в ЦК сохранилась и в основном оставалась в неприкосновенности еще почти 50 лет. При Хрущеве и Брежневе, а также вплоть до 1986 г. расширение состава ЦК происходило сбалансированно, с сохранением пропорций в представительстве различных секторов и уровней власти. Основное отличие заключалось в том, что право на гарантированное членство в ЦК стали приобретать руководители менее важных министерств и регионов, включая многие области неславянских республик. Появление в ЦК растущего числа представителей дипломатического корпуса отражало утверждение СССР в роли сверхдержавы. Включение в состав ЦК декоративных представителей партийных масс, начавшееся с 1956 г., служило средством, с помощью которого режим обозначал свои социальные приоритеты, но их число никогда не превышало 10 % от общей численности ЦК.

Состав Центрального Комитета, избранного в 1990 г., отражал первые, по крайней мере с начала 1920-х гг., структурные изменения в системе формирования выборных органов партии. Действительно, эти перемены были симптоматичными в плане происходивших в то время изменений в отношениях между партией и государством. Точно так же, как социально-экономическая революция конца 1920-х – начала 1930-х гг. потребовала создания соответствующей системы всеобъемлющего партийного контроля над государством и обществом, перестройка представляла собой восстановление государственного управления советской политикой, вместе с которым происходила деэлитизация Центрального Комитета КПСС. Составной частью горбачевского проекта перестройки управления государством стало ограничение полномочий партии более узкой сферой деятельности и освобождение значительных областей экономической и общественной жизни от ее политического руководства. Как только партия перестала быть доминирующей силой в политической системе, а сама политическая система перестала доминировать в значительно дифференцированном обществе, партийная элита внутри Центрального Комитета уже не могла использовать свое положение в качестве средства контроля над всей советской системой.

Центральный Комитет был одним из очень немногих институтов, не менявших своего наименования или официальных функций на протяжении всей коммунистической эры. Номинально он управлял всеми делами партии в промежутках между съездами, но реальность весьма

сильно отличалась от того, что было записано в Уставе партии. ЦК никогда не играл роли партийного парламента, хотя порой и стремился к ее исполнению. В течение всего времени существования Советской власти в нем доминировало высшее руководство, которое в ранние годы было принято обозначать термином «узкий состав ЦК», а начиная с 1919 и до 1991 г. его роль исполняли Политбюро и Секретариат ЦК. Коллективное руководство, о котором твердила партийная пропаганда, всегда было фикцией, а административные функции, которые от имени ЦК исполнял его аппарат, имели мало общего с деятельностью Центрального Комитета как коллектива представителей элиты.

В советские времена Центральный Комитет собирался довольно редко, хотя в периодичности его заседаний наблюдались существенные вариации (рис. 8.1). Относительно редко заседания Центрального Комитета происходили во время гражданской войны, но с 1917 по 1927 г. практически ежегодно проводились съезды партии или общепартийные конференции, представлявшие собой альтернативную схему диалога внутри политической элиты. Вместе с тем в середине 1920-х гг. Центральный Комитет заседал намного чаще, чем когда-либо еще в своей истории, и именно в эти годы наибольшее число постановлений ЦК принималось на его пленарных заседаниях, а не издавалось аппаратом от его имени (рис. 8.2). Заседания Центрального Комитета в 1930-х – 1940-х гг. по мере упрочения Сталиным своей власти собирались все реже. Единственное исключение составил 1937 г., когда состоялись три пленума ЦК, понадобившиеся Сталину для разгрома своих предполагаемых противников. Далее, в течение 1940-х и в начале 1950-х гг. заседания ЦК проводились крайне редко.

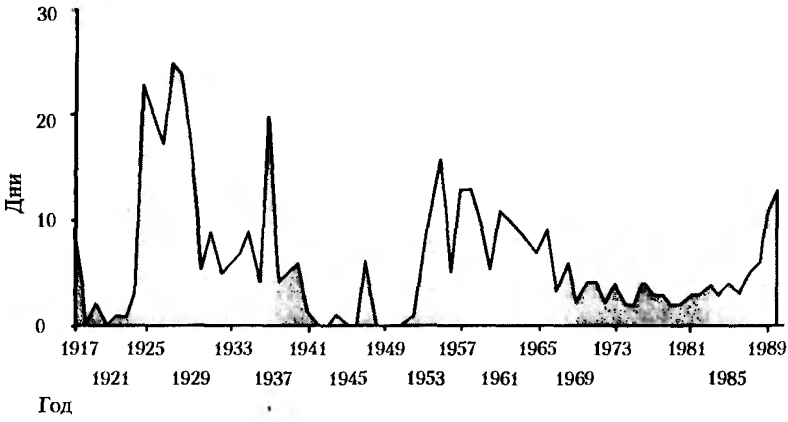


Рис. 8.1. Ежегодное количество дней пленарных заседаний ЦК за период с 1917 по 1990 г.

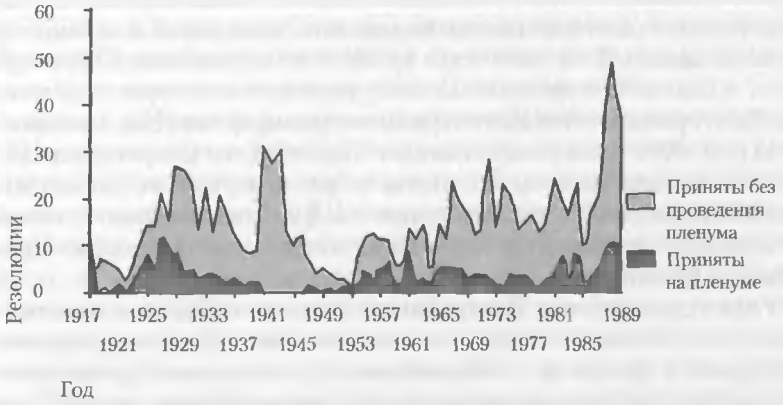


Рис. 8.2. Количество ежегодных постановлений ЦК, принимавшихся в период с 1917 по 1990 г.

Число постановлений, принятых от имени Центрального Комитета, было особенно велико в годы войны, поскольку тогда партии требовался его авторитет для подкрепления военных усилий. Но на протяжении всех сталинских лет эти решения готовил аппарат ЦК, и они принимались без проведения его пленарных заседаний. Еще более грубым нарушением Устава партии являлось отсутствие съездов партии за все время с 1939 по 1952 г.

Хрущев придерживался совсем иной точки зрения на роль партии и на методы ее работы. Поэтому, начиная с 1950-х гг., под его руководством резко возросло количество проводимых пленумов ЦК и принимаемых на его пленарных заседаниях решений, которое в некоторые годы даже превосходило число решений, принимаемых партийными функционерами от его имени. Но после 1964 г. Центральный Комитет опять стал собираться нечасто, порой даже реже двух раз в год, положенных по Уставу партии, а в 1974 и 1979 г. была принято единственное постановление. Это резко контрастировало с растущим числом постановлений, принимаемых аппаратом ЦК от его имени. Такое противоречие сохранилось и после 1985 г., когда Горбачев провозгласил курс на демократизацию партии и общества, но при этом частота проведения пленарных заседаний ЦК все еще не дотягивала до уровня, установленного Хрущевым, и тем более – 1920-х гг. Вместе с тем количество постановлений, принятых на этих пленумах, являлось одним из самых больших в истории партии, а число решений от имени ЦК было также выше, чем когда-либо, за исключением военных лет.

На протяжении всей советской эры, начиная с решения о захвате власти в октябре 1917 г. и до последнего пленума ЦК, состоявшегося в июле 1991 г., Центральный Комитет преимущественно ратифици-

ровал решения и назначения, которые были инициированы или предрешены узким кругом руководителей. Даже в тех случаях, когда в 1957 и 1964 г. пленум непосредственно повлиял на политику высшего руководства страны, он выступал в качестве инструмента в руках фракции, доминировавшей в Политбюро. Но это вовсе не означало, что пленумы ЦК не имели важного значения или что мнением Центрального Комитета можно было пренебречь (или им действительно пренебрегали). В конце концов члены ЦК представляли собой национальную элиту. Они отвечали за проведение в жизнь принимаемых решений через руководимые ими институты и обладали практически такой же неограниченной властью в своих регионах, государственных учреждениях и военных организациях, которой пользовалось в масштабах страны высшее руководство в Москве. Равным образом у них были собственные групповые интересы. Являясь чиновниками высокого ранга, они были заинтересованы в сохранении статус-кво, заключавшегося в автоматической взаимосвязи между занимаемыми ими должностями и членством в ЦК, желали оставаться, как определил их положение Левин, «бюрократами на бессрочном контракте»[9]. Как уже говорилось в предыдущей главе, у них также развилась заинтересованность в сохранении привилегий других видов, а после горького опыта 1937 г. они были вынуждены озаботиться вопросом собственной безопасности. Имелось всего три случая конфронтации высшего руководства с коллективом Центрального Комитета, и, хотя результаты этих столкновений были разными, во всех случаях обнаружилась впечатляющая спаянность элиты. В конце 1930-х гг. Сталин был вынужден ликвидировать бóльшую часть членов Центрального Комитета, чтобы установить свою власть над ним. Вначале антипартийная группа (в 1957 г.), а потом и Хрущев в начале 1960-х гг. потерпели сокрушительное поражение, когда попытались маргинализировать Центральный Комитет. В период с 1960-х – 1980-х гг. интересы элиты возобладали, и вся система в известной степени была нацелена на их удовлетворение. Это обеспечило членам элиты беспрецедентный уровень личной безопасности и стабильность служебного положения, ставшего практически бессрочным. Четверть века спустя Горбачев, будучи не в состоянии заставить элиту исполнять намеченную им программу изменений в стране с той скоростью, которая была ему желательна и действительно необходима, приступил к ее решительному роспуску. На деле это повлекло за собой крах системы в целом.

Интересы элиты, которые включали стремление к самосохранению, всегда сталкивались с двумя важными факторами Советской

[9] Lewin M. Russia / USSR / Russia: The Drive and Drift of a Superstate. – N. Y., 1995. P. 91.

истории. Первый из них заключался в быстро меняющейся природе советского общества и его потребностей, на которые руководство страны всегда реагировало с некоторым опозданием. Второй фактор, взаимосвязанный с первым, состоял в приоритетах высшего руководства, которое обладало исключительными властными полномочиями, опираясь на марксистское учение о диктатуре пролетариата и Ленинскую традицию демократического централизма. У Сталина была программа радикальной модернизации страны и гарантированного поддержания личной, ничем не ограниченной деспотической власти. В итоге реализация этой программы привела к физическому истреблению значительной части элиты в 1930-е гг. Как доказывали впоследствии историки, жестокость террора, потребовавшаяся Сталину для достижения своих целей, доказывала, насколько сплоченной и готовой защищаться стала к тому времени партийная элита. Полвека спустя Горбачев видел свою цель в создании динамичной и модернизированной системы, впитавшей в себя многие ценности западной демократии, которые ранее всегда отвергались. Поначалу он попытался достичь поставленных целей с помощью существовавшей тогда или слегка обновленной партийной элиты. В конце концов он решил добиваться их, действуя через государственные институты. Между тем еще опыт Хрущева доказал, насколько опасно для руководителя бросать вызов элите, и Брежнев хорошо усвоил этот урок.

Историю Советской России с 1917 по 1991 г. нельзя сводить только к истории ее элиты. На нее непрерывно влияли преобразования общества и экономики. Международное окружение (с 1950-х гг.) также оказывало растущее влияние на внутренние дела, начиная с проникновения молодежной культуры и заканчивая гонкой вооружений, которую в итоге советская система не смогла выдержать. Между тем в центре внимания историков и политологов всегда находилась верхушка советского руководства – Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Горбачев. Но все-таки история элиты на уровне членов Центрального Комитета содержит элементы изменений и преемственности, без изучения которых российский опыт коммунистического правления во многом оставался бы непонятным.

Элита бессмертна?

Любая революция, по Парето, помимо всего прочего, представляет собой смену элит[10]. Революции, произошедшие во многих странах Восточной Европы в конце 1980-х гг., весьма точно соответствовали этому утверждению. Во всем этом регионе они сопровождались сменой правительств и переходом к рыночно ориентированной экономической политике. Несколько лет спустя перемены еще не выглядели

[10] См.: Pareto V. Treatise on General Sociology. – N. Y., 1935.

окончательными. Бывшие коммунистические партии опять, хотя бы на время, вернулись к власти в Албании и Венгрии, в Польше, Литве и Болгарии. В Румынии произошла смена руководства, но изменения политического режима были не столь очевидными по крайней мере до тех пор, пока не потерпела неудачу попытка бывшего члена Секретариата компартии переизбраться на новый президентский срок в 1996 г. Между тем в соседней Молдове бывший член Политбюро победил на президентских выборах, прошедших в конце того же года, пополнив собой список из шести ветеранов этого правящего органа КПСС, оставшихся на руководящих постах в своих странах. Бывшие коммунисты продолжали занимать доминирующие позиции в Сербии и большинстве бывших Советских республик Средней Азии, они также выиграли президентские и парламентские выборы в Монголии. На Кубе, в Китае и в большинстве стран Юго-Восточной Азии коммунистическая власть все еще оставалась в неприкосновенности[11]. В самой России деятельность Коммунистической партии после попытки августовского путча 1991 г. была вначале приостановлена, а затем, в ноябре того же года КПСС запретили. Однако партия в начале 1993 г. ожила, после того как ее запрет был признан неконституционным, удачно выступила на выборах в декабре того года и оказалась самой успешной партией на выборах в Государственную Думу, состоявшихся в декабре 1995 г. Российские граждане, со своей стороны, оставались привержены идее сохранения СССР. Они полагали, что «было бы лучше, если бы все осталось так, как было в 1985 году»[12],

---

[11] О разных судьбах коммунистических партий в посткоммунистичекую эру см., напр.: Mayle A., Nagle J. Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe // Communist and Post-Communist Studies. 1995. № 28: 4 (Dec.). P. 393–410; Waller M. Adaptation of the Former Communist Parties of East-Central Europe: A Case of Social-Democratization? // Party Politics. 1995. № 1:4 (Oct.). P. 473–490; Rose R. Ex-Communists in the Post-Communist Societies // Political Quarterly. 1996. № 67:1 (Jan.–Mar.). P. 14–25; Ishiyama J. T. The Sickle or the Rose: Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics // Comparative Political Studies. 1997. № 30: 3 (June). P. 299–330.

[12] На мартовском 1991 г. референдуме по вопросу о сохранении СССР в качестве «обновленной федерации» «за сохранение» проголосовало 76,4 % при явке избирателей 80 % (*Известия*. 1991. 28 марта. С. 1, 3). Как показали несколько последовательных опросов общественного мнения, имело место общее согласие граждан относительно того, что распад СССР стал «великим несчастьем». В 1995 г. это мнение разделял 81 % опрошенных и лишь 16 % были с ним не согласны (см.: Dobson R. B. Is Russia Turning the Corner? Changing Russian Public Opinion, 199–1996. – Washington,1996. P. 32). Четыре года спустя доля людей, сожалевших о гибели СССР, возросла, достигнув 85 % (Новые Известия. 1999. 30 янв. С. 1).

и оценивали возникшую политическую систему ниже той, что существовала в Советские годы[13]. Так или иначе, но большинство считало, что коммунисты по-прежнему находятся у власти, если она в принципе осталась в государстве, где организованная преступность уже рассматривалась как доминирующая сила, влияющая на выработку и принятие политических решений[14].

Существуют различные точки зрения относительно того, насколько коммунисты или бывшие коммунисты фактически сохранили за собой власть в странах Центральной и Восточной Европы. Относительно слабая преемственность власти наблюдалась тогда в Чешской Республике, где Коммунистическая партия очень быстро превратилась в маргинальную силу[15], а также в Польше, где «ядро новой властной элиты состояло из "новых людей"»[16], или в Венгрии, в которой произошли радикальные преобразования, в ходе которых

---

[13] Россияне оценивали «существующую политическую систему» скорее отрицательно (46 %), нежели положительно (28 %). Большинство из них надеялись, что политическая система усовершенствуется через пять лет (43 % против 20 %), но все еще более позитивно оценивали «политическую систему, существовавшую до начала перестройки (так считали 59 % опрошенных, с ними были не согласны только 22 %). См.: Rose R. New Russia Barometer V: Between Two Elections. – Glasgo: Centre for the Study of Public Policy, University of Stratchclyde, SPP 260, 1996. P. 47–50.

[14] Аргументы и факты. 1994. № 35. С. 2; 1994. № 23. С. 2. Более половины (51 %) опрошенных в конце 1997 г. считали, что «мафия правит Россией», 29 % полагали, что власть находится в руках государственного аппарата, а 26 % – что у частного капитала. Лишь 21 % и 14 % соответственно полагали, что страной управляют президент или правительство (Известия. 1998. 23 янв. С. 5).

[15] См.: Mansfeldova Z. The Emerging New Czech Political Elite (доклад, подготовленный для объединенной сессии Международного консорциума политических исследований – ECPR в Мадриде, в апрель 1994 г.). Существует мнение, что роль бывшей коммунистической номенклатуры в политическом руководстве бывших ГДР и Чехословакии была пренебрежимо малой, но в Словакии бывшие коммунисты занимали ведущие позиции в трех правительствах, существовавших после 1992 г. (Baylis T. A. Elite Change after Communism: Eastern Germany, the Czech Republic and Slovakia // East European Politics and Societies. 1998. № 12: 2 (Spring). P. 276, 279).

[16] Wasilievski J., Wruk-Lipinski E. Poland Winding Road from Communist to the Post-Solidarity Elite // Theory and Society. 1995. № 24: 5 (Okt.). P. 690. Дополнительные сведения можно найти, напр., в работах: Pogorecki A. The Communist and Postcommunist Nomenclatura // Polish Sociological Review.1994. № 2:106. P. 111–123; Konsolidacja elit politiczynch, 1991–1993 / ed. J. Wasielevski. – Warsaw, 1994; Elity w Polsee, w Rosji I na Wegrzech / I. Szelehyi et all. Warsaw, 1995.

подавляющее большинство бывшей коммунистической элиты утратило свои позиции[17]. Некоторые авторы доказывают, будто между горбачевской и ельцинской элитами «было мало пересечений», хотя те же самые исследователи в других работах утверждают, что более трети посткоммунистической элиты составляют люди, занимавшие видные руководящие посты в КПСС, что являлось очень точным определением элитного статуса человека при Советской власти, а на региональном уровне более половины руководства – это люди, занимавшие те же должности в январе 1985 г.[18] Иные авторы признают наличие особенно высоких уровней преемственности в составе местных и региональных элит[19], но настаивают на том, что указанную преемственность в составе элиты следует рассматривать в более общем смысле, учитывая переход в нее членов Советской элиты в широком

---

[17] См.: Szelenyi S., Szelenyi I., Kovach I. The Making of the Hungarian Postcommunist Elite: Circulation in Politics, Reproduction in the Economy // Theory and Society. 1995. № 24: 5 (Oct.). P. 712. Перемены оказались не столь радикальными, как показали парламентские выборы 1994 г., на которых победу одержала Социалистическая партия. Как отмечалось, времена сразу после крушения прежнего режима «были особенно неблагоприятными для старой номенклатуры, но последующие выборы вернули во власть многие старые кадры, включая членов номенклатуры» (Rona-Tas A. The Great Surprise of the Small Transformation. – An Arbor, 1997. P. 224). Перемены в этом регионе в целом рассмотрены в: Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. J. Higley, J. Pakulski and W. Weschlowsk. – London, 1998.

[18] Lane D., Ross C. Russian Political Elites, 1991–1995: Recruitment and Renewal // International Politics. 1997. № 34: 2 (June). P. 169–192 (на с. 171–172). Похожие мысли высказаны в статье: Lane D. Transition under Eltsin: The Nomenklatura and Political Elite Circulation // Political Studies. 1997. № 45: 5 (Dec.). P. 855–874. Сходные взгляды представлены в книге: Lane D., Ross C. The Transition from Communism to Capitalism: Ruling elites from Gorbachev to Yeltsin. – Basingstoke, 1999. Еще один исследователь не обнаружил заметной преемственности внутри верхушки политической элиты в узком понимании этого слова, но выявил также наличие значительных вариаций представительства старой элиты среди членов правительства, руководства Государственной думы и ведущих чиновников администрации президента (Rigby T. H. New Top Elites for Old Russian Politics // British Journal of Political Science. 1999. № 29: 2 (Apr.). P. 323–343). Общее исследование посткоммунистических элит содержится в книге: Elite in Transition: Eliye research in Central and Eastern Europe / ed. H. Best, U. Becker. – Opladen, 1997. Две ее главы посвящены российской элите.

[19] Российская газета. 1992. 4 марта. С. 2. Здесь утверждается, что до 80 % местных функционеров остались на тех же местах, что они занимали при Советской власти. Сам Ельцин настаивал на том, что на общенациональном уровне такая преемственность становилась менее заметной (Известия. 1992. 27 марта. С. 7).

смысле этого понятия, или так называемой номенклатуры. При этом вероятнее всего вся бывшая коммунистическая элита сумела сохранить свои позиции[20].

Для некоторых исследователей процесс изменений в Восточной Европе лучше всего укладывается в понятие «политический капитализм», сходный с теми процессами, в ходе которых бюрократия в постколониальной Африке после обретения независимости воспользовалась своим положением для накопления личного богатства[21]. Иные же под влиянием идей социолога Пьера Бурдье считали более правильным говорить о процессе «конвертации власти», в ходе которой действовавшая номенклатура сумела использовать собственное влияние для преобразования политического капитала, которым она обладала, в экономический, зачастую пользуясь для этого жульнической приватизацией общественной собственности[22]. Впрочем, средний российский аппаратчик с трудом расставался со своим креслом[23].

Преемственность и изменения – отнюдь не простые понятия, по крайней мере когда они изучаются во времена политических кризисов[24].

---

[20] Higley J., Kullberg J., Pakulski J. The persistence of Postcommunist Elites // Journal of Democracy. 1996. № 7: 2 (Apr.). P. 133–148 (на с. 135–136). Я. Василевски также пришел к выводу, что «простая преемственность» фактически являлась в российском случае «доминантным признаком» [новой элиты] (Wasielewski J. Hungary, Poland and Russia: The Fate of Nomenklatura Elites // Elite Crises ad the Origins of Regimes / ed. M. Dogan and J. Higley. – Lanhan, 1998. P. 166. Аналогичные точки зрения представлены в следующих публикациях: Baylis T. A. Plus ca change? Transformation and Continuity Amongst East European Elites // Communist amd Post-Communist Studies. 1994. № 27:3 (Sept.). P. 315–328; Higley J., Pakulski J. Elite Transformation in Central and Eastern Europe // Australian Journal of Political Science. 1995. № 30:3 (Nov.). P. 415–435; Higley J., Kullberg J., Pakulski J. Elites, Institutions and Democratisation in Russia and Eastern Europe // Elites abd Leadership in Russian Politics / ed. G. Gill. – London, 1998. P. 106–133. Ряд авторов выдвинул идею, согласно которой перемены, произошедшие в Восточной Европе в 1989 г., были на самом деле революцией против бюрократии, которую возглавляли бывшие технократические фракции коммунистической элиты (Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism without Capitalists: The New Ruling Elite in Eastern Europe. – London, 1999).

[21] См., напр.: Staniszkis J. The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe. – Berkeley, 1991. Ch. 2.

[22] Szelenyi S., Szelenyi I., Kovach I. The Making of the Hungarian Postcommunist Elite. P. 698. С концепцией Бурдье можно ознакомиться в статье: Bourdieu P. Forms of Capita // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J. G. Richardson. – N. Y., 1986.

[23] Remnick D. Lenin's Tomb. – Harmondsworth, 1994. P. 504.

[24] В более общем виде эти понятия рассмотрены в: Elites, Crises and the Origins of Regime.

Начнем с того, что кризис назревал достаточно долго и, естественно, продолжился после конца коммунистической эры. Между тем некоторые системные изменения, например, проведение выборов на конкурентной основе и легализация многопартийности, происходили еще до крушения Советской власти. Точно также вопросы преемственности должны рассматриваться применительно к двум политическим режимам и смене форм собственности. Советская элита была преимущественно русской по национальности, что примерно соответствовало национальному составу бывшего СССР, где русские составляли более половины населения. При этом разным республикам автоматически выделялась часть мест в элите, включая определенное, закрепленное за каждой республикой количество мест в Центральном Комитете. Понятно, что большинство нерусских членов ЦК после 1991 г. продолжили свои карьеры в собственных республиках, ставших независимыми государствами, гражданами которых они являлись, а не в посткоммунистической России.

Если до конца 1980-х гг. принадлежность к элите вполне обоснованно определялась членством в Центральном Комитете КПСС, то в посткоммунистические 1990-е гг. такое определение уже не соответствовало действительности. К этому времени на должностях, обладатели которых имели значительное влияние на принятие решений в общенациональных масштабах, уже находились люди, бывшие лидерами различных партий и представителями групп интересов, включая вновь образовавшиеся бизнесы, крупнейшие банки и промышленные группы. Более того, со временем происходила смена поколений элиты, обусловленная преклонным возрастом людей, составлявших подавляющее большинство на верхних уровнях руководства партии и государства в поздний советский период. Как мы уже упоминали, средний возраст членов Центрального Комитета в 1986 г. составлял 58 лет, то есть был близок к пенсионному для мужчин в СССР, и многим из них пришлось бы уйти из активной политической жизни в начале 1990-х гг. даже при условии сохранения советской системы. Напротив, другие представители элиты, утратившие свои позиции в начале правления Ельцина, к середине 1990-х гг. вернули их себе, став новым политическим и деловым классом, «который теснейшим образом ассоциировался с партийно-государственной номенклатурой 1980-х гг.»[25]

При изучении элит посткоммунистического периода применяют подходы, учитывающие репутацию их представителей и занимаемые ими должности, участие в выработке и принятии решений[26]. Эти ис-

---

[25] Медведев Р. Здоровье и власть в России: новый класс российского общества. Александр Солженицын: три года в новой России. – М., 1997. С. 26.

[26] Примером применения этих подходов могут служить следующие работы: Lane D. Gorbachev's Political Elite in the Terminal Stage of the USSR: A Reputational Analysis // Journal of Communist Stadies and Transition Poli-

следования обычно проводят посредством интервьюирования представителей элит, дающего значительно больше информации, нежели обращение к опубликованным биографическим данным[27]. Наиболее значительное исследование подобного рода было проведено Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), опросившим по стандартизованной форме группу численностью около 1800 человек, являвшихся членами советской политической элиты в 1988 г. В 1993 г. опрос был повторен, в ходе него интервью проводились с теми же или другими людьми, занимавшими тогда элитные позиции[28]. Эта группа в 4–5 раз превышала по численности рассматриваемую нами элиту уровня Центрального Комитета партии. Около половины опрошенных составили представители номенклатуры позднего советского периода, занимавшие в ней должности, назначения на которые требовали утверждения на высоком партийном уровне. Вторую половину представляли члены посткоммунистической правящей элиты, которые обрели беспрецедентно большое влияние на принятие государственных решений. Каждое интервью, продолжавшееся около часа, затрагивало практически все основные этапы биографии опрашиваемых – их образование, карьеру, членство в Коммунистической партии. В ходе опроса выяснилось, что члены правящей советской и новой российской элит во многом схожи. И те, и другие являлись преимущественно мужчинами (93 % в старой советской номенклатуре и 94 % в российской посткоммунистической элите), подавляющее большинство из них (97 % и 93 % соответственно) имели высшее образование[29]. Похожие или по крайней мере сопоставимые группы из

---

tics. 1994. № 10:1 (Mar.). P. 104–116; Lane D. Political Elites Under Gorbachev and Yeltsin in the Early Period jf Transition: A Reputional and Analytic Study // Patterns in Post-Soviet Political Leadership / ed. T. Colton and R. C. Tucker. – Boulder, 1996. В более общем виде проблема смены элит обсуждается в: Patnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. – Englewood Cliffs, 1976.

[27] Обзор методов интервьюирования приведен в: Research Methods for Elite Studies / ed. G. Moyser and M. Wagstaffe. – London, 1987.

[28] Предварительные результаты этого опроса опубликованы в: Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под ред. Т. И. Заславской и Л. А. Арутюняна. – М., 1994. Т. 1. С. 151–155. Более подробно результаты опроса изложены в работах: Головачев Б. В. и др. Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 18–24 (часть 1) и 1996. № 1. С. 32–38 (часть 2); Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe: Introduction // Theory and Society. 1995. № 24:5 (Nov.). P. 61–638.

[29] Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома. С. 153.

обеих элит (97 % и 78 % соответственно) являлись членами КПСС и были тесно связаны с предыдущим режимом, занимая различные выборные партийные должности (71 % и 47 % соответственно)[30]. Новая элита оказалась моложе по возрасту, но члены обеих элит были преимущественно русскими и вероятнее всего происходили из привилегированных семей. Значительная (более четверти) часть членов обеих элит являлись детьми номенклатурных родителей, что подтверждает наличие тенденции к самовоспроизводству элит, не проявлявшейся столь отчетливо в других посткоммунистических странах[31].

Одной из задач данного исследования было выявление того, насколько номенклатурная элита сумела восстановить свои позиции в посткоммунистический период. Оказалось, что только 11 % опрошенных полностью ушли из политической жизни: вот свидетельство того, что «номенклатура в целом сумела приспособиться к произошедшим в стране переменам и не испытывала падения социальной мобильности»[32]. Действительно, более 60 % членов бывшей советской номенклатуры в начале 1990-х гг. занимали должности, по своей значимости сопоставимые с теми, которые они имели в поздний советский период. Еще 15 % занимали должности, оказавшиеся чуть менее значительными, и всего только 1 % прежней советской элиты оказался полностью за пределами новой элиты. Если рассматривать бывшую партийную номенклатуру отдельно, то примерно треть ее членов переместились на руководящие государственные должности в новом правительстве, а еще одна треть заняла ведущие позиции в экономическом менеджменте. В целом более 80 % членов бывшей партийной номенклатуры заняли позиции первого или второго ранга в новой посткоммунистической элите, а соответственно более 80 % представителей новой элиты находились в советское время на элитных или близких к элитным позициях. В этом смысле Россия представляет собой, по сравнению с Польшей или Венгрией, скорее пример воспроизводства, нежели смены элит[33]. Действительно, по крайней мере в России крах Коммунистической партии и введение рыночной экономики не повлияли на способность элит сохранять свое положение из поколения в поколение, «если не усилил эту способность»[34].

---

[30] Головачев Б. В. и др. Формирование правящей элиты в России. Ч. 2. С. 16.

[31] Ершова Н. С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома. С. 154 (сравнение производилось с Польшей и Венгрией).

[32] Там же.

[33] Там же. С. 154–155. См. также: Головачев Б. В. и др. Формирование правящей элиты в России. Ч. 2. С. 37; Szelenyi I., Szelenyi S. Circulation or Reproduction of Elites... P. 621.

[34] Hanley E., Yershova N., Anderson R. Russia – Old Wine in the New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993 // Theory and Society. № 24:5 (Nov.). P. 639–668 (на с. 665).

Преемственность элит можно также рассматривать с точки зрения «бессмертности» отдельных их представителей на ключевых позициях. Например, в начале 1997 г. семеро из 15 руководителей постсоветских государств были в прошлом первыми секретарями республиканских отделений КПСС, и на встречах глав стран – членов СНГ присутствовали «практически те же люди, что на заседаниях Политбюро ЦК КПСС в последние годы Советской власти»[35]. Еще одной характеристикой преемственности элит, более близкой к тому подходу, который применен в настоящей книге, может служить процент членов Центрального Комитета горбачевского периода среди политической элиты начала 1990-х гг., если изучить национальные справочники «Кто есть кто...». Первые сведения на этот счет можно почерпнуть из сборника, вышедшего в 1993 г. и охватывавшего, наряду с Россией, другие постсоветские страны[36]. Из членов более крупного по численности брежневского ЦК в этот сборник попали 65 человек (или 14 % его состава), а из горбачевского ЦК 1986 г. (численностью в 412 человек) в нем есть сведения о 99 представителях, или более четверти его членов. Примерно та же доля (11 %) членов ЦК 1986 г. и пятая часть (21 %) членов ЦК 1990 г. фигурирует в Российском биографическом справочнике, изданном в 1996 г.[37] Преемственность элит в постсоветских странах оказалась намного выше, чем в странах Восточной Европы, из чего следует, что чем более укорененным является коммунистический режим и чем дольше он существует в той или иной стране, тем с большей вероятностей новая посткоммунистическая элита – это порождение чиновничества старого режима.

Действительно, многие члены старого Центрального Комитета не только сохранили свое политическое влияние, но и заняли видные должности в правительстве посткоммунистической России. Президент Ельцин входил в состав ЦК с 1981 г., его премьер-министр Виктор Черномырдин и министр иностранных дел, а позднее и премьер-министр Евгений Примаков, являлись членами ЦК с 1986 г. В Совет Федерации, верхней палате нового Федерального собрания, избранного в 1993 г., входило десять членов Центрального Комитета 1990 г., среди которых был ряд первых секретарей региональных комитетов

---

[35] Известия. 1996. 6 дек. С. 4.

[36] См.: Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. – М., 1993. Пионером применения подобного репутационного подхода можно считать Флойда Хантера, использовавшего его в книге Regional City. Подробнее этот подход описан в: Parry G. Political Elites. – London, 1969. Ch. 4.

[37] В справочник «Кто есть Кто в России» (1996) были включены сведения о 31 из 307 членов и 21 из 170 кандидатов в члены ЦК 1986 г. и о 86 из 412 членов ЦК 1990 г.

партии, включая Ахарбека Галазова (Северная Осетия), Юрия Горячева (Ульяновская область), Алексея Пономарева (Белгородская область), Леонида Пономарева (Бурятия), Валерия Сударенкова (Калужская область) и Минтимера Шаймиева (Татарстан). Еще одним бывшим членом ЦК, входившим в Совет Федерации, был председатель колхоза им. В. И. Ленина из Тульской области Василий Стародубцев, больше известный как член ГКЧП, учрежденного во время попытки переворота в августе 1991 г. Неприкасаемым также являлся Егор Строев, бывший первый секретарь Орловского обкома, а затем член Политбюро и Секретариата ЦК, который в 1993 г. был избран главой Орловской области. В январе 1996 г. его избрали спикером Совета Федерации.

Преемственность элит еще сильнее проявилась в нижней палате Федерального Собрания, в Государственной Думе, особенно после выборов в декабре 1995 г., принесших успех Коммунистической партии и поддержанным ею кандидатам по одномандатным округам. В общей сложности в Государственную Думу в 1993 и 1995 г. было избрано 22 бывших члена ЦК КПСС, причем 9 из них были избраны в Госдуму обоих созывов. Известно также, что не все бывшие члены ЦК избирались в Государственную Думу от Коммунистической партии. Например, Алевтина Федулова, заместитель председателя Комитета Советских женщин и член ЦК с 1990 г., проходила по списку организации «Женщины России» и была избрана в 1993 г. Владимир Гусев, бывший вице-премьер, а прежде того – первый секретарь Саратовского обкома КПСС, избирался в 1993 и 1995 г. от ЛДПР, возглавляемой Владимиром Жириновским, и оба раза прошел в Думу. Чаще всего бывшие члены Центрального Комитета последних лет существования СССР выступали в качестве кандидатов от Коммунистической партии или как независимые кандидаты и либо выигрывали выборы по одномандатным округам, либо проходили в Думу по списку Компартии Российской Федерации. В декабре 1995 г. по партийному списку были избраны в Думу бывший первый секретарь Вологодского обкома КПСС, а ныне первый секретарь РКП Валерий Купцов, два бывших первых секретаря Томского обкома КПСС Виктор Хоркальцев и Алексей Поморов, бывший первый секретарь Удмуртского рескома Николай Сапожников и бывший второй секретарь Краснодарского крайкома Борис Кибирев.

Некоторые бывшие члены ЦК выступали на выборах в Думу в качестве независимых кандидатов и одержали убедительную победу в своих избирательных округах. Среди них – Александр Дзасохов, бывший первый секретарь Северо-Осетинского рескома, набравший в 1995 г. в своем округе более 50 % голосов избирателей (впоследствии, в начале 1998 г., он еще более внушительным большинством голосов был избран президентом своей республики), и бывший Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков, выступавший от имени

общественного движения «Власть народу» и набравший более половины голосов избирателей в Белгороде. Но, вероятно, наиболее впечатляющей оказалась победа на выборах Сергея Манякина (1923 года рождения), который еще в 1961 г. был первым секретарем Омского обкома и оставался членом ЦК КПСС вплоть до 1990 г. Именно он впоследствии возглавлял Комитет народного контроля, который был призван обеспечить разумное расходование общенародных средств, и в этом качестве взял слово на октябрьском 1987 г. пленуме ЦК сразу после Бориса Ельцина, выступившего с известными неожиданными нападками на Горбачева. Манякин обвинил будущего Президента России в развале работы в Москве, где, по его мнению, наблюдались неприемлемые перебои с поставками овощей и фруктов, имели место многочисленные примеры необоснованной растраты средств и неэффективного их использования, после чего обвинил Ельцина в политической незрелости, в ряде других личностных недостатках и предложил освободить его от занимаемой должности[38]. Теперь же 72-летний пенсионер Манякин набрал в своей родной области 21,5 % голосов избирателей и выиграл выборы, выступая на них от возглавляемого Рыжковым движения «Власть народу». Еще один бывший член Центрального Комитета, редактор газеты Геннадий Селезнев был избран спикером Государственной Думы, когда она собралась на первую сессию в январе 1996 г.

Вопрос преемственности для элиты не сводился только к удержанию властных позиций. Более фундаментальное значение имел процесс «конвертирования власти в собственность», с помощью которого уходящая элита могла бы преобразовать политическое влияние в долговременные преимущества. Это можно было осуществить несколькими способами, уходящими своими корнями в конец 1980-х гг. Начавшаяся тогда демократизация политической системы вносила элементы неопределенности в сохранение элитой ее позиций, а экономика становилась более открытой для различных форм собственности, создавая новые возможности для накопления членами элиты личного богатства. Одной из наиболее существенных из них была так называемая комсомольская экономика, развивавшаяся в то время под руководством Егора Лигачева, бывшего вторым человеком в горбачевском руководстве[39]. Комсомольская экономика вела свое происхождение с принятия Центральным Комитетом партии в 1986 г. постановления, утвердившего предложение молодежной коммунистической организации о расширении сферы деятельности принадлежащей ей сети «центров научно-технического творчества молодежи»,

---

[38] Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 241.

[39] См.: Kryshtanovskaia O., White S. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite. P.716–723.

первый из которых был создан в начале 1980-х гг.[40] Предполагалось, что эти новые центры станут средством, способным помочь комсомолу и его членам быстрее адаптироваться к меняющимся, рыночно ориентированным экономическим условиям. Именно под прикрытием таких центров начали свои деловые карьеры многие представители первой волны новых российских предпринимателей. К их числу относятся Константин Боровой, ученый-компьютерщик, перешедший в комсомольскую экономику и позднее основавший ведущую в стране товарно-сырьевую биржу, а также собственную политическую партию; Константин Затулин, выпускник исторического факультета МГУ, бросивший работу над кандидатской диссертацией, чтобы стать секретарем ЦК ВЛКСМ по экономике, а затем председателем движения «Предприниматели новой России», депутатом Думы и ведущей фигурой в Конгрессе русских общин; Михаил Ходорковский, прошедший путь от заместителя секретаря комитета комсомола Московского химико-технологического института им. Менделеева до председателя правления банка Менатеп[41].

Сфера деятельности новых центров была расширена еще больше в течение 1988 г., когда им было разрешено организовывать производство потребительских товаров и устанавливать экономические связи с иностранными фирмами и организациями[42]. Они могли самостоятельно назначать цены на импортируемые из-за рубежа товары и были освобождены от всех таможенных сборов[43]. Закон о кооперативах, принятый в мае 1988 г., давлением комсомола подправили, чтобы распространить его действие на «другие общественные организации», что позволило молодежным центрам развернуть свою деятельность еще шире. Впрочем, некоторые новые законы оказались просто способом легализации накопленных номенклатурой средств путем соз-

---

[40] С этим постановлением Центрального Комитета можно ознакомиться в книге: Фирма при горкоме / под ред. В. Н. Сунгоркина и И. А. Саватеевой. – М., 1990. С. 222. О намерениях комсомола в этой области см.: XX Съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 15–18 апреля 1987 г. Стенографический отчет. В 2 т. – М., 1987. Т. 1. С. 64. Сам термин «комсомольская экономика» звучал несколько странно, но он был официально признан, а сама комсомольская экономика приобрела законные права и определенные характеристики (Молодой коммунист. 1990. № 1. С. 39).

[41] И. Бунин и др., Бизнесмены России: 40 историй успеха. – М., 1994. С. 35–36, 170, 199–200. М. Ходорковский опубликовал свое материалистическое кредо в работе: Ходорковский М., Невзлин Л. Человек с рублем. – М., 1992. Выдержки из этой книги перепечатала Литературная газета (1992. № 30. С. 10).

[42] Документы ЦК ВЛКСМ, 1988 г. – М., 1989. С. 187.

[43] Собрание постановлений правительства СССР (отдел первый). 1088. № 29. С. 8.

дания легальных частных предприятий[44]. Вскоре в партийные органы стали поступать жалобы на то, что молодежные организации закупают и перепродают по завышенным ценам видеомагнитофоны, персональные компьютеры и другие высокотехнологичные товары, и «как правило, эти виды деятельности осуществляются с грубыми нарушениями законодательства»[45]. Выступая на XXI съезде комсомола в апреле 1990 г., Горбачев предупредил, что для партийного молодежного движения не допустимо заниматься коммерческой деятельностью подобного рода, но система, набрав инерцию, продолжала развиваться, создав сеть магазинов и других предприятий, в которых было занято более миллиона молодых людей[46]. Бизнесмены-комсомольцы при поддержке партии организовывали первые коммерческие банки и биржи, они учреждали строительные компании, доминировали в шоу-бизнесе и на рынке видеопродукции, имели влиятельные позиции в туристическом бизнесе и международной торговле. В целом, по мнению некоторых авторов, вся комсомольская организация стала неким подобием Гарвардской школы бизнеса, порождая новую культуру и готовя предпринимателей, которые быстро продвигались во всех отраслях экономики, начиная с концессионного распространения видеоигр до торговли компьютерами и издательского дела[47].

Имелось несколько областей деятельности, особенно важных с точки зрения конвертирования власти элиты в собственность. Одной из них было учреждение совместных предприятий. Элита всегда находилась в привилегированном положении во всем, что касалось связей с внешним миром, будь то зарубежные поездки, медицинское обслуживание или просто туризм. Разница между международным обменным курсом рубля и его искусственно завышенным курсом внутри страны приводила к тому, что любой товар, приобретенный за рубежом, мог быть перепродан дома с немалой прибылью, а российские товары, которые можно было продать за границей, приносили значительный спекулятивный доход. Работники правительственных учреждений еще в брежневские годы были вовлечены в подобные операции. Например,

---

[44] Текст этого закона в том виде, в котором он был принят, содержится в: Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355 (С. 383). Цит. по: Khotin L. Old and New Entrepreneurs in Today's Russia // Problems of Post Communism. 1996. № 43:1 (Jan.–Feb.). P. 49–57 (на с. 55).

[45] Документы ЦК ВЛКСМ, 1989 г. – М., 1990. С. 205.

[46] Документы и материалы XXI съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи 11–18 апреля 1990 г. – М., 1990. С. 28 (выступление Горбачева), 40. Несколько отличные от приведенных здесь данных о числе занятых в системе сообщались в: Молодой коммунист. 1990. № 8. С. 13.

[47] Медведев Р. Здоровье и власть в России. С. 15–16; Remnick D. Lenin's Tomb. P. 444.

некоторые сотрудники Министерства внешней торговли покупали и продавали товары на Американской фондовой бирже, и в министерских кругах до сих пор вспоминают невероятно выгодные зерновые сделки 1960–1970-х гг.[48] Учреждение совместных предприятий в конце 1980-х гг. позволило значительно развить подобную деятельность. Первые такие предприятия создавались по непосредственной инициативе ответственных партийных работников с использованием ресурсов Центрального Комитета, а весь этот процесс в целом позволил конвертировать контролируемые партией активы в более защищенные формы независимого бизнеса, находившегося в совместном с иностранцами владении и под совместным с ними управлением. Дополнительные преимущества давала конвертация со значительной комиссией номинальных активов в наличные денежные средства на финансовых рынках или посредническая деятельность между местными производителями и их зарубежными клиентами. Во всех случаях критически важной была политическая позиция участников подобных сделок, которые требовали утверждения партийным руководством.

Но самые прочные преимущества давало владение собственностью, приобретаемой, прежде всего, в процессе приватизации государственной собственности. В первые годы экономических реформ только фирмы, имевшие связи в номенклатуре, имели право участвовать в операциях с собственностью, и когда учреждались первые коммерческие компании, некоторые лучшие куски государственной собственности уже были проданы по самым привлекательным ценам фирмам, учрежденным с участием представителей номенклатуры. Например, группа «Мост», ставшая одним из ведущих финансово-промышленных объединений в России, приобрела в центре Москвы ряд зданий за несколько десятков тысяч рублей, что составляло менее половины их тогдашней рыночной стоимости. В Советское время партия сама владела многочисленными строениями, в которых размещались служебные кабинеты сотрудников аппарата, издательства, гостиницы и образовательные учреждения. Эти партийные здания представляли своего рода золотой фонд имущества страны, поскольку имели импозантный внешний вид, располагались в лучших местах и тщательно отделывались и содержались. В горбачевские годы номенклатура уже начала извлекать прибыль от сдачи этих зданий в аренду, причем лучшие помещения, как правило, предоставлялись зарубежным фирмам. Точно так же, но по заниженным ценам сдавались в аренду помещения под офисы местным фирмам, имевшим связи в номенклатуре. Само расположение этих офисов служило хо-

[48] Эта истории основана на воспоминаниях, содержащихся в интервью Владимира Щербакова, чей отец отвечал за зерновой бизнес в Министерстве внешней торговли СССР.

рошим индикатором отношений, установленных и поддерживаемых их директорами с партийной элитой. Чем ближе к центру располагалось здание и чем комфортабельнее был арендуемый в нем офис, тем выше был уровень отношений с номенклатурой у того, кто его занимал. Между тем элита приобретала в частную собственность государственные дачи, в связи с чем современники с негодованием называли устанавливавшийся строй номенклатурным капитализмом[49].

Наряду со зданиями, в процессе приватизации в частные руки переходили самые разные государственные предприятия. Для элиты этот процесс начался еще в 1987 г. и в основном завершился к тому моменту, когда в начале 1990-х была запущена программа приватизации с участием всего населения страны. Эта ранняя номенклатурная приватизация полностью изменила систему управления экономикой, банковское дело и торговлю недвижимостью, а также привела к распродаже наиболее прибыльных предприятий. Министерства, например, превратились в коммерческие предприятия, в которых контрольный пакет акций принадлежал их руководству. Сами министры, как правило, были отправлены на пенсию или приглашались на должность консультантов в новых предприятиях, а заместители министров становились их президентами. Впоследствии эти предприятия обрели статус акционерных обществ, акционерами которых являлись бывшие высшие руководители министерств совместно с директорами подчиненных им предприятий. Таким образом, государственная собственность, находившаяся в распоряжении министерств, оказалась частной собственностью ведущих чиновников этих министерств, а те не только приватизировали подчиненные им организации, но и сумели извлечь собственную выгоду от «приватизации государственной собственности от имени государства». Самый яркий пример – главный производитель природного газа «Газпром», возникший в результате преобразования Министерства газовой промышленности, во главе которого оказался бывший министр и впоследствии премьер-министр страны Виктор Черномырдин. В банковском секторе бывший Жилсоцбанк, отвечавший за финансирование жилищного строительства, был преобразован в коммерческий Мосбизнесбанк, возглавляемый прежним руководством. Точно также Промстройбанк, финансировавший инвестиции в промышленность, добавил к своему наименованию слово «коммерческий», но остался под управлением прежнего менеджмента. Вновь созданный банк Менатеп, в отличие от них, вырос на базе Центра научно-технического творчества молодежи, учрежденного под крылом одного из москов-

[49] См., напр.: Аргументы и факты. 1990. № 48. С. 5–6; Известия. 1990. 10 окт. С. 3. Расследование случаев номенклатурной приватизации было начато разгневанными депутатами Верховного Совета. См.: Правда. 1991. 8 июля. С. 1.

ских райкомов партии, и был известен как Комсомольский банк. Как рассказывал в одном из интервью глава Менатепа М. Ходорковский, «90 % процветающих ныне людей происходят из прежних номенклатурных или близких к ним структур»[50].

Имеется немало свидетельств тому, что «конвертирование власти в собственность» было вполне осознанной политикой, а не результатом отдельных операций членов элиты, и движущей силой этого процесса являлась правящая группа, которая, по словами Егора Гайдара, желала «превратить похороны старого общественного порядка в рождение нового, также основанного на власти номенклатуры»[51]. Комсомольская экономика, например, не была уникальным советским изобретением, нечто подобное появилось также в нескольких других коммунистических странах, где партийные элиты искали способы защиты своего будущего в новой, менее предсказуемой обстановке[52]. Предпринимались аналогичные усилия по «вовлечению предприятий и учреждений, принадлежавших партии, и денежных резервов в экономическую деятельность за рубежом», и даже, как предполагает один из членов Секретариата, по созданию «невидимой» партийной экономики, доступ к которой имел очень ограниченный круг лиц, определяемый генеральным секретарем и его заместителем[53]. Действия подобного рода приобрели широкие масштабы к 1991 г., отражая как потребности партии в увеличении собственных доходов, так и желание ее ведущих членов обезопасить собственное будущее. Специальным постановлением Политбюро был разрешено создание «партийных фирм и предприятий» на региональном и республиканском уровнях, а также позволено местным партийным организациям инвестировать в коммерческие предприятия имущество, находившееся в их распоряжении. Между тем

---

[50] И. Бунин и др. Бизнесмены России. С. 169–170; Комсомольские банки: Справочник в 2 т. – М., 1995. Т. 1. С. 389–391. Интервью Ходорковского, данное Фреду Вейру, цит. по кн.: Kotz D. Revolution From Above: The Demise of the Soviet System. – London, 1997. P. 121. Бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко подтвердил в данном нам интервью, что Менатеп – «бывший центр научно-технического творчества молодежи» (Интервью с В. Мироненко. 1992 (апрель). SEP).

[51] Гайдар Е. Государство и эволюция. – М., 1995. С. 103. В этой связи Котц и Вейр сообщали о наличии «прокапиталистической коалиции» (Kotz D. Revolution From Above. Ch. 7). Напротив, Р. Медведев уверен, что у руководства КПСС «отсутствовала четкая программа действий», и в любом случае оно имело ограниченные возможности для управления переменами (Медведев Р. Здоровье и власть в России. С. 16).

[52] Напр., об аналогичных процессах в Венгрии см.: Bozoki A. The Ideology of Modernization and the Policy of Materialism // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1997. 13:3 (Sept.). P. 56–102.

[53] Известия. 1992. 15 янв. С. 2.

партия учредила централизованный фонд для финансирования наиболее многообещающих предложений региональных и республиканских партийных комитетов. Эти предложения могли касаться создания малых или совместных с иностранными партнерами предприятий, для поддержки которых партия могла из этого фонда предоставлять ссуды на выгодных условиях под низкий процент[54].

Возникновение в конце 1980-х гг. полностью оперившейся к тому времени частной собственности создало новую базу для происходивших в стране изменений. Открывшийся доступ к обладанию частной собственностью позволял советской элите обезопасить свое положение, в то время как будущее самого режима становилось все менее надежным. Многим ее представителям владение имуществом, бизнесами и банками позволяло надеяться на сохранение выгодных позиций в совершенно новых условиях. Таким образом происходил переход от обладания властью к владению собственностью, или, как это сформулировал экономист Григорий Явлинский, «...конвертирование власти, принадлежавшей старой партийной номенклатуре, в реальную собственность, которая затем вновь конвертировалась в почти неограниченную власть»[55].

Результатом всего этого стала, по выражению советника Горбачева, «революция вторых секретарей» или, как ее еще называли, «революция депутатов», но она не являлась революцией в классическом смысле этого слова[56]. Для венгров все происходившее тогда точнее всего описывалось термином «метаморфозы власти»: это не переход от одной системы к другой, но лишь разрешение внутрисистемного кризиса и восстановление авторитарной власти. Иные же полагали, что имела место замена одной системы эксплуатации другой, причем обе могли быть названы капитализмом[57]. Во всяком случае в этой «рево-

---

[54] Исторический архив. 1992. № 1. С. 7–8.

[55] Известия. 1997. 15 февр. С. 1.

[56] См.: Грачев А. Дальше без меня. Уход Президента. – М., 1994. С. 9; Головачев Б. В. и др. Формирование правящей элиты в России. Ч. 2. С. 16. Сам Гайдар считал посткоммунистические преобразования в стране «...революцией, сопоставимой по своему влиянию на исторический процесс с Великой французской революцией, с российской революцией 1917 г. и с китайской революцией 1949 г.» (Гайдар Е. Дни поражений и побед. – М., 1996. С. 8). Западные социологи высказывались более скептически (см., напр.: Tilly C. European Revolutions, 1492–1992. – Oxford, 1993. Ch. 7 и особенно его ссылку на «многозначительное "может быть", произнесенное Сэмюелем Айзентадтом», с. 233).

[57] Термин «метаморфозы власти» ввела Элизабет Жалай. Цит по: Lomax B., Party Formation in East-Central Europe / ed. G. Wightman. – Aldershot, 1995. P. 178. Татьяна Заславская в ст. «Человек в реформируемом российском обществе» (Общество и экономика. 1995. № 9. С. 3–12) в контексте смены общественных формаций говорит о переходе от одной формы капитализма к другой (С. 11).

люции» не было какого либо драматического Wendepunkt, сопоставимого по масштабам с разрушением Берлинской стены в ноябре 1989 г. или казнью Н. Чаушеску. Референдум, проведенный в марте 1991 г., подтвердил популярность в народе идеи сохранения СССР как «обновленной федерации». Не было серьезного народного сопротивления попытке августовского (1991 г.) путча, еще меньшей поддержкой пользовалось торопливое решение о роспуске СССР в декабре того же года. Последнее представляло собой определенного рода «пакт элит», осуществленный российским президентом Борисом Ельциным, который плохо осознавал происходящее (по воспоминаниям некоторых участников, он был «настолько пьян, что даже выпал из кресла»). Впрочем, он и ранее считался приверженцем идеи роспуска Союза[58].

Кризис в СССР развивался продолжительное время и носил более системный характер, что выражалось в падении темпов экономического роста и расширении пропасти, разделявшей общество и правящий режим в течение нескольких десятилетий. Этот кризис продолжался и после декабря 1991 г., что особенно наглядно проявилось в длительной конфронтации между президентом Ельциным и оставшимся преимущественно коммунистическим парламентом. Безусловно, кризис продолжился, учитывая непрерывное падение экономики, недостаток доверия населения к посткоммунистическим институтам и не прекращавшиеся споры вокруг Конституции в связи с тем, что она была принята в декабре 1993 г. после расстрела из танков непокорного парламента.

Двойственный характер изменений режима в России сопровождался лишь частичной сменой правящих элит. Поначалу президент Ельцин был вынужден назначить в свое правительство министров, карьера которых не связана с администрацией Горбачева. В результате у него остался весьма ограниченный выбор кандидатов на места в его первом правительстве, в котором вследствие этого доминировали политически малоопытные ученые, очень скоро убедившиеся в том, что «опыт управления научными лабораториями нельзя считать подготовкой к управлению страной или ее регионами»[59]. Менее заметные перемены произошли в администрации президента, которая расположилась в тех же зданиях и пользовалась теми же средствами, что и свергнутый партийный аппарат[60]. Еще меньше перемен наблюдалось в регионах, где

---

[58] Remnick D. Resurrection. – N. Y., 1997. P. 27. Об отсутствии у Ельцина приверженности идее роспуска СССР утверждал его телохранитель и доверенное лицо Александр Коржаков. См.: Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. – М., 1997. С. 127.

[59] Костиков В. Роман с Президентом. С. 271. О предыдущем опыте новых министров писал Вадим Бакатин. См.: Новое время. 1997. № 16. С. 16.

[60] Как оказалось, президентская администрация пользовалась услугами того же бюро по обеспечению билетами на транспорт, что и Центральный

местные первые секретари партийных комитетов сумели сохранить свои лидирующие позиции и в большинстве случаев узаконили свою власть посредством выборов, за голосованием на которых надзирали опытные политтехнологи, знавшие, как это делается, независимо от их идеологии или прошлой карьеры. На самом деле, учитывая монополию КПСС на власть, длившуюся до конца 1980-х гг., и отсутствие религиозных, профсоюзных, деловых и иных конкурирующих с нею элит, в тот момент было сложно отыскать источники пополнения посткоммунистического руководства. Поэтому после кризиса конца 1993 г. и шокирующих результатов последовавших за ним выборов, Ельцин был вынужден проводить более сбалансированный подбор руководящих кадров, покончив с «антигорбачевской кадровой блокадой», сопровождавшей первые годы пребывания его у власти, и оставив лишь малое число интеллектуалов-реформаторов, занимавших ранее самые влиятельные посты в правительстве и его собственной администрации[61].

В результате к концу 1990-х гг. в стране образовалась сложная смесь нового и старого. Наиболее значительными фигурами в российской посткоммунистической политике зачастую были прежние члены горбачевской номенклатуры. В то же время их взгляды и принадлежность к тем или иным группам изменились, а их положение теперь зависело от народного выбора, а не от исполнения указаний единственной партии. Наряду с этим правительство было подотчетно президенту, а не избранному народом парламенту, и существовало очень мало механизмов, с помощью которых можно было заставить президента и отдельных министров считаться с мнением рядовых россиян, не согласных с их действиями. Пример тому – чеченская война в 1994–1996 гг. Россияне меньше, чем народы других посткоммунистических стран, были удовлетворены теми свободами, которые они обрели, и мало кто из них считал, что они в состоянии сильнее, чем прежде, влиять на деятельность правительства, выступавшего от их имени. Напротив, очень многие полагали, что их возможности влиять на власть сократились[62]. В то же время интересы элиты сместились от власти в сторону обладания собственностью, и хотя власть не потеряла

Комитет партии (Аргументы и факты (Москва). 1996. № 48. С. 4), а ее сотрудники лечились в тех же медицинских учреждения Четвертого Главного управления Минздрава (Там же. 1995. № 45. С. 13).

[61] Костиков В. Роман с Президентом. С. 271.

[62] Rose R., Haerpfer C. New Russian Barometer III: The results. – Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Stratchclyde, SPP 228, 1994. P. 28. По результатам опроса репрезентативной общенациональной выборки оказалось: 6 % опрошенных полагали, что их влияние на власть усилилось по сравнению с коммунистическим периодом, 20 % считали, что оно, напротив, ослабло, а 48 % думали, что оно осталось примерно таким же, что и прежде.

для нее своего значения, но это скорее касалось не политической власти, а судебной, защищавшей процесс приватизации государственных активов, который, по общему мнению его противников и защитников, являлся скорее политическим, нежели экономическим[63]. В свою очередь, это налагало ограничения на демократические изменения, поскольку люди, выигравшие от перехода к посткоммунистическому обществу, с трудом могли допустить, чтобы выборы угрожали их вновь приобретенной собственности. Как заявил журналистам один из ближайших сподвижников Ельцина весной 1996 г., «...почему нужно рисковать всем просто ради того, чтобы люди имели возможность бросить листок бумаги в так называемый ящик для голосования?»[64] Президентские выборы того года были близки к отмене, а когда они все-таки состоялись, ельцинская избирательная кампания опиралась на неограниченную финансовую поддержку ведущих банкиров и промышленников. Размеры этой поддержки были таковы, что предвыборные расходы Ельцина вышли далеко за пределы, разрешенные законом. Люди, поддерживавшие его, дали ясно понять, что он должен в любым случае остаться на посту президента[65].

В соответствии с преобладающей в общественной науке традицией, установление либеральной демократии всегда связывают с доминированием капиталистов. Как утверждал Баррингтон Мур, «нет буржуазии – нет демократии»[66]. И для многих появление в России группы могущественных и богатых новых русских стало обнадеживающим в этом смысле явлением. Считалось, что защитив собственное положение, новая доминантная группа будет иметь все основания, чтобы выступать на стороне власти закона и других перемен, которые ведут к более упорядоченному и демократическому политическому процессу. Но опыт первых лет существования посткоммунистической России убеждает в неуместности или по крайней мере преждевременности подобных ожиданий. В образовавшемся обществе, по словам социолога Татьяны Заславской, «доминирующие позиции принадлежали "вновь возникшей олигархии"», состоявшей из

---

[63] См., напр.: Ulukaev A. Reforming the Russian Economy, 1991–1995. – London, 1996; Blass J. R. et al. Kremlin Capitalism. – Ithaca, 1997. Цит. по: Europe-Asia Studies. 1988. 50:1 (Jan.). P. 155.

[64] Утверждают, что так сказал Александр Коржаков. Цит. по: White S., Rose R., McAllister I How Russia Votes. – Chatham, 1997. P. 254.

[65] Там же. С. 254–255. Взгляд изнутри на избирательную кампанию Ельцина содержится в книге Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката».

[66] Moore B. (Jr). Social Origins of Dictatorship and Democracy. – Boston, 1966. P. 418. Более подробно эта проблема обсуждается в: Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D. Capitalist Development and Democracy. – Cambridge, 1992.

наиболее предприимчивой и удачливой части старой номенклатуры, сумевшей захватить власть и значительную часть общественного богатства. И просто несерьезно верить в то, что группировка подобного рода, в которой никогда не было ни одного демократа и присутствовало совсем немного либералов, когда-либо пожелает поделиться с рядовыми людьми уже распределенными между собой властью и богатством, захваченными в процессе приватизации государственной собственности[67]. Коммунистическая элита владела политической монополией, но ее убедили в необходимости поделиться ею под давлением народа, требовавшего политических изменений, указав на открывшиеся возможности «ухода» во владение частной собственностью. Ее посткоммунистические наследники столкнулись с не менее суровым вызовом. Они рисковали потерять собственность или даже подвергнуться уголовному преследованию после удаления из правительства в результате избирательного процесса, приверженность к которому у них была весьма условной. В то же время они вынужденно объявляли о своей преданности демократии, на которой основывалась их власть, точно также как их предшественники вынуждены были клясться в верности коммунизму, невзирая на то, имели ли хоть какое-то отношение их убеждения к установлению бесклассового общества.

---

[67] Заславская Т. И. Проблема демократической переориентации экономики современной России // Общество и экономика. 1997. № 1–2. С. 51–57 (на с. 54–56).

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивы

Центр хранения современной документации (ЦХСД), Москва

Фонд 89: коллекция рассекреченных документов

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), бывший Института марксизма-ленинизма, Москва

Фонд 17: Центральный Комитет КПСС

Фонд 48: XI съезд (1922 г.)

Фонд 50: XII съезд (1923 г.)

Фонд 52: XIII съезд (1924 г.)

Фонд 54: XIV съезд (1925 г.)

Фонд 56: XV съезд (1927 г.)

Фонд 58: XVI съезд (1930 г.)

Фонд 59: XVII съезд (1934 г.)

Фонд 477: XVIII съезд (1939 г.)

Фонд 646: XXVIII съезд (1990 г.)

Российский государственный архив кинофотодокументов, г. Красногорск, Московская обл.

Советский биографический архив, 1954–1985. Данный архив был выполнен на микрофишах компанией Chadwyck-Healey в сотрудничестве с Радио «Свобода» (Александрия, США) в 1986 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), Москва

Фонд г-7523: Верховный Совет, 1937–1970 гг.

Материалы съездов партии и пленумов ЦК (расположены в хронологическом порядке).

Партийные съезды и конференции

VII (экстренный) съезд РКП(б), 6–18 марта 1918 г. Стенографический отчет. – Москва-Петроград, 1923. (Переиздан в 1928 и 1962 г.)

VIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Москва, 18–23 марта 1919 г. Стенографический отчет. – Москва-Петроград, 1919. (Переиздан в 1933 и 1959 г.)

VIII съезд РКП(б). Стенограмма заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта 1919 г. и закрытого заседания съезда 21 марта 1919 г. – Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 135–90; 1989. № 10. С. 171–189; и 1989. № 11. С. 144–179.

Протоколы заседаний программной комиссии VIII съезда РКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 135–156.

VIII конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. – М., 1934. (Переиздание вышло в 1961 г.)

IX съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет (29 марта – 4 апреля 1920 г.). – М., 1920. (Переиздан в 1934 и 1960 г.)

Всероссийская конференция Российской Коммунистической партии, 22–28 сентября 1920 г. – Баку, 1920). (Переиздание вышло в 1972 г.)

X съезд Российской Коммунистической партии (8–16 марта 1921 г.). Стенографический отчет. – М., 1921. (Переиздан в 1933 и 1963 г.)

Протоколы X Всероссийской конференции РКП(б), май 1921 г. – М., 1933.

XI съезд Российской Коммунистической партии (б), 27 марта – 2 апреля 1922 г. Стенографический отчет. – М., 1922. (Переиздан в 1936 и 1961 г.)

XI Всероссийская конференция РКП(б), 19–22 декабря 1921 г. Стенографический отчет. Самара, 1922.

XII съезд Российской Коммунистической партии (б), 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. – М., 1923. (Переиздан в 1968 г.)

Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 169–182; 1991. № 4. С. 158–176; 1991. № 5. С. 154–176.

XIII съезд Российской Коммунистической партии (б), 23–31 мая 1924 г. Стенографический отчет. – М., 1924. (Переиздан в 1963 г.)

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. – М.-Л., 1926.

XIV конференция Российской Коммунистической партии (б), 27–29 апреля 1925 г. Стенографический отчет. – М.-Л., 1925.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), декабрь 1927 г. Стенографический отчет. – М.-Л., 1928. (Переиздан в 1935 и 1961–1962 гг.)

XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 октября – 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. – М., 1927.

XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М.-Л., 1930). (Переиздан в 1935 г.)

XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М., 1962.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. – М., 1934.

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. – М., 1939.

Резолюции XVIII конференции ВКП(б). 15–20 февраля 1941 г. – М., 1941.

XIX съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 5–14 октября 1952 г. Бюллетень, 16 частей. – М., 1952.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1956.

О культе личности и его последствиях (25 февраля 1956 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января – 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1959.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. В 3-х т. – М., 1962.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1966.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1971.

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 24 февраля – 5 марта 1976 г. Стенографический отчет. В 3-х т. – М., 1976.

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февраля – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. В 3-х т. – М., 1981.

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет. В 3-х т. – М., 1986.

Всесоюзная XIX конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1988.

XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. В 2-х т. – М., 1991. (Планировалось семитомное издание.)

Заседания ЦК

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1917 г. – М.-Л., 1929. (Переизданы в 1958 г.)

Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 15, 20, 31 марта, 7, 26 апреля, 3 мая 1918 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 102–110.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 13, 18, 19 мая 1918 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 143–146.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 16 сентября, 2, 22, 25 октября 1918 г., 16 января 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 154–172.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 5 февраля 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 147.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 14, 16, 20 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 156–173.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 25 марта, 13 апреля, 4 мая, 7, 10, 11, 15 июня 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. 1989. № 12. С. 133–174.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 3–4 июля, 21, 26 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 140–169.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 29 ноября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 179–182.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 31 января 1920 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 195–198.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 6 февраля 1920 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 138–140.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 5 апреля 1920 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 163–165.

Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 8 апреля 1920 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 154–156.

Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК РКП(б) 1936 г. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 3–22.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1992: № 2–3. С. 3–44; № 4–5. С. 3–36; № 6–7. С. 3–29; № 8–9. С. 3–29; № 10. С. 3–36; № 11–12. С. 3–19; 1993: № 2. С. 3–33; № 5. С. 3–23; № 6. С. 3–30; № 7. С. 3–24; № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–32; 1994: № 1. С. 12–28; № 2. С. 3–29; № 6. С. 3–23; № 8. С. 3–22; № 10. С. 3–27; № 12. С. 3–29; 1995: № 2. С. 3–26; № 3. С. 3–15; № 4. С. 3–18; № 5–6. С. 3–24; № 7. С. 3–25; № 8. С. 3–25; № 10. С. 3–28; № 11–12. С. 3–23.

Материалы пленума ЦК ВКП(б) (1944 г.) // Исторический архив. 1992. № 1. С. 61–65.

Последняя «отставка» Сталина (5 марта 1953 г.) // Источник. 1994. № 1. С. 106–111.

Дело Берия: Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 139–214; 1991. № 2. С. 141–208.

Лаврентий Берия. 1953 г. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов и Ю. Сигачев. – М., 1999.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957 г. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. Н. Ковалева и др. – М., 1998.

Материалы декабрьского (1957 г.) Пленума Центрального комитета КПСС. – М., 1957.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. – М., 1958.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. – М., 1959.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 22–25 декабря 1959 г. Стенографический отчет. – М., 1960.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 13–16 июня 1960 г. Стенографический отчет. – М., 1960.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 10–18 января 1961 г. Стенографический отчет. – М., 1961.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 5–9 марта 1962 г. Стенографический отчет. – М., 1962.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. – М., 1963.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 18–21 июня 1963 г. Стенографический отчет. – М., 1964.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 9–13 декабря 1963 г. Стенографический отчет. – М., 1964.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 10–15 февраля 1964 г. Стенографический отчет. – М., 1964.

Как снимали Н. С. Хрущева: Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив. 1993. № 1. С. 3–19.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза, 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. – М., 1965.

Материалы майского (1966 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. – М., 1966.

Материалы июльского (1968 г.) Пленума Центрального Комитета КПСС. – М., 1968.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июня 1980 г. – М., 1980.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 24 мая 1982 г. – Кишинев, 1982.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 12 ноября 1982 г. – М., 1982.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 22 ноября 1982 г. – М., 1982.

Материалы Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. М., 1983.

Пленум Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. Стенографический отчет. – М., 1983.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 26–27 декабря 1983 г. – М., 1983.

Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 г. – М., 1984.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. – М., 1984.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 октября 1984 г. – М., 1984.

Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. – М., 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. – М., 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. – М., 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. – М., 1986.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27–28 января 1987 г. – М., 1987.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. – М., 1987.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 17–18 февраля 1988 г. – М., 1988.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. – М., 1988.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. – М., 1989.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15–16 марта 1989 г. – М., 1989.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 28 апреля 1989 г. – М., 1989.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. – М., 1989.

Пленум ЦК КПСС – октябрь 1989 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209–287.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9 декабря 1989 г. – М., 1989.

Пленум ЦК КПСС – 9 декабря 1989 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 25–112.

Внеочередной Пленум ЦК КПСС – 25–6 декабря 1989 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 40–141.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5–7 февраля 1990 г. – М., 1990.

Пленум ЦК КПСС – 5–7 февраля 1990 г. Стенографический отчет. Утреннее заседание 7 февраля 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990 № 3. С. 41–88.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. – М., 1990.

Пленум ЦК КПСС – 11, 14, 16 марта 1990 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 32–59.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 8–9 октября 1990 г. – М. 1990.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10–11 декабря 1990 г. – М., 1990.

Материалы объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 13 января 1991 г. – М., 1991.

Материалы объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 24–25 апреля 1991 г. – М., 1991.

Список лиц, давших интервью в рамках Проекта по изучению советской элиты (SEP)

Акулинчев В. К., первый секретарь Карагандинского обкома КПСС (1968–1979), член ЦК КПСС (1971–1981).

Алешин Г. В., первый секретарь Новосибирского горкома КПСС (1979–1985) и второй секретарь ЦК компартии Эстонии с 1985 г.; канд. в члены ЦК КПСС (1986–1990).

Амелько Н. Н., заместитель начальника Генштаба вооруженных сил по ВМФ (1969–1986), депутат Верховного Совета СССР 7-го и 8-го созывов, канд. в члены ЦК КПСС (1966–1971).

Антонов А. К., министр электротехнической промышленности СССР (1965–1980) и заместитель председателя Совмина СССР (1980–1988), канд. в члены ЦК КПСС (1961–1971), член ЦК КПСС (1971–1989).

Антонов С. А., рабочий-металлист, член ЦК КПСС (1966–1971).

Байбаков Н. К., председатель Госплана СССР (1965–1986), член ЦК КПСС (1952–1961; 1966–1989).

Бакланов О. Д., министр общего машиностроения СССР (1983–1988) и секретарь ЦК КПСС по оборонным вопросам (1988–1991), член ЦК КПСС (1986–1991).

Башилов С. В., министр строительства СССР в районах Дальнего Востока и Забайкалья (1979–1983), Председатель Госстроя СССР, министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (1983–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1986), член ЦК КПСС (1986–1989).

Баталин Ю. П., Председатель Госкомтруда СССР (1983–1985), заместитель Председателя Совмина СССР и, одновременно, Председатель Госстроя СССР (1986–1989), член ЦК КПСС (1986–1990).

Беляк К. Н., министр машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР (1973–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1976–1981), член ЦК КПСС (1981–1986).

Беляков О. С., зав. отделом оборонной промышленности ЦК КПСС (с 1985 г.), член ЦК КПСС (1986–1990).

Белоусов И. С., министр судостроительной промышленности СССР (1984–1988) и заместитель Председателя Совмина СССР (с 1988 г.), член ЦК КПСС (1986–1990).

Бодюл И. И., первый секретарь ЦК компартии Молдавии (1961–1980), заместитель Председателя Совмина СССР (1980–1985), член ЦК КПСС (1980–1985).

Бородин Л. А., первый секретарь Астраханского обкома КПСС (1967–1988), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1979), член ЦК КПСС (1979–1989).

Братченко Б. Е., министр угольной промышленности СССР (1965–1985), член ЦК КПСС (1966–1971), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1986).

Бусыгин М. И, министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР (1982–1988) и министр лесной промышленности СССР (1988–1989), канд. в члены ЦК КПСС (1986–1990).

Власов А. В., первый секретарь обкома КПСС Чечено-Ингушской АССР (1975–1984), первый секретарь Ростовского обкома КПСС (1984–1986), министр внутренних дел СССР (1986–1988), председателем Совмина РСФСР (1988–1990), зав. отделом социально-экономической политики ЦК КПСС (1990–1991), канд. в члены КПСС (1976–1981), член ЦК КПСС (1981–1990).

Володин Б. М., председатель Ростовского облисполкома (1984–1986), член ЦК КПСС (1986–1989).

Воронов Г. И., первый секретарь Читинского обкома КПСС (1948–1955), зам. министра сельского хозяйства СССР (1955–1957), первый секретарь Оренбургского обкома КПСС (1957–1961), Председатель Совмина РСФСР (1962–1971), Председателем Комитета народного контроля СССР (1971–1973), член ЦК КПСС (1952–1976).

Воротников В. И. Первый секретарь Воронежского обкома КПСС (1971–1975), первый зам. Председателя Совмина РСФСР (1975–1979), посол на Кубе (1979–1982), первый секретарь Краснодарского Крайкома КПСС (1982–1983), Председатель Совмина РСФСР (1983–1988), член ЦК КПСС (1971–1989).

Всеволжский М. Н., первый секретарь Запорожского обкома КПСС (1966–1981), канд. в члены КПСС (1966–1976), член ЦК КПСС (1976–1986).

Галаншин К. И. первый секретарь Пермского обкома КПСС (1960–1968) и министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР (1968–1980), член КПСС (1961–1981).

Глушков Н. Т., председатель Госкомитета СССР по ценам (1975–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1986–1990).

Глушкова Е., жена Н. Т. Глушкова.

Голдин Н. В., министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (1967–1986), член ЦК КПСС (1971–1986).

Горчаков П. А., начальника политуправления Ракетных войск стратегического назначения (1970–1984), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1986).

Гусев В. К., первый секретарь Саратовского обкома КПСС (1976–1985) и первый заместитель Председателя Совмина РСФСР (1985–1990), член ЦК КПСС (1981–1990).

Гуженко Т. Б., министр флота СССР (1970–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1976–1989).

Демичев П. Н. Министр культуры СССР (1974–1986), член ЦК КПСС (1961–1989).

Динков В. А. Министр газовой промышленности СССР (1981–1985) и министр нефтяной промышленности СССР (1985–1989), член ЦК КПСС (1986–1990).

Добрик В. Ф., первый секретарь Ивано-Франковского обкома (1969–1973) и Львовского обкома компартии Украины (1973–1987), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1989).

Долгих В. И., секретарь ЦК КПСС (1972–1988), член ЦК КПСС (1971–1989).

Дымшиц В. Е., председатель Государственного комитета Совмина СССР по материально-техническому снабжению (1965–1976), член ЦК КПСС (1961–1981).

Егорычев Н. Г., первый секретарь Московского горкома КПСС (1962–1967), член ЦК КПСС (1961–1971).

Ежевский А. А., министр сельскохозяйственного и тракторного машиностроения (1980–1988), канд. в члены ЦК КПСС (1966–1971), член ЦК КПСС (1971–1989).

Журин Н. И., первый секретарь Акмолинского обкома КПСС (1951–1958), первый секретарь Североказахстанского обкома КПСС (1958–1964) и первый секретарь Актюбинского обкома КПСС (1964–1972), канд. в члены КПСС (1956–1961; 1966–1976).

Зимянин М. В., посол в Северном Вьетнаме (1956–1957) и в Чехословакии (1960–1965), главный редактор газеты «Правда» (1965–1976), секретарь ЦК КПСС (1967–1987), член ЦК КПСС (1952–1956; 1966–1990).

Калашников В. И., первый секретарь Волгоградского обкома КПСС (1984–1990), член ЦК КПСС (1986–1990).

Капитонов И. В., первый секретарь МГК КПСС (1952–1954) и МК КПСС (1954–1959), первый секретарь Ивановского обкома КПСС (1959–1964), заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС (1964–1965) и секретарь ЦК КПСС (1965–1983), член ЦК КПСС (1965–1986).

Капто А. С., секретарь ЦК компартии Украины до 1986 г., посол СССР на Кубе (1986–1988) и заведующий Идеологическим отделом ЦК КПСС (с 1988 г.), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1986), член КПСС (1986–1989).

Караваев Г. А., министр строительства СССР (1967–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1976), член ЦК КПСС (1976–1986).

Казанец И. П., министр черной металлургии СССР (1965–1985), канд. в члены ЦК КПСС (1956–1961), член ЦК КПСС (1961–1986).

Клюев В. Г., первый секретарь Ивановского обкома КПСС (1972–1978) и министр легкой промышленности СССР (1985–1989), член ЦК КПСС (1976–1989).

Колмогоров Г. Д., председатель Госстандарта СССР с 1984 г., канд. в члены ЦК КПСС (1986–1990).

Коломиец Ф. С., председатель Краснодарского крайисполкома (1960–1962) и первый секретарь Западноказахстанского крайкома партии с 1962 г., канд. в члены ЦК КПСС (1961–1966).

Колпаков С. В., заместитель, затем первый заместитель министра черной металлургии СССР (1978–1985) и министр черной металлургии СССР (1985–1989), член ЦК КПСС (1986–1989).

Комаров Н. Д., первый заместитель министра внешней торговли СССР (1980–1987), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1989).

Конотоп В. И., первый секретарь Московского обкома КПСС (1964–1985), канд. в члены ЦК КПСС (1961–1966), член ЦК КПСС (1966–1981).

Косолапов Р. И., главный редактор журнала «Коммунист» (1976–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1976–1981), член ЦК КПСС (1981–1986).

Козлов Н. Т., Председатель Московского облисполкома (1963–1980) и министр плодоовощного хозяйства СССР (1980–1985), канд. в члены ЦК КПСС (1966–1971), член ЦК КПСС (1971–1986).

Козловский Е. А., министр геологии СССР с 1975 г., канд. в члены ЦК КПСС (1976–1990).

Листов В. В., министра химической промышленности СССР (1980–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1989).

Логунов А. А., ректор МГУ (1977–1991), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1986), член ЦК КПСС (1986–1990).

Лощенков Ф. И., первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1961–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1961–1976), член ЦК КПСС (1976–1989).

Макеев В. Н., зам. председателя Совмина СССР (1980–1983), член ЦК КПСС (1976–1986).

Мальков Н. И., первый секретарь Магаданского обкома КПСС (1978–1986) и первый секретарь Читинского обкома КПСС (1986–1990), канд. в члены ЦК КПСС (1981–1986), член ЦК КПСС (1986–1991).

Масленников Н. И., первый секретарь Горьковского обкома КПСС (1968–1974) и Председатель Госплана РСФСР (1974–1989), член ЦК КПСС (1971–1990).

Мацкевич В. В., министр сельского хозяйства СССР (1965–1973) и посол в Чехословакии (1973–1980), член ЦК КПСС (1956–1961; 1966–1981).

Медведев В. А., секретарь ЦК КПСС (1986–1988), член ЦК КПСС (1986–1989).

Новиков В. Н., Председатель Госплана СССР (1960–1966), член ЦК КПСС (1961–1981).

Нуриев З. Н., первый секретарь Башкирского обкома КПСС (1957–1969), министр заготовок СССР (1969–1973) и зам. председателя Совмина СССР (1973–1985), член ЦК КПСС (1961–1981).

Оников Л. А., сотрудник отдела пропаганды ЦК КПСС.

Первышин Э. К., министр связи СССР (1974–1991), канд. в члены ЦК КПСС (1976–1986), член ЦК КПСС (1986–1990).

Петровичев Н. А., первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС (1968–1983), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1981), член ЦК КПСС (1981–1986).

Поляков В. Н., министр автомобильной промышленности СССР (1976–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1976–1981), член ЦК КПСС (1981–1989).

Полянский Д. С., первый секретарь Крымского обкома КПСС и Оренбургского обкома КПСС (1955–1957), первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС (1957–1958), председатель Совмина РСФСР (1958–1962), зам. председателя и первый зам. председателя Совмина СССР (1962–1973), министр сельского хозяйства СССР (1973–1976), посол в Японии (1976–1982) и Норвегии (1982–1987), член ЦК КПСС (1956–1981).

Полозков И. К., первый секретарь Краснодарского обкома КПСС (1985–1990) первый секретарь ЦК Компартии РСФСР (1900–1991), член ЦК КПСС (1986–1991).

Пономарев В. К., зав. международным отделом ЦК КПСС (1955–1961) и секретарь ЦК КПСС (1961–1986), канд. в члены ЦК КПСС (1952–1956), член ЦК КПСС (1956–1989).

Попов Б. В., первый секретарь Архангельского обкома КПСС (1971–1981), канд. в члены ЦК КПСС (1971–1976), член ЦК КПСС (1981–1986).

Попов Ф. В., министр жилищно-коммунального хозяйства РСФСР (1983–1985) и первый секретарь Алтайского крайкома КПСС (1985–1990), член ЦК КПСС (1986–1989).

Промыслов В. Ф., председатель Московского горисполкома (1966–1986), член ЦК КПСС (1966–1986).

Пугин Н. А., министр автомобильной промышленности СССР (1986–1988), министр автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения СССР (1988–1991), член ЦК КПСС (1986–1990).

Рябов Я. П., первый секретарь Свердловского обкома КПСС (1971–1976), секретарь ЦК КПСС (1976–1979), первый зам. председателя Госплана СССР (1979–1983), Председатель Госкомитета СССР по внешним экономическим связям (1983–1984), зам. председателя Совмина СССР (1984–1986), посол во Франции (1986–1990), член ЦК КПСС (1971–1989).

Рябова Т. Л., жена Я. П. Рябова.

Рубен В. П., председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР с 1974 г., канд. в члены ЦК КПСС (1966–1976), член ЦК КПСС (1976–1986).

Семичастный В. Е., Председатель КГБ (1961–1967) и заместитель Председателя Совмина Украины (1967–1981), канд. в члены КПСС (1956–1964), член ЦК КПСС (1964–1971).

Соломенцев М. С., председатель Совмина РСФСР (1971–1983) и председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1983–1988), член ЦК КПСС (1961–1989).

Стукалин В. И., председатель Комитета по печати при Совмине СССР (1970–1972) и Государственного комитет СССР по делам издательств, полигра-

фии и книжной торговли (1972–1982), заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС (1981–1985) и посол в Венгрии с 1985 г., член ЦК КПСС (1976–1989).

Сысцов А. С. Министр авиационной промышленности СССР (1985–1991), член ЦК КПСС (1986–1989).

Тевосян В. И., сын И. Ф. Тевосяна.

Третьяков П. И., первый секретарь Сахалинского обкома КПСС (1978–1988), канд. в члены КПСС (1981–1986), член ЦК КПСС (1986–1989).

Хрущев Н. С., внук Н. С. Хрущева.

Чёрный А. К., первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС (1970–1988), член ЦК КПСС (1971–1989).

Шамшин В. А., министр связи СССР (1980–1989), канд. в члены КПСС (1981–1986), член ЦК КПСС (1986–1990).

Шапиро Л. Б., первый секретарь обкома Еврейской АО (1970–1987), канд. в члены КПСС (1981–1989).

Шелест П. Е., первый секретарь ЦК Компартии Украины (1963–1972) и заместитель председателя Совмина СССР (1972–1973), член ЦК КПСС (1961–1976).

Шитов А. И., второй секретарь ЦК компартии Таджикистана (1970–1975) и заместитель председателя комитета народного контроля СССР (с 1975 г.), канд. в члены КПСС (1971–1990).

Основные источники для биографического материала

Большой энциклопедический словарь: В 2 т. – М., 1991.

Большая советская энциклопедия, 1-е изд.: В 66 т. – М., 1929–1947.

_____ 2-е изд.: В 51 т. – М., 1950–1958.

_____ 3-е изд.: В 30 т. – М., 1969–1978.

Великая Отечественная война: Энциклопедия. – М., 1985.

Возвращенные имена: Сборник публицистических статей. В 2 т. – М., 1989.

Герой Октября: Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. – М., 1967.

Герой Октября: Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде: В 2 т. – Л., 1967.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983.

Власть. Правительство России. Сборник авторизованных биографий / сост. В. Н. Лысенко и др. – М., 1997.

229 кремлевских вождей: Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК Коммунистической партии в лицах и фактах / под ред. А. Д. Чернева. – М., 1996.

Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. – М., 1989. (Первоначально опубликована как Энциклопедия

«Гранат» и содержит 41 том. Использованное нами издание включает дополнительные материалы.)

Депутаты Верховного Совета. – М. (разные годы выпуска). (Подобный справочник впервые вышел в свет в 1958 г.; последующие издания публиковались в 1962, 1966, 1970, 1974, 1979 и 1984 гг.)

Ежегодник Большой советской энциклопедии. – М. (разные годы выпуска). (Обновленные биографические справки о членах ЦК включены в издания 1962, 1966, 1972, 1977, 1981 и 1987 г.)

Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения, ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г., 2-е изд. – М., 1994.

Краткие биографии членов Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 27–61; 1990. № 11. С. 31–62; 1990. № 12. С. 27–56.

Кто и когда возглавлял правительством Советской Украины // Коммунист Украины. 1990. № 5. С. 61–71.

Кто и когда возглавлял высшие органы власти Украинской ССР // Коммунист Украины. 1989 № 8. С. 74–79.

Луначарский А. Революционные силуэты. – М., 1923.

Мельниченко В. Е., Кентин А. В., Шевчук И. Н. Назвать поименно // Коммунист Украины. 1989. № 5. С. 58–65. (Биографии 111 членов ЦК и Ревизионной комиссии, избранных на XIII съезде Компартии Украины в мае–июне 1937 г.)

Московская городская организация КПСС: 1917–1988. Цифры, документы, материалы / под ред. К. И. Букова и др. – М., 1989. (Включает полные биографии 27 первых секретарей МГК КПСС.)

О партийности лиц, проходивших по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 69–92.

О первых секретарях ЦК Комсомола // Молодой коммунист. 1989. № 9. С. 37–46.

О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 82–113. (Самые полные сведения были изданы в 1934 г. Небольшие дополнения внесены в текст: 1991. № 7. С. 141–143.)

От февраля к октябрю. (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции.) – М., 1957. (В основе работы – сведения из 350 анкет, заполненных в 1927 г. участниками революции. В книгу включены сведения о 72 революционерах.)

Первое советское правительство: октябрь 1917 – июль 1918 г. / под ред. А. П. Ненарокова. – М., 1991.

Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС: Справочник. – М., 1990.

Политбюро ЦК Компартий Украины – от первого до нынешнего состава // Коммунист Украины / под ред. И. Н. Шевчук. 1988. № 12. С. 51–61.

Реабилитирован посмертно / под ред. С. А. Панова. В 2 т. – М., 1988.

Руководители Советского правительства (1923–1991): Историко-биографическая справка // Источник. 1996. № 4. С. 152–92; № 5. С. 135–160.

Совет министров СССР: Справочник. – М., 1990.

Советский энциклопедический словарь. – М., 1986.

Советская историческая энциклопедия. В 16 т. – М., 1961–1976. (Особенно значимыми являются след. статьи: Коммунистическая партия Советского Союза. Т. 7. С. 703–711; Центральный Комитет [КПСС]. Т. 15. С. 742–743.)

Состав руководящих органов Центрального комитета партии – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариат ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 69–136. (Некоторые исправления и дополнения внесены в № 7. 1991. С. 141–143. В основном изменения коснулись статей о Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК.)

Состав Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 43–114; 1989. № 5. С. 45–53; 1989. № 6. С. 21–50.

Состав Центрального Комитета КПСС // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 28–51; 1990. № 11. С. 31–62; 1990. № 12. С. 27–56.

Состав центральных органов КПСС, избранных XXVI съездом партии: Справочник. – М., 1982. (Дополнительное издание вышло в 1984 г и хранится в РЦХИДНИ в Москве.)

Состав центральных органов КПСС, избранных XXVII съездом партии: Справочник. – М., 1986.

Украинская советская энциклопедия. В 12 т. – Киев, 1978–1985.

Хлевнюк О. В. и др. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. – М. 1995.

Юмашева Ю. Ю. Командовали фронтами // Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 21–26.

A Biographical Directory of 100 Leading Soviet Officials / ed. A. Rahr. – Boulder, 1990. (Существуют также четыре более ранних издания, некоторые из них исправлены и дополнены.)

A Directory of Heads and Dep. Heads of CPSU Central Committee Departments, 1952–1991 / comp. D. Wells, J. Miller. – Glasgow, 1993.

Helf G. A Biographic Directory of Soviet Regional Patty Leaders, 2 parts. – Munich, 1988.

Lebeo, H. E. Schulz. – Metuchen, 1969.

_____ et al. (eds.), Prominent Personalities in the USSR (Metuchen NJ: Scarecrow Press, 1968).

Levytsky B. The Soviet Political Elite. – Stanford, 1970.

_____ (comp.). The Stalinist Terror of the Thirties: Documentation from the Soviet Press. – Stanford., 1974.

_____ (ed.). Who's Who in the Soviet Union: A Biographical Encyclopedia of 5,000 Leading Personalities in the Soviet Union. – Munich, N. Y., 1984.

Makers of the Russian Revolution / ed. G. Haupt, J.-J. Marie. – London, 1974.

Party and Government Officials of the Soviet Union, 1917–1967 / ed. E. L. Chowley, A. I.

Soviet Government Officials, 1922–1941: A Handlist / ed. R. W. Davies et al. – Birmingham, 1989.

The Composition of the Leading Organs of the CPSU (1952–82): CPSU CC Politburo and Secretariat Members; CPSU CC Full and Candidate Members; CPSU Central Auditing Commission Members / ed. H. Kraus. – Munich, 1982. (Более раннее издание вышло там же в 1977 г. под названием «Состав руководящих органов КПСС (1952–1976 гг.)».

The Soviet Union: A Biographical Dictionary Brown / ed. A. Brown. – London, 1990.

_____ (ed.). The Soviet Diplomatic Corps 1917–67 (Metuchen NJ: Scarecrow Press, 1970).

The Tauris Political Directory: The Elite of the USSR Today / ed. A. Pravda. – London, 1989.

Who's Who in Russia and the Nets States / ed. L. Geron, A. Pravda. – London, 1993.

Who's Who in the USSR: 1965–66. 2nd edn. / ed. Lebed A. I. at al. – N. Y., 1966.

Who Was Who in the USSR / ed. H. E. Schulz, P. K. Urban, A. I. Lebed. – Metuchen, 1972.

Who Was Who in the Soviet Union: A Biographical Dictionary of More than 4,600 Leading Officials from the Central Apparatus and the Republics to 1991 / ed. U.-J. Schulz-Torge. – Munich, 1992.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абалкин Л. И. – 283, 284
Абельгузина Г. – 324
Абубакиров О. – 288
Авторханов А. – 232
Аджубей А. И. – 204, 220. 355
Алексеевский Е. Е. – 357
Аллилуева Н. С. – 96
Андреев А. А. – 36, 48, 52–55, 59, 78, 94–102, 117, 119, 120, 122, 130, 175–177, 180, 183, 212, 213, 220, 233, 355, 366, 379
Андропов Ю. В. – 211, 271–273, 278, 301, 366, 367, 384
Антонов С. А. – 264, 268, 278, 417
Апанасенко И. Р. – 145
Арбатов Г. А. – 264, 357, 358
Артюхина А. В. – 70, 119, 123
Арутюнов Г. А. – 147, 148, 195, 396
Афанасьев С. А. – 119, 282

Бабаев С. – 204
Багиров М. Д. – 82, 113, 116, 117, 147, 148, 180, 195
Баграмян И. Х. – 244
Бадаев А. Е. – 36, 117
Байбаков Н. К. – 175, 177–182, 184, 185, 212–216, 219, 220, 233, 234, 263, 282, 304, 369, 382–384, 417
Байрамкулова З. – 288
Баландин В. П. – 253
Балицкий В. А. – 78, 84, 111
Баранов П. И. – 83
Бауман К. И. – 74, 113
Баштанюк Г. С. – 244
Бейлес К. – 172, 173
Белов В. И. – 288
Березин А. И. – 315, 316
Берия Л. П. – 82, 90, 95, 96, 111, 116, 117, 120, 124, 139, 147, 148, 153, 176, 177, 182–184, 189, 192, 194, 195, 201, 211, 227, 228, 253, 365, 414
Беркман А. – 349
Биккенин Н. Б. – 288
Блюхер В. К. – 84, 110, 113, 114
Болдин В. И. – 282, 284, 316, 327, 328, 367
Боровой К. Н. – 401
Братченко Б. Ф. – 264, 265, 271, 418
Брежнев Л. И. – 9, 13, 14, 132, 150, 157, 178, 182–184, 197, 203, 213, 215, 217–219, 222, 224, 226, 230, 232–235, 239, 241–244, 247–250, 254, 255, 257. 258, 261–266, 268–272, 274, 277, 278, 290, 292–295, 299, 301, 303, 342, 343, 355–359, 362, 364–367, 369, 376, 378, 382–384, 386, 390
Брежнев Ю. Л. – 356
Брехов К. И. – 266
Брутенц К. Н. – 359
Бубнов А. С. – 38, 78, 83, 113
Буденный С. М. – 84, 88. 118, 124, 130, 143, 179
Бузгалин А. В. – 285, 324, 325, 361, 362
Булганин Н. А. – 114, 118, 124, 191, 194, 212, 228, 229, 365
Булин А. С. – 74, 84, 113
Бурдье П. – 394
Бурлацкий Ф. М. – 201, 211, 237
Бурмистренко М. А. – 145
Бутома Б. Е. – 357
Бухарин Н. И. – 21, 36, 51, 59, 63, 67–72, 85, 104, 108, 110, 114, 120, 130, 337, 338, 381

Вагрис Я. – 322
Ванников Б. Л. – 163
Варейкис И. М. – 82, 94, 97–102, 112, 120–123, 130, 131, 259, 338. 381
Варенцов С. С. – 204
Василевский А. М. – 365
Верховых В. М. – 71
Вознесенский Н. А. – 143, 175, 194, 195
Волкогонов Д. А. – 126
Воротников В. И. – 9, 281, 285, 311, 326, 330, 371, 418

Ворошилов К. Е. – 36, 71, 77, 83, 84, 95, 117, 130, 143, 177, 212, 213, 229, 334
Всеволжский М. Н. – 252–255. 258. 259. 263, 268, 296, 383, 384, 418

Гайдар Е. Т. – 405, 406
Гамарник И. Б. – 74, 77, 84, 110, 115
Гапуров М. Г. – 241
Гельман А. И. – 315
Гетти Й. А. – 20, 72, 123, 127
Гидаспов Б. В. – 326
Гилл Г. – 30, 58, 130
Говоров В. Л. – 355
Говоров Л. А. – 355
Гоглидзе С. А. – 147, 195
Голдин Н. В. – 266, 418
Голдман Э. – 349
Голубева В. Н. – 244
Голубева М. А. – 244
Горбачев М. С. – 6, 8–10, 13, 14, 18, 130, 132, 144, 157, 158, 203, 207, 213, 236, 238, 265, 268, 270, 272–277, 279–285, 288, 291, 292, 296, 298, 299, 302–304, 307–310, 312, 314, 315, 325–330, 335, 343, 357, 360, 361, 363, 364, 366–369, 374, 375, 378, 381, 384, 385, 388–390, 400, 402, 406, 407
Горчаков П. А. – 259–263, 269, 383, 384, 418
Грехэм Л. – 172
Гринько Г. Ф. – 71, 77, 88, 112, 114, 131
Гришин В. В. – 219, 265, 268, 272, 362, 366, 367, 369, 373
Громыко А. А. – 11, 191, 271, 282, 357, 366, 367, 373
Гувер Г. – 88

Даниелс Р. В. – 12, 25, 27, 33, 73, 86, 125, 128, 133, 167, 172, 173, 377
Данхэм В. – 168, 169
Дауленов С. Д. – 204
Дерибас Т. Д. – 84, 110, 112
Джилас М. – 6, 354, 378
Дзасохов А. С. – 359, 399
Дзержинский Ф. Э. – 28, 36, 37, 44, 59, 62, 69, 83, 179
Добрик В. Ф. – 259, 293–297. 303. 304. 383–385, 419
Добрынин А. Ф. – 248, 327, 367
Долгих В. И. – 282, 368. 419

Евдокимов Г. Е. – 35, 36, 70, 82, 85, 88, 107, 108, 115–117
Егоров А. И. – 84, 88, 114
Егорычев Н. Г. – 212, 214–217, 219–222, 233, 235, 265, 301, 328, 369, 383, 419
Ежов Н. И. – 74, 95, 112, 115–117, 130, 131, 163
Ельцин Б. Н. – 6, 177, 181, 274, 285, 308, 312, 330, 331, 364, 384, 393, 395, 398, 400, 407–409
Енукидзе А. С. – 75. 108, 350
Епишев А. А. – 261
Ефимов Н. И. – 288

Жданов А. А. – 74, 82, 117, 138, 144. 149, 165, 173, 175, 182, 187, 188, 366
Жемчужина П. С. – 96, 163, 354
Жуков Г. К. – 147, 182, 194, 196, 204, 211, 228, 232, 244
Журин Н. И. – 212, 214–216, 218–220, 233, 234, 263, 382, 383, 419

Залуцкий П. А. – 35, 36, 46, 67, 69, 107
Затулин К. Ф. – 401
Зеленский И. А. – 36, 40, 78, 112, 114
Землячка Р. С. – 163, 365
Зиновьев Г. А. – 22, 29, 36, 44, 51, 57, 60, 63, 69, 70, 85, 94, 97. 104, 107, 108. 116
Зирмер Я. – 86, 87, 92
Зорькин В. Д. – 363

Иванов В. И. – 82. 113, 114
Игнатьев С. П. – 144, 147, 192, 195
Икрамов А. И. – 83, 112, 11
Иноземцев Н. Н. – 268
Исаев У. Д. – 80, 88, 113, 114
Ишков А. А. – 357

Кабаков И. Д. – 83, 110
Каганович М. М. – 19, 71, 72, 74, 77, 82, 85, 90, 94, 95, 117, 124, 143, 163, 181, 183, 184, 202, 204, 221, 225, 227, 229, 230, 233, 234, 341, 354, 366, 414
Кадочников В. Д. – 324
Казаков Л. Д. – 244
Казанец И. П. – 419
Калашников В. В. – 308, 326, 419
Калиев З. – 288
Калинин М. И. – 36, 54, 59, 69–71, 75, 85, 95, 96, 117, 124, 176, 188

Калманович М. И. – 77, 111, 112
Каменев Л. Б. – 22, 29, 36, 57, 59, 63, 70, 85, 104, 107, 108, 116, 337, 350
Каминский Г. Н. – 78, 85, 86, 111
Кинан Э. – 31, 167, 168
Киров С. М. – 36, 46, 71, 74, 81, 82, 85, 94, 101, 107, 108, 115, 351
Кирпонос М. П. – 145
Кнорин В. Г. – 84, 111
Ковалев М. П. – 145
Козлов Ф. Р. – 217, 234
Коллонтай А. М. – 36, 37, 39, 40, 119, 123, 265, 270, 369
Конквест Р. – 123, 124, 127, 211, 214
Коржихина Т. П. – 17, 31, 32, 86, 161, 166, 167, 171, 172, 352, 364, 407, 409, 423
Косарев А. В. – 74, 87, 88, 114, 120, 130, 300
Косиор И. В. – 112, 115, 354
Косиор С. В. – 82, 90, 114, 121, 130, 354
Косыгин А. Н. – 194, 203, 213, 217, 257, 265, 365, 366. 369. 382, 384
Крестинский Н. Н. – 9, 25, 36, 48–52, 54, 55, 59, 94, 97, 101, 102, 114, 116, 119, 120, 122, 123, 183, 338, 355, 379, 381
Кржижановский Г. М. – 78, 117, 124
Крупская Н. К. – 78, 115, 130, 354
Кубяк Н. А. – 111, 112
Кузнецов А. А. – 143, 173, 174, 182, 194, 195
Куйбышев В. В. – 27, 36, 46, 77, 78, 96, 101, 108, 115, 129, 142, 181, 249, 301, 326
Куклин А. С. – 67, 107, 116
Кулидж К. – 88
Кулик Г. И. – 143
Кунаев Д. А. – 239–241, 265, 354–356, 366
Купцов В. А. – 359, 399
Кутузов И. И. – 26, 35, 36, 38, 39
Куусинен О. В. – 145, 151, 230

Лацис О. П. – 288
Левин М. – 45, 46, 87, 91, 132, 133, 167, 209, 236, 352, 377. 389
Леин В. П. – 266
Лейн Д. – 20, 32, 40–42
Ленин В. И. – 13, 21–23, 25, 26, 31, 33, 34, 36, 37, 44, 45, 47, 50–52, 54, 59, 62–64, 66, 67, 69, 73, 85, 86, 88, 89, 97, 100–104, 115, 128, 130, 133, 161, 180, 186, 200, 213, 254, 257, 259, 261, 262, 304, 309, 319. 333, 335, 337, 338, 350, 352, 354, 378, 380, 384, 390, 399
Лигачев Е. К. – 244, 268, 284, 302, 313, 325, 329, 400
Литвинов М. М. – 77, 117, 124, 130, 144
Логунов А. А. – 313, 420
Лозовский С. А. – 84, 88, 113, 115, 118, 124, 143, 195
Ломинадзе В. В. – 106, 131
Лукьянов А. И. – 367
Любавин П. М. – 145
Любченко П. П. – 71, 82, 88, 94, 97, 99–102, 112, 115, 120, 121, 122, 123, 129, 379, 381

Макаров И. Г. – 113, 118, 124
Макдональд Р. – 88
Маленков Г. М. – 95, 113, 147, 149, 158, 175, 176, 182, 183, 187, 189–194, 202, 204, 211, 214, 225, 227, 229, 230, 233, 234, 235, 237, 365, 366, 414
Мануильский Д. З. – 36, 37, 117, 124, 130, 338
Манякин С. И. – 400
Мари Ж.-Ж. – 47
Медведев Р. А. – 71, 72, 120, 122, 269, 284, 288, 324, 395, 402, 405
Медунов С. Ф. – 272
Межлаук В. И. – 78, 113, 114
Мельников А. Г. – 321, 322
Мехлис Л. З. – 74, 88, 90, 113, 118, 124, 148, 163, 191
Микоян А. И. – 26, 36, 59, 77, 85, 90, 94, 117, 192, 213, 226, 231, 351, 366
Михайлов М. Е. – 87, 88, 113

Назарбаев Н. А. – 298
Ненашев М. Ф. – 281, 313. 316, 356, 363, 423
Непорожний П. С. – 266
Николаева К. И. – 67, 70, 83, 117, 123, 130, 184, 163
Новиков В. Н. – 212, 214–220, 233–235, 263, 383, 384, 420
Носов И. П. – 82, 112, 180
Нуриев З. Н. – 255–260. 263, 268, 270, 383, 384, 420

Огарков Н. В. – 277, 283, 290
Орджоникидзе Г. К. – 36, 46, 69, 70, 77, 90, 94, 108, 115, 131, 134
Оруэлл Д. – 376, 377
Осинский В. В. – 36, 78, 111, 112

Павлов Д. Г. – 143, 145
Павловский И. Г. – 266
Пайпс Р. – 31, 32, 40, 44
Патоличев Н. С. – 19, 145, 174, 175, 177–184, 194, 198, 212, 213, 215, 219, 220, 233, 263, 382–384
Патон Б. Е. – 277, 290
Пахомов Н. И. – 78, 113, 114
Пельше А. И. – 244, 356
Первушин Э. К. – 229
Первышин М. Г. – 297–299, 303, 304, 383, 384, 420
Песков Ю. А. – 370, 371
Петровский Г. И. – 36, 80, 85, 111, 117, 124, 130
Пихоя Г. Р. – 142, 232
Подгорный Н. В. – 369
Поляков В. И. – 204
Полянский Д. С. – 373, 421
Попков П. С. – 143
Поскребышев А. С. – 74, 118, 124
Постышев П. П. – 81, 113, 114, 129–131
Прамнек Э. К. – 82, 113, 114
Преображенский Е. А. – 36, 60, 107
Прокофьев Ю. А. – 322
Псурцев Н. Д. – 299
Пуго Б. К. – 323
Пятаков Г. Л. – 36, 63, 69, 77, 85, 108
Пятницкий И. А. – 35, 36, 40, 84, 112

Радек К. Б. – 36, 37, 46, 60, 67, 116, 119
Разумовский Г. П. – 282, 284
Раковский Х. Г. – 36, 60, 62, 85, 114, 119, 323, 338, 353
Раскольников Ф. Ф. – 136, 137
Рахимбаев А. Р. – 35, 36, 38
Рашидов Ш. Р. – 241
Ривкин О. – 300
Ригби Т. Х. – 20, 34, 41, 42, 53, 124, 211, 229
Родионов М. И. – 143, 194, 195
Розенгольц А. П. – 77, 89, 112, 114
Рудаков А. П. – 204
Рудзутак Я. Е. – 36, 60, 61, 75, 77, 85, 90, 110
Руднев К. Н. – 357
Румянцев И. П. – 82, 11
Рустамова Х. – 244
Рухимович М. Л. – 78, 113, 114
Рыжков Н. И. – 88, 366–370, 399, 400
Рыков А. И. – 36, 51, 57, 60, 61, 63, 69–71, 75, 77, 85, 88, 108, 110, 114, 120, 130, 337
Рындин К. В. – 83, 113, 114
Рютин М. Н. – 103, 104, 106, 107, 129

Сабуров М. З. – 214, 229
Самсонов Ю. – 359
Сапронов Т. В. – 35, 36, 69
Сафаров Г. И. – 35, 36, 46, 107
Севастьянов Н. Ф. – 70
Седин И. К. – 182
Селезнев Г. Н. – 400
Семенова Г. В. – 288
Семичастный В. Е. – 220, 300, 421
Сенин И. С. – 342
Серебровский А. П. – 70, 112
Серебряков Л. П. – 36, 55, 60, 116
Силаев И. С. – 315
Симонов К. М. – 154, 161, 176
Синицын И. Ф. – 266
Славский Е. П. – 244, 248, 282, 357
Смирнов И. Н. – 36, 60, 69, 89, 107, 108, 116
Смородин П. И. – 113, 114, 300
Собчак А. А. – 355, 358
Сокольников Г. Я. – 36, 46, 48, 61, 71, 77, 89, 108, 116, 338
Соломенцев М. С. – 283, 365, 421
Сольц А. – 353
Стасова Е. Д. – 36, 39, 59, 119, 123
Стецкий А. И. – 74, 114
Струев А. И. – 266
Струппе П. И. – 111, 112
Сулимов Д. Е. – 36, 80, 111, 112
Суслов М. А. – 145, 183, 194, 226, 232, 257, 356, 382, 384
Сырцов С. И. – 106
Сяре К. Я. – 145

Такер Р. – 122, 125–127
Тарасов Н. Н. – 266
Тату М. – 211
Тевосян В. И. – 364–366, 422
Терешкова В. Н. – 247
Тихонов Н. А. – 88, 282, 367
Товстуха И. П. – 74, 108, 154
Толоконцев А. Ф. – 69
Томский М. П. – 36, 46, 60, 69–71, 84, 85, 108, 115, 154

Третьяков П. И. – 283, 422
Троцкий Л. Д. – 6, 22, 28, 31, 36, 37, 44, 46, 51, 55, 60, 61, 63, 66, 69, 70, 85–87, 89, 101, 103, 104, 106, 119, 123, 133, 160, 332, 350, 353, 354, 377, 379
Тухачевский М. Н. – 77, 84, 110, 121, 122

Уборевич И. П. – 84, 110
Угаров А. И. – 88, 113, 114
Ульянов М. А. – 284, 288, 312
Уншлихт И. С. – 83, 84, 111, 112
Урланис Б. – 13
Усманов Г. И. – 326
Устинов Д. Ф. – 217, 230, 235, 365–367
Усубалиев Т. А. – 241
Уханов К. В. – 77, 110

Фигатнер Ю. Ю. – 31, 32, 86, 161, 166, 167, 171, 172, 352
Фицпатрик Ш. – 45, 126, 127, 133, 134, 170–173
Фурцева Е. А. – 163, 174, 235, 247

Хаген М. – 45, 87, 377
Хазан Д. – 53, 54, 96, 176
Хантер Х. – 86, 87, 91
Харитонов М. М. – 67, 69, 119
Хау Д. – 33, 86
Хеймсон Л. – 33, 42
Хейтер У. – 5, 16
Ходорковский М. Б. – 401, 405
Хопт Д. – 47
Хрущев Н. С. – 7, 9, 10, 13, 18, 19, 82, 105, 111, 113, 115, 117, 120, 129, 130, 136, 142, 144, 147, 156, 157, 176–178, 182–186, 188, 189, 191–194, 198, 200–207, 210–214, 217–240, 242–244, 250, 258, 262, 263, 265, 268, 269, 277, 278, 290, 294, 304, 305, 309, 314, 341, 343, 355–357, 364–367, 369, 374, 378, 382–384, 386, 388–390, 415, 422

Цвигун С. К. – 256
Цетлин Е. – 300

Чазов Е. И. – 278
Чаковский А. Б. – 9, 329, 330
Чаплин Н. П. – 88, 300
Чейз У. – 20, 123, 127
Черненко К. У. – 272, 356, 366, 367
Чернов М. А. – 113, 114
Чичерин Г. В. – 28, 51, 83, 88, 375
Чувырин М. Е. – 115, 118, 124
Чудов М. С. – 82, 111, 112
Чуйков В. И. – 191
Чурбанов Ю. М. – 356, 359, 366, 369

Шаталин Н. Н. – 148, 190, 196
Шаталин С. С. – 315
Шахназаров Г. Х. – 6, 9, 330, 357
Шахурин А. И. – 180, 194
Шацкин Л. А. – 300
Шварц И. И. – 118, 124
Шверник Н. М. – 117, 130, 187, 213
Шеварднадзе Э. А. – 239, 271, 303, 315, 316
Шелест П. Е. – 270, 293
Шенин О. С. – 311
Шолохов М. А. – 249

Щелоков Н. А. – 272
Щербицкий В. В. – 241, 294, 296, 297, 366, 371

Эйхе Р. И. – 83, 114, 115, 118, 124
Элвуд К. – 32, 33, 42
Элиава Ш. З. – 77, 110

Явлинский Г. А. – 406
Ягода Г. Г. – 78, 84, 110, 114, 116
Ягодкин Г. А. – 356
Язов Д. Т. – 285
Якир И. Е. – 84, 110, 121, 130, 131
Яковлев А. Н. – 225, 303, 328, 329
Яковлева В. Н. – 36, 39

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

1. Революционеры у власти, 1917–1923 гг. 21
Революционная элита 22
Старые большевики 48
Центральный Комитет у власти 56

2. Старые большевики, строительство социализма и Большой террор, 1923–1937 гг. 63
Советская элита: от Ленина до Сталина 64
Первые соратники Сталина 94
Самоуничтожение ЦК 103

3. Новая сталинская элита, 1939–1956 гг. 138
Новая элита: набор 1938 г. 140
Сталинцы 175
Центральный Комитет – путь самоуничтожения 186

4. Сталинское поколение. Ленинский курс, 1956–1966 гг. 200
Элита хрущевской эпохи 202
Старое и новое 212
Серебряный век Центрального Комитета 222

5. Консолидация элиты, 1966–1985 гг. 239
Элита. Период стабильности 242
Люди брежневской эпохи 252
Центральный Комитет периода развитого социализма 264

6. Проблемный период. Кризис, 1985–1991 гг. 274
Смена элит 276
Горбачевская элита 292
Центральный Комитет и перестройка 304
Последние дни Центрального Комитета 314

7. Элита и общество 332
Была ли элита репрезентативной? 334
Была ли элита привилегированной? 349

8. Эволюция элиты 374
Элита в истории 376
Элита бессмертна? 390

Библиография 411

Указатель имен 426

Научное издание

История сталинизма

Модсли Эван, **Уайт** Стивен

СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА ОТ ЛЕНИНА ДО ГОРБАЧЕВА
Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг.

Перевод с английского Александра Леонидовича Раскина

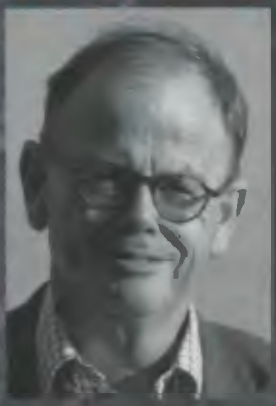
Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редакторы *М. И. Лейко, А. В. Воеводский*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *Н. А. Ищик*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 01.09.2011
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 27. Тираж 1500 экз. Заказ № 2210

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Советская элита от Ленина до Горбачева



Эван Модсли —
историк, основными темами работ которого являются история России XX в. и Вторая мировая война. Преподавая в Университете Глазго в Шотландии, он в то же время писал о революции в России и Гражданской войне, о сталинской эпохе в России, а также политической элите советского времени. В последнее время его интересы распространились на период Второй мировой войны, что отразилось в книгах Thunder in the East: The Nazi-Soviet War (2005) и World War II: A New History (2009). Его новое исследование о переломных событиях мировой истории, произошедших в декабре 1941 г., будет опубликовано в 2011 г.

Стивен Уайт —
Джеймс Брайс профессор политологии Университета Глазго, также занимает пост приглашенного профессора в Болонском Центре Джонса Хопкинса в Италии и в Институте прикладной политики в Москве. Выпускник Тринити Кояледжа Дублина, он продолжил свое образование в Глазго и Оксфорде и год проучился по обмену в Московском государственном университете. Избран членом Британской Академии в 2010 г. Является главным редактором или соиздателем Journal of Communist Studies and Transition Politics и Journal of Eurasian Studies. Опубликовал более 40 книг, последняя из которых — Understanding Russian Politics (2011).